

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИТЕБСК 2018

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Смоленский государственный университет
Белорусский республиканский фонд
фундаментальных исследований
Ономастическая комиссия Международного комитета славистов

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных статей

Под научной редакцией А.М. Мезенко

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2018*

УДК 81'373.2(045)
ББК 81.031.4я43
Р32

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 21.12.2017 г.

Составители: **А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеев, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверина**

Научный редактор:
заведующий кафедрой общего и русского языкознания
ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук,
профессор *А.М. Мезенко*

Рецензент:
доцент кафедры белорусской филологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,
кандидат филологических наук, доцент *Н.Р. Якубук*

Р32 Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеев, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверина ; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 328 с.

ISBN 978-985-517-652-8.

В сборнике научных статей, составленном по материалам международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», рассматривается широкий спектр вопросов по проблемам региональной ономастики.

Для научных сотрудников, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется проблемами ономастики.

УДК 81'373.2(045)
ББК 81.031.4я43

ISBN 978-985-517-652-8

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конференция является плановой и проводится в рамках сотрудничества со Смоленским государственным университетом (Соглашение от 23.01.2015 № 1/МС/2015, в соответствии с которым данная конференция организуется поочередно в Смоленске и Витебске): в марте 2015 г. и апреле 2017 г. она состоялась на базе Смоленского государственного университета, в феврале 2016 г. местом встречи ученых-ономастов стал Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. По результатам проведения каждой конференции опубликованы сборники материалов, включенные в систему РИНЦ.

В нынешней конференции, проводимой кафедрой общего и русского языкознания нашего университета, принимают участие около 100 ученых-филологов из стран Ближнего и Дальнего зарубежья (России, Польши, Украины, Франции, Канады, Китая, США и др.), а также ученых Национальной академии наук Беларуси и всех ведущих учебных заведений нашей страны. Это позволит тесно сотрудничать как ономастам двух научных школ – смоленской и витебской, – так и ученым, представляющим другие страны. В рамках совместной работы белорусских и российских коллег уже издана коллективная монография «Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (2014 г.), в которой освещен целый комплекс разноаспектных актуальных проблем ономастики.

Актуальность работы конференции обусловлена отсутствием в белорусистике и русистике комплексных ономастических и лингвокультурологических исследований онимов различных регионов. Национальные ономастиконы сохраняют в своей памяти широкие сведения об особенностях организации, экономического развития, культуры, этнографии обществ, для обслуживания которых они образовались. Всесторонний анализ взаимодействия двух языков и культур позволит получить важные экспериментальные данные о роли белорусского и русского этносов в создании языковых и культурных ценностей изучаемых регионов. Это станет важным вкладом в развитие центральных вопросов теории ономастической компаративистики. Изучение ономастиконов всегда является социально ориентированным и учитывает весь набор экстралингвистических параметров.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ОНОМАСТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.С. Васілеўская, М.А. Вагулька

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

e-mail: alena08@tut.by

УДК 81'373.21

ДА ПРАБЛЕМЫ ФАРМІРАВАННЯ ТАПАНІМІЧНАЙ КАМПЕТЭНЦЫ ШКОЛЬНІКАЎ НА I СТУПЕНІ АГУЛЬНАЙ СЯРЭДНЯЙ АДУКАЦЫІ

Ключевые слова: *топонимическая компетенция, топоним, младшие школьники, структура топонимической компетенции.*

В статье впервые описана сущность и структура топонимической компетенции, обоснована необходимость ее формирования у младших школьников.

A.S. Vasileuskaya, M.A. Vagulka

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

TO THE PROBLEM OF FORMATION OF TOPONYMIC COMPETENCE OF SCHOOLCHILDREN AT THE FIRST STAGE OF GENERAL SECONDARY EDUCATION

Key words: *toponymic competence, toponym, junior pupils, the structure of toponymic competence.*

In the article for the first time describes the nature and structure of toponymic competences, the necessity of its formation in junior pupils.

Задача сучаснай школы – выхаваць асобу, гатовую да жыцця і дзейнасці ў высокатэхналагічным свеце. Школьнае навучанне павінна быць пабудавана так, каб выпускнікі змаглі самастойна ставіць перад сабой мэты, быць гатовымі да вырашэння разнастайных праблем, да самаадукацыі, да выкарыстання атрыманых у школе ведаў на практыцы. Таму адна з найбольш актуальных праблем, якая патрабуе неадкладнага вырашэння, – гэта распрацоўка сістэмы ключавых адукацыйных кампетэнцый, што павінны быць сфарміраваны на ўсіх ступенях атрымання агульнай сярэдняй адукацыі.

На наш погляд, у сучасным грамадстве недастаткова пашыраны веды і сфарміраваны ўменні ўжываць у маўленчай практыцы ўласныя імёны, на што неаднаразова звярталі ўвагу вучоныя [3; 4]. Асабліва выразна гэта праяўляецца пры транслітарацыі асабовых імёнаў, ужыванні запазычаных онімаў. Узнікаюць праблемы і пры выкарыстанні ў маўленчай практыцы тапанімічных назваў. Таму мы лічым, што ў школе значная ўвага павінна надавацца фарміраванню анамастычнай кампетэнцыі. Намі ўжо адзначалася неабходнасць фарміравання на I ступені агульнай сярэдняй

адукцыі антрапанімічнай кампетэнцыі як састаўной часткі кампетэнцыі анамастычнай [2]. Другой важнай часткай гэтай міжпрадметнай кампетэнцыі выступае тапанімічная кампетэнцыя.

Тапаніміка – раздзел анамастыкі, які вывучае найменні геаграфічных аб’ектаў. Ён цесна звязаны з іншымі навукамі, бо тапанімічныя назвы могуць быць аб’ектам вывучэння і гісторыі, і геаграфіі, і літаратуры [6]. Таму вывучэнне тапанімічнай лексікі патрабуе добрага ведання не толькі прыёмаў лінгвістычнага аналізу слова, але і дастаткова глыбокіх ведаў па гісторыі свайго і суседніх народаў, асабліва роднасных (рускага, украінскага, польскага), дасведчанасці ў праблемах мастацкай літаратуры, грунтоўных уяўленняў пра бытаванне і пашырэнне тапанімічных найменняў у прасторы і часе.

Мы паспрабавалі апісаць структуру гэтай кампетэнцыі:

- **назва кампетэнцыі:** тапанімічная;

- **тып кампетэнцыі ў агульнай іерархіі:** тапанімічную кампетэнцыю можна аднесці да агульнапрадметных, якія маюць канкрэтнае апісанне і магчымасць фарміравання ў межах некалькіх вучэбных прадметаў. Тапонімы традыцыйна разглядаюцца як частка лексічнай сістэмы пэўнай мовы, таму фарміраванне тапанімічнай кампетэнцыі адбываецца ў першую чаргу на ўроках мовы і чытання. Але не трэба забываць, што тапанімічныя назвы ўключаюць у сваё значэнне этнаграфічную, геаграфічную, гістарычную, культуралагічную і сацыяльную інфармацыю, таму фарміраванне кампетэнцыі можа адбывацца і на ўроках па прадмеце “Чалавек і свет” (асабліва пры вывучэнні змястоўнай часткі “Мая Радзіма – Беларусь”);

- **кола рэальных аб’ектаў, па адносінах да якіх уводзіцца кампетэнцыя,** складаюць тапонімы – уласныя назвы розных геаграфічных аб’ектаў. У пачатковай школе асноўная ўвага скіроўваецца на засваенне некаторых тыпаў уласных назваў: *гідронімы* – назвы рэк і азёраў, *айконімы* – назвы паселішчаў, *урбанонімы* – назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў (вуліц, паркаў, сквераў, кінатэатраў);

- **сацыяльна-практычная абумоўленасць і значымасць кампетэнцыі:** фарміраванне тапанімічнай кампетэнцыі дазволіць стварыць уяўленне пра сістэму ўласных тапанімічных назваў Беларусі; будзе спрыяць выхаванню маладога пакалення: у тапанімічных назвах захоўваюцца ўказанні на заняткі людзей у мінулым, гісторыю паселішчаў, раслінны і жывёльны свет краю, таму іх вывучэнне дапамагае зразумець лад жыцця нашых продкаў і геаграфічнае асяроддзе, у якім яны жылі, дазволіць больш глыбока зразумець характар чалавека; паспрыяе далучэнню да агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцей; будзе развіваць мысленне і ўяўленне вучняў, развіваць іх моўнае чуццё;

- **сэнсавыя арыентацыі вучня ў адносінах да дадзеных аб’ектаў:** фарміраванне тапанімічнай кампетэнцыі дазволіць школьнікам без цяжкасцей арыентавацца ў навакольным асяроддзі, ведаць пра асаблівасці тапанімічных назваў паспрыяюць больш свабоднаму і ўпэўненаму адучуванню сябе за мяжой, дазваляць больш хутка арыентавацца ў прасторы.

Для таго, каб акрэсліць веды, уменні і навыкі, што складаюць сутнасць тапанімічнай кампетэнцыі, мы прааналізавалі падручнікі па прадметах, якія вывучаюцца ў пачатковай школе, а таксама звярнуліся да бацькоў вучняў пачатковых класаў ДУА “Сярэдняя школа № 7 г. Магілёва” і настаўнікаў пачатковых класаў гэтай установы адукацыі. Большасць апытаных выказалася за тое, што дзеці павінны ведаць і ўмець правільна пісаць тыя назвы, што найбольш часта ўжываюцца ў маўленні (назвы гарадоў, рэк, вуліц). Разышліся меркаванні пра тое, ці трэба расказваць вучням пачатковых класаў пра гісторыю паходжання назваў населеных пунктаў: настаўнікі лічаць, што асноўныя звесткі трэба даваць ужо ў пачатковай школе, бацькі ўпэўнены, што такая інфармацыя будзе цяжкай для малодшых школьнікаў. Мы абагульнілі гэтыя

меркаванні і сфармулявалі асноўныя веды, уменні і навыкі, што складаюць сутнасць тапанімічнай кампетэнцыі:

• **веды пра дадзенае кола рэальных аб’ектаў:** на нашу думку, вучні I ступені атрымання агульнай сярэдняй адукацыі павінны ведаць: 1) асноўныя тыпы тапонімаў – айконімы, гідронімы, урбанімы, 2) экстралінгвістычную інфармацыю, звязаную з назвамі найбольш знакамітых геаграфічных аб’ектаў Беларусі, 3) правілы правапісу назваў населеных пунктаў;

• **уменні і навыкі, якія адносяцца да гэтага кола рэальных аб’ектаў:** вучні I ступені навучання павінны ўмець: 1) суадносіць тапанімічныя назвы з геаграфічнымі аб’ектамі, 2) ужываць тапонімы ў адпаведнасці з нормамі беларускай літаратурнай мовы, 3) уяўляць экстралінгвістычную інфармацыю, звязаную з тапонімамі (абазначаны геаграфічны аб’ект, месца яго знаходжання, найбольш значную гістарычную інфармацыю некаторых геаграфічных аб’ектаў: напрыклад, *Лондан* – сталіца Вялікабрытаніі, *Волга* – рака ў Расіі і г.д.), 4) у творах мастацкай літаратуры ў тапанімічных назвах бачыць экстралінгвістычную інфармацыю;

• **спосабы дзейнасці ў адносінах да дадзенага кола рэальных аб’ектаў.** На сённяшні дзень падручнікі прапануюць дастаткова разнастайныя формы працы з тапанімічнымі назвамі. Заданні, накіраваныя на фарміраванне акрэсленых уменняў і навыкаў, прапануюцца пры вывучэнні тэмы “Напісанне вялікай літары ў словах” (2 клас) і тэмы “Назоўнік” (4 клас). У падручніках мы сустракаем наступныя заданні: *выпішыце ў алфавітным парадку назвы краін, з якімі мяжуе Беларусь; спішыце сказы з назвамі гарадоў* [5, 58], *растлумачце напісанне слоў з вялікай літары* [1, 67]. Прапануюцца і заданні на суаднясенне геаграфічнага аб’екта і яго назвы: *да слоў з левага слупка (рака, горад, возера) падбярыце словы з правага (Нарач, Днепр, Магілёў)* [5, 59], *выпішыце з верша назвы гарадоў, назвы рэк, назвы азёр, дапішыце да гэтых назваў тыя, якіх няма ў вершы, але якія вам добра вядомыя* [1, 67]. Аднак заданні такога тыпу яўна недастатковыя, яны дазваляюць вырашаць пастаўленыя праблемы толькі часткова;

• **мінімальна неабходны вопыт дзейнасці вучня ў сферы дадзенай кампетэнцыі:** пры фарміраванні тапанімічнай кампетэнцыі ў вучняў пачатковых класаў трэба ўлічваць, што малодшыя школьнікі ўжо маюць пэўны запас ведаў па ўсведамленні сутнасці тапанімічных назваў, уменняў ужывання тапонімаў ва ўласным маўленні;

• **індыкатары-прыклады, узоры вучэбных і кантрольна-ацэначных заданняў:** на нашу думку, раскрыццё гэтага кампанента кампетэнцыі патрабуе асобнага даследавання, заснаванага на аналізе праграм па мове і літаратуры, падручнікаў па гэтых прадметах.

Такім чынам, тапанімічная кампетэнцыя мае сваю структуру, у якую ўключаюцца дзесяць асноўных элементаў, сярод якіх найбольш важнымі падаюцца акрэсленне ведаў пра тыпы тапонімаў, пералік уменняў і навыкаў, які павінен быць засвоены вучнямі, магчымыя формы і метады працы, што дазваляць фарміраваць тапанімічную кампетэнцыю ў вучняў.

Літаратура

1. Валынец, Т.М. Беларуская мова : падручнік для 4 класа ўстаноў агул. сярэдн. адукацыі з рус. мовай навучання: у 2 ч. / Т.М. Валынец [і інш.]. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2013. – Ч. 1. – 120 с.
2. Васілеўская, А. С. Да праблемы фарміравання антрапанімічнай кампетэнцыі малодшых школьнікаў / А. С. Васілеўская, М. А. Вагулька // *Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы исследования* : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост.: А. М. Мезенко (науч. ред.) [и др.]. – Витебск, 2016. – С. 343–345.

3. Лукашанец, А. А. Беларуска-рускае двухмоўе і праблемы сучаснай іменаслоўнай практыкі / А. А. Лукашанец // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост.: А. М. Мезенко (науч. ред.) [и др.]. – Витебск, 2016. – С. 180–184.

4. Міцкевіч, В. У. Гідранімія Віцебшчыны: семантыка апелятыўных асноў. Неабходнасць стандартызацыі назваў водных аб'ектаў / В. У. Міцкевіч // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост.: А. М. Мезенко (науч. ред.) [и др.]. – Витебск, 2016. – С. 114–117.

5. Свірыдзенка, В. І. Беларуская мова : падручнік для 2 класа ўстаноў агул. сярэдн. адукацыі з рус. мовай навучання : у 2 ч. / В. І. Свірыдзенка. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2015. – Ч. 1. – 111 с.

6. Шур, В. В. 3 гісторыі ўласных імёнаў / В. В. Шур. – Мінск : Выш. шк., 1993. – 156 с.

Е.Н. Горегляд

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ylgoregliad@yandex.ru

УДК 81-13+81-114.4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культурология, имя собственное, онимы, ономастическое пространство.*

Основной целью обучения иностранных граждан на филологическом факультете является изучение лингвистических и литературоведческих явлений и процессов, однако для успешности адаптации и межкультурной коммуникации важно включать в том или ином объеме в практику преподавания конкретных дисциплин сведения о культуре страны изучаемого языка. В статье рассматриваются возможности использования культурологического потенциала имен собственных при изучении синтаксиса современного русского языка. При подборе практических заданий особое внимание нами уделяется применению лингвострановедческого материала с целью приобщения иностранцев к истории и культурным реалиям страны изучаемого языка – России и страны проживания – Беларуси. Включение в систему упражнений ономастического материала способствует формированию межкультурной компетенции иностранных студентов.

E.N. Goregliad

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

USING ONOMASTIC MATERIAL IN TEACHING FOREIGN STUDENTS-PHILOLOGISTS

Key words: *intercultural communication, cultural studies, proper name, onims, onomastic ground.*

The main goal of teaching foreign citizens at the Philology Faculty is the study of linguistic and literary phenomena and processes, but for the successful adaptation and intercultural communication it is important to include some cultural information about the country of the studied language into the practice of teaching specific disciplines. The article

deals with the possibilities of using the culturological potential of proper names when studying the syntax of the modern Russian language. In selecting practical assignments, a special attention is paid to the use of linguistic and cultural materials to familiarize foreigners with the history and cultural realities of the country of the studied language - Russia and the country of residence – Belarus. The inclusion of onomastic material in the system of exercises contributes to the formation of intercultural competence of foreign students.

В последние годы поток иностранных студентов, стремящихся получить образование в Республике Беларусь, значительно вырос. Свое стремление приехать на учебу в нашу страну студенты объясняют качеством образования, преемственностью советских традиций в обучении и невысокой стоимостью. По данным Министерства образования, в вузах Беларуси обучается около 15 тысяч иностранных граждан из 88 стран мира. Студентами филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова являются почти четыреста иностранных студентов из Туркменистана, Узбекистана, России, Украины, Китая. Все они после приезда в нашу страну попадают в новую языковую среду, что провоцирует ряд коммуникативных неудач, обусловленных, в частности, недостаточностью или полным отсутствием фоновых знаний культурологического характера. Иностранные студенты (многие в силу национального менталитета) уважительно, но с осторожностью относятся к пока ещё чужой для них культуре, сохраняя традиции своего народа. В связи с этим важно выработать толерантное отношение иностранца к ценностям и нормам новой для него культуры, обеспечить оптимальное прохождение процесса аккультурации.

Особенностью обучения иностранных студентов-филологов в Республике Беларусь является тот факт, что они должны быть приобщены к истории и культурным реалиям как страны изучаемого языка – России, так и страны проживания – Беларуси.

Основной целью обучения иностранных граждан на филологическом факультете является изучение лингвистических и литературоведческих явлений и процессов, однако для успешности адаптации и межкультурной коммуникации важно включать в том или ином объеме в практику преподавания конкретных дисциплин сведения о культуре страны изучаемого языка. И в этом немаловажную роль играет освоение ономастического материала, обладающего существенным культуроведческим потенциалом.

К сожалению, в практике преподавания изучению имен собственных уделяется не так много внимания, как они того заслуживают. Учебная программа предусматривает изучение студентами дисциплины «Ономастика», но, на наш взгляд, этим нельзя ограничиваться, поскольку ономастический материал важен не только в плане выявления культурологического потенциала языковых единиц, но и является немаловажным мотивирующим фактором. При этом преподавателю необходимо понимать, что приехавшие на обучение молодые люди представляют другие культуры и обладают иным фоновым ономастическим пространством и реализацией его компонентов. Это проявляется, в частности, в повседневном общении: так, например, русский речевой этикет предусматривает обращение к незнакомым людям или старшим по имени-отчеству, в то время как в иных культурах в подобных ситуациях чаще используются номинации нарицательного типа (*господин, профессор* и под.) В результате, а также вследствие трудностей в произнесении русских имен и отчеств, основным обращением студентов-иностранцев в вузе становится *учитель / преподаватель*.

Сложность обучения иностранцев обусловлена рядом причин, в том числе трудностями при семантизации и использовании русских онимов в речи, а также недостаточностью практического материала культурологической направленности в учебных текстах. В связи с этим возникла необходимость создания учебно-методических ком-

плексов (УМК), предназначенных студентам-иностранцам, обучающимся на филологическом факультете. Стандартный УМК представляет собой систему занятий по предусмотренным типовой программой темам; каждое из занятий предполагает обсуждение теоретических вопросов и последовательное выполнение практических заданий.

Одной из магистральных дисциплин учебного процесса на филологическом факультете является «Современный русский язык» – благодатная площадка для формирования культурологических знаний иностранцев. В первую очередь это становится возможным на уровне лексикологии, фразеологии, но может проявляться и при изучении синтаксиса.

Так в ходе усвоения темы «Простое предложение» студентам-иностранцам целесообразно предложить упражнения следующего характера [1] (более детально система упражнений будет представлена в докладе):

– найдите грамматическую основу предложения:

1) Библиотека имени Янки Купалы – одна из лучших в Минске. 2) Илья Муромец лежал на печи три десятка лет. 3) Стихи Лермонтова грустные и лиричные. 4) Одно из моих самых сильных прошлогодних впечатлений – это Москва. 5) Я бы посоветовал вам съездить на экскурсию в Мирский замок. 6) Отъезжающие в Несвиж должны собраться у автобуса. 7) В XIX веке жили и творили Александр Пушкин, Николай Гоголь, Лев Толстой, Фёдор Достоевский. 8) Один из главных праздников в России и Беларуси – День Победы.

– определите, каким членом предложения является инфинитив:

1) Умирая, Пушкин просил жену не забывать Михайловское. 2) Незадолго до смерти он завещал похоронить себя в Святогорском монастыре под Псковом. 3) Желание выучить русский язык привело меня в Беларусь. 4) В следующем году мы поедем отдохнуть на озеро Нарочь. 5) Я хочу рассказать вам про несколько удивительных поездок в Брестскую крепость. 6) Мне представился случай рассказать о Петербурге, о посещении Эрмитажа, об экскурсии в Зимний дворец. 7) Описать характер Раскольникова оказалось не так просто. 8) Кто откажется от удовольствия переночевать на берегу Волги под открытым небом?

Изучение раздела «Сложное предложение» предусмотрено программой на четвертом курсе, когда у студента-иностранца уже сформировался определенный объем культурологических знаний и выработалась способность оперировать этими знаниями в учебной и бытовой деятельности. Одним из упражнений, которые мы предлагаем на занятии, является следующее [2]:

– два простых предложения объедините в сложное. Какое предложение у вас получилось?

1) В Беларуси шесть областей. В них проживает более десяти миллионов человек. 2) Полоцк – древний белорусский город. Он расположен на реке Западная Двина. 3) Ефросинья Полоцкая – святая. Она считается заступницей белорусской земли. 4) Небольшой белорусский город Витебск знают многие люди во всем мире. Там жил и работал художник Марк Шагал. 5) 7 ноября 2007 года в Минске была открыта новая ветка метро. Она соединила центр города с отдалёнными районами. 6) Первый в Беларуси трамвай был пущен в городе Витебске. Жители города могут гордиться. 7) Зубр является символом Беларуси. Он обитает в Беловежской пуще. 8) Многие города Беларуси были построены заново. Во время Великой Отечественной войны они были разрушены фашистами.

Компоненты ономастического пространства (топонимы, антропонимы, гидронимы, хрононимы, хоронимы), представленные в данных предложениях, уже вызывают у четверокурсников отчетливые ассоциации с историей, культурой, бытом русских и белорусов. Предлагаемый студентам практический материал позволяет преподавателю

также осуществить и межпредметные связи, в первую очередь с курсом русской литературы.

Ономастическое пространство – это значимый компонент языковой и культурологической системы. Собственные имена являются дополнительным источником изучения языка, истории, материальной и духовной культуры народа [4]. Использование составляющих этого пространства в процессе обучения иностранных студентов-филологов русскому языку способствует оптимальной адаптации молодых людей, приехавших из-за рубежа, и усвоению элементов русской и белорусской культуры.

Литература

1. Горегляд, Е. Н. Синтаксис словосочетания и простого предложения в русском языке: учебно-методическое пособие для иностранных студентов филологического факультета / Е. Н. Горегляд, В. В. Глаздовская. – Витебск, 2008. – 62 с.
2. Горегляд, Е. Н. Синтаксис сложного предложения: Методические рекомендации по курсу «Современный русский язык» для иностранных студентов-филологов / Е. Н. Горегляд. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 53 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
4. Романова, Т. Н. Использование ономастического материала в школьной практике / Т. Н. Романова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 24. – С. 70. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95280.html>. – Дата доступа: 19.01.2018.

H. Duszyński-Karabasz

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz, Polska
e-mail: henryk_duszynski@interia.pl

УДК 811.163.2

NAZWY WŁASNE W PODRĘCZNIKU JĘZYKA BULGARSKIEGO DLA POLAKÓW

Słowa kluczowe: *nazwy własne, onomastyka, lingworealioznawstwo, nauczanie języka, język bułgarski*

W artykule dokonano analizy elementów lingworealioznawczych, zawartych w nazwach własnych, na przykładzie podręcznika języka bułgarskiego dla Polaków. W nazwach własnych zakodowane są komponenty kultury bułgarskiej – informacje na temat historii, sztuki i geografii Bułgarii. Dzięki ich obecności w podręczniku uczący się nabywają nie tylko kompetencje językowe, lecz również kulturowe.

H. Duszyński-Karabasz

Kazimierz Wielki University
Bydgoszcz, Poland

PROPER NAMES IN THE TEXTBOOK OF THE BULGARIAN LANGUAGE FOR THE POLES

Key words: *proper names, onomastics, linguaculture, language teaching, Bulgarian language.*

In this paper linguacultural elements included in the proper names were described, based on the textbook of the Bulgarian language for Poles. In the proper names the components of the Bulgarian culture are encoded – the information about the history, art and

geography of Bulgaria. Thanks to their presence in the textbook, students acquire not only linguistic but also cultural competences.

Nazwy własne stanowią ważny element zasobu leksykalnego każdego języka. Uczący się języka obcego spotykają się z nimi już na pierwszej lekcji. Onimy wprowadzają obcokrajowca w świat nowego języka i kultury. Jak słusznie stwierdza Helena Fediukina, „nazwy własne akumulują informację historyczną, kulturową i socjolingwistyczną. Poprawne posługiwanie się onimami (czyli nazwami własnymi) sprzyja kształtowaniu doskonałej kompetencji językowej” [3, 151]. W nazwach własnych zakodowane są elementy kultury danego narodu.

W tym miejscu warto się zatrzymać na pojęciu *kultura*. Jest ono bardzo pojemne. Różne koncepcje kultury, jej związki z językiem oraz rolę w nauczaniu języków obcych przedstawia Izabela Bawej [2]. Pragnę tylko przypomnieć, iż najogólniej rzecz ujmując kultura to całość wytworów człowieka, zarówno materialnych, jak i duchowych, również czynności codzienne, zwyczaje, zachowania, warunki życia [2, 43]. Jako wynik świadomego działania człowieka kultura jest przeciwstawiana naturze.

W kontekście rozważań nad kulturą obcą cenne jest rozróżnienie dokonane na gruncie glottodydaktyki przez Waldemara Pfeiffera. Uczony wyróżnia następujące płaszczyzny kulturoznawstwa obcojęzycznego [4, 157–159]:

1) realioznawstwo – realia dotyczące obcej rzeczywistości pozajęzykowej lub ich wizualne odzwierciedlenia, przy czym chodzi o stronę materialną owej rzeczywistości, różniącą się od rodzimej rzeczywistości uczącego się (tablice informacyjne, karty potraw, sposoby oznakowania, odzwierciedlenia obrazu znaczków, pieniędzy, zdjęcia lub rysunki budynków),

2) krajoznawstwo – obejmuje informacje o historii, geografii, polityce, gospodarce danego narodu,

3) socjoznawstwo – znajomość obyczajów, tradycji, norm, konwencji i sposobów zachowania się w społeczności obcojęzycznej,

4) kulturoznawstwo sensu stricto – obejmuje znajomość literatury, muzyki, filmu itp.

Terminem, który łączy elementy językowe i kulturowe, jest lingworealioznawstwo. Chodzi tu o wszystkie informacje pozajęzykowe, które są przyswajane podczas nauki języka obcego. Pełna komunikacja w języku obcym jest możliwa nie tylko dzięki znajomości leksyki czy struktur gramatycznych, ale również dzięki znajomości treści kulturowych obowiązujących w danym społeczeństwie. Elementy lingworealioznawcze pozwalają kształtować kompetencję interkulturową.

Celem niniejszego artykułu jest ukazanie elementów kultury bułgarskiej zawartych w nazwach własnych, na przykładzie podręcznika *България е малка, но хубава*. Część 1. *Podręcznik języka bułgarskiego dla polskich studentów* [5]. Jak piszą jego autorzy, Nikola Topuzov i Ianka Mihaylova, został on „stworzony z myślą o dociekliwych studentach współpracujących ze sobą i ze swoim wykładowcą” [5, 9], podkreślając, iż „bez słuchania bułgarskiego radia, muzyki, bez oglądania bułgarskiej telewizji i filmów oraz bez bezpośredniego kontaktu z kulturą i z ludźmi, dla których język bułgarski jest językiem ojczystym, nauka języka jest o wiele trudniejsza” [5, 10]. Podręcznik – napisany z myślą o osobach rozpoczynających naukę języka bułgarskiego – składa się z 53 rozdziałów zawierających ćwiczenia leksykalne i gramatyczne. Autorzy książki zapoznają uczących się z realiami życia w Bułgarii, wykorzystując w tym celu również nazwy własne.

W podręczniku występują następujące grupy onimów odnoszących się do kultury Bułgarii:

1) antroponimy:

a) imię (również w formie zdrobniałej): *Ана, Ангел, Антон, Атанаска, Бистра, Богдан, Божидар, Борис, Боян, Ваня, Веси, Георги, Гошо, Деси, Деян, Димитър, Елена,*

Ели, Жоро, Захари, Иван, Илиана, Илия, Йовчо, Калин, Камен, Лиляна, Маргарита, Мариана, Мария, Мартин, Милена, Мима, Миро, Мишо, Мони, Нели, Нина, Павел, Петър, Петя, Пламен, Ради, Радка, Радослав, Рангел, Росица, Румен, Руми, Румяна, Светла, Светослав, Симеон, Стела, Стефан, Тодор, Тони, Цанко, Цвети, Ценка, Христо, Яна;

b) imię odojcowskie: Антонов, Захариев;

c) nazwisko: Георгиева, Михайлова, Николов, Христов, Радеви; d) imię + nazwisko: Димитър Иванов, Петър Стоянов, Румен Дамянов, Янко Бояджиев, Лиляна Пеева, Драгостина Петрова, Айше Исмаилова, Мария Стоянова, Ахмед Бурхан.

Studenci poznają imiona i nazwiska bułgarskich:

- muzyków: Цветана Манева, Никола Гюзелев, Борис Христов, Мария Нейкова,
- pisarzy i poetów: Йордан Йовков, Йордан Радичков, Иван Вазов, Христо Ботев, Емилиян Станев, Димчо Дебелянов, Николай Хайтов, Павел Гоневски, Димитър Димов
- malarzy: Владимир Димитров-Майстора, Златьо Бояджиев,
- aktorów: Тодор Колев, Катя Паскалева, Антон Горчев, a także reżysera: Методи Андонов, bohatera narodowego: Васил Левски, historyka: Пламен Цветков, działacza rewolucyjnego: Димитър Благоев;

e) imię + imię odojcowskie + nazwisko: Петър Георгиев Пеев, Цвета Николова Милева, pisarze: Иван Минчев Вазов, Теодора Димитрова Димова, Алек Василев Попов, Пенчо Петков Славеиков, Илия Маринов Троянов;

f) nazwy własne władców: Владислав Варненчик, Калоян, Иван Асен Втори, Борис, Аспарух, Крум, Омуртаг;

g) imiona świętych: Кирил и Методий, Климент, Наум, Горазд, Сава, Ангеларий;

h) imiona (i nazwiska) bohaterów utworów literackich, muzycznych i filmowych: Торашко, Джиф, Пиук, Емата, Калина, Варадин Димитров, Коста Баничаров, Шибил, Зара, Мария, Явор, Петър Маринков;

2) ojkonimy (nazwy wsi i miast, kurortów): Албена, Банско, Благоевград, Боровец, Брезово, Бургас, Варна, Велико Търново, Видин, Враца, Габрово, Горна Оряховица, Добрич, Дюни, Елена, Жеравна, Златни Пясъци, Казанлък, Калофер, Карлово, Кирково, Китен, Копривицица, Кърджали, Кюстендил, Ловеч, Малко Търново, Мелник, Монтана, Мъглиж, Несебър, Пазарджик, Пампорово, Перник, Плевен, Плиска, Пловдив, Разград, Русе, Сандански, Силистра, Сливен, Слънчев Бряг, Смолян, Сопот, София, Стара Загора, Трявна, Търговище, Хасково, Шумен, Ъглен, Ямбол;

3) nazwy części miast: Стари град, Външен град, Вътрешен град, Цитадела (Малък дворец);

4) hydronimy:

a) nazwa morza: Черно море;

b) nazwy rzek: Дунав, Тимок, Искър, Янтра, Марица, Осъм, Тунджа, Струма;

c) nazwy jezior: Седемте рилски езера;

5) oronimy (nazwy gór – pasm i szczytów): Ботев, Вихрен, Витоша, Голям Перелик, Мусала, Пирин, Рила, Родопи, Средна гора, Стара планина, Странджа, Черни връх;

6) nazwy państw: България, Втора българска държава;

7) nazwy krain historycznych: Тракия, Добруджа;

8) nazwa ulicy: бул. «България»;

9) inne nazwy geograficzne: Балкани, Балкански полуостров, Дунавска равнина, Тракийска равнина, Розова долина, Емине, Сердика, Софийски район, Царевец (wzgórze i twierdza), Чорноморие, Сините камъни (park);

10) nazwy świątyń: Боянска църква, Рилски манастир, Патриаршия, манастир Свети Георги Победоносец, Голяма базилика, Аладжа манастир;

11) nazwy uczelni: *ЮЗУ Благоевград, ВТУ «Св. Св. Кирил и Методий», СУ «Св. Климент Охридски»;*

12) nazwy zespołów muzycznych i chórów: *Българка, Тоника, Бодра песен;*

13) ideonimy (tytuły piosenek, filmów, utworów literackich): *Звук и светлина, Неразделни, Козият рог, Под игото, Суматоха, Другоселец, Един ден от живота на Емата, Излез е Дельо Хайдутин, Лицето от сенките, Тютюн, Шибил;*

14) heortonimy: *Бъдни вечер, Коледа, Рождество Христово, Великден, Ден на шегата, Ден на българската култура, Ден на Съединението, Ден на независимостта, Ден на Освобождението, Ден на труда, Нова година, Гергьовден (Ден на българската армия), Ден на българската просвета и култура, Ден на народните будители, Ивановден, Баба Марта;*

15) akcjonimy: *въстание на Асен и Петър, Априлско въстание;*

16) nazwy schronisk i hoteli: *Спано поле, Беговица (Каменица), Удоволствие, Плиска;*

17) nazwy partii: *СДС (Съюз на демократичните сили);*

18) nazwy wód: *Девин, Банкя, Михалково;*

19) speleonim: *Духлата;*

20) etnonimy: *българин, българка;*

21) inne nazwy własne: *Народен театър, Античен театър, Народно Събрание, Перперикон, Акваполис, Студентски град, Семинария, Асенова крепост.*

Oprócz bułgarskich antroponimów oraz nazw własnych obiektów położonych na terenie Bułgarii w podręczniku uwzględnione zostały także etnonimy, nazwy własne państw, polskich miast i in. Dzięki temu uczący się mogą zapamiętać oryginalność ich zapisu (inny alfabet), a także specyficzną budowę słowotwórczą tego typu nazw. Wśród nazw odnoszących się do realiów innych niż bułgarskie należą m. in. nazwy państw: *Гърция, Полша, Румуния, Сърбия, САЩ*, urbonimy (nazwy miast): *Чешин, Голуб-Добжин, Хелмжа, Ченстохова, Груджондз, Рипин, Бидгошч, Вавшава, Шемяновице, Шчечин*, etnonimy: *грък, литовец, руснак* i szereg innych nazw.

Warto zwrócić uwagę na bogactwo i różnorodność przytaczanych w podręczniku nazw własnych. Wyróżniono ponad 20 grup onimów – poza antroponimami czy toponimami są to również heortonimy, ideonimy i inne, mniej liczne, grupy nazw.

Wszystkie wymienione wyżej nazwy własne studenci poznają dzięki zamieszczonym w podręczniku ćwiczeniom leksykalnym i gramatycznym oraz krzyżówkom. Szczególnie cenny w kontekście przyswajania bułgarskich onimów jest materiał ilustracyjny – fragmenty oryginalnych utworów literackich, wizerunki znanych Bułgarów, fotografie budynków, mapy kraju. Wszystkie te elementy mogą być z powodzeniem wykorzystywane na zajęciach przez nauczyciela, który, jak wiadomo, powinien być dla uczniów przewodnikiem po obcej dla nich kulturze. Zadaniem lektora jest nie tylko nauczanie języka, ale również objaśnianie uczącym się nieznanych im kontekstów (lingwo)kulturowych.

Należy zgodzić się ze zdaniem Beatą Afeltowicz, iż „poszczególne elementy podsystemu onimicznego przyczyniają się do wprowadzenie kursanta w odmienny świat historii i realiów oraz do zapoznania go z wybranymi składnikami kultury” [1, 78]. Dzięki wprowadzonym nazwom własnym uczący się poszerzają swoje słownictwo oraz wiadomości o kraju. W onimach zakodowane są bowiem komponenty określonej kultury – w analizowanym materiale – kultury bułgarskiej, historii, sztuki i geografii Bułgarii. Poznając nazwy własne uczący się nabywają nie tylko kompetencje językowe, lecz również kulturowe.

Литература

1. Afeltowicz, B. Nazwa własna jako tekst kultury w nauczaniu języka polskiego jako obcego / B. Afeltowicz // Teksty i podteksty w nauczaniu języka polskiego jako obcego – 3. – 2011. – № 18. – S. 73–80.

2. Bawej, I. Błąd leksykalny jako skutek procesów interferencyjnych. Poradnik metodyczny dla dydaktyków języka niemieckiego / I. Bawej. – Bydgoszcz : Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2008. – 168 s.

3. Fediukina, H. Strategie nauczania nazw własnych języka polskiego studentów rosyjskojęzycznych / H. Fediukina // Wrocławska dyskusja o języku polskim jako obcym: materiały z międzynarodowej konferencji stowarzyszenia „Bristol”, pod red. A. Dąbrowskiej. – Wrocław, 2004. – S. 151–156.

4. Pfeiffer, W. Nauka języków obcych. Od praktyki do praktyki / W. Pfeiffer. – Poznań : Wargos, 2001. – 226 s.

5. Topouzov, N. България е малка, но хубава. Część 1. Podręcznik języka bułgarskiego dla polskich studentów / N. Topouzov, I. Mihaylova. – Toruń, 2014. – 237 s.

Л.А. Климкова

Арзамасский филиал ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

e-mail: la.klimkova@gmail.com

УДК 811.161.1

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ: АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: *имя собственное, газетный дискурс, ассоциативность, деривация, билексемы, полиименность, сопряжение.*

В статье на фактическом речевом материале одного медийного источника оппозиционного толка рассматриваются различные приемы образования и использования имен собственных для актуализации, символизации смыслов, характеристики лиц и явлений, выражения их мировоззренческой, идеологической, политической окрашенности, для создания художественного, обличительного эффекта.

L.A. Klimkova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas branch)

PROPER NAMES IN NEWSPAPER DISCOURSE: ASSOCIATIVE-DERIVATIONAL AND FUNCTIONAL ASPECTS

Key words: *proper name, newspaper discourse, associativity, derivation, bilexeme, polyonymy, juxtaposition.*

Based on the language material of an oppositional media source, the article analyses different ways of coining and using proper names for purposes of actualization and symbolization of meanings, characterizing people and events, expressing their beliefs, ideological and political connotations, to create the accusatory effect.

Русский язык отличается колоссальным словарным запасом, в котором огромный объем, в сотни миллионов единиц, приходится на имена собственные (ИС). Они имеют своеобразие: обладают энциклопедичностью значения (энциклопедической информацией), безэквивалентностью, обширной ассоциативностью, включают в свою внутреннюю структуру этнокультурный компонент, являясь многомерными показателями –

этническими, историческими, социальными, текстовыми и иными. Система онимов как компонент языковой личности – свидетельство ее фоновых знаний, психического склада, отношения к миру, к людям, объема индивидуальной языковой картины мира, а в совокупности – этнической, социальной, региональной, мировоззренческой, художественной и др. ИС обладают также огромным, мощным, многомерным потенциалом, в том числе деривационным, прагматическим, художественным – зарядом изобразительности, выразительности, коннотативности, эксплицитной и имплицитной, связанной с энциклопедичностью значения, со всей суммой знаний о соответствующем субъекте/объекте. Они имеют, кроме всего прочего, темпоральную и локальную отмеченность – хронотопичность, а также событийную обусловленность, привязанность, свою типологию, их система – свою структуру, в том числе полевою (свои поля), свои функционально-речевые особенности. Своеобразен этот разряд субстантивов и по значимости: это совершенно необходимый компонент языка, непереносимый в коммуникации homo sapiens. Вспомним в этом плане признание В.А. Никонова, сделанное относительно топонимов: «Вообразим на мгновение, что с нашей планеты исчезли все географические названия – городов, сел, рек, морей, гор, стран, улиц. Тотчас остановилась вся работа почты. В напрасных поисках мечутся пожарные машины и скорая помощь – никаких адресов нет. Парализован транспорт: никто не знает, куда едет, где пересечь, а где сойти; грузы вместо Марселя едут в Гонолулу. Мировое хозяйство распалось, человечество отброшено к первобытному состоянию. И все из-за такой мелочи, как названия. Всего только слова!» [3, 8].

Не менее, если не более, значимы и имена живых существ, прежде всего человека, – антропонимы. В доказательство приведем нередко цитируемые строки Гомера: «Нет меж живущих людей, да не может и быть, безымянных: /В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный, / Имя, как сладостный дар, от родимых своих получает...».

Безымянность человека лишила бы его полноты коммуникации, как непосредственной, так и опосредованной, адресности выражения мыслей и чувств, соотносительности их, как и информации, с конкретным человеком – одним словом, полноты жизни и памяти. Так, если мы возьмем структурно полный антропоним человека, юбилей которого мы отмечаем в этом году, – Анна Михайловна Мезенко, то для тех, кто знает ее труды, слушал ее выступления на научных форумах, – это серьезный, большой, известный во всем мире ученый, внесший значительный вклад в отечественное языкознание, создавший научную школу, вырастивший плеяду учеников. Отсюда (как и только из знания ее биографии, достижений ее научного творчества) вытекает в высшей степени положительное отношение к ней, положительная коннотация – уважение, почтительность. Для тех же, кто знает ее лично, встречался, общался и общается с ней и неофициально, будучи ее коллегами, учениками, кого она вырастила, на эти коннотации наслаиваются и другие, связанные и с другими чувствами и настроениями, – благодарность, признательность, любовь, лиричность, поскольку актуализируется в том числе и жанр воспоминаний, воспоминания же всегда (может быть, только за исключением трагических) лиричны, то есть проявляется индивидуальная коннотативность. Неполнота антропонимической структуры выражает обычно и другие ассоциации и чувства, личные.

Факт значимости ИС настолько очевиден, что об этом, возможно, и не стоило бы говорить, разве что с целью акцентирования. Аксиоматичным является и утверждение о своеобразии ИС как лексического (лексико-грамматического) пласта. Однако исследователи снова и снова возвращаются к нему (и это закономерно) с целью актуализации отдельных аспектов этого своеобразия на разнообразном материале.

Одним из таких материалов является язык СМИ, в том числе газетный дискурс, в частности одного источника – оппозиционной газеты «Советская Россия» (СР) за последние годы (с 2012 г. по сей день). Мы уже обращались к нему для рассмотрения преобразований семантики и формы ИС, в связи с чем проанализирована модель плю-

рации онимов, нагнетания в тексте плюральных форм [1, 302–307]. Здесь мы сосредоточимся на аспектах, заявленных в заглавии, – ассоциативно-деривационном и функциональном.

Языковые деривационные типы на базе ИС установлены, описаны, в их числе: субстантивы с формантами *-щина*, *-изм*, *-ец*, адъективы на *-(ов)ский*, глаголы на *-ить*, *-ать*, *-нуть* и др., а также на иноязычные *-инг*, *-гейт*, *-оид(ы)*, контаминаты на *-(о)номика* и др. В речи они наполняются конкретным содержанием, отражающим событийность, хронотоп, в силу задействованности в том числе онимов как ключевых слов эпохи: *горбачевщина*, *гайдаровщина*, *ельцинизм*, *ельцинский*, *путинский*, *ельциноиды*, *резуноиды* (от Резун: В. Б. Резун – беглый советский разведчик, в 1992-1993 гг. обосновавшийся в Англии, опубликовал под псевдонимом Виктор Суворов книги «Ле-докол» и «День-М», клеветнические, антисоветские, русофобские (СР. Улики. 11.02.2016. № 14. С. 11); *ельциномика* (Ельцин + экономика), *гайдарономика*, *кудриномика*, *путиномика*, *сердюковгейт*, *путинг* (СР. 22.03.2012. № 1. С. 5; 05.12.2013. № 25. С. 3; 21.04.2016. № 46. С. 2; и др.). [Ср.: 4]. См. в текстах: *Давайте и мы улюлюкнем! Господин Улюкаев, как известно, министр экономического развития России. Время от времени он выступает с такими экзотичными предложениями или прогнозами, что так и хочется вслед ему улюлюкнуть.* <...> *Так что пока не поздно – давайте улюлюкнем не только вслед министру Улюкаеву, но и премьеру Медведеву.* (СР. 04.06.2016. № 59. С. 1); *Вслед за Пехтингом – Малкинг: Розыск и широкое распространение подобных документов, касающихся депутатов и чиновников, уже получили название «пехтинг» – по имени теперь уже бывшего депутата Государственной думы и одного из руководителей «Единой России» Владимира Пехтина. Чиновник категорически отказывался от обнаруженной у него незадекларированной недвижимости на Майами. Виталий Малкин членом «Единой России» не является, но к партии власти, безусловно, принадлежит. Иначе не было бы у него ни высокого государственного поста заместителя председателя комитета Совета Федерации по международным делам, ни состояния, превышающего, по оценкам Forbes, 600 миллионов долларов* (СР. 08.03.2013. № 33. С. 2); *Все это – модернизация по Медведеву, Медведернизация! Для ее осуществления был создан специальный армейский рыночный штаб. Базарный Вермахт.* (М. Задорнов // СР. 08.12.2012. № 137. С. 4); *Не говоря уже о Псаки, которая вообще как с цепи сорвалась и опсакилась!* (М. Задорнов. СР. 22.08.2015. № 91. С. 4)

Все эти и подобные производные, включающие в свою внутреннюю структуру часть энциклопедического значения и отрицательную коннотацию ИС, основанные на негативном отношении к лицам в силу их предательской, антинародной, разрушительной деятельности, политики, коррумпированности, некомпетентности, сами являются резко отрицательно окрашенными.

Средствами не только изобразительности, но и обличения предстают и составные отонимные единицы – биноминанты типа *За кого нас принимают кудрины-силуановы?* <...> *Защитите не только Эдварда Сноудена, но и нас, россиян, от кудриных-силуановых* (СР. 20.08.2015. № 90), при этом эффект биноминантности усиливается за счет плюрализации единиц. Они приобретают обобщенность семантики, символический смысл. См. еще: *И благодаря яценюкам-порошенкам, приведенным к власти во многих странах, США могут отказаться от доллара вообще* (СР. 16.06.2015. С. 2); *Трагическим несчастьем для первоклассницы Полины было начинать свою жизнь во времена ющенко-порошенок* (СР. 24.03.2015. № 29. С. 1). Подобные единицы могут быть и большей протяженности, состоящими из трех-четырех компонентов (они, как и билексемы, – область действия синтагматического способа словообразования). Такие дериваты, обличая политиков, экономистов-либералов, представителей власти и отечественного шоу-бизнеса и др., в совокупности создают емкий образ современной России и обладают огромной силой воздействия на читателя. См.: *Господа ясины, кудрины и*

и же с ними всегда оправдывают себя мировыми кризисами <...>. Но для этого надо не продолжать либеральное реформирование и не следовать советам **ясиных-кириенок-чубайсов- кудриных** <...>; Народ свергнет олигархию и выберет себе в правители не **прохоровых-немцовых-хакамад-каस्याновых**, а какого-нибудь вождя из народа, например **Ивана Иванова**. <...> Какую песню запоют господа **макаревичи-ярмольники-пугачёвы**, которые были (и есть) доверенными лицами олигарха Прохорова? (СР. 12.03.2014. № 27. С. 4) – здесь русский антропоним Иван Иванов является символом патриота-государственника в противовес продажным чиновникам, политикам с их разрушительной деятельностью.

Яркая характеристика лиц создается и через приложения к ИС, выраженные как апелляциями, так и онимами (в том числе трансформациями тех и других). В пределах развернутой номинации в этом случае происходит метафорическое сближение единиц, эксплицируется ассоциативность, активизируется определенная часть энциклопедического значения. См., например: *В своей речи писатель [Маркес – Л. К.], зная, что его услышит весь мир, сказал и о Сальвадоре Альенде – «Президенте-Прометее, забаррикадировавшемся в своем пылающем дворце, погибшем, сражаясь против целой армии», и о Пиночете, которого назвал «диктатором-Люцифером, который именем Бога устроил первый этноцид в Латинской Америке нашего времени»* (СР. 30.04.2014. № 48. С. 7); *Не знаю, читал ли Герман Греф, один из зачинателей дебатов экономистов на педагогические темы, упомянутый циркуляр графа (сюда так и просится каламбур на тему «**граф-Греф**»!), но Чуковский прав – мысли одного из министров русского «помрачения» вечны* (СР. 17.03.2016. № 27. С. 11) – здесь ассоциативно, по аналогии сближены номинации *граф* (ретроспективная) – И. Д. Делянов, министр просвещения при Александре III, автор закона об изгнании из гимназии «кухаркиных детей», и *Греф*, один из участников экономического форума, на котором говорилось о сокращении содержания образования, о том, что образование в России должно стать упрощенным, без тонкостей и глубины (это, конечно, для простого народа, а не для элиты); *Но несмотря на все приложенные усилия по уничтожению госсобственности **хамелеоном-Кравчуком, лжепарторгом-Кучмой, пасечником-Ющенко, вором-Януковичем**, даже сейчас, с приходом к власти теней МВФ, процесс приватизации госсобственности все еще не закончен, но это дело времени* (СР. 28.05.2015. № 55. С. 7); *Предлагаемые «**Мишкой-подкидышем**» (как называют в Одессе Михаила Саакашвили) реформы являются прямым продолжением политики нынешнего кабмина Украины* (СР. 26.09.2015. № 106. С. 3) – здесь коннотативно, причем отрицательно, окрашены оба компонента биноминанты. Такие единицы предстают реализацией ступени деривации, предшествующей плюрализации. См.: *И всякие там **чубайсы-продайсы** нам тоже сбоку-припеку* (СР. 17.05.2014. № 53. С. 4); *А не задумывались ли депутаты Мосгордумы, актер Герасимов, пользующийся языческими понятиями, **политиканы-жириновские** и **газетчики-сироты** о том, что победители писали на броне машин «За Родину!» и «За Сталина!»* (СР. 28.02.2015. № 20. С. 4) – Жириновский – известная личность в российской политике; Сирота – журналистка, подобного же толка. Типичны синтагмы по модели: *иуда Горбачев* (СР. 21.08.2014. № 92. С. 1).

Показателен в этом плане также прием полиименности, сопряжения, столкновения разных номинаций одного лица. Ср.: ***Сердюков-Табуреткин*** (во многих материалах газеты) – номинация бывшего министра обороны и речевой оним-неологизм, созданный по модели фамилии от апеллиатива, подчеркивающий бывшее занятие Сердюкова, продавца мебели, и некомпетентность его на посту министра, приведшая к разрушению обороноспособности страны, – один из персонифицированных символов порочного чиновничества, коррупционности власти. Отсюда же и: ***Братья и сестры! На фоне «освобождения» Соньки Золотой Ручки – Васильевой*** – происходит ужесточение

и издевательство над моим мужем, полковником Квачковым Владимиром Васильевичем (СР. 03.09.2015. № 96. С. 2).

Расширение семантики отонимических единиц, соответствующее пространственному расширению, наполнению явления, вскрывает речевая лексико-семантическая сочетаемость: *Испанские робин гуды: протест против бедности* (СР. 11.08.2012. № 87. С. 3) – заметка о том, что в Испании несколько человек в супермаркете украли тележки с продуктами, чтобы раздать еду бедным; эта акция – своеобразный протест против мер жесткой экономии в стране; *На чем делают деньги украинские наполеоны?* (СР. 10.02.2015. № 13. С. 1). Такого же типа сочетаемость, расширяющая сферу проявления соответствующих реалий, событий, сферу деятельности соответствующих лиц, также составляет одну из ступеней, предшествующих плюрализации. Меняется референт и семантика единицы обогащается за счет метафоры при необычной, речевой синтагматике: *донецкий Ленинград* (Луганск) – СР. 28.08.2014. № 95. С. 1; *ливийский Сталинград* (г. Сирт) – СР. 13.03.2014. № 28. С. 7; *политический Дон Кихот* (движение Podemos – «Мы можем!» – в Йемене); *раскосый балканский Стас Михайлов* – СР. 03.02.2015. № 10. С. 3; Ср.: *«русский Роден»* (российский и советский скульптор С. Т. Коненков) – СР. 05.12.2013. № 25. С. 14). Такие единицы глубоко ассоциативны.

Один из синтагматических приемов использования ИС в газетном дискурсе – сочетаемость со словом, «высвечивающим» ассоциат. Например: *Греф жаловаться* – заголовок заметки о пирушке в Гостином дворе, посвященной 170-летию Сбербанка, обошедшейся в более чем 15 млн. руб. (Герман Греф возглавляет сейчас Сбербанк, и, действительно, ему грех жаловаться на жизнь, в высшей степени безбедную); *Например, у «Пионера» – почти два миллиона* [был тираж – Л. К.] (сейчас – более полутора тысяч, а *«Космётёр»*, кажется, вообще никого *не греет*) (СР. Отеч. зап. 17.03.2016. № 27. С. 10).

В других случаях ассоциат в тексте эксплицируется в виде мотиванта при установлении (в том числе субъективном) отношений мотивации, мотивационной пары *мотивант – мотиват*. Такое текстовое соположение, контактное или дистантное, обладает мощным коннотативным зарядом, составляет эффективный (специальный) публицистический прием. См.: *Начался суд над тульским экс-губернатором Вячеславом Дудкой. <...> Экс-губернатор Тульской области Вячеслав Дудка обвиняется в получении взятки в размере 40 миллионов рублей. <...> Его [Виктора Волкова – Л. К.] взяли первым, и он сразу же признался, что именно он получал деньги, но взятка предназначалась не ему, а губернатору. И вообще он якобы «плясал под чужую дудку»* (СР. 16.03.2013. № 28. С. 2); *А Парубий, якобы возглавляющий безопасность, помогает рубить головы направо и налево* (СР. 27.05.2014. № 57. С. 4); *Откуда им было знать, что «Идеал тур» вовсе не идеален* (СР. 05.08.2014. № 85. С. 2). Ср. также: *«Она была человеком-праздником, человеком-радостью. Елена Образцова – не просто звезда, она – суперзвезда, она – первая, настоящий образец для всех, не зря ей Богом была дана такая фамилия», – сказал режиссер концерта Дмитрий Бертман* (СР. 05.11.2015. № 123. С. 2) – Здесь передается высокая степень положительной окрашенности антропонима через обнажение его внутренней формы, соположение единиц мотивационной пары, иначе «согласование в представлении», по А. А. Потебне.

Употребление в тексте единиц, сближенных по внешнему облику, усиливает воздействие текста на читателя. При этом происходит сопряжение ИС с онимами же, и с апеллятивами, и с синтагмами, фрагментами текста. См.: *Да и сам Майдан созвучен печально знаменитому лагерю смерти Майданеку* (СР. 06.05.2014. № 49. С. 2); *Ухта – Торжок 2 – это 970 км, проектная мощность 45 млрд кубометров газа в год. В составе магистрали предусмотрено строительство 8 компрессорных станций общей мощностью 689 МВт... Ух ты! Вот это Ухта – дух захватывает, – наверное, впечатлился телезритель* (СР. 29.10.2015. № 120. С. 2); *День лука в Лухе* (СР. 27.08.2013. № 95. С. 4) – Лух – поселок в Ивановской области; *Недаром же Алексей Навальный*

только что выдвинул аналогичный законопроект и открыл сбор подписей за него в интернете. Но **Навальному** – **навальное**. Он ведь не голосовал за постановление Государственной думы от 15 марта 1996 года, гласящее, что Беловежское соглашение не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР (СР. 17.10.2013); Каждое утро в лагере начиналось с речевок типа «Россия **на распутье**. **Путин! Путин! Путин!** А фоном шла цоевская песня «Перемен!» (СР. 15.08.2013. № 90. С. 2) – здесь актуализирован прием этимологизации ИС. Ср. также об одном из инициаторов демонтажа памятника Родина-мать и арки Дружба народов в Киеве: <...> **В. Кадыгроб** (фамилия соответствует внутреннему содержанию и деятельности), арт-менеджер <...> (эти «**гробы**» стравливают одну часть украинского народа с другой, довели уже до жесточайшего братоубийства с сотнями тысяч **гробов**) <...> (СР. Голос народа. 16.06.2016. № 20. С. 7). См. еще пример с отсутствием в тексте подлинного этимона-мотиванта, с его имплицитным оживлением – с текстовой импликацией: *Еще бы, **Немцов** – стало быть, лишнего не **растреплет*** (СР. 25.04.2015. № 43. С. 4). Информация о внутренней форме ИС (в том числе в переводе с другого языка) используется в публикациях для выражения крайнего неприятия лиц и их действий, сарказма по отношению к ним. См. о фамилии украинской русофобки **Фарион**: **Фарион на идиш** означает не просто жулик, а **мелкий мошенник** или, точнее, **обманищик**, не получающий пользы от своего обмана – ради интереса. Но корни стопроцентно еврейские, славянского имени, как и слова «**фарион**», – не существовало!; **Фарион на идиш** – **плут, мошенник**...; **Фарион** – это не славянская фамилия. **Фарион** значит **прохиндейка, урод**. (СР. 12.04.2014. № 41. С. 4).

Используется прием намеренного сопряжения ИС с его дериватом, в том числе графодериватом: **Погайдачили – Гайд-парк** (СР. 28.05.2015. № 55. С. 7); **Упыри. Рас-КОХтались** – Альфред **Кох** начал **кохать** (СР. 16.04.2015. № 50. С. 4).

Возможно и произвольное сближение единиц на основе фонетического подобия: «Словно издеваясь над именем гения человечества, либеральные недотёпы назвали им дорожный побор с большегрузов. «**Платон**» стало звучать как предупредительный выстрел бандита с большой дороги – **плати** и все тут!» (СР. 28.01.2006. № 2. С. 11); **Утопили пенсии** – глава Минтруда **Топилин** (СР. 30.04.2016. № 46. С. 2).

Активна реализация этой функциональной модели сближения, столкновения (фонетического, семантического, ассоциативного, деривационного) единиц в заголовках, подзаголовках, а также элементов заголовков и текстов статей. Например: **Проживи на МРОТ и не умри!** (СР. 26.09.2017. № 110. С. 1); **Рада мало радует** – статья об особенностях выборов на Украине (СР. 01.11.2012. № 122. С. 1); **На «Дожде» слез не лил** (СР. 23.06.2016. № 78. С. 4); **Грустная «Дума» прозвучала в Думе** – депутат Владимир Симагин о лермонтовском 200-летию (СР. 16.10.2014. № 116. С. 2); **Пан Чистый на руку нечист?** – статья о грандиозном коррупционном скандале в Чехии, в центре которого оказался премьер-министр **Петр Нечас**. Характерно, что сам **Петр Нечас** шел к власти под антикоррупционными лозунгами, соратники даже прозвали его «пан Чистый». И вот теперь в его чистоте возникли очень серьезные сомнения (СР. 18.05.2013. № 65. С. 4); **Был ли «перебор» у Недобора?** – Главное военное Следственное управление СКР предъявило обвинение директору Департамента аудита государственных контрактов (ДАГК) Минобороны 38-летнему **Дмитрию Недобору**. По версии следствия, он хотел получить откат за одобрение госконтракта на 6 млрд рублей (СР. 24.12.2015. № 144[14239]. С. 2); **Царский подарок от ДАМа** – ДАМ и дам: **Дмитрий Анатольевич Медведев** подарил Норвегии часть **Баренцева моря**, в недрах которой нашли 1,9 млрд баррелей углеводородов (СР. 07.03.2013. № 25. С. 7); **Фонд «Дар», конечно, знает, кого надо одарить** (СР. 01.02.2014. № 11. С. 4); **Якогорбачевцы** – в статье повторяются дериваты, **Якогорби, Якогорбачевцы, Горби, якогорбаши** (**Яковлев + Горбачев**) – предатели, разрушители державы, агенты влияния (СР. Улики. 14.04.2016. № 39. С. 10–13);

От Бильдерберга к ГУЛАГбергу – в тексте словоупотребления: *Бильдербергский клуб, Бильдербергская встреча, Yoogole, Бильдерберг, Гуглберг, элетронный ГУЛАГ* (СР. 23.06.2015. № 65. С. 4). Многие заголовки имеют многомерную ассоциативность: *Високосный Месяц*: месяц (февраль високосного года), фамилия Месяц (выдающийся физик, лауреат многих премий, академик А. Г. Месяц, родившийся 29 февраля 1936 г., високосного года) (СР. 27.02.2016. № 20. С. 2).

Используются ИС в заголовках и на уровне языковой игры: Козлы в Дохе – Мирные переговоры 16 стран – добытчиков нефти (члены ОПЕК без Ирана и Ливии плюс Россия, Азербайджан, Казахстан, Мексика и Оман) в столице Катара Дохе завершились провалом. Достичь хотя бы временного перемирия, а именно соглашения о заморозке на полгода январского уровня добычи, не удалось. Как уже обыграли ситуацию острословы, доха оказалась слишком жаркой для замораживания. (СР. 19.04.2016. № 41. С. 3).

Число примеров можно множить и множить. Все приведенные и подобные речевые факты представляют собой результат реализации многомерного потенциала ИС как языковых, лексических знаков, их полифункциональности. Помимо основных функций – номинативно-выделительно-дифференцирующей, индентифицирующей – и целого ряда дополнительных – социальной, кумулятивной, информационной, мемориальной, адресной и др. [см.: 3, 33–38, 62–63; 2, 59–65] – в публицистике актуализируются мировоззренческая, идеологическая, политическая функции и соответствующая окрашенность, коннотативность ИС. Этому способствуют различные текстовые приемы использования ИС, их дериватов и ассоциатов: метафоризация, оживление внутренней формы, ассоциативное наполнение, соположение с мотивантами и этимонами (подлинными и мнимыми), семантическое сближение и отталкивание и др. Задействованные здесь единицы оказываются семантически и функционально нагруженными, причем подчас в высокой степени, и приобретают зачастую символический смысл.

ИС, единицы, создаваемые на их базе, используемые в медийном тексте, сопрягаясь с другими его единицами, представляют собой колоритное, яркое, художественное, публицистическое средство, совершенно необходимое в оппозиционном источнике. В целом привлечением онимического пласта и приемов использования его конкретных единиц в газетном дискурсе оппозиционного толка реализуется интенция критической оценки деятельности, политики отдельных лиц, прежде всего как представителей власти, разоблачения и обличения их, связанных с событиями, происходящими на том или ином пространстве страны. Тем самым соответствующие единицы, имея объемную ассоциативную семантическую, функциональную нагруженность, силу воздействия, художественный, образительно-выразительный, обличительный эффект, как нельзя лучше выполняют свою роль, вписываясь в информационную, политическую, мировоззренческую, патриотическую, воспитательную направленность медийного источника оппозиционного толка – газеты, выражающей голос, мнение народа, защищающей интересы обездоленной его части.

Литература

1. Климкова, Л.А. Онимы в газетном дискурсе: трансформация семантики и формы / Л.А. Климкова // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сб. статей по материалам Международной научной конференции. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С. 302–307.
2. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
3. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука. 1965. – 180 с.
4. Рацибурская, Л. В. Специфика современного медийного словотворчества / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – С. 150–229.

УДК 801.311:81-23

ТОПОЗНАК: ЛЕКСИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ VS ГРАММАТИЧЕСКАЯ ДЕНОТАЦИЯ

Ключевые слова: *топоним, мотивация, денотация, анализ по элементам, анализ по единицам, смысловая структура.*

В статье представлен альтернативный традиционному подход к топониму с позиций денотативных характеристик. Автор показывает преувеличенный интерес в современной топонимике к структурному словообразованию и интерпретации единичных признаков, лежащих в основе топонимов. Топоним рассматривается как целостная сущность, которая реализуется в четырех апперцептивно связанных смысловых структурах.

Aleh I. Kopach
Belarusian State University

A TOPOSIGN: LEXICAL MOTIVATION VS GRAMMATICAL DENOTATION

Key words: *place name, motivation, denotation, analysis by elements, analysis by units, meaningful structure.*

The article presents an approach to place names from the positions of their denotative characteristics which is alternative viewpoint to the traditional studying names. The author shows a traditionally exaggerated interest to the structuralistic word-formation and interpretation of individual attributes reflected in toponyms. A place name in his work is viewed as an integral entity that is realized in four apperceptively related meaningful structures.

Имена собственные до настоящего времени изучаются прежде всего как лексические единицы. Об этом говорят в том числе результаты деятельности ономастов – словари (а не грамматики) географических имен различных регионов, рассмотрение всех собственных имен в разделах, посвященных лексике, в рамках учебников и пособий по языкознанию. Всё лексическое, связанное с топонимами, кажется настолько же стабильным, насколько однозначным представляется большинству лингвистов асемантический статус собственных имен.

Этому, конечно, поспособствовал многолетний опыт работы с именами сначала этимологов, а затем представителей структурного языкознания. Первые начали с анализа языковой принадлежности формантов, а после и топооснов, вторые ввиду обесмысливания семантики формантов склонялись к поиску интерпретации топоосновы, попутно фиксируя средства языка, используемые для создания формы топонима. Вопрос о плане содержания топонима сводился к редуцированному представлению о семантике топоосновы. Если говорить об интересе к грамматическим свойствам топонима, то для ономастов он был связан со способами топонимобразования – как аналитическими, так и синтетическими. В пределах синтетических выявляются суффиксы и префиксы, исследование аналитических предполагает выявление видов связи в словосочетании. В целом, грамматика имени рас-

сматривается с позиций словообразования. Этнолингвистическая топонимика обращается к представлениям о пространстве, отраженным в именах, но это прагматическая информация, которая сгруппирована в топооснове и иногда в форманте. Об анализе типов содержательной связи в пределах имени речи не идет.

По традиционной словообразовательной схеме анализа онимов начинать анализ следует с поиска мотивирующего признака. В результате определяются топооснова и топоформант. Традиционно далее следует двигаться от производящего к производному. Если анализировать топоним таким способом, то движение будет от признака одного объекта к признаку другого объекта – объекта совершенно другой природы и происхождения, например, от собственного имени реки к собственному имени болота: амер. *Alder Brook* > *Alder Brook Swamp*, *Bell Creek* > *Bell Creek Swamp*, бел. *Арэса* > *Арэскае балота*, *Дзітва* > *Дзітвянскае балота*. Однако природный объект *болото* существенно отличается от природного объекта *река*.

Чувственное познание объекта сначала заставляет человека определить его природу и только после этого прибегать к единичным признакам, тем более что «обозначение предмета словесным знаком опосредовано понятием о нем» [6, 31]. И это понятие является, прежде всего, понятием о предмете, а не о его признаке. Кстати, большинство топонимных формантов имеют субстантивную природу или, по крайней мере, предполагают наличие субстантиватора, т. к. признак не может существовать без своего носителя. Следовательно, начинать рассмотрение собственных имен географических объектов стоит с субстантивного компонента.

Словообразование не зря называют грамматикой лексикона. Оно сочетает в себе черты двух основных разделов лингвистики, но при этом само не обладает самостоятельным статусом, находится на периферии и лексикологии, и грамматики. Такое положение дает нам не только понимание взаимосвязи двух разделов языкознания в акте создания имени, но и возможность посмотреть на языковые единицы, в частности топонимы, с нетрадиционной для ономастики стороны – грамматической денотатики (собственные имена объектов более непосредственно связаны с реальностью, чем нарицательные), а затем соотнести функциональную роль каждого из компонентов в акте номинации с практическими целями номинатора единичных объектов. Этот важный «разворот» исследования от направленности на интерпретацию признака к обоснованию функциональной важности обеих частей онима позволяет увидеть логику порождения смыслов топонима и подтвердить позицию Ю.М. Лотмана, который замечает, что на периферии системы возможна сохранность памяти всей системы [5, 98].

С нашей точки зрения, невнимание к объектным характеристикам единичных имен ведет к обособленному вниманию к каждой из частей онима – двух равноправных с позиций теории познания элементов и, как результат, к обособлению лексических и грамматических характеристик. Аналитическое разделение дает элементы, которые не обладают таким основополагающими свойствами знака, как преднамеренность и коммуникативность. Синтез частей имени и обоснование структуры этого синтеза поэтапной фиксацией результатов человеческой деятельности по означиванию единичных объектов собственными именами может стать направлением, которое естественно объяснит сосуществование и развитие в топонимном знаке двух категорий и варианты реализации инвариантной структуры онима «признак + объект».

Для анализа с позиций грамматической денотатики обратимся к разграничению анализа речевой деятельности по элементам и по единицам, которые предложил Л.С. Выготский. С его точки зрения, вследствие применения анализа по элементам «получаются продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, – элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить...» [1, 13–

14]. В то же время метод анализа, расчленяющий сложное единое целое на единицы, способствует не только сохранению всех основных свойств, присущих целому, но также раскрытию характеризующих деятельность отношений [4, 17].

Для нахождения этих единиц в деятельности по созданию топонимов следует начать с тех собственных имен, структура которых содержит топооснову, равняющуюся слову, и нулевой топоформант, но которые, несмотря на простоту своего строения, способны играть роль имени собственного. В нормальном случае это будет онимизированный географический апеллятив типа *река, озеро, болото* или другие слова, обозначающие топообъект в нарицательной лексике: англ. *the Run, the Swale, the Peak*; амер. *the Cove, the Desert*; слов. *Potok, Hat', Močar*; бел. *Возера, Горы, Балота, Рака*. Вывод психологов и когнитологов о первичности восприятия человеком предметов и только потом их качеств и отношений лишь подтверждает логику нашего рассуждения.

Дальнейшее движение человеческой мысли при номинации единичных объектов основано на определении в объекте и репрезентации в знаке индивидуализирующей составляющей: англ. *English Channel, Sarclet Head, Bardon Hill*; амер. *Big Swamp, McCaslin Marsh, Bear Rock Swamp*; слов. *Červený potok, Čierna skala, Kováčov potok*; бел. *Крываль, Заграддзе, Ганчарова*. Действия по номинированию объектов становятся более сложными, но единица деятельности, которая была найдена на предыдущем этапе (представленная географическим термином), сохраняется в сознании и в новом имени, а значит, на каждом из этапов свойства, присущие целостному восприятию объектов и их передаче, также сохраняются.

Третий этап наделяет дополнительным признаком объекты, которые уже имеют один дифференциатор: англ. *Linga Island > East Linga Island*; амер. *Cedar Swamp > Acushnet Cedar Swamp, Bolton Cedar Swamp, Pocasset Cedar Swamp*; слов. *Jánošov potok > Jánošov dlhý potok*; бел. *Мох Васілеўшчына > Мох Дальняя Васілеўшчына, Мох Бліжняя Васілеўшчына > Мох Дальняя Васілеўшчына 2*.

В том случае, когда классифицирующий компонент имени перестает соотноситься с видом объекта номинации, наступает четвертый этап, при котором имена становятся «топонимными фразеологизмами»: амер. *Burgaw Savannah, Blue Desert*; бел. *Дзегцеў Луг, Новы Мост* в названиях болот.

Каждый из этапов – своеобразная остановка в деятельности и сохранение достижений мыслительно-коммуникативного механизма. Механизм неслучаен, т.к. отработан на практике и воспринимается как необходимый (ср. понимание топонима как сочетание топоосновы и топоформанта), а признаки, которые различают объекты, варьируют, что обеспечивает разнообразие топонимов.

Подход лингвистов к онимам как в принципе к единому классу также не обременен стремлением к поиску естественности в топонимной номинации. Если на первоначальном этапе существования элементов, играющих роль собственных имен, можно предположить отсутствие иерархии среди названий объектов в силу разных причин (ограниченность горизонта наблюдения человека, неразвитость речи, развитие от конкретного к абстрактному и т.д.), то с течением времени (а вместе с тем расширением горизонта, развитием речи и грамматических разрядов, выработкой понятий и т.д.) человеческие предпочтения должны были дать о себе знать. Говоря словами Л. С. Выготского, «*речь своим появлением принципиально изменяет сознание*» [2, 165]. Оно становится знаковым, а одним из главных законов семиотики становится формула «“знак за знак” (знак может быть интерпретируемым другим знаком или цепочкой знаков и только так происходит развитие значения знака» [3, 266]. Различная «длина» знаков, а также степень независимости от других топонимов свидетельствуют о предпочтениях людей в выборе фигур и фона среди онимов.

Наиболее значимые для человека, способные служить четкими ориентирами (своеобразным началом координат) объекты должны быть самодостаточными, т.е. не осуществлять референцию через имена других объектов, быть структурно минимальными (в идеале – два компонента: классификатор и дифференциатор) для полноценного осуществления своей функции. В наибольшей степени такому описанию подойдет структура, в которой эксплицитно будут представлены категории объекта и признака. Такое имя будет представлять собой лучший образец единичного объекта. Очевидно, что будут и другие имена – те, которые будут «недотягивать» до этого образца (им будет не хватать своего объекта или признака), а также те, которые «перебарщивают» (им недостаточно одного признака).

Таким образом, учет данных денотативной грамматики топонимов позволяет рассмотреть функциональные возможности компонентов имен различных видов объектов без обращения к «случайным» мотивирующим основам имен. Кроме того, последовательность реализации значимых для топонима признаков выявляет четыре значимых схемы взаимоотношений категорий объекта и признака в топонимии.

Литература

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 570 с.
2. Выготский, Л. С. Проблема сознания. Запись основных положений доклада / Л. С. Выготский // Собр. соч. в 6-ти тт. – Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – С. 156–167.
3. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 332 с.
4. Леонтьев, А. Н. Общее понятие о деятельности / А. Н. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М. : Наука, 1974. – С. 5–21.
5. Лотман, Ю. М. Динамическая модель семиотической системы / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3-х тт. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 90–101.
6. Уфимцева, А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия // Языковая номинация (общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 7–98.

Н.А. Максимчук

Смоленский государственный университет
e-mail: nmaximchuk@yandex.ru

УДК 811.161.1'373

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ СМОЛЕНСКО-ВИТЕБСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: *имя собственное, ономастический маркер, приграничье, культурное пространство, ассоциативный эксперимент, лингвокультурная ценность онима, принцип симметрии.*

В статье рассматривается проблема формирования, существования и функционирования единого культурного пространства на территориях контактирующих языков и культур. На материале Смоленско-Витебского приграничья характеризуются способы выявления ономастических маркеров культурного пространства. Описываются основные критерии отнесения той или иной ономастической единицы к числу такого рода маркеров. В качестве главного критерия при решении указанной задачи

предлагается рассматривать сопоставимо высокий уровень лингвокультурной ценности онима для представителей обеих сторон приграничья. Обосновывается использование при описании ономастических маркеров культурного пространства приграничья принципа симметрии. Этот же принцип рассматривается в качестве ориентира при построении лингвокультурологических словарей, посвящённых описанию ономастических маркеров приграничья.

N.A. Maksimchuk
Smolensk State University

ONOMASTIC MARKERS OF THE SMOLENSK-VITEBSK BORDERLAND: WAYS TO IDENTIFY AND DESCRIBE

Key words: proper name, onomastic marker, borderland, cultural space, associative experiment, linguo-cultural value of the onim, symmetry principle.

The article deals with the problem of the formation, existence and functioning of a single cultural space in the territories of contacting languages and cultures. The material of the Smolensk-Vitebsk borderland is characterized by ways to identify onomastic markers of cultural space. The main criteria for assigning one or another onomastic unit to the number of such markers are described. As the main criterion in solving this problem, it is proposed to consider a comparatively high level of linguo-cultural value for both sides of the border. The use of the principle of symmetry in the description of onomastic markers is substantiated. The same principle is considered as a guide in the construction of linguo-cultural dictionaries, devoted to the description of onomastic border markers.

Исследования приграничных территорий в самых разных аспектах – историко-культурном, этнографическом, социологическом, экономическом, лингвистическом, лингвокультурном и др. – приобретают в последние десятилетия всё большую актуальность. Это связано как с общеглобалистскими тенденциями современного мирового устройства, с широким развитием интеграционных процессов и т.д., так и с усиливающейся реактивной тенденцией к сохранению – в противовес глобализации – собственной национально-культурной идентичности. На этом фоне интерес к тесно контактирующим территориям, в частности – к Смоленско-Витебскому приграничью, проявляемый лингвистами, лингвокультурологами и специалистами смежных научных областей, усиливается в связи с тем, что они (территории), в полной мере сохраняя черты индивидуальности, языкового и национального своеобразия, в то же время показывают, каким тесным и многообразным может быть взаимовлияние и взаимопроникновение культурно-языковых особенностей этих территорий, сложившееся на протяжении многовекового сосуществования контактирующих народов, языков, культур. Изучение этого опыта, помимо собственно научного, лингвистического и лингвокультурологического значения, может быть весьма полезным с практической точки зрения: Смоленско-Витебское приграничье можно рассматривать как одну из оптимальных моделей естественного межкультурного и межкузыкового взаимодействия.

Исследованию Смоленско-Витебского приграничья в разных направлениях посвящены многочисленные труды белорусских (А. М. Мезенко, В. А. Маслова, С. В. Николаенко, В. М. Генкин, А. Н. Деревяго, Г. К. Семенькова и др.) и смоленских (И. А. Королёва, А. Н. Соловьёв, О. С. Евсеева, Н. В. Кузьмина и др.) лингвистов. Особое место в этих исследованиях принадлежит работам, посвящённым ономастическому материалу. Если исходить из того, что культурно-языковая специфика приграничья во многих случаях позволяет характеризовать эти территории как единое *культурное пространство* [2], существующее в двух национальных вариантах, то следует признать,

что важнейшее место в структуре этого пространства принадлежит – благодаря присущей ему функции культурного знака – имени собственному. Таким образом, в рамках рассматриваемой проблемы характеристика культурного пространства Смоленско-Витебского приграничья предполагает всестороннее исследование его ономастикона. Ключевыми понятиями исследования будут следующие: *ономастический маркер*, *лингвокультурная ценность*, *симметрия ассоциативно-культурного фона*.

Для решения этой проблемы необходимо: 1) определить состав культурно значимых имён собственных российской территории Смоленско-Витебского приграничья, 2) определить состав культурно значимых имён собственных белорусской территории Смоленско-Витебского приграничья, 3) структурировать выявленные единицы с учётом уровня их лингвокультурной ценности, 4) на основе принципа симметрии ассоциативно-культурного фона выявленных онимов определить состав ономастических маркеров Смоленско-Витебского приграничья.

1–2. При выполнении первой задачи может быть использован ассоциативный эксперимент. Словами-стимулами для обеих сторон могут быть следующие: *Смоленщина*, *Витебщина*, *Смоленско-Витебское приграничье*, *Витебско-Смоленское приграничье*. Подробная методика выявления ключевых ономастических единиц смоленского культурного пространства описана в работах Н. В. Бубновой [1 и др.]. Проведённый исследователем масштабный ассоциативный эксперимент, дополненный целевыми опросами, позволил выявить ономастическое ядро смоленской территории приграничья. Подобные результаты для витебской стороны получены в исследованиях А. М. Мезенко [4 и др.], В. А. Масловой и С. В. Николаенко [3]. При необходимом дополнении эти материалы могут быть использованы для решения первой задачи.

3. В основе структурирования зафиксированного в ходе эксперимента материала лежит привлечение критериев частотности и распространённости полученных реакций, в результате чего выделяется ядро, центр и периферия ономастического пространства. Выделенное ядро и околождерная часть (центр) корректируются с учётом уровня лингвокультурной ценности ономастических единиц. Статус ономастического маркера культурного пространства Смоленско-Витебского (Витебско-Смоленского) приграничья получают онимы, характеризующиеся следующими параметрами: 1) частотность и распространённость выше порогового значения (определяются с учётом числа респондентов и количества реакций), 2) наличие и количество культурно значимых реакций (лингвокультурная ценность).

4. Первым критерием при определении состава ономастических маркеров Смоленско-Витебского приграничья является принцип симметрии. Он заключается, в первую очередь, в наличии данного онима в составе и смоленского и витебского материала. Далее учитывается принцип симметрии ассоциативно-культурного фона выявленных онимов, что предполагает выявление общих (или близких) ассоциаций, связанных с тем или иным стимулом, в составе и смоленских и витебских реакций. Статус ономастического маркера культурного пространства Смоленско-Витебского приграничья получают те единицы, которые превышают пороговое значение по обоим параметрам.

Анализ количества и состава выявленных ономастических маркеров, совпадение / несовпадение сопутствующего им ассоциативно-культурного фона в восприятии представителями смоленской и витебской сторон приграничья позволяют сделать обоснованный вывод о реальности понятия *единое культурное пространство* по отношению к Смоленско-Витебскому приграничью.

Практическим продолжением такой работы может стать создание двусторонним авторским коллективом лингвокультурологического словаря ономастических маркеров Смоленско-Витебского приграничья, основным принципом организации которого следует признать принцип симметрии, или зеркальности. На основе этого принципа в структуре словарной статьи должны быть выделены две части, отражающие сходство и раз-

личия в восприятии ономастических маркеров представителями двух сторон приграничья. Такого рода словарь, помимо собственно лингвокультурологического значения, будет иметь просветительское, образовательное значение, будет способствовать, с одной стороны, сохранению и поддержанию на приграничных территориях общей исторической памяти, общего представления о духовных и культурных ценностях наших народов, и, с другой стороны, лучшему пониманию индивидуальности, особенностей мировидения, мировосприятия друг друга.

Литература

1. Бубнова, Н. В. Использование метода ассоциативного эксперимента в ономастических исследованиях (из опыта работы со смоленским материалом) / Н. В. Бубнова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – С. 10–14.
2. Быстрова, А. Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа) / А. Н. Быстрова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 240 с.
3. Маслова, В. А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник культурное пространство Витебщины / В. А. Маслова, С. В. Николаенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. – 164 с.
4. Мезенко, А. М. Особенности ономастических фоновых знаний о Витебске у студентов-иностранцев / А. М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2014. – Т. 27, № 1. – С. 245–249.

В.А. Маслова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mvavit@tut.by

УДК 811.161

ОНОМАСТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Ключевые слова: *лингвокультурология, лингвоконцептология, топоним, концепт.*

В статье показано, что взгляд на ономастику с точки зрения лингвокультурологии сейчас актуален, т.к. демонстрирует переход от ономастики «имманентной», системно-структурной, к ономастике антропоцентрической, рассматривающей языковые номинации в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью, частью которой должны стать наиболее общие ономастические проблемы.

V.A. Maslova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ONOMASTICS THROUGH THE PRISM OF LINGUOCULTUROLOGY

Key words: *linguoculturology, linguo-conceptology, toponym, concept.*

The article shows that the examination of onomastics from the point of view of linguoculturology is now actual, for it demonstrates the transition from «immanent», system-structural onomastics to anthropocentric one, considering linguistic nominations in close connection with man, his thinking, spiritual and practical activity, part of which should be the most common onomastic problems.

К началу ХХI века стало понятно, что лингвокультурология должна исследовать не только взаимодействие языка и культуры, но и решить проблему соотношения и взаимосвязи языка и личности, ее сознания, мышления. Проблемы языка и языкового сознания в аспекте обеспечивающих их мозговых механизмов чрезвычайно важны, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык – особая видоспецифическая способность мозга. Об этом уже пишут сейчас исследователи (Т. Нагель, Т. В. Черниговская, Ж. И. Резникова и др.). А это – междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук – от философии, этнолингвистики, лингвокультурологии до биологии и физиологии.

Цель данной статьи – помочь увидеть тот культурный фон, который стоит за ономастическими единицами и который позволяет соотносить поверхностные структуры онима с их глубинной сущностью, т.е. с культурой.

Актуальность продиктована необходимостью по-иному посмотреть на традиционную системно-структурную ономастику.

Материалом исследования послужили около 200 словоупотреблений с топонимом *Орша*. Особое значение придавалось этому топониму при функционировании в художественных текстах – в стихах оршанских поэтов. Методы исследования – когнитивно-дискурсивного моделирование смыслов концепта в различных ситуациях (сценах), контекстах.

Результаты и их обсуждение. *Культуроцентричность* – это важнейшая тенденция всей современной лингвистики. О самой возможности изучать язык во взаимодействии с культурой писали В. Гумбольдт, А. Брюкнер, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, а в ХХ веке В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Н. И. Толстой, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др. Именно их работы подготовили почву для того, чтобы принять следующий постулат: *Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.* Это положение полностью соответствует утверждениям В. Гумбольдта о том, что изучение языка не может протекать изолированно от культуры, носителем которой является каждый носитель языка и этнос, к которому он принадлежит, поскольку «...язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», это сумма всех слов, «объединенная духовная энергия народа...» [2, 348].

Культура организует мысль языковой личности, формирует языковые категории и концепты. В своей деятельности человек имеет дело с репрезентациями мира в языке, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир, именно языковой материал является наиболее весомой, часто самодовлеющей информацией о мире и человеке в нем.

Такой подход привел к изменению понимания культуры. Под влиянием когнитивной науки культура трактуется как «внутренняя концептуальная система, управляющая поведением человека» [3, 235]. Отсюда возможен вывод, что язык интерпретирует мир, создавая особую реальность, в которой живет человек.

Культура – это результат человеческой деятельности. Например, лист клена, висящий на дереве, – это часть природы, а тот же лист в гербарии – это уже часть культуры; камень, лежащий на обочине дороги, – первосущность, а тот же камень, положенный на могилу предка, – культура. Таким образом, *культура* – это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы видения, понимания и преобразования мира. Культура – это искусственная среда, созданная специфической человеческой деятельностью. Но не всякая деятельность порождает, например, духов-

ную культуру, а только та ее часть, которая носит сакральный характер либо связана с поисками смыслов бытия.

Во второй половине XX века проблема взаимодействия языка и культуры пытаются решить многие отрасли лингвистики – она исследуется в межкультурной коммуникации (60-е годы XX в – США), лингвострановедении (70-е г), лингвокультурологии (90-е г XX века), антропологической лингвистике.

В настоящее время мы наблюдаем стремительное развитие лингвокультурологии – науки, посвященной изучению и описанию корреспонденции языка и культуры их взаимодействию. При этом внимание привлекается к говорящему человеку.

Итак, язык и культура тесно взаимосвязаны, и это аксиома. Но как именно? Что является связующим звеном? Это как раз и является актуальнейшей на сегодняшний день проблемой, которая целым рядом лингвистов, философов, лингвокультурологов решается по-своему.

В этот период появился целый ряд новых направлений в лингвокультурологии: – это 1) лингвокультурная лексикография (словарь «Русское культурное пространство» под ред. В. В. Красных и др.); 2) методика преподавания языка (РКИ-методики); 3) региональная лингвокультурология; 4) сопоставительная лингвокультурология; 5) Лингвокультурология поликультурного пространства (Г. Богданович), 6) экспериментальная лингвокультурология (М. Л. Ковшова); 7) синергетическая лингвокультурология, в которой на первый план выдвигается креативное измерение языка и культуры. 8) начинают использоваться результаты лингвокультурологических исследований и в ономастике, хотя о формировании лингвокультурологической ономастики говорить еще рано.

Сейчас наступило время разработки *фундаментальной междисциплинарной теории*, которая исследует вопросы взаимодействия следующих феноменов – человека, его сознания, мышления и языка. Такая междисциплинарная теория должна возникнуть вокруг ономастики, так в своем традиционном виде эта наука себя почти исчерпала: трудно найти новый ономастический материал, который не был бы описан. Отсюда всяческие изощрения – от изучения названия банков и других новых реалий до названий на афишах и баннерах.

Как же используются лингвокультурологические данные в ономастических исследованиях? Часто здесь лингвокультурологический подход понимают «по старинке» – как этнонимы в языке. Но возможен и другой путь.

В настоящее время общепризнанным является понимание того, что результаты, полученные в смежных областях – экономике, этнолингвистике, психолингвистике, культурологии, социологии, когнитологии – выступают необходимой частью лингвокультурологических исследований, в то же время привлечение экстралингвистических данных расширяет возможности языкознания, т.е. происходит взаимообогащение взаимодействующих научных дисциплин в определенном пространственно-временном историческом и социокультурном контекстах.

При этом мы не должны впасть в научную ересь. Например, многие ономасты до сих пор отождествляют лингвокультурологию и лингвострановедение. Лингвострановедение особенно активно занимается исследованием безэквивалентной лексики (*щи, лапти, самовар* и под.), лексики, называющей культурные и природные объекты страны изучаемого языка (*Кремль, Витебск* и др.). Думается, что эта лексика, как и лексика в первичной номинации вообще, не формирует особого видения мира, она лишь фотографирует предметный мир. Особое видение мира создает то имплицитное, что наполняет новыми красками картину мира конкретного народа. *Кремль* становится объектом лингвокультурологии во вторичной номинации (*Кремль постановил, кремлевские жёны* и под.). Отсюда вывод, что превалирующий сейчас лингвокультурный подход в

ономастике на самом деле – это лингвострановедческий подход, активно развивающийся еще в 80-е годы прошлого века.

Думается, что руководством в привлечении лингвокультурологических данных в ономастику должно стать следующее положение. **Культурно-национальное, заложенное в слове либо другой языковой единице, имплицитно, оно скрывается в своеобразной пропозиции, и задано лексикой со специфическим проявлением комбинаторных свойств ее единиц.** Отсюда – дискурсивный подход к ономастической единице.

Один из вариантов такого подхода представлен в нашей статье, в которой на примере названий малых городов показано, как взаимодействуют культура, языковое сознание и ономастические единицы.

Для этого мы попытаемся реконструировать названия городов Витебщины как концепт-ценность. В современной лингвистике распространено мнение, что в каждой культуре имеется своя система ценностей и норм, разделяемая всеми носителями данной культуры. Именно вокруг ценностей формируются важные для культуры концепты.

На Витебщине около 20 малых городов с населением от 10 до 200 тысяч. Это Барань, Браслав, Верхнедвинск, Городок, Глубокое, Докшицы, Дубровно, Лепель, Миоры, Новополоцк, Новолукомль, Орша, Поставы, Полоцк, Сенно, Толочин, Чашники и др. Некоторые из них почти до конца прошлого века были рабочими поселками (Барань и др.).

Каждый топоним – концепт в языковом сознании жителей области, который нужно реконструировать. Под концептом мы понимаем смысловые кванты человеческого бытия в мире, которые закрепляются в единицах языка. Если обратиться к сфере языкового сознания [4], то за каждым концептом стоит та или иная концептуальная структура, за ним кроется в нашем сознании стереотипная ситуация, которую он замещает. Большинство лингвистов на сегодняшний день считают, что у концепта полевая структура. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический», подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. На нечеткость границ поля указывает, например, В. А. Виноградов: «Границы концептуальных полей нерезки и подвижны, а это означает, что в поле концепта могут втягиваться новые элементы, и сила аттракции прямо пропорциональна мощности концепта и массе его поля» [1, 14]. И это действительно так, ибо концепты – это динамические образования; они имеют расплывчатые границы: то расширяются, то сливаются, или, наоборот, разбиваются на части. Соответственно, изменяется и все поле.

Мы предлагаем реконструировать его по следующей модели: **ядро, периферия (ближняя и дальняя) и интерпретационная (образная) зона**. 1. В ядре поля находится ценность, т.е. само имя ценностного концепта – Орша. 2. В ближней периферии хранится фактологическая информация о том, что первое упоминание об Орше встречается в «Повести временных лет» в 1067 году как о поселении на реке Рши. Сейчас этот город располагается на территории впадения реки Оршицы в Днепр. Магдебургское право город получил в 1620 году. В 1772 году город вошел в состав России и др. 3. Дальняя периферия. В дальней периферии располагаются культурно-значимые признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями регионального социума, со стереотипами и образами регионального языкового сознания. Так, Орша – светлая, красивая, родная. Эти смыслы – результат когнитивной деятельности человека. Кроме того, это культурно нагруженная когнитивная структура: Орша – древняя, мудрая, труженица. 4. В интерпретационной зоне (образной части) фиксируются разные поэтические образы города, созданные с помощью многочисленных тропов (чаще всего олицетворений), коннотаций, метафор, игры внутренней формой. Реконструируется данная зона на основе художественных (поэтических) текстов.

Заключение. Таким образом, ономастическое исследование ключевых для региональной культуры прецедентных имен-топонимов (*Витебск, Орша, Городок, Миоры* и под.) должно включать реконструкцию полноценного ценностного концепта, т.е. объективацию содержания ментальных образований в народном сознании. Реконструкция их должна идти по четырем аспектам: как ценность, как понятие, как образ и как зона интерпретации (в художественном, публицистическом и других видах дискурса).

Литература

1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Виноградов, В. А. Концепты и языковые заимствования / В. А. Виноградов // Вопросы филологии. – №3. – 2010. С. 3–14.
3. Лурье, С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы : учебное пособие / С. В. Лурье. – Изд. 2. – М., 2005. – 624 с.
4. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1–3 июня 2000 г. / Под ред. Е. Ф. Тарасова. – М., 2000. – С. 3–4.

А.М. Мезенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mezenka1@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.211.5[476.5]''15/16''+'20''

ОТОЙКОДОМОНИМНЫЕ НАЗВАНИЯ УЛИЦ В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ XVI–XVII И XXI ВВ.: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *ойкодомоним, отойкодомонимный, трансонимизация, урбаноним, урбанонимикон, эргоним.*

В статье в сопоставительном аспекте исследуются названия внутригородских линейных объектов XVI–XVII и XXI вв., содержащие в своей основе ойкодомонимы; определяются их мотивационные группы. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются тенденции их развития.

А.М. Mezenko

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

OTOJKODOMONYM STREET NAMES IN BELARUSIAN CITIES XVI–XVII AND XXI CENTURIES: DEVELOPMENT TRENDS

Key words: *ojkodomonym, otojkodomonym, transonymization, urbanonym, urbanonymikon, ergonym.*

In article studies in comparative aspect the names of intracity linear objects of the 16th–17th and 21st centuries, which contain oikodomonims in their basis; their motivational groups are determined. The tendencies of their development are determined on the basis of semantic and quantitative parameters.

Терминологический аспект относится к одному из важнейших в развитии любой науки. Особую значимость приобретает он в процессе становления новой области знаний. И несмотря на то, что ономастика уже перешагнула начальный процесс своего становления, терминологический вопрос вновь и вновь возникает, о чем свидетельствуют публикации как русских (А. В. Суперанская, М. В. Горбаневский, Н. В. Васильева, Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун, Р. В. Разумов и др. [8; 2; 1; 4; 7]), белорусских (А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеев, О. А. Борисевич и др. [5; 3]), так и зарубежных (М. Гарвалик) ономатологов. Так, еще 40 лет назад не существовало единого устоявшегося термина для обозначения внутригородских объектов. Теоретическое обоснование термина *урбаноним* и места данного разряда собственных имен в ономастическом пространстве впервые было дано в 1973 г. в монографии А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного» [8, 187]. В 1970–1980-е гг. внутригородские объекты еще называют *микротопонимами* [1]. Даже в середине 1990-х годов вместо него использовали термин *городской топоним* [2].

Термин *ойкодомоним* сравнительно «молод»: в русистике он впервые зафиксирован Н. В. Подольской во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии»: «Ойкодомоним – имя собственное здания. Происх.: греч. ‘здание’; ‘строение’ + оним; обычно это имя здания в городе, которое известно не только как памятник зодчества, но и как учреждение, в этом случае это вид эргонима» [См.: 6, с. 88].

Трансонимизация, или переход названия из одного разряда в другой, – самый распространенный способ номинации. Поэтому ничего необычного в том, что в одном случае имя называет здание, являясь ойкодомонимом, а в другом – коллектив людей, работающих в данном учреждении, становясь эргонимом, нет, как нет в таком случае и отождествления терминов ойкодомоним и эргоним [7, 153].

В данном исследовании автор попытается, не претендуя на исчерпывающий анализ, сопоставить названия внутригородских линейных объектов, содержащих в своей основе ойкодомонимы, определить их мотивационные группы и на основе семантических и количественных параметров установить особенности функционирования названий в XVI–XVII и XXI вв.; выявить состав наиболее частотных из них.

Материалом для исследования послужили урбанонимы Беларуси, фиксируемые на картах и в официальных документах XVI–XVII и XXI вв. При подготовке данной статьи, помимо сведений, собранных в Центральном историческом архиве и областных исторических архивах Беларуси, были использованы материалы рукописного отдела библиотеки Вильнюсского университета, Военно-исторического архива (Москва) и Российского государственного архива древних актов, а также данных Интернета. Выбор в качестве начальной точки отсчета XVI в. был обусловлен тем обстоятельством, что первые отойкодомонимные урбанонимы на исследуемой территории получили фиксацию в документах указанного столетия.

Первая тенденция – резкое уменьшение числа урбанонимов, образованных от названий культовых сооружений, что связано со многими причинами, в том числе быстрым ростом городов; расширением реестра архитектурных объектов, которые в народном сознании воспринимались как способные служить адресом; сменой государственности и господствовавшей идеологии и т.п.

Данный вывод базируется на сопоставлении процентных показателей данной группы наименований внутригородских объектов исследуемых периодов: так, в XVI–XVII вв. на их долю, по нашим данным, приходилось 71,9% от общего числа отойкодомонимных названий, в XXI в. – 1,4% единиц (*Вознесенский пер.* – Полоцк, 1552 г.; *Покровская ул.* – Витебск, 2017 г. и под.).

Вторая тенденция – заметное (почти в восемь раз) увеличение числа наименований линейных объектов, восходящих к названиям зданий, занимаемых учебными заведе-

ниями и научными учреждениями, что может быть объяснено постепенным превращением городов в центры образования и науки.

В подтверждение этого вывода приведем следующие данные: в XVI–XVII вв. на долю исследуемой группы приходилось 4,7% от общего числа отойкодомонимных названий, в XXI в. – 36,9% единиц (*Школьная ул.* – Гродно, 1560 г.; *Университетская ул.* – Минск, 2017 г. и под.).

Третья тенденция – такое же (почти в восемь раз) произошло с течением веков увеличение названий улиц, образованных от наименований зданий, в которых размещаются лечебные учреждения.

Объяснение данному факту находим в истории. Лечебных учреждений вплоть до XVI столетия было немного. В указанное время появлялись шпитали (госпитали), которые, как правило, открывались и содержались феодалами, магистратами, православными и католическими соборами и монастырями, а также цеховыми объединениями. По данным Национального исторического архива Республики Беларусь, *Ulica Szpitalna* существовала в начале XVII в. в Несвиже (см.: КМФ-5, оп. 2, ед.хр. 53, с. 67–68).

Заметно увеличилось их число к XXI в. и к настоящему времени составляет 5,4%: *Больничная ул., Больничный пер.* – Поставы, 2009 г. и под.

Четвёртая тенденция – расширение групп урбанонимов, основой для образования которых стали наименования служб города, что легко объясняется повышением уровня обслуживания населения.

Сравним: в XVI–XVII вв. на их долю приходилось 5,5% от общего числа отойкодомонимных названий, в XXI в. – 19,6% единиц (*Гуменная ул.* – Пешатка Берестейского староства, 1566 г. Урбаноним мотивирован наименованием *гумен*, расположенных на улице, – расчищенных, часто огороженных, утрамбованных участков земли, на которых в хозяйствах складывали скирды необмолоченного жита, проводили его обмолот, а также веяние зерна; *Почтовый пер.* – Мёры, 2017 г. и под.).

Пятая тенденция – полное отсутствие в качестве мотиваторов наименований линейных объектов в XVI–XVII вв. названий военных объектов, зрелищных и спортивных учреждений, начавших проявлять номинационную активность лишь в конце XIX – начале XX в., ср.: Комендантская ул. (размещен комендантский дом со службами – Сенно, нач. XIX в.), *Саперная ул.* (размещены казармы саперного батальона – Гродно, 1912 г.), *Саперный пер.* (Полоцк, 1910 г.); единично зрелищных и спортивных заведений (*Театральная пл.* – Могилев, 1910 г., *Бассейная пл.* – Динабург, 1865 г.).

Таким образом, выявленные тенденции развития белорусских урбанонимикон XV–XVII – начала XXI в. свидетельствуют о расширении реестра тематических групп отойкодомонимных урбанонимов (в XVI–XVII вв. было 7, в XXI в. – 10) за счет наименований, мотивированных названиями воинских частей и элементов их инфраструктуры; зрелищных и спортивных заведений, а также ослаблением участия в номинации внутригородских линейных объектов названий культовых сооружений.

Литература

1. Воробьева, И. А. Системный подход в топонимике и история / И. А. Воробьева // Языки и топонимия. – Томск, 1976. – Вып.2. – С.190–194.
2. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия / М. В. Горбаневский. – М.: Принт, 1996. – 247 с.
3. Дорофеенко, М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис....канд филол.наук : 10.02.02 / М. Л. Дорофеенко; Белорусский государственный университет. – Минск, 2015. – 28 с.

4. Мадиева, Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.

5. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.

6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

7. Разумов, Р. В. Ойкодомонимы: место в ономастическом пространстве / Р. В. Разумов // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е. С. Отина: Выпуск первый (шестнадцатый). Сборник научных трудов. – Вып. 1 (16). – Донецк : Издание Лаборатории общего и прикладного языкознания, 2016. – С. 150–160.

8. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.

С.В. Николаенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
e-mail: ns-lk@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2:371.38

ОНОМАСТИКА В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ: ВЗГЛЯД ПРАКТИКА

Ключевые слова: *ономастическое пространство, методические направления, жизненный сценарий, ценности.*

В методике преподавания русского языка в школе с каждым годом растет интерес к ономастике, данные которой помогают формировать «жизненный» сценарий современного учащегося. Приводятся факты использования ономастических знаний в классической методике, предлагаются методические направления по созданию ономастического пространства в образовательном процессе по русскому языку.

S.V. Nikolayenko

Vitebsk State P.M. Masherov University

ONOMASTICS IN CLASSICAL AND CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODS AT SCHOOL

Key words: *onomastic space, method directions, life story, values*

In Russian language teaching methods at school we are observing constant interest in onomastics, data of which contribute into shaping the "life story" of every school student. Facts of applying onomastic knowledge in the classical methods are presented; method directions of creating onomastic space in the Russian language academic process are offered.

Обращение к ономастике в классической (будем этот период называть так и определять его до 1990 года) методике преподавания русского языка в школе довольно результативно по различным направлениям. Вот какие факты приводит Т. В. Шмелева: «К сожалению, у нас мало хороших книг по ономастике – и для учителя, и для школьника. А ведь в круге детского чтения ещё в XVIII веке были «Детская философия, или

Нравоучительные разговоры между одною госпожою и её детьми...» Андрея Болотова (1776–1779); «Геометрия для детей от 8 до 12 лет» Якоби, в переводе с немецкого Александра Барсова (1790); «Детская риторика, или Благоразумный вития» (1787). Последний жанр был возрождён Т. А. Ладыженской: под её руководством разработана серия пособий с таким названием, см. например: Ладыженская Т. А., Сорокина Г. И., Никольская Р. И., Ладыженская Н. В. Детская риторика. Учебная тетрадь для первоклассников. В 2-х частях (М., 1993)» [6, 135].

В учебных программах школ XIX и начала XX века бытовал такой термин, как термин «Родиноведение». Существовали различные программы (например, в воронежской школе лингвокраеведения была создана «Программа родиноведения», где это понятие учеными этой школы рассматривается в совокупности с «мироведением» и «отечествоведением»).

Образовательный процесс сегодня, безусловно, разнится и по методологическим подходам, и по использованию методов и приемов обучения, да и по отношению многих к самому учению как к труду. Вместе с тем идеи, заложенные в прошлом, весьма актуальны сегодня: «Школа имеет довольно случаев и должна поддерживать в своих учениках чувство народности. Во-первых, к этому ведет толковое изучение родной природы, отечественной географии и истории; во-вторых, изучение родного языка и поэтического материала, носящего в себе яркую, живую печать народного духа, представляющего идеальное изображение русской природы и русской жизни» [2, 14].

В лингвокраеведении предусматривается изучение языка отдельного региона или малой родины. Поэтому тогда еще не родившийся термин «ономастика» все же уже набирал базу для его оформления в науке. Все языковые явления, обнаруженные на территории отдельного региона, отражали социальную жизнь, то есть выражались в слове. Собираение местного языкового материала (местных названий предметов, явлений, людей, животных, географических объектов, предметов быта, праздников и т. д.) и явилось тем уникальным явлением, без обращения к которому на современном этапе развития образования не может развиваться личность учащегося.

Практически при формировании и совершенствовании предметных компетенций по русскому языку в учреждениях общего среднего образования ономастическая составляющая должна присутствовать. И это правильно, поскольку «во всех предметных концепциях в разделе «Воспитание» указывается обязательность в контексте изучения предмета формирования нормативно-ценностного отношения к тем социальным ценностям, которые помогут современным учащимся правильно сформировать представления, идеалы, правила жизни, способы действия. В этой связи мы должны предложить им своеобразный «жизненный сценарий», который станет базой для накопления социального опыта, поведенческих образцов, ролей, хранящихся в культуре белорусского общества. Сформированные ценности позволят учащимся жить, мыслить и действовать в соответствии с данным сценарием, в котором ценности белорусского наследия выступают как доминанты социальной ориентированности и направленности» [3, 137]. Такая задача, безусловно, и решается в комплексе приобретения учащимися не только знаний, умений и навыков из школьных разделов науки о русском языке, но и из ономастического пространства (топонимических, антропонимических, зоонимических, эргонимических и других единиц).

Кроме того, в Образовательном стандарте очерчиваются требования к выпускникам школы, которые как раз и предполагают наличие у школьников определенных ономастических знаний. На выходе выпускники должны иметь:

- сформированное научное мировоззрение, ценностные ориентации, морально-этические и культурные нормы;

- сформированную активную жизненную позицию, готовность к профессиональному самоопределению, продолжению образования;
- сформированные у учащихся гражданственность, патриотизм, духовно-нравственная культура и культура семейных отношений, взгляды и убеждения, основанные на идеологии белорусского государства.

Так же в документе определены общеучебные умения и навыки и способы деятельности, формирование которых напрямую связано с ономастическими знаниями:

- владение нормами культуры, ценностное отношение к историко-культурному и духовному наследию Беларуси, знание основных достижений мировой культуры, уважение к культуре других народов;
- владение основами правовых и экономических знаний, готовность к соблюдению правовых норм, бережное отношение к материальным и культурным ценностям, умение гармонизировать свои отношения с другими людьми, обществом, государством, природой;
- способность к эстетическому восприятию окружающей действительности, проявление эмоционально-ценностного отношения к явлениям жизни и искусства...[4, 12–15].

Какие же методические направления можно отметить, чтобы ономастические сведения стали частью не только «знаниевой» структуры современного школьника, но и способствовали развитию личности во всей ее многоаспектности: коммуникативной, лингвокультурологической, речевой, риторической.

1. Ономастическая рефлексия. У каждого школьника она присутствует, ее нужно обнаружить. В курсе методики преподавания русского языка постоянно обращается внимание на тот факт, что учащиеся с раннего детства владеют русским языком, которому они научились в процессе общения с окружающими, а задача уроков русского языка состоит в том, чтобы развивать и совершенствовать сложившиеся навыки, добиваться осознания того, что было усвоено стихийно. Наглядный пример тому – книга К. И. Чуковского «От двух до пяти». То же самое происходит и с ономастической рефлексией. Ведь каждый задавал себе вопросы «А что значит мое имя, моя фамилия?», «А почему у меня есть имя, отчество, а у других народов имя и фамилия?», «Почему мой город, река, улица так названы?», «В чем разница в названии жителей городов: жителей Несвижа в Беларуси называют несвижанами, а Воронежа – воронежцами?». И такое количество вопросов у детей, да и у взрослых, множество. Мы рефлекслируем, а значит, косяк из вопросов (подобно журавлиному косяку), должен найти ответы. Какие виды деятельности здесь будут уместны. Это небольшие на уроках и внеклассных мероприятиях этимологические и исторические сообщения, в которых представлена информация о глубоких корнях называния ребенка, о способах выбора имени по святым, небесным покровителям. Мы назовем такого типа задания «Мои культурные открытия».

2. Антропонимические наблюдения. Воспитательный момент таких наблюдений очевиден, так как реалистические представления об ониме делают их социальными, поскольку они выступают структурными компонентами «жизненного сценария», нацеливают учащихся на социальные ориентиры, регулируют социальное поведение и нормы. Уместны здесь следующие виды упражнений: а) лингвокультурологические упражнения аналитического характера, формирующие семантический (социальный) контекст на основе имеющегося опыта; обеспечивающие формирование устойчивых социокультурных умений; направленные на регулирование социального поведения в меняющейся языковой среде (Родословная моей семьи, анализ списка учащихся и определение приоритетности имен, здесь уместно и при изучении орфографической системы наблюдать за правописанием мужских отчеств, нахождение в фамилиях отступлений от нормы и др.); б) упражнения, включающие лингвокультурологическое комментирова-

ние высказываний поэтов и прозаиков, выдающихся деятелей науки, искусства, других известных людей, в которых содержатся ценностные суждения о народных обычаях и традициях, представлениях о значимости имени в судьбе, профессии, деятельности. Приведем несколько таких пословиц и цитат известных людей. *Все Иванычи Ивановы детки. Кабы не кабы, так бы Ивана Великого в бутылку спрятал. Богатого по отчеству, убогого по прозвищу. Коли рожь убрана к Ильину, кончай посев к Фролу; а поспеет позже, кончай к Семену. С именем Иван, без имени – болван. Такое прозвание, что с морозу не выговоришь. Все великие люди носят имена улиц (С. Бруто). Слова «Сократ» и «Платон» похожи: и то и другое – имена (Л. Витгенштейн);* в) риторические упражнения, содержащие способы аргументации, дискуссии, полемики по заявленной теме (*Можно шутить с человеком, но нельзя шутить с его именем (М. Цветаева). Имена выражают природу вещей (П. Флоренский)*).

3. Ономастическая фиксация. Здесь, на наш взгляд, у детей можно формировать лексикографический опыт и предлагать им составлять «Топонимический словарь моей семьи», «Мой летний топонимический словарь», «Словарь зоонимов моего дома, поселка». Составление небольших словариков будет восприниматься учащимися с большим интересом и формировать навыки работы с учебной литературой.

4. Городской (сельский) ономастикон. Данное направление работы может быть очень полезным с точки зрения научно-исследовательской деятельности, организованной вне урока и представляющей собой ономастические проекты. Метод проектов признан одним из наиболее эффективных средств формирования компетентностных ориентаций учащихся. Многообразие проектов позволяет обучающимся по-разному формировать свои цели и помогает усовершенствованию организационной коммуникации и формированию главных компетентностей у учащихся через такой вид деятельности, в котором выделяются «ключевой (уровень функциональной грамотности и общей культуры учащихся в самостоятельной познавательной, гражданско-общественной, социально-трудовой, бытовой и культурно-досуговой сферах деятельности); универсальные компетенции (способности человека, значимые для любой сферы деятельности: коммуникативной, информационно-технологической, социально-правовой, проектной); профессиональные компетенции (начинающиеся складываться в школе – профессиональная подготовка, позднее – на этапе профессиональной деятельности)» [5, 10]. В такие ономастические проекты может входить 1) опрос жителей школы, улицы, поселка района с целью получения информации о том, как оно относится к названиям улиц и внутригородских (сельских) объектов; 2) переименование и сохранение имени как памятника истории; 3) география в помощь ономасту-следопыту; 4) литературные и музыкальные онимы на вывесках городских (сельских) объектов

5. Сетевые тенденции ономастики. Блоги, форумы, социальные сети занимают в настоящее время лидирующие позиции в жизненном пространстве школьников. Ойконимы, анторопонимы активно включаются в речь и функционируют в пространстве Интернета. И этот факт должен быть учтен учителем при формировании ономастического пространства. Включать в учебный процесс большой пласт неофициальных сетевых онимов (никнеймов) можно на уроках фонетики, словообразования, морфологии. При этом основной упор при введении в тексты и отдельные предложения данного ономастического континуума необходимо сделать на раскрытие лингвокреативных возможностей этого пласта ономастики. В этом случае учитель просто обязан показать эффективность таких никнеймов для коммуникации конкретной социальной группы.

Таким образом, ономастическое пространство представляет собой траекторию развития всех предметных компетенций и его расширение по принципу **твое имя – твоя семья – твой город – твоя страна...** является важным фактором образовательного процесса в учреждениях общего среднего образования, где знания, в том числе и оно-

мастические, культурного наследия страны, язык которой изучается, национальной, культурной специфики, речевого поведения и способность пользоваться элементами социокультурного контекста для порождения и восприятия речи с точки зрения национального языка (обычаев, правил, норм, социальных условностей, ритуалов и стереотипов и т.д.) формируют социальные, духовно-нравственные качества учащихся и их гражданскую позицию.

Литература

1. Горбаневский, М. В. Ономастика для всех / М. В. Горбаневский, О. В. Максимов. – М. : Гарт, 2008. – 190 с.
2. Ковалёв, Г. Ф. Лингвокраеведение в средней школе / Г. Ф. Ковалёв // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. – Липецк, 1998. – Ч.2. – С.14–19.
3. Николаенко, С. В. Теория и практика социокультурного развития учащихся 5–11 классов: национально-культурный содержательный аспект в контексте обучения русскому языку : монография / С. В. Николаенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 252 с.
4. Образовательный стандарт «Общее среднее образование. Основные нормативы и требования», утвержденный Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 03.10.2008 (№ 96).
5. Формирование ключевых компетентностей учащихся через проектную деятельность : уч.-метод. пособие / авт.-сост. : С. С. Татарченкова, С. В. Телешов ; под ред. С. С. Татарченковой. – СПб. : КАРО, 2008. – 160 с.
6. Шмелева, Т. В. Ономастика : учеб. пособие / Т. В. Шмелева. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

И.Э. Ратникова

Белорусский государственный университет
e-mail: ratnikova@list.ru

УДК 811.161.1'373.2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Ключевые слова: *лексико-семантическая система, имя собственное, номинация, семантика, полисемия, мотивация, антропоним, топоним, рекламное имя.*

*В публикации предложены возможные пути использования дидактического потенциала имени собственного в преподавании базового курса «Современный русский язык» студентам филологических специальностей. Показано, каким образом знакомство с системной и функциональной спецификой *Nomina Propria* может способствовать усвоению и более полному пониманию характеристик лексико-семантического уровня русского языка, динамики плана содержания языковых знаков. Характеристики имен собственных рассмотрены в контексте проблемных вопросов семасиологии и лексикологии (дефиниция слова, природа лексического значения, внутренняя форма и др.), что важно для обеспечения мотивационной и методологической функций учебного процесса.*

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF PROPER NAMES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Key words: *lexical and semantic system, proper name, nomination, semantics, polysemy, motivation, anthroponym, toponym, advertising name.*

The publication suggests possible ways of using the didactic potential of proper names in teaching the basic course "Modern Russian Language" to philology students. It is demonstrated how knowledge of systemic and functional peculiarities of Nomina Propria may facilitate learning and better understanding of lexical and semantic level characteristics in Russian language as well as how the plane of content of the linguistic sign develops. Proper name characteristics are considered in the framework of problematic semasiological and lexicological issues (definition of the word, nature of lexical meaning, inner form etc.), which is important for motivational and methodological functions of teaching process.

Изучение теории имени собственного, оноματοпозтики и других разделов ономастики при подготовке филологов традиционно осуществляется как в форме отдельных специальных курсов, так и в рамках общих лингвистических и литературоведческих дисциплин. (Например, Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун рекомендуют применять данные ономастики в преподавании таких учебных курсов, как «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Теория языка», «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», «Лексикология и лексикография», «Лингвистическая семантика» и др. [2, 5]).

Имена собственные, принадлежащие ядру и периферии ономастического пространства и представленные языковыми конструкциями разных языковых уровней, в системном и функциональном аспектах имеют совершенно различные (и даже противоположные) характеристики. Высокий уровень социальной обусловленности превращает каждую актуализованную проприальную единицу в виртуальный культурный текст, демонстрируя, «как экстралингвистическая данность выражается в данности лингвистической» [3, 7]. Имя собственное – важнейшая единица и категория лингвокультурологии, трактуемая как представитель особого «мифологического слоя» в современном языке (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) и как «внеязыковая категория», «пережиток прошлых культур» (В. В. Налимов). В 60-е гг. XX в. эта специфичность Nomen Proprium была блестяще выражена В. Н. Топоровым, заметившим, что ономастика, наряду с поэзией, детской речью и явлениями афазии, «представляет собой некую предельную ситуацию, в которой язык проявляется в свойствах, ускользающих обычно от исследования, анализирующего язык в более обычных сферах его употребления» [4, 3]. Кроме того, на примере онимов наилучшим образом можно наблюдать ономастиологический аспект семантики: Ю. А. Карпенко утверждал, что «собственные имена благодаря массовости и ускоренному темпу их создания представляют собой естественную лабораторию для практической проверки наблюдений и выводов ономастиологии» [1, 8]. С этим связан объяснительный потенциал проприальных единиц в контексте преподавания лингвистических дисциплин. По нашему мнению, знакомство с системной и функциональной спецификой Nomina Propria может способствовать усвоению и более полному пониманию характеристик лексико-семантического уровня русского языка, динамики плана содержания языковых знаков в речи.

Итак, первое упоминание об особом статусе имен собственных в языке (связанном в том числе с количественным фактором: каждая единица входит в многочислен-

ный или неисчислимый ряд) уместно уже во вводной лекции при рассмотрении основных характеристик лексико-семантической подсистемы языка как совокупности слов, образующих внутренне организованное единство. Трудность в систематичном описании лексики обусловлено объективными причинами (неоднозначные отношения между единицами, размытость границ между словом и не словом, тесная связь с внеязыковой действительностью и, соответственно, быстрая изменчивость и др.), включая неисчислимое количество элементов. Количественные характеристики словарного состава любого языка – сложный и спорный параметр, зависящий от субъективных факторов и национальных лексикографических традиций (мнений о том, какие единицы следует включать в словарь, что считать узуальным, отношения к субстандартным единицам и др.). Студенты первого курса специальности «Русская филология» оживленно дискутируют на тему того, как соотносится русский лексикон со словарями других языков и в какой мере это связано с различием позиций лексикографов. Как и нефилологов, первокурсников часто смущает интерпретация в медиа данных академических словарей, в частности тот факт, что в предполагаемых 33 томах БАС будет зафиксировано «только» около полутора тысяч слов, а в OED (The Oxford English Dictionary) – в четыре раза больше (неспециалистам может быть не ясно, что это происходит за счет включения слов американского, канадского, австралийского английского, некротизмов и других социально и территориально ограниченных единиц), не говоря уже о преодолении миллионной черты в английском языке, по данным Global Language Monitor. Таким образом, уже первая лекция по лексикологии содержит элементы проблемного метода обучения, и здесь для воссоздания полноты картины мы привлекаем данные ономастики, в которой действуют законы больших чисел. Отвлекаясь от того, что абсолютно надежных подсчетов слов в языкознании не существует, Ю. А. Карпенко обобщил количественное соотношение разных групп номинативных единиц в русском языке следующим образом. В общеупотребительном лексиконе насчитывается порядка 200 000 единиц; в терминосистемах – на порядок больше, т. е. около 2 000 000; в составе номенклатурных единиц (видовых и сортовых названий – номенов, по А. В. Суперанской) их еще на порядок больше – около 20 000 000; численность антропонимов и топонимов, согласно приблизительным подсчетам Ю. А. Карпенко, составляет 200 000 000. И значительное увеличение этого числа дают предположения о количестве эргонимов, идионимов и др. ежедневно возникающих собственных наименований [1, 5–6]. Эти количественные отношения, по Ю. А. Карпенко, соответствуют логической закономерности отношений между терминами и номенами, номенами и именами собственными как родо-видовых. Такие данные позволяют обучаемым явственно ощутить и полнее осознать разницу между количеством реально существующих и воспроизводимых в речи номинативных единиц – и официально признанным списком слов, определяющим объем академического словаря.

Естественным образом вопрос об именах собственных встает при обсуждении типологии сем в составе лексического значения. Одно из оснований их классификации, как известно, – это отношение к реальности: номинативные (понятийные) семы отражают связь значения с реалией или понятием и составляют основу значения слова; их наличие в структуре значения обуславливает способность называть и обобщать. Автосемантические слова обладают этими свойствами; лексическое значение синсемантических единиц (частиц, модальных слов, союзов, предлогов) как бы «растворено» в грамматическом. Традиционно считается, что понятийные семы отсутствуют также у имен собственных, что роль последних близка к роли этикеток, связанных с предметами случайной связью. В рамках классической семантики камнем преткновения при анализе значения онимов по сей день остается вопрос о сигнификате (имеется или не имеется таковой у имени собственного; если имеется, то какова его специфика и семный состав). Антропоцентрический принцип исследования плана содержания онимов выводит в фокус внимания лингвокультурологический, когнитивный, социо- и психолингвисти-

ческий аспект имени, однако анализ фоносемантики антропонимов и топонимов, их суггестивного потенциала, их места в национально-языковой картине мира не снимает вопроса о структуре их значения как языковых единиц. Студентам предлагается эвристическая ситуация, стимулирующая к выявлению компонентов в семантике антропонимов и топонимов и состоящая в поиске ответа на вопрос: какая информация заключена в лексеме, например, *Евдокия* (или *Ковалев*, *Александровка* и т. п.)? Формулировки, которые получаются в результате, непредсказуемы, но сущность классификационных компонентов (проприальность, характер номинируемого объекта, некоторые важнейшие характеристики объекта, культурного фона) студенты определяют верно.

Понятие внутренней формы слова как необязательного компонента структуры значения раскрывается в теоретическом курсе русского языка и с точки зрения современной лингвистики (осознаваемая всеми мотивированность), и с точки зрения первоначальной трактовки в работах А. А. Потебни (любая мотивированность, в том числе этимология). Для иллюстрации мотивированности лексико-семантических вариантов одного слова (когда внутреннюю форму составляют элементы подобия объектов), а также различий между актуальной и исторической мотивированностью как нельзя лучше подходит ономастический материал. В процессе функционирования апеллятив может сохранять или утрачивать – частично или полностью – внутреннюю форму, проходя путь от «стадии образности» к «стадии безобразности» (в терминах А. А. Потебни). По сравнению с апеллятивными словесными знаками имена собственные (наиболее типичные, входящие в ядро класса, т. е. антропонимы и топонимы) обнаруживают выраженную предрасположенность к утрате мотивации: она является избыточной для языковых единиц, связанных с объектами не сигнификативно, а сугубо референциально. В сфере имен собственных понятие внутренней формы, как и многие другие лингвистические категории, преломляется своеобразно. Так, одной из специфических черт имен собственных Ю. А. Карпенко называет особую склонность к деэтимологизации, т. е. забвению мотивации, утрате внутренней формы: «Буквально вслед за номинацией шагает деэтимологизация. Антропонимы, топонимы, теонимы, астронимы, зоонимы теряют внутреннюю форму не столько из-за своей древности, сколько из-за отсутствия потребностей в ней у общества» [1, 9]. Например, фамилии типа *Павлов*, *Шуба*, будучи формально мотивированными лексемами *Павел*, *Шуба*, не могут быть истолкованы с т. зр. современного состояния языка как «фамильное имя потомков человека по имени *Павел* / по прозвищу *Шуба*». В то же время этимологическая семантика фамилий – один из способов хранения культурной информации, знаний о том, что считали важным наши предки, чем занимались, во что верили, чего опасались и т. п. Русские фамилии отражают это опосредованно – через стадию прозвища или имени, поскольку являются преимущественно патронимическими по происхождению.

Изучение полисемии и способов образования переносных значений предполагает усвоение некоторого обязательного минимума метафорических и метонимических моделей (переносы по сходству внешнего вида, формы, расположения, функций, ассоциаций и др.; переносы по пространственной, временной, партитивной и др. смежности). Традиционный перечень моделей логично дополнить хорошо запоминающимися примерами динамики ономастического значения по метафорическому и метонимическому типу. Имена собственные тоже могут развивать метафорическое значение. Это происходит потому, что, семантически «полупустые» в системе языка, они имеют способность «впитывать» культурную информацию и «переводить» ее в языковое значение через метафору или метонимию. Ср.: *Борис Акунин – литературный магнат*, *Билл Гейтс* новейшей русской литературы; *Литературное амплуа Дмитрия Липскерова*, автора романа «Последний сон разума», – русский *Маркес*. Метонимические модели дополняются примерами семантической деривации от названий столиц, развивающих

значения в двух направлениях – и к части, и к целому: *Москва не может согласиться с версией Вашингтона* ('правительства'); *отношения между Москвой и Минском* ('страны'). В сфере географических названий продуктивна модель переноса «место → событие» (после *Чернобыля*; нам хватило *Афганистана*; поколение, прошедшее *Вьетнам*).

Семантическая структура слова синтагматически обусловлена; объективным показателем её является лексическая сочетаемость. При наблюдении над процессами актуализации и нейтрализации значений лексемы в контексте, а также гиперсемантизации примеры семантических преобразований имен собственных особенно наглядны. Можно начать с обсуждения того факта, что *Nomina Propria* как виртуальные знаки, т. е. единицы системы, и знаки, актуализованные в речи, обладают различными характеристиками и не могут быть описаны как единый феномен. Эвристическая ситуация в данном случае состоит в том, что студентам предлагается самостоятельно проследить, как меняется план содержания одного и того же имени, когда оно из единицы словаря русских личных имен превращается в именование конкретного человека. Когда личные антропонимы именуют людей, они становятся, по определению А. Гардинера, «embodied names» [7, 9] (реализованными, воплощенными, «телесными» – в разных переводах). Можно обратить внимание студентов и на тот факт, что употребленные в иной функции, т. е. за рамками своего прямого назначения, например в качестве рекламного имени, антропонимы не актуализируют классификационные семы («личность», «пол», «национальность»), не обнаруживают логическую связь с референтом. Теоретически они «воплощаются», но воспринимаются адресатом примерно так же, как «disembodied names» [7, 9] (невоплощенные, развоплощенные, «бестелесные»), – как «пустые», случайные звуковые ряды. (Потенциальные признаки адресатной мотивированности можно увидеть в указании на гендерную / возрастную группу или на принадлежность владельцу – ср. рекламные имена *Алеся, Алешка, У Татьяна, Серж* (по имени основателя белорусской компании Сергея Атрощенко)).

Употребление любой номинативной единицы вне ее прямой референции связано с активным преобразованием семантики, чаще всего по метафорической модели. Замечено, что «метафоризация значений и вообще надстраивание смыслов весьма свойственны современному языковому сознанию», причем «некоторые переносы и приращения смыслов весьма экспансивны» [6, 229]. Одна из таких «экспансивных» моделей динамики значения – это контекстуальная семантизация собственных имен и наименований, под которой мы понимаем двуединый процесс развития у данных единиц переносного значения и интерпретации этого значения субъектом речи и адресатом. Семантически недостаточные структуры, каковыми считаются онимы в традиции классической семантики, становясь средством иносказания, вторичной номинации и образной предикации, превращаются в слова-понятия: *Объединенной Европе нужен свой Амстердам, свой маленький цивилизованный праздник непослушания; Михайловское и Тригорское – это места, где Колумб русской поэзии Пушкин открыл русский простой пейзаж* (Д. С. Лихачев. Заметки о русском). В том, что имя собственное – один из важных источников метафоризации речи, отражается глобальная лингвистическая закономерность. С точки зрения правил языковой системы, единица ономастики предназначена выражать одно значение – прямое, равное образу референта, то есть ономастикон – это совокупность однозначных слов. В. К. Харченко пишет о принципиальной необходимости широкого пласта однозначных слов в языке: «75,95 % существительных, имеющих одно значение, <...> – таков масштаб моносемии, необходимый для оптимального функционирования языка» [5, 8], иначе говоря, полисемия в рамках одного слова имеет пределы развития и необходим «запасной банк смыслов». Таким «запасным банком», источником речевых семантических переносов наряду с однозначной апеллятивной лексикой являются имена собственные.

Семантическая деривация на базе онимов (в большинстве случаев называемая «апеллятивацией» или «деонимизацией») приводит к образованию как лексико-семантических вариантов, так и отделению самостоятельных лексем. Это также источник интересного и запоминающегося иллюстративного материала, обеспечивающего эффективное усвоение теории по темам «Полисемия» и «Омонимия».

Реализация и динамика значений слов находится под влиянием системы социокультурных, психологических и внутриязыковых факторов. Успешным результатом обучения лексикологии и семасиологии можно признать, в частности, понимание студентами того, что отклонения от словарной дефиниции или грамматического статуса – это естественное развитие заложенного в системе языка потенциала слов. Одной из движущих сил саморазвития языка является борьба языковых антиномий, прежде всего между узусом и возможностями языковой системы. Это противоречие ярко проявляется в функционировании ономастических единиц, благодаря чему использование дидактических возможностей имени собственного ценно для обеспечения мотивационной и методологической функций учебного процесса.

Литература

1. Карпенко, Ю. А. Специфика ономастики / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика : сб. науч. тр. / Одес. гос. ун-т ; отв. ред. Ю. А. Карпенко. – Одесса, 1984. – С. 3–16.
2. Мадиева, Г. Б. Теория и практика ономастики : Учебное пособие / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун. – Алматы: Қазақ университеті; Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 199 с.
3. Суперанская, А. В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) / А. В. Суперанская // Историческая ономастика. – М. : Наука, 1977. – С. 7–26.
4. Топоров, В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики / В. Н. Топоров // Принципы топонимики. – М. : Наука, 1964. – С. 3–17.
5. Харченко, В. К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
6. Шапошников, В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – М. : МАПП, 1998. – 243 с.
7. Gardiner, A. The Theory of Proper Names / A. Gardiner. – London : Oxford University Press, 1954. – 174 p.

А.А. Романовская

Минский государственный лингвистический университет
e-mail: Alla_Rom@tut.by

УДК 811.161.1'37(0,43.3)

АНТИЧНЫЙ СИМВОЛ – КОММУНИКАТИВНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК

Ключевые слова: *античный символ, коммуникативный знак, конденсационность содержания, диспонибельность.*

Статья посвящена античным символам – языковым знакам вторичной номинации. Сущность античного символа как особого языкового знака – указывать на большее, чем есть он сам, на основе конденсационности его означаемого, которое устанавливается посредством референции символа к мифу как тексту. Знаки античной культуры постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи, в чем заключается суть диспонибельности как важной особенности символа, доказывающей силу его коммуникативности.

ANTIQUE ELEMENTS LINGUISTIC DIVISIONS OF THE WORLD IN THE WORLD VIEW

Key words: *the ancient symbol, communication sign, condensational content, disponibility.*

The article is devoted to ancient symbols language signs of secondary nomination. The essence of the ancient symbol as a special sign language to indicate more than he himself, on the basis of condensational it signified, which is established through references of symbol to myth as the text. The signs of ancient culture are constantly in our possession and ready to appear when needed to take their place in speech, what is the essence of disponibility as essential features of the character, proving the power of his communicativeness.

1. Термин *символ* имеет в определенном смысле два значения. Знаки системы естественного языка в теории Ф. де Соссюра – это знаки-символы, если исходить из понимания символа в терминологии Ч. С. Пирса. Однако для Ф. де Соссюра, чьи взгляды относительно символа отличаются от взглядов Ч. С. Пирса, данный знак представляет собой, во-первых, мотивированное обозначение. Во-вторых (и это особенно важно), ученый, исходя из строгого критерия конвенциональности и денотативности знака, выводит символ за пределы лингвистики в силу коннотативной ориентированности и наличия мотивированности. Символ (по Ф. де Соссюру) – обозначение какого-то предмета при помощи указания на другой предмет, который приобретает аллегорическое значение (весы как обозначение справедливости). Что же касается знака-символа в теории Ч. С. Пирса, то для знаковой структуры характерно отсутствие какой-либо действительной связи между означающим и означаемым, то есть знак-символ лишен референтной мотивированности. Символ (с точки зрения Ч. С. Пирса) – это знак, у которого нет объективной связи с обозначаемыми предметами. Значение знака чисто условное. Это факт договора между людьми. Таким образом, понятие символа (по Пирсу) соответствует понятию языкового знака (по Соссюру), а соссюровский символ соотносится с иконическим знаком Пирса.

Античный символ – это особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего; означающее символа – наименование мифологической реалии; означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа. Таким образом, античный символ рассматривается нами как языковой знак, план содержания которого имеет двойственную природу (с одной стороны, символ отражает и конструирует миф / мифологическое содержание, а с другой – образ его иконы / иконическое содержание). В этой связи он обладает рядом лингвистических характеристик, актуализующих данное единство, в том числе: метафоричность (идушая от мифа) и образность (идушая от иконы), диспонибельность / готовность к употреблению (от мифа) и мотивированность (от иконы), конденсационность содержания (идушая от мифа) и языковая знаковость (от иконы).

2. Вопрос о коммуникативности символа актуализируется при его рассмотрении как языкового знака вторичной номинации. Чувственная (идейная) образность приобретает конкретность в результате отождествления символизирующего и символизируемого, когда встречаются означающее и означаемое. Означающее мотивировано по отношению к означаемому, с которым у него устанавливается естественная связь.

Так, в античной мифологии *Клития* символизирует безответную любовь: *влюбившись в Гелиоса, но не добившись взаимности, впала в безумие, отказалась от воды и пищи и не могла оторвать взора от возлюбленного, поворачивая голову вслед за дви-*

гавшимся по небосклону солнцем. Она приросла к земле и превратилась в гелиотроп – цветок, который постоянно поворачивает венчик вслед за солнцем. Клития является символом мести: из-за ревности убивает свою сестру, ради которой бог-солнце Аполлон покинул в любви Клитию [4, 439].

Единорог – символ чистоты и девственности. Это животное в древнегреческой традиции рассматривается как реально существующий зверь, который *силой своего рога может очистить все, к чему он прикасается; его может приручить только девственница* [2, 429]. В символах *Клития*, *Единорог* идейная образность приобретает конкретность в результате отождествления символизирующего и символизируемого.

Обе стороны языкового знака подчиняются общему закону асимметрии в языке. Сущность античного символа как особого языкового знака – указывать на большее, чем есть он сам, на основе конденсационности его означаемого, которое устанавливается посредством референции символа к мифу как тексту.

Именно символ выражает ощущение запредельности, уводит за пределы реальности благодаря энергии сжатого содержания. Такую функцию символа мы называем, следуя за Э. Сепиром, конденсационной. Конденсационными символы называются потому, что в них осуществляется единение и аккумуляция человеческого опыта, разных сторон жизни одновременно, синтезированы представления о мире в его земном, подземном, небесном существовании. Э. Сепир называет конденсационный символизм сжатой (*condensed*) формой заместительного поведения, которая используется для прямого выражения чего-нибудь и позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной и бессознательной форме [3, 205].

В античном символе как конденсационном по содержанию, архаическом знаке осуществляется аккумуляция человеческого опыта, единение представлений о мире. Мифологическое имя становится символом в силу проникновения в его означаемое глубинного, широкого, сконденсированного содержания. Мифопоэтическое содержание, в сжатом виде наполняющее мифологическое имя, превращает это имя в символ. Особенностью античного символа является то, что таковым становится мифологический вербальный знак, обозначающий объект, персону мифа (действующее лицо) как реалию, наделенную символической функцией, то есть функция символического типа содержится в самой реальности. Функции реальности древнегреческого мифа формируют значение символа как элемента культурного кода, представленного в языке вербальным знаком. Символ *Одиссей* ассоциативно замещает идею геройства, силы, ловкости, ума, дружбы, богоборчества, разрушения, хитрости, заключенную в образном понятии.

3. В качестве символов не рассматриваются мифологические ипостаси, образы которых принимают на себя символические персонажи. Ипостась *ὑπόστασις* понимается как существо (сущность), близко, тесно примыкающее к кому-, чему-либо другому. Ипостасями являются обозначения животных, птиц, существ, названия растений, предметов, в мифологическом значении которых отражены функции и качества самих символических персонажей: *‘бык’ – Зевс; ‘олень’ – Актеон; ‘паук’ – Арахна; ‘собака’ – Гекуба; ‘лебедь’ – Кикн; ‘соловей’ – Прокна; ‘тростник’ – Сиринга; ‘гелиотроп’ – Клития* и др.

Не имеют символического прочтения обозначения мифологических атрибутов символических персонажей: *козлиная шкура* – атрибут *Диониса*; *трезубец* – атрибут *Посейдона*; *эгиды* – атрибут *Афины*; *кифара* – атрибут *Аполлона* и др. Атрибуты – это функциональные и атрибутивные рудименты, которые сопутствуют символическому персонажу, указывая на его происхождение, на связь с животным и растительным миром.

4. Символы, связанные с античной культурой, во многом имеют специфический характер. Это архаические знаки в смысле осознания далеких эпох. Античные символы в малой степени отвечают потребностям повседневного общения, имеют ограниченное употребление. Можно прочитать роман и не найти ни одного упоминания об античности. И ес-

ли посмотреть на проблему через параметры частотности, то в словаре частотности русского языка примеров, связанных с греческой древностью, обнаружено не будет.

Однако любой зал живописи XIX в. изобилует фактами чрезвычайного богатства, чрезвычайной распространенности – высокой частотности античности, но в определенном жанре, в определенной части дискурса культуры. Этот дискурс, этот жанр без античной символики невозможен, как и невозможно представить себе некоторые художественные произведения в современной лингвистической парадигме теории дискурса, теории жанровой разновидности языка.

Частотность явлений очень важна, но еще важнее понятие *диспонибельности*, объясняющее, разъясняющее понятие *частотности*. Не частотность является положительной характеристикой символа. Данная характеристика заключается в том, что знаки античной культуры постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи. Мы обращаемся к концепции лексической диспонибельности (*disponibilité* – наличность, или резервность), предложенной французскими лингвистами в 60-е годы XX в. в ходе работы над «*Le Français fondamental*» «Словарем основной лексики французского языка» [5].

Согласно Г. Гугенейму, диспонибельность соотносится с резервностью, наличием в сознании говорящих таких языковых единиц, которые, вне зависимости от их частотности, характеризуются готовностью к употреблению всякий раз, когда в них возникает необходимость. При этом уровень диспонибельности не является постоянной величиной. Он может быть высоким, низким, нулевым. Определяется уровень диспонибельности конкретными интересами говорящего и слабо или совсем не взаимосвязан с частотностью [1, 304–305] (подчеркнуто мной – А. Р.). Уровень диспонибельности определяет место символа в языковом сознании. Есть символы, которые не освоены языком. У них, как правило, нулевой уровень (измерение) диспонибельности. При отсутствии такой характеристики, как частотность, у античного символа может быть высокий уровень диспонибельности. Важная особенность символа, состоящая в диспонибельности, доказывает силу его коммуникативности, является условием коммуникативности символа.

Таким образом, мы учитываем диспонибельность, а не частотность в качестве характеристики символа как коммуникативного знака. В соответствии с данной теорией, которой придается семиотический смысл, актуализация античных образов и ассоциаций непременно осуществляется там, где протекает активное культурное общение современного человека. Знаки античной культуры постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи. Концентрация содержания символа – главная его особенность. Этим символ отличается от слова, но является знаком, означаемое и означающее которого находятся в асимметричных отношениях.

Литература

1. Гугенейм, Г. Некоторые выводы статистики словаря / Г. Гугенейм // Методика преподавания иностр. языков за рубежом. – М. : Прогресс, 1967. – С. 299–305.
2. Иванов, В. В. Единорог / В. В. Иванов // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 1. – С. 429–430.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; общ. ред., вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М. : Издат. группа «Прогресс», 2001. – 656 с.
4. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл ; пер. с англ. А. Майкапара. – М. : ООО «Изд-во АТС» ; ООО «Транзиткнига», 2004. – 655 с.
5. L'élaboration du français fondamental. Etude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base / G. Gougenheim [et al.]. – Paris : Didier, 1964. – 302 p.

УДК 821.161.1

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОНИМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: этноним; этнонимика; этнонимикон; категория; категоризация; этнический стереотип; лексикография.

В статье рассматриваются проблемы современной этнонимики, к которым автор относит: определение языкового статуса этнонима, границ этнонимии и отдельных этнонимов; описание развития этнонимикона и функционирования этнических имен в разных сферах речевой коммуникации; рассмотрение взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами; исследование категоризации этнической семантики; построение модели системной организации этнонимической лексики; изучение этностереотипов. Делается вывод о том, что решение их требует привлечения для анализа местного языкового материала, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также создания словарей.

Т.А. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University

ACTUAL ISSUES OF CONTEMPORARY ETHNONYMY

Key words: ethnonym; ethnonymy; etnonimikon; category, categorization, ethnic stereotype, lexicography.

The article deals with the problems of modern ethnonymy to which the author includes: the definition of language status of ethnonym; boundaries between ethnonymy and particular ethnonyms; description of the etnonimikon development and functioning of ethnic names in different spheres of speech communication; consideration of interactions between ethnonymy and other lexical systems; the study of ethnic semantics categorization; construction of the model of systemic organization of ethnonymic lexicon; study of ethnotypes. The conclusion is that their solution requires the use of their analysis of the local language material, a careful description of the historical development and current status of regional etnonimikons, as well as the creation of dictionaries.

Этнонимы (названия народов) являются объектом изучения особой науки – **этнонимики**, которая начала активно развиваться в России с 70-х гг. XX в.

В 1978 г. в «Словаре русской ономастической терминологии» появляется термин *этноним*, служащий для обозначения «любого этноса» (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.) [8, 167]. В 1979 г. в энциклопедии «Русский язык» Н. В. Подольская уточняет объем данного понятия, определяя, что термин *этноним* «служит для обозначения любого этноса: рода, племени, союза племен, народности, народа, нации» [9, 408].

Назовем основные проблемы современной этнонимики, которые, по нашим наблюдениям, еще нуждаются в решении.

1. Проблема языкового статуса этнонима. Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

2. Проблема границ этнонимии и отдельных этнонимов. Понятие «этнос» достаточно широкое. Кроме названий племен и народов, в него могут включать названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени?» Р. А. Агеевой [1] наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие именования, как *казаки* (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина “этноним”. При широком понимании в этнонимию входят даже коллективные прозвища, которые в этом случае называют микроэтнонимами.

3. Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов.

Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоивших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане, армяне, таджики* и многие другие.

4. Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

5. Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее 1) с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов), 2) с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнотопонимов, например ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Один из ведущих ученых-ономатологов А. К. Матвеев в своей книге «Субстратная топонимия Русского Севера» поднимает важную проблему установления происхождения этнотопонимов. «Уже давно установлено, – пишет он, – что очень многие этнотопонимы фактически являются этноантропотопонимами, т.е. географическими названиями, образованными от антропонимов, в основе которых лежат этнонимы, т.е. от этноантропотопонимов» [6, 66].

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии.

А. С. Кривошекова-Гантман пишет: «Корни фамилий могут сигнализировать о национальности своего первоносителя: Вотяков, Вотинов (вотyak, ныне удмурт), Перминов, Пермитин, Пермьяков (пермяк – русское название коми), Русаков, Русинов, Русских (русский, а также диалектные русин, русак, русан) и др. В основе названных фамилий – прозвища по этническому происхождению. Так, в г. Чердыни при Яхонтове

жили Нежданко Семенов сын Зырян, Офонька Васильев сын Корела, Родька Иванов сын Черемисинов, Иванко Югрин» [5, 251].

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Так, О. М. Белоусова отмечает, что «отэтнонимические наименования составляют значительный пласт в апеллятивной лексике, как литературной, так и диалектной»; ее статья строится «на материале примерно 900 таких наименований, русских и иноязычных, извлеченных из различных словарей русского языка» [3]. Вместе с тем использование этнических имен в качестве нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования.

6. Проблема категоризации этнической семантики.

Согласно классической теории категорий, восходящей к греческой античности, категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков. «Часть наших знаний структурируется посредством «классических парадигм» по принципу вариант – инвариант, однако определенная часть нашего опыта организована иным, более сложным способом – лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» [4, 11].

При исследовании регионального этнонимикона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

7. Проблема системной организации этнонимической лексики.

Названия народов, функционирующие в рамках определенной территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Идея построения семантического поля этнонимии не является новой. Так, О. М. Младенова в своих исследованиях обращается к термину «этнонимическое поле» в связи с описанием моделей национального сознания [7].

Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми. Попытка выстроить такое поле на примере этнонимии Пермского края осуществлена нами в [13].

8. Проблема изучения этностереотипов.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Стереотип есть коммуникативная единица данного этноса, «способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующую мотивацию» [10, 15].

Не только этнологи, но и лингвисты, занимающиеся сопоставительными исследованиями, обращаются к проблеме национальных стереотипов. Так, материалом исследований белорусских ученых Е. А. Анисимовой и К. В. Вербовой выступили вербализованные ассоциации, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента [2]. В эксперименте участвовало 162 студента ГрГУ (Гродно) и БГУ (Минск) – белорусы, русские и поляки. Всего получено 2410 релевантных реакций-прилагательных на слова-стимулы. Авторы эксперимента отмечают: «Создавая в целом положительный образ собственной национальной группы, студенты в отдельных случаях проявляют критичность к определенным качествам своей национальной группы. Среди негативных коммуникативных качеств своей нации студенты-белорусы отмечают: *невежливый, равнодушный, агрессивный*; поляки выделяют такие

характеристики как *нудный, злой, суетливый, скрытный, скупой, жадный*. Русские студенты наиболее негативно оценивают отношение представителей своей национальности к труду, отмечая *лень* как самую распространенную черту» [2, 12].

При описании регионального этнонимикона также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

Таким образом, актуальных проблем в региональной этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

Литература

1. Агеева, Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник / Р. А. Агеева. – М. : Academia, 2000. – 424 с.
2. Анисимова, Е. А. Содержание представлений студентов о своем и чужом этносе / Е. А. Анисимова, К. В. Вербова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Т. 2. – Челябинск, 2008. – С. 11–15.
3. Белоусова, О. М. К типологии этнонимических наименований в апеллятивной лексике / О. М. Белоусова // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1979. – С. 111–115.
4. Борискина, О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж, 2003. – 211 с.
5. Кривошекова-Гантман, А. С. Фамилии как источник истории языка и его носителя / А. С. Кривошекова-Гантман // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. – С. 248–253.
6. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия Русского Севера / А. К. Матвеев. – Екатеринбург, 2001. – 346 с.
7. Младенова, О. М. Этнонимия и национальное самосознание / О. М. Младенова // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 65–89.
8. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1978. – 185 с.
9. Русский язык: энциклопедия. – М., 1979. – 530 с.
10. Рыжков, В. А. Регулятивная функция стереотипов / В. А. Рыжков // Знаковые проблемы письменной коммуникации. – Куйбышев, 1985. – С. 15–21.
11. Семененко, Н. Н. Переходные явления в семантической структуре концепта НАДЕЖДА в контексте русской пословицы / Н. Н. Семененко // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. – Великий Новгород, 2001. – С. 198–199.
12. Сергеева, Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дис. ... док. филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Сергеева. – Уфа, 2004. – 316 с.
13. Сироткина, Т. А. Региональное поле этнонимии / Т. А. Сироткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 3. – С. 101–107.

УДК 81'286(477.42-476-21):91

ГЕОГРАФІЧНІ ТЕРМІНИ БІЛОРУСЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ (ЖИТОМИРСЬКИХ) ГОВІРОК: ПОРІВНЯЛЬНО-ТИПОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *говор, географический термин, лексема, номен, апеллятив, энантиосемия.*

В статье сопоставлен речевой материал белорусских и украинских (житомирских) говоров, проведено сравнение семантики отдельных лексем. Определены географические термины, употребляемые в одном языке, но отсутствующие в другом. В процессе исследования значения лексем белорусских и украинских (житомирских) говоров выделены четыре типа географических терминов: с одинаковыми, с подобными, с разными значениями и такие, которые называют противоположные понятия. Приведены примеры, где исследованные географические термины перешли в разряд онимов.

T.Yu. Chernenko
Zhytomyr Ivan Franko State University

GEOGRAPHICAL TERMS OF BELARUSIAN AND UKRAINIAN (ZHYTOMYR REGION) SUBDIALECTS: COMPARATIVE-TYPOLOGICAL ASPECT

Key words: *subdialect, geographical term, lexeme, nomen, appellative, enantiosemy*

The article compares speech material representing the Belarusian and Ukrainian (case of Zhytomyr region) subdialects and semantics of individual lexemes. The geographical terms that exist in one language however are absent in the other were defined. Four different types of geographical terms were distinguished based upon the analysis of meaning of lexemes in the Belarusian and Ukrainian (case of Zhytomyr region) subdialects: having the same, similar, different and polar opposite meanings. Examples were given where the analyzed geographic terms moved into the category of onyms.

Українська, російська та білоруська мови належать до східної підгрупи слов'янської мовної групи, що входить до сім'ї індоєвропейських мов. Українська мова близькоспоріднена з білоруською, тому для них властива значна кількість спільних рис на лексичному та семантичному рівнях, хоча ці мови мають і відмінності. Жодна мова, діалект, говір не можуть розвиватися ізольовано. Так, історична та мовна доля Житомирського краю тісно переплітається з історією, мовою Республіки Білорусь завдяки територіальному суміжжю.

Важливий матеріал для порівняльно-історичних досліджень – географічна термінологія, оскільки це архаїчний та давній шар лексики, який закарбував у собі історію певної території, особливості розвитку ландшафту, місцевий колорит та відобразив взаємозв'язки з іншими територіями, народами, які там проживають. На прикладі дослідження географічних термінів у статті простежено розбіжності в білоруських та українських (житомирських) говірках. Шляхом зіставлення мовленнєвого матеріалу, порівняно форми та семантику окремих географічних термінів, які демонструють схожі та відмінні риси в аналізованих говірках.

Насамперед звернемося до термінів, які побутують в одній мові, але відсутні в іншій. Білоруський дослідник географічної термінології І. Я. Яшкін зафіксував значну кількість лексем у білоруських говірках, які не функціонують у говірках Житомирської області: *ашчалопак, ашзіна, бабка, багавінне, баер, бегунец, белька, бечаўнік, бохат, бульбянішча, вадацеч, вальса, гангарушкі, гандола, дзірва, клухтавіна, лягобычча, макаўка, насада, палётка, прагурак, рэх, сплавовіна, траўнік, ўзбалатак, устругавіна, цуро́к, шы́я, язва́* [9, 74–76, 80, 92, 94, 98, 104, 115–116, 128, 137, 186, 237–238, 357, 411, 417, 446, 483, 533, 593, 623, 657, 664, 674, 690, 711, 713]. На Житомирщині записано такі географічні терміни, які не трапляються в білоруських говірках: *асва́лька, бакáй, безобра́зіе, буреве́й, ви́балка, дві́ж, драпа́кі, дубча́к, зі́мник, золоту́ха, калаба́ня, ква́ша, квóса, кольо́буха, кривуля́чча, лева́да, лі́нва, мі́нуха, мо́шка, носо́п, осо́ння, песо́шняя, уб-лі́г, чирі́нь, шта́бель, яцэро́віна* (Анк. 2013; МЕ 2012–2015).

Порівнюючи значення лексем білоруських і українських (житомирських) говірок, було виділено чотири типи географічних термінів: 1) апелятиви, що мають однакові, ідентичні значення; 2) слова зі схожими значеннями; 3) номени, що передають різні значення та 4) лексеми, які називають протилежні поняття.

Першу групу слів класифікуємо за такими підгрупами: 1) терміни, які мають ідентичні значення в житомирських та білоруських говірках: жт. діал. *по́плав* ‘луг заливний’ (МЕ 2013) – блр. діал. *папла́ў* ‘заливний луг’ [9, 491]; жт. діал. *о́мут* ‘глибоке місце в річці’, ‘глибоке місце в річці, де крутить воду’ (МЕ 2013) – блр. діал. *аму́т* ‘яма; глибоке й небезпечне місце в річці’, ‘вир на річці, де вода вирує зверху’ [9, 58]; жт. діал. *хра́па* ‘грудки замерзлої землі на поверхні дороги у вигляді виступів’ (МЕ 2015) – блр. діал. *хра́па* ‘грудка; замерзла поверхня землі, твердий бруд на низькому місці, на дорозі, на дворі у вигляді замерзлих виступів’ [9, 684]; жт. діал. *черні́чник, черні́чнік, черні́чнік, чорні́чник* ‘місце в лісі, де росте багато чорниці’ (Анк. 2013; МЕ 2012–2014) – блр. діал. *чарні́чнік, чарні́шнік* ‘зарості ягіднику чорниць’ [9, 694]. Другу підгрупу складають номени, які мають однакові значення, але в одній із мов позначають додаткові ознаки: жт. діал. *калату́ша* ‘розмоклий ґрунт після дощу’ (МЕ 2013–2014) – у білоруських говірках відмічено значення терміна *калату́ша* з додатковими ознаками розташування грязі в певних місцях ‘розмокла, в’язка грязь на дорозі, в броді’ [9, 328]; жт. діал. *новина́, нові́на* ‘вперше оброблене поле’ (будь-яке) (Анк. 2013; МЕ 2012–2013) – блр. діал. *но́віна* називає поле, але з вказівкою на те, що на ньому сіють ‘поле, яке вперше зоране, де сіють льон’ [9, 454]; жт. діал. *пони́ззя*, як порівняти з білоруськими говірками, має обмежену територію локалізації ‘низина в лісі’ (МЕ 2013) – блр. діал. *пані́ззе* ‘низина, низьке місце’ (будь-де) [9, 489]; жт. діал. *ягадні́к, ягідні́к, ягоди́к, яго́днік, ягадні́к* ‘місце в лісі, де росте багато ягід’ (Анк. 2013; МЕ 2012–2014) – блр. діал. *ягадні́к* ‘зарості чорничнику’, ‘зарості ягідників чорниць, лохини та ін.’ [9, 712].

Другу групу утворюють слова, які в говірках аналізованих мов мають схожі значення: жт. діал. *ві́рва* ‘глибока яма в річці, водоймищі’ (Анк. 2013; МЕ 2013) – блр. діал. *вы́рва* ‘вимита водою ділянка землі (цілини) на лузі’ [9, 172]; жт. діал. *во́рох* ‘купа гілля, хмизу, лісового сміття’ (МЕ 2013) – блр. діал. *во́рах* ‘купа, кучугура, гірка, кучка, кротовиння’ [9, 157]; жт. діал. *поліса́дник* ‘розсадник дерев’ (МЕ 2013) – блр. діал. *паліса́днік* ‘квітник під вікнами, город перед хатою’ [9, 483].

Третю групу складають терміни, які мають різні значення: жт. діал. *бут* ‘окреми́й великий камінь’, ‘рваний дикий камінь’ (МЕ 2013) – блр. діал. *бут* ‘яма, траншея з камінням; кам’яний фундамент у печі’ [9, 119]; жт. діал. *воло́ка* ‘місце в лісі, де росте багато ягід’ (МЕ 2013) – блр. діал. *вала́ка* ‘хитке місце на болоті’ [9, 131]; жт. діал. *опáра* ‘ґрунт, переораний на зиму’ (МЕ 2013) – блр. діал. *апа́ра* ‘небезпечне водянисте місце серед трясовини, криничне вікно’, ‘частина річки, яка не замерзає взимку’ [9, 60]; жт. діал. *паласа́* ‘лісосмуга; ряд дерев уздовж дороги, на полі’, ‘смуга лісу’, *полоса́* ‘лісосмуга; ряд дерев уздовж дороги, на полі’, ‘місце між дорогами’, ‘смуга лісу’ (Анк.

2013; МЕ 2013–2014) – блр. діал. *паласá* ‘відміряна ділянка поля, луку, сінокосу, засіву; смуга землі; довга ділянка землі; наділ, земельна ділянка; широка ділянка орної землі; вузька, довга смуга землі’ [9, 481–482].

Четверту групу презентують терміни, які в житомирських та білоруських говірках зафіксовані в протилежних значеннях. Явище, коли одне слово позначає протилежні поняття, називають енантіосемією. На порівняльному матеріалі можна говорити про міжмовну енантіосемію, коли значення однієї лексеми в різних мовах (у даному випадку в говірках різних мов) сприймається протилежно: жт. діал. *гірка, гóрка, гóрка* ‘невеликий (невисокий) горб, підвищення’, *гóрка* ‘горб у лісі’ (Анк. 2013; МЕ 2012–2014) – блр. діал. *гáрка* ‘низьке місце, де весною довго стоїть вода, багнисте місце, болото’ [9, 190]; жт. діал. *кóтвина* ‘місце, де багато кротовин’ (МЕ 2013) (*кротові́на* – це ‘купка землі, вигорнута кротом із нори на поверхню’ [7, 367]) – блр. діал. *катві́на* ‘ямка, вибої́на’ [9, 350]; жт. діал. *кага́т* ‘невеликий продовгуватий насип’, ‘яма овальної форми’ (МЕ 2012–2013) – блр. діал. *кага́та* ‘копець (городини, картоплі, яблук)’ [9, 323] (білоруське *канéц* в перекладі на українську мову позначає сільськогосподарський термін у значенні ‘бурт (місце для зберігання овочів)’ [5, 191]), *кага́т* ‘довгий, мілкий копець картоплі’ [4, 225], ‘бурт, велика купа (про буряки)’ [8, 728], ‘яма для схову картоплі’ [1, 216]. У прикладі з лексемою *кага́т* доцільно говорити про внутрішньомовну та міжмовну енантіосемію, оскільки номен *кага́т* позначає ‘яму’ та ‘насип’ у різних мовах та всередині кожної мови. У білоруських говірках *кага́т* іменує ‘яму’ та ‘насип’, але обидва ці значення презентують сему ‘місце, де зберігають городину взимку’. У говірках Житомирщини в ХХІ ст. номен *кага́т* також називає полярні поняття: в Коростишівському районі (сс. Віленька, Вільня, Вільнянка, Кмитів, Студениця) позначає ‘невеликий продовгуватий насип’, а в Олевському районі (сс. Андріївка, Майдан-Копищенський, Перга, Рудня-Перганська, Рудня-Хочинська, Сущани, Хочине) називає ‘яму овальної форми’. П. С. Лисенко в II пол. ХХ ст. зафіксував уживання лексеми *кага́та* (жіночий рід до *кага́т*) на території Житомирської області в Лугинському (смт Лугини) й Овруцькому (сс. Лучанки, Словечне) районах на позначення ‘ями для зберігання картоплі взимку’ [3, 88]. Отже, на Житомирщині в ХХІ ст. простежується розширення семантичного поля номена *кага́т*, оскільки він позначає не лише ‘місце для зберігання городини’, а називає будь-який ‘невеликий продовгуватий насип’ та будь-яку ‘яму овальної форми’ без вказівки на їх призначення.

При енантіосемії одне зі значень первинне, а інше розвивається внаслідок певних лексичних зрушень. У випадку з апелятивом *кага́т* важко визначити, яке значення первинне, а яке вторинне. Етимологія слова *кага́т* затемнена, воно вважається запозиченням з осетинської мови *k’axun* (*k’axt*) ‘копати’ [2, 337], яке можна розцінювати як копати яму і як насип, що утворюється під час копання ями. Етимологічний словник подає такі значення: *кага́т* ‘купа городини, відповідно укладена й прикрита для тривалого зберігання’, *ка́гат* ‘обкопані площі, на які насипають буряки й прикривають їх для захисту від приморозків; купа’, *кага́та* ‘яма для зберігання картоплі взимку’ [2, 337]. Перші фіксації лексеми *ка́гат* на території України знаходимо лише на поч. ХХ ст. у значенні ‘купа’ [6, 206]. З II пол. ХХ ст. аналізований номен зазнає акцентуаційних змін > *кага́т* і вживається в значенні ‘купа городини (картоплі, буряків і т. ін.), відповідно укладена й покрита соломною, землею тощо для тривалого зберігання’ [7, 67].

Географічна термінологія – важливе базове джерело для творення власних назв. Серед аналізованих номенів варто виділити слово *гірка*, оскільки воно простежується в основах значної кількості ойконімів Житомирщини: с. *Мала П’ятигірка* (Андрушівський район), с. *Велика П’ятигірка* (Бердичівський район), с. *Красногірка* (Смільчинський, Коростенський, Попільнянський, Хорошівський та Чуднівський райони), с. *Кам’яногірка* (Смільчинський район), с. *Кам’яна Гірка* (Лугинський район) і с. *Ясногірка* (Пулинський район). Це складні та складені назви, утворені поєднанням іменника *гірка* з прикметниками на позначення кількісного показника, кольору,

розміру, якості. Географічний термін *волока́* (в значенні ‘довга, вузька смуга землі’) став основою для творення стрижневої частини ойконіма Червона Волока (село в Лугинському районі). Від терміна *ві́рва* (в значенні ‘глибока яма в річці, водоймищі’) утворено гідронім Вирва (річка в Україні, ліва притока Тетерева; пор. ще річка в Польщі та Україні, права притока Вігору) та ойконім Вирва (село в Радомишльському районі).

Порівнюючи говірки обох мов відмітимо, що в них наявні специфічні терміни та однакові лексеми, які мають ідентичні, схожі, різні або протилежні значення. Географічні терміни – важливе джерело для утворення власних назв, вивчення етимології яких дає можливість глибше осягнути історію, культуру та мову кожного народу.

Джерела

1. Бялькевіч, І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. К. Бялькевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.
2. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / За ред. О. С. Мельничука. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 2. – 571 с.
3. Лисенко, П. С. Словник поліських говорів / П. С. Лисенко. – К. : Наук. думка, 1974. – 260 с.
4. Лучыц-Федарэц, І. І. Будаўнічая тэрміналогія беларускага Прыпяцкага Палесся / І. І. Лучыц-Федарэц // Народнае слова / Пад. рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – С. 218–235.
5. Півторак, Г. П. Білорусько-український словник / Г. П. Півторак, О. І. Скопненко; За ред. Г. П. Півторака. – К. : Довіра, 2006. – 723 с.
6. Словарь української мови: в IV т. / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. – К. : Наук. думка, 1908. – Т. II. – 574 с.
7. Словник української мови: в XI т. – К. : Наукова думка, 1973. – Т. IV. – 840 с.
8. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Укл. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і ін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – Т. 2. – 728 с.
9. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларуская навука, 2005. – 808 с.

Список умовних скорочень:

- Анк. 2013 – анкета для збирання матеріалу (2013 р.) на території Житомирської області;
блр. діал. – білоруське діалектне;
жт. діал. – житомирське діалектне;
МЕ 2012–2015 – матеріали експедицій, проведених протягом 2012–2015 рр. на території Житомирської області.

В.В. Шур

Мазырські дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: sajtmzr@mail.ru

УДК 808.26-313.1(043.3)

НАВАТАРСТВА І АДМЕТНАСЦІ ВІЦЕБСКОЙ ШКОЛЫ ЛІНГВІСТАЎ-АНАМАСТАЎ: ПРАФЕСАР Г.М. МЕЗЕНКА – КІРАЎНІК ШКОЛЫ

Ключевые слова: *оним, антрапоним, топоним, поэтоним, ономастикон, библионим, ономаст, урбанонимика, виконимика, лексикология, монография, апеллятив.*

В статье проведено обобщение научной деятельности профессора, доктора филологических наук, заведующего кафедрой общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова Анны Михайловны Мезенко, известного ученого-лингвиста, создателя нового направления в ономастике.

V.V. Shur

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

**INNOVATION AND PECULIARITIES OF VITEBSK LINGUISTIC
AND ONOMASTIC SCHOOL –
PROFESSOR H.M. MEZENKA AS SCHOOL SUPERVISOR**

Key words: onym, anthroponym, toponym, poethonym, onomasticon, biblionym, onomatologist, urban placename studies, viconymy, lexicology, monograph, appellative.

The article deals with Hanna Mikhailovna Mezenka's scientific activities, who is a professor, hab. PhD, the head of General and Russian Linguistics Chair of the educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", a well-known linguist, the founder of the new scientific branch in onomastics.

У наш час Віцебск вядомы як значны культурны цэнтр не толькі ў Беларусі, а і ва ўсёй Еўропе, у якім праводзіцца знакаміты “Славянскі базар”, а яшчэ гэты горад на Заходняй Дзвіне – значны лінгвістычны цэнтр, дзе плённа функцыянуе віцебская школа вучоных-анамастаў, якую вельмі эфектыўна ўзначальвае прафесар Ганна Міхайлаўна Мезенка.

У далёкім 1974 г. аспірантаў стацыянара Мінскага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага пасля завяршэння вучобы накіроўвалі амаль усіх у перыферыйныя вузы Беларусі: *Мазыр, Гродна, Брэст*. Двое з таго выпуску, Г. М. Мезенка і Л. М. Вардамацкі, былі размеркаваны ў Віцебскі педінстытут, дзе на той час зусім не было філалагічнага факультэта. І гэтыя двое маладых таленавітых выпускнікоў, якія ўжо ў аспіранцкія гады засведчылі сябе перспектыўнымі даследчыкамі, сталі стваральнікамі першых структур будучага філалагічнага факультэта ў Віцебскім педінстытуце. Праз некалькі гадоў выпадкова сустрэў Ганну Мезенка ў галоўнай бібліятэцы рэспублікі, якая з уласцівай ёй шчырасцю цікава паведаміла, што рыхтуе кнігу, прысвечаную актуальным праблемам аномастыкі. Быў крыху здзіўлены, бо раней яна паспяхова даследавала складаныя пытанні ўсходнеславянскага словаўтварэння (навуковы кіраўнік – прафесар А. М. Бардовіч), а новы навуковы занятак, які абрала дацэнт Г. М. Мезенка, фактычна ўспрымаўся даволі смела і нечакана ў тагачаснай нацыянальнай лінгвістыцы, што, натуральна, выклікала пэўнае здзіўленне. Праз некаторы час Ганна Міхайлаўна падаравала і кнігу-дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў, у якім яна ўпершыню ў беларускай лінгвістыцы пазнаёміла студэнтаў, аспірантаў з асноўнымі раздзелаў аномастыкі – *антрапанімікай, тапанімікай*, метадамі аномастычных даследаванняў, упершыню шырока і даволі падрабязна з зусім новым напрамкам – *урбананімікай*, якая стала яе галоўным заняткам на перспектыву.

У гэтым і наступных яе дапаможніках, манаграфіях яе паслядоўнікаў сістэмна выкладзены з улікам абагуленага вопыту тагачасных даследчыкаў асноўныя палажэнні сучаснай тэорыі ўласных імёнаў, метады і прыёмы аномастычных даследаванняў, зроблена вызначальная характарыстыка галоўных раздзелаў аномастыкі – антрапанімікі і тапанімікі, паказаны ўнёсак тых вучоных, хто раней вывучаў беларускую і ўсходнеславянскую аномастыку, яе значэнне ў развіцці грамадства; упершыню ў гісторыі беларускай навукі ўсебакова разгледжаны статус урбананімаў, прасочаны

асноўныя этапы і працэсы ў гісторыі гэтага новага перспектыўнага напрамку, вытокі якога ўпершыню вельмі пераканальна прааналізавала маладая даследчыца; разгледжаны спосабы, тыпы, мадэлі тагачаснага ўрбанонімаўтварэння, якія на фоне сучасных даследаванняў выразна сведчаць, што тагачасная ўрбананімія (70–90-я гады XX ст.) фактычна знаходзілася на стадыі станаўлення. А ў наш час – гэта высокаразвіты, сістэматызаваны і глыбока тэарэтычна ўсебакова распрацаваны і даследаваны ў шматлікіх працах перспектыўны напрамак усходнеславянскай анамастыкі, які паспяхова пад кіраўніцтвам прафесара Г. М. Мезенка працягвае вывучацца віцебскай школай даследчыкаў, да праблем якога далучыліся і даследчыкі іншых навуковых цэнтраў Рэспублікі Беларусь і суседніх краін.

У наступныя гады былі падрыхтаваны пад кіраўніцтвам прафесара Г. М. Мезенка з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь вучэбныя дапаможнікі “Беларуская антрапанімія” (Віцебск, 2009), “Белорусская ономастика: топонимия” (Мінск, 2012) і іншыя ґрунтоўныя працы (слоўнікі, манаграфіі), дзе таксама фактычна ўпершыню на багатым матэрыяле прыводзяцца тэарэтычныя абагульненні аб сучасным стане і гістарычным фармаванні асноўных разнавіднасцей антрапонімаў і тапонімаў, абагульняецца самая розная інфармацыя з гісторыі ўсіх разнавіднасцей беларускіх уласных імёнаў.

Такім чынам, пад кіраўніцтвам прафесара Г. М. Мезенка ў Віцебскім дзяржаўным універсітэце створана арыґінальная навуковая школа: падрыхтавана 12 кандыдатаў філалагічных навук, працы якіх адрозніваюцца навізнаю і неардынарнымі падыходамі ў вырашэнні пэўных лінгвістычных праблем – даследаванні У. Генкіна, А. Сапегінай, Г. Семяньковай, В. Ляшкевіч, А. Дзеравяга, Ван Лі, Т. Скрабнёвай, В. Барысевіч, Ю. Галкоўскай, Т. Васільевай, М. Дарафеенка, І. Лісавай, а таксама больш за дваццаць магістраў філалагічных навук. Гэтым калектывам распрацавана шырокая канцэпцыя ўрбананімікі: упершыню ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве пераважна на ўнікальным мясцовым матэрыяле з выкарыстаннем апрабаваных агульнаеўрапейскіх тэарэтычных высноў вызначаны асноўныя прынцыпы намінацыі ўнутрыгарадскіх аб’ектаў, абґрунтавана выдзяленне самастойнага раздзела анамастыкі – *віканімікі*, размежавана месца і роля іншых разнавіднасцей і падгруп у тапаніміі, глыбока даследаваны асаблівасці антрапаніміі і тапаніміі Віцебшчыны, а таксама анамастыкон з некаторых твораў беларускай і рускай літаратуры, прасочана міжмоўнае анамастычнае ўзаемадзеянне славянскіх народаў, пераважна на самастойна выяўленым багатым анамастычным матэрыяле, засведчаным у створаных слоўніках і прааналізаваных у манаграфіях, навуковых дапаможніках і артыкулах.

Прафесар Г. М. Мезенка – аўтар 14 манаграфій, 7 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і 27 вучэбных дапаможнікаў без грыфа, каля 150 артыкулаў у зборніках і навуковых часопісах, 46 артыкулаў у замежных выданнях. Пад яе кіраўніцтвам, рэдагаваннем і непасрэдным удзелам апублікавана толькі ў 2006–2017 гг. 20 манаграфій, падручнікаў, дапаможнікаў, слоўнікаў і іншых прац. Заслугі прафесара Г. М. Мезенка высока ацэнены ў Рэспубліцы Беларусь: яна ўзнагароджана медалём Францыска Скарыны, удастоена падзякі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, Ганаровай граматай Міністэрства адукацыі В’етнама, шматлікімі ўзнагародамі мясцовых органаў Віцебшчыны і Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. Яна – выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, неаднаразовы лаўрэат шматлікіх конкурсаў, значны перыяд была членам экспертнага савета ВАК Рэспублікі Беларусь, член саветаў па абароне кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый пры БДУ і Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

Некалькі прыкладаў пра наватарства і высокі прафесіяналізм юбіляра.

Зроблена гэтай даследчыцай, яе паслядоўнікамі за апошнія дзесяцігоддзі ў анамастыцы, гаворачы словамі Янкі Брыля, “не сорамна пакласці ад імя Беларусі на міжнародны стол”. У канцы 2008 года прафесар Г. М. Мезенка апублікавала грунтоўную манаграфію ў дзвюх частках “*Віцебшчына ў назвах вуліц*” агульным аб’ёмам 617 старонак, у якой упершыню ў гісторыі беларускага мовазнаўства комплексна даследаваны ўнутрыгарадскія і ўнутрысельскія назвы аб’ектаў Віцебшчыны, раскрыта паходжанне і ўтварэнне шматлікіх урбанонімаў і віконімаў, іх матывацыі, растлумачаны прычыны перайменавання гарадскіх і сельскіх вуліц, плошчаў і інш., якія мелі месца на працягу апошніх двух стагоддзяў. У манаграфіі засведчаны назвы ўсіх паселішчаў вобласці, дзе функцыянуе ці функцыянаваў той ці іншы ўрбанонім, віконім, прыводзіцца поўны рэгістр гэтых адзінак з Віцебскай вобласці і суседніх рэгіёнаў, што ўжываліся ў розныя часы. У гэтай сувязі варта адзначыць, што калектывам, якім яна кіруе, падрыхтавана і апублікавана яшчэ адна комплексная манаграфія, прысвечаная даследаванню анамастычных адзінак гэтага рэгіёна “*Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць*” (Віцебск, 2006, 238 стар.), у якой таксама ўсебакова даследуецца сучасны стан і гістарычнае фармаванне розных формул іменавання жыхароў Віцебшчыны ў XVI–XXI стст., праведзена апісанне мужчынскіх і жаночых уласных імёнаў, мянушак у розныя перыяды, размежаваны іх структура, семантычныя і лінгвагеаграфічныя асаблівасці і аспекты.

Як і папярэднія гэтая манаграфія Г. М. Мезенка ў дзвюх частках наватарская ў многіх адносінах. Нават пералік тэм і параграфіў сведчыць, што даследчыца ў многім ішла сваім самастойна абраным шляхам, як гавораць *на цаліку*, яна распрацавала тыя аспекты анамастыкону, якія да гэтага часу былі “белай плямай” анамастычнага палетка. Напрыклад, “*Унутрыгарадскія – унутрысельскія назвы: падабенствы і адрозненні*”, “*Унутрыгарадскія– унутрысельскія назвы і кагнітыўны ўзровень моўнай асобы*”, “*Страчаныя назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў. Былыя перайменаванні*”, “*Урбанонімы і віконімы – асобныя разрады тапонімаў*”, “*Асноўныя тэндэнцыі ў развіцці ўрбананіміі і віканіміі на мяжы стагоддзяў*” і інш. Звяртаем увагу на такі параграф, як “*Былыя перайменаванні*”, палеміка пра якія не спыняецца і цяпер у беларускіх, рускіх, украінскіх навуковых публікацыях. І тут яе абагульненні самыя пераканальныя і абгрунтаваныя.

Да ўсяго сказанага вышэй варта дадаць, што арыгінальнасць і актуальнасць гэтых прац памацняецца тым, што падобныя даследаванні да апошняга часу характарызаваліся нізкай ступенню распрацаванасці праблем урбананімікі, невысокім выкарыстаннем гэтых адзінак пры вывучэнні гісторыі Беларусі і гісторыі беларускай мовы, адсутнасцю дасканалых узораў і поўных зводаў назваў унутрыгарадскіх і асабліва ўнутрысельскіх аб’ектаў. Варта таксама адзначыць, што Г. М. Мезенка ўпершыню ў беларускім мовазнаўстве ў асобную разнавіднасць урбанонімаў выдзеліла і абгрунтавала неабходнасць аналізу ўнутрысельскіх лінейных назваў – *віконімаў*, якія да апошняга часу не былі аб’ектам апісання і даследавання. У славянскай анамастыцы пакуль адсутнічаюць работы, у якіх разглядалася б рэпрэзентацыя кагнітыўнага ўзроўню моўнай асобы скрозь прызму *віканіміі* – сукупнасці назваў унутрысельскіх аб’ектаў. Гэты пласт анамастычных адзінак, як пераканальна паказала даследчыца, складае асобны фрагмент агульнай моўнай карціны свету.

Многія працы (манаграфіі, слоўнікі, падручнікі, асобныя артыкулы), падрыхтаваныя прафесарам Г. М. Мезенка, яе школай, як адзначаў у адной з рэцэнзій прафесар А. Ф. Рогалеў, з’яўляюцца наватарскімі, першымі ў вырашэнні пэўнай праблемы. Так, гэты вядомы вучоны, рэцэнзуючы кнігу Г. М. Мезенка “*Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в*”. (Мн., 2003), адзначаў, што даследчыцай не толькі ў беларусістыцы, а і ў славістыцы ў цэлым, ажыццёўлена ўсебаковае апісанне ўрбананіміі практычна ўсіх рэгіёнаў рэспублікі, выкладзены новыя

цікавыя звесткі аб назвах вуліц, плошчаў, рынкаў, храмаў, іншых унутрыгарадскіх аб'ектаў, што сведчыць аб высокай навуковай каштоўнасці гэтай працы... Энцыклапедычнасць усіх без выключэння слоўнікавых артыкулаў у гэтай кнізе дазваляе знайсці ў іх унікальны і цікавы фактычны матэрыял прадстаўнікам самых розных навук – лінгвістам, гісторыкам, географам, этнографам. Да сказанага варта дадавіць, што кнігі, манаграфіі, слоўнікі, падрыхтаваныя прафесарам Г.М. Мезенка, надзвычай каштоўныя і вельмі адметныя інфармацыйнай насычанасцю: усе яе працы грунтуюцца не толькі на ўласных запісах, а пераважна на самых розных крыніцах інфармацыі – актах, летапісах, інвентарах, пісцовых кнігах, хроніках, энцыклапедыях, геаграфічных картах, архіўных звестках, манаграфіях старога і новага часоў, артыкулах і інш. Шматлікія наватарскія навуковыя працы прафесара Г. М. Мезенка атрымлівалі высокую ацэнку і кваліфікаваныя характарыстыкі. Яе ўнёсак у лінгвістыку адзначалі вядомыя лінгвісты І. К. Германовіч (“Беларуская энцыклапедыя” (т. 10), Л. М. Вардамацкі (“Веснік ВДУ”, 1997), П. П. Шуба (“Веснік ВДУ”, 1997); І.А. Гапоненка (“Веснік БДУ”, 2010, “Веснік ВДУ”, 2010), А. Багамолава, В. Гуліцкая (“Роднае слова”, 2010), В.Шур (“Веснік ВДУ”, 1998), А. Рогалеў (“Веснік ВДУ”, 2004), а таксама ў шматлікіх газетных і часопісных рэцэнзіях, падрыхтаваных Г. Шпакоўскай, А. Кутынка, А. Мацяюнам, А. Апарынай, Л. Хмяльніцкай, В. Скрыннікавай і інш.

Прафесар Г. М. Мезенка засведчыла сябе як выдатны арганізатар філалагічнай навукі, асабліва ў галіне анамастыкі як стваральнік асобнай анамастычнай школы. Уся яе творчая дзейнасць накіравана на падрыхтоўку кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі, даследаванню актуальных анамастычных праблем. Высокі прафесіяналізм, прафесійная культура і этыка, значныя навуковыя дасягненні паставілі яе ў лік самых вядомых вучоных не толькі ў Рэспубліцы Беларусь, а і далека за яе межамі. Заслугі прафесара Г. М. Мезенка – таленавітага вучонага, кіраўніка ў галіне даследавання анамастычных праблем усходнеславянскіх моў бяспрэчныя і атрымалі высокую ацэнку ў спецыялістаў і дзяржаўных органаў. Мэтанакіраванасць, высокая працаздольнасць спалучаюцца ў юбіляра з дабрынёю, сардэчнасцю, душэўнай адкрытасцю, за што яе паважаюць калегі, студэнты, шматлікія даўнія і новыя сябры.

Літаратура

1. Шур, В. В Першы ў беларускай анамастыцы / В. В. Шур // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1998. – № 2. – С. 117–119.
2. Рогалев, А. Ф. Историко-топонимическое исследование / А. Ф. Рогалев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2004. – № 3. – С. 154–156.
3. Мезенка, Г. М. Беларуская анамастыка ў XXI стагоддзі: праблемы, перспектывы / Г. М. Мезенка // Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, красавіка 2010 г.) / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка. – 2010. – 314 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ

Т.П. Беценко

Сумський державний педагогічний університет ім. А.С. Макаренка
e-mail: becenko@rambler.ru, becenkot@gmail.com

УДК 811.162.2:81»373.21+81»28

ЗАКОНОМІРНОСТІ В СИСТЕМІ ТОПОНІМІЧНОГО НАЗОВНИЦТВА СУМСЬКОГО РЕГІОНУ (УКРАЇНА)

Ключові слова: *топонім, географічна назва, топонімічна система, топоніміка, закони топоніміки.*

Стаття присвячена проблемам регіональної ономастики (топоніміки). На прикладі аналізу географічних найменувань (ойконімів) Сумського регіону (Україна) зроблені висновки про існування законів найменування просторових топооб'єктів. Розглянуто закон антропотопонімізації, закон різноманітності знакового маркування простору (закон варіювання найменувань у мікропросторі, закон гідронімної топонімізації (трансонімізації)).

Спостереження за топонімією окремого ареалу дають підстави стверджувати про дію незаперечних правил у назовництві географічних об'єктів. Ці правила, закономірності пов'язані з універсальністю топонімів – мовних знаків, здатних позначати і фіксувати позамовну інформацію. Універсальний характер топонімічних одиниць слугує підґрунтям для формулювання законів топоніміки (законів виникнення топонімів, законів найменування топооб'єктів, законів найменування просторових географічних об'єктів).

T.P. Bezenko

Sumy State Pedagogical University A.S. Makarenko

REGULARITIES IN THE SYSTEM OF TOPONYMIC NAMING OF THE SUMY REGION (UKRAINE)

Key words: *toponym, geographical name, toponymic system, toponymy, laws of toponymy.*

The article is devoted to the problems of regional onomastics (toponymics). On the example of the analysis of geographical names (oikonyms) of the Sumy region (Ukraine), conclusions were drawn about the existence of laws for the name of spatial topobjects. The effect of such laws forming the toponymic field of the designated region, as the law of anthropotonymization, the law of the diversity of the symbolic marking of space (the law of variation of names in microspace, the law of hydroneimous toponymization (transonymization)) is established.

Observing the toponymy of a particular area gives grounds to assert the effect of immutable rules in the name of geographical objects. These rules, regularities are associated with the universality of toponyms – linguistic signs, capable of denoting and fixing extralinguistic information. The universal character of toponymic units serves as the basis for the formulation of the laws of toponymy (the laws of the origin of toponyms, the laws of denomination of topobjects, laws for the name of spatial geographic objects).

Постановка проблеми

Спостереження за топонімією окремого ареалу дають підстави стверджувати про дію незаперечних правил у назовництві географічних об'єктів. Ці правила, закономірності пов'язані з універсальністю топонімів – мовних знаків, здатних позначати і фіксувати позамовну інформацію. Універсальний характер топонімічних одиниць слугує підґрунтям для формулювання законів топоніміки (законів виникнення топонімів, законів найменування топооб'єктів, законів найменування просторових географічних об'єктів).

Мета статті – з'ясувати закономірності назовництва, спостережені в системі топонімікону Сумщини.

На прикладі аналізу географічних найменувань (ойконімів) Сумського регіону (Україна) зроблені висновки про існування законів найменування просторових топооб'єктів. Зокрема, виявлено закон антропотопонімізації, закон різноманітності знаково-го маркування простору (закон варіювання найменувань у мікропросторі, закон гідронімної топонімізації (трансонімізації).

Закон антропотопонімізації – використання антропонімів як бази для творення мікро- і макротопонімічних одиниць.

Антропоцентричність завжди була і є актуальною в топоніміці. Людина освоює простір і означає, виокремлює, розмежовує його з допомогою назви (власної назви). Антропотопоніми, мабуть, належать до найперших, найдавніших і найзручніших способів маркування простору, вказівки на належність (заселення, освоєння) території певній особі. На Сумщині антропонімічне джерело засвідчене у назвах Михайлівка, Михайлівське, Наумівка (Конотопський р-н), Василівка (Лебединський, Роменський, Середино-Будський р-ни), Дмитрівка (Буринський, Великописарівський, Лебединський р-ни), Бобіне (Путивльський р-н), Штепівка (Лебединський р-н) та інших. Здебільшого для творення топонімів використовують прізвища та імена людей. Часто такі прізвища траплялися в поселенні (або особи з таким прізвищем заснували населений пункт).

Закон гідронімної топонімізації (трансонімізації) – позначення простору (мікропростору), освоєного і заселеного людиною, назвою водойми, поблизу якого виник населений пункт.

Вода – необхідний складник життєіснування людини, гідрооб'єкт – своєрідний орієнтир у просторі, засіб його освоєння. Назва водойми завжди набагато давніша за назву поселення. Тому часто наші предки у давнину використовували назву водного об'єкта (гідронім), поблизу якого з'являлося поселення, для найменування самого населеного пункту. Так, наприклад, комонім **Сула** (Сумський р-н) виник тому, що в цьому місці формувалося русло річки **Сули**; ойконім **Ромни** – від назви річки **Великий Ромен** (місто виникло як фортеця неподалік впадіння річки Великий Ромен у річку Сулу); місто **Суми** отримало назву від гідроніма **Сумка** (фортеця з'явилася поблизу впадіння Сумки у Псел); пмт **Липова Долина** успадкувало назву від гідроніма **Липівка**: поселення виникло в низькому місці (в долині) річки Липівки (гідронім походить від фітоніма **липа**: річка зусібіч була оточена липами); комонім **Вири** (Білопільський р-н) – від гідроніма **Вир** (поселення розташоване на березі р. Вир). Так само відгідронімного творення ойконіми **Грунь**, **Конотоп**, **Терни**, **Суджа** та ін. Гідронімний зв'язок відчутний і в назвах поселень **Запсілля**, **Присейм'я**, **Верхосулка**, **Сульське**, **Засулля**, **Грунівка**, **Грунька**, **Івот**, **Івотка** ...

Закон топонімічного кодування специфіки географічного середовища - врахування і послідовне використання ознак географічних умов середовища як бази для творення топонімів.

Топоніми у багатьох випадках є мовними знаками маркування простору з урахуванням його різноманітних фізичних показників.

Як відомо, географія вивчає поверхню землі, природні умови (рельєф, клімат, ґрунти, рослинний і тваринний світ), населення, економічні ресурси (розміщення виробництва, умови та особливості його розвитку в країнах та окремих регіонах).

Мовці часто використовують географічні терміни, зокрема і народні географічні терміни, для позначення певної місцевості (мікро- чи макропростору). Активна дія цього закону у сфері топонімічного творення зумовлена важливістю для людини ознак довколишнього світу і їх використання для номінації об'єктів. Розрізнення, диференціація географічних умов середовища зумовлена практичною потребою двоякого характеру: не тільки необхідністю вказати на місце поселення, а й відзначити його географічні особливості (ґрунт, поклади корисних копалин, ландшафт, рельєф та ін.).

Закон різноманітності знакового маркування простору (закон варіювання найменувань у мікропросторі) – *творчий підхід мовносії до називання топооб'єктів; використання арсеналу мовних засобів для позначення місцевості; відбір і використання мовних знаків для творення топонімів, формування багатоманітного топонімного континууму.*

У мовній свідомості, мовній практиці індивідів засвідчене прагнення позначати простір неоднаково, враховуючи різні його ознаки. Мовцям до вподоби у тому чи іншому випадку вдатися до антропотопонімізації, у іншому – до гідротопонімізації (трансонімізації)... Крім того, антропотопонімізація теж відзначається багатогранністю, різнобічністю: у відносно окресленому континуумі: антропотопоніми не повторюються; з-поміж антропотопонімів використовують як імена (чоловічі і жіночі), так і прізвища та по батькові; засвідчені неоднакові, відмінні словотвірні моделі творення топонімів (варіації топонімів) (**Михайлівка** і **Михайлівське** Конотопського р-ну , **Івот** Шосткинського р-ну й **Івотка** Ямпільського р-ну (сусідні райони), **Миколаївка** і **Новомиколаївка** Сумського р-ну, **Камінь** Кролевецького р-ну, **Кам'яне** Краснопільського, Лебединського р-нів, **Кам'янка** і **Кам'янецьке** Тростянецького р-ну, **Кам'янка** Середино-Будського р-ну).

Треба вважати, що прагнення мовців до варіювання топонімів у визначеному ареалі є свідченням специфіки їхньої етномовленнєвої свідомості та етномовленнєвої креативної діяльності, показником мовного смаку в називанні топооб'єктів, водночас - показником потенцій мови як рівневої системи.

Отже, варіювання назв – закономірний процес, зумовлений потребами суспільної та інтелектуально-культурної життєдіяльності людини, її перебуванням в соціумі.

Література

1. Аліферчык, Т. М. Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект / Т. М. Аліферчык. – Мінск : Беларус. навука, 2013.
2. Беценко, Т. Етюди з топонімії Сумщини. Походження географічних найменувань / Т. Беценко. – Суми : Собор, 2001. – 72 с.
3. Беценко, Т. П. Лінгвістичне красзнавство. Походження географічних назв Сумщини / Т. П. Беценко. – Суми : Мрія - 1, 2015. – 180 с.
4. Жучкевич, В. А. Общая топонимика : учеб. пособие / В. А. Жучкевич. – 3-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 1980. – 288 с.
5. История городов и сел Украинской ССР. Сумская обл. – К.: Главная редакция украинской советской энциклопедии, 1980. – 698 с.
6. Коваль, Я.П. Знайомі незнайомці. Походження назв поселень України. – К. : Либідь, 2001. – 304 с.
7. Мурзаев, Э.М. Словарь народной географической терминологии / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.
8. Янко, М. Т. Топонімічний словник України : словник-довідник / М. Т. Янко. – К. : Знання, 1998. – 438 с.

УДК 811.161.1'373.211.1

**ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОТАНТРОПОНИМНЫХ ОЙКОНИМОВ
БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ)**

Ключевые слова: *Белорусское Поозерье, ойконим, ойконимия, внешние признаки человека, топоним.*

В статье выявляются и описываются отантропонимные ойконимы Белорусского Поозерья, соотносительные с апеллятивами, называющими внешние признаки человека. Определяются и характеризуются мотивирующие основы, используемые в процессе образования подобных наименований. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются наиболее популярные названия данной группы.

T.Y. Vasilieva

Vitebsk State order of Peoples' Friendship Medical University

**MAN IN THE TOPONYMY MIRROR
(FOR EXAMPLE OF THE ANTHROPONYMS OYKONYMS
OF THE BELARUSSIAN POOZERJE)**

Keywords: *Belarussian Poozerje, oykonym, oykonymy, external characteristics of a person, toponym.*

The article is devoted to the research of the anthroponyms oykonymy of the Belarussian Poozerje, motivated by the names of external characteristics of a person. The main motivating bases used in the ways of formation of these names are defined. Based on semantic and quantitative parameters the most popular names of this group are defined.

Наиболее распространенными в ойконимной системе любого региона являются отантропонимные наименования, т. е. названия, сформированные на базе имен, прозвищ и фамилий первопоселенцев или владельцев населенного пункта. На факт преобладания ойконимов данного типа указывают многие исследователи ономастического материала (А.М. Селищев, А.К. Матвеев, В.А. Никонов, И.И. Муллонен, Е.Н. Варникова, Л.Н. Монзикова). По мнению большинства ономастов, возникновение отантропонимных названий населенных пунктов – явление сравнительно позднее, характеризующееся высоким уровнем развития топонимики. Популярность данного принципа номинации связывается в первую очередь с социально-экономическими причинами, в частности, с развитием частного землепользования. Самый большой слой феодального общества составляли крестьяне, главным занятием которых было земледелие, определявшее особенности жизни народа на протяжении значительного исторического периода. До середины XVI в. крестьяне, как и другие свободные классы, пользовались правами потомственного владения и распоряжения землею, которые ограничивались властью великого князя и высших панских фамилий. Крестьянские земельные участки, состоявшие из пахотной земли и различных угодий и находившиеся во владении крестьянских семей и родов, назывались просто «землями» с прибавлением имени крестьян-владельцев. С течением времени на земельных уча-

ствах возникали поселения, характер которых определялся формами землевладения и землепользования (деревня, село, слобода, фольварк, околица, застенки, хутор и др.) и на которые переходили названия «земель». Необходимость указания на принадлежность земель и поселений отдельному человеку или коллективу для закрепления права владения – основная причина возникновения отантропонимных названий. Отантропонимные ойконимы Белорусского Поозерья являют собой многочисленную и разноплановую с лексической точки зрения группу. Наиболее богатую и разнообразную информацию о человеке, специфике восприятия и оценки его внешнего облика дают онимы, мотивированные антропонимами, характеризующими человека в физическом плане, исследование которых является целью нашей работы.

Подобные наименования представляют собой весьма интересный в лингвистическом плане пласт, поскольку часть ойконимов соотносится с апеллятивами, которые в современном белорусском и русском языках не употребляются. В данном плане ойконимия выступает как своеобразный хранитель лексем, которые утратил язык, и, таким образом, дает чрезвычайно важный материал для лексикологических и этимологических исследований.

Ойконимы, соотносимые с апеллятивами, называющими внешние признаки человека, насчитывают 147 единиц (3% от общего количества топонимов региона) и подразделяются на 7 подгрупп. В основах таких наименований фиксируются лексемы, указывающие на следующие признаки:

1) цвет волос, кожи (44 ойконима, или 30% от общего количества проанализированных ономастических единиц): *Белоусы*, *Беляны* (4), *Белянково*, *Беляки*, *Беляи*, *Рудаки* (3), *Рудаково* (2), *Руди*, *Рудые*, *Рыженьки*, *Русаны*, *Черныши*, *Чернооки*, *Черничёнки* и др.

Самыми продуктивными на Витебщине являются апеллятивы с основой *бел-*, указывающие на светлый цвет волос и кожи человека, зафиксированные в 19 ойконимах. К таким названиям относим также топонимы *Желтовщина* (от рус. рег. *желтый* ‘русый, светлорусый’ [4, 116]) и *Русаны* (от бел. *русан* ‘русый, светловолосый’ [1, 355]). На втором месте по популярности – лексемы с основой *руд-* (*рыж-*), называющие человека с рыжими волосами, отмеченные в основах 13 названий населенных пунктов. Практически такой же активностью характеризуется основа *черн-*, встречающаяся в 10 ойконимах. Похожая картина наблюдается в современном фамильном антропонимиконе Витебщины, однако если здесь на первом месте, как и в ойконимиконе, находятся основы *бел-*, то второе занимают *черн-*, в то время как *руд-* располагаются лишь на третьем месте;

2) рост, телосложение (28 единиц, или 19%): *Карандаши* – рус. рег. *карандаш* ‘коротыш, коротышка, недоросток, малорослый человек’ [2, 90]; *Короткевичи*, *Малютинно* – бел. рег. *малюта* ‘ребенок, маленький ребенок’, укр. ‘малыш, маленький, низкорослый человек’ [1, 272]; *Пыжи* – бел. рег. *пыж* ‘низкорослый человек, карапуз’ [1, 340]; *Росляки*, *Рослые*, *Тыльцы* – польск. *tyły* ‘полный, толстый’ [1, 419]; *Толстюки*, *Толстики*, *Хилощина*;

3) физические недостатки (25 наименований, или 17%): *Горбачево* (2), *Горбачёнки*, *Горбачи*, *Горбули* – бел. рег. *гарбуль* ‘горбатый’ [1, 103]; *Кривелёво* – бел. рег. *кrywель* ‘кривой’ [1, 222]; *Кособуки* – бел. рег. *касабуцкі* ‘косоглазый’ [1, 190]; *Сухоруково*, *Тригубцы* – ср.: рус. *тригуб* ‘человек с раздвоенной губой, которая создает впечатление трех губ’ [3, 372]; *Хромые* и др;

4) особенности частей тела (23 ойконима, или 16%): *Волосачи*, *Грибали* – бел. рег. *грыбель* ‘губатый, губач’ [1, 118]; *Лобаны* (2) – рус. рег. *лобан* ‘человек или животное с большим лбом’ [1, 239]; *Носачи*, *Ушанишки* – рус. рег. *ушан* ‘человек или животное с большими ушами’ [1, 422]; *Чубатые* и др.;

5) особенности речи (13 единиц, или 9%): *Гамзелёво* – бел. рег. *гамзель* ‘тот, кто говорит в нос, гнусавит’ [3, 114]; *Картавые*, *Сакуны* – бел. рег. *сакун* ‘тот, кто произносит [с] вместо других звуков или твердое [с] вместо мягкого’ [1, 361]; *Шепелево* – бел. рег. *шапель* ‘шепелявый человек’ [1, 466] и др.;

6) особенности движения (11 топонимов, или 7%): *Скрабатуны* – бел. рег. *скрабатун* ‘тот, кто шаркает ногами при ходьбе’ [1, 379]; *Шавляны* – рус. рег. *шавля* ‘тот, кто шаркает ногами при ходьбе’ [3, 114]; *Шаркели* – бел. рег. *шаркель* ‘тот, кто ходит шаркая ногами’ [1, 468] и др.;

7) возраст (3 ойконима, или 2%): *Можулево* – ср.-лит. *mažulis* ‘младший, малыш’ [1, 266]; *Юньки*, *Юнцы*.

Доступность для непосредственного наблюдения внешних признаков являлась основой для формирования таких ойконимов. Соответственно, чем ярче была внешняя примета человека (цвет волос, кожи, рост, телосложение, физические недостатки, особенности частей тела), тем продуктивнее образовывались наименования на ее основе. С этой точки зрения малочисленность наименований, характеризующих особенности речи, движения, возраст человека, обуславливается затрудненностью наблюдения, требующего иногда длительного времени для выявления подобных признаков.

Таким образом, ойконимы Белорусского Поозерья, характеризующие человека в физическом плане, представляют собой немногочисленную, но весьма интересную как в культурологическом, так и в лингвистическом аспектах группу. Так, подобные топонимы содержат информацию о специфике восприятия и оценки физических признаков человека, при этом в основах названий данной группы чаще фиксируются апеллятивы, имеющие негативную эмоциональную окраску. Кроме того, многие названия соотносятся с апеллятивами, которые в современных русском и белорусском языках не употребляются, что свидетельствует о большой лингвистической ценности данного языкового материала.

Литература

1. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 2 : И – О. – 1989. – 779 с.
3. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.
4. Словарь русских народных говоров. – Вып. 9 : Ерепня – Заглазеться / сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.] ; под. ред. Ф. П. Филина. – Ленинград : Наука, 1972. – 364 с.

Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова

Костромской государственный университет
e-mail: gantsovsky_n@mail.ru, cultland@yandex.ru

УДК.811.161.1

ТИПОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ В.Я. ШИШКОВА)

Ключевые слова: *костромские говоры, географическая терминология, ареальная характеристика, В.Я. Шишков, В.И. Смирнов.*

В статье определяется вопрос о типологически значимых ареальных характеристиках географической (ландшафтной) лексики. Устанавливаются связи в регионе лексики местной, диалектной, и общеславянской, определяется соотношение лексики говоров и литературного языка. Приводятся доводы в пользу исконности в крае общеславянской лексики, её севернорусском характере и вторичности подобной лексики в литературном языке.

**TYPOLOGICALLY SIGNIFICANT GEOGRAPHICAL VOCABULARY IN
DIALECTS OF KOSTROMA REGION (BASED ON THE TEXTS OF
V.YA. SHISHKOV)**

Key words: *Kostroma patois, geographical terminology, areal characteristics, V.Ya. Shishkov, V.I. Smirnov.*

The article deals with the question of typologically significant areal characteristics of the geographic (landscape) vocabulary. The correlation between the local vocabulary, the vocabulary of the patois and the common Slavic vocabulary in the region and a proportion of the dialect vocabulary and literary language are determined. We argue in favour of primordially of the common Slavic vocabulary in the region, its North Russian nature and a secondary nature of this vocabulary in literary language.

Как известно, славянская географическая терминология в разных славянских языках отличается единством своего основного состава и многообразием сем, относящихся к каждой конкретной лексеме (об этом говорил Н.И. Толстой [16, 242]). Разумеется, единство основного состава географической терминологии не является абсолютным не только для разных славянских языков, но и для каждого отдельно взятого славянского языка, если учитывать многообразие его диалектов и своеобразие его историко-культурных зон. И, пожалуй, в таком случае на видное место выходит проблема типологически значимых ареальных характеристик географической (ландшафтной) лексики, т. е. проблема соотношения в регионе лексики диалектной и общенародной, и далее – лексики диалектов и литературного языка. А если эти связи существуют, то являются ли они фронтальными или афронтальными? И это зависит от решения вопроса об исконности в диалектах края общеславянской лексики и вторичности её в литературном языке или же о привнесённости ряда лексических единиц, а также некоторых её семантических характеристик из литературного языка (или других источников) в рассматриваемые говоры.

Данный вопрос рассматривается на материале центральных костромских говоров по реке Костроме – от Костромы до Буя – через призму отражения их в текстах В.Я. Шишкова. Писатель приехал в Кострому в 1924 году по приглашению председателя Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) В.И. Смирнова с целью обследовать территории по реке Костроме. Это места, известные далеко за пределами Костромы, где на месте слияния Костромы и Волги находится Ипатьевский монастырь, а за ним на полуострове несколько десятков деревень и сёл Шунга и Саметь. Говор и нравы зарецких (за рекой Костромой) жителей в начале XX века описал Н.Н. Виноградов [1; 2], а затем в начале этого века костромские диалектологи [3; 4; 5; 7; 8; 9; 10].

В.Я. Шишков посетил село Мисково и его затопляемые в половодье окрестности – село Спас-Вёжи и деревню Шоды, места, связанные с Н.А. Некрасовым; изобразил своеобразный уклад жизни буйских сёл Овсяникова и Железного Борка с его знаменитым Железоборовским монастырём. В очерках В.Я. Шишкова «Приволжский край» [21], где писатель дал этнолингвистическое описание местности, есть заголовки глав и подглав, которые отражают круг его интересов: изучение истории и географии края, быта населения, общественных и социальных отношений того времени, растительности, животного мира, ландшафта, природного и культурного и – не в последнюю очередь – языка населения. Этнографические и краеведческие наблюдения

В.Я. Шишкова коррелировали с целями и задачами КНОИМК – исследовать костромской край не только своими силами, но и привлечь к этому столичных учёных, писателей и видных общественных деятелей.

Особую ценность для нас представляет многогранное и точное отражение В.Я. Шишковым, любителем и знатоком народной речи, лексики и фразеологии посещённых им мест костромского края. Приведём высказывание писателя на эту тему: «*А верно, я имею обыкновение заносить в записную книжку образные выражения, оригинальную структуру живой фразы. Иной раз такое словечко вскочит в уши – грех не записать*» [21, 536]. На материале текстов В.Я. Шишкова нами составлен словарь диалектных слов и выражений, по типу авторский, по содержанию областной. В основу формирования его словника положен дифференциальный принцип, понимаемый широко. Словарь содержит элементы энциклопедизма, что приближает его к словарю полного типа: в него вошла и та лексика, совпадающая с литературной, которая, как и в Псковском областном словаре, важна для определения этнодиалектных черт края и их типологических особенностей по отношению к литературному языку.

В данном случае мы остановимся на описании географической терминологии края: названиях низин и возвышенностей, рек, водоёмов, различных форм рельефа местности и т.д., поданных в текстах В.Я. Шишкова. Здесь в выборе объектов исследования мы следуем за Программой Лексического атласа русских народных говоров [20], для нужд составления карт которого мы также использовали лексику текстов В.Я. Шишкова. Мы также использовали Вопросник Общеславянского лингвистического атласа, особенно детально проанализировав в нём лексику и семантику слов, соответствующих нашей тематике: *гора, горка, верх, яма, источник, ручей, 'глубокое место в реке или озере', пруд, озеро, озерцо, топить* и др. [19]. В своей работе мы применяли дескриптивно-аналитический, лингвогеографический и ареально-типологический методы.

Для образца приводим часть наших материалов, представляющих географическую лексику из «Словаря диалектных слов и выражений в очерках “Приволжский край” В.Я. Шишкова».

Бро́вка, ж. Возвышенная плоская часть холма. *Промеряйте шагами от бровки холма, до озера и до завода.*

Вы́гон, м. Дорога, по которой гонят скот. *Пересекаем выгон, изрытый свиньями, истоптанный скотом.*

Гать, ж. Запруда. *Речка, мельничная гать, и чрез грязь – изба.*

Го́рка, ж. То же, что сопка. *А к Петрову дню, в конце июня, снова встречаются на этой самой горке.*

Гри́ва, ж. 1. Песчаная возвышенность между двумя озёрами. *На песчаной, намытой гриве – деревня.* 2. Возвышенность, годная для хмелеводства, в низких местах по реке Костроме в районе Мисскова. *Хмель мы садим на гривах, т. е. на более или менее возвышенных местах, где воды бывает не больше полутора аришин, и быстрее скатывается, чем с низин.*

Прокомментируем 1-е значение слова *грива*. Здесь мы видим не обычное значение этого слова, наиболее частотное в русском языке – ‘высокий лес, растущий полосой’ (см. обзор значений этого слова в русских говорах в сводном «Словаре русских народных говоров» (СРНГ), где, кстати, ни одно из 19 значений слова в русских говорах целиком не соответствует значению слова в шишковском контексте [12, 143]. В этой безлесной приволжской местности слово *грива* обозначает ‘песчаную возвышенность, намытую рекой, между двумя небольшими водными бассейнами в виде озёрков, достаточно большую, чтобы на ней разместилась деревня’. Дальнейший контекст это разъясняет (см. иллюстрацию в словарной статье **Озерко**). Интересно, что слово *гри́ва* в том же значении, что и в тексте В.Я. Шишкова, при отсутствии его в СРНГ, есть в тол-

ковых словарях современного русского литературного языка, которые также (см., например, в МАС как оттенок 2-го значения с примерами из С.Т. Аксакова («гривы наносной земли с чернозёмных полей») и П.П. Семёнова-Тян-Шанского [13, 347]) указывают на то, что писатели используют местные названия или же, что менее вероятно, приводят собственные неологизмы-изосемы. Географы же утверждают, что у них имеется географический термин с тем же значением, по сути метонимическим переносом, который мы находим у Шишкова, Аксакова и Семёнова-Тян-Шанского.

Дере'вня, ж. Древнее крестьянское поселение, меньшее по размерам, чем село, обычно без церкви. *Матрёна! – крикнул он жене. – Принеси-ка из чулана Некрасовскую книгу! Как же... И «Коробейники» из наших местов списаны. А тот охотник, который убил парня-коробейника, из деревни Сухоруковой, был посажен за это в тюрьму... Да же сам Некрасов стихотворец, Алексей Николаевич, частенько в наши местности наезжал. Как же... Недалеко деревня Шоды, у него там дружок был.*

Лугови'на, ж. Обширный луг. *Часов в шесть вечера пароход приткнулся к левобережной луговине и сбросил трап.*

◇ **Нероди'мая земля**. неплодородная земля. *Потому земля «неродимая», хлеба мало, нечем жить.*

◇ **Неудо'бная земля**. Земля, непригодная для хлебопашества. *Страсть сколько из губернии народу уходит. Потому у нас земля неудобная.*

Низи'на, ж. Низкое, затопляемое водой место в районе с. Мисскова, с которого в половодье долго не сходит вода. *Незатопляемых же участков земли здесь вовсе нет. См. Грива (2-е знач.).*

Овра'г, м. Впадина на поверхности земли. *Сначала варили в овинах, потом в подполье... постановили на сходе, во избежание пожаров и неприятностей с властями, варить в овраге.*

Озерко', ср. Это озерко, возле которого мы стоим, – говорит археолог, – называется «Мерь». Тут жили когда-то меряне. Когда же пришли и осели здесь славянские племена, они, в противовес этому озеру, назвали вон то озеро – «Святым».

Омути'на, ж. Омут. ...*Парня-то спас, а самого утянуло в омутину...*

Плѣс, м. Отмель на реке. *В некоторых плёсах река Кострома почти преграждена плотами...*

Поко'с, м. Место для сенокосения. *Теперь постановили наши два селения – Миссково и Жарки – отдавать в аренду свободный покос, – это тысячи три-четыре в год, пожалуй, – и выручку копить в фонд школы.*

◇ **Поко'сный луг**. Луг, предназначенный для сенокосения. *Её считали очень хорошей «барыней», она дёшево сдавала им в аренду покосные луга...*

Приго'рок, м. Небольшая возвышенность, холм. *Я понимаю, почему здесь так скучены постройки, всю окрестность, ровную, как блин, топит весною вода, и на небольшом пригорке, где расположено село Миссково, постройки жмутся друг к другу, как Мазаевы зайцы.*

Село', ср. Древнее крестьянское поселение, более крупное, чем деревня, обычно с церковью. *Человек двадцать пассажиров двинулись к селу Мисскову. Село Шуньга. Вот мы проплывали возле села Спас-Вёжи...*

Со'пка, ж. Горка, пригорок, холм. *Вот там, за рекой, есть сопка.*

Как показывают материалы СРНГ, лексема *сопка* имеет широкую географию: помимо Урала, Сибири и Дальнего Востока фиксируется и в европейской части России – в говорах псковских, смоленских, новгородских, тверских, селигерских, приладожских, мурманских, вологодских, архангельских, ярославских, воронежских. Из 16 отмеченных в СРНГ лексических значений 14 характеризуют слово как ландшафтный термин. Представлено оно в «Словаре вологодских говоров» со значением «небольшая возвышенность» [11,

81], в «Ярославском областном словаре» – «возвышение, бугор, кочка» [18, 591]. В.И. Даль приводит микротопоним Болванская сопка – «где было капище самоедов» [6, 110]. Вообще этот географический термин отмечен в церковнославянском и древнерусском языках. Слово представлено в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года [14, 186]. М. Фасмер приводит ближайшую этимологию слова: «“отдельно стоящая небольшая гора”, арханг. (Подв.), “вулкан”, сиб. (Даль). От *соп* “насыпь” (**сьль*), сюда же *сытатъ*... Чеш., слов. *сорка* “вулкан” заимств. из русск.» [17, 719]. Ср.: у И.И. Срезневского *насопъ* – «насыпь» [15, 340]. Как кажется, таков же путь, как в чешском языке, лексемы *сопка* в костромские говоры – из литературного языка.

Некоторые языковые единицы связаны с такими природно-географическими особенностями края, как отсутствие пригодной для хлебопашества земли, в первую очередь по причине затопления местности во время весеннего половодья.

Топи'ть. Покрывать водой местность, затапливать. *Вот вы проплывали мимо села Спас-Вёжи, оно от реки-то в сторон чуть-чуть, отсель вёрст пятнадцать, там Волга сильнее топит местность, чем у нас...*

♦ **Как у журавля' на ко'чке.** Малое количество земли. ...*И земли-то у нас как у журавля на кочке, пахотной-то: у нас главное – луга и картошка.*

Особенностями ведения сельского хозяйства объясняется бытование в мисковском крае слова *хмельники* (о термине *хмельники* см. также [19, 49–50]).

Хмельники, мн. Плантации хмеля. *Ведь у нас только хмельники да луга и существуют.*

В.Я. Шишков в своих очерках приводит ряд ойконимов, гидронимов и микротопонимов, славянских по происхождению и с финно-угорской субстратной основой, которые в костромских говорах давно на равных правах со славянскими названиями вошли в местный топонимикон и для которых уже неактуальна оппозиция *свой – чужой* (Тепра, Мерь, Мисково, Шунга, Шода и др.). Они также включены в словарь. Приведём примеры.

Буй. Название города, уездного центра. *Он уехал в Буй, там служит, кралю, говорят, нашёл канцелярскую.*

Сопли'вая го'рка. Название небольшой возвышенности около села Павловского. ...*Называется Сопливая горка.*

– Почему?

– *А из села Павловского, вёрст пятнадцать отсюда, идут с первой недели Великого поста в Питер или в другие местности плотники, как раз мимо нашей деревни. Бабы провожают их. На горке прощаются. Бабы такие слёзы распускают, страсть. Вот горка и называется Сопливой.*

Судисла'вль. Название посёлка. *Такие названия в крае, как Судиславль, Горесловка, Гридины, Китоврасово, Шеломец, Здемирово – дышат глубокой стариной.*

Те'пра. Название деревни. *А всему нашему делу голова – голова М.И. Стругов из деревни Тепры.*

Ме'рьский стан. Название административной территории вблизи Костромы. *От устья Костромы до села Мискова, куда вы собираетесь, вверх по реке Костроме, был рассеян так называемый «Мерьский стан».*

Наблюдение над географической терминологией Костромского Приволжья по реке Костроме на материале текстов В.Я. Шишкова (*бровка, выгон, гать, грива, деревня, луговина, низина, овраг, озерко, омутина, плёс, покос, пригорок, село* и др.), так же как и над лексикой других тематических групп (*изба* ‘дом’ и ‘внутренность дома’, *горница, сени, сенцы, поветь, село, деревня, ухват, горшок, кринка, квашня, клуша, теплина, ведряной, ситник, портки, девка, тётка, баба* ‘жена’ и ‘женщина’, *дяденька* ‘чужой человек’, *батюшка* (обращение), *плотник, баушка* и др.), показало, что эта лексика, будучи в основном славянского происхождения, активно употребляется в севернорусских

говорах и в то же время большая часть её функционирует и в литературном русском языке. Известно, что русская государственность сложилась на территории центра России, частью которого было и Костромское княжество с вотчинами московских бояр, вошедшее впоследствии в состав Московского; Ипатьевский монастырь пользовался особым покровительством Годуновых, и царь Михаил Романов был родом из Костромы. Именно здесь, на части территории центральных севернорусских говоров, и сложились основы лексики и грамматики русского литературного языка. И думается, что в большей мере они были взяты из ярославских и костромских говоров, поскольку по диалектному членению 1964 года, основанному на данных лингвогеографии, эти говоры представляют Костромскую группу севернорусского наречия, а квинтэссенцией говоров этой группы во многом являются именно говоры по реке Костроме. Поэтому будет резонным считать, что схожая географическая терминология севернорусских говоров и литературного языка генетически восходит именно к говорам Костромского Приволжья и в своей основной массе лексические связи географической терминологии севернорусских костромских говоров и литературного языка не являются фронтальными.

Литература

1. Виноградов, Н. Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1. Фонетика / Н. Н. Виноградов. – Спб. : Тип. Император. Акад. наук, 1904. – 100 с.
2. Виноградов, Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде (отдельный оттиск из VIII вып. Трудов Костромского научного об-ва по изучению местного края) / Н. Н. Виноградов. – Кострома : Электротпечатня М. Ф. Риттер, 1917.
3. Ганцовская, Н. С. Неофициальные формы топонимов как источник изучения типологии говоров (на материале очерка Н.Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда») / Н. С. Ганцовская // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля : в 2 ч / Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2011. – Ч. 1. – С. 255–259.
4. Ганцовская, Н. С. По замыслам В.И. Смирнова. В.Я. Шишков и этнолингвистическое обследование костромского края / Н. С. Ганцовская // Костромской край и сопредельные территории в древности, средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова : сб. науч. тр. / под ред. И. С. Наградова и В. Л. Щербакова. – Кострома, 2017. – С. 17–22.
5. Ганцовская, Н. С. Творчество писателей, связанных с костромским краем, как источник изучения живой народной речи (А. Н. Островский и В. Я. Шишков) / Н. С. Ганцовская // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2007. –Т. 17. – С. 108–112.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : 4 т. / В. И. Даль. – Спб.; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882. – Т. 1. – LXXVIII. – 699 с.
7. Маврина, Ж. Р. В Шунгу за говорами / Ж. Р. Маврина // Громовские чтения : сб. материалов и исследований Междунар. науч. конф., Кострома, 7–9 ноября 2016 г. / Костромск. гос. ун-т ; редкол.: Н.С. Ганцовская (отв. ред. и сост.) [и др.]. – Вып. 3, Живое народное слово и Костромской край. – Кострома, 2016. – С. 541–546.
8. Неганова, Г. Д. Ландшафтная лексика в исследовании Н.Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» / Г. Д. Неганова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля : в 2 ч. // Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2011. – Ч. 1. – С. 260–263.
9. Неганова, Г. Д. Межевые книги как источники географической лексики: костромской край / Г. Д. Неганова // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания

томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V Междунар. конф. по исторической географии, Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г. – Ч. 1. – С. 211–214.

10. Неганова, Г. Д. Названия сельскохозяйственных угодий в пространстве культурного ландшафта Костромской низины / Г. Д. Неганова // Учёные записки Петрозаводского гос. ун-та. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 49–52.

11. Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПИ : Русь, 1983–2007. – Вып. 10. – 181 с.

12. Словарь русских народных говоров. – Вып. 7. – Л. : Наука, 1972. – 356 с.

13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1. – 696 с.

14. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4. – Спб. : Тип. Император. Акад. наук, 1847. – Т. 4. – 487 с.

15. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Спб. : Тип. Император. Акад. наук, 1893–1912. – Т. 2. – 852 стб.

16. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды) / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1969. – 264 с.

17. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. 3. – 830 с.

18. Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. – Вып. 8. – 127 с.

Источники

19. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. – М. : Наука, 1965. – 270 с.

20. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров : науч.-метод. пособие. – СПб. : Наука, 1994. – 336 с.

21. Шишков, В. Я. Приволжский край // Костромская земля. Краеведческий альманах. – Вып. 6. – Кострома, 2007. – (Прил. к серии «Костромская библиотека»). – С. 498–572.

В.М. Генкин

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vgenkin@yandex.ru

УДК 81'373.21

ФОРМИРОВАНИЕ АСТИОНИМНОЙ СИСТЕМЫ ВИТЕБЩИНЫ И СМОЛЕНИЩИНЫ

Ключевые слова: *ойконим, астионим, комоним, кривичи, астионимная система.*

В статье впервые предпринимается попытка комплексного описания астионимии Витебщины и Смоленщины. С учетом хронологии возникновения определяются номинативные особенности ойконимов, устанавливается их структурно-грамматическая и деривативная специфика. Выявляются два типа астионимов: названия, исторически формировавшиеся как обозначения городских поселений, и названия, пришедшие из комонимии в связи с изменением статуса населенного пункта.

THE DEVELOPMENT OF THE ASTIOM SYSTEM OF VITEBSK AND SMOLENSK

Key words: *oikonym, astionym, komonym, krivichi, actionmay system.*

The paper attempts to give a comprehensive description of the actionii of Vitebsk and Smolensk. Considering the chronology boundaries of their existence the nominative features are determined as well as structural, grammatical and derivative features. The article also presents the two distinguished types of astionyms, i.e. the names historically referred to urban settlements and the names that originally came from komonyms due to the changes of status of the settlement.

Астионимы, или названия городских поселений, представляют собой один из двух видов ойконимов и традиционно противопоставляются названиям сельских поселений (комонимам). Различия между астионимами и комонимами проявляются в структуре названий, грамматике, в идее номинации, а также в наличии (количестве) оттопонимных дериватов. Правда, сразу следует подчеркнуть, что подобные различия неодинаково прослеживаются на уровне диахронии и синхронии. Активные процессы урбанизации обусловили, в том числе, изменение статуса целого ряда населенных пунктов, и многие поселения, изначально возникавшие и, соответственно, именовавшиеся как сельские, сегодня имеют статус городов – «крупных населенных пунктов, административных, промышленных, торговых и культурных центров» [1, 336]. Таким образом, в современной астионимной системе есть два типа названий:

- 1) собственно астионимы со всеми их характерными признаками;
- 2) названия городов, получивших этот статус на определенном этапе своего развития.

Основным объектом нашего внимания будут названия первой группы. Выбор региона исследования обусловлен несколькими причинами:

во-первых, уже традиционным повышенным исследовательским интересом витебских и смоленских ономастов к системам имен собственных данного региона;

во-вторых, недостаточной изученностью астионимии как отдельной подсистемы топонимов;

в-третьих, исторической общностью названий городов, построенных на территориях двух областей, исторически представлявших собой одно целое.

Астионимия Витебщины и Смоленщины начала формироваться еще во второй половине первого тысячелетия, когда витебские (на тот момент полоцкие) и смоленские земли были основной частью территории племенного союза кривичей, о которых летописец Нестор в недатированной части «Повести временных лет» писал, что они «селять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск». Описывая далее события 862 (6370) года, автор летописи говорит: «Варяги в этих городах находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове меря, в Белозере – весь, в Муроме – мурома...».

Согласно древним рукописным источникам, первыми крупными городскими центрами кривичей были *Полоцк, Смоленск и Изборск*. Последний расположен на территории современной Псковской области и, вопреки общей тенденции, понизил свой статус, превратившись из городского в деревенское поселение. Энциклопедические издания дают следующую информацию об этом населенном пункте: «Изборск – один из древнейших русских городов (ныне с. Старый Изборск), в 30-и км к западу от Пскова» [2, 478].

Первым письменным упоминанием о Полоцке (862 г.) фактически является приведенная выше цитата из «Повести временных лет». Устюжский (Архангелогородский) летописный свод в описании событий, датируемых 863-м годом, характеризует Смоленск как «град велик и мног людьми». Энциклопедия «Смоленская область» в статье, посвященной непосредственно областному центру, сообщает, что «Смоленск был крупным пунктом торговли и ремесленного производства, военной крепостью. Археологические раскопки Гнездовских курганов, расположенных в 12 км к западу от города, и в самом городе свидетельствуют о высоком развитии ремесла, а сосуд первой половины X в. – о существовании письменности на Руси до введения христианства» [3, 423–424].

Очевидно, что на момент первых письменных упоминаний Полоцк и Смоленск были не только сформированы как экономические, военные и культурные центры, но и уже хорошо известны, а соответственно, построены и именованы значительно раньше. На эту версию, по сути, косвенно ориентирует нас и О.Н. Трубачев, высказавший точку зрения о том, что топоним *Смоленск* этимологически восходит к названию племени *смоляне* (*смолене*), которое русская летописная традиция уже не застала [4, 97].

Неизвестно и точное время появления города Витебска, первое упоминание о котором содержится в Московском летописном своде под 1021 годом. В различных источниках находим сведения о том, что город также формировался как один из центров объединения славян-кривичей. Широко распространенная историческая версия увязывает строительство города с именем княгини Ольги, скончавшейся в 969 году.

Нетрудно заметить, что городские центры кривичей, а также их названия имеют ряд общих черт. Обратим внимание, во-первых, на географическое расположение. На карте Полоцк, Витебск и Смоленск находятся едва ли не на одной линии, тянущейся с северо-запада на юго-восток. Еще одна важная географическая деталь: каждый из трех городов расположен на берегах одной из наиболее крупных водных артерий – Западной Двины и Днепра, служивших ранее частью важнейшего пути из варяг в греки. Астиионимы по происхождению также связаны с местоположением именуемых объектов: *Полоцк* и *Витебск* названы, соответственно, по притокам Двины; одна из этимологических версий происхождения названия *Смоленск* увязывает ойконим с потамонимом.

Во-вторых, грамматически все астиионимы имеют форму мужского рода и оформлены посредством топонимного форманта *-ск*, выражающего значение неличной принадлежности. Данный суффикс в современной ойконимии не относится к числу продуктивных: например, на территории Витебской области сегодня имеется 27 населенных пунктов с названиями, имеющими этот формант (0,42% от общего числа), на территории Смоленской – 5 (0,26%). Суффикс *-ск* можно охарактеризовать как преимущественно астиионимный – в комонимии его эквивалентами являются топоформанты *-ское* (в названиях сел) и *-ская* (в названиях деревень). Признаком астиионимов можно считать и форму мужского рода названий: в комонимии такие названия распространены мало (на их долю приходится не более полутора процентов). Посредством форманта *-ск* оформлены и три новых астиионима: *Новополоцк* (название имеет точную дату возникновения – 14 декабря 1963 года), *Верхнедвинск* (в 1962 году название возникло как результат переименования города *Дрисса*), *Десногорск* (возник в 1974 году как рабочий поселок в связи со строительством Смоленской АЭС [3, 119]). Важно учесть и тот факт, что рассматриваемые исторические названия представляют собой субстантивированные краткие прилагательные, соотносительные с лексемой *град* (*город*). Новообразования формировались уже сразу как имена существительные.

Наиболее хронологически близкими по времени возникновения к этим трем основным центрам кривичей являются *Браслав* и *Ориша*. Первое упоминание о Браславе (1065 год), современном районном центре Витебской области, содержится в «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» М. Стрыйковского, где город именуется *Брячиславлем*, или *Брячиславом*. Именно к этому небесспорному историческому источ-

нику восходит одна из этимологических версий, увязывающая астионим с антропонимом *Брячислав* (Брячислав Изяславич – князь Полоцкий в 1003–1044 гг.). В.А. Жучкевич, ориентируясь на географическое расположение и учитывая более древнюю историю населенного пункта, считает, что правильнее соотносить название города с балтийской лексемой *brastà – брод* [5, 35]. Орша, сегодня город областного подчинения, упоминается впервые все в той же «Повести временных лет» под 1067 годом. Древняя форма названия – *Ръша*, повторяющая потамоним.

Следующий период становления астионимии региона датируется XII–XIII веками, когда в различных источниках появляются сведения о таких городах, как *Рославль* (древнее название *Ростиславль* по имени предполагаемого основателя смоленского князя Ростислава Мстиславича; согласно версии акад. Б.А. Рыбакова, год основания 1137), *Вязьма* (1239) и *Велиж* (точная дата основания не известна; относительно этимологии названия существует несколько точек зрения, из которых наиболее убедительной представляется версия об отгидронимном происхождении). Еще раз обратим внимание на грамматическую, словообразовательную и этимологическую общность названий. В древних астионимах отсутствуют формы среднего рода или множественного числа, они образуются либо путем трансонимизации гидронимов (*Вязьма*, *Орша*), либо суффиксальным способом преимущественно от гидронимов и антропонимов.

Говоря об астионимии, отдельно нужно остановиться на группе названий, имеющих в своей структуре корень *город* (*град*). Как отдельная лексема и как часть сложных слов этот древний по происхождению элемент известен многим языкам. Историческое значение слова – «населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость» [1, 336]. В.П. Лемтюгова увязывает изменение статуса поселений, имеющих названия с компонентом *город*, со второй половиной XV в., когда «наблюдается процесс перерождения его в новый торгово-промышленный центр. Город нового типа называется посадом и является центром ремесленной и торговой деятельности» [6, 88]. Далеко не все ойконимы с данным корнем можно отнести к астионимии. С наибольшей вероятностью можно предположить, что изначально городскими являлись некоторые поселения с названиями, производными от апеллятива *городище*, чаще всего используемого для обозначения места, где в древности стоял город, было возвышение с военными оборонительными сооружениями. Сегодня на территории Витебской области сохранилось 6 населенных пунктов с таким названием, на территории Смоленской – 4. Сложнее напрямую отнести к астионимам названия-деминутивы *Городок*, *Городец*, хотя некоторые из них обозначали поселения, возводимые именно как небольшие города. Другие названия с корнем *город* однозначно относятся к комонимии: *Городняны*, *Городиловичи*, *Городнянский Мох*, *Городецкое* и т. п. Название *Посад* имеет одна деревня в Сенненском районе Витебской области, данный населенный пункт никогда не имел статуса города или городского поселка.

С течением времени астионимия расширяет свои границы из-за объективных процессов, связанных с увеличением количества населения и повышением административного статуса того или иного населенного пункта. Сегодня на территории Витебской области имеется 15 городов и 23 поселка городского типа, на территории Смоленской – 15 городов и 10 поселков городского типа. К вышеописанным историческим астионимам добавились названия, возникшие в более поздний период. Некоторые из них существенно отличаются структурно-грамматическими и словообразовательными особенностями. Отметим нехарактерные для исторических астионимов черты:

- формы множественного числа: *Докишицы*, *Мёры*, *Поставы* (Витебская обл.), *Хиславицы*, *Шумячи* (Смоленская);
- формы среднего рода: *Дубровно*, *Сенно* (Витебская), *Кардымово*, *Сафоново*, *Ярцево* (Смоленская);
- наличие названий в форме прилагательного: *Глубокое* (Витебская), *Красный*, *Верхнеднепровский*, *Озёрный*, *Пржевальское*, *Холм-Жирковский* (Смоленская);

– словообразовательные форманты, присущие в первую очередь комонимии: *-ичи, -ово, -ево, -ское* и другие.

Этимология некоторых названий также указывает на их изначально сельский статус, например, *Починок* – на восточнославянских землях почином называли поселение на месте лесных разработок или на пустошах; в XVI веке починок по существу приравнивался к деревне, но отличался от нее отсутствием прочной земельной базы [6, 70–71].

Литература

1. Словарь современного русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985 – 1988. – Т. I : А – Й. – 696 с.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. Энциклопедия, 1988. – 1600 с.
3. Смоленская область. Энциклопедия. – Смоленск : СГПУ. – Т II. – 2003. – 624 с.
4. Трубачев, О. Н. В поисках единства : взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев. – 3-е изд., доп. – М. : Наука, 2005. – 285 с.
5. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.
6. Лемтюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения / В. П. Лемтюгова. – Минск : Наука и техника, 1983. – 198 с.

Л.А. Годуйко, О.Б. Переход

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

e-mail: god_lusi@mail.ru, rexo61@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2:664.8(476.7)

ТОПОНИМ ОСТРОМЕЧЕВО И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРЕСТЧИНЫ

Ключевые слова: *топоним, подсистема имен собственных, ономастическое пространство, искусственная номинация, разряды имен собственных, способы образования онимов.*

В статье рассматривается топоним Остромечево и его производные, образующие ономастическую подсистему. Данная подсистема является отражением языковых процессов, характеризующих искусственную номинацию. Отмечается открытость и разнообразие онимической подсистемы, которая представлена десятью разрядами имен собственных по характеру именуемого объекта. Описываются способы образования производных онимов. Подчеркивается национально-культурная семантика исследуемых имен собственных.

L.A. Goduiko, O.B. Perekhod

Brest state University named after A.S. Pushkin

TOPONYM OSTROMECHEROV AND ITS DERIVATIVES IN ONOMASTICS SPACE OF THE BREST REGION

Key words: *toponym, subsystem of proper names, onomastics space, artificial nomination, categories of proper names, ways of formation of onyms.*

Toponym Ostromechevo and its derivatives that form a special onomastics subsystem are analyzed in the present article. The analyzed subsystem is the reflection of the language processes characterizing lexical creativity, or so-called artificial nomination. This subsystem is characterized by its openness and onymous variety, and it is presented by ten categories of proper names based on the nature of the named object. The ways of formation of the derivated onyms are described in the article. The focus on the national and cultural semantics of the studied proper names is emphasized.

В последние десятилетия особое развитие получили региональные гуманитарные исследования, находящиеся в русле общеевропейской борьбы с глобализмом и стандартизацией за самобытность и возрождение этнического самосознания. Особое место в таких работах занимает региональная ономастика, поскольку в именах собственных значима не только лингвистическая информация, но особенно важна экстралингвистическая составляющая, поскольку они хранят информацию о культуре, истории и современности населенного пункта и его людях.

*«Во времена былые, давние / На землях славных Берестейщины / Среди полей и нив распахнутых / Село возникло **Остромечево**»,* – так начинается поэтическое посвящение своей малой родине ученика 7-го класса местной школы Даниила Сидорени. Упомянутый топоним **Остромечево** – в ономастике название сельского населенного пункта обозначают термином «комоним» – также насчитывает многовековую историю (различные версии этимологии данного слова, связанные с этим легенды приводит в своих исследованиях краевед И.А. Панасюк [3]).

Столь длительное функционирование имени, как и самой деревни (в 2016 г. отмечалось 500-летие), привело к появлению значительного количества его производных. Более того, вполне закономерным представляется утверждение: названный оним и имена собственные с компонентом **Остромечево / Астрамечава** и однокоренными ему словами образуют в русском / белорусском языке своеобразную ономастическую **подсистему**, микрополе. Ядром / центром этой подсистемы выступает комоним *деревня / агрогородок Остромечево*. Околоядерную и периферийную зоны формируют все остальные зафиксированные имена собственные (их более 150). Они образованы двумя способами: **лексико-семантическим** и **лексико-синтаксическим**.

Первый представлен онимизацией (ул. **Остромечевская**) и трансонимизацией. Трансонимизацию иллюстрируют названия: СПК / ОАО **«Остромечево»** / СВК / ТАА **«Астрамечава»** (от деревни **Остромечево**), переулок **1-й Остромечевский** (от улицы **Остромечевская**); праздник традиционной культуры **«Астрамечаўскі рукапіс»**, кружок **«Астрамечаўскі рукапіс»**, журнал **«Астрамечаўскі рукапіс»** (от сборник старобелорусской музыки **«Астрамечаўскі рукапіс»** / **«Остромечевская рукопись»**) и др.

При **лексико-синтаксическом** способе оним формируется на основе свободного словосочетания, в структуре которого функционируют существительные **Остромечево**, реже – **остромечевцы / «остромычिवци»**, а также прилагательное **остромечевский** (и их белорусские соответствия). Заметим, что в одних анализируемых именах собственных данное прилагательное восходит к викониму, например: ГУО **«Остромечевская детская школа искусств»**, книга **«Остромечево и “остромычивци”**» И.А. Панасюка (2010) и др. Для других наименований в качестве первичного выступает эргоним (т. е. название ОАО): торговая марка **«Остромечевские просторы»**, статья **«Остромечевцы себе цену знают»** А.А. Тоболича (Заря, 4.05.2000) и др. В третьем случае, думается, надо говорить об определенном синкретизме мотивирующей базы, например: стихотворение **«Остромечевский вальс»** В. Ситухи (**«Остромечеву свыше намечено, / Предназначено яркой судьбой, / В нашем крае, певучем и песенном, / Увлекать и вести за собой»**): произведение явно посвящено не только населенному пункту, но и крупному, известному далеко за пределами Брестчины сельскохозяйственному предприятию.

Исследуемая ономастическая подсистема отличается открытостью (она постоянно пополняется) и разнообразием. Так, по характеру денотата (т. е. именуемого объекта) зафиксированные онимы репрезентуют **10 разрядов** имен собственных.

Помимо уже упоминавшегося **эргонима** (название делового объединения людей) *ОАО «Остромечеве»*, отмечены также наименования учреждений образования, здравоохранения, культуры, торговли и др.: *ГУО «Средняя школа д. Остромечеве»*, *ГУО «Ясли-сад д. Остромечеве»*, *ГУО «Остромечевская детская школа искусств»*, *УО «ДЮСШ ПОП СПК «Остромечеве»*», *Остромечевская сельская врачебная амбулатория общей практики УЗ «Брестская городская больница № 2»*, *Остромечевский сельский дом культуры ГУК «Брестская централизованная клубная система»*, *Остромечевская сельская библиотека имени Ф.Ф. Павленкова ГУК «Брестская районная библиотечная сеть»*, *отделение почтовой связи д. Остромечеве РУП «Белпочта»* и др. В этот же ономастический разряд входят имена творческих объединений: *народный ансамбль музыки и песни «Астрамечаўскія Лявоны»*, *инструментальный ансамбль «Астрамечаўскія жаўрукі»*, *детская вокальная группа «Астрамечаўскія зорачкі»*, *кружок «Астрамечаўскі рукапіс»*.

Населенный пункт **Остромечеве** – достаточно крупный, и его имя вполне закономерно становится мотивирующей базой для **гонимов** в расположенном рядом г. Бресте: *Остромечевская улица, 1-й и 2-й Остромечевский переулки*; **хоронимов**: *Остромечевский-Северный избирательный округ № 1 и Остромечевский-Южный избирательный округ № 2 (по выборам депутатов районного Совета депутатов)*.

ОАО «Остромечеве» – локомотив животноводческой отрасли, кроме этого, здесь выращивают зерно, яблоки; создан зверокомплекс по разведению пушного зверя. Данные направления деятельности хозяйства нашли отражение в том числе в **прагматонимах**. В первую очередь, это хорошо известная покупателям *торговая марка «Остромечевские просторы»*, под которой выпускает молочную продукцию ОАО «Брестское мороженое»: *молоко питьевое пастеризованное «Остромечевские просторы»*, *сливки питьевые «Остромечевские просторы»*; *творог «Домашний» с бифидобактериями*. Остановимся на последнем примере: на упаковке данного продукта представлены не просто идентификатор (номенклатурный термин, который определяет профиль именуемого объекта) и дифференциатор (проприальная группа, базовый компонент названия, выражающий его основное значение; наиболее четко два названных компонента представлены, если эта часть онима заключена в кавычки), но и торговая марка, т. е. мы наблюдаем сложный онимический комплекс. Также зафиксированы названия *бренда «Остромечевские меха»* и алкогольных напитков: *вино плодородное крепленое крепкое «Остромечевский вальс»*, *вино плодородное крепленое крепкое ароматизированное улучшенного качества «Остромечевские Лявоны»*. Но в целом перечень подобных рекламных имен, к сожалению, оказался достаточно ограниченным, хотя имена собственные могли бы иметь и другие виды изготавливаемой ОАО продукции: чипсы, колбасные изделия, меховая одежда, головные уборы и т. д. Также представляется перспективным создание торговых марок, брендов. Например, оним «Остромечевские просторы» успешно выполняет функции не только назывную, информативную, именуя поставщика молока, но и рекламную (название привлекает, заставляет откликнуться потенциального клиента), эстетическую. Компонент **просторы** ‘свободное обширное пространство, приволье’ отсылает адресата к зеленым лугам, качественным кормам для коров и, соответственно, формирует представление о предлагаемом продукте как о высококачественном, сделанном с профессионализмом и любовью.

При анализе собранных онимов обращает на себя внимание тот факт, что остромечевцы живы не хлебом единым. Это еще раз (см. также эргонимы) иллюстрируют **идеонимы** (имена собственные объектов, относящихся к умственной, идеологической и художественной сферам деятельности): **артионимы** (наименования произведений

искусства): *сборник старобелорусской музыки «Остромечевская рукопись» / «Астрамечаўскі рукапіс»*, *песня «Остромечевое»* Ю. Попова и *песня «Остромечевский вальс»* В.Д. Василенко, сл. В. Ситухи); **геортоним** (название праздника): *праздник традиционной культуры «Астрамечаўскі рукапіс»*; **гемеронимы**: журнал *«Астрамечаўскі рукапіс»*, интернет-ресурс *«Остромечевое и «остромычівцы»*»; **библионимы** (названия произведений литературы): *книги «Единственный выход, или Три НЭПа «Остромечевое»* А.С. Скакуна (2008) и *«Остромечевое и «остромычівцы»*», *стихотворения «Остромечевский вальс»* В. Ситухи и *«Баллада об Остромечеве»* Д. Сидорени; *статьи* в энциклопедических, справочных, словарных и др. подобных изданиях (список публикаций о родном Остромечеве с такой любовью и тщательностью собрали работники сельской библиотеки [2]): *«Астрамечава»* («Беларуская савецкая энцыклапедыя», Т. 1, 1969; энцыклапедычны даведнік «Архітэктура Беларусі», 1993; «Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Брэсцкага раёна», 1998; «Беларуская энцыклапедыя», Т. 1, 2003; энцыклапедыя «Гарады і вёскі Беларусі», Т. 3, 2006; нарматыўны даведнік «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Брэсцкая вобласць», 2010), *«Остромечевое»* (энцыклопедыя «Республика Беларусь», Т. 5, 2006; энциклопедия «Регионы Беларуси», кн. 2, 2009), *«Агрозгородок «Остромечевский»*» («Агрозгородки Брэстчыны», 2010), *«Астрамечаўская бібліятэка імя Ф.Ф. Паўленкава»* («Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», Т. 1, 1993; «Беларуская энцыклапедыя», Т. 2, 1996), *«Астрамечаўская Міхайлаўская царква»* (энцыклапедыя «Культура Беларусі», Т. 1, 2010) и др.; **особо многочисленны** среди исследуемых имен собственных **названия материалов** в региональных, республиканских и даже зарубежных СМИ (данная группа онимов пока не имеет своего специального термина): *«Новое Остромечевое»* М. Дегтярева («Заря», 24.11.1949), *«Остромечевские проспекты»* Ю. Лапшина («Народное хозяйство», № 3, 1986), *«Из Германии – в Остромечевое»* П. Пилипчука («Заря», 4.12.1993), *«"Полацкі шывтак" аказаўся Астрамечаўскім»* («Наша ніва», электронный ресурс, 2005), *«Астрамечава: повязь зямлі і духоўнасці»* А. Ковалева («ЛіМ», 29.06.2007), *«"Астрамечава": адраджэнне гаспадары»* А. Карлюкевича («Малодосць», № 9, 2007), *«Неизвестное Остромечевое со страниц книги Ивана Панасюка»* Л. Бунеевой (16.04.2010), *«Рождественские встречи в Остромечевое»* («Вечерний Брест», 5.12.2012), *«В "Остромечевое" всё путем»* Л. Екеля («СБ», 11.03.2012); *«Дыялектныя прыказкі і прымаўкі Астрамечаўскага рэгіёна»* («Астрамечаўскі рукапіс», № 4, 2013), *«При Свято-Михайловском храме агрозгорodka Остромечевое возобновился цикл духовных бесед»* (электронный ресурс «Экклезиа», 2013), *«У Брэсцкім раёне адбудзецца свята традыцыйнай культуры "Астрамечаўскі рукапіс"»* Ю. Рубашевского («Belarus.tio.by», 2013), *«В Остромечеве пройдут районные дожинки»* («Вечерний Брест», 11.09.2014) и ряд др.

Исследуемая ономастическая подсистема интересна не только как языковое явление, как отражение процессов, характеризующих искусственную номинацию. По меткому замечанию российских ученых Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, онимы в целом «обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка»; более того, национально-культурный компонент свойствен именам собственным даже больше, чем апеллятивам [1, 56, 59]. И действительно, «культурная память» онимов сохраняет самую разную информацию о таком древнем и таком молодом *Остромечеве*. Благодаря «остромечевским» именам собственным перед нами предстает крупный населенный пункт с развитой инфраструктурой; центр мощного, динамично развивающегося, авторитетного аграрного хозяйства.

Литература

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
2. Остромечево // Государственное учреждение культуры «Брестская районная библиотечная сеть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brest-railib.by/index.php/itemlist/tag/Остромечево>. – Дата доступа: 14.05.2016.
3. Остромечево и «остромычивцы» / сост. И. А. Панасюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://astramechava.somee.com>. – Дата доступа: 16.05.2016.
4. Сельскохозяйственный производственный кооператив «Остромечево» [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: <http://www.brestobl.com/predpr/02breraj/ostrom.html>. – Дата доступа: 01.05.2016.

О.С. Горицкая

Минский государственный лингвистический университет
e-mail: goritskaya@gmail.com

811.161.1'282.2(476)+81'373.211.1

ВИЛЬНЯ VS. ВИЛЬНЮС: ВАРИАТИВНОСТЬ ТОПОНИМОВ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале русской речи в Беларуси)

Ключевые слова: *топоним, ойконим, русский язык в Беларуси, национальная разновидность языка, полицентрический язык, лингвистическая прагматика.*

В центре внимания данной статьи – лексема Вильня в белорусской разновидности русского языка. В результате корпусного исследования установлено, что частотность варианта в интернет-коммуникации является достаточно низкой (Вильня – 5 %, Вильнюс – 95 %). Контекстуальный анализ демонстрирует, что слово используется в текстах о современности и имеет национально-культурные коннотации. Кроме того, обсуждается гипотеза о том, что вариант Вильня характерен для речи молодежи.

O.S. Goritskaya

Minsk State Linguistic University

VILNJA VS. VILNIUS: TOPONYMIC VARIANTS IN PRAGMATIC PERSPECTIVE (based on Russian speech in Belarus)

Key words: *toponym, oiconym, Russian in Belarus, national variety of a language, pluricentric language, linguistic pragmatics.*

The article focuses on the lexeme Vilnja in the Belarusian variety of the Russian language. Corpus-based study shows that frequency of the variant in computer-mediated communication is rather low (Vilnja – 5 %, Vilnius – 95 %). Contextual analysis demonstrates that the word Vilnja is used in texts about the present, and has national and cultural connotations. Additionally, the author discusses the hypothesis that the variant Vilnja is observed predominantly in the speech of young people.

В последнее время русский язык все чаще начинает рассматриваться как полицен-трический: изучаются особенности русской речи в различных странах постсоветского про-странства, в том числе характеристики, обусловленные контактами русского языка и языка титульной нации. Русская речь в Беларуси, России и других регионах различается в т.ч. и в сфере ономастики. Языковые контакты приводят, в частности, к тому, что в тексты прони-кают нехарактерные для русского языка единицы типа *Беларусь, Кыргызстан, Ыб* и т.п. [1]. В т.н. белорусском русском есть специфические имена собственные, причем своеобра-зие антропонимов и топонимов может быть связано не только с их формой, но и с содер-жанием – в первую очередь с ассоциативным фоном [2; 4 и др.].

Ономастика – это сегмент языка, на который в значительной мере влияют внеязы-ковые факторы, в частности политические и юридические. Проникновение имен собст-венных из белорусского языка в русский связано и с использованием белорусских на-званий в объявлениях в общественном транспорте, на вывесках и т.д. В соответствии со статьей 17 закона «О наименованиях географических объектов» от 16 ноября 2010 года, «в Республике Беларусь наименования географическим объектам присваиваются на бе-лорусском языке, с которого способом транслитерации передаются на русский язык» [3]. Это приведет к увеличению числа белорусизмов в русской речи в Беларуси: в рус-скоязычных документах и на картах уже появились такие улицы, как *Навуковая*, а да-лее подобные языковые факты начинают распространяться и в бытовой коммуникации.

В данной статье обсуждаются номинации нынешней столицы Литвы. В разные периоды этот город неодинаково назывался по-русски: *Вильна, Вильно, Вильнюс*. Сего-дня в русской речи белорусов также встречается и «более белорусский» вариант *Виль-ня*, который иногда заменяет официальную номинацию *Вильнюс* (названия *Вильна* и *Вильно* сегодня используются главным образом в текстах о прошлом). Приведем в ка-честве иллюстрации два заголовка из СМИ: (1) *Вильня наша: белорусские места ли-товской столицы* (realt.onliner.by/2014/05/20/vilnya); (2) *Вильня умерла. Почему пора перестать ездить туда на выходные* (kyky.org/places/vilnya-umerla-pochemu-pora-perestat-ezdit-tuda-na-vyhodnye).

Насколько часто вариант *Вильня* встречается в русскоязычных текстах, созданных белорусами? Какие прагматические функции он выполняет? Поиску ответов на эти во-просы посвящена данная статья.

Основным источником материала стал Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru), в котором присутствует региональная разметка. Исполь-зовались два подкорпуса: блоги «Живого Журнала» (8720 млн слов, 291 млн – Бела-русь) и социальная сеть «ВКонтакте» (9820 млн слов, 179 млн – Беларусь). Материал, полученный при помощи ГИКРЯ, обрабатывался вручную, чтобы исключить из выбор-ки фрагменты на белорусском и других языках. Данные о функционировании названий города в различные временные периоды были получены при помощи Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru). Кроме того, для изучения современной речи использовалась база СМИ «Интегрум» (integrum.ru), а также наша картотека, соб-ранная в ходе наблюдения над речевой практикой.

По данным ГИКРЯ, слово *Вильня* встречается в текстах, созданных в различных странах: в Беларуси, Литве, Латвии, России и т.д. Всего в «Живом Журнале» зафикси-ровано 430 (188 из Беларуси) вхождений данного варианта, а в сегменте «ВКонтакте» – 85 (12 из Беларуси); локализация большинства контекстов не указана. Далее приводят-ся данные только по подкорпусу «Живой Журнал», поскольку в выборке по социальной сети «ВКонтакте» представлено значительно меньше материала.

Анализ материала из ГИКРЯ показал, что в качестве обозначения города лексема *Вильня* используется преимущественно в Беларуси. Кроме того, судя по контекстам, иногда это слово употребляют белорусы, которые проживают в других государствах.

Соотношение вариантов *Вильня* и *Вильнюс* в белорусских блогах на русском языке составляет 5 % (188 вхождение) к 95 % (3 871 вхождение). В текстах, созданных в других регионах (главным образом в Литве), *Вильня* – это название реки, района литовской столицы или железнодорожной станции (*Новая Вильня*).

Сопоставим частотность слова *Вильня* с похожими языковыми единицами. Вариант *Ковно* встретился в белорусских блогах из ГИКРЯ всего 5 раз (*Каунас* – 363), причем все эти контексты имеют исторический характер – передают особенности речи, характерные для прошлых эпох. Например, в одном из блогов воспроизводится текст о П.А. Столыпине: (3) *С работой земств Западных губерний Петр Аркадьевич познакомился в Ковно и Гродно* (m.livejournal.com/read/user/dmitrik_by/4681). Между тем вариант *Вильня* используется в основном в контекстах, связанных с современностью (87 % выборки): (4) *Мы приехали в Вильню в пятницу днем и, как истинные белорусы (а мы ездили компанией из двух парочек), сразу направились в Акрополис – решили утолить шоппоголический зуд в первый же день пребывания на литовской земле:)* (m.livejournal.com/read/user/alesyazpalessya/106035).

Кроме того, мы посмотрели, встречаются ли в русскоязычных блогах белорусские названия типа *Менск*, *Берасце* или *Гародня* (в различном графическом оформлении). ГИКРЯ демонстрирует, что эти названия очень редко используются в русской речи, а в имеющихся контекстах (очевидно, что больше всего их с названием *Берестье*) речь идет не о современных городах, а о других объектах (музеях, кинотеатрах и т.п.) или о фактах прошлого. Видимо, конкуренция *Менск* vs. *Мінск*, основанная на противопоставлении тарашкевицы и наркомовки, характерна только для белорусских текстов, а для русскоязычных белорусов такие варианты, как *Менск*, не являются актуальными.

В белорусском русском белорусизмы имеют различные прагматические функции, распределяясь между полюсами «свое – чужое». В отличие от слов типа *змагар* или *свадомы(й)*, *Вильня* в русской речи жителей Беларуси тяготеет к полюсу «свое». Коннотации топонимического варианта могут быть выражены эксплицитно – при помощи оборота *наша Вильня*, причем в таких случаях речь идет не только о притязаниях белорусов на этот город или о белорусском культурном наследии, представленном там, но и о современности – месте, куда часто ездят белорусы сегодня: (5) *Недавно кстати поступило неожиданное вакантное предложение переехать жить в Вильню, но я не поддавалась искушению! Так и многие тут, ностальгируют о утраченной красоте, ориентируясь на сохранившуюся эстетику былой столицы, но при этом желают видеть её там, где живут, и это нормально* (m.livejournal.com/read/user/juli_erde/144061/comments/p1); (6) *но гродно/нёман компенсировал всё с лихвой. просто белорусская прага. ну вильня в крайнем случае... хотя вильня и так наша. :))* (m.livejournal.com/read/user/esquh/39523).

Кроме того, есть и иронические контексты цитатного характера, которые демонстрируют, что автор не относит *Вильню* к своей личной сфере: (7) – *Друзья мои! Пришло время ответить мне на давно волнующий меня вопрос. Что такое пресловутый «воздух свободы» за которым вы ездите в «нашу Вильню». Развёрнутые комментарии (в том числе и «нашей Вильни») приветствуются. <...> склонюсь к тому, что эта основная [версия]: ощущение в груди нашей вильни как показатель принадлежности к иной социальной группе на статус выше. поворот от материальности понтов к псевдодуховности – наша вильня, ЗОЖ, сыроедение, йога и т.д.* (m.livejournal.com/read/user/kalilaska/981213).

Восприятие прагматики варианта *Вильня* может иметь индивидуальный характер. Так, в следующем диалоге (автора и комментатора) после записи, которая начинается со слов *Ранним утром 29 сентября я села на поезд и отправилась в Вильню*, обсуждается роль грамматического рода в восприятии названия города:

(8) – Я сначала подумал, что ты про реку Вильню. А то по-русски, по-литовски и даже по-польски этот город не совсем так называется :))) <...>

– Ну, он так по-белорусски называется исторически :) И у меня почему-то стойкое ощущение, что этот город – это «она», поэтому и хочется его так называть :) Съезди, там очень душевно и как-то совсем по-домашнему, что ли. Во всяком случае, я с ним сроднилась практически с первых шагов :)

– А он у меня мужской. Интересно, влияет ли на восприятие род в данном языке. <...> (m.livejournal.com/read/user/julie_alar/243705/comments/p1).

Однако не всегда использование Вильни вместо Вильнюса свидетельствует об очевидной прагматической нагрузке первого варианта. Так, встречаются примеры, которые можно интерпретировать как свободное варьирование: (9) *А мы же на прошлых выходных ездили в Вильню! И – как предсказуемо! – влюбились в этот город до беспмятства. Да, даже такой – понурый, серый, мокроснежный ноябрьский Вильнюс влюбляет в себя с первого взгляда.* В целом использование обоих вариантов (Вильня и Вильнюс) в одном тексте не является редкостью.

Было бы заманчиво выявить социальные закономерности в использовании данного варианта, см. также пример (7) выше. В частности, некоторые материалы из СМИ демонстрируют скорее молодежную окраску Вильни. Например, в статье *Как минчане ездили в Вильню «на шопинг» 40 лет назад* вариант Вильня используется в речи журналиста, относящегося к поколению «детей», в то время как «отцы» употребляют вариант Вильнюс:

(10) *«Чтобы прибахлиться!» – стандартный ответ наших родителей на базальный вопрос CityDog.by «Зачем вы ездили в Вильню?»*

– Если честно, я не часто бывала в Вильнюсе, – признается минчанка Нина Дергай. – А вот моя подружка Лариска ездила на местную барахолку чуть ли не каждую неделю. <...>

Замечали ли наши родители в Вильне белмову, от которой и в Минске-то отвыкли? Вряд ли. Воспринимали ли они город Гедимина как «Вильню», а не «Вильнюс»? Нет, скорее всего. Садясь обратно на «Чайку», они уезжали из притягательного несоветского города в родной, хоть и советский Минск (citydog.by/post/shopping-v-vilnyu-40-let-nazad).

Однако предположение о возрастных ограничениях на функционирование лексемы Вильня нуждается в дополнительной верификации на другом материале, поскольку ограниченность выборки по возрасту (большинство авторов блогов «Живого Журнала», представленных в ГИКРЯ, родились в период с 1970 по 1990 гг.) не позволяет выявить возрастные тенденции в функционировании интересующего нас варианта. Кроме того, анализ данных из СМИ демонстрирует, что Вильню можно встретить не только в молодежной речи. Например, следующий контекст, в котором актуализируются национально-культурные коннотации варианта, взят из беседы с В.А. Салеевым (1939 г.р.): (11) *На лекциях для дизайнеров академии искусств по «Теории массовой коммуникации» я отклоняюсь на культурологические, исторические вещи. Например, спрашиваю: «Какая столица Беларуси духовная, культурная?» Никто не может ответить, что это Вильня (news.tut.by/society/369091.html).*

Таким образом, вариант Вильня иногда используется в русской речи белорусов, причем, как показывает материал блогов, не столько в исторических, сколько в современных контекстах. Лексема имеет национально-культурные коннотации: белорусская форма топонима помогает «присвоить» этот город при помощи лингвистических средств.

Литература

1. Горицкая, О. С. Переименования на постсоветском пространстве: корпусное исследование вариативности / О. С. Горицкая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2016. – № 6 (85). – С. 101–110.

2. Норман, Б. Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма. / Б. Ю. Норман // Русский язык. – 2010. – № 6. – Режим доступа: http://rus.1september.ru/view_article.php?id=201000604. – Дата доступа: 20.12.2017.

3. О наименованиях географических объектов [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 16.11.2010 №190-З. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z326.htm>. – Дата доступа: 20.12.2017.

4. Сомин, А. А. Русский язык в Республике Беларусь / А. А. Сомин // Русский язык зарубежья. – СПб. : Златоуст, 2013. – С. 171–201.

М.Л. Дорофеев

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: mari008@mail.ru

УДК [811.161.1(476.5)+811.133.1(443.72)]'373.211.5

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКОНИМИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Ключевые слова: *виконимы, региональная лингвистика, отапеллятивные названия, отонимные названия, номинативные особенности.*

В статье устанавливаются номинативные особенности виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции. Анализируемые имена собственные разделены на отапеллятивные и отонимные. Определено, что в белорусской и во французской виконимных системах наиболее распространены наименования, описывающие физико-географические, архитектурные и флористические особенности внутрисельского объекта. Выявлено, что для французской виконимии не свойственны названия, констатирующие расположение линейного объекта относительно архитектурных, географических объектов в пределах сельского поселения или сторон света. Установлено, что среди оттопонимных виконимов Франции функционируют названия, мотивированные названиями коммун. Определено, что французские отантропонимные названия отмечены более высоким индексом частотности.

M.L. Darafeyenka

Vitebsk State University named after P.M. Masharov

NOMINATIVE FEATURES OF A VICONYMY OF NORTHEAST REGIONS OF BELARUS AND FRANCE

Key words: *viconyms, regional linguistics, names derived from appellatives, names derived from onyms, nominative features.*

In the article nominative features of a viconymy of northeast regions of Belarus and France are established. The analyzed proper names are divided on the names derived from appellatives and the names derived from onyms. It is defined that in belarusian and in french the viconymy systems the names describing physiographic, architectural and floristic features of an intrarural object are most distributed. It is revealed that for french viconymy the names stating location of a linear object of rather architectural, geographical objects within the rural settlement or parts of the world aren't peculiar. It is established that among french viconyms derived from toponyms the names motivated by the names of communes function. It is defined that french names derived from anthroponyms are noted by higher index of rate.

В условиях стремительной глобализации исследования процессов, свойственных отдельным регионам, становятся все более актуальными. В рамках региональной лингвистики изучаются различные языковые явления и их особенности, характерные для конкретного компактного географического пространства. Внимания заслуживают и имена собственные, ведь, являясь языковыми реалиями, они подчиняются внутренним законам конкретного языка и формируются на определенной территории.

С целью установления локальных номинативных особенностей виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции проанализированы внутрисельские названия населенных пунктов Витебского района Витебской области и департамента Марна, входящего в регион Гранд-Эст (Большой восточный регион), образованный в 2016 г. в результате административно-территориальной реформы и объединяющий Эльзас, Шампань – Арденны, Лотарингию.

Внутрисельские названия данных территорий можно разделить на **отапеллятивные** (образованные от имен нарицательных) и **отонимные** (образованные от имен собственных).

Отапеллятивные виконимы формируют подгруппы, отражающие различные особенности местности или объекта:

- **физико-географические:** *Лесная ул.* – аг. Задубровье, *Луговая ул.* – аг. Новка, *Озёрная ул.* – аг. Ольгово, *Парковая ул.* – аг. Зароново; *rue des Jardins* – Серне-ле-Реймс, *allée du Parc* – Серне-ле-Реймс, *rue du Verger* – Френ-ле-Реймс;

- **архитектурные:** *Дачная ул.* – аг. Ольгово, *Железнодорожная ул.* – аг. Замостоцье, *Санаторная ул.* – дер. Малые Летцы, *Стадионная ул.* – аг. Ольгово, *Школьная ул.* – аг. Вымно; *rue du Château* – Сен-Супле-Сюр-Пи, *rue de la Gare* – Серне-ле-Реймс, *rue des Écoles* – Бен-Норуа, *rue de l'Église* – Сен-Супле-Сюр-Пи, *impasse du Moulin* – Лаван, *rue du Vieux Moulin* – Сен-Супле-Сюр-Пи;

- **флористические:** *Васильковая ул.* – аг. Октябрьская, *Вишнёвая ул.* – аг. Новка, *Цветочная ул.* – аг. Октябрьская; *rue des Acacias* – Берю, *rue des Châtaigniers* – Берю, *allée des Lilas* – Серне-ле-Реймс, *rue des 4 Noyers* – Берю, *impasse des Oliviers* – Берю, *avenue des Tilleuls* – Серне-ле-Реймс, *rue de la Vigne* – Берю;

- **эмоционально-характерологические:** *Солнечная ул.* – аг. Новка, *Ясная ул.* – аг. Октябрьская; *allée des Charmes* – Серне-ле-Реймс;

- **абстрактные:** *allée des Arts* – Серне-ле-Реймс, *place de la République* – Серне-ле-Реймс, *allée des Sports* – Лаван;

- **параметрические:** *Высокая ул.* – дер. Сокольники; *rue Basse* – Сен-Супле-Сюр-Пи.

Как в белорусской, так и во французской виконимии наиболее многочисленны названия, описывающие физико-географические, архитектурные, флористические особенности внутрисельского объекта. Можно выделить несколько основ, общих для белорусской и французской виконимных систем – *сад, парк, школа*.

В белорусской системе зарегистрированы наименования, отражающие **пространственные** характеристики номинируемого объекта: *Загорная ул.* – п. Липовцы, *Заречная ул.* – аг. Мазолово, *Набережная ул.* – аг. Задубровье, *Приозёрная ул.* – п. Липовцы, *Центральная ул.* – аг. Копти; *Восточная ул.* – аг. Октябрьская, *Северная ул.* – дер. Сокольники, *Южная ул.* – аг. Октябрьская. Как правило, данные виконимы образованы конфиксальным способом, не свойственным французскому словообразованию. По нашим данным, не зафиксированы и названия, указывающие на местоположение относительно сторон света (за исключением виконима *rue des Remparts Sud* – Берю), в котором указание на южное направление имеет дополнительное значение, однако в урбанизации Парижа, по данным Е.А. Сизовой, подобные годонимы функционируют [1, 11].

Кроме того, в белорусской виконимии многочисленны наименования, восходящие к названиям различных общностей людей: *ул. Мелиораторов* – аг. Мазолово, *ул. Ново-*

сёлов – аг. Ольгово, во французской виконимии рассмотренных регионов зафиксировано название *rue des Prêtres* – Бен-Норуа.

К **отонимным** наименованиям относятся виконимы, образованные от **топонимов** и **антропонимов**.

1) **оттопонимные внутрисельские наименования:** *Витебская ул.* – аг. Новка, *Двинская ул.* – дер. Княжица, *Дымановская ул.* – п. Липовцы, *Оришанская ул.* – аг. Октябрьская, *Суражская ул.* – аг. Задубровье; *rue de Beine* – Берю, *rue de Bétheny* – Серне-ле-Реймс, *rue de Caurel* – Лаван, *rue de Reims* – Берю, *rue de Mouchery* – Бен-Норуа, *rue de Nauroy* – Бен-Норуа, *rue de Sillery* – Серне-ле-Реймс, *rue de Witry* – Серне-ле-Реймс, *rue de Witry les Reims* – Берю.

Изученные оттопонимные образования восходят, как правило, к комонимам (названиям сельских поселений), реже – астионимам (наименованиям городских населенных пунктов). Как в белорусской, так и во французской виконимии можно выделить подгруппы названий, мотивированные наименованиями населенных пунктов, в направлении которых улица ведет или в пределах которых она расположена. Однако, если в виконимии Витебщины основными типами топографических объектов, задействованных в номинации, выступают агрогородки, деревни, поселки, то во французской виконимии зафиксированы онимы, образованные от названий коммун – единиц административно-территориального деления во Франции.

Виконимии Витебской области присуща еще одна номинативная особенность: функционирование так называемых **номерных** названий, не зафиксированных в анализируемом французском регионе: *Новкинская ул.* – 1-й Новкинский – 2-й Новкинский – аг. Новка. На территории Витебской области зарегистрированы отвиконимные названия, образованные от наименований других линейных объектов в пределах населенного пункта: *Дачная ул.* – *Дачный пер.* – дер. Малые Летцы, *Центральная ул.* – *Центральный пер.* – аг. Замосточье. Во французской виконимии такие названия немногочисленны: *allée des Tilleuls* – *place des Tilleuls* – Берю;

2) **отантропонимные внутрисельские наименования.** В системе внутрисельских названий Витебского района можно выделить подгруппы названий, восходящих к следующим именам собственным:

• **фамилиям государственных деятелей:** *ул. Косыгина* – аг. Мазолово, *Ленинская ул.* – аг. Вороны;

• **фамилиям участников военных событий:** *ул. Берзарина* – аг. Копти, *ул. Донукалова* – аг. Задубровье, *ул. Зои Космодемьянской* – аг. Задубровье, *ул. Шмырёва* – аг. Задубровье;

• **фамилиям писателей:** *ул. М. Лынькова* – аг. Копти.

В системе виконимов французского региона Гранд-Эст нами выделены подгруппы названий, восходящих к следующим онимам:

• **фамилиям государственных деятелей:** *rue Léon Bourgeois* (Леон Виктор Огюст Буржуа – французский государственный деятель и юрист, лауреат Нобелевской премии мира, 1920 г.) – Серне-ле-Реймс, *rue Colbert* (Жан-Батист Кольбер – французский государственный деятель XVII в., министр финансов) – Серне-ле-Реймс, *rue Jules Ferry* (Жюль Ферри – французский политический деятель XIX в., министр просвещения, министр иностранных дел, премьер-министр) – Серне-ле-Реймс, *rue Charles de Gaulle* (французский военный и государственный деятель, генерал, ставший во время Второй мировой войны символом французского Сопротивления, основатель и первый президент Пятой республики) – Серне-ле-Реймс;

• **фамилиям военных деятелей, участников военных событий:** *rue Drouet d'Erlon* (Жан-Батист Друэ д'Эрлон – французский военный деятель второй половины XVIII в. – первой половины XIX в., дивизионный генерал и маршал Франции, участник революционных и наполеоновских войн) – Серне-ле-Реймс, *rue du Général Leclerc* (Фи-

липп Леклерк – французский генерал времен Второй мировой войны, маршал Франции) – Серне-ле-Реймс, *rue du Maréchal Foch* (Фердинанд Фош – французский военный деятель, военный теоретик, французский военачальник времен Первой мировой войны, маршал Франции) – Серне-ле-Реймс;

• **писателей:** *rue Jean de la Fontaine* (Жан де Лафонтен – французский баснописец XVII в.) – Серне-ле-Реймс, *impasse Lamartine* (Альфонс де Ламартин – французский писатель и поэт романтического направления, политический деятель) – Серне-ле-Реймс;

• **ученых:** *rue Curie* – Серне-ле-Реймс, *rue Pasteur* – Серне-ле-Реймс.

В белорусской и французской виконимных системах превалируют названия, мотивированные фамилиями участников военных событий. Для Витебского района характерно преобладание внутрисельских наименований, восходящих к именам партизанов и других участников Великой Отечественной войны, а для сельских топонимов французского региона Гранд-Эст – маршалов и военачальников. Если белорусский отантропонимный виконимикон сформирован преимущественно на базе названий, образованных от фамилий деятелей XX в., то французский отмечен большим хронологическим разнообразием и включает названия, сформированные на базе имен участников исторических событий XVII–XX вв. Обратим внимание и на то, что из всех населенных пунктов и коммун, внутрисельские названия которых были нами проанализированы, наибольшее количество отантропонимных виконимов зафиксировано только в одном – Серне-ле-Реймс.

В исследованных виконимиконах не обнаружены общие прецедентные мотивирующие основы. Следует отметить, что для белорусских отантропонимных внутрисельских названий свойственен региональный или национальный уровни известности. В системе французских названий зафиксированы и онимы, образованные от прецедентных имен собственных. Тем не менее в некоторых случаях прослеживается четкая связь с местностью, в которой функционирует то или иное наименование. К примеру, Жан-Батист Кольбер и Жан-Батист Друэ д'Эрлон, в честь которых названы улицы, родились в Реймсе, одном из крупных городов департамента Марна региона Гранд-Эст. Зафиксированы во французской виконимии и названия по именам местных жителей, либо людей, связанных с локальной историей: *boulevard Bosteaux-Paris* – Серне-ле-Реймс (бульвар получил наименование по фамилии археолога и мэра Серне-ле-Реймс Шарля Босто-Пари), *rue Gustave de Bohan* – Френ-ле-Реймс (улица названа в честь местного аграрного деятеля Гюстава де Боана).

Таким образом, каждая региональная система обусловлена локальными экстралингвистическими факторами: географической средой, историко-культурным потенциалом региона, социальным развитием инфраструктуры и т.д.

По результатам исследования виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции можно констатировать следующие региональные номинативные особенности:

1. В белорусской и во французской виконимных системах наиболее распространены наименования, описывающие физико-географические, архитектурные и флористические особенности внутрисельского объекта. При этом можно выделить несколько общих мотивирующих основ.

2. Для французской виконимии не свойственны названия, отражающие расположение линейного объекта относительно архитектурных, географических объектов в пределах сельского поселения или сторон света, в белорусской же – подобные названия, образованные в основном конфикальным способом, имеют высокий индекс частотности.

3. В северо-восточных регионах Беларуси и Франции функционируют виконимы, мотивированные наименованиями населенных пунктов, в направлении которых улица ведет или в пределах которых она расположена. На территории Франции в качестве мотивирующей основы задействованы и названия коммун.

4. Французские отантропонимные названия исследованного региона мотивированы, как правило, прецедентными именами военачальников и маршалов, белорусские – фа-

миллиями участников Великой Отечественной войны, отмеченными национальным или региональным уровнем известности.

Литература

1. Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Сизова ; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 16 с.

О.С. Евсеева

МБОУ Заборьевская СШ Демидовского района Смоленской области

e-mail: evseevolya@yandex.ru

УДК 81'373'21

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СМОЛЕНСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: *топонимика, топонимическая система, русско-белорусское приграничье, русский язык, белорусский язык.*

Статья посвящена изучению топонимической системы смоленско-белорусского приграничья. Рассматриваемая территория представлена как системно организованное пространство, формировавшееся под влиянием истории и языковой разобщенности. В статье приведены краткие исторические справки о Красном, Рудне, Витебске и Мстиславле.

O.S. Evseeva

Zabor'evskaya school Demidovsky district, Smolensk oblast

FEATURES OF THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE SMOLENSK-BELARUSIAN BORDER AREA (THE HISTORICAL ASPECT)

Key words: *toponymy, toponymic system of the Russian-Belarusian borderland, Russian language and Belarusian language.*

The article is devoted to the study of the toponymic system of the Smolensk-Belarus border area. The study area is presented as a systematically organized space, formed under the influence of the history and linguistic fragmentation. The article presents a short history of a Red, Rudnya, Vitebsk and Mstislavl.

Основным назначением географических названий является возможность территориально фиксировать объекты, в представлении каждого человека определенная топонимическая единица связана с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации.

Топонимы любой территории при всем их разнообразии оказываются тесно связанными друг с другом. Это объясняется тем, что географические названия на каждой исторически или географически выделяемой территории образуют определенную систему. Как отмечает Э.М. Мурзаев, под *топонимической системой* следует понимать совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяю-

щихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности [9, 14].

Каждая топонимическая система строго территориальна, поэтому можно говорить о топонимической системе отдельной области, района или даже отдельной деревни. Эта система обладает не только единой территориальной общностью, но и общностью языковой. В настоящее время бесспорным является и тот факт, что все географические названия системно организованы. Так Ю.А. Карпенко считает, что «... эта система, несомненно, существует, хотя бы потому, что каждая территория имеет много топонимических названий, и они должны быть как-то упорядочены, как-то организованы и согласованы между собой, чтобы иметь возможность выполнять свои функции» [7, 50]. Исходя из этого, мы можем утверждать, что самые разнообразные связи между топонимами есть неоспоримое свидетельство их системной организации.

Развернутое определение топонимической системы приводит А.В. Суперанская: это «известное единство топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топонимов...» [12, 55].

По-иному понимает топонимическую систему И.А. Воробьева, которая, признавая локальность системы, считает ее суммой или совокупностью топонимов, находящихся в обращении в данное время на данной территории. По ее мнению, топонимия любой территории многоязычна и разновременна, но, тем не менее, она организованная и упорядоченная, ее элементы взаимосвязаны. Таким образом, под территориальной топонимической системой исследователь понимает «упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории» [2, 34–35]. В настоящей статье мы попытаемся дать характеристику смоленско-белорусскому приграничью как системно организованному пространству, формировавшемуся под влиянием истории и языковой разобщенности.

Обратимся к краткой географической характеристике исследуемой смоленско-белорусской приграничной зоны. В территориальном плане это приграничные с Республикой Беларусь районы Смоленской области – Велижский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский и Ершичский, а также приграничные со Смоленской областью районы Беларуси – Городокский, Витебский, Лёзненский, Дубровенский, Горецкий, Кричевский, Климовичский, Мстиславский и Хотимский. Протяженность государственной границы на данном участке составляет 463 километра.

Каждая топонимическая система – это исторически сложившаяся совокупность географических названий на определенной территории, являющаяся составной частью лексической системы одного и более языков. В хронологическом аспекте любая топонимическая система и архаична, и современна.

Обратимся к историческому прошлому данных территорий, так как, по мнению И.А. Воробьевой, территориальная топонимическая система должна быть ограничена географически и едина исторически. Следует отметить, что в разные периоды приграничье являлось составной частью таких государств, как Киевская Русь (IX–XIII вв.), Великое княжество Литовское (XII–XV вв.), Речь Посполитая (XV–XVII вв.), Российская Империя (XVIII–XIX вв.), Советский Союз (XX в.), на современном этапе это территории двух разных государств – Российской Федерации и Республики Беларусь.

Руководствуясь памятниками письменности, дадим краткие исторические справки некоторым наиболее важным топонимическим единицам приграничья (*Красный, Рудня, Витебск, Мстиславль*).

Красный (Смоленская область Российская Федерация) [3].

Первое упоминание о населенном пункте находим в Ипатьевской летописи под 1165 годом. В ней говорится о том, как смоленский князь Ростислав Мстиславич после получения великокняжеского престола в Киеве отдал своему племяннику Роману два города с волостями, один из которых *Красный* (Краснь): «А Романови, Вячеславлу внуку, да (дал) Ростислав Васильев и Краснь» [1, 164].

С конца XIII века *Красный* неоднократно подвергался нашествиям и захватам со стороны Литвы и Польши. О *Красном* упоминается и в Памятниках обороны Смоленска 1609 года: «... ходил литвин Велижского повету Еремка в Сщюческой волости в Красном...» [1609]. В это период город имел приграничное положение и охранял западные рубежи Смоленского княжества. В XV–XVII вв. *Красный* находился в составе Великого княжества Литовского, затем Речи Посполитой. В 1654 году окончательно присоединяется к России, а в 1667 году объявлен дворцовым селом. В переписной книге сел и деревень Смоленского уезда, составленной в 1666 году, записано: «В Дубровенском стане село Красное да деревня Дуровичи, а в нихъ 98 дворов крестьянских, 14 дворов бобыльских беспашенных, 9 дворов пустых» [1, 186]. В 1776 году *Красный* получил статус уездного города и ему был пожалован герб.

На протяжении истории город имел разные названия: *Красен, Красное, Красный.*

Рудня (Смоленская область Российская Федерация) [4].

В прошлом село *Рудня* (под названием Родня) впервые упоминается в летописи под 1363 годом. В отрывке повествуется о нападении литовцев на Смоленское княжество и захват западных городов – *Хорвача* и *Рудни*: «Князь Андрей Ольгердович... воева Хорвачь да Рудень» [1, 175]. Сначала оно входило в состав Смоленского княжества; в конце XIV в. было завоевано князем Андреем Ольгердовичем Полоцким и в 1404 году оказалось на окраине Великого княжества Литовского. По Андрусовскому перемирию 1667 года *Рудня* надолго осталась во владении Польско-Литовского государства; в состав России окончательно вошла только в 1919 году [8, 393].

На протяжении истории город имел разные названия: *Родня, Рудень, Рудня.*

Витебск – Віцебск (Республика Беларусь)

Первое упоминание о городе Витебске появляется в Лаврентьевской летописи под 1022 годом. По данным документа, Князь Ярослав, чтобы помириться с Полоцким Князем Брячеславом, отдал ему два смоленских города: «Призва его к себе и вда ему два града Вьсвячь (Усвят) и Видбеск (Витебск) и рече ему: буди же с мною един» [1, 149].

В Ипатьевской летописи под 1195 годом рассказывается о нападении черниговских князей на Смоленский пригород Витебск и Смоленскую землю: «Не доехавше Витебска воеваша Смоленскую волость. Слышав же Давыд Ольговича, посла Мстислава Романовича сыновця своего... со смоляны противо им» [1, 167].

В.А. Жучкевич в «Кратком топонимическом словаре Белоруссии» приводит следующие варианты названий рассматриваемого приграничного города: *Витепск, Видьбеск, Витьбеск* и *Витебск (Віцебск)*. И современная и летописная формы указывают на несомненную связь названия города с именем р. Витьбы [6, с. 52].

Мстиславль – Мсціслаў (Республика Беларусь)

Первое упоминание о *Мстиславле* датируется под 1156 годом в Ипатьевской летописи. В этот период городом владел Давыд Ростиславович.

В 1359 году литовский князь Ольгерд захватил город и присоединил его к Великому княжеству Литовскому: «Князь Иван Александрович Смоленский представился (умер), тогда же Олгерд подступал к Смоленску и взя град Мстиславль, а сын его Андрей взял Ржев и остави свои наместници» [1, 175].

Воскресенская летопись повествует нам о походе смолян против Литвы на освобождение города *Мстиславля* (1386 год): «Тое же весны князь Святослав Иванович

Смоленский с братаничем своим князем Иваном Васильевичем... съвокупивше силу многу, пойдоша ратию к городу Мстиславлю, прежде того Мстиславль город был Смоленской, но отняла его Литва за себя, и всхотеша его от Литвы отняти...». Далее рассказывается о поражении Смоленских войск под *Мстиславлем* на реке Вихре.

В 1654 году во время осады Смоленска войсками царя Алексея Михайловича к *Мстиславлю* был послан боярин Алексей Никитич Трубецкой, который взял город штурмом, но по Андрусовскому перемирию 1667 года Мстиславль вновь вернулся в состав Речи Посполитой. Лишь в 1772 году, в результате Первого раздела Речи Посполитой, город вернулся в состав Российской Империи. В 1781 году *Мстиславль* получает новый герб: красная лисица на серебряном фоне.

Рассмотрев краткие исторические справки некоторых топонимов смоленско-белорусского приграничья, мы можем говорить о едином историческом прошлом рассматриваемой территории. По мнению И.А. Воробьевой, любая топонимическая система зависит не только от физико-географических признаков, но и от социально-исторических условий жизни человека и их изменения [2]. Поэтому нельзя проводить системное изучение топонимов в отрыве от изучения истории территории, на которой функционируют топонимы. Таким образом, необходимым условием для изучения топонимической системы приграничья является рассмотрение исторического и географического факторов.

Литература

1. Андреев, Н. В. Смоленский край в памятниках и источниках / Н. В. Андреев. – Смоленск : Смоленское Областное Государственное издательство, 1949. – 367 с.
2. Воробьева, И. А. Топонимика Западной Сибири / И. А. Воробьева. – Томск : Изд-во ТГУ, 1977 – 151 с.
3. Евсеева, О. С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. С. Евсеева ; Смол. гос. ун-т. – Смоленск, 2015. – 22 с.
4. Евсеева, О. С. Из истории топонимов смоленско-белорусского приграничья с корнем красн- / О. С. Евсеева, И. А. Королёва // Известия Смоленского государственного университета. Ежеквартальный журнал. – Смоленск, 2017. – № 1 (37). – С. 72–79.
5. Евсеева, О. С. К этимологии топонима Рудня / О. С. Евсеева // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверина ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск, 2016. – С. 69–71.
6. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд. БГУ, 1974. – 488 с.
7. Карпенко, Ю. А. Принципы топонимики / Ю. А. Карпенко. – М. : Моск. рабочий, 1964. – 178 с.
8. Махотин, Б. А. К живым истокам / Б. А. Махотин. – Смоленск : Моск. Рабочий. Смоленское отделение, 1989. – 127 с.
9. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев // Вести МГУ, 1963. – №3. – С.14–23.
10. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. – Смоленские грамоты XIII – XIV вв. Вступительная статья. – М. : АН СССР, 1963. – С. 2–6.
11. Смоленская область. Энциклопедия. – Смоленск : СГПУ. – Т. 2. – 2003. – 624 с.
12. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Институт языкознания, 1985. – 130 с.

УДК 811.161.3'373.21(476.5)

МІКРАТАПАНІМІЯ БЕШАНКОВІЧЧЫНЫ: НАМІНАЦЫЙНЫ АСПЕКТ

Ключавыя словы: *мікратапонім, онім, апелятыў, неафіцыйныя назвы, рэгіён, уласнае імя, Бешанковіцкі раён.*

У артыкуле выяўляюцца асаблівасці функцыянавання неафіцыйных географічных назваў Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці. Вызначаюцца і характарызуюцца асноўныя групы мікратапонімаў.

E.A. Zaytseva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

MYCROTOPONYMY OF BESHENKOVICHY REGION: NOMINATIVE ASPECT

Key words: *mycrotoponym, onym, appellative, unofficial name, region, personal name, Beshenkovichy district.*

In the article the peculiarities of denomination of the unofficial geographical names of the settlers in Beshenkovichy district of Vitebsk region. Discovered and the main groups of mycrotoponyms are determined and characterized.

Даследаванне онімаў на сучасным этапе развіцця навукі носіць антрапацэнтрычны характар і адрозніваецца павышанай зацікаўленасцю да рэгіянальных даследаванняў (Т.Ю. Васільева, Н.І. Васільюк, У.М. Генкін, М.А. Дарошка, А.А. Іванова, І.Л. Капылоў, М.М. Карсакова, С.С. Клундук, А.А. Лукашанец, Н.М. Лявончык, Г.М. Мезенка, М.У. Міцкевіч, Н.Р. Якубук і інш.). Кожны рэгіён – своеасаблівая тэрыторыя са сваёй гісторыяй і традыцыямі. Сярод мясцовых жыхароў мікратапонімы не з'яўляюцца ў першую чаргу носбітамі назваў, а служаць знакамі, меткамі дзеля адрознення географічных аб'ектаў. У неафіцыйных назвах закладзены мадэлі ўспрыняцця людзьмі рэчаіснасці, яны ў сваёй большасці індывідуальныя і непаўторныя. *Мэта* працы – вызначыць асаблівасці намінацыі мікратапаніменных адзінак Бешанковіччыны. На даследаванай тэрыторыі намі было зафіксавана 106 неафіцыйных найменняў. Намінацыі падлягаюць самыя розныя дэнататы: былыя вёскі, водныя аб'екты, вуліцы, выганы, горы, дарогі, месцы ў лесе, палі, сады, часткі населеных пунктаў. Пералічаныя аб'екты даволі разнастайныя па сваёй семантыцы і ўзыходзяць да антрапонімаў розных груп апелятыўнай лексікі. На аснове розных намінацыйных падстаў намі былі вылучаны наступныя групы мікратапонімаў: **1) мікратапонімы, якія паходзяць ад онімаў; 2) мікратапонімы, што ўзыходзяць да груп апелятыўнай лексікі; 3) мікратапонімы-арыенціры.**

Першую групу мікратапонімаў складаюць **найменні, якія паходзяць ад онімаў**. Пераважная большасць іх узыходзіць да **антрапонімаў**: *Архінаў хутар, Кузьміхіна гара*. У дадзенай групе мы вылучылі наступныя падгрупы: **а) мікратапонімы, якія паходзяць ад уласных асабовых імен**: *Маркава* (месца ў лесе, звязанае з імем Марк), *Міколкава магіла* (месца ў лесе, дзе падчас вайны загінуў салдат Мікола), *Міхалкін хутар* (узгорак у в. Дразды, былы хутар гаспадара Міхала), *Таццянін хутар, Фёдараў хутар* (0,5%);

б) мікратапонімы, утвораныя ад прозвішчаў: *Мураўскае балота* (былы хутар, дзе жыў гаспадар па прозвішчы *Мураўскі*), *Новікава гара* (узвышша ў в. Дразды, дзе гаспадарыў Новік), *На Пражаннікава* (месца ў лесе ў в. Шыпулі, дзе калісьці жыў пан Пражаннік), *Чарняхоўка* (мясцовая назва вуліцы Чарняхоўскага, названая ў гонар героя Савецкага Саюза І.Д. Чарняхоўскага); **в)** мікратапонімы, утвораныя ад мянушак. На даследаванай тэрыторыі намі быў зафіксаваны толькі адзін такі аб’ект: *Кузьміхіна гара* – месца ў лесе ў в. Быстры, дзе раней гаспадарыла жанчына па мянушцы *Кузьміха* (ад імені мужа Кузьма).

Другую групу складаюць найменні, якія паходзяць ад **тапонімаў**. У яе ўваходзяць назвы розных мікрааб’ектаў (гор, дарог, лясоў, садоў, палёў). Сярод дадзенай групы пераважаюць мікратапонімы, утвораныя ад: **а)** камонімаў: *Каішчаўскі выган* (месца выгану скаціны ў в. Кошчава), *Маладворскае возера* (возера, якое знаходзіцца ў в. Малы Двор), *Прамышлянскі сад* (сад паблізу в. Промыслы), *Саўчонская гара* (гара, што знаходзіцца ў в. Саўчонкі); **б)** урбанонімаў: *Маладзёжска* (мікрараён у г.п. Бешанковічы, што атрымаў назву ад вуліцы Маладзёжная).

На даследаванай тэрыторыі дамінуюць найменні, утвораныя ад назваў вёсак і ўласных асабовых імён. Гэта гаворыць аб тым, што галоўнай тэндэнцыяй іменавання аб’ектаў з’яўляецца іх месцаразмяшчэнне, прыналежнасць таму ці іншаму чалавеку.

Самай вялікай па колькасці адзінак з’яўляецца група **мікратапонімаў, што паходзяць ад апелятываў**, якія ў сваю чаргу: **1)** характарызуюць якасць мясцовасці: *Вясёлы хутар* (былое месца збору моладзі), *Гарэлае балота* (балота, якое раней гарэла), *Кароўская нага* (лясная паляна, падобная па форме на нагу каровы), *Касая гара* (нябачны ўклон дарогі, дзе часта здараюцца аварыі), *Мядзвежы роў* (страшнае месца ў лесе, куды ўсе людзі баяцца хадзіць), *Обічая сажалка* (якой карыстаюцца ўсе жыхары вёскі), *Цёмны мох* (месца ў лесе, дзе расце густы мох), *Чорны ручай* (глыбокі вадаём з чорнай вадой, які немагчыма перайсці); **2)** характарызуюць людзей па сацыяльным стане, званню, нацыянальнасці: *Беларусы* (частка в. Кошчава, дзе раней жылі беларусы), *Маскалі* (частка в. Кошчава, дзе раней жылі толькі маскалі), *Панскае поле* (поле ў в. Буй, былы хутар пана); **3)** паўтараюць назву былога аб’екта: *Кірпічны* (поле, на якім раней быў кірпічны завод), *Магніт* (месца ў парку ў в. Бачэйкава, былая альтанка для збору моладзі. “Усіх туды цягне, як магнітам” – так кажуць мясцовыя жыхары пра гэтае месца), *МСО* (мікрараён ў г.п. Бешанковічы, што знаходзіцца побач з былой арганізацыяй – Межрайонное строительное объединение); **4)** змяшчаюць царкоўную лексіку: *Святы ручай* (ручай, які асвятляў свяшчэннік), *Царкавішча* (узгорак, дзе раней дзейнічала царква), *Царкоўная вуліца* (вуліца, на якой знаходзіцца царква); **5)** называюць аб’ект, што знаходзіцца побач: *Бальнічка* (вадаём для купання, які знаходзіцца побач з лячэбнай установай г.п. Бешанковічы), *Кладбішчанскі выган* (выган для скаціны, які размешчаны побач з вясковымі могілкамі), *Магазінная сажалка* (вадаём размешчаны за 50 метраў ад вясковага магазіна); **6)** падкрэсліваюць асаблівасці наменклатурнага характару: *Гарадок* (частка в. Дразды); **7)** характарызуюць аб’ект па асаблівасцях рэльефу: *Дарога на Гару*, *Горкі* (частка в. Астроўна), *Касая Гара*; па канфігурацыі геаграфічнага аб’екта: *Астравы* (месца на балоце), *Лінія* (мяжа паміж населеным пунктам і лесам), *Круглае балота*, *Пятачок* (месца пасярэдзіне вёскі для збору сялян у в. Дразды), *Смялянскі пятачок* (месца збору моладзі ў лесе); па памерах і часе ўзнікнення: *Бальшы Коўш* (Вялікая Мядзведзіца), *Малы Коўш* (Малая Мядзведзіца), *Старадарожжа* (накірунак дарогі); **8)** змяшчаюць фларыстычную і фаўністычную лексіку: *Барок*, *Бярэзнік*, *Дрэўкі* (месца ў лесе), *Лозы* (кусты, дзе расце лаза), *Мох* (месца ў лесе, дзе расце шмат імху), *На Дубок* (дуб, які расце ў лесе); *Кароўская нага*, *Козы горы*, *Лісы норы*, *Мядзвежы роў*.

Паводле колькаснага складу **мікратапонімы-арыенціры** найменш пашыраны ў мікратапанімнай сістэме Бешанковічыны. З іх дапамогай менш вядомыя мікрааб’екты

абазначаюцца праз больш вядомыя: *Дарога на Гару* (гара – частка н.п. Бачэйкава), *Зарэчча* (частка н.п., якая знаходзіцца за ракой), *На Вадзе* (альтанка, пабудаваная на беразе сажалкі, месца адпачынку моладзі). А.І. Яшчанка лічыць увогуле неправамерным адносіць назвы-арыенціры, якія стасуюцца з прыназоўнікава-іменнымі спалучэннямі, да групы мікратапонімаў. На думку даследчыка, такія назвы не належаць да лексічнага ўзроўню мовы, не выконваюць намінацыйнай функцыі і выступаюць у маўленні як няпоўныя эліптычныя сказы [2, 22].

Такім чынам, семантыка мікратапанімічных назваў яскрава адлюстроўвае светабачанне людзей, характар успрыняцця рэчаіснасці. Асноўнымі паказчыкамі пры намінацыі з'яўляюцца прыналежнасць аб'екта канкрэтнаму чалавеку, форма, якасць. Сярод такіх прыкмет на першае месца выходзяць характарыстыка формы аб'екта, флора і фаўна рэгіёна. Мікратапанімія ўзнікае на базе дыялектных форм мовы і мае сферу функцыянавання, абмежаваную тэрыторыяй распаўсюджвання дадзенай гаворкі.

Літаратура

1. Мезенко, А. М. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А. М. Мезенко – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.
2. Яценко, А. И. Лингвистический анализ микропонимов определенного региона : курс лекций / А. И. Яценко. – Вологда, 1977. – С. 22.

А.В. Кавалёва

Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: alena.kavaliova@gmx.de

УДК 811.161.3'373.21(476)

МЕМАРЫЯЛЬНЫЯ ПЕРАЙМЕНАВАННІ ПАЗЕР'Я XX СТАГОДДЗЯ

Ключавыя словы: *перайменаванне, айканімія, мемарыяльны айконім, апелятыў, антрапонім, тапааснова.*

У артыкуле вызначаюцца мемарыяльныя адзінкі Паазер'я, утвораныя пераважна ад прозвішчаў герояў Вялікай Айчыннай вайны. Разглядаюцца назвы населеных пунктаў, якія былі страчаны, аналізуюцца іх утваральныя асновы. Выяўлена, што гэтыя зніклыя айконімы фіксуюць старажытны антрапанімікон, утрымліваюць назвы гістарычных форм землеўладання, паходзяць ад геаграфічных тэрмінаў, што характарызаваў пэўную мясцовасць.

A.V. Kavaliova

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

THE COMMEMORATIVE PAAZERYE REGION OIKONYMS IN THE XXth CENTURY

Key words: *denomination, oikonymy, commemorative oikonym, appellative, anthroponym, toponymic stem.*

The article deals with the commemorative oikonyms in Paazerye region, which are mainly based on the surnames of Great Patriotic War heroes. The oikonyms, which were lost because of denomination, are defined, their toponymic stems are analyzed. It is revealed, that the lost oikonyms register the historical anthroponymicon, they contain the notions of the

historical kinds of landownership, the lost oikonyms were derived from the geographical terms, which were typical in the certain region.

Тапанімічныя адзінкі з’яўляюцца крыніцай разнастайнай лінгвістычнай і экстралінгвістычнай інфармацыі, у іх адлюстроўваюцца шматлікія гістарычныя, культуралагічныя, грамадскія падзеі. Мемарыяльныя назвы – найменні, якія прысвоены ў гонар нейкай асобы ці ў памяць аб ёй. Уплыў афіцыйнай улады, а таксама ідэалагічных і маральных устаноў робяць мемаратывы адным з галоўных тыпаў намінацыі тапааб’ектаў Беларусі XX стагоддзя савецкага часу. Гэты працэс звязаны са шматлікімі сацыяльнымі пераменамі, але найчасцей з заменай старога наймення, якое, па ўяўленнях тагачасных кіраўнікоў, не адпавядала часу. Старажытныя найменні, якія былі матываваны славянскімі імёнамі-кампазітамі (*Відагошча*), царкоўнымі імёнамі ў іх размоўна-бытавой форме (*Аўсееўка*), імёнамі-мянушкамі (*Каты*), гідронімамі (*Обаль*), іншымі айконімамі (*Наважукаўка*), зніклі з айканімікону краіны. Страчаныя назвы паселішчаў былі ўтвораны ад лексем, што адлюстроўвалі асноўныя заняткі тагачаснага насельніцтва (*Майдан*), сведчылі пра спосаб атрымання і апрацоўкі зямельнага ўчастка (*Навіна*), якасць глебы (*Пусташы*), форму зямельных надзелаў (*Клін*), абазначалі прамыслова-гаспадарчыя рэаліі (*Гута*), тыпы пасялення (*Фальварак*), узыходзілі да гідраграфічных (*Тапіла*), араграфічных тэрмінаў (*Буй*), флоралексем (*Дуб’ё*). У выніку замен страчаны ўнікальныя айконімы, часам адзінкава засведчаныя ў сістэме айконімаў Беларусі (*Серадзібор*).

Для тапаніміі XX стагоддзя стала характэрнай “звышпрадуктыўнасць трансанімізацыйнай адантрапанімічнай метафары”, а менавіта вялікая частотнасць айконімаў-прысвячэнняў, якія з’яўляюцца экстрасістэмнымі для ўсходнеславянскай айканіміі [1, 4]. Пасля падзей 1917 па шаблоннай для таго часу антрапанімічнай мадэлі ўзніклі і шматлікія беларускія айконімы, асновай якіх пераважна з’яўляліся прозвішчы ці псеўданімы вядомых асоб. Утвараліся такія адзінкі пераважна спосабам дэрывацыі – афіксацыяй з рознымі варыянтамі сапраўднага імя або змененага імя-псеўданіма тыпу *Ленін*, *Ленінец*, *Ленінскі* і г.д. З розных крыніц у рэгіёнах Беларусі намі выяўлена 234 такія адзінкі, што суадносяцца з імёнамі і прозвішчамі:

- лідараў партыі бальшавікоў і лідараў іншых партый;
- рэвалюцыянераў-бальшавікоў;
- дзеячаў міжнароднага рэвалюцыйнага руху;
- герояў Грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў;
- герояў мірнага часу;
- гістарычных асоб мінулага;
- дзеячаў культуры, навукі.

Сярод мемарыяльных перайменаванняў XX стагоддзя, якія лакалізуюцца ў межах Паазер’я, найбольш частотнымі з’яўляюцца адзінкі, што суадносяцца з імёнамі і прозвішчамі герояў Вялікай Айчыннай вайны. У Полацкім раёне з 1975 года засведчаны мемарыяльны айконім *Азіна* ў гонар героя Грамадзянскай вайны, ваеннага дзеяча У.М. Азіна [БелЭн, т. 1, 165]. Страчаная ў 1975 годзе назва паселішча *Белае*, што вядома з XVII стагоддзя, суадносіцца з лексмай *белае*. У той перыяд да *белых* адносіліся землі, якія належалі ўласніку паселішча, і за якія не было падаткаў і павіннасцей. Беларускія айконімы з кампанентам *Белы* тыпу *Белы Двор*, *Белы Засценак*, якія ўзніклі ў XV–XVII стагоддзях, знаходзіліся на “землях белага духавенства”, на панскіх землях [3, 15]. Азначэнне *белы* мела таксама прасторавы сэнс – белы колер абазначаў захад, а пазней ад’ектыў *белы* сімвалізаваў пэўныя станоўчыя адзнакі.

На Аршаншчыне і Сенненшчыне выяўлены адзінкі *Заслонаўка* і *Заслонава*, якія суадносяцца з назвай калгасаў “*Імя К.С. Заслонава*” ў гэтых раёнах. Верагодна, адзінкі ство-

раны ў гонар Героя Савецкага Саюза, аднаго з кіраўнікоў партызанскага руху ў Беларусі К.С. Заслонава. Страчанае ў 1945 годзе найменне, якое фіксуецца з XVIII стагоддзя, *Казадоі* ўтворана ад уласнага імя *Казадой*. Зніклая назва-арыенцір *Забалацце* ўказвае на месцазнаходжанне аб'екта: *забалацце* – тое, што размешчана за балотам. Гэты айконім вядомы з XVII стагоддзя.

У Бялыніцкім раёне з 1964 года існуе айконім *Асман-Касаева* – мемарыяльнае найменне ў гонар героя-партызана Вялікай Айчыннай вайны на Магілёўшчыне А.М. Касаева, трэба адзначыць, што адзінка ўтворана ад імя і прозвішча асобы. Зніклі айконім *Сярмяжанка* паходзіць, магчыма, ад гідроніма **Сярмяжанка* на ўзор гідранімічнай мадэлі на *-анка/-янка* (*Абалянка, Ражанка* і інш.). З 1964 года засведчана найменне ў Гарадоцкім раёне з пасесійным фармантам *-ова Пятрова*. Магчыма, утварэнне ў гонар Героя Савецкага Саюза В.І. Пятрова [БелЭн, т. 13, 167]. Страчаная назва ў форме множнага ліку *Халяўкі* суадносіцца з антрапонімам *Халява, Халяўка* [Бір. 1969, 426]. У Круглянскім раёне выяўлены з 1967 года мемарыяльны айконім *Ракушава* ў гонар Л.Н. Ракушава, аднаго з арганізатараў і кіраўнікоў патрыятычнага падполля на Магілёўшчыне ў Вялікую Айчынную вайну [БелЭн, т. 13, 285]. Не выключана і паходжанне адзінкі ад прозвішча савецкіх актывістаў Ракушавых, якія загінулі ў 1925 годзе. Страчаная назва з патранімічным фармантам *-ічы Ліхінічы* матывавана антрапонімам **Ліхія*. Найменне вядома з XVII стагоддзя як паселішча ў складзе маёнтка *Круглае Аршанскага павета* [4, 65].

На Смаргоншчыне ў 1969 годзе з'явілася мемарыяльнае найменне *Сярогіна* ў гонар А.П. Сярогіна, актыўнага ўдзельніка Вялікай Айчыннай вайны. Папярэдняя назва з фармантам *-іха Бабыніха* ўтворана ад антрапоніма **Бабына*. У Бешанковіцкім раёне засведчана з 1966 года мемарыяльная назва ў гонар П.М. Раманава, Героя Савецкага Саюза, камандзіра партызанскай брыгады на Віцебшчыне [БелЭн, т. 13, 292]. Адначасова, што найменне суадносілася з прозвішчам царскай дынастыі Раманавых, а такія онімы ў XX стагоддзі замяняліся: *Раманава* → *Барба* (Ветк., з 1928 года), *Раманава* → *Леніна* (Гор., з 1918 года), *Раманава* → *Леніна* (Служ., з 1921 года). У Горацкім раёне з 1964 года выяўлены мемарыяльны айконім *Сафонава* у гонар М.Ф. Сафонава, партызана ў гады Вялікай Айчыннай вайны [БелЭн, т. 14, 201]. Зніклае найменне ў форме множнага ліку *Пузікі* паходзіць ад антрапоніма *Пузік, Пузо*.

У межах Паазер'я засведчаны таксама адзінкі, суадносныя з прозвішчамі герояў Грамадзянскай вайны, пераважна з прозвішчамі героя Грамадзянскай вайны, маршала Савецкага Саюза С.М. Будзённага і героя Першай сусветнай і Грамадзянскай войнаў В.І. Чапаева. Назвы *Будзёнаўка* фіксуюцца ў Ашмянскім і Мсціслаўскім раёнах, якія да 1949 і 1941 гадоў мелі назвы *Святы Дух* і *Умыркі* адпаведна. Айконім у форме множнага ліку *Умыркі* ўтвораны ад антрапоніма **Умырка*. На Сенненшчыне найменне *Будзёны* суадносіцца з назвай калгаса “*Імя С.М. Будзённага*”. Страчаная назва паселішча *Буй*, вядомая з XVII стагоддзя, матывавана араграфічным тэрмінам *буй* ‘адкрытае месца, скразняк; высокае месца, дзе нічога не расце; сухое месца’ [СПЗБ, т. 1, 234], ‘высокае, адкрытае з усіх бакоў для ветру месца’. Як адзначаюць даследчыкі, геаграфічны тэрмін *буй* не сустракаецца ў старабеларускіх тэкстах [2, 26]. Назвы *Чапаева* (Любанскі, Аршанскі, Лепельскі раёны), *Чапаеўская* ў Верхнядзвінскім раёне суадносяцца з назвай калгасаў “*Імя В.І. Чапаева*” і з прозвішчам В.І. Чапаева. Яны замянілі найменні *Княжая Магіла, Чапяліно, Юркава Сцяна, Красілаўка* адпаведна. Страчаная з 1952 года назва паселішча *Княжая Магіла* ўтворана, магчыма, ад апелятыва *магіла* ‘месца пахавання каго-небудзь’ [СПЗБ, т. 3, 7]. Атрыбутыўны кампанент *княжая* ўказвае на прыналежнасць (уласнае імя *Князь* [Бір. 1969, 209]) ці сацыяльнае становішча ўладальніка. Айконім *Чапяліно* матываваны антрапонімам *Чапяла*. Зніклае з 1939 года найменне *Юркава Сцяна* ўзыходзіць да апелятыва *сцяна* ‘дадатковая паласа ў полі, адзеленая

дарогай, якую называюць сценка'. Пасля зямельнай рэформы “Устава на валокі” ўводзіўся трохпольны севазварот, таму выдзеленыя ўчасткі зямлі дзяліліся на тры часткі з пазначанымі межамі “сценкамі” [5, 207], што знайшло адбітак і ў айканіміі. Назва паселішча з фіналлю *-аўка Красілаўка* паходзіць, магчыма, ад уласнага імя *Краса*, **Красіла*.

Адзінкавымі з’яўляюцца найменні ў гонар дзеячаў культуры, а менавіта адзінкі *Някрасава* ў Круглянскім раёне (да 1964 г. *Царэўск*), *Коласава* ў Талачынскім раёне (да 1964 г. *Халопкавічы*), суадносныя з імёнамі класіка рускай літаратуры М.А. Някрасава і класіка беларускай літаратуры Якуба Коласа. Страчаны айконім *Царэўск*, што вядома з XIX стагоддзя, суадносіцца з геаграфічным тэрмінам *царына*, які абазначае ўзвышаны рэльеф. Але не выключана і адгідранімічнае паходжанне наймення. Назва паселішча *Халопкавічы*, матываваная антрапонімам *Халоп*, у форме *Cholopienicze* вядома з XVIII стагоддзя ў Талачынскім раёне [2, 271].

Не засведчаны сярод мемарыяльных айконімаў Паазер’я найменні ад прозвішчаў рэвалюцыянераў-большавікоў і вышэйшых партыйных дзеячаў, а менавіта ад прозвішча старшыні Усесаюзнай надзвычайнай камісіі Ф.Э. Дзяржынскага, ад прозвішча дзяржаўнага дзеяча М.І. Калініна, ад псеўданіма першага сакратара Ленінградскага абкама РКП(б) С.М. Кірава, ад прозвішча старшыні Усесаюзнага цэнтральнага выканаўчага камітэта Я. Свядлова, ад псеўданіма (сапраўднае імя Гальдштэйн Маісей Маркавіч) камісара па справах друку, прапаганды і агітацыі В. Валадарскага, ад прозвішча старшыні Петраградскага ВЧК М. Урыцкага, ад прозвішча наркама асветы А. Луначарскага і інш. У айканіміконе краіны XX стагоддзя такія адзінкі складаюць 45,5 % ад усіх мемарыяльных адзінак. Трэба адзначыць, што ў межах рэгіёна не прасочваецца агульная тэндэнцыя перайменаванняў краіны, таму што не зафіксаваны адзінкі, якія звязаны з сапраўдным іменем і псеўданімам лідара большавікоў – Уладзіміра Ільіча Леніна. Такія онімы з’яўляюцца найбольш частотнымі (24 % ад усіх зафіксаваных мемарыяльных адзінак Беларусі XX стагоддзя): толькі ў межах Гомельскай вобласці засведчаны ў 23 найменнях, у Магілёўскай – у 21 найменні.

Такім чынам, у межах Паазер’я выяўлены мемарыяльныя адзінкі, утвораныя пераважна ад прозвішчаў герояў Вялікай Айчыннай вайны. Гэтыя новыя айконімы не былі звязаны з асаблівасцямі ландшафту мясцовасці, зрэдку мелі сувязь з гісторыяй паселішча. Яны замянілі старажытныя айконімы, якія сведчылі пра асаблівасці землекарыстання (*Юркава Сцяна*), паходзілі ад імёнаў-мянушак ці прозвішчаў тагачаснага насельніцтва (*Халопкавічы*, *Казадоі*), указвалі на асаблівасці ландшафту мясцовасці (*Буй*).

Літаратура

1. Горбаневский, М. В. О феномене мемориальной топонимии в России XX–XXI веков (в контексте научных идей академика Д.С. Лихачева) / М. В. Горбаневский // Имя – Социум – Культура : материалы II Байкал. Междунар. ономаст. конф., Улан-Удэ, 4–6 сент. 2008 г. / Бурят. гос. ун-т ; редкол.: И. А. Дамбуев [и др.]. – Улан-Удэ, 2008. – С. 4–6.
2. Капылоў, І. Л. Тапанімія беларускіх дзелавак помнікаў XV–XVIII ст. : дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / І.Л. Капылоў. – Мінск, 2001. – 283 л.
3. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2008. – 416 с.
4. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Круглянскага раёна / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996. – 589 с.
5. Этнаграфія Беларусі : Энцыкл. (Беларус. сав. энцыкл.) / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 575 с.

Крыніцы

БелЭн : Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2003. – 18 т.

Бір. 1969: Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 505 с.

СПЗБ: Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / рэдкал.: Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986. – 5 т.

ТСБМ: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

І.Л. Капылоў

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі
e-mail: iharkap@gmail.com

УДК 811.161.3'373.21

МІКРАТАПАНІМІЯ БЕЛАРУСКАГА ПАЗЕР'Я ЯК ВАЖНАЯ КРЫНІЦА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА ЛАНДШАФТУ РЭГІЁНА

Ключевые слова: *Микротопоним, регион, историко-культурное наследие, краеведение, ономастический атлас.*

В статье обосновывается необходимость сохранения микротопонимии Белорусского Поозерья как важной составляющей историко-культурного наследия белорусов.

I.L. Kapylou

The Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus

MICROTOPONYMY OF THE BELARUSIAN PAAZIERJE AS AN IMPORTANT SOURCE OF HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE REGION

Key words: *Microtoponym, region, historical and cultural heritage, regional studies, onomastic atlas.*

The article substantiates the need to preserve the microtoponymy of the Belarusian Paazierje as an important part of historical and cultural heritage of Belarusians.

Вывучэнне агульнай анамастычнай сістэмы той або іншай этнічнай супольнасці немагчыма без глыбокага даследавання рэгіянальных падсістэм з уласцівымі ім спецыфікай і заканамернасцямі ўтварэння, функцыянавання і змянення тапанімічных адзінак. Вялікая перспектыва ў вырашэнні актуальных лінгва-этнаграфічных праблем бачыцца ў зборы і вывучэнні аднаго з найбольш адметных анамастычных класаў – мікратапонімаў. Франтальны збор, сістэматызацыя і навуковае апісанне нацыянальнай мікратапаніміі застаецца найважнейшай задачай сучаснай анамастыкі. Актуальнасць вырашэння гэтай задачы абумоўлена тым, што мікратапонімы адносяцца да самага ўразлівага разраду онімаў: у большасці сваёй яны не фіксаваліся ў пісьмовых крыніцах, а зафіксаваныя з цягам часу страчваліся або пераходзілі ў разрад іншых онімаў, у першую чаргу айконімаў. Мікратапонімы, як правіла, вядомы абмежаванаму колу людзей, яны маюць невялікі арэал распаўсюджвання. Сітуацыя абвастраецца тым, што на сучасным этапе адбываецца масавае знікненне населеных пунктаў. Змена пакаленняў і адпаведна адыход прадстаўнікоў старэйшага пакалення, якія добра ведалі назвы малых тапааб'ектаў, ужо прывялі да

дэградацыі мікратапанімічнай сістэмы, а ў бліжэйшай перспектыве прывядуць да поўнага знікнення гэтай важнай катэгорыі онімнай лексікі.

Нягледзячы на павышаную цікавасць да анамастычнай лексікі ў апошнія дзесяцігоддзі і вялікую колькасць дысертацыйных работ, прысвечаных розным аспектам функцыянавання онімных адзінак, да цяперашняга часу мікратапанімія застаецца адным з найменш даследаваных раздзелаў анамастыкі. На сённяшні дзень абследавана толькі 13 са 118 раёнаў Беларусі. Па мікратапанімічнай праблематыцы абаронена толькі 6 дысертацый (Я. М. Адамовіч (1965), А. М. Прышчэпчык (1970), В. М. Емельяновіч (1982), Г. А. Іванова (1986), А. І. Копач (2004), В. А. Шклярык (2017) і некалькі работ, у якіх мікратапанімічны матэрыял прыцягваецца ў якасці дадатковай крыніцы даследавання (дысертацыйныя даследаванні Н. А. Багамольнікавай (1997), Т. М. Аліферчык (2011)). У асноўным праведзена навуковае даследаванне мікратапаніміі тэрыторыі Палесся і невялікай часткі цэнтральнай Беларусі.

Не атрымаў шырокага развіцця і такі напрамак як мікратапанімічная лексікаграфія. Беларуская мікратапанімія сістэмна апісана толькі ў 5-ці слоўніках: “Анамастычны слоўнік Гродзеншчыны”, ч. 1, пад рэдакцыяй П. У. Сцяцко (2005); А. А. Іванова “Микротопонимия Мозырского Полесья” (2007); “Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы” (1974); В. І. Рагаўцоў, С. Я. Кечык “Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны” (2000), “Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны” (2004). Падборкі мікратапонімаў змешчаны ў працы Вярэніча В. Л. “Палескі архіў” (2009), “Матэрыялах для/да слоўніка гідронімаў Гомельшчыны” (1987–1997), серыі публікацый С. Н. Прача у газеце «Светлагорскія навіны» (1991–1994), “Тураўскім слоўніку”, том 5 (1987), кнізе А. П. Цыхуна “Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну)”. У навуковы зварот уведзены корпус уласных назваў дробных геаграфічных аб’ектаў аб’ёмам больш за 30 000 адзінак (для параўнання колькасць даследаваных мікратапонімаў у Я. М. Адамовіча складае 4800, у Г. М. Прышчэпчык – больш за 4000, у В. М. Емельяновіч – каля 7000, у Г. А. Івановай – 4405, у В. А. Шклярыка – 3000). Аднак гэта толькі невялікі працэнт таго мікратапанімічнага фонду, які патрабуе неадкладнай лексікаграфічнай сістэматызацыі і апісання.

Патрабуюць удакладнення і асобныя палажэнні анамастычнай тэорыі. У прыватнасці, да цяперашняга часу канчаткова не вызначаны статус мікратапоніма як анамастычнай катэгорыі. Неаднастайна трактуюцца мікратапонімы ў навуковай літаратуры. Нават сярод славянскіх анатолагаў няма адзінства ў вызначэнні паняцця *мікратапонім*: у многіх работах усходнеславянскіх вучоных мікратапонімы разглядаюцца як уласныя найменні заселеных і незаселеных мікратэрыторый, у заходнеславянскіх даследаваннях прыярытэт аддаецца поглядам, паводле якіх да мікратапонімаў адносяць толькі назвы мікрааб’ектаў незаселеных мясцовасцей. Спрэчным застаецца пытанне, ці правамерна адносіць да мікратапонімаў назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў. Выклікаюць дыскусію пытанні адносна таго, якія крытэрыі браць за аснову пры аднясенні назвы таго або іншага геаграфічнага аб’екта да мікратапонімаў: яго памеры ці толькі ступень вядомасці.

З усіх рэгіёнаў Беларусі мікратапанімія Віцебскай вобласці вывучана ў найменшай ступені. У вобласці налічваецца 6 480 сельскіх населеных пунктаў, з іх 366 – без насельніцтва. Сярод сельскіх населеных пунктаў пераважаюць невялікія паселішчы – з колькасцю жыхароў да 10 чалавек. Такіх населеных пунктаў яшчэ 12 гадоў назад было 4718, або 73 % ад агульнай колькасці [3]. Дадзеная сітуацыя сведчыць пра дынамічныя незваротныя працэсы страты мікратапонімаў рэгіёна. Ні ў адным з 21 раёнаў вобласці не праводзілася планамернае і сістэмнае вывучэнне мікратапонімаў, за выключэннем асобных краянаўчых даследаванняў і конкурсных работ школьнікаў. Адносна невялікай колькасцю прыкладаў у параўнанні з іншымі рэгіёнамі Беларусі прадстаўлены мікратапонімы Віцебшчыны і ў кнізе “Мікратапанімія

Беларусі. Матэрыялы” (1974), якая ўключае матэрыялы, сабраныя ў перыяд з 1948 па 1972 гады ў сувязі з вывучэннем беларускіх народных гаворак – пры збіранні матэрыялу для “Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы”, “Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа” і “Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак”.

Неабходнасць збору, сістэматызацыі, класіфікацыі і навуковай інтэрпрэтацыі анамастычных фактаў з тэрыторыі Віцебскай вобласці з прыцягненнем даных этнаграфіі, археалогіі, антрапалогіі і іншых навук прадыхтавана ўнікальнасцю тэрыторыі Беларускага Паазер’я. Самабытнасць Падзвіння як гісторыка-этнаграфічнага рэгіёна Беларусі абумоўлена комплексам важных фактараў: 1) рэгіён адпавядае асноўнаму масіву старажытнай Полацкай зямлі, якая ў складзе Кіеўскай Русі была найбольш самастойнай з уласцівымі ёй векавымі традыцыямі грамадска-палітычнага ладу і арыгінальнай культурай [2, с. 460]; 2) менавіта за падзвінскімі і падняпроўскімі ваяводствамі і павятамі ВКЛ з канца 1620 замацавалася назва Белая Русь, якая з цягам часу перайшла на ўсю сучасную тэрыторыю дзяржавы [2, с. 460]; 3) Падзвінне характарызуецца поліканфесійнасцю: жыхары заходніх раёнаў Віцебшчыны доўгі час заставаліся язычнікамі, большасць насельніцтва прытрымлівалася праваслаўя, а з другой паловы 16 ст. пашырылася каталіцтва, павялічыліся землеўладанні езуітаў. На землі Віцебшчыны ў другой палове 17 ст. перасяліліся стараверы, не прыняўшы царкоўную рэформу патрыярха Нікана і цара Аляксея Міхайлавіча; 4) гаворкі Віцебшчыны характарызуюцца сваёй неаднароднасцю паводле лексічнага складу, фанетычных і граматычных асаблівасцей: на тэрыторыі вобласці вылучаюцца два асноўныя ўнутрыдыялектныя тыпы – віцебска-магілёўскі і полацка-мінскі; 5) Падзвінне вылучаецца адметнай традыцыйна-бытавой культурай, якая складалася на працягу стагоддзяў і ўвабрала ў сябе не толькі агульнабеларускія рысы, але і спецыфіку мясцовых гістарычных і прыродных умоў [2, с. 460]; 6) унікальнасць рэгіёна заключаецца ў тым, што Віцебшчына мяжуе з трыма дзяржавамі – Літвой, Латвіяй і Расіяй, а пагранічча заўсёды ўяўляе сабой складаны сацыякультурны феномен, для якога характэрна ўзаемадзеянне і ўзаемаўплыў розных груп людзей, іх культур, светапоглядаў і моў.

Такім чынам, даследаванне мікратапіміі Падзвіння ў кантэксце ўсяго комплексу складнікаў гісторыка-культурнай спадчыны дазволіць захаваць вялікі пласт духоўнай і матэрыяльнай культуры Беларускага Паазер’я як аднаго са старажытных і ўнікальных этнакультурных рэгіёнаў Слав’і. Вынікі даследавання маюць шырокія перспектывы далейшага выкарыстання:

1. *Нарматыўна-прававы аспект.* На сённяшні дзень у найбольшай ступені распрацавана прававая база захавання аднаго з разрадаў уласных імён – тапонімаў. Прыняты ў 2010 годзе Закон Рэспублікі Беларусь “Аб найменнях геаграфічных аб’ектаў” вызначае прававыя асновы захавання ўласных геаграфічных назваў як неад’емнай часткі гісторыка-культурнай спадчыны [1]. Абапіраючыся на палажэнні Закона, неабходна распрацаваць крытэрыі аднясення тапонімаў Паазер’я да помнікаў гісторыка-культурнай спадчыны і з улікам гэтых крытэрыяў сфарміраваць базу ўласных геаграфічных назваў рэгіёна, якія падлягаюць ахове з боку дзяржавы.

2. *Лексікаграфічны аспект.* Сабраны вялікі мікратапанімічны матэрыял у перспектыве можа быць сістэматызаваны і адлюстраваны ў электронным зводным анамастычным слоўніку Падзвіння. Акрамя таго, актуальным уяўляецца праект, скіраваны на стварэнне электроннай анамастычнай базы Паазер’я, якая будзе ўключаць розныя класы ўласных імён з прывязкай іх да мясцовасці, а таксама змяшчаць максімальна поўныя звесткі (лінгвістычныя, гістарычныя, геаграфічныя, этнаграфічныя, культуралагічныя, сацыялагічныя, літаратуразнаўчыя і інш.) пра пэўныя анамастычныя адзінкі і спецыфіку абазначаемых імі аб’ектаў.

3. *Лінгвагеаграфічны аспект.* Перспектыўным напрамкам беларускай анамастыкі з’яўляецца падрыхтоўка і стварэнне “Анамастычнага атласа Беларусі”, матэрыялы якога

знойдуць шырокае выкарыстанне пры ўкладанні “Агульнаславянскага анамастычнага атласа”. Першымі крокамі па рэалізацыі дадзенага напрамку могуць быць рэгіянальныя атласы, напрыклад, “Анамастычны атлас Палесся”, “Анамастычны атлас Падзвіння” і інш., якія дазваляць атрымаць поўнае прасторавае (картаграфічнае) уяўленне пра арэал пэўных структурных тыпаў і асноў онімаў. Стварэнне такога тыпу атласаў адкрые новыя магчымасці ў даследаваннях па дыялекталогіі, гістарычнай лексікалогіі, этнаграфіі.

3. *Краязнаўча-адукацыйны аспект.* Уключэнне анамастычнага матэрыялу ў праграмы факультатываў па беларускай мове школ Віцебшчыны дапаможа праз паглыбленне ведаў аб уласных імёнах пашырыць веды пра родны край, павысіць круггляд вучняў і сфарміраваць іх краязнаўчую кампетэнцыю, абудзіць цікаваць да гісторыка-культурнай спадчыны малой радзімы, паспрыяе фарміраванню нацыянальнай свядомасці і патрыятычнаму выхаванню.

Такім чынам, на сённяшні дзень сітуацыя вымагае прыняцця адпаведнай дзяржаўнай праграмы па зборы мікратапаніміі Паазер’я, у выкананні якой павінны быць задзейнічаны акадэмічныя вучоныя-анаматалагі, выкладчыкі і студэнты Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава і Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, мясцовыя краязнаўцы і работнікі сельсаветаў. Адказнасць за забеспячэнне рэалізацыі праграмы павінна быць ускладзена на мясцовыя органы кіравання.

Літаратура

1. Закон Рэспублікі Беларусь “Аб найменнях геаграфічных аб’ектаў”, 16 лістапада 2010 г. № 190-З. Мінск, 2010. – 15 с.
2. Цітоў, В. С. Паазер’е / В. С. Цітоў // Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. – Том 11. – Мінск : “Беларуская энцыклапедыя, 2000. – 559 с.
3. https://ru.wikipedia.org/Витебская_область.

В.С. Картавенко

Смоленский государственный университет
e-mail: vera-kartavenko@yandex.ru

УДК 81'373.21

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Ключевые слова: *название, памятники письменности, Смоленский край, лексика, топоним, топонимия, микротопоним.*

В статье впервые осуществляется исследование названий населенных пунктов Смоленского края XVI–XVIII веков, которые отразили ценностные ориентации в своем содержании. Таковыми являются топонимы и микротопонимы, связанные с процессами земледелия.

V.S. Kartavenko

Smolensk State University

VALUE ORIENTATION IN REGIONAL TOPONYMIC MATERIAL

Key words: *name, written records, Smolensk region, vocabulary, toponym, toponymy, microtoponym.*

The article is devoted to the research of the names of settlements of the Smolensk region XVI–XVIII centuries, which reflect the value orientation in its content. These are the toponyms and microtoponyms associated with the processes of agriculture.

Как общерусская ономастическая лексика, так и региональная хранит в себе много фактов и сведений, имевших и имеющих принципиально важное значение для культуры, экономики, социальной жизни, быта.

В настоящей статье мы остановимся на названиях небольших населенных пунктов Смоленского края в прошлом, а также на микротопонимах, которые отразили некоторые ценностные ориентации в своем содержании. Прежде всего, как нам представляется, подобные ценностные характеристики и ориентации можно выявить в названиях, связанных с земледелием и землепользованием.

В современной науке под ценностными ориентациями понимают чаще всего некие закрепленные элементы структуры личности, которые сформированы жизненным опытом индивида в процессе социальной адаптации. Мы будем понимать под ценностными ориентациями определенные установки, возникшие в понимании человека и закрепившиеся в качестве значимых смыслов в именах собственных географических объектов – в топонимах и микротопонимах.

Лексика Западной части Руси в целом и лексика Смоленского региона XVI–XVIII веков в частности была связана с севернорусской лексикой в силу географических и исторических причин. Соотносительность слов, выявленных нами в исследованных памятниках смоленской деловой письменности указанного периода, с севернорусскими словами может быть объяснена схожими природными, географическими, хозяйственными условиями. Так, например, и на северо-западных территориях Русского государства, и на западных его землях издавна применялся такой способ обработки земли, который еще с древности называли подсечным или подсечно-огневым земледелием. Подсечно-огневое земледелие часто связывают только с севернорусскими территориями. Ф.П. Филин писал, что, так как на севере подсечно-огневое земледелие существовало намного дольше, чем на юге, то территории юга и севера стали отличаться в плане земледельческой терминологии. «В северных памятниках широко представлены такие слова, как *ляда*, *лядина* (в разных значениях); *теребити* «рубить и жечь лес под пашню»; *тереб*, *притереб*, *дор*, *роздерть* и др. «вновь приготовленная из-под леса пашня» и в иных значениях, так или иначе связанных с подсекой, которые на юге или вовсе не употребляются или же сохраняются в рудиментах» [10, 547].

Смоленские памятники письменности изобилуют словами, свидетельствующими о языковых связях смоленского диалекта с севернорусскими говорами, ср.: *запашь* «расчищенная и вспаханная земля, новая распашь», *ляда* (*лядо*) «участок, уже расчищенный и обработанный под пашню», *новина* «земля для посева, которая распахивается впервые», *новоросчисть* «земля, недавно расчищенная из-под леса для сенокоса», *выгорь* «выжженное место в лесу для сенокоса или пашни», *пожня*, *поженка* «покос, луг», *росчисть* «место в лесу, расчищенное под пашню или луг», *займище* «участок земли (вдали от деревни, вне общественных земель), занятый кем-либо для хозяйственного использования», *дор* «участок, расчищенный от леса под сенокос или пашню» и др.

Эти и другие слова, относящиеся к земледельческой лексике, часто использовались в речи и могли участвовать в образовании многочисленных топонимов и микропонимов, например: деревня *Долголядка* (15172, 58 об.), *Долголядь* (15171, 293 об.), пустошь *Долголядь* (15172, 293 об.), деревня *Лядищи*, деревня *Ляды* (1355/1, 1470, 90), деревня *Жарки* (113/1, 205, 7 об.), сельцо *Большое Жар*, сельцо *Малое Жар* (1355/1, 1440, 45 об.), пустошь *Дор* (10828, 941 об.), урочище *Дор* (113/1, 205, 5 об.), запашь *Дранково* (15171, 451 об.), пустошь *Задорица* (15171, 465 об.), пустошь *Запоши* (1355/1, 54/1487, 48 об.), деревня *Выгори* (1355/1, 1470, 89 об.), пустошь *Выгорки* (1355/1, 1440,

21 об. 1781 г.), пустошь *Выгорь* (15171, 327), деревня *Выгорь* (15171, 407), деревня *Пожинка* (1355/1, 1440, 22).

В топонимии Смоленщины до сих пор сохранились названия сел и деревень, отразившие древние земледельческие термины д. *Жарынь*, д. *Жарь Н.*, д. *Жарь Б.*, *М.* (183), д. *Дор* (2 деревни), д. *Доренино*, д. *Дорино*, д. *Дорки* (173), д. *Задорье*, пос. *Задорьево* (189), д. *Займище* (2 деревни), пос. *Займище* (189), д. *Лядище* (6 деревень), д. *Лядно*, д. *Лядное* (2 деревни), д. *Лядо* (4 деревни), д. *Лядцо*, пос. *Лядцы*, д. *Ляды* (9 деревень) (251), пос. *Красное Лядо* (227), д. *Лядцы*, д. *Ляды* (405), д. *Новина Н.*, д. *Новинчи Б.*, *М.*, д. *Новинка* (2 деревни), д. *Новинское*, пос. *Новины*, д. *Новины* (277), *Выгорский*, д. *Выгорь* (3 деревни), д. *Выгарь*, д. *Выгори* (400), д. *Поженки Б.*, *М.* (303), д. *Доманово-Расчистка* (401), д. *Расчисть* (408) [1, 150, 183, 173, 189, 251, 227, 277, 303, 400, 401, 403, 405].

В названиях населенных пунктов часто отражались отличительные особенности местности, рельеф, занятия жителей и т.д. В древности пашни распахивали на участках, освобожденных от леса, кустарников, зарослей, такие расчищенные от растительности места стали называть словом *ляда* (*лядо*). Подобный способ возделывания земли и наименование полученного участка были широко распространены в XVI–XVIII веках как на северо-западе Русского государства, так и на территории Смоленского края. Приведем в доказательство контексты из смоленских памятников письменности исследуемого периода: Он же Иван росстрига секъ лядо своимъ насилством на моеи же крепостной земли (СМИМ 7843, XVII в.); Да тое же пустоши розчищены ляда а на них пашни паханой полторы десятины (РГАДА, ф. 10824, 650); Смоленской шляхтичъ... высекъ два ляда и заседал всяким хлебом (РГАДА, ф. 461/2, 2, 5); По обе стороны прудка новые роспаши и рассеки и стоячия ляды и лесы (СМИМ, 7843, XVII в.); Пустошь Вязовка на суходоле а на неи ляда и рассеки и земля пахотная и непахотная (РГАДА, 15171, 414 об.).

Как видим, слово *лядо* (*ляда*) на территории Смоленского края обозначало и «участок земли, предназначенный для расчистки и – затем – для посева», и «участок, уже расчищенный и обработанный под пашню». В Словаре русского языка XI–XVII веков слово *ляда* (*лядо*) представлено со значениями «поле или запущенная пашня, поросшие молодым лесом», «место, расчищенное под луг или пашню» [7, вып. 8, 349]. Известно слово почти повсеместно и в современных русских говорах, причем употребляется оно как с древними значениями, так и с новыми, приобретенными в более поздние эпохи [6, вып. 17, 259; 8, вып. 6, 69]. «Географический термин *ляда* – *лядина* ... оказывается, пожалуй, самым изученным местным географическим термином восточнославянской языковой территории» [9, 134].

Своеобразными для топонимии Смоленского края были и остаются названия, запечатлевшие в себе особенности землепользования и землевладения в те времена, когда смоленские земли были под властью Литвы и – позже – Польши. Дериват слова *стена* (в значении «межа, граница» [4, 286]) – *застенок* – был известен как «участок (земельный, лесной), расположенный за стенами “границами” отмежеванных владений» [4, 95]. Слова *застенный*, *застеночный*, *застенок* были привычны для жителей Смоленского края, они часто встречались в деловой письменности. «Немереные земли, расположенные за “стенами” отмежеванных владений, именовались застенными, застеночными или застенками» [2, 22]. Слово *застенок* встречаем в смоленской деловой письменности XVII века: Да того ж села отказалъ застенокъ в помесной земли смоленскаго шляхтича Осипа Телевича (РГАДА, ф. 1209/2, 15171, 648 об.); Отказал я Петръ ему те три волоки з застенкомъ, чемъ владеетъ изстари отецъ ево Федоръ Пулинской (РГАДА, ф. 1209/2, 15176, 94 об. 1693-1698 гг.); И да Дубровиньки речки застенком по стену великою волок меских посполитых чрез дорогу Витепскую (РГАДА, ф. 417/1, 2, 507. 1729 г.).

В следующем контексте слово *застенок* (*застенки*) употреблено, по-видимому, уже в качестве микропонима: Да он же Иванъ Сухобоков знатно по ревности и злобе

своеи насилством своим старинной отцовской мои расчистой сенакосной лугъ что в Белскомъ краинемъ поле называемом в Застенках за Рагозеною... угородил к своему расчистному тамо ж в смежности сенакосному лугу и желаетъ завладеть насилствомъ своимъ (РГАДА, ф. 712/1, 207, 9. 1761 г.).

В смоленских памятниках письменности находим также следующие микротопонимы: урочище *Застенокъ* (РГАДА, ф. 1209/2, 15171, 204 об. 1670-1697 гг.); пустошь *Застенок* (РГАДА, ф. 1209/2, 15175, 44 об. 1685-1690 гг.).

Интересно, что памятники письменности других русских территорий слово *застенок* не содержат. Нет его и в современных диалектных словарях. Однако оно засвидетельствовано в смоленском диалекте в значении «небольшой участок земли», правда, с пометой «устаревшее» [8, вып. 4, 116] и в белорусском языке в XIX веке [5, 187].

Слово *застенок* нашло широкое отражение в топонимии региона. Так, например, белорусский исследователь В.П. Лемтюгова выявила 26 ойконимов, образованных от данного слова, при этом она отмечает, что представлены такие ойконимы только в четырех губерниях – Витебской, Гродненской, Могилевской и Смоленской, из них 24 сосредоточены в Могилевской и Витебской губерниях: «В большинстве своем – это однословные образования в форме единственного и множественного числа (*Застенок*, *Застенки*). Составные ойконимы типа *Ситовский Застенок*, *Михачевский Застенок* очень редки. Эти названия носят деревни и лишь как исключение фольварки и выселки» [3, 130]. В Смоленской области также есть деревня с названием *Застенки* [1, 194].

Итак, как показывает наше исследование, топонимы и микротопонимы определенным образом кодируют информацию об окружающем человека мире. Имена собственные географических объектов представляют фрагменты знания о материальной и духовной культуре, следовательно, для того чтобы расшифровать это знание, необходимо определить и исследовать исходный апеллятив, положенный в основу имени собственного. Анализ названий населенных пунктов Смоленского края XVI–XVIII веков показал, что топонимы и микротопонимы, связанные с процессами земледелия и землепользования, содержат ценностные ориентации и характеристики в своем содержании.

Литература

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области : справочник. – М. : Московский рабочий, 1981. – 416 с.
2. Борисова, Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности / Е. Н. Борисова. – Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1974. – 162 с.
3. Лемтюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: Названия типов поселений / В. П. Лемтюгова. – Минск : Наука и техника, 1983. – 198 с.
4. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е. Н. Борисова. – Смоленск, 2000. – 368 с.
5. Словарь белорусского наречия, составленный И. Носовичем. – СПб., 1870. – 756 с.
6. Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–2006. – Вып. 1–40.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2006. – Вып. 1–27.
8. Словарь смоленских говоров. – Смоленск, 1974–2005. – Вып. 1–11.
9. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1969. – 262 с.
10. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк / Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – 655 с.

Источники

В статье использованы архивные материалы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва), Государственного архива Смоленской области (ГАСО, Смоленск), Смоленского исторического музея (СМИМ, Смоленск).

УДК 811.161.2'373.21(477.51+477.83)

ОЙКОНІМИ ЯК НОСІЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОЇ ІНФОРМАЦІЇ

Ключевые слова: *ономастика, ойконим, антропоним, лингвокультурология, лингвокультурема, код культуры.*

В статье охарактеризованы пути лингвокультурологического исследования названий заселенных человеком объектов. Рассмотрены украинские ойконимы с элементами Баб-, Дид- как лингвокультуремы, что эксплицируют информацию антропонимного, природно-ландшафтного, поселенческого, топонимического (гидронимического, микропонимического), возможно, теонимического кодов культуры.

V.V. Kotovych

Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University

OIKONIMES AS CARRIER LINGUVOCULTURAL INFORMATION

Key words: *onomastics, oykonim, anthroponym, linguoculture, linguistic culture, code of culture.*

In the article describes the ways of linguocultural research of names of objects inhabited by man. Ukrainian oykonimes with elements of the Bab-, Did- as linguocultures are considered, which explode the information of anthroponymous, natural and landscape, settlement, toponymous (hydronymic, microtonnominous), possibly theinonymous codes of culture.

Сьогодні в центрі лінгвістичної наукової парадигми стоїть мовна особистість. Осердям ономастичних студій уважаємо людину, яка, думаючи й дихаючи рідною мовою, – номінує. Мова при цьому набуває статусу вербалізатора культурної інформації. Взаємодія мови й культури породжує до життя новий мовно-культурний знак, одиницю лінгвокультурного коду, – лінгвокультурему. Така онімна лінгвокультурема розглядається як вмістилище національної культури, народної психології, етнічного світобачення та духу людини-номінатора [2, 176].

Лінгвокультурологічне опрацювання власних назв в Україні набирає обертів. Показовими для таких студій є роботи білоруських та російських учених, які вже впродовж багатьох літ досліджують онімний матеріал в лінгвокультурологічному та в етнолінгвістичному аспектах.

Лінгвокультура ойконімів – це мовно- (лексико-семантичне, структурно-словотвірне, етимологічне), історично- (синхронно-діахронне), географічно- (стратиграфічно-просторове), культурне (матеріально-духовне) дослідження назви кожного населеного пункту або ж ойконімії як системи. В таких студіях історія має відповісти на питання – *коли?*, географія – *де?*, лінгвістика – *як?*, а код культури стає тією сіткою, яку культура «накидає на навколишній світ і в такий спосіб членує, категоризує, структурує, оцінює його» [3, 232].

Історизм ойконімів виражений не в поодиноких назвах, а становить «основу всіх назв», тобто географічні назви історичні «не у вузькому розумінні, повідомляючи про якусь подію або наймення, а завжди» [6, 81]. «Географічність» ойконімів – у конкретній вказівці на місцезнаходження об'єкта, у його «прив'язці до місцевості».

Географія ніколи не зможе обійтися без орієнтування в просторі, як й історія – без орієнтування в часі [12, 11].

Спираючись на історично-географічний фундамент, лінгвокультурологія розглядає оніми (ойконіми) як лінгвокультуреми, об'єднані в окремий ономастичний код культури. Лінгвістичні дослідження в таких студіях базуються на усталеній у слов'янському мовознавстві методиці опрацювання ономастичного матеріалу за лексико-семантичним, структурно-словотвірним та етимологічним принципами. Культурологічні – передбачають виявлення екстралінгвального енциклопедичного матеріалу, який уможливорює об'єднати ойконіми в групи, що експлікують інформацію антропонімного, родинно-родового, етнічного, професійного, ландшафтного (природно-ландшафтного та артефактного), поселенського, апелятивного, топонімного (гідронімного, мікротопонімного, оронімного), характеристичного, пам'яткового, духовного та ін. кодів культури.

Дослідження генези назв заселених людиною об'єктів у річці лінгвокультурології, уважаємо, не зійде на «етимологічні манівці» (С. Вербич), якщо історичні, географічні, культурологічні студії будуть надійно підкріплені студіями лінгвістичними. *Київ*, чи *Чигирин*, *Іванівка*, чи *Божиків*, *Болотяне*, чи *Воля* з погляду культурології є однаково «культуроносними», бо ж поселення «не знало», чи стане столицею, чи залишиться хутірцем з п'ятьма-десятьма хатами. З погляду лінгвістики кожен ойконім є етимологічно прозорим або затемненим. Тому тільки ретельне лінгвістичне (ономастичне) дослідження не дасть змоги культурологічному аналізу тяжіти до народноетимологічного.

Розглянемо назви теперішніх поселень України з основами *Баб-*, *Дід-* як феноменальні лінгвокультуреми з глибоким змістом лінгвальної та екстралінгвальної інформації. Лексема *баба* в українській мові вживається з такими значеннями: 'мати батька або матері'; 'стара віком жінка'; 'розм. взагалі жінка'; 'перен., зневажл. про слабкого, боязкого, нерішучого чоловіка або хлопця'; 'розм. те саме, що дружина'; 'заст. жінка, що приймає дітей під час пологів'; 'заст. ворожка, шептуха' [11 I, 75]. Антропонім *Баба* здавна був поширений не тільки в українській, але й узагалі в слов'янській антропонімії як жіноче, або як чоловіче ім'я, пор. *Ivan alias Bab* (1490 р.), або ім'я-комполіт *Babierad*, *Babirad* [14, 238] та ін. Н. Подольська стверджує, що серед давньої антропонімної лексики практично всі імена з основою *Баб-* – чоловічі (*Баба*, *Бабинъ*, *Бабка*, *Бабкинъ*, *Бабиновъ*, *Бабич*, *Бабичевъ*, *Бабица*, *Бабицинъ*, *Бабей*, *Баб'євський*, *Бабеновъ*, *Бабунець*, *Бабушка*, *Бабушкинъ*, *Бабуха*, *Бабухинъ*, *Бабула*, *Бабулинъ*, *Бабанъ*, *Бабаха*) [9, 113].

В українській ойконімії антропонім *Баба* спричинився до творення посесивів на -ин: *Бабин* (Вн., ІФ, Рв., Чрн.(2), *Бабина* (Лв.); *Бабина Долина* (Вн.), *Бабине* (Хм., Хрс., Чрн.), *Бабин-Зарічний* (ІФ), *Бабино* (Лв.); на -ськ-е: *Бабське* (ІФ). Про експлікацію антропонімного коду культури говоримо також за розгляду ойконімів, мотивованих суфіксальними утвореннями від антропоніма *Баба*. Це різні за часом заснування поселення, а отже, базовими для них ставали як давні особові назви, так і пізніші – прізвища або й прізвища: *Бабайківка* (Днп.), *Бабайкове* (Днп., См.) (від *Бабайко*), *Бабаківка* (См.), *Бабакове* (Днп., См.) (від *Бабак*), *Бабанівка* (Зп.), *Бабанське* (Пл.) (від *Бабан*), *Бабенківка* Перша, *Бабенківка* Друга (Хрс.), *Бабенкове* (АРК – колишня назва *Есен-Елі*, Хрк. – колишня назва *Злодіївка*) (від *Бабенко*), *Бабичеве* (Лг.), *Бабичівка* (Жт., Крв., Пл.) (від *Бабич*), *Бабухів* (ІФ) (від *Бубух*), *Бабче* (ІФ) (від *Бабко*), *Бабишин* (Хм.) (від *Бабиша*).

Родинно-родовий код, або ж інформація про спільне іменування роду чи родини, що змотивувала назву замешканого цією групою осіб поселення, уміщена в таких ойконімах: *Бабаї* (Хрк.) (родина *Бабая*), *Бабаки* (Хрк.) (родина *Бабака*), *Бабарики* (Чрн.) (родина *Бабарика*), *Бабаці* (Вл.) (родина *Бабаця*), *Бабенки* (Хрк.) (родина *Бабен-*

ка), *Бабиничі* (Жт.) (родина *Бабинича* або рід / піддані *Бабина*), *Бабинці* (Вн., Кв., Тр.) (родина *Бабинця*), *Бабичі* (Зк., Лв., Пл., (2), Чрк.) (родина *Бабича* або рід / піддані *Баби*), *Бабії* (родина *Бабія*), *Баболоки* (Рв.) (родина *Баболока*), *Бабушки* (Жт.) (родина *Бабушка* – суфікс **-уш-к-о** в чоловічих особових назвах Л. Гумецька зафіксувала ще в українській актовій мові XIV – XV ст. [1, 14]); *Бабчинці* (Вн.) (родина *Бабчинця*).

Ойконім *Бабинці* міг утворитися від катойконіма *Бабинці* ‘вихідці, переселенці з населеного пункту *Бабин* чи *Бабине*’, а *Бабчинці* – від катойконіма *Бабчинці* ‘вихідці, переселенці з населеного пункту *Бабче*’. За такого розгляду говоримо про поселенський код та міграційні процеси в межах регіону чи й між регіонами.

Гідронімний код культури назвотворення, або відбиття в ойконімі назви водного об’єкта, що протікав чи протікає територією, з великою вірогідністю засвідчено в назвах таких поселень: *Бабанка* (Чрк.), що розташоване на обох берегах р. *Бабанки*, паралельна назва якої Ревуха, *Бабурка* (Зп.), де через село протікає річка Середня Хортиця з іншою назвою – *Бабурка*, *Баб’янка* (ІФ), поселення засноване на пот. Чорний, а неподалік протікає р. *Баб’янка*, *Велика Бабка* (Хрк.), розташоване на правому березі однойменної ріки.

Назву поселення *Баба* (См.) кваліфікуємо як таке, що могло утворитися від географічного терміна *баба* ‘трясовина, грузьке місце на болоті’ [13, 185]. Фіксація місцевих географічних термінів на Чернігівсько-Сумському Поліссі *Бабин живот* ‘непрохідне болото, трясовина’, *Бабині живота* ‘грузькі ями в болоті, трясовина’, *Бабине пузо* ‘грузьке болото’, *Бабине черево* ‘грузька яма в болоті’, *Бабине чудо* ‘грузьке болото, трясовина’, *Баб’ї животи* ‘трясовина на болоті’ [15, 24] підтверджують, що ойконім є лінгвокультурною природно-ландшафтною коду. Численні ж ороніми з початковим *Баб-* походять, очевидно, від географічного терміна з іншим значенням ‘невелика гора, підвищення’ [4, 25].

Назви поселень *Бабаки* (Хрк.), *Бабаківка* (См.), *Бабакове* (Днп., См.) нерідко пов’язують з апелятивом *бабак*, який має декілька значень: українське ‘великий гризун, що живе в степу в норах’ [11, I 75]; болгарське ‘птах чапля’, ‘рослина ведмеже вухо’; чеське ‘чоловік повивальниці’, ‘поїдаюче дітей страхіття’ [9, 113–114] тощо. Зважаючи на продуктивність суфікса **-ак** в антропонімії, а також на значну поширеність прізвища *Бабак* (сьогодні в Україні 8993 особи з таким прізвищем [10]), не бачимо підстав пов’язувати названі ойконіми з апелятивом. З лексемою *бабак* (*бабах*) у значенні ‘великий гризун’ стикаємося хіба що за аналізу ойконіма *Бабах-Тарама* (Днц.). Є. Отін небезпідставно вважає цей ойконім урумською географічною назвою, в якій стержневе слово *тарама* ‘балка’, а означальне *бабах* ‘бабак’, буквально значення ‘*бабача* балка’ [8, 25].

Ойконімів з *Дід-* в основі серед теперішніх назв поселень України набагато менше: 15 проти 56-ти з *Баб-*. На апелятивному рівні лексема *дід* в українській мові вживається зі значеннями: ‘батьків або материн батько’; ‘чоловік похилого віку’; ‘заст. сторож (у садку, на баштані і т. ін.)’; ‘*тільки* *мн.* люди минулих поколінь; предки’; ‘*перен.* розм. те саме, що *тінь*’ [11 II, 299]. Серед антропонімів у давніх іменословах фіксуються і відапелятивні чи відкомполітні особові назви *Дьдъ* [5, 81], й імена-композити *Дьдумиль* [5, 81], *Бездьдъ* [5, 9] та ін., причому всі як чоловічі особові назви.

Антропонімом *Дід* змотивовано назви поселень *Дідівка* (Рв., Хрк.), *Дідова Гора* (Хм.), *Дідове* (Днп.), а суфіксальними дериватами *Діденко*, *Дідило* – ойконіми, відповідно, *Діденкове* (Днп.), *Дідилів* (Лв.).

Групові назви людей на позначення роду, підданих чи родини *Дідича*, *Дідівця*, *Дідківця*, *Дідковича*, *Дідовича* стала базовою для ойконімів *Дідичі* (Вл.), *Дідівці* (Чрн.), *Дідківці* (Жт., Хм.), *Дідковичі* (Жт.), *Дідовичі* (Вл., Жт.).

Апелятив *дідівщина* ‘спадщина від діда’ [11 II, 299] зумовив дві назви поселень *Дідівщина* (Кв., См.). Гадаємо, що первісно це були мікротопоніми – назви земель, от-

риманих у спадок (до речі, село *Дідівщина* (См.) дотепер не компактне, а складається з декількох частин, рознесених на відстані до 1 км.).

Існує припущення, що коріння назв поселень з початковими *Баб-* та *Дід-* сягають дохристиянської доби. Одним із божеств, якому поклонялися русичі, була *Баба*, богиня життя, родючості, здоров'я, а творцем землі, води, світла, захисником людей від зла – *Дід* [див. ще 7, 163–164]. За такого аналізу можемо розглядати назви поселень *Бабин, Бабина, Бабине, Бабино, Баба, Бабка; Дідова Гора, Дідове* та ін. як такі, декодування яких свідчить про ще один код культури назвотворення – теонімний.

Отже, ойконіми як згорнуті лінгвокультурні коди та як активні одиниці таких кодів – лінгвокультуреми – містять у собі історично-географічну та мовно-культурну інформацію про час, місце, способи іменування заселених людиною об'єктів. Різними були мотиви іменування ойконімів зі слов'янськими основами *Баб-, Дід-*, що стали об'єктом нашої розвідки. Попри формальне апелювання до лексем *баба, дід* у значенні 'мати (батько) матері або батька', уважаємо, що в жодному з них апелюватимуть із таким значенням не засвідчено. Назви поселень, як правило, змотивовано антропонімами, родовими / родинними назвами, катойконімами, топонімами (гідронімами, мікротопонімами), географічними термінами.

Література

1. Гумецька, Л. Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст. / Л. Л. Гумецька. – К. : В-во АН Української РСР, 1958. – 298 с.
2. Котович, В. Ойконіми Тернопільщини на -івка: лінгвокультурологічний аспект / Віра Котович // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. Мовознавство. – Тернопіль, 2017. – Вип. I (27). – С. 175–184.
3. Красних, В. В. Этнопсихолінгвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
4. Лісняк, Н. Мікротопоніми Тернопільщини, співвідносні з оронімами Івано-Франківщини / Наталія Лісняк // Вісник Прикарпатського національного університету. Філологія. – Івано-Франківськ, 2010. – Вип. XXV–XXVI. – С. 24 – 27.
5. Морошкин, М. Я. Славянский именослов или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке / М. Я. Морошкин. – Спб., 1867. – 213 с.
6. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 179 с.
7. Ономастика України першого тисячоліття нашої ери / відп. ред. І. М. Железняк. – К. : Наукова думка. – 275 с. – С. 163–164.
8. Отин, Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
9. Подольская, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1983. – 160 с.
10. Генеалогічне Товариство Рідні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ridni.org/karta/%D0%B1%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%BA?type=1>.
11. Словник української мови : в 11-ти т. / за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1971–1981. – Т. I–XI.
12. Стрижак, О. С. Назви розповідають / О. С. Стрижак. – К. : Знання, 1967. – 40 с.
13. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1969. – 262 с.
14. Худаш, М. Л. Українські карпатські і прикарпатські назви населених пунктів (Утворення від слов'янських автохтонних відкомполітичних скорочених особових власних назв) / М. Л. Худаш. – К. : Наукова думка, 1995. – 362 с.
15. Черепанова, Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья / Е. А. Черепанова. – Сумы, 1984. – 275 с.

УДК 811.161

**НОМИНАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ БЕЛАРУСИ:
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ
ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ
(на региональном материале Витебщины)**

Ключевые слова: *топонимы, урбанонимы, нормы номинации, транслитерация географических названий, справочник «Названия населенных пунктов Республики Беларусь».*

Отсутствие должного правового внимания к вопросам номинации, политико-исторические особенности возникновения названий обусловили ряд нерешенных проблем в области белорусской топонимики. В последнее десятилетие была предпринята попытка снять имеющиеся противоречия и урегулировать ряд проблемных моментов. Однако процесс нормализации в данной сфере нельзя считать законченным. Это касается и действующих в Беларуси правил номинации географических объектов, а также их транслитерации на латиницу, что и стало главным предметом краткого критического анализа, представленного в настоящей статье. Актуальность предлагаемой тематики связана с неоднозначным восприятием предлагаемых норм, а в некоторых случаях и полным пренебрежением ими как со стороны общественности, так и административного госаппарата.

А.А. Lavitski, T.N. Petrashko
Vitebsk State P.M. Masherov University

**NOMINATIONS OF GEOGRAPHICAL OBJECTS OF BELARUS:
ISSUES OF ONOMASTIC ECOLOGY OR EXPERIMENTS WITH
THE LANGUAGE PERSONALITY
(material of Vitebsk region)**

Key words: *toponyms, urbanonyms, nomination norms, transliteration of geographical names, “Names of Settlements in the Republic of Belarus” Directory.*

Lack of proper legal attention to the issues of nomination, to political and historical peculiarities of the emergence of names has caused a number of unsolved problems in the field of Belarusian toponymics. In recent years an attempt has been made to remove the contradictions and settle a number of problem issues. However, the settlement process can't be considered finished. This refers both to the geographic names nomination rules acting in Belarus and to their transliteration into the Latin alphabet, which is the object of a brief critical analysis presented in the article. The offered topic is urgent due to an ambiguous perception of the suggested norms and, in some cases, due to their complete disregard by both the public and the administrative officials.

Сегодня можно смело утверждать, что для ономастики Беларуси последнее десятилетие было отмечено процессами нормализации сферы номинации в области топонимики, в том числе и на региональном уровне, позволяющем говорить о «формировании региональной идентичности» [1, 9]. Активная деятельность топонимических комиссий при Совете Министров и Национальной академии наук, завершение работы над изданием «На-

звания населенных пунктов Республики Беларусь» позволили применить унифицированные требования к номинации географических названий в нашей стране на государственных языках, а также их транслитерации. Однако проблем в данном направлении, как нам кажется, ничуть не уменьшилось. Наверное, нельзя сказать, что и общество однозначно приняло новые нормы. Достаточно вспомнить, какой резонанс в 2014 году вызвали представленные на латинице названия станций минского метрополитена.

Обращаясь к географическим названиям, следует согласиться с мнением профессора А.М. Мезенко, которая корни современных номинативных проблем Беларуси усматривает в том, что в течение столетий официальная фиксация топонимов осуществлялась то средствами польского, то средствами русского языка, что приводило к закреплению в качестве официальной нормы искаженной формы номинации [2, 200]. И, несомненно, предпринятая попытка разрешить данные противоречия достойна похвалы. Правильным, с нашей точки зрения, является и тот факт, что в основу номинативной политики был положен национальный принцип, закрепивший приоритет и первичность белорусского языка. Таким образом, в области ономастической экологии был сделан если не прорыв, то значительный шаг вперед. В то же время такая увлеченность строгим соблюдением норм и правил привела к пренебрежению ими в ряде случаев. В данной статье мы обратимся к двум таким прецедентным примерам – номинациям географических объектов Витебщины: города *Мёры* и городского поселка *Лёзна* (оба – административные центры районного значения).

До принятия норм, согласно которым передача названий географических объектов на русский язык происходит путем транслитерации с белорусского языка, и выхода в свет уже упомянутого справочника «Названия населенных пунктов Республики Беларусь» указанные топонимы имели русскоязычные эквиваленты *Миоры* и *Лиозно*. Хотя в данном случае применять форму прошедшего времени глагола «иметь» будет не совсем верным. Если обратиться к официальным источникам (сайты областного и районных исполнительных комитетов), материалам местных публицистических изданий, то можно убедиться, что новая норма не используется вообще. Это мы можем наблюдать и в сфере бытовой коммуникации. Думается, что причина такого отношения общества имеет глубинные смыслы: речь идет не просто о нормах правописания, а о необходимости внести изменения в когнитивный код языковой личности. И касается это не обоим представителя социума, а всех его членов. Возможно ли это, учитывая немотивированный характер предлагаемых изменений, а также иррациональную сущность языка? Как показывает практика, пока это не удастся. Хотя данный факт отнюдь не свидетельствует о том, что сегодня необходимо отказаться от принятых норм. Скорее, следует говорить о введении ряда исключений в отношении номинаций, укоренившихся в ономастическом пространстве региона и ставших частью его культурного кода. Ведь до сих пор двойное название этих городов никоим образом не мешало процессу коммуникативного обмена, не приводило к путанице или проблемам межкультурного взаимодействия. Наоборот, в таком положении дел усматривается национально-культурная специфика топонимики Беларуси. Никто, например, не обсуждает всерьез необходимость изменения русскоязычного написания и произношения названия столицы Китая, несмотря на то, что они отличны от собственно оригинального фонетического варианта («Пиньинь») или принятого в большинстве стран мира («Бэйцзин»). Сложно представить, что в русский или английский языки проникнет норма, требующая номинации Германии в соответствии с правилами немецкого языка – «Дойчланд». Еще более нелепым для страны с официальным белорусско-русским двуязычием, стало бы закрепление подобных норм для номинации внутригородских объектов (урбанонимов): «Площа Перамоги», «перавулок 26-га Чэрвеня» или «вулиця Чырвонаармейская». Такой подход приведет к неминуемым коммуникативным проблемам и различным

курьезам. А вот результаты такого рода эксперимента, как нам кажется, спрогнозировать несложно: новые номинации не приживутся в сознании языковой личности.

В условиях белорусского билингвизма использование действующих инструкций влечет возникновение прецедентных урбанонимов. Так, транслитерированное на русский язык название улицы *Святочная* носитель языка, скорее всего, по созвучию будет ассоциировать со словами «святость», «святынь», а не с «праздником». Витебская улица *Дывановая (Ковровая)* создает семантические параллели с мебелью, а не с изделием из пряжи. Вряд ли здесь можно говорить о понимании национальной или культурной составляющей онима.

Обозначим и еще одну проблему, связанную с транслитерацией географических названий буквами латиницы. Действующая «Инструкция по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита (сфера действия общеобязательная)» содержит приложение с Таблицей транслитерации букв белорусского алфавита буквами латиницы, позволяющей без особых усилий передать соответствующие белорусские номинации на иностранный язык. Однако внимательное изучение предложенных буквенных соответствий вызывает некоторые вопросы. Во-первых, возможно ли было не вводить диакритику для букв «щ», «ш», «ў» и «ж», что не распространено в языках, использующих латиницу? Например, при транслитерации личных имен, которая также осуществляется с белорусского языка, диакритические знаки не используются (сравним: *Шуміліна* – *Šumilina* и *Шаверынава* – *Shaverynava*; *Чавусы* – *Čavusy* и *Чуркін* – *Churkin*; *Нясвіж* – *Niasviž* и *Жана* – *Zhana* и др.). Думается, что вариативность правил транслитерации для разных видов антропонимов выглядит, по меньшей мере, алогичной.

Во-вторых, обоснован ли отказ от использования буквы «g»? Авторы Инструкции связывают этот факт со стремлением сохранить таким образом общность с действующим в Российской Федерации ГОСТом, так как белорусской топонимике не характерно взрывное «g», передаваемое с русского языка отмеченной буквой «g». Однако данный прием позволил лишь частично унифицировать действующие нормы с российским ГОСТом. Но мотив этой частичной унификации нам, к сожалению, остался непонятен. На практике использование так называемой «белорусской латиницы» также не получило широкого распространения (*Vitebsk State Masherov University* вместо *Viciebsk State Masherov University*). Да и прочтение географических названий, транслитерированных при помощи данных правил, вызывает немало проблем и нареканий.

Таким образом, нормализация и унификация процесса номинации географических названий в Республике Беларусь и их передача на иностранный язык получила в последние годы достаточно серьезное нормативно-правовое обоснование. Это свидетельствует не только о важности прикладных проблем развития национального ономастического пространства, но и приоритетности в его исследованиях. Однако прогрессивное движение в данной области не было поступательным и не позволило разрешить все проблемы. В некоторых случаях предложенные нормы и правила были проигнорированы социумом, в том числе и по ряду объективных причин, что, на наш взгляд, требует детальной доработки уже имеющихся правовых актов, а также учета этого факта в дальнейшем и обязательного введения института общественного обсуждения нововведений в номинативной сфере.

Литература

1. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов : коллективная монография / под ред. В. А. Масловой, М. Вас. Пименовой. – Минск : УП «Энциклопедис», 2017. – 268 с.
2. Мезенко, А. М. Государственное белорусско-русское двуязычие и проблемы нормализации белорусской ономастики / А. М. Мезенко // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – Том. 14. – № 3. – с. 199–204.

ТАПАНІМІКОН БРЭСТЧЫНЫ Ў НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ

Ключавыя словы: *айконімы, анамастыка, мікратапонімы, тапонімы Брэстчыны.*

Артыкул прысвечаны аналізу стану даследавання тапанімічнай прасторы Брэсцкай вобласці. Большая частка анамастычнай лексікі складаецца са слоў з нацыянальна-культурнай семантыкай. Менавіта таму гэтыя адзінкі ўяўляюць цікавасць не толькі як сродак зносінаў, але яшчэ і як крыніца шматлікіх і разнастайных ведаў пра нацыянальную гісторыю і культуру. Надзённым з'яўляецца пытанне вывучэння (збірання і аналізу) анамастычнага матэрыялу Брэстчыны.

L.V. Levantsevich, N.R. Yakubuk
Brest State University named after A.S. Pushkin
e-mail: smalucha@yandex.by

BREST REGION TOPONYMICAL IN THE SCIENTIFIC RESEARCH

Key words: *oikonyms, onomastic, microtoponyms, toponyms of Brest region.*

The article analyzes how the toponymic space of Brest region is studied. The majority of onomastic vocabulary consists of words of national cultural meaning. That is why these units are very interesting not only as the means of communication but also as the source of different and numerous knowledge about national culture and history. The problem of studying (collecting and analyzing) the onomastic material of Brest region is an urgent question.

Анамастыка належыць да той часткі мовы беларускага народа, якая адрознівае яго ад астатніх славянскіх народаў, выяўляючы самабытнасць, непасрэднасць мовы беларусаў. Тым больш, што народ ніколі не называў аб'екты, што знаходзяцца навокал, выпадкова. Тапонімы ўзнікаюць у пэўных гістарычных умовах і адлюстроўваюць розныя бакі жыцця і дзейнасці чалавека. "...анімічныя адзінкі – у гісторыі, а гісторыя – у анімічных адзінках", – сцвярджае даследчыца Г.М. Мезенка. Уласныя назвы захоўваюць каштоўныя звесткі пра гісторыю роднага краю, яго сіваю старажытнасць і нядаўняе мінулае. Гэта неад'емная частка нашай мовы ў цэлым. Таму збор анамастычнага матэрыялу, яго вывучэнне і лексікаграфічнае апісанне па-ранейшаму застаецца адной з актуальных і навукова важных задач.

Вывучэнне асаблівасцей мовы гаворак Брэстчыны пачалося яшчэ ў XIX ст. і працягваецца па сённяшні дзень. Даследаванне вядзецца па розных напрамках: ад слоўнікавых падбораў да тэарэтычнага асэнсавання моўных з'яў. У асноўным гэта асобныя артыкулы па пэўных галінах мовазнаўства. Большасць артыкулаў змяшчае матэрыял па анамастыцы, лексіцы, фанетыцы. У нешматлікіх артыкулах закранаюцца пытанні дыялектнай марфалогіі, этналінгвістыкі. Апублікаваны лінгвагеаграфічныя рэгіянальныя атласы гаворак Бярозаўскага, Івацэвіцкага і Пружанскага раёнаў. У апошнім дзесяцігоддзі XX ст. – на пачатку XXI ст. пачалі з'яўляцца артыкулы па дыялектнай фразеалогіі. Збіранне, навуковае апісанне і публікацыя тапанімічнага матэрыялу было і застаецца вельмі важным пры даследаванні анамастыкі. Агляд прац па народнай анамастыцы Брэстчыны праведзены на

пачатку XX ст. у артыкуле “Крыніцазнаўства даследаванняў анамастыкі мовы Брэсцка-Пінскага Палесся” (Л.В. Леванцэвіч).

У XIX ст. зборам тапанімічнага матэрыялу на Беларусі, у тым ліку на Палессі, займаўся этнограф, географ, археолаг, фалькларыст, тапаніміст З. Даленга-Хадакоўскі (1784–1825). Ён лічыў, што неабходна дакладна пісьмова перадаваць назвы так, як іх вымаўляюць карэнныя жыхары. Прапанаваў заняцца зборам геаграфічных назваў (урочышчаў, малых і вялікіх рэк, гарадоў і паселішчаў). Ён склаў карту назваў вядомых яму гарадзішчаў і старажытных урочышчаў. Асаблівую ўвагу звяртаў на назвы населеных пунктаў, якія паходзяць ад найменняў язычніцкіх бостваў (Д.-Ходаковский. Материалы к «Сравнительному словарю географических названий славянских городищ», 1820–1823).

У пасляваенны перыяд у сваіх працах В.А. Жучкевіч [1, 2], разглядаючы пытанні тапаніміі Беларусі, прыводзіць і матэрыялы з Брэстчыны.

Слоўнік “Мікратапанімія Беларусі” [3] уключае назвы ўрочышчаў Гродзеншчыны, Брэстчыны і Міншчыны. Загалоўнае слова суправаджаецца граматычнымі паметамі, указваецца від (лес, балота, поле) і значэнне мікратапоніма.

Значнае месца ў тапаніміі Брэстчыны займала праца Я.Н. Рапановіча “Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці” [4]. Слоўнік ахоплівае назвы ўсіх населеных пунктаў Брэстчыны. Разглядаюцца таксама ўласныя назвы зніклых вёсак: далучаных да гарадоў і пасёлкаў, перайменаваных, сселеных, знішчаных у гады вайны.

У 2010 г. выйшла новая праца такога тыпу – “Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Брэсцкая вобласць”. Сярод аўтараў і выкладчыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта (В.М. Емельяновіч, З.М. Заіка, Н.Р. Якубук). У выданні айконімы падаюцца на беларускай мове кірыліцай і лацінкай, а таксама на рускай мове. Беларускамоўная частка даведніка ўключае нарматыўныя найменні з націскамі, граматычнымі паметамі і парадыммамі скланення, варыянты рээстраваў найменняў, а таксама зазначаны страчаныя айконімы.

Вывучэнню анамастыкі Брэстчыны прысвечаны тры кандыдацкія дысертацыі. В.М. Емельяновіч у сваёй працы даследавала мікратапонімы (Микротопонимия северо-западной части Брестской области). Дысертацыя Н.Р. Якубук прысвечана тэарэтычнаму вывучэнню айконімаў і гідронімаў Брэстчыны (Айканімія і гідранімія Пабужжа. Праблемы ўзаемадзеяння). Айканімія і мікратапанімія беларускай часткі Заходняга Палесся паслужыла аб’ектам даследавання Т.М. Аліферчык (Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце). Тапанімічная прастора Брэсцкай вобласці і надалей застаўся навуковым зацікаўленнем гэтых мовазнаўцаў.

На сённяшні дзень найбольш даследаванай з’яўляецца айканімія Брэстчыны. Айканімікон Баранавіцкага, Жабінкаўскага (разам з В.М. Андрасюк), Камянецкага, Кобрынскага, Лунінецкага, Маларыцкага, Пінскага, Столінскага (разам з С.С. Клундук) раёнаў вывучаўся і вывучаецца Н.Р. Якубук, а Пружанскага і Брэсцкага даследавала В.М. Емельяновіч. У публікацыях даецца лексіка-семантычная характарыстыка айконімаўтваральных асноў, тых лексічных рэсурсаў, якія паслужылі матывавальнай базай для фарміравання ўласных назваў паселішчаў названых раёнаў.

Афіцыйныя назвы населеных пунктаў Кобрынскага раёна і іх мясцовыя тапанімічныя варыянты разглядаюцца ў артыкулах С.А. Сянкевіч і В.І. Сянкевіч. Лінгвакразнаўчы змест язычніцкай (культавай) айканіміі Палесся выяўлены Л.В. Леванцэвіч. М.М. Аляхновічам і Л.В. Леванцэвіч распрацаваны тапанімічныя карты Брэстчыны: закартаграфаваны тапонімы з кампанентамі, што характарызуюць прыродна-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці і велічыню пасяленняў, якія звязаны з язычніцкімі боствамі і якія паходзяць ад этнонімаў. Міцкевіч В.У. даследаваў айканімію Пінскага павету XVI стагоддзя. Падрыхтаваны слоўнікі па айканіміі Століншчыны (аўтар З.М. Заіка) і Бярозаўшчыны (аўтар Г.М. Пыж’янава).

Першая манаграфія па тапаніміцы Брэстчыны падрыхтавана Т.М. Аліферчык (“Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект”, 2013). У працы выяўлена культурна маркіраваная інфармацыя ў заходнепалескай тапаніміі; праведзена вывучэнне тапаніміі ў межах карэляцыі мова : духоўная культура народа, зроблена спроба высветліць матывацыю тапонімаў і вызначыць прасторавыя параметры: лакалізацыю і канфігурацыю аб’ектаў у прасторы.

Гідранімія Пабужжа вывучаецца Н.Р. Якубук у структурна-словаўтваральных і лексіка-семантычных адносінах. Структурна-семантычную характарыстыку гідронімаў Бярозаўскага раёна падае Л.В. Леванцэвіч. Аналізуецца этымалогія азёраў і рэк рэгіёна.

Вывучэнню мікратапаніміі паўночна-заходняй часткі Брэстчыны і Пабужжа прысвечаны артыкулы В.М. Емельяновіч і Н.Р. Якубук. Артыкулы па мікратапаніміі апублікаваны Л.В. Леванцэвіч, Н.І. Васільюк, М.Р. Гарбачыкам, Н.І. Кацюрубай, З.М. Заікай, М.А. Дарошка, Н. Міснік. Назвы ўрочышчаў асобных вёсак Брэстчыны даследавалі С.С. Клундук, Т.А. Кісель, В.Б. Пераход.

Адзінкавыя артыкулы прысвечаны структурным і семантычным асаблівасцям урбананіміі Брэста (Л.А. Гадуйка, Н.П. Галімава, Н.Р. Якубук), Баранавіч (Н.Р. Якубук), Пінска (Л.А. Гадуйка, М. Фамелец). Як частку анамастычнай прасторы горада і як рэпрэзентанты кодаў культуры эргаўрбонімы г. Брэста вывучаюць Л.А. Гадуйка і В.А. Караба.

Тапанімія Брэстчыны даследуецца ў межах выканання заданняў Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гады. Фінансуемыя НДП выконваюцца выкладчыкамі УА “БрДУ імя А.С. Пушкіна”: “Ономастикон Брэстчыны: прагматонімія і эргонімія” (нав. кір. – В.Б. Пераход), “Лінгвістычнае краязнаўства Брэстчыны: узаемадзеянне мовы і культуры” (нав. кір. – Л.В. Леванцэвіч). Падчас працы над гадавым этапам “Анамастычная лексіка: нацыянальна-культурны кампанент” (2017 г.) праводзіўся збор і аналіз мікратапонімаў, якія захоўваюць нацыянальна-культурную семантыку.

На сучасным этапе працягваюцца і дапаўняюцца набыткі папярэдніх часоў беларускай анамастычнай школы. Беларуская тапаніміка ў прыватнасці, як і анамастыка ў цэлым, выходзіць на лінгвакультуралагічны ўзровень вывучэння анамастычнага матэрыялу. На сённяшні дзень зусім не даследаванымі застаюцца такія раздзелы анамастыкі Брэстчыны, як касмонімы і астронімы (назвы зон касмічнай прасторы, галактык, сузор’яў), хранонімы (назвы адрэзкаў часу), тэонімы (імёны багоў і міфалагічных істот), агіёнімы (імёны святых), заонімы (клічкі жывёл) някронімы (назвы могілак); мала вывучаны агаронімы (назвы плошчаў, рынкаў), харонімы (назвы раёнаў горада), айкадамонімы (назвы будынкаў), эклезіёнімы (месца правядзення рэлігійнага абраду), эргонімы (назвы дзелавых аб’яднанняў людзей, прадпрыемстваў).

Літаратура

1. Жучкевич, В.А. Происхождение географических названий Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1961. – 79 с.
2. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 447 с.
3. Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы; уклад. Г. У. Арашонкава [і інш.]; рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 328 с.
4. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 176 с.

УДК 811.161.1'373.21(043)

ЭККЛЕЗИОНИМИКА – ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: *экклезионим, экклезионимика, лингвострановедение, атрибутивный тип, фоновые знания.*

В статье впервые осуществляется исследование названий религиозных объектов Республики Беларусь с точки зрения лингвострановедения. Изучается не весь экклезионимикон выбранного региона, а лишь значимые имена, номинирующие особо посещаемые паломниками и туристами из различных уголков страны и ближнего и дальнего зарубежья культовые сооружения. Источником информации являются сайты, предлагающие соответствующие маршруты. Анализируется наиболее часто встречаемый вариант названия.

О.А. Lukina

Mogilev institute of the Ministry of internal affairs of the Republic of Belarus

ECCLESIONYMICS AND LINGUISTIC CULTURAL STUDIES: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF INTERACTION

Key words: *ecclesionym, ecclesionymics, linguistic cultural studies, attributive type, background knowledge.*

The article is devoted to the research of the names of religious objects of the Republic of Belarus from the point of view of linguistic cultural studies. We studied not all ecclesionyms of the selected region, but only meaningful names, nominating especially visited by pilgrims and tourists from different parts of the country and the near and far abroad places of worship. Source of information are the websites offering the appropriate routes. The most common version of the name is examined.

Лингвострановедение предполагает изучение уклада жизни населения какой-либо страны через изучение её языка. Теоретический фундамент лингвострановедения заложили Е.М. Верещагин [2] и В.Г. Костомаров [2; 3]. Слово – знак, обозначение реалии действительности, и поэтому в его семантике можно найти, выделить некоторое экстралингвистическое содержание (фоновые знания), которое прямо и непосредственно отражает обслуживающую языком культуру.

Лингвострановедческий подход к анализу имён собственных предполагает выявление фоновых знаний, связанных с онимами, что приводит к изучению не всего ономастического, а лишь тех имён, которые обладают особой значимостью для национальной культуры. Такие значимые для лингвострановедения онимы называются именами-реалиями и противопоставляются остальному ономастическому континууму. Так, лингвострановедчески ориентированным является экклезионим *костёл Святой Анны* в деревне Мосар Глубокского района Витебской области, который в сознании верующих ассоциируется не только с наименованием католического храма, но и деятельностью знаменитого ксендза. Таким образом, имя обладает фоновым (или, по другой терминологии, фоново-коннотативным) значением, которое определяется как «совокупность социально-значимых ассоциаций,

обусловленных национальной культурой и представляющих собой сумму прошлых речевых и контекстных определений в пределах языкового коллектива» [1; 4].

В данной работе нами будут представлены экклезионимы – наименования культовых сооружений Республики Беларусь, являющихся одновременно и туристическими достопримечательностями, привлекающими внимание как паломников из нашей страны, так и из ближнего и дальнего зарубежья. Изучив религиозные сайты и сайты туристических агентств (palomnik.by, ekskursii.by и т.п.), в рамках данной работы мы выделили топ 5 объектов религиозного туризма. В статье мы будем указывать их наименования, как они даются на сайтах и в туристических сборниках.

1. *Жировичский Свято-Успенский (мужской) монастырь.*

Его называют местом, где бьётся сердце православной Беларуси. Это духовный центр, оплот православия на белорусских землях, куда уже 500 лет едут верующие со всех уголков нашей республики и ближнего и дальнего зарубежья. Причина тому – чудотворная Жировичская икона Божией Матери. В своё время паломничество к этой иконе совершали короли Речи Посполитой, сегодня же эта икона почитается не только православными, но и католиками.

Наименование культового объекта представляет собой атрибутивную модель, характерную для разговорной речи. Монастырь назван в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы, в своём составе содержит компонент *свято*. Экклезионим включает в себя указание на местонахождение объекта (деревня Жировичи). Прилагательное *мужской* может опускаться в связи с широкой известностью данного объекта.

2. *Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь.*

Это единственный из сохранившихся древних монастырей Полоцка. Основала его Евфросиния Полоцкая – небесная заступница Беларуси. Она является единственной белорусской святой, одинаково почитаемой как православными, так и католиками. Неподдалёку от монастыря расположена древнейшая церковь страны – Спасо-Преображенская, в стенах которой сохранены мощи Евфросинии Полоцкой и воссозданный образ Креста.

Данное название также построено по атрибутивному типу, как и другие экклезионимы – наименования монастырей.

3. *Будславский костёл Девы Марии.*

Бернардинский костёл в Будславе Витебской области хранит чудотворную Будславскую икону Пресвятой Девы Марии, являющуюся заступницей Беларуси. Благодаря этой иконе храм получил от Папы Римского Иоанна Павла II в 1994 г. титул «базилики малой».

Наименование построено по атрибутивно-генитивному типу, совмещающему в себе элементы разговорного стиля (прилагательное с указанием на расположение объекта) и книжного (родительный падеж остальной проприальной части).

4. *Минский Свято-Елисаветинский монастырь.*

Монастырь открыт в 1999 году. Сегодня насчитывает порядка десяти храмов в Минске и Минской области. Поэтому в этот монастырь организуются паломнические туры и экскурсии не только с религиозными, но и с познавательными целями. Многих туристов интересует информация о том, чем живёт монастырь, какие у него планы и цели, откуда берутся средства на строительство всё новых и новых храмов.

5. *Мосарский костёл Святой Анны.*

В этом костёле хранится часть мощей Святого Юстина-философа.

Итак, название культового сооружения представляет собой знак, кодирующий знания о религиозной культуре народа. Лингвострановедческий анализ экклезионимикона Республики Беларусь даёт право исследователю изучать не все именованья, а лишь значимые для нашего народа, выделяющие его среди других на мировой арене. Так как лингво-

страноведческий анализ используется впервые для экклезионимного материала, существует ряд спорных вопросов. Например, критерии отбора единиц для исследования.

Описанные нами в работе экклезионимы представляют собой поликомпонентные образования, содержащие в своём составе апеллятив (*монастырь*, *костёл* и т.д.) и проприальную часть, отличающую один объект от другого. Все названия содержат прилагательное, указывающее на место расположения религиозного сооружения, т.к. они именуют не просто храм, а туристический объект, что требует других законов номинации.

На наш взгляд, перспективность лингвострановедческого анализа экклезионимов состоит в привлечении внимания исследователей и обычных людей к наименованиям религиозных объектов Республики Беларусь, а через них – к культуре нашей страны.

Литература

1. Аникина, М. Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов (личное имя, отчество, фамилия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Аникина ; Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – М., 1988. – 14 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. Е. М. Верещагина. – М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – СПб., 1999. – 319 с.

С.А. Мызников

Институт лингвистических исследований Российской академии наук

e-mail: myznikovs@rambler.ru

УДК 800.87

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОЗВИЩНЫХ ЭТНОНИМОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Ключевые слова: *экзоэтноним, этноним, эндоэтноним, этнофолизм, прозвище.*

В данной работе анализируются некоторые прозвищные этнонимы, зафиксированные в русских говорах Северо-Запада.

S.A. Mysnikov

Institute of Linguistic Research Russian Academy of Sciences

ON THE ORIGIN OF SOME LUMINOUS ETHNOMONS IN RUSSIAN SKILLS OF THE NORTHWEST OF RUSSIA

Key words: *exoethnonym, ethnonym, endoethnonym, etnofolizm, nickname.*

In this paper, some of the nicknames of ethnonyms, recorded in the Russian dialects of the North-West, are analyzed.

Материалом исследования послужили этнические прозвища, извлечённые из русских диалектных лексикографических источников, входящих в перечень источников «Словаря русских народных говоров». Если в общенародном языке прозвищные этнонимы отражают распространённые в обществе стереотипы [5, 3] и нередко играют важную роль в процессе межкультурной коммуникации, то в современном диалектном дискурсе такого рода единицы фиксируются весьма редко. Кроме того, большая часть

собранных данных относится непосредственно к зонам языковых контактов русских с карелами, весами, коми.

Прозвищный этноним традиционно рассматривается как разновидность коллективного прозвища, неофициального наименования какой-либо этнической общности. Причем достаточно часто эта единица может содержать указание на некоторые характеризующие данную общность признаки. Когда речь идет о прозвищных этнонимах, несомненна их диалектная характеристика, нередко узко локальное бытование. В большинстве случаев эти единицы имеют явную негативную коннотацию, причем должен иметься нормативный этноним, который противопоставлен прозвищному, бытующий в живом устном общении. Довольно часто эти единицы представляют собой экзоэтнонимы, поскольку в настоящее время для нормативного этнонима у большинства народов Северо-Запада принято самоназвание (эндоэтноним). В прошлом имела также большое значение принадлежность к определенной губернии, например:

Олончане 'жители Олонецкой губернии' – *У нас слова-то разные есть, плохо говорим. И не вепсы, не карелы, да и по-русски говорим неправильно. Вот и говорят у нас: «Мы олончане, пришивные головы».* Подпорож. Ленингр. [СРГК, 4, 354].

По типологии В.А. Флоровской, дифференцирующей прозвища на кубанских материалах, выделяются следующие типические признаки:

1. Внешний вид. 2. По принципу контраста. 3. Черты характера, особенности поведения, привычки. 4. Особенности произношения. 5. Прозвища, образованные от имен и фамилий. 6. Специальность и характер деятельности. 7. Наличие того или иного физического недостатка. 8. Место жительства. 9. Семейные отношения; порядок и место рождения [4, 145].

Для народов, населяющих северо-западную часть России, наряду с нормативными этнонимами карелы, вепсы, саамы, финны имеют также диалектные наименования. Мотивация прозвищных этнонимов большей частью базируется на некоторых характерных звукокомплексах, которые рецептируются носителями языка, не входящими в этническую группу. Эти единицы являются своего рода экзоэтнонимами, которые преимущественно в контексте как вепского, карельского языка и т.д., так и русских говоров следует рассматривать как этнофолизмы.

Ка'йки 'насмешливое прозвище вепсов' Лодейноп. [Куликовский]. Лодейноп., Оят. [КСРНГ]. **Ка'йка** Лодейноп. [СРНГ, 12, 325]. **Ка'йка** 'бранное слово' – *Ой ты, пьяная кайка.* Каргоп. [Слов. Акад., 1906–1907]. 'Неряшливый, нечистоплотный человек' – *Худой у них обиход, поэтому кайкой звали.* Каргоп. [СРГК, 2, 315]. **Кайки** 'гибель, конец' – *Ну, брат, отцу кайки!* Петрозав. [Куликовский]. Сев.-Двин., Новг. [СРНГ, 12, 324]. Слово возводилось к фин. *kaiki* 'все', причем при возможности народной этимологии ввиду созвучия весь 'целый' и весь 'вепсы' [Фасмер, 2, 161]. На наш взгляд, вряд ли это соответствует действительности, поскольку смежное русское население в современный период времени так вепсов не называет. Скорее всего, такое прозвище вепсов возникло вследствие большой частотности в речи вепсов и карел слов вепс. *kaik* 'весь, все', *kaika* 'постоянно, всегда, все время' [СВЯ, 168, 169], кар. *kaikki* 'весь, все' [KKS, 2, 9], при фин. *kaikki*, люд. *kaik*, водск. *këikki*, эст. *kõik* 'весь, все'. Из финского языка слово проникло в саамские диалекты, ср. саам. швед. *kaik*, *kaika*, норв. *gâih*, *gâik* 'все, везде'. Причем авторы SKES, хотя и с сомнением, но предполагают балтийский источник прибалтийско-финского слова: литов. *kiek* 'как много, сколько', *kiekas* 'как много', *kieka* 'число, мера', латыш. *sik*, *sek* 'сколько?' [SKES, 141; SSAP, 275].

Еще одна сходная единица: **Са'найлы** 'насмешливое прозвище карел' Повенец. Олон. [Куликовский]. М. Фасмер предполагает, что источник фин. *sanoa* 'говорить' [Фасмер, 3, 555]. Более вероятно в качестве источника рассматривать кар. *sanailija* 'спорщик' [Суоярви], *sanailii* 'то же' [Сямозеро] [KKS, 5, 279], при глагольной основе –

кар. *sanella* 'болтать, говорить, разговаривать', при люд. *sanelda* 'рассказывать, болтать' [SKES, 964, 965].

Кайва'ны 'дореволюционное время – презрительное прозвище карелов и чуди' – *Кайваны в Олонец не бывали*. [Даль, Пословицы]. Олон. [Куликовский]. **Кайва'ны** 'насмешливое прозвище вепсов' Тихв. Новг., 1895. Капш., Оят. Ленингр. [СРНГ, 12, 324]. 'О здоровом, толстом, пухлом ребенке' – *Ах ты, кайван ты мой эдакий!* Вытегор. Олон. [Слов. Акад. 1906-1907]. «О взрослых детях» Вытегор. Олон. [Слов. Акад. 1906-1907]. **Кайва'н** 'карел' Подпорож. [КСРГК]. Кайва'ны 'прозвище жителей д. Нижмозеро' Онеж. [КСРГК]. **Кайва'н** 'пренебрежительно – вепс' Вытегор. Волог. [ПЛГО]. **Кайва'нка** 'женщина вепс' Подпорож. [СРГК, 2, 315]. **Кайва'нить** 'говорить по-карельски' Лодейноп. Олон. [Куликовский]. **Кайва'нский** 'вепсский' – В кайванских деревнях женщины и дети вовсе не знают русского языка. Тихв. Новг., 1895 [СРНГ, 12, 324]. 'Карельский' Подпорож. [СРГК, 2, 315]. 'Населенный карелами' Лодейноп. [СРГК, 2, 315]. **Кайбан** 'вепс' Бабаев. [Куштозеро] [1, 106]. Не ясно, имеет ли отношение к этому наименованию **кве'ни, кве'ны** «населяющее некоторые местности в Кемском уезде пришлое племя, помесь норвежцев и финнов» Кем. [Подвысоцкий, 64]. См. также СРНГ, 13, 166. Авторы SKES полагают, что фин. *Kainuu* 'название, которое одновременно обозначает прибрежные части в северной Приботнии' саам. швед. *kainolats, kainohaljo* 'швед или норвежец'; причем из финского слово распространилось на запад, ср. др.-норв., исланд. *Kvenner, Kvænir*, обозначающих название северного скандинавского народа, вероятно 'финнов', др.-норв. *kvæn* 'финн' [SKES, 143]. М. Фасмер сближает др.-сканд. с англ.-сакс. *Swēnas*, происшедших из фин. *kainulainen* 'житель равнин' путем народноэтимологического сближения с гот. *qēns* 'женщина'.

В ряде случаев фиксации некоторых коллективных прозвищ можно соотнести с определенными этническими группами, хотя собирателями это не отмечалось. Так, например: **Хе'льмины** 'прозвище жителей Шимозера' Лодейноп., которое зафиксировал Г.И. Куликовский [Куликовский], явно соотносятся с вепским этносом исходя из ареала бытования единицы. Слово возможно сопоставить с прибалтийско-финским материалом, ср. фин. *hölmö, hölmä*, кар. *hölmö, h'ölm'ö*, ливв. *hölmöi*, люд. *hölväk* 'дурак, болван, бестолочь' [SKES, 100]. В Шимозере до конца 40-х гг. XX века проживали вепсы. Ср. также кар. твер. *h'ölm'ö* 'то же' [KKS, 1, 405]. Вполне возможно, что данная единица также является своеобразным экзоэтнонимом.

У саамов имелся ранее, вероятно первоначально, экзоэтноним, ныне функционирующий и как эндоэтноним: **лопа'рь**, мн. **лопари'** 'прежнее название народности саамы' [БАС, 6]. **Лопа'рь** 'не уважающий христианскую религию, нехристь' Тихв. Новг., 1852. [СРНГ, 17, 131]. **Лопари'** 'саамы' Кандалакш. [Меркурьев, 1979, 82]. 'О коренных русских жителей Мурманской области' Кандалакш., Ловозер. [Поной] [Меркурьев, 1979, 82]. **Лопа'р** 'саам' Кем. **Лопа'рка** 'саамка' [СРГК, 3, 147]. **Лопари'** проклятые 'бранное выражение' Пинеж. [Хаймусово, Чучепога, Козлово]. Холмог. [Горка, Леуново] [Симиная]. **Ло'пин** 'саам': – *У их отец был лопин*. **Кандалакша**. Ло'пка 'саамка': – В ярах и лопки ходили. Кандалакша [Меркурьев, 1997, 74]. Единица **лопа'рь** отмечается в общенародных словарях с начала XIX века, впервые встречается у С. Герберштейна [1526 г.]. М. Фасмер предполагает происхождение из фин. *lappi* 'Лапландия, сев. провинция с кочевым населением' [Фасмер, 2, 520]. В то же время лексема **лопарь'саам'**, 'неверующий, еретик' трактуется как заимствование из швед. *lappar* [мн.] от *lapp* 'саам' от фин. *lappi* 'Лапландия', *lappalainen* 'лапландец, лопарь' [Фасмер, 2, 518]; ср. также др.-швед. *lapper*, др.-норв. *lappir* 'употребительно в качестве старого названия саамов' [SKES, 277].

В ряде случаев в русских говорах фиксировалось общее наименование для саамов и карел.

Аю'кла «бранное прозвище лапландца или карела; «уродина, пугало, в которого, впрочем, иные верят, как в лешего» Арх. [Даль]. **Аю'кла** «[по всему вероятно, слово лопарское или корельское] – воображаемое суеверами пугало в роде лешего [по поверью между лопарями и корелами]; этим же словом, в виде ругательства, обзывают русские крестьяне лопарей и корелов, которых, особенно последних, подозревают в сношениях с нечистой силой» Кем., Кольск. [Подвысоцкий, 2]. Сопоставляется с фин. *äjiä* 'дед', 'старик', 'хозяин', 'медведь', эст. *äi*, *vana äijo* 'черт', 'бес', саам. **äjjē* 'дед, дедушка, старик', колт. *äjj*, кильд. *ā'jj*, саам. терск. *ajje*, инар. *ajjih* 'дед', 'гром'; конечное -ла или из фин. отыменного суф. -ло, либо появилось на рус. почве, ср. страшила [-ло] [МСФУСЗ, 1, 30]. Однако трудно сказать, на саамской или на карельской почве следует рассматривать данное слово, вряд ли оно связано с саам. лул. *ahkōv* 'внук' [SKES, 13], кар. *kehvel'i* 'чёрт, чертяка [бранное слово]', *kehvel'in kehvel'i* 'дьявол' [ССКГК, 726]. Фонетически весьма близко кар. *Huikkul'a* 'мифологическое место, куда посылали, если не угадал загадку' [ССКГК, 111].

В отношении финнов фиксируется несколько коллективных прозвищ.

Ве'йка 'финн': «Словом этим в окрестных с Остзейскими губерниями местах русские мужики именуют маймистов» [Бурнашев; СРНГ, 4, 98]. 'Извозчик финн, промышлявший в Петербурге во время масленичных гуляний' Петерб. [Даль; Слов. Акад. 1951; СРНГ, 4, 98]. **Ве'йко** «кучер-эстонец, работающий только на масленицу» Петерб. «Вейками в старом Петербурге называли кучеров, происходивших из крестьян подгородних финских деревень, преимущественно расположенных на Карельском перешейке. Они приезжали на заработки только в течение масляной недели на своих легких санках, запряженных небольшими лошадами с особенно мохнатой гривой. **Вейки** катали всех желающих из публики за недорогую плату в любой район города. Катание на вейках продолжалось до так называемого Прощеного воскресения. С ударом колокола к вечеру в этот день все катания прекращались и начинался Великий пост. Поскольку Масленичное катание с 1930-х годов полностью прекратилось, постольку и слово вейка осталось как историзм, характерный для языка Петербурга» [3, 145].

Предлагается финская этимология, ср. фин. *veikko* 'брат' [6, 84; Фасмер, 1, 286]. Мещерский обращает внимание на шутливо-ласкательный характер слова, употребляемого как обращение [3, 145].

Ма'ймист 'прозвище финна' Пинеж. Арх., 1878 [Слов. Акад. 1927; СРНГ, 17, 304]. **Ма'ймист** Петерб. «прозвище чухон [от эй мойста не знаю, не понимаю?]]» Петерб. [Даль].

Имеются многочисленные фиксации в литературных источниках:

Ем я печеный картофель, как маймист [петербургское название чухон], и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед [Пушкин А.С. Полное собрание сочинений с критикой. Переписка 1825].

Не мне судить о них; умничать – не мое – уже дело. Скажу вам только, что здесь полк Рафаэлов. Все немцы оделись Рафаэлами: отпустили себе волосы и надели черные бархатные шапки, черное полукафтанье и сандалии. На Рафаэла не похожи, а с головы на маймистов, что всего хуже; рисовать не умеют, ибо в Германии рисовать порядочно не учат [Батюшков К.Н. Сочинения в двух томах. Том второй. Из записных книжек. Письма].

Знаю, что сначала я ехал на тройке, потом сидел где-то на вышке [кажется, в трактире, в Третьем Парголове], и угощал проезжих маймистов водкой [Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге].

«Ты кто?» – спрашиваешь мужика с дровами. «Мы здешние, мы маймисты», – отвечает он. Маймист – испорченное финское «ай муста»; оно значит «не понимаю» и перешло в название всего племени, населяющего окрестности столицы. Если посмотреть на этнографическую карту, то Петербург не более как Пиетари, главный

город южной Финляндии, русская колония на реке Неве. Живя веками среди **маймистов**, мы, петербуржцы, сами в некотором важном смысле становимся **маймистами**. «Ай муста!» становится нашим девизом в отношении коренной огромной России. Она лезет в Петербург с миллионом своих терзаний и довольно часто получает в ответ «ай муста!» [Меньшиков М.О. Выше свободы].

Но сторож, чухонец, не понимал слов его и только качал головою. Ваня сказал ему то же по-немецки. **Маймист** опять его не понял. Ваня не знал, что делать; он видел, что минуты были дороги, что одна скорая помощь могла спасти оледенелого ребёнка [Одоевский В.Ф. Сборник рассказов. Сказки. Детская Проза].

Слово **ма'ймист** 'финский крестьянин, прозвище финнов' отмечается с 1742 г. – Во оный флот для оного провѣдыванія с рыбою ѣздить и маймистов посылать. Чувашей ни с кѣм лучше сравнить не можно, как с Маймистами. С сего времени начали появляться между гвардейскими офицерами чухонцы и в Сенатѣ засѣдать маймисты. [СРЯ XVIII в., 12, 36-37]. Вряд ли корректна версия В.И. Даля, так же как и предположение М.О. Меньшикова – *Ай муста* 'не понимаю', поскольку буквальный перевод фин. *ei musta* – 'не помнит'. Кроме того, имеется вполне этимологически прозрачное фин. *maamies* 'крестьянин', при кар. *mnoamies* 'крестьянин': – *Myö olemmo toamiehet, emmo ole piitertšat emmogo l'innalazet* [Мы крестьяне, мы не питерские, не городские] [KKS, 3, 333]. Ранее казалась не вполне понятной распространение этого слова, по данным СРНГ, в пинежских говорах, однако фиксация этой единицы в литературных источниках предполагает возможность ее иррадиации вне зависимости от контактных зон.

Ср., например, употребление **маймист** у Д.К. Зеленина: *Косой пробор появился у русской молодежи лишь в середине XIX в. Старшее поколение русской деревни, которое стриглось по-русски в кружало или носило прямой пробор, вело с косым пробором ожесточенную борьбу. Говорили, что тот, кто носит косой пробор, человек неправедный, маймист [т. е. финн], «носить косой пробор – грех», однако мода сделала свое дело. Теперь прическа на косой пробор распространена среди восточных славян [2].*

Литература

1. Винокурова, И. Ю. Вепско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) / И. Ю. Винокурова // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. – Петрозаводск, 2008. – Вып. 1. – С. 104–115.
2. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М., 1991. – 507 с.
3. Мещерский, Н. А. Происхождение некоторых распространенных этнических апеллятивов в русской разговорной речи / Н. А. Мещерский // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник ; отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1989. – Вып. 5. – С. 143–146.
4. Флоровская, В. А. Прозвища в русских говорах Кубани / В. А. Флоровская // Этнография имен : сб. статей ; отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. – М. : Наука, 1971. – С. 141–145.
5. Шен, Д. А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. А. Шен ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2009. – 21 с.
6. Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen / J. Kalima. – Helsingfors, 1915.

Сокращения источников

Бурнашев – Бурнашев, В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / В. Бурнашев. – СПб., 1843–1844. – Т. 1–2.

- Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. – М.; СПб., 1880–1882. – Т. 1–4.
- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
- КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров».
- Куликовский – Куликовский, Г. И. Словарь областного олонекского наречия его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. – СПб., 1898.
- Меркурьев, 1979 – Меркурьев, И. С. Живая речь кольских поморов / И. С. Меркурьев. – Мурманск, 1979. – 184 с.
- МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. – Вып. 1 (А–И) ; под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург, 2004. – 142 с.
- НОС – Новгородский областной словарь ; отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- Подвысоцкий – Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. – СПб., 1885.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.
- СВЯ – Словарь вепсского языка ; сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л., 1972.
- Симина – Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ [ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН].
- СКЯМ – Словарь карельского языка [ливвиковский диалект] ; сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск, 1990. – 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка [тверские говоры] ; сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск, 1994. – 396 с.
- Слов. Акад. 1891–1920 – Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–41 и в выпусках, изд. 1891–1937.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–2015. – Вып. 1–30.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей ; гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Т. 1–6.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965–2016. – Т. 1–49.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Л.; СПб., 1984–2013. – Вып. 1–20.
- ССКГК – Федотова, В. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. – Петрозаводск, 2009. – 350 с.
- Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М., 1964–1973. – 4 т.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. – Helsinki, 1968–2005.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. – Helsinki, 1955–1981.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki, 1992–2000.

УДК 811.161.1'373.2(476.5)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЙКОНИМОВ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ С ПИЩЕВОЙ ЛЕКСИКОЙ В ОСНОВЕ

Ключевые слова: *ойконимы, ойконимика, формант, лингвогеография, мотивирующие основы, продуктивность формантов.*

В статье представлены результаты исследования структурных особенностей ойконимов. Выявлены продуктивные форманты, которые используются в процессе образования названий поселений. Анализ способов образования и мотивирующих основ показан в лингвогеографическом аспекте на территории Белорусского Поозерья. Сделаны выводы о частотности ойконимов в регионе.

А.А. Pechenkova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

STRUCTURAL FEATURES OF OIKONYMS OF THE BELARUSSIAN POOZERIE WITH FOOD VOCABULARY IN THE BASIS

Key words: *oikonyms, oikomika, formant, linguistic geography, motivating bases, frequency of formants.*

The article is presented the results of the research of structural features of oikonyms. The productive formants, which are used in the process of formation of the names of settlements, are identified. The analysis of the methods of the formation and motivating foundations is showed in the linguistic geography aspect on the territory of the Belarussian Poozerie. Conclusions are drawn about the frequency of oikonyms in the region

Структура имен собственных отражает лингвистические особенности языка. Изучением именований поселений, или ойконимов, занимается ойконимика, входящая в состав топонимики – ономастической науки, избравшей объектом изучения географические названия. Интерес для данной отрасли представляют структурные и семантические особенности названий населенных пунктов.

Более подробно с различных точек зрения ойконимы были рассмотрены в пособии В.М. Генкина «Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья» [1], О.С. Евсеевой и многих других ученых, однако ономастические единицы этого типа данной территории нуждаются в дальнейшем исследовании.

Цель исследования – выявление структурных особенностей названий населенных пунктов с пищевой лексикой в основе.

Материалом исследования послужили данные нормативного справочника «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [3], в котором зафиксировано 169 ойконимов с пищевыми основами. В качестве методов исследования были выбраны описательно-аналитический, лингвогеографический, элементы статистического.

В ходе работы были выделены несколько типов географических именований (простые, сложные и составные ойконимы) и сделан вывод о том, что наиболее продуктивным способом словообразования простых онимов является морфологический со славянскими

формантами *-ов/-ев-* и *-овка/-евка*. Это названия типа *Киселёво, Капустино, Вишнёвка*. Преобладание данного способа свидетельствует о распространении на территории Белорусского Поозерья славянских поселений. С лингвогеографической точки зрения ойконимы с продуктивными формантами чаще встречаются в северной (Верхнедвинский и Полоцкий районы) и восточной частях Витебской области. Менее распространены простые ойконимы с суффиксами *-ин/-ен-* (*Гуцино, Капустино, Пшеничено*), *-щин/-овщин-/евщин-* (*Барановщина, Блиновщина, Хмелёвщина*), *-ский-* (*Грушевская, Крапивенский, Пироговский*), найденные во многих районах региона исследования.

Представляет интерес литовская финаль *-ишки/-шки*. Она непродуктивна, но именованья с этим аффиксом распространены в Браславском и Поставском районах, прилегающих к территории Литвы.

В грамматическом отношении простые производные ойконимы обычно имеют форму множественного числа, единственного числа среднего рода или единственного числа женского рода.

В три раза меньше простых ойконимов, образованных лексико-семантическим путём (чаще названия, полученные путем онимизации апеллятивов-существительных или апеллятивов-прилагательных): *Кисели, Бураки, Пирогы, Вишнёвая*. Встречаются в Мёрском и Витебском районах. Данный тип онимов обычно представлен формой множественного числа.

Составные ойконимы по принадлежности к определенной части речи могут быть отнесены к следующим моделям:

а) «имя существительное + числительное (указывает на последовательность возникновения поселения)»: *Рачнёво 1, Рачнёво 2, Черница 1, Черница 2, Черница 3* и др. Данная модель встречается на юго-западе области;

б) «зависимое качественное (или относительное) прилагательное + имя существительное»: *Новая Яблынка, Хмелёвские Лежни*. Распространена в восточной части. Особенностей по родо-числовому показателю нет;

в) «притяжательное прилагательное + имя существительное»: *Раков Застёнок* (Сенненский район).

Редко встречаются именованья типа *Двор Солоневичи* (северная часть Полоцкого района). Один из его компонентов является термином-определителем *Двор*, образованным путем онимизации апеллятива.

Составные ойконимы чаще употребляются в формах единственного числа женского рода или множественного числа.

Данные нашего исследования свидетельствуют, что составные ойконимы встречаются как в северо-восточных районах, так и в юго-западных.

Немногочисленную группу составили сложные ойконимы с пищевой лексикой в основе: *Бобоедово, Мясоедово, Пивовары* (найжены в центральной и восточной частях области), что говорит о непродуктивности структурной схемы.

Территорией распространения названий поселений, в основе которых лежит пищевая лексика, являются северные, северо-восточные и северо-западные районы Витебской области. Меньше их в южных и юго-западных. По показателю частотности разница в количественном отношении небольшая. Эти данные подтверждают невозможность выделения единственной области распространения исследуемых ойконимов.

Наиболее распространенные структурные схемы по грамматическому показателю выделить сложно.

Таким образом, полученный материал свидетельствует о продуктивности общеславянских формантов, встречающихся на всей территории Витебской области. Это такие аффиксы, как *-ов/-ев-* и *-овка/-евка* (*Киселёво, Гуцино, Малиновка*). По родо-числовому показателю распространены формы множественного числа.

Структурный анализ ойконимикона Белорусского Поозерья с пищевой лексикой в основе позволил выявить наиболее распространенные типы образования и рассмот-

реть их в лингвогеографическом аспекте, что указывает на связь продуктивных и непродуктивных формантов с территорией распространения названий.

Литература

1. Генкин, В. М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья : учеб.-метод. пособие / В. М. Генкин. – Витебск : УО «ВГУ имени П.М. Машерова, 2009. – 115 с.
2. Евсеева, О. С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.01 / О. С. Евсеева. – Смоленск, 2015. – 181 л.
3. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць : нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова; пад рэд. В. П. Лемцюговай. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 668 с.

Р.В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: rvrazumov@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМ УРБАНОНИМОВ (на примере Ивановской области)

Ключевые слова: *социоономастика, городское онимическое пространство, урбаноним, система урбанонимов, региональные особенности.*

В статье рассматриваются особенности систем урбанонимов городов Ивановской области. Автор предлагает методику выявления названий, специфичных для региона, которая может быть использована для анализа городской топонимии областей России. В статье отмечены частотные урбанонимы, типичные для всех регионов страны.

R.V. Razumov

K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl

REGIONAL FEATURES OF URBANONYM SYSTEMS (based on the material of the Ivanovo region)

Key words: *socio-onomastics, city onymic space, urbanonym, system of urbanonyms, regional features.*

The article considers specific urbanonym systems in towns and cities of the Ivanovo region. The author describes the method of identifying names specific for the region. The method can be used for analysing urban toponymy in other Russian regions. The article presents typical urbanonyms frequently used in all regions of the country.

Современное состояние российской урбанонимики, к сожалению, по-прежнему характеризуется отсутствием обобщающих теоретических исследований, описывающих общие закономерности онимического пространства российских городов. За последние несколько десятилетий в Российской Федерации было защищено несколько диссертаций, анализирующих системы внутригородских названий отдельных населенных пунктов нашей страны, однако в большинстве из них констатировались ранее отмеченные предшественниками особенности топонимов и агоронимов. Нам представля-

ется актуальной задачей переход от исследований урбанонимической системы одного города к анализу городских онимических систем Российской Федерации в целом.

Одним из актуальных направлений исследования урбанонимов является анализ частотности городских онимов. Как справедливо отмечает А.М. Мезенко, «фреквентальный анализ названий улиц имеет основания открыть определенные закономерности формирования урбанонимной и виконимной систем конкретного народа и стать основой для лингвокультурологических и этнолингвистических исследований» [1, 106–107].

В рамках настоящей статьи мы анализируем особенности систем урбанонимов городов Ивановской области. Для этого было проведено сопоставление частотных названий, зафиксированных в указанном регионе, с аналогичными топонимами, представленными в Центральном федеральном округе (далее – ЦФО). При проведении исследования мы использовали данные открытых источников: справочников, информационных баз адресации объектов в Российской Федерации и баз почтовых индексов. Для выявления особенностей урбанонимической системы региона были привлечены материалы созданной нами базы данных «Урбанонимия Центральной России», содержащей сведения о наименовании внутригородских объектов ЦФО. При упоминании урбанонимов в тексте статьи мы будем использовать географический термин *улица* как универсальный для российской городской топонимии.

Особенности региональных урбанонимических систем позволяет выявить **коэффициент относительной распространенности урбанонимов** (далее – КОРУ), выраженный отношением суммарной абсолютной частоты городов, в которых был создан урбаноним, к суммарной абсолютной частоте количества населенных пунктов данного типа. Ранее мы уже использовали данный индекс при исследовании меморативов, созданных в честь писателей и поэтов [2].

В настоящее время в Ивановской области зафиксировано 17 населенных пунктов, имеющих статус города. В регионе представлены три типа систем внутригородских названий: в Иванове и Кинешме реализуется онимическая модель большого города, в Шуе – среднего, а в Вичуге, Гаврилов Посаде, Заволжске, Комсомольске, Кохме, Наволоках, Плесе, Приволжске, Пучеже, Родниках, Тейкове, Фурманове, Юже и Юрьевце – малого.

В системах урбанонимов Ивановской области зафиксировано употребление 11 различных урбанонимических терминов: *бульвар, въезд, линия, переулок, площадь, проезд, проспект, тракт, тупик, улица, шоссе*. Интересно, что лишь три термина – *въезд, линия, тракт* – представлены лишь в одном типе ономастических систем: *проезд* – в малых, *проспект* – в больших и *тракт* – в средних городах. Оставшиеся урбанонимические термины представлены во всех трех типах населенных пунктов. Заметим, что в ранее исследованной системе внутригородских названий Ульяновской области [2] мы наблюдали иную картину: урбанонимические термины были более разнообразны в больших городах, в малых же населенных пунктах было представлено всего 3 термина: *улица, переулок* и *площадь*.

Для урбанонимии Ивановской области характерно наличие большого количества случаев совпадения внутригородских названий в разных населенных пунктах. Во всех 17 городах региона представлено 2 названия (*Садовая улица* и *Советская улица*), в 16 городах – 4 названия (*улица Горького / Максима Горького, Комсомольская улица, улица Пушкина, Октябрьская улица*), в 15 городах – 4 названия (*улица Гоголя, улица Кирова, улица Маяковского, улица Фрунзе*); в 14 городах – 7 названий (*Зеленая улица, улица Чапаева, Красноармейская улица, улица Островского, Пионерская улица, Восточная улица, улица 8 Марта*), в 13 городах – 6 названий (*улица Дзержинского, Западная улица, улица Калинина, улица Мичурина, улица Некрасова, Школьная улица*).

Сопоставим показатели КОРУ для Ивановской области и для ЦФО в целом. Показатель КОРУ равный 1,0 в Ивановской области имеют 2 названия (*Садовая улица* и *Совет-*

ская улица), в то время как в ЦФО его нет ни у одного онима. КОРУ в диапазоне от 0,9 до 0,99 в Ивановской области имеют 4 урбанонима (улица Горького / Максима Горького, Комсомольская улица, улица Пушкина, Октябрьская улица), а в целом по ЦФО – всего 1 топоним (Советская улица). Показатель КОРУ от 0,8 до 0,89 в рассматриваемом регионе отмечен у 11 онимов (Восточная улица, улица 8 Марта, улица Гоголя, Зеленая улица, улица Кирова, Красноармейская улица, улица Маяковского, улица Островского, Пионерская улица, улица Фрунзе, улица Чапаева), а в ЦФО он зафиксирован всего у 3 названий (Садовая улица, Комсомольская улица, Октябрьская улица). Наконец, КОРУ в диапазоне от 0,7 до 0,79 в Ивановской области имеют 18 урбанонимов (улица Дзержинского, Западная улица, улица Калинина, улица Лермонтова, улица Ломоносова, улица Мира, улица Мичурина, Молодежная улица, улица Некрасова, Новая улица, Полевая улица, Первомайская улица, улица Свердлова, Северная улица, улица Суворова, улица Чехова, улица Чкалова, Школьная улица), а в ЦФО – 5 топонимов (улица Ленина, Лесная улица, Пионерская улица, Молодежная улица, Первомайская улица).

Два урбанонима – Садовая улица и Советская улица – представлено во всех городах Ивановской области. В ЦФО эти названия также являются наиболее частотными, занимают соответственно второе (КОРУ – 0,87) и первое (КОРУ – 0,9) места, однако частотность их в разных типах населенных пунктов различна: топоним Садовая улица широко представлен в больших городах (является 2-м по частотности), а урбаноним Советская улица – во всех типах городов является первым по частотности.

Различия региональных урбанонимических систем позволяет выявить сопоставление частотных топонимов ЦФО и соответствующего региона.

В первую десятку частотных урбанонимов ЦФО входят следующие названия: Советская улица (КОРУ – 0,9), Садовая улица (КОРУ – 0,87), Комсомольская улица (КОРУ – 0,86), Октябрьская улица (КОРУ – 0,82), улица Ленина (КОРУ – 0,79), Лесная улица (КОРУ – 0,77), Пионерская улица (КОРУ – 0,74), Молодежная улица (КОРУ – 0,73), Первомайская улица (КОРУ – 0,72) и Новая улица (КОРУ – 0,69). У шести урбанонимов из данного списка показатель КОРУ в Ивановской области выше, чем в целом по ЦФО: у топонимов Советская улица и Садовая улица он равен 1,0; у топонимов Комсомольская улица и Октябрьская улица – 0,94; у топонима Пионерская улица – 0,82; а у топонима Первомайская улица – 0,76. У двух названий – Молодежная улица (КОРУ – 0,71) и Новая улица (КОРУ – 0,7) – показатели в ЦФО и Ивановской области примерно совпадают. Два урбанонима – улица Ленина (КОРУ – 0,65) и Лесная улица (КОРУ – 0,65) имеют показатели ниже, чем в целом по ЦФО.

Иную картину мы наблюдаем при сопоставлении второй десятки самых частотных урбанонимов ЦФО с данными по Ивановской области. Сразу 5 названий имеют более высокую частотность в Ивановской области, чем в целом по ЦФО: у топонима Зеленая улица показатель КОРУ равен 0,82 в Ивановской области и 0,69 в ЦФО, у топонима улица Горького / улица Максима Горького – соответственно 0,94 и 0,67; у топонима Школьная улица – 0,76 и 0,65, у топонима улица Пушкина – 0,94 и 0,62, у топонима улица Кирова – 0,88 и 0,62. Как видим, более высокую частотность в рассматриваемом регионе имеют отантропонимические меморативы. У пяти названий показатели КОРУ в Ивановской области и ЦФО примерно равны: у онима улица Мира они соответствуют 0,7 и 0,69; у онима Полевая улица – 0,7 и 0,68; у онима Железнодорожная улица – 0,65 и 0,65; у онима Заводская улица – 0,65 и 0,64; у онима Пролетарская улица – 0,59 и 0,62. Лишь у урбанонима Луговая улица распространенность в Ивановской области (КОРУ – 0,53) заметно ниже, чем в целом по ЦФО (КОРУ – 0,69).

У 7 урбанонимов, входящих в третью десятку частотных урбанонимов ЦФО, показатель КОРУ в Ивановской области выше, чем в Центральной России. У топонима Красноармейская улица он равен 0,82 (в ЦФО – 0,61), у топонима улица Карла Мар-

кса – 0,65 (в ЦФО – 0,60), у топонима *улица Калинина* – 0,76 (в ЦФО – 0,59), у топонима *улица Маяковского* – 0,88 (в ЦФО – 0,59), у топонима *улица Гагарина* – 0,65 (в ЦФО – 0,59), у топонима *улица Некрасова* – 0,76 (в ЦФО – 0,53) и у топонима *Северная улица* – 0,7 (в ЦФО – 0,53). Два урбанонима, напротив, имеют в рассматриваемом регионе меньшую частотность, чем в целом по Центральной России: оним *Набережная улица* имеет показатель 0,53 (в ЦФО – 0,57), а оним *Солнечная улица* – 0,29 (в ЦФО – 0,54). Заметим, что эвсемантические названия в рассматриваемой области встречаются значительно реже, чем в других регионах ЦФО. И, наконец, у двух топонимов показатели КОРУ в Ивановской области и ЦФО примерно равны: у названия *Южная улица* они равны соответственно 0,59 и 0,58, а у названия *Спортивная улица* – 0,53 и 0,53.

Сопоставляя частотные урбанонимы Ивановской области и ЦФО, мы выделили 5 названий, не входящих в первую 30-ку самых распространенных онимов центральной части России. К данной группе мы отнесли топонимы *Зеленая улица* (Ивановская область – 0,82, ЦФО – 0,69), *Восточная улица* (Ивановская область – 0,82, ЦФО – 0,48), *улица 8 Марта* (Ивановская область – 0,82, ЦФО – 0,45), *Западная улица* (Ивановская область – 0,76, ЦФО – 0,37) и *улица Мичурина* (Ивановская область – 0,76, ЦФО – 0,59).

Следует отметить широкое распространение в урбанонимии Ивановской области меморативов, созданных в честь писателей и поэтов: у нескольких названий показатель КОРУ заметно выше в рассматриваемом регионе, чем в целом по ЦФО. Помимо уже упомянутого выше онима *улица Пушкина*, это названия *улица Гоголя* (Ивановская область – 0,82, ЦФО – 0,47), *улица Маяковского* (Ивановская область – 0,88, ЦФО – 0,59), *улица Островского* (Ивановская область – 0,76, ЦФО – 0,45), *улица Некрасова* (Ивановская область – 0,76, ЦФО – 0,53) и др. Естественно, что в Ивановской области очень широко распространены топонимы *улица Фурманова*, увековечивающие память о Д. Фурманове: показатель КОРУ в регионе равен 0,65, в ЦФО – 0,21. Более высокую частотность в регионе имеют и меморативы, увековечивающие память о политических и военных деятелях СССР. Например, показатель урбанонима *улица Фрунзе* равен в Ивановской области 0,88 (в ЦФО – 0,45), урбанонима *улица Чапаева* – 0,82 (в ЦФО – 0,52), *улица Дзержинского* – 0,76 (в ЦФО – 0,48), *улица Калинина* – 0,76 (в ЦФО – 0,59), *улица Свердлова* – 0,7 (в ЦФО – 0,44) и др. Показательно и вхождение в число частотных топонима *улица 8 Марта*, КОРУ которого в Ивановской области равен 0,82, а в ЦФО – 0,45.

Знание о типологических особенностях систем урбанонимов позволит выявить специфику номинации объектов в отдельном городе, показать, какие из топонимов являются типичными для подобных населенных пунктов в России, а какие характеризуют лишь данную систему.

Литература

1. Мезенко, А. М. Частотность топонимов как экспонент культурно-исторической информации / А. М. Мезенко // Известия Смол. гос. ун-та. – 2017. – №2. – С. 106–113.
2. Разумов, Р. В. Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации / Р. В. Разумов // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2017. – №3. – С. 155–159.
3. Разумов, Р. В. Региональные особенности систем урбанонимов (на примере Ульяновской области) // Ономастика Поволжья: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию первой Поволжской ономастической конф. и памяти ее организатора В. А. Никонова, Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г. : в 2 т. / Ульян. гос. пед. ун-т ; под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. – Ульяновск, 2017. – Т. 1. – С. 388–392.

УДК 811.161.1'373.211(476)

НЕАФИЦЫЙНЫЯ ЁРБАНОНІМЫ БЕЛАРУСІ: СТРУКТУРНЫ АСПЕКТ

Ключавыя словы: *урбанонім, неафіцыйная ўрбананіміка, структурная класіфікацыя, гарадскі аб'ект.*

У артыкуле ўпершыню даследуюцца неафіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі ў структурным плане: вызначаецца іх кампанентны склад, найбольш прадуктыўныя тыпы.

Н.К. Semiankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE INFORMAL URBANONYMS OF BELARUS: STRUCTURAL TERM

Key words: *urbanonim, informal urbanonimic, structural classification, city object.*

The informal names of the intracity objects of Belarus in structural term were investigated at first time. Their motivation and features of functioning in different towns have been identified.

Пачатак спецыяльнага даследавання беларускай урбананіміі звязаны з іменем З.Ф. Краўчанкі і артыкулам аўтара, прысвечаным выяўленню крыніц, структурных і семантычных тыпаў назваў вуліц Мінска [3]. Да гэтага былі выдадзены кнігі М. Агеева, М. Зелянкова “Іх імёнамі названы вуліцы Гомеля” [1] і В.А. Жучкевіча “Вуліцы помняць: Гісторыя, падзеі, людзі ў назвах вуліц і плошчаў горада-героя Мінска” [2] – своеасаблівыя даведнікі па найменнях вуліц Гомеля і Мінска.

Аналізу назваў унутрыгарадскіх аб'ектаў Барысава, Віцебска, Гомеля, Гродна, Нясвіжа, Шклова прысвечаны шэраг артыкулаў Г.М. Мезенка [4; 6–13; 15]. Абагульненнем жа даследаванняў па беларускай урбананіміі сталі манаграфіі Г.М. Мезенка “Урбананімія Беларусі” [14] і “Віцебшчына ў назвах вуліц” [5].

Вызначальна, што ў пераважнай большасці прац па ўрбананіміцы апісваюцца афіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў. Неафіцыйныя ж назвы застаюцца пакуль што па-за межамі навуковых даследаванняў, аднак такія адзінкі з'яўляюцца не менш цікавымі ў лінгвістычным, сацыяльным і культурным аспектах: у іх адбіваецца менталітэт, асаблівасці светапогляду, духоўныя і матэрыяльныя каштоўнасці народа. Мэта прапанаванага артыкула – выяўленне асаблівасцяў структуры неафіцыйных найменняў унутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі.

Матэрыял даследавання – запісы неафіцыйных найменняў аб'ектаў Віцебска і Мінска, сабраныя на працягу 2014–2017 гг. шляхам апытання жыхароў названых гарадоў. Фактычны матэрыял складае каля 200 неафіцыйных урбананімаў.

Паводле структуры ўсе неафіцыйныя ўрбанонімы дзеляцца на простыя, складаныя і састаўныя. Самую вялікую па колькасці адзінак групу ўтвараюць простыя назвы – найменні, якія складаюцца з аднаго аднакаранёвага слова.

Сярод простых па структуры неафіцыйных найменняў гарадскіх аб'ектаў самым прадуктыўным спосабам утварэння з'яўляецца суфіксацыя. Пералічым найбольш частыя суфіксы пры ўтварэнні такіх урбананімаў:

1) *-к-:* *Акадэмка* – назва, якая аб’ядноўвае адразу тры аб’екты: станцыю метро “Акадэмія навук”, Акадэмічную бібліятэку і краму “Акадэмкніга”, *Валадарка* – астрог па вуліцы Валадарскай, *Юбілейка* – гасцініца “Юбілейная”, *Чарвенка* – Чэрвенскі рынак, *Тэхналожка* – установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, *Тройка* – Траецкае прадмесце, *Нацыяналка* – Нацыянальная бібліятэка Беларусі і інш.;

2) *-ух/-юх-:* *Герцуха* – вуліца Герцена, *Лысуха* – вялікі пагорак у Курасаўшчыне, да яго добраўпарадкавання там нічога не расло;

3) *-ок/-ёк-:* *Лужок* – мікрараён Зялёны луг, *Кулёк* – установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры”;

4) *-оўк-:* *Чарняхоўка* – раён праспекта Чарняхоўскага, *Старажоўка* – раён гасцініцы “Беларусь”, царквы Марыі Магдаліны і Старажоўскай вуліцы;

5) *-ачк-:* *Карлачка* – вуліца Карла Лібкнехта;

6) *-ык/-ік-:* *Амфік* – амфітэатр, *Еўрык* – любая крама гандлёвай сеткі “Еўраопт”, *Лядовік* – лядовы палац спорту;

7) *-анк-:* *Блажавешчанка* – Дабравешчанская царква.

Як відаць з прыкладаў, асноўная большасць такіх адзінак – назоўнікі жаночага роду, якія паходзяць ад афіцыйных назваў вуліц, устаноў, арганізацый.

Вылучаецца нязначная па колькасці група найменняў, што ўяўляюць сабой прыметнікі: *Сцякляны* – назва крамы, у якой раней была доўгая шкляная вітрына, *Сахаты*, *Ласіны* – крама ў доме №81 па вуліцы Каліноўскага. Гісторыя ўзнікнення наймення наступная: у маі 1975 года на вуліцу Каліноўскага з суседняга лесу прыйшоў лось. Ubачыўшы свой адбітак у вітрыне, лось прыняў яго за суперніка і кінуўся на яго. Разбіўшы шкло, лось апынуўся ў краме, дзе яго злавілі і потым адпусцілі на волю. З таго дня гастраном сталі называць абодвума найменнямі – *Сахаты* і *Ласіны*.

Частка неафіцыйных найменняў – назоўнікі ў форме множнага ліку: *Сухары* – мікрараён Сухарава, *Церахі* – раён вуліцы Церашкавай, *Чарняхі* – раён праспекта Чарняхоўскага, *Югі* – мікрараёны Поўдзень-5, Поўдзень-6, Поўдзень-7, Поўдзень 7а, *Страякі* – праспект Будаўнікоў, *Спічкі* – два жылыя дамы на скрыжаванні вуліц Багдановіча і Машэрава, названы так з-за сваёй формы, *Розачкі* – месца каля помніка загінуўшым падчас цісканіны 30 мая 1999 года каля ўвахода на станцыю метро “Няміга”, помнік уяўляе сабой бронзавыя ружы, *Ракасы* – праспект Ракасоўскага, *Квадраты* – лаўкі злева ад Палаца Рэспублікі, якія стаяць квадратамі.

Як відаць з прыкладаў, асноўная большасць такіх адзінак паходзіць ад афіцыйных назваў вуліц і мікрараёнаў.

Складаныя назвы маюць у сваёй структуры дзве і больш каранёвыя марфемы, аб’яднаныя ў адно слова. Такія найменні могуць утварацца рознымі відамі складання:

1) шляхам змешанай абрэвіяцыі, калі ў словаўтваральную базу ўваходзіць частка першага ўтваральнага слова і цэлае другое ўтваральнае слова (без удзелу інтэрфікса): *Драмтэатр* – ад драматычны тэатр, *Спорттавары* – ад спартыўныя тавары, *Тэлевышка* – ад тэлевізійная вышка);

2) шляхам складовай абрэвіяцыі, пры якой у словаўтваральную базу ўваходзяць склады першага і другога ўтваральнага слоў (без удзелу інтэрфікса): *Гаршок* – ад гара-чы шакалад;

3) шляхам гукавой абрэвіяцыі: *Ад* (чытаецца “ад”) – гукавая абрэвіятура, пры ўтварэнні якой у якасці словаўтваральнай базы выступае першая літара першага слова і апошняя літара апошняга слова (аўтамабільны завод), *Як* (чытаецца “як”) – плошча Якуба Коласа;

4) шляхам словаскладання, калі ў словаўтваральную базу ўваходзяць абодва ўтваральныя словы цалкам: *Курлы-Мурлы* – ад Курлы, Мурлы;

5) шляхам асноваскладання, пры якім у словаўтваральную базу ўваходзяць частка першага ўтваральнага слова і частка другога ўтваральнага слова, звязаныя пры дапамозе інтэрфікса: *Казлабродская* – ад Казлова, Далгабародская.

Састаўныя назвы складаюцца з некалькіх слоў. Такія найменні з’яўляюцца, як правіла, двухкампанентнымі, радзей – трохкампанентнымі і надзвычай рэдка – чатырохкампанентнымі.

Двухкампанентныя ўрбанонімы ўтвораны па наступных сямі мадэлях:

1) “прыметнік” + “назоўнік”: *Асліныя Вушы, Салдацкае Возера, Пацёмкінская Лесвіца, Нямецкі Цэнтр, Абручальнае Кальцо* – трамвайнае кола на плошчы Бядулі.

Адзначаная мадэль самая прадуктыўная сярод двухкампанентных найменняў, і гэ-та заканамерна, бо ў такіх прыкладах да намінацыі самога прадмета дадаецца яго характарыстыка (найчасцей якая): *Сіні Дом, Лысая Гара, Круглая Плошча, Белыя Дамы, Гарбаты Мост*;

2) “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у родным склоне”: *Башня Цанавы, Востраў Слэз, Пуп Зямлі*. У значнай частцы прыкладаў, аднесеных намі да гэтай групы, назоўнік спалучаецца з антрапонімам (прозвішчам): *Гімназія Пушкіна, Дом Мусінскага, Кепка Лужкова*;

3) “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у давальным склоне”: *Помнік Шапаголікам*;

4) “парадкавы лічэбнік” + “назоўнік у адзіночным ліку”: *Дзявяты Кіламетр, Пяты Полк*;

5) “парадкавы лічэбнік” + “прыметнік”: *Пяты Камунальны*;

6) “колькасны лічэбнік” + “назоўнік у форме множнага ліку”: *Тры Штыкі*;

7) “прыназоўнік” + “назоўнік”: *Пад Часамі, На Шчорса*.

Трохкампанентных найменняў налічваецца небагата. Сярод іх сустракаюцца адзінкі, пабудаваныя па мадэлі “назоўнік у форме адзіночнага ці множнага ліку” + “прыназоўнік” + “назоўнік у форме адзіночнага ці множнага ліку” (*Дамы 3 Малюнкамі, Дом Пад Шпілем, Шарык Для Гольфа, Царква Каля Загса*), адзін прыклад (*Башня Святога Лаўрэнція*) – па мадэлі “назоўнік” + “прыметнік” + “назоўнік”, адзін прыклад (*Феміда і Спонсары*) – па мадэлі “назоўнік” + “злучнік” + “назоўнік”.

Выяўлены два прыклады, якія маюць у сваім складзе чатыры кампаненты: *Мужык 3 Пультам д/у, Мужык 3 Сотавым Тэлефонам*. Абодва найменні служаць для намінацыі аднаго аб’екта – скульптуры на фасадзе Нацыянальнага мастацкага музея, прычым першы з прыведзеных урбанонімаў выкарыстоўваўся ў канцы 1980-х гадоў, другі ўжываецца сёння.

Такім чынам, складаныя і састаўныя неафіцыйныя найменні вылучаюцца разнастайнасцю спосабаў і мадэляў утварэння, сярод якіх самымі прадуктыўнымі з’яўляюцца розныя віды абрэвіяцыі (для складаных найменняў), а таксама “якасны прыметнік” + “назоўнік”, “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у родным склоне” (для састаўных назваў).

Перавага аднаслоўных урбанонімаў над складанымі і састаўнымі тлумачыцца найперш адной з галоўных прычын узнікнення неафіцыйных найменняў гарадскіх аб’ектаў – спрашчэнне і скарачэнне афіцыйных назваў пры размове для зручнасці і хуткасці зносін, падчас якіх у камунікатыўным акце выкарыстоўваюцца сціслыя, лаканічныя моўныя сродкі.

Літаратура

1. Агеев, М. Их именами названы улицы Гомеля / М. Агеев, М. Зеленков. – Минск : Полымя, 1974. – 79 с.
2. Жучкевич, В. А. Улицы помнят: История, события, люди в названиях улиц и площадей города-героя Минска / В. А. Жучкевич. – Минск, 1979. – 175 с.
3. Краўчанка, З. Ф. Назвы вуліц горада Мінска / З. Ф. Краўчанка // Беларуская анамалія. – Мінск, 1981. – Вып. 2. – С. 101–111.

4. Мезенка, Г. М. Адантрапанімыя урбанонімы: праблемы матывацыі (на прыкладзе ўрбананімікона г. Барысава) / Г. М. Мезенка // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мазыр, 22–23 крас. 2010 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: В. В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2010. – С. 16–18.
5. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія : у 2 ч. / Г. М. Мезенка. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с. – Ч. 2. – 254 с.
6. Мезенка, Г. М. Назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў Шклова ў лютэрку беларускай урбананіміі / Г. М. Мезенка // Шклоўскія чытанні : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Шклоў, 1 верасня 2007 г. ; адк. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2008. – С. 58–63.
7. Мезенка, Г. М. Намінацыя лінейных аб’ектаў на Пастаўшчыне: традыцыйнае і новае / Г. М. Мезенка // Пастаўскія чытанні – 2006 : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Паставы, 2 верасня 2006 г. / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі ; адк. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2008. – С. 38–49.
8. Мезенка, Г. М. Склад і асаблівасці функцыянавання геаграфічных апелятываў унутры- і калягарадскіх назваў Гродна / Г. М. Мезенка // Шануючы спадчыну Я. Карскага : Трэція навуковыя чытанні. – Гродна, 1992. – С. 49–52.
9. Мезенко, А. М. Мотивы номинации улиц белорусских городов / А. М. Мезенко // Топонимика и межнациональные отношения. – М., 1992. – С. 118–135.
10. Мезенко, А. М. Основные тенденции в динамике урбанонимов Гродно / А. М. Мезенко // Шануючы спадчыну Я. Карскага : Другія навуковыя чытанні. – Гродна, 1991. – С. 15–20.
11. Мезенко, А. М. Принципы наименования улиц Витебска и Ижевска / А. М. Мезенко // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков : сб. ст. – Ижевск, 1987. – С. 171–183.
12. Мезенко, А. М. Структура и географическое распространение урбонимов Белоруссии (простые урбонимы) / А. М. Мезенко // Русский язык : Межвед. сб. – Минск, 1990. – Вып. 10. – С. 26–36.
13. Мезенко, А. М. Структура и географическое распространение урбонимов Белоруссии (сложные урбонимы) / А. М. Мезенко // Русский язык : Межвед. сб. – Минск, 1992. – Вып. 11. – С. 26–36.
14. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
15. Мезенко, А. М. Урбанонимия Несвижа в культурно-историческом аспекте / А. М. Мезенко // Слово во времени и пространстве : сб. науч. ст. – Минск, 1999. – С. 96–101.

Н.Р. Тачыла

Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: natakazak1980@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2

АДЭТНАНІМІЧНЫЯ НАЗВЫ (МІКРАТАПОНІМЫ, АНТРАПОНІМЫ) З АСНОВАЙ-ЭТНОНІМАМ “ЦЫГАН”

Ключавыя словы: *этнонім, мікратапонім, антрапонім, імя, этнас, цыган.*

Артыкул прысвечаны апісанню адэтнонімічных утварэнняў (мікратапонімаў, антрапонімаў), якія маюць у сваім складзе этнонімы – назвы нацый, народаў, народнасцей, плямёнаў, племянных саюзаў, радоў і г.д., што сустракаюцца ў гаворках Беларусі.

ETNONYM NAMES (MICROTOPONYMS, ANTHROPONYMS) WITH THE ETHNONYM BASIS OF «ROMA»

N.G. Tochylo

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

Key words: *ethnonyms, anthroponyms, microtoponyms, drimonyms, agroonyms, oronyms.*

The article deals with the units, which are derived from ethnonymic formation, such units contain ethnonyms – (names of nations, peoples, tribes, tribe units, kins), which are fixed in the Belarus dialects: anthroponyms, microtoponyms: drimonyms (names of forest tracts); agroonyms (the name of fields, land tenure); oronyms (the name of any forms of relief).

Праблемай вывучэння этнонімаў і адэтнанімічных утварэнняў, пераважна айконімаў, тапонімаў, антрапонімаў, займаліся такія даследчыкі, як А. Рогалеў [9], Т. Аліферчык [1], І. Гурская [4]. Сярод вучоных, што даследавалі не як самамэту асаблівасці этнонімаў, мікратапонімаў, антрапонімаў у розных рэгіёнах Беларусі, можна адзначыць В. Жучкевіча [5; 6], Г. Іванову [7], І. Гапоненка [3], Н. Багамольнікаву [2], В. Лемцюгову [8], В. Шура [12] і інш. Аднак некаторыя этнонімы і адэтнанімічныя ўтварэнні разгледжаны фрагментарна і, на нашу думку, патрабуюць далейшага вывучэння. Намі зроблена спроба апісаць і прааналізаваць адзінкі, што маюць у сваім складзе этнонім *цыган*, вылучыць з іх групы паводле іх семантычнага складу, даць ім адпаведную лінгвістычную характарыстыку.

Пад адэтнанімічнымі ўтварэннямі мы разглядаем мікратапонімы і антрапонімы, што маюць у сваім складзе *этнонімы* – назвы народаў, нацый, народнасцей, плямёнаў, радоў і інш. *Мікратапонімы* – гэта клас геаграфічных назваў, якому ўласцівы свае асобныя рысы; назвы невялікіх аб'ектаў, на моўныя формы якіх уплываюць асаблівасці саміх рэалій. Гэта назвы археалагічных аб'ектаў – курганаў, магільнікаў, стаянак розных стагоддзяў, найменні палёў, урочышчаў, лясоў, вуліц, балот і інш., якія адлюстроўваюць памяць аб гістарычных з'явах, што адбываліся на тэрыторыі Беларусі і аставілі глыбокі след у калектыўнай памяці народа [9, 12]. *Антрапонім*, паводле А. Супяранскай – уласнае імя, якое можа мець чалавек або група людзей (асабовае імя, прозвішча, псеўданім, мянушка і г.д.) [11, 174].

На даследуемай тэрыторыі (пераважна Мазыршчына і Магілёўшчына) зафіксаваны ўласныя назвы, што маюць у сваім складзе лексему *цыган* (*цыганы* – гэта значная этнічная група на Беларусі, якая жыве на тэрыторыі нашай радзімы прыкладна з XV ст., а найбольш кампактна, цэлымі вуліцамі і пасёлкамі, у наш час цыганы жывуць у Віцебску, Бабруйску, Слуцку, Тураве, Калінкавічах, Пінску). Даследчыкі адзначаюць, што на Беларусі ёсць пяць вёсак, якія атрымалі назву ад этноніма цыганы (*Цыганы, Цыганкі, Цыганоўка*), размешчаны яны ў *Ляхавіцкім, Гарадоцкім, Сенненскім, Зэльвенскім, Шаркаўшчынскім* раёнах, даволі частымі з'яўляюцца і мікратапонімы ад гэтага слова. У мясцовай мікратапаніміі лексема *цыган* звычайна ўказвае на аб'екты, дзе спыняліся цыганы, дзе стаялі іх шатры. Сярод адзначаных мікратапонімаў, утвораных ад этноніма *цыган*, выдзяляюцца наступныя групы: **дрымонімы** – *Цыганка* (в. Ляхаўцы Калін.), на думку мясцовых жыхароў, “раней тут была горка, пад якой у 1925 годзе стаялі цыганскія шатры, назва горкі пазней перайшла на назву лесу”, *Цыганская Градка* (в. Касцюковічы Маз.) – лес, у якім ёсць узвышанае месца працяглай формы, дзе звычайна спыняліся цыганы, *Цыганскія Пелі* (в. Ляхаўцы Калін.) – месца каля лесу, дзе стаялі шатры, а ў лесе былі пелі з вадой, *Цыганскі Островок* (в. Новая Рудня Ельск.) – месца ў лесе, дзе спыняліся цыганы, *Цыганская Парасля* (в. Скароднае Ельск.) – месца

ў лесе, дзе ў час Вялікай Айчыннай вайны звычайна ставілі свае шатры цыганы [7, 201]; *Цыганове* – лес, дзе стаялі цыганы (в. Чэрнеўка Шкл.), *Цыганскія Лясы* – месца, дзе жылі цыганы (в. Вышова Мсц.) [10, 192]; **аронімы** – *Цыганка* (в. Ляхаўцы Калін., в. М. Бакавец Маз.) – горка, пад якой, на думку мясцовых жыхароў, стаялі цыганскія шатры [7, 201], *Цыганскі Двор* – месца, дзе спыняліся цыганы (в. Умыркі Мсц.), *Цыганскі Луг* – частка лугу, якая належала цыгану (в. Маслакі Гор.), *Цыганскі Паруснік* – месца каля лесу, раней тут быў цыганскі табар (в. Леніна Красн.), *Цыганскія Горы* – узгоркі, дзе раней спыняліся цыганскія табары (в. Барсукі Бых.) [10, 192], *Цыганоўка* – урочышча, дзе спыняліся і пражывалі цыганы (Клімавічы), *Цыганскі Хутар* – урочышча, раней тут жылі цыганы (в. Колтава Мсц.) [10, 192]; **аграонімы** – *Цыганіха* (в. Скароднае Ельск.) – поле, каля якога пахавана цыганка [7, 201], *Цыганскі Пасёлак* – поле, дзе жылі цыганы (в. Вонічы Кліч.), *Цыганичына* – поле, раней тут жылі цыганы (в. Затоны Гор.) [10, 192]. На тэрыторыі Беларусі зафіксаваны некаторыя антрапонімы, што маюць у сваім складзе этнонім *цыган* і маюць розныя суфіксальныя афармленні: **Цыган** Бр. Ганц.; Гом. *Петр.*, *Раг.*, *Светл.*; Мін. *Кап.*, *Клец.*, *Нясв.*; **Цыганаў** Віц. *Гар.*, *Рас.*; Маг. *Слаўг.*; **Цыганенка** Бр. *Бар.*; Гр. *Ваўк.*; **Цыганец** Гр. *г. Гродна*; **Цыганко** Мін. *Барыс.*; **Цыганкоў** Бр. *Бяроз.*, *Драг.*; Віц. *Арш.*, *Брасл.*, *Гар.*, *Глыб.*, *Дубр.*, *Лёзн.*, *Пол.*, *Рас.*, *Сен.*, *Тал.*, *Чашн.*, *Шарк.*, *Шум.*; Гом. *Б.-Каш.*, *Ветк.*, *Гом.*, *Добр.*, *Жытк.*, *Карм.*, *Светл.*; Гр. *Астр.*, *Ашм.*, *Зэльв.*; Маг. *Бабр.*, *Бых.*, *Бял.*, *Гл.*, *Гор.*, *Касц.*, *Кір.*, *Клім.*, *Кругл.*, *Маг.*, *Мсцisl.*, *Слаўг.*, *Хоц.*, *Чав.*, *Шкл.*; Мін. *Барыс.*, *Бярэз.*, *Мін.*, *Нясв.*, *Пух.*, *Ст.дар.*, *Чэрв.*; **Цыгановіч** Гом. *Лельч.*; Мін. *Пух.*; **Цыганюк** Бр. *Пін.*; Віц. *Пол.*; Гом. *Ветк.*, *Гом.*, *Маз.*; Маг. *Асін.*; Мін. *Слуц.*, *Ст.дар.*; **Цыганоў** Віц. *Рас.*; Гр. *Гродз.*, *Зэльв.*; Маг. *Клім.*; Мін. *Барыс.*, *Лаг.*; **Цыганскі** Бр. *Жаб.*; **Цыганчук** Бр. *Іван.*, *Малар.*; Гом. *Добр.*

На даследуемай тэрыторыі метадам суцэльнай выбаркі з анамастычных і іншых слоўнікаў, з манаграфій вядомых даследчыкаў, кніг-хронік “*Памяць*” выяўлена мікратапонімаў і 11 антрапонімаў з асновай-этнонімам “*цыган*”. У структурна-ўтваральных адносінах гэтыя адэтнанімічныя ўтварэнні можна падзяліць на некалькі груп. Намінацыі, што маюць у сваім складзе два кампаненты, з якіх першы атрыбутыўна-генетыўны суадносіцца са значэннем этноніма і ўказвае на прыналежнасць да якой-небудзь мясцовасці ці народа. Гэта мікратапонімы тыпу *Цыганскія Пелі*, *Цыганская Градка*, *Цыганскі Луг* і г.д. Група аднакампанентных намінацый уключае апелятывы, што адрозніваюцца па сваёй марфалагічнай структуры: аснова+розныя суфіксы (*Цыганове*, *Цыганоўка*, *Цыганіха*, *Цыганичына*, *Цыганка* і г.д.). Сярод адэтнанімічных антрапонімаў, найбольш пашырана ўжыванне прозвішча *Цыганкоў*, якое вядома амаль што ва ўсіх частках Беларусі.

Літаратура

1. Аліферчык, Т. М. Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Т. М. Аліферчык ; Інстытут мовы і літаратуры ім. Якуба Коласа і Янкі Купалы. – Мінск, 2011. – 20 с.
2. Багамольнікава, Н. А. Айканімія Гомельшчыны : слоўнік / Н. А. Багамольнікава, А. А. Станкевіч ; навук. рэд. В. П. Лемцюгова. – Гомель : УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2003. – 392 с.
3. Гапоненка, І. А. Лексіка беларуская літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І. А. Гапоненка. – Мінск : БДУ, 2012. – 307 с.
4. Гурская, Ю. А. Фамилии этнонимического происхождения на территории Великого Княжества Литовского / Ю. А. Гуртская // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. – № 3. – 2010. – С. 160–165.
5. Жучкевіч, В. А. Макратапанімія, агульныя заканамернасці, яе ўзнікненне і функцыянаванне / В. А. Жучкевіч : Беларуская анамастыка, 26 / Зборнік ; рэд. В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – С. 46–73.

6. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 447 с.
7. Иванова, А. А. Микротопонимия Мозырского Полесья / А. А. Иванова. – Мозырь : УО «МГПУ», 2003. – 219 с.
8. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і Исскуство, 2008. – 416 с.
9. Рогалев, А. Ф. Этнические и географические названия как источник для изучения этноязыковой истории (на материале Беларуси) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А.Ф. Рогалев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1996. – С. 13.
10. Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны / склад. С. В. Клімуць [і інш.]. – Магілёў : МДУ імя А. Куляшова, 2004. – 208 с.
11. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
12. Шур, В. В Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксе : манаграфія / В. В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2015. – 299 с.

М.Г. Цинкобурова
Санкт-Петербургский горный университет
e-mail: maschek@mail.ru

УДК 83'373.211.1(470.23)

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ ЗАПАДНОЙ ПОЛОВИНЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *стратиграфия топонимов, Водская пятина, топонимы Ленинградской области, трансформированные топонимы.*

Западная половина Ленинградской области на протяжении длительного времени относилась к Шелонской и Водской пятинам и являлась областью смешанного проживания финно-угорского и славянского населения. В результате этого для района, как и для всего северо-запада России, характерно многовековое взаимодействие и сосуществование разноразличных топонимических систем. В диахроническом аспекте в регионе можно выделить дорусский (субстратный), древнерусский и русский пласты топонимии.

M. Tsinkoburova
Saint-Petersburg Mining University

STRATIGRAPHIC FEATURES OF TOPONYMS OF THE WEST PART OF LENINGRAD REGION

Key-words: *toponym's stratigraphy, Vodskaya Pyatina, place names of Leningrad region, transformed toponyms.*

The west part of Leningrad region during the long time was on the territory of Vodskaya and Shelonskaya Pyatina and was the area of joint habitation of Finno-Ugric and Russian population. In result, there is typical centuries-old cooperation and co-existence of different multilingual toponymic systems for this region as for all north-west of Russia. It is possible to establish pre-Russian (substrate), Old-Russian and Russian toponyms layers in diachronic aspect.

Тройственный характер топонимики, возникшей на стыке лингвистики, географии и истории, давно определил историко-культурное значение географических названий. Таким образом, стратиграфическая классификация топонимов – необходимый атрибут топонимического анализа, ориентированного, в частности, на восстановление историко-географических реалий. Однако обычно в топонимических исследованиях главная роль отводится лингвистической, семантической, морфологической классификации. К тому же несмотря на то, что топонимическая картина северо-запада России изучается уже достаточно давно, но детальные исследования распределены как территориально, так и тематически крайне неравномерно. Так, существует серия работ И.И. Муллонен по вепским топонимам востока Ленинградской области. Особенности гидронимии русского северо-запада достаточно подробно рассмотрела Р.А. Агеева [1], но работа затрагивала исключительно гидронимы и для достаточно большой территории, поэтому фигурировали только названия наиболее значимых рек северо-запада. При решении вопросов хронологизации топонимов много определяющим является характер архивных материалов, дающих возможность проследить задокументированную историю развития географических названий изучаемого региона. Территория, соответствующая современной Ленинградской области, на протяжении длительного времени принадлежала Великому Новгороду и была областью смешанного проживания финно-угорского (води, ижор, карелов, вепсов – последние были более характерны для восточной половины области) и славянского населения. Со времен Новгородской республики и до XVIII века западная половина Ленинградской области относилась к Водской и Шелонской пятинам. Главным источником топонимии района являются летописи Новгородской земли, Новгородские писцовые книги Водской и Шелонской пятин (в дальнейшем НПК), «Географический словарь Русской Земли» Н.П. Барсова [3], картографические и письменные русские (XVIII–XX века) [8] и шведские [9] (XVII века) материалы, в которых впервые были упомянуты названия многих населенных пунктов и водоемов области. В словаре Н.П. Барсова, охватывающем наиболее ранний этап, от IX до XIV века, отмечены 18 топонимов описываемого района. Девять названий относились к гидронимам – *Ижора (Жжора), Луга, Нева, Норова (Нерова), Охта, Паша, Сестра, Узьерва (Узьярва, совр. Суходольское, до 1950 г. Суванто* [12, 199]), озера *Нево* и *Чудское*. Девять названий принадлежали населенным пунктам и другим географическим объектам: города *Врево, Копорье, Ладога, Ореховец (Ореховый, Орешек)*, село *Пахиток на Паше*, урочища *Исады, Сабль (Савль), Тесовъ*, остров *Ореховый*. Кроме того, помимо названия озеро *Нево* встречается название *Ладожское озеро* [12, 112]. Впервые это название было упомянуто в 1220 году [10, 235]. Несмотря на большой временной интервал, охватываемый словарем, именно словарь Н.П. Барсова является наиболее полной сводкой, в которой фигурируют древнейшие топонимы региона.

Освоение северо-запада России начинается относительно поздно, с мезолита. Первая достоверная информация об этнической принадлежности обитателей района фиксируется для культурного слоя возрастом не позднее III тысячелетия до нашей эры, трактуемого как прибалтийско-финский [4, 40]. Таким образом, первый стратиграфический слой топонимов региона должен был бы быть прибалтийско-финский. Однако стратиграфический анализ наиболее древних топонимов региона – гидронимов, как показала Р.А. Агеева [1], выявляет еще и балтийский, и даже более древний индоевропейский слой.

Балтийский слой. Гидронимы с балтийским субстратом выявлены в первую очередь на территории Шелонской (самой западной) пятины: деревня *Ильжо* (в НПК *Ил-жо*) [8, 131], названная по озеру *Ильжовскому*, левые притоки реки *Луги Нотика* и *Обнова*, озеро *Пейтус* (второе название *Чудского озера*) и, возможно, *Нарва* (с учетом

древнерусских вариантов *Нарова, Нерова, Норова*). К гидронимам с индоевропейским субстратом, по мнению Р.А. Агеевой, относятся озеро *Пейнус* (второе название *Чудского* озера), две реки, находящиеся в юго-западной части Водской пятины – *Удрайка* и *Кемка*. По предположению Р.А. Агеевой, славяне могли заимствовать эти названия еще до прихода на северо-запад. Таким образом, данный слой нельзя всегда однозначно считать как наиболее древний по срокам появления.

Кривичи и ильменские словены появляются в регионе не позднее VII века. Дальнейшая история развивалась на фоне неуклонно возрастающего влияния славян. С этнической точки зрения в северных землях Великого Новгорода было взаимодействие и взаимопроникновение финно-угров и славян, неоднократно подтверждаемое на топонимическом материале.

Прибалтийско-финский слой представлен как в гидронимах, так и в ойконимах региона и включает в себя названия с водским, ижорским субстратом. К наиболее древним топонимам относятся *Луга, Нева, Охта, Паши, Сестра, Узьерва*, возможно *Норова (Нерова)*, озеро *Нево (Ладога)*. Среди более поздних ойконимов встречаются разновозрастные слои. Первый слой представлен топонимами, сформировавшимися на базе карельского, водского, ижорского, вепсского субстрата. Главными источниками информации об этих топонимах являются НПК и Йордебоккер, при этом наблюдаются различные варианты трансформаций исходных названий.

Фонетическая трансформация. В качестве примера для данного пласта топонимов можно рассматривать деревню *Маттия*. Впервые эта деревня упомянута в НПК как *Матея* [8, 924], в Йордебоккер фигурируют название *Mattia Vu* и *Mattia Mensaia Ödhe* [9, 52]. По всей вероятности, данное название сформировалось от водского слова *mättä* – холм. Действительно, деревня расположена на краю холма.

Морфологическая трансформация. Примером данного типа трансформации является деревня *Раннолово*. В НПК это название упомянуто как село *Ранола* [8, 925]. На карте Ингерманландии А. Ростовцева 1727 года [7] название трансформировано в *Раново*, а на карте Санкт-Петербургской губернии Ф.Ф. Шуберта 1834 года обозначена деревня *Ранолово* [13]. Основой топонима было ижорское или водское слово *ranta*- берег с суффиксом *-la*, указывающим на место действия. В процессе трансформации появился топонимический суффикс *-ово*. Также среди измененных финно-угорских топонимов региона наблюдается *морфологическая трансформация и адаптация* и *частичная калька с фонетической трансформацией и адаптацией*.

Русский слой более характерен для ойконимов, названия ойконимов русского слоя достаточно часто, возможно, одновозрастны названиям ойконимов прибалтийско-финского слоя. Как и в ситуации с финно-угорскими топонимами, среди славянских топонимов много трансформированных, в том числе финнизированных топонимов. Примером такого финнизированного топонима с фонетической трансформацией и адаптацией является деревня *Мины*. Название деревни впервые упоминается в НПК как *сельцо Змейкино на реце на Ардеже* [8, 695]. В этом названии выделяется широко распространенный в славянской топонимии суффикс *-ин-*, исходно имевший посессивное значение, но, по признанию И.И. Муллонен [6], со временем несколько утративший посессивную функцию и приобретший топонимическую. Основа, возможно, образовалась от старорусского имени Змейка. В пользу отантропонимного происхождения топонима свидетельствует и упомянутая в НПК расположенная поблизости *Деревня Горка Змеино на реце на Ардеже* [8, 695]. В Jordeböcker русский консонант «з» был передан как «с» – *Smeino Ödhe* (*ödhe* – пустошь, прим. автора) [9, 120], также деревня отмечена и на карте Бергенгейма, составленной в 1827 году, но по материалам шведских архивов

1676 года. На шведской «Генеральной карте провинции Ингерманландии 1704 года – как *Sminaby* [5]. Как *Смиина* она упоминается на «Географическом чертеже Ижорской земли» Адриана Шонбека 1704 года [14], в пояснительном тексте к этнографической карте Санкт-Петербургской губернии П.И. Кеппена она упомянута как *Mina* [15]. С 1936 года [2, 146] фигурирует современное название. Интересным примером трансформации без финнизации, также приводящей к изменению первоначального смысла, является деревня *Валяницы*, впервые фигурирующая как *сельцо Вонялицы у моря* [8, 517]. Согласно словарю И.И. Срезневского [16], одно из значений слова *вонялица* – мята. Это душистое растение характерно для описываемой местности, особенно хорошо мята произрастает на известковой глине и болотистой почве, которая как раз характерна для окрестностей деревни *Валяницы*. Как деревня *Volänitza by* в западной половине Каргальского погоста упоминается в шведских писцовых книгах [9, 42]. Соответственно, уже в XVII веке при интерпретации названия шведскими картографами изменилось дифтонгическое сочетание *он*. На карте Ингерманландии А.И. Бергенгейма [5] обозначена деревня *Wällonitsby*. Современный вариант названия впервые упоминается на карте Ф.Ф. Шуберта 1834 года [13]. Еще одной особенностью русских топонимов является частый локативный характер наименования: *Куткуево Сидение на реке Коваши*, *Замошье Сменково Сидение на Микифорове новице*, *деревня у горы Кирово Сидение*, *деревня на горе Стехново Сидение на Полях*. Большая часть этих названий не сохранилась, или даже исчезли сами населенные пункты, но оставшиеся композитные локативные названия были трансформированы путем усечения: *Максимов Пихинец на Ящере* – *Пехенец*, *Хабалина Гора*, *село над озером Хвойном* – *Хабалинка*, *Деревня Дедвино Заручье* – *урочище Дидвино*. С учетом прерывистого характера времени появления в районе русских топонимов (слой русских топонимов, зафиксированный на начало XVI века, и продолжение возникновения русских названий, начиная с XVIII века) первый слой русских топонимов автор трактует как **древнерусский**.

В XVII веке, когда после заключения Столбовского мира (1617 г.) большая часть описываемой территории стала принадлежать Швеции, произошел отток славянского и православного финно-угорского населения в южные и восточные, оставшиеся русскими земли. В связи с этим шведы переселили на обезлюдившие земли финнов из провинций Саво, Кивеннапа (запад Карельского перешейка). Обосновавшиеся в регионе финны создали следующий, собственно **финский топонимический слой**, формирование которого продолжилось и в XVIII–XIX веках, когда эти земли стали сначала Ингерманландской, а затем Петербургской губернией. В отличие от более раннего, прибалтийско-финского, слоя географические названия, относящиеся к финскому топонимическому слою, характеризуются более слабой трансформацией вплоть до полного ее отсутствия.

В качестве примера *нетрансформированных топонимов* можно привести деревню *Алакюла*, именно под таким названием (*Alakylä*) деревня впервые упомянута в общем приходском списке Туутари и Хиетамяки [17]. Название деревни образовано от двух финских слов *ala* – нижняя, *kylä* – деревня и отражает положение деревни у склона Балтийско-Ладожского глинта, четко выраженного в рельефе уступа.

Как пример фонетической трансформации, приведшей к незначительному изменению начального названия, можно привести деревню *Виллози*. На «Топографической карте окрестностей Санкт-Петербурга» упомянута деревня *Виллази* [11].

С семантической точки зрения все вышеперечисленные стратиграфические слои характеризуются доминированием географических названий, отражающих природные особенности, а на втором месте этантропонимных топонимов. Помимо этих двух групп наблюдаются и остальные семантические группы: топонимы, отражающие характер

поселений, транспортных путей, религиозные особенности, этнические особенности населенных пунктов, образованные от названий ремесел.

С XVIII века после возвращения этих земель России также продолжается формирование **русского слоя топонимов**. Для этого этапа характерно несоизмеримо большое количество отантропонимных топонимов и топонимов, отражающих религиозные особенности. При этом часто происходило переименование уже имеющихся населенных пунктов согласно указанным канонам. Так, название деревни *Лопухинка* возникло за счет переименования деревни *Сергиевская*, принадлежащей роду Лопухиных. Название *Рождествено* возникло в честь церкви Рождества Пресвятой Богородицы за счет переименования деревни с неблагозвучным названием *Большая Грязная*.

Отдельную группу топонимов представляют названия, сформированные на основе немецких слов и отражающие моду того времени: *Мариенбург*, *Ораниенбаум*, *Петергоф*.

Последний этап в развитии топонимов области был в советское время, когда произошла серия переименований объектов, названия которых не соответствовали советской идеологии, или с целью придания названиям новой идеологической окраски. Так, поселок и станция *Преображенская* была переименована в *Толмачево* в честь революционера Толмачева. В конце сороковых годов на вновь присоединенных к СССР землях Карельского перешейка были изменены финские названия: *Териоки* (*Терийоки*, *Terijoki*) в *Зеленогорск*, *Куоккала* (*Kuokkala*) в *Репино*, *Келломяки* (*Kellomäki*) в *Комарово* и так далее. Иногда при изменении идеологических тенденций происходили новые, и даже обратные, переименования. Показательным примером является город *Гатчина* – *Троцк* (1923 – 1929) – *Красногвардейск* (1929 – 1944) – *Гатчина*.

Литература

1. Агеева, Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно исторической информации / Р. А. Агеева. – 2-е изд., испр. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Административно-экономический справочник по Ленинградской области / сост. Ф. И. Богомолова, П. Е. Комлев. – Ленинград : Ленинградский облисполком, 1936. – 383 с.
3. Барсов, Н. П. Материалы для историко-географического словаря России IX–XIV ст. / Н. П. Барсов. – Вильна : тип. А. Сыркина, 1865. – 220 с.
4. Исаченко, Г. А. Окно в Европу: История и ландшафты / Г. А. Исаченко. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 453 с.
5. Карта бывших губерний Иван-города, Яма, Капорья, Нэтеборга составленная по масштабу 1:210000 1827 года. под присмотром Генерал-Майора Шуберта Генерального Штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1м из материалов, найденных в Шведских Архивах, показывающая разделение и состояние онаго края в 1676 году / 1827.
6. Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – 242 с.
7. Новая и достоверная всей Ингерманландии ланткарта А. Ростовцева, 1727.
8. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина Том первый. – Санкт-Петербург : тип. Безобразова, 1868. – 960 с.

9. Писцовые книги Ижорской земли [издание Археографической комиссии] Годы 1618–1623. *Jordeböcker öfver Ingermanland* / Санкт-Петербург : тип. Императорской Академии наук, 1859. – Т. I. – 132 с.
10. Пospelов, Е. М. Географические названия мира : топонимический словарь / Е. М. Пospelов. – Москва : Русские словари, 1998. – 372 с.
11. Топографическая карта окружности Санкт-Петербурга на 16-листах в масштабе 1 в. в 1 дм. / Военно-топографическое депо Главного штаба, 1817.
12. Труды Я. К. Грота Филологические разыскания (1852–1892). – 1899 / Изд. под ред. проф. К. Я. Грота : в 5 т. – СПб : Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К), 1898–1903. – Т. 2. – 941 с.
13. Шуберт, Ф. Ф. Топографическая карта Санкт-Петербургской губернии / Ф. Ф. Шуберт. – 1834. – 5-и верстка.
14. Шхонбек (Шонбек), Адриан. Географический чертеж Ижорской Земли / Адриан Шхонбек (Шонбек), 1704. Масштаб оригинала 3 шведские мили.
15. Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии ; составлена Петром Кеппеном / 1849. Масштаб оригинала 1 дм – 15 верст.
16. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [HTTP://OLDRUSDICT.RU/](http://OLDRUSDICT.RU/). – Дата доступа: 18.12.2017.
17. Kansallisarkisto. Digitaaliarkisto [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=5750309>. – Дата доступа: 18.12.2017.

Z. Abramowicz

Uniwersytet w Białymstoku

e-mail: abramowicz.zofia208@gmail.com

УДК 811.162.1'373.23"15/16"(438)

IMIĘ JAN // IWAN W ANTROPONIMII PODLASIA W XVI–XVII W.

Słowa kluczowe: *antroponimia historyczna, Podlasie, postacie biblijne, kultura chrześcijańska, adaptacja imienia, słowotwórstwo.*

Artykuł jest próbą pokazania wpływu kultury chrześcijańskiej oraz zróżnicowania etnicznego na kształtowanie się systemu antroponimicznego mieszkańców Podlasia w XVI–XVII w. Zakorzenie w systemie antroponimicznym imienia Jan w różnych odmiankach (łac., pol., wsł.) miało ścisły związek z postaciami biblijnymi. Na popularność imienia wpływ miało wiele czynników językowych, jak np. sposób adaptacji w języku przyjmującym, łatwość tworzenia form pochodnych od pełnej formy podstawowej i form alternacyjnych oraz pozajęzykowych, kulturowych. Niewątpliwie ważnym czynnikiem była ranga świętych postaci NT – Jana Ewangelisty i Apostoła oraz Jana Chrzciciela i ich miejsce w kulturze chrześcijańskiej.

Z. Abramowicz

University of Białystok

PERSONAL NAME YAN / IVAN IN THE ANTHROPONYMY OF PODLYASHYA IN THE XVI–XVII CENTURIES

Key words: *historical anthroponymy, Podlyashye, Bible characters, Christian culture, adaptation of personal names, word-building.*

The author of the article is trying to show the influence of Christian culture and ethnic variety on the process of formation of the anthroponymic system of the settlers in Podlyashye in the XVI–XVII centuries. The use of the personal name Yan // Ivan in different variants (Latin, Polish, Eastern Slavonic ones) is entirely connected with the Bible and its characters. The influence of linguistic and extra-linguistic factors on the popularity of the name is the following: the way to use of such a name in the language-recipient, the easy way for form-building, the variety of form and word-building means. Undoubtedly, the very important factor is the position of the characters in the holy rank and their place in Christian culture.

Imię Jan występuje zarówno w Starym Testamencie (ST) jak i Nowym Testamencie (NT). W przekładach Biblii jego forma jest jednak różnicowana. Na określenie postaci biblijnych ST zarówno w Biblii Tysiąclecia [2], jak i rosyjskim przekładzie Synodalnym Biblii [3] używa się formy Jochanan / Иоханан (1 Krn 3,24), zaś forma Jan/Иоанн jest zarezerwowana dla postaci w różny sposób związanych z chrześcijaństwem: pojawia się w Księgach Machabejskich i konsekwentnie już w NT. Na uwagę zasługuje postać ST – syn Elioenaja, potomek Zorobabela i króla Jojakina. W ST jest on nazywany Jochananem (1 Krn 3,24), zaś wymieniany w NT w

rodowodzie Jezusa nosi już imię Jan (Łk 3,27). W 1 Księdze Machabejskiej (16,1,2) wymienione osoby o tym imieniu: Jan Gaddi (1 Mch 2,2), Jan syn Akkosa (1 Mch 8,17), Jan (Hirkan) (1 Mch 16,1,2) także noszą już skróconą wersję imienia. Z jednej strony wiąże się to z ideą męczeństwa za wiarę w Boga, która najpełniej w ST została wyrażona w 2 Księdze Machabejskiej [1, 339], następnie przejęta przez chrześcijaństwo, z drugiej zaś ma to również ścisły związek z przekładami Pisma Św. z hebrajskiego, greckiego czy łacińskiego oryginału. Zgodnie z informacją zamieszczoną w Biblii Tysiąclecia, 1 Mch została napisana po hebrajsku, lecz zachowała się tylko w tłumaczeniu na język grecki [2, 484]. Przekład z języka greckiego powodował przyswojenie imienia w formie Jan, z hebr. j(eh)ochanan ‘Jahwe obdarzył łaską’ (Tron.-Wal.144), przejęte do gr. Ἰωάννης, łac. Ioannes, Iohannes, w scs wystąpiło w formach Иоанъ, Иоаннъ (Mall 243), cerk. Иоанн (Sup. 192). W Biblii jest to imię 26 postaci biblijnych. W przekładach w ST konsekwentnie pojawia się forma Jochanan, natomiast w NT – Jan. W ST imię Jochanan noszą: a) syn Elioenaja, potomek Zorobabela i króla Jojakina (1 Krn 3,24); b) kapłan z rodu Sadoka (1 Krn 5,35n); c) Beniaminita sprzymierzony z Dawidem (1 Krn 12,5); d) Gadyta sprzymierzony z Dawidem (1 Krn 12,13); e) odźwierny z rodu Koracha (1 Krn 26,3); f) Judejczyk, oficer Jozafata (2 Krn 17,15); g) ojciec Izmaela, może tożsamy z poprzednim (2 Krn 23,1); h) ojciec Azariasza z pokolenia Efraima (2 Krn 28,12); i) najstarszy syn Jozjasza (1 Krn 3,15); j) syn Kareacha (Jr 40,7n // 2 Krl 25,23n); k) syn Hakkatana (Ezd 8,12); l) syn Eliasziba (Ezd 10,6); ł) Izraelita spośród synów Bebaja (Ezd 10,28); m) syn Ammonity Tobiasza (Ne 6,18); n) kapłan, głowa rodu Amariasza (Ne 12,13); imię w formie Jan w ST noszą: p) najstarszy syn Mattatiasza z przydomkiem Gaddi (1 Mch 2,2; 9,35-42); r) członek kapłańskiego rodu Akkosa (1 Mch 8,17); s) Jan (Hirkan I) syn Szymona Machabeusza (1 Mch 16,2.14). W NT imię występuje już tylko w formie Jan: a) syn Zachariasza, zwany Chrzczicielem; b) syn Zebedeusza i brat Jakuba, jeden z Dwunastu; c) ojciec Szymona Piotra J 1,42; 21,15-17; wg Mt 16,17: Jona; d) członek rodu arcykapłańskiego (Dz 4,6); e) Jan Marek (Dz 12,12.25; 13,5.13; 15,37); e) syn Elioenaja, potomek Zorobabela i króla Jojakina, a zarazem przodek Jezusa ((Łk 3,27);

W XVI–XVII w. na Podlasiu na styku katolicyzmu z prawosławiem imię to funkcjonowało w wariacie łacińskim, polskim, cerkiewnym i wschodniosłowiańskim. Należało do najpopularniejszych imion, o czym świadczy nie tylko ilość poświadczeń, lecz i formy alternacyjne oraz nazwiskowe, które powstały na bazie tego niewątpliwie z różnych powodów atrakcyjnego imienia. Imię Jan w zgromadzonym materiale antroponimicznym jest poświadczone w formach:

łac. ze zmianą Io > Jo-: **Joannes**: *Joannes Siedleczycki* 1569, AU 272; *Joannes Adamczyk*, *Joannes Litwin*, *Joannes Arasimik*, ...*Harasimik*, *Joannes Casimirus Biernacki*, *nobilis Joannes Ozep* 1662, PnM 443, 435, 442, 443, 448; *Joannes Monicki* 1669, S.; *Joannes Ostkiewicz* 1670, S.; **Joannis**: *Joannis olim Adae Cruszewski* 1569, AU 254; *Joannis Boguszewski*, *N. Joannis Paprocki* 1640, KD 45, 9; *Joannis Nikitorowicz* 1662, PnM 411;

pol.: Ioa- > Ja-; nn > n; apokopa -es: **Jan**: *Jan Siekierka pisarz* 1514, UP 75; *Jan Matiewicz*, *Jan Stankowicz Panok* 1528, JI 187, 192; *Jan Monkowicz* 1536, O 23; *Jan Siekierski* 1541, UP 75; *Jan Nowosad* 1551, IMŁII 268; *Jan Moszczeński* 1560, PML 170; *Jan Mierzwiński* 1560-1563, RBS 426, 450; *Jan Siedlecki* 1569, AU 272; *Jan Jodkowicz* 1571, IT 13; *Jan Dydziulewicz* 1573, IT 39; *Jan Augustynow*, *Jan Domkniew*, *Jan Jagielów* 1578, IG 304, 71, 141; *Jan Jorga z Rosochatego* 1580, JI 55; *Jan Sępkowski Żołnierz* 1648, AKJ 210; *Jan Andrukowicz*, *Jan Ilqda* 1639, OP 113, 119; *Jan Jadaczyk* 1640-1641, KB 4; *poddany Jan Mazurczyk*, *Jan Moskal* 1662, PnM 514, 412; szl. *Jan Moszenka* 1676, RPD 349;

wsł.: z cerk. Иоанн > **Iwan**: *Iwan Semenowicz Sapieha* 1513, UP 152; *Iwan Bitij*, *Iwan Mieszko* 1551, IMŁII 269, 245; *Waszil a Iwan Maliewicz* 1558, RG 15; *Iwan Moskalewicz*, *Iwan Osuło* 1558, IB 28, 41; *Iwan Panasewicz* 1558, IS 49; *Iwan Anchimowicz*, *Iwan Awdzieszewicz*, *Iwan Doroszewicz*, *Sidor*, *Klim*, *Iwan Dziedzieckowicze*, *Koc*, *Iwan*, *Jesko*

Jaroszewicz 1560, PMŁ 122,123; 153, 141, 169; *Iwan Mackowicz* 1560, PK 13; *Iwan Siodelnik* 1562, RBS 452; *Iwan zięć Serafinow*, *Iwan zięć Sierkow* 1571, IT 32,33; *Iwan Bartniuk*, *Iwan Duniew* 1578, IG 73, 140; *Iwan Palczewski*, *Iwan Paniuczyc* 1639, OP 120, 113; *Iwan Lipiński* 1648, AKJ 210; *Iwan Matczuk*, *Iwan Mormolik*, *Iwan Nikiforowicz praezbiter czerkwi Łosickiey* 1662, PnM 422, 525, 412.

W materiale źródłowym nie wystąpiła poprawna forma cerkiewnosłowiańska imienia Ioann. W pewnym sensie można uznać za zmodyfikowaną postać cerkiewnosłowiańską formę Joan, chociaż możliwa jest również apokopa wygłosowego -es w wariantcie łacińskim: Joannes > Joan. Kontekst i dodatkowe określenia występujące obok imienia nie pozwalają jednoznacznie stwierdzić, która wersja jest prawdziwa, por.:

Joan: *Joan Hohol* 1520, JIII 244; *Joan Harasimowicz praezbiter Kozieradzki* 1662, PnM 482;

formy alternacyjne:

łac. **Johannes** > Han-//Chan-:

Han: *Han a Roman* 1551, IMŁII 255; **Chan:** *Chan Liewoniewicz*, *Chan Łubienczyk* 1551, IMŁII 250, 296;

-ko: **Chanko:** *Chanko Chilkowicz*, *Chanko Ulkowicz* 1560, PK 15; *Chanko Lewoniewicz* 1560, PMŁ 123; *Chanko Kuwietycz* 1567, IMBS 183;

-‘uk: **Haniuk:** *Haniuk Nicyporowicz* 1560, PMŁ 171;

-us: **Hanus:** *Hanus Podkowicz* 1565, IA 4; *Hanus Soth* 1580, JI 73; *Hannus Złotnik* 1571, IT 15;

pol. Jan-:

-ek: **Janek:** *Janek Bolsnonicz* 1560-1563 RBS 471; *Janek Bogdzik*, *Janek Dawidzik*, *Janek Gospodzik*, *Janek Mikowicz* 1566, IA 10, 11, 12; *Janek Momotek*, *Janek Sik* 1571, IT 18, 23; *Janek Dzidziulik*, *Janek Grygowicz*, *Janek Krystończyk* 1639, OP 133, 134;

-ko: **Janko:** *Janko Androsowicz* 1545, IMŁI 93; *Janko Obielkowicz* 1551, IMŁII 257; *Janko Jodeskonicz*, *Janko Materuszowicz*, *Janko Narkiewicz* 1558, IS 57, 55, 58; *Janko Michałowicz* 1558, RG 55; *Janko Mikołaiewicz* 1558, IB 38; *Janko Ostrowski* 1560, PMŁ 128; *Janko Balzinonicz*, *Janko Jadam*, *Janko Bielenicz*, *Janko Budkonicz*, *Janko Goikowicz*, *Janko Mikutkowicz* 1560-1563, RBS 472, 483, 471, 468, 484; *Janko Baranoicz* 1569, AU 264; *Janko Niedzwiednik* 1578, IG 312;

-uc: **Januc:** *Januc Łodyczyc*, *Januc Mosiewicz*, *Januc Nargielowic*, *Januc a Stasz Narkiewici*, *Januc a Hapon Sziedelniki* 1558, RG 6, 23, 5, 25; *Januc Miloniew* 1578, IG 331;

-uć: **Januć:** *Januć Andrukiew* 1578, IG 74;

-ucz: **Janucz:** *Janucz Koruczewicz*, *Janucz Antonowicz*, *Narucz a Janucz Radzikowiczy*, *Janucz a Stańko Milkiewicz* 1558, RG 14, 17;

-us: **Janus:** *Janus Rozwij* 1640-1641, KB 20;

-usz: **Janusz:** *Janusz*, *Matey Guzewicz*, *Janusz Janowicz*, *Janusz Martinowicz* 1528, JI 195, 187; *Janusz Bezruczkowicz* 1558, IS 55; *Januss a Pietrucz Jankowiczy* 1558, RG 18; *Janusz a Jacub Diakowski* 1560-1563, RBS 414; *Janusz Gładki*, *Janusz Joszkowicz* 1565, IA 3, 4; *Janusz Maczkiewicz* 1566, IA 9; *Januss Owdziei* 1571, IT 25; *Janusz Biały* 1578, IG 54;

-uch: **Januch:** *Januch Buiwidow* 1578, IG 300;

-ucho: **Janucho:** *Janucho Husarów* 1578, IG 302;

-uta: **Januta:** *Januta Czyżow*, *Januta Jaskow* 1578, IG 305, 323;

Do tak uzyskanych form imion dodawano kolejne formanty, np. *Janek* > *Janecz-ek*, *Janecz-yk*, *Janecz-uk*; *Janusz* > *Janusz-ek* itd. Porównajmy materiał źródłowy:

Janek-/Janko-:

-ko: **Janeczko:** *Janeczko* 1545, IMŁI 98;

-uk: **Janczuk:** *Janczuk* 1545, IMŁ 98;

-ik/-yk: **Jancyk:** *Jancyk Butkiewicz* 1558, IS 57;

Janik-:
 -ko: **Janiczko**: *Janiczko Tersia gospodarz* 1662, PnM 533;
 Janusz-:
 -el: **Janszel**: *Janssel Mateiowicz* 1560–1563, RBS 483;
 -ko: **Januszko**: *Janussko Jankow* 1558, RG 366; *Januszko Naszuczycz* 1566, IA 11;
Januszko Klimow 1578, IG 82;
 skrócony temat Ja-:
 -ś: **Jaś**: *Jaś Masłowski, Jaś Mostowski* 1558, IS 50;
 -sz: **Jasz**: *Jasz Jorew* 1578, IG 70;
 Jas-:
 -ko: **Jasko**: *Jasko Ondrelenia* 1551, IMLII 261; *Jasko Paluchowicz* 1560, PK 12; *Jasko Nieszczorowicz* 1566, IA 9; *Jasko Michajłów, Jasko Monsiew, Jasko Nowik* 1578, IG 323, 84, 303; *Jasko Dmitruk, Jasko Hołodczyk, Jasko Kopik, Jasko Orechwicz, Jasko Rozey* 1662, PnM 426, 430, 426, 529, 432; *Jasko Cybulik chłop, Jasko Hryciuk* 1674, RM 249, 285;
 Jaś-
 -ek: **Jasiek**: *Jasiek Mazurczyk* 1639, OP 132;
 -ko: **Jaśko**: *Jaśko Iwaskowicz, Jaśko woyt* 1558, IB 44, 39; *Jaśko Cybulewicz, Jaśko Lachowicz, Jaśko Padagiel, Jaśko Sieczka* 1639, OP 114, 108, 142, 109;
 -uk: **Jasiuk**: *Jasiuk Drunczew* 1578, IG 73;
 Jasz-/Jesz-:
 -ko: **Jaszko**: *Jaszko Antonik, Jaszko Hawrylik, Jaszko Dmitryk, Jaszko Han, Jaszko Hawrylik, Jaszko Kuczko zienc, Jaszko Niczanka* 1662, PnM 439, 438, 431, 432, 438, 439, 432; **Jeszko**: *Jeszko olim Konczowicz* 1569, AU 246;
 wsł. Iwan-:
 > Jawan-:
 -uta: **Jawnuta**: *Jawnuta Nieczaiewicz* 1565, IA 8;
 -ec: **Iwaniec**: *Iwaniec, Dorosz Ihnatowicz* 1528, JI 196;
 -ko: **Iwanko**: *Maxim a Iwanko Klimowiczi, Iwassko a Iwanko Kolbasszczicy, Iwanko Maciewic* 1558, RG 376, 15; *Iwanko Onaciewicz* 1558, IN 73, 74; *Iwanko Miskiew, Iwanko Pilipów* 1578, IG 82, 76; *Iwanko Chwiedczowicz* 1560, PK 13; *Iwanko Minicz* 1567, IMBS 183; *Iwanko Mastalerz* 1662, PnM 437;
 podstawa skrócona **Iw-**:
 -acz: **Iwacz**: *Iwacz* 1577, JI 171;
 -as: **Iwas**: *Iwas Mackowicz* 1558, IB 42;
 -och: **Iwoch**: *Iwoch filius Andreae* 1569, AU 259;
 Iwel-:
 -as: **Iwlas**: *Iwlas* 1558, IS 53;
 Iwas-:
 -ko: **Iwasko**: *Desz z Iwaskiem, Iwasko brath, Iwasko Rudnik* 1558, IB 43,38, 57; *Iwasko Drobiszewicz* 1558, IS 58; *Iwassko a Iwanko Kolbasszczicy, Iwassko Kozłowicz, Iwassko Maczieykowicz, Iwassko a Siezon Sawiczy, Iwassko a Radziwon Sieliwonowiczy* 1558, RG 376, 28, 32, 361, 362; *Iwasko Bogdankoicz, Iwasko Miskonicz* 1560–1563, RBS 457, 463;
 Iwaś-:
 -ko: **Iwaśko**: *Iwaśko Oniskow* 1578, IG 323;
 Iwasz-:
 -ko: **Iwaszko**: *Iwaszko (Iwan) Ilinicz* 1476-1478, UP 90; *Iwaszko Ilinicz* 1520, JIII 245; *Iwaszko Dzierewianka, Iwaszko Hladkowicz, Iwaszko Pacowicz* 1551, IMLII 335, 308, 313; *Iwaszko Bielamin* 1558, IN 70; *Hrymas i Iwassko Ilkiewicz, Iwassko Rusan* 1558, RG 376, 362; *Iwaszko Kleszkowicz Mielnik* 1560, PML 158; *Iwaszko Arciuchow, Iwaszko Botoyka, Iwaszko Fiedrów* 1578, IG 309, 303, 314; *Iwaszko Miniewicz* 1662, PnM 522;

afereza i: Iwan > Wan-:

-uta: **Waniuta**: *Waniuta Pijrczijcz* 1551, IMŁII 268; *Waniutha Kristel* 1558, IB 40; *Waniuta Kowal*, *Waniuta Waskowicz* 1558, IS 48, 53; *Waniuta Kulikiewicz* 1560, PK 9;

P r o t o n a z w i s k o:

Joann-:

-owicz: **Joannowicz**: *Micz Joannowicz* 1560–1563, RBS 433;

Han-:

Han: *Jaszko Han* 1662, PnM 431;

-ewicz: **Haniewicz**: *Wac Haniewicz* 1551, IMŁII 264;

Haniec-:

-ewicz: **Hancewicz**: *Macko Chancewicz* 1551, IMŁII 289; *Cimosz Hancewicz* 1560, PMŁ 124; *Martin Chancewicz* 1567, IMBS 181;

-owicz: **Chanczowicz**: *Piothr Chanczowicz* 1558, RG 366;

Hanko-:

-owicz: **Hankowicz**: *Perchur brat jego (Hankowicz)* 1545, IMŁI 12; *Piotr Hankowicz*, *Pierchuc Hankowicz* 1551, IMŁII 266,300; *Hleb Hankowicz woit Moszczony* 1560, PMŁ 162; *Olisiew Chankowicz* 1662, PnM 413;

-‘uk: **Hanczuk**: *Stefan Hanczuk* 1662, PnM 522;

Hanczuk-:

-icz/-ycz: **Hanczuczycz**: *śl. Lewko, s. śl. Lawryła Hanczuczicz* 1580, JI 123;

Jan-:

-ow: **Janow**: *Macieja Janowego i małych synowców* 1569, AU 293; *Hryc Janow* 1578, IG 63; *śl. Stanisław Janow z Nowosiołk* 1580, JI 77;

-ów: **Janów**: *Wojciech Janów* 1578, IG 70;

-‘ewicz: **Janiewicz**: *Wawrzyniec, Szczęsny Janiewicz* 1639, OP 132;

-owicz(z): **Janowicz(z)**: *Nikodem Janowicz Świejko z Ciechanowca h. Dąbrowa, podstoli litewski*, *Woitek Janowicz Kłoczko ochm. Kr. Heleny* 1520, JIII 246; *Andrey Janowicz Boyko*, *Awgusztyn Janowicz*, *Hryhor Janowicz Poczuta*, *Janusz Janowicz*, *Mikołaj Janowicz*, *Stan Janowicz*, *Tomko Janowicz*, *Wenclaw Janowicz* 1528, JI 187, 217, 189, 187, 196, 192, 216; *Maciej Janowicz* 1551, IMŁII 249; *Andrzej Janowicz* 1558, RG 28; *Szimko Janowicz* 1558, IB 41; *Adam Janowicz*, *Bartłomiej Janowicz* 1639, OP 123;

-owa: **Janowa**: *śl. Hanna żona Janowa* 1580, JI 98;

-owna: **Janowna**: *śl. Ustiny Janowny* 1580, JI 102;

Janko-:

Janko: *Juda Janko*, *Osip Janko* 1551, IMŁII 264, 267;

-‘ew: **Jankiew**: *Bohdziey Jankiew* 1578, IG 77; *Matul Jancew*, *Paczuk Jancew* 1578, IG 141, 318;

-ow: **Jankow**: *Janussko Jankow* 1558, RG 366;

-ów: **Janków**: *Paweł Janków* 1578, IG 330;

-owicz: **Jankowicz**: *Szyman Jankowicz* 1514–1519, Wiś 333; *Martin Jankowicz* 1528, JI 214; *Szczepan Jankowicz* 1545, IMŁI 102; *Januss a Pietrucz Jankowiczy* 1558, RG 18; *Miklasz Jankowicz* 1558, IS 49; *Hleb Jankowicz*, *Wasko Jankowicz z synem Hrynkiem* 1560, PMŁ 127, 124; *Pachnik Jankowicz*, *Stasnik Jankowicz* 1565, IA 7;

-onicz: **Jankonicz**: *Piotras Jankonicz* 1560–1563, RBS 483;

-owa: **Jankowa**: *Jankowa wdowa* 1551, IMŁI 9; *Jankowa Noszuczycz* 1558, IS 51;

Jenko-:

-owicz: **Jenkowicz**: *Iwan Jenkowicz* 1545, IMŁI 117;

Jankowo-:

-ski: **Jankowski**: *Hipolit Jankowski z Brześcianki, starosta białostocki* 1520, JIII 255; *Ipolitus Jankowski de Brzesczianka* 1569, AU 244;

Janiec(z)-:
 -ew: **Jancew**: *Matul Jancew, Paczuk Jancew* 1578, OG 141, 318;
 -ewicz: **Jancewicz**: *Macko Jacko Jancewicze* 1560, PMŁ 136;
 -enia: **Janczenia**: *Sierhey Janczenia* 1551, IMŁII 285;
 -uk: **Janczuk**: *Jan Janczuk* 1662, PnM 440;
 -icz/-ycz: **Janczycz**: *Oleszko Janczycz* 1560, PMŁ 125;
 -icha/-ycha: **Janczycha**: *Kataryna Janczycha* 1662, PnM 428;
 Jancek-:
 -ow: **Jancekow**: *Stas Jancekow* 1578, IG 61;
 Jancel-:
 -ew: **Janceliew**: *Jurgisz Janceliew* 1558, RG 366;
 Janczewo-:
 -ski: **Janczewski**: *Pan Jan Janczewski Pisarz Wiski* 1640-1641, KB 40; *Joannes Janczewski* 1670, S.;
 Janik-:
 -ki: **Janicki**: *Paweł Janicki* 1661, UP 87;
 Janikowo-:
 -ski: **Janikowski**: *Hipolit Janikowski* 1569, UP 50; *ur. P. Ipolit Janikowski, podsędek bielski* 1580, JI 117;
 Janeczko-:
 -owicz: **Janeczkowicz**: *Stanisław Janeczkowicz* 1558, IS 53;
 Janiejko-:
 -owic: **Janiejkowic**: *Stas Janiejkowic* 1573, IT 46;
 Janilko-:
 -owicz: **Janilkowicz**: *Koc Janilkowicz* 1560, PMŁ 134;
 Jancur-:
 -‘ak: **Jancurzak**: *Bartek Jancurzak z żoną* 1662, PnM 494;
 -ik/-yk: **Jancurzyk**: *Jan Jancurzyk z żoną* 1662, PnM 494;
 Januc(z)-:
 -ew: **Janucew**: *Stas Janucew* 1578, IG 328;
 -ik/-yk: **Januczyk**: *Tomek Januczyk, Stanisław Januczyk, Jakub Januczyk* 1662, PnM 433, 438, 439;
 Janus(z)-:
 -ow: **Janus(z)ow**: *ślach. Christof niegdy Janusow* 1580, JI 8; *Sebastyan Januszow z cześnikami swemi* 1580, JI 28;
 -ewicz: **Januszewicz**: *Maciek Januszewicz* 1565, IA 8;
 -owicz: **Janusowicz**: *ślachetny Wawrzyniec Janusowicz* 1580, JI 39;
 -ik/-yk: **Janusik**: *Bartosz Janusik, Stanisław Janusik, Jan Janusik* 1662, PnM 410, 523;
Januszyk: *Krzysztoph Januszyk z żoną, Woiciech Januszyk, Marcin Januszyk* 1662, PnM 494, 495, 439;
 -ko: **Januszek**: *Andrzej Janussko* 1571, IT 11;
 Januszeko-:
 -ik/-yk: **Januszczyk**: *Nikifor Januszczyk, Tymosz Januszczyk* 1662, PnM 433;
 Januszczyko-:
 -ik/-yk: **Januszczynczyk**: *Andrzej Januszczynczyk* 1558, IS 49;
 Januta-:
 -icz: **Januticz**: *Maciej Januticz* 1514-1519, Wiś 333;
 -ewicz: **Janutewicz**: *Andrzej Janutewicz Komorowski* 1514-1519, Wiś 333;
 Jas-:
 -ko: **Jasko**: *szl. Marcin Jasko* 1569, AU 269;

Jaś-:
-owa: **Jasiowa**: *Jasiowa* 1578, IG 317;
Jasiowo-:
-ski: **Jasiewski**: *śl. Łukasz Jasiewski* 1580, JI 249;
Jasiek-/Jaśko-:
-‘ew: **Jaśkiew**: *Mikołaj Jaskiew* 1578, IG 141;
-ow: **Jaśkow**: *Januta Jaskow* 1578, IG 323;
-‘ewicz: **Jaśkiewicz**: *Jakow Jaśkiewicz* 1639, OP 112;
-owicz: **Jaśkowicz**: *Kucz Jaskowicz* 1558, IB 40; *szl. Walenty Jaskowicz* 1569, AU 290;
-owa: **Jasiekowa**: *Jasiekowa wdowa* 1662, PnM 521; **Jaśkowa**: *Jaskowa wdowa* 1560, PK 7; *Młynarzowa Jaskowa, Jaskowa Czerczyna, Jaskowa kucharzowa* 1662, PnM 530, 536;
Jeśko-:
-owicz: **Jeśkowicz**: *Dac Jeskowicz, Wasil Jeskowicz* 1545, IMŁI 94, 117; *Oliszni Jeskowicz* 1551, IMŁII 296; *Jewchim Jeskowicz* 1560, PMŁ 122;
Jasien-/Jasień-:
-owicz: **Jasienowicz**: *Ibragim Jasienowicz* 1582, AWAK 31, s. 33;
-ski: **Jasieński**: *Wojciech Jasieński* 1520, JIII 249; *Wojciech Jasienski kuchmistrz lit.* 1549, UP 43; *od Jakuba Jasienskiego* 1580, JI 117; *szl. Jasienski* 1676, RPD 354;
Jasiuk-:
-owna: **Jasiukowna**: *vidua Jasiukowna* 1662, PnM 443;
Jasuń-:
-ski: **Jasuński**: *Pan Woyciech Jasunski* 1640-1641, KB 37;
Jaszk-:
-enia: **Jaszczenia**: *Maciey Jaszczenia* 1662, PnM 440;
Jeszko-:
-owicz: **Jeszkowicz**: *Dziemid Jeszkowicz* 1551, IMŁII 251;
Jaszynek-/Jaszynko-:
-ic/-yc: **Jaszynyczyc**: *Raczko Jassynczyc, Tomek Jassynczyc* 1558, IS 49;
Jaszczynek-/Jaszczynko-:
-‘anka: **Jaszczynczanka**: *Hania Jaszczynczanka* 1558, IS 45, 49;
Iwan-:
Iwan: *Knucik Iwan* 1558, IS 54;
-ow: **Iwanow**: *Chwiedko Iwanow* 1558, IS 52; *Hawryło Iwanow* 1558, RG 26; *Fedor Iwanow* 1639, OP 116; *Bartosz Iwanow zięć* 1662, PnM 413;
-ów: **Iwanów**: *Romuszko Iwanów* 1578, IG 309;
-owicz: **Iwanowicz(z)**: *Jendrzey Iwanowicz* 1545, IMŁI 12; *wójt Bohdan Iwanowicz* 1551, IMŁII 286; *Piotrasz Iwanowicz* 1558, IS 53; *Ulan Iwanowicz* 1558, RG 32; *Anton Iwanowicz, Truchon Iwanowicz* 1560, PMŁ 140, 158; *Lukas Iwanowicz* 1560–1563, RBS 500; *Mikula Iwanowicz* 1566, IA 12; *Jozef Iwanowicz* 1571, IT 22;
-ik: **Iwanik**: *Pilip Iwanik* 1662, PnM 426;
-owa: **Iwanowa**: *Iwanowa* 1558, IB 31; *Monka Iwanowa* 1569, AU 275; *Zofia Iwanowa komornica, Smalowa Iwanowa, Hubczykowa Iwanowa, Iwanowa Saykowa, Iwanowa Barbara, Iwanowa wdowa, Iwanowa Karpichowa* 1662, PnM 411–528;
-icha: **Iwanicha**: *Iwanicha wdowa* 1551, IMŁI 11; *Iwanicha Niedczycha, Iwanicha wdowa* 1551, IMŁII 245, 283; *Iwanicha wdowa* 1558, IS 52; *Woca Iwanicha, Iwanicha wdowa* 1560, PMŁ 140; *Iwanicha wdowa* 1662, PnM 411–528;
Iwanowo-:
-ski: **Iwanowski**: *Catharina Iwanowski* 1670, S.;
-ska: **Iwanowska**: *Helżbieta z Zebrzydowic Iwanowska* 1569, AU 285;
Iwanek-/Iwanko-:

-owicz: **Iwankowicz**: *Iwankowicz* 1545, IMŁI 105; *Josko Iwankowicz* 1558, IB 37; *Mikita a Chwedor Iwankowici* 1558, RG 4; *Hryn Iwankowicz* 1560, PMŁ 136;
 -'uk: **Iwanczuk**: *Wasko Iwanczuk z żoną* 1662, PnM 493;
 -ic/-yc: **Iwanczyc**: *Nikon Iwanczyc* 1558, RG 361;
 Iwankow-/Iwanówka-:
 -ski: **Iwankowski**: *Jan, Stanisław Iwankowszczy, Stanisław olim Iwankowski* 1640–1641, KB 5, 9;
 Iwaniec(z)-:
 -ew: **Iwancew**: *Kalenik Iwancew* 1578, IG 82;
 -ow: **Iwanczow**: *Hapon Iwanczow* 1558, RG 32;
 Iwanczuk-:
 -ów: **Iwanczuków**: *Chwiedor Iwanczuków* 1578, IG 335;
 Iwanieś-:
 -ec: **Iwansiec**: *Chryn Iwansiec* 1558, IB 25;
 Iwantiel-:
 -ik: **Iwantielik**: *Martin Iwantielik* 1662, PnM 497;
 Iwanuszko-:
 -owicz: **Iwanuszkowicz**: *Filip Iwanuszkowicz* 1560, PMŁ 153;
 Iwas(z)ko-:
 -'ew: **Iwaszkiew**: *Szczepan Iwaszkiew* 1558, RG 28;
 -ow: **Iwaszkow**: *Szymko Iwaszkow* 1578, IG 320;
 -'ewicz: **Iwas(z)kiewicz**: *Okuła Iwaszkiewicz* 1558, RG 376; *Fedor Iwaszkiewicz* 1639, OP 114;
 -owicz: **Iwas(z)kowicz**: *Jerzy Iwaszkowicz* 1520, JIII 248; *Maciej Iwaszkowicz, Sienko Iwaszkowicz* 1551, IMŁII 258, 261; *Raczko, Czissko a sieniuta Iwaszkowiczi* 1558, RG 376; *Maxim Iwaszkowicz* 1558, IS 58; *Jaśko Iwaszkowicz* 1558, IB 44; *Jarmoc Iwaszkowicz, Sidor Iwaszkowicz* 1560, PMŁ 167; *Tomek Iwaszkowicz* 1565, IA 7;
 -onicz: **Iwaskonicz**: *Janko Iwaskonicz, Maxim Iwaskonicz* 1560–1563, RBS 475, 496;
 -uk: **Iwaszczuk**: *Chwedor Iwaszczuk* 1662, PnM 422;
 -enka: **Iwaszczenka**: *Iwaszczenka komornica* 1662, PnM 533;
 Iwaszkowo-:
 -ska: **Iwaszkowska**: *Ihnath Iwaszkowska* 1558, IB 43;
 Iwon-:
 -owicz: **Iwonowicz**: *Sienko Iwonowicz* 1580, JI 123;
 Waniucha-:
 -ów: **Waniuchów**: *Kaliwon Waniuchów* 1578, IG 87;
 Waniuta-:
 -icz/-ycz: **Waniuticz**: *Klim Waniuthicz* 1558, IB 40; **Waniutycz**: *Fiedko Waniutycz* 1551, IMŁII 294; *Mojsiej Waniutycz, Wasyl Waniutycz* 1560, PK 12; **Waniuc(z)icz**: *Piotr Waniucyzycz* 1551, OMŁII 270; *Chicz Waniucicz* 1560–1563, RBS 477;
 -ina/-yna: **Waniuczyna**: *Waniuczyna wdowa* 1560, PK 11;
 Wanuć-:
 -ik: **Wanucik**: *laboriosus Mathias Wanucik* 1662, PnM 532;
 Waniewo-:
 -ski: **Waniewski**: *Marina Waniewski* 1672, S.

* * *

Analizując poświadczenia imienia Jan w XVI–XVII-wiecznych źródłach historycznych Podlasia zwraca uwagę wyjątkowa popularność nazwy osobowej czwartego Ewangelisty i Apostoła - Jana. Popularność swoją imię zawdzięcza nie tylko tej postaci NT. Obok Jana Ewangelisty niezwykłą siłę oddziaływania miały też inne postacie NT, a przede wszystkim –

Jan Chrzciciel. Należy również pamiętać, że imię to także nosił w ST syn Elioenaja, potomek Zorobabela i króla Jojakima (1 Krn 3,24) a zarazem przodek Jezusa (Łk 3,27). Ta silna motywacja kulturowa oraz bardzo prosta krótka forma imienia dająca wiele możliwości słowotwórczych decydowała o jego popularności, co poświadczają zabytki piśmiennictwa z badanego okresu. Materiały historyczne z XVI–XVII w. świadczą o silnym zakorzenieniu w kulturze chrześcijańskiej (zarówno katolików jak i prawosławnych) imienia Ioann/Jan/Iwan oraz niezwykle bogactwie środków derywacyjnych. Tworzenie nowych form tego krótkiego imienia i pochodnych od nich nowych nazw identyfikacyjnych, jakimi były patronimy i inne dodatkowe określenia, które na tamtym etapie były przydomkami i z czasem przekształciły się w nazwiska dziedziczne przebiegało na wielu płaszczyznach, przede wszystkim fonetycznej i strukturalnej. Imienne i nazwiskowe formy pochodne od podstawowych wariantów: łacińskiego, polskiego, cerkiewnego i wschodniosłowiańskiego tworzone na bazie podstaw przekształconych fonetycznie, skróconych lub rozszerzonych. W procesie derywacyjnym form nazwiskowych stosowano transonimizację oraz sufiksację. Wykorzystywano różnorodne słowiańskie sufiksy o proveniencji: polskiej (np. -ek, -owa, -anka i in.), wschodniosłowiańskiej (-ko, -icha, -uk i in.) oraz litewskie (-el, -uta). Szczególną popularnością cieszył się ogólnosłowiański sufiks -ic(z) < *-itjo, zwłaszcza jego rozszerzony wariant -ewicz//-owicz. Wyraźnie zarysowuje się zróżnicowanie dialektalne nazw i procesy fonetyczne typowe dla języka polskiego (np. o > u), białoruskiego (np. lit. -utis > -uć) i ukraińskiego (np. e > i, dyspalatalizacja przed samogłoskami szeregu przedniego). Te różnorodne formy imienia i tworzone na ich bazie patronimy, andronimy i inne formy dodatkowych określeń poświadczane w kolejnych latach w źródłach historycznych utrwały się w charakterze nazw dziedziczonych przez następne pokolenia i znajdują potwierdzenie we współczesnej antroponimii badanego regionu.

Oznaczenie źródeł i rozwiązywanie skrótów:

Rękopisy

AKJ	<i>Akta Konsystorza Janowskiego</i> , Archiwum Diecezjalne w Siedlcach, syg. 148 (od roku 1477 do końca XVII w.)
IA	<i>Inwentarz włości augustowskiej z 1565 roku</i> , Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (dalej AGAD), Archiwum Potockich w Radzynie 213.
IG	<i>Inwentarz przyjęcia darów starostwa grodzieńskiego z 1578 roku</i> , AGAD, Archiwum Kameralne I/10.
IMŁI	<i>Inwentarz starostwa mielnickiego i łosickiego. Regestr popisu z 1545 roku</i> , AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego (dalej ASK), dz. LVI, M. 2.
IMŁII	<i>Inwentarz starostwa mielnickiego i łosickiego z 1551 roku</i> , AGAD, ASK, dz. LVI.
IT	<i>Inwentarz starostwa tykocińskiego, 1571 i 1573 r.</i> , AGAD, ASK, dz. LVI, t.4.
KB	<i>Księga grodzka Brańska 1640-1641</i> , WAP w Białymstoku.
KWB	<i>Księgi wójtowskie, burmistrzowskie królewskiego miasta Mielnik 1631-1698</i> , WAP w Białymstoku.
PK	<i>Rejestr pomiaru włócznej miasta Kleszczele z 1560 r.</i> , WAP w Białymstoku.
PML	<i>Rejestr pomiaru włócznej starostwa mielnickiego i łosickiego z 1560 r.</i> AGAD, ASK, dz. LVI.
RM	<i>Rejestr podatku pogłównego powiatu mielnickiego z 1673 r.</i> , AGAD, ASK, dz. I, nr 70.
RMŁ	<i>Regestr popisu starostwa mielnickiego i łosickiego, niedatowany, powstał po</i> 1560 r. AGAD, ASK, dz. LVI.

- RP 684-686. *Rejestr poborowy pogłównego z 1663 r.*, AGAD, ASK, dz. I, nr 70, k.
- RPD *Regestr dwojga w roku 1676 uchwalonego*. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rkps 1099, `775.
- S *Summaryusz czyli Krodki sposób wynalezienia Metryk od Roku 1665 do 1824 przez X.Z.K.*, Archiwum parafialne w Tykocinie (brak oznaczenia stron w dokumencie).
- Druki:
- AU *Spis szlachty ziemi bielskiej i drohickiej składającej przysięgę na wierność Koronie Polskiej w 1569 r.*, (w:) Akta Unii Polski z Litwą 1385-1791, wydali S.Kutrzeba i W.Semkowicz, Kraków 1932, s. 236–264.
- IB *Inwentarz miasta Brańska z 1558 r.* (w:) Akty wydawajemyje Wilenskoju Archeograficeskoju Komissijeju (dalej AWAK), t. XIV, Wilno 1887, 24–25.
- IMBS *Inwentarz wsi Mieleszki, Bielewicze i Supraśl z 1567 r.* (w:) AWAK, t. XIV, s. 181.
- IN *Inwentarz miasta Narwi z 1560 r.* (w:) AWAK, t. XIV, s. 61–76.
- IS *Inwentarz miasta Suraż z 1558 r.* (w:) AWAK, t. XIV, s. 46–60.
- JI *Popis wojenny ziemian województwa podlaskiego z 1528 r.; Powiat Bielski, Drogicki i Mielnicki 1580 r.* (w:) A.Jabłonowski, Polska XVI wieku względem geograficzno-statystycznym, t. VI, Podlasie. Źródła XVII, cz. I, Warszawa 1908.
- Bielski, pod
dziejowe, t. III *Spis urzędników województwa podlaskiego XV-XVII w.* (w:) A.Jabłonowski, dz. cyt. Cz. III, Warszawa 1910, s. 242–256.
- O *Opis starych i nowych granic grodzieńskich, bielskich i goniądzkich*, 1536 r., (w:) Archeograficeskij sbornik dokumentov odnosjaščichsja k istorii severo-zapadnoj Rusi, t. I, Wilno 1864, s. 18–31.
- OP *Ordinacija korolewskich pušč v lesničestwach byvszego Velikogo Knjażestva Litovskogo, sostavlennaja ...P.D.Isajkovskim i Ch. Belozorom v 1641 godu*, Wilno 1871.
- PnM *Perepis' naselenija Melnickogo poveta po prichodam i veroispovedanijam*, 1662 g. (w:) AWAK, t. XXXIII, s. 497–536.
- RBS *Regestr pomiary miasta Brańska i Suraża z należącymi do nich włościami z 1560-1563 r.* (w:) Piscovaja kniga Grodnenskoj ekonomii s pribavlenijami, cz. II, Wilno 1882.
- RG *Regestr pomiary włócznej ekonomii grodzieńskiej dokonanej w latach 1558–1563*, (w:) Piscovaja kniga Grodnenskoj ekonomii s pribavlenijami, cz. I, Wilno 1881.
- UP *Urzędnicy podlascy XIV-XVIII w.*, Spisy, opr. E.Dubas-Urwanowicz, W.Jarmolik, M.Kulecki, J.Urwanowicz, Kórnik 1994.
- Rozwiązanie skrótów:
- MalI M.Malec. *Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce*, Kraków 1994.
- Sup. A.B.Суперанская, *Словарь русских личных имен*, Москва ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.
- Tron.-Wal. *Słownik* A.Tronina, P.Walewski, *Biblijne nazwy osobowe i topograficzne. etymologiczny*, Edycja Świętego Pawła, Częstochowa 2009.
- cerk. cerkiewny
- gr. grecki
- hebr. hebrajski

łac.	łaciński
pol.	польский
scs	старо-церковно-славянский
suf.	суффикс
wsł.	восточнославянский

Literatura

1. Charkiewicz, J. *Kult świętych w Kościele prawosławnym. Teologia. Historia. Formy. Typologia*. Warszawska Metropolia Prawosławna, Warszawa, 2015.
2. *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*. Biblia Tysiąclecia, Wydanie IV, Wydawnictwo Pallotinum, Poznań, 1991.
3. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. Российское Библейское Общество, Москва, 1998.

Е.Н. Бекасова

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»
e-mail: bekasova@mail.ru

УДК 811.161.1'373

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА

Ключевые слова: ономастика, антропонимикон, антропонимическая система, номенклатура прозвищ, антропонимический ареал.

Сравнительный анализ номенклатуры городских и сельских прозвищ показывает значительные расхождения, которые обусловлены не только социально, но и территориально. При этом неофициальные ономастиконы сельских жителей представляют несколько антропонимических систем, в той или иной степени включающих подсистемы уличных прозвищ, диалектных антропонимов и типичных антропонимических моделей данной местности, что требует обязательного учёта территориального фактора в исследовании прозвищ.

E.N. Bekasova

Federal state educational institution of the higher education
«The Orenburg state pedagogical university»

FEATURES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF INFORMAL ANTROPONIMIKON

Key words: *onomastics, антропонимикон, antroponimichesky system, nomenclature of nicknames, antroponimichesky area.*

The comparative analysis of the nomenclature of city and rural nicknames shows considerable divergences which are caused not only socially, but also territorially. At the same time informal onomastikona of villagers represent several antroponimicheskikh of the systems in a varying degree including subsystems of street nicknames, dialect antroponym and typical antroponimichesky models of this area that demands obligatory accounting of a territorial factor in a research of nicknames.

Исследование систем неофициальных антропонимов Оренбургской области даёт основание считать, что особенности их функционирования, мотивации и номенклатуры имеют достаточно отчётливые территориальные различия. Безусловно, социальный аспект является более действенным в формировании системы неофициального антропонимикона. Однако нередко именно территориальный фактор обуславливает специфику социума, что отчётливо проявляется при сопоставлении реестра прозвищ города и села. Именно в сельской местности складывается достаточно устойчивое сообщество, осведомлённое о всех подробностях жизни каждого односельчанина, о характере человека и истории его семьи, что и позволяет выдавать ему тот «пашпорт на вечную носку», который пойдёт прозванному «в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» [6, 108–109].

Именно это обуславливает и более глубокую мотивацию сельских прозвищ по сравнению с городскими, где сменность коллективов и отсутствие полных сведений о личной жизни человека и его родственников не всегда позволяет, по определению Н.В. Гоголя, «влепить» прозвище, где «одной чертой обрисован ты с ног до головы!» [6, 109]. В этом плане показательны сопоставления городских / сельских прозвищ типа *Заяц* – мужчина, который любит слушать всякие разговоры, сплетни / *Заяц* – от фамилии Зайцев или за крупные, выступающие зубы; *Ваучер* – парень, который по определению респондентов, «никому не нужен» / *Ваучер* – от фамилии Ворчелов и под.

Для сельской местности также характерны так называемые уличные или семейные прозвища, складывающиеся на протяжении длительного существования населённого пункта, из-за сильнейших миграционных процессов в Оренбуржье свойственных только отдельным сельским поселениям, которые смогли выстоять в сложных условиях сокращения населения или смены его этнического состава. В частности, так выстраивается система прозвищ жителей двухсотлетнего села Городище, заселённого выходцами Воронежской губернии, записавшимися в оренбургские казаки. В антропонимиконе сохраняются старинные уличные прозвища, которые с появлением значительного количества «однофамильцев», получают дополнительные наименования или распадаются на отдельные прибавочные имена, которые нередко помечаются карандашом в зарплатных ведомостях при наличии полных тёзок, например: два из трёх Завалишиных Александров Ивановичей имеют прозвища – *Корней*, *Мелея*; три из четырёх Рязановых В.И. – *Кузенья*, *Самовар*, *Сокол*, Тулинцевы В.И. различаются как *Васян*, *Хатёк*, *Хромой*, соответственно их дети и внуки определяются по прозвищам – *Корнеевы*, *Мелеи*, *Кузени* и т.п. Как и сейчас, так и раньше такие прозвища чаще всего восходят к имени или прозвищу основателя рода или к разным этапам территориального деления села (*Востоковские*, *Угляне*, *Куток*; *Кировские*, *Октябрьские*) [3, 293–294]. Такое выстраивание антропонимического пространства определяет особое отношение к прозвищу – оно, как правило, лишено свойственных привычному прозвищному реестру коннотаций, поскольку городищенцы воспринимают свои прозвища как имена, соединяющие их с предками, которых чтят и помнят. Такое знание собственной родословной, нередко связанной с большинством жителей Городища, позволяет сохранять и общее прозвище *Чинёнки* (за умение готовить большие пироги, начинённые пареной тыквой), которое также воспринимается как общее достояние.

В других населённых пунктах Оренбургской области уличные прозвища отсутствуют или представлены единичными случаями, как правило, разграничивающими семьи однофамильцев по прозвищу их предков (дедов и прадедов) типа *Петряи*, *Рыжие*, *Чайники* (Болдыревы) и под. Некоторые деревенские прозвища по-прежнему сильнее

официальных: например, носительница прозвища *Малашкина* имела в жизни три юридические фамилии – девичью и две от длительных супружеских браков, но известна всем исключительно по уличной. В этом же селе Городки Тюльганского района зафиксирован случай фиксации уличного прозвища в качестве официальной фамилии у Варвары Мешковой (1898 г.р.), получившей в 1952 г. свидетельство о рождении с фамилией Потапова, под которой также были указаны её родители (Мешковы), известные жителям по основателю рода – деду Потапу.

Однако для большинства сельских населённых пунктов такая система прозвищ является исключением, при этом она может характеризоваться определёнными, нередко свойственными только данной местности особенностями организации. Так, в селе Сергиевка Первомайского района, несмотря на то, что оно было основано в 1852 г., отсутствуют уличные фамилии, а номенклатура прозвищ в основном представлена зооморфным кодом (более 100 наименований, что составляет 36% выявленных прозвищ), чаще всего традиционного плана, например: *Ворона* (рассеянный), *Коза* (активный и подвижный); *Муравей* (трудолюбивый и упорный), *Страусиха* (крупная и длинноногая девочка), *Баран* (простоватый), *Ежик* (по короткой стрижке), *Утка*, *Куропатка* (с излишней массой тела), *Рыба* (равнодушный), *Лошадь* (с тяжёлой походкой), *Обезьяна* (суетливый, с подвижной мимикой) и пр. Вторая по численности группа (30%) представляет типичные физиологические характеристики человека: *Желоб*, *Столб*, *Шланг*, *Шнур*, *Мосол*, *Оглобля* (высокий и худой), *Беляш*, *Пельмень*, *Пончик*, *Мант*, *Жбан*, *Стенка* (невысокий и полный), *Ликёр*, *Туманчик*, *Торчок*, *Колесо*, *Шприц*, *Синяк*, *Косяк* (любители выпить) и под. Надо отметить, что подобные прозвища можно рассматривать как «генеративные модели», «по которым они активно производятся на всем современном языковом пространстве. Они имеют много общего, даже тождественного, что особенно рельефно отражается в семантических моделях соответствующих наименований» [5, 58]. Кроме того, концептуальные признаки, лежащие в основе данных прозвищ, достаточно поверхностны, поскольку выделяют какую-либо внешнюю черту жителя Сергиевки и вследствие этого в массе своей являются отрицательными и в какой-то степени скрытыми от их носителей, в отличие от уличных фамилий, которые настолько распространены, что дети узнают свою официальную фамилию, когда начинают учиться в 1 классе.

Однако такой «стёртый» реестр прозвищ, свойственный обычно для школьных прозвищ-дразнилок, не является типичным для сельского населения, где имеется множество прозвищ, которые можно рассматривать как особый этнокультурный феномен [1], где задействованы весьма сложные механизмы словотворчества и этимологической рефлексии [4], более разнообразные в плане использования ресурсов русского языка, нежели в городской среде.

Для сельского населения также характерны прозвища диалектного происхождения, несмотря на то, что в Оренбургском крае за последние сто лет были практически полностью разрушены те системы вторичных говоров, которые складывались в XVIII–XIX вв. в результате активного переселения выходцев из 20 российских губерний. Именно в прозвищах нередко сохраняются рудименты прежних лексических систем материнских говоров, сохранённых на территории Оренбуржья *Лямза* – «мужчина маленького роста, пристающий с расспросами и разговорами» (от *лямзиться* – напрашиваться на дружбу, подлаживаться к кому-либо с корыстными целями (Ср. Урал, Зауралье) [7, 245]), *Марьюха* – «плохо слышащая женщина» (от *марьюха* – самка тетерева-косача (арх., холмог., пинеж.) [7, 379]) и др. Возможны и образования тюркского происхождения типа *куян* и *аскар*, которые имеют достаточно прозрачную семантику для жителей определённых территорий.

В целом, можно считать, что в городских прозвищах достаточно чётко прослеживаются типичные структурные и мотивационные модели, что связано с экспансией рус-

ского литературного языка, нередко в его медийном формате. Прозвища нередко возникают в результате языковой игры и ради этой игры, которая становится характерной чертой современной «городской» культуры. Ономастикон жителей сельской местности сохраняет свою важную номинативную функцию «придаточного» имени, с одной стороны, скрепляющего человека с определённым сообществом, а с другой, – глубоко дифференцирующего суть отдельного человека. При этом расхождения неофициального ономастикона определяется не только социально, но и территориально обусловленными в зависимости от сохранности диалектной составляющей, контактов с другими этносами, сохранения традиций именования в определённой местности и др. [2], что требует конкретного территориального описания систем сельских прозвищ и выявления антропонимических ареалов и универсалий антропонимических систем.

Литература

1. Бекасова, Е. Н. Лексикографический потенциал прозвищ как этнокультурного феномена / Е. Н. Бекасова // Проблемы истории, филологии, культуры», 2014. – № 3. – С. 164–166.
2. Бекасова, Е. Н. Региональный словарь неофициальной ономастики / Е. Н. Бекасова // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. матер. междунар. науч. конф. «Современные проблемы лексикографии», Минск, 23–24 ноября 2017 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. Культ., языка и лит-ры, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа ; редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2017. – Вып. 15. – С. 198–202.
3. Бекасова, Е. Н. Русские прозвища как отражение ментальности / Е. Н. Бекасова // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений : X Конгресс Междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. : в 3 т. – СПб., 2003. – Т. 3. – С. 293–303.
4. Бекасова, Е. Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера / Е. Н. Бекасова // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2013. – Вып. 3(22). – С. 5–12.
5. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Русские прозвища как объект лексикографии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 52–69.
6. Гоголь, Н. В. Мертвые души. Том первый / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений : в 14 т. – М. ; Л. : АН СССР, 1951. – Т. 6. – 923 с.
7. Словарь русских народных говоров. – Вып. 17. Леснокаменный – Масленичать. – Л. : Наука, 1981. – 384 с.

Н.Я. Бияк

Тернопольский национальный педагогический университет имени Владимира Гнатюка
e-mail: byna@ukr.net

Л.И. Вергун

Тернопольский национальный экономический университет
e-mail: laryssa_verhun@bigmir.net

УДК 811.112.2'373.23

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПРОЗВИЩАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Ключевые слова: *антропоним, прозвище, имятворчество, мотивация, экспрессивные прозвища.*

В статье осуществляется исследование прозвищ исторических персоналий и пути их образования. Разграничены понятия Beiname и Übername, которые соответствуют украинскому термину «прозвище» («прізвисько»). Рассмотрена роль прилагательных, используемых в процессе образования прозвищ. Проанализированы основные способы мотивации. На основе семантического значения прилагательных проведено разделение прозвищ на группы с мелиоративным, пейоративным и нейтральным значением. Определено, что прозвищное имя представляет собой особый класс имен собственных, который служит для дифференциации исторических личностей с тождественными именованями.

N.Y. Byjak

Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University

L.I. Verhun

Ternopil National Economic University

ADJECTIVES IN THE NICKNAMES OF HISTORIC PERSONALITIES

Key words: *anthroponym, nickname, name-creation, motivation, expressive nicknames.*

The article studies the nicknames of historical personalities and ways of their formation. The authors differentiate the concepts Beiname and Übername which correspond to the Ukrainian term «nickname» and consider the role of adjectives used in the process of nickname creation. The paper also focuses on the main methods of motivation analysis. Based on the semantic meaning of adjectives, the nicknames are divided into groups with meliorative, pejorative, and neutral meaning. The nickname is defined as a special class of proper names, which serves to differentiate historical personalities with identical naming.

It is a well-known fact that along with official surnames and names people are accompanied by unofficial names, i.e. the nicknames they receive due to their appearance, character, actions, origin, activity or other features. The nicknames were the first means of naming people. Thereafter, in the Middle Ages, the nicknames became sources of surnames creation.

Unofficial expressive names were traditionally used to nominate both ordinary people and nobility. A lot of rulers and generals entered the history under their nicknames. For royal dynasties, it was customary to give similar names to their descendants. This tradition dates back to the ancient Germans. It is also worth mentioning that all royal and princely dynasties had their own preferences in name-giving.

Through generations, Carolingians called their descendants Karl, Ludwig, Lothar; the future rulers of the Holy Roman Empire were generally referred to as Henry (Heinrich), Otto, and Conrad. Saxon princes and kings received the baptismal names of August, Friedrich or Heinrich. The tradition of giving the same names was a common phenomenon, even amongst brothers, i.e. quite often, the children of the king or prince, born of different wives, received the same names. The easiest way to differentiate rulers was to use ordinal numerals added to their identical names, as it was for instance with the French kings Karl I, Karl II or Louis XI, Louis XIV.

In France, with absolutism dominated, all kings were assigned traditional names typical for their royal dynasties in a strict chronological order. It is a well-known fact that the German-speaking territories comprised a large variety of states like kingdoms, principalities, and counties. Frequently, on these territories, the namesakes ruled during the same chronological period - like in the case with the Emperor of the Frankish Empire Charles III the Fat (876–887) and the King of the West-Frankish Kingdom Charles III the

Straightforward (893–923). Thus, this method was not quite sufficient for the differentiation of the Frankish, Saxon, Bavarian or other Louises, Charleses, and Henries.

The accompanying nicknames turned into an effective way of distinguishing the rulers. These additional names were unique individual identifiers not inherited by their descendants. Even though similar nicknames often occur in historical chronicles, they, however, refer to individuals who lived during different epochs and belonged to different dynasties. The following is far from a complete list of German Ludwigs: *Ludwig der Deutsche* (Louis the German), *Ludwig der Fromme* (Louis the Pious), *Ludwig der Große* (Louis the Great), *Ludwig das Kind* (Louis the Child), *Ludwig der Strenge* (Louis the Strict).

The German onomastic literature boasts several terms rendered into Ukrainian as a “nickname.” These are “Beiname”, “Rufname”, “Spitzname” and “Übername”. To identify the nicknames of historical personalities within the terminological variety mentioned above, the linguists most frequently use two terms: “Beiname” – an additional personal name, the so-called accompanying word given by a well-known person to distinguish him or her from a number of people with similar names and “Übername” – a nickname used to add more details to characteristics [3, 204]. Rosa and Volker Kohlheim emphasize that Beiname is the third mandatory part of the medieval name of historical personalities.

Wolfgang Fleischer critically substantiates differences between the two terms. He argues that the additional name (“Beiname”) characterizes a person from a social perspective, that is, it indicates a place of birth, origin, residence, profession, or service. The nickname (“Übername”) adds either physical or spiritual attributes and disappears together with the death of its bearer [2, 10]. Wilfried Seibicke points out the translatability of additional nicknames; these additions to the official name are always rendered, e.g. lat. *Carolus Magnus* – *Karl der Große* (German), *Charles the Great* (English), *Карл Великий* (Ukrainian), *Карл Вялікі* (Belarusian).

The Onomastic Atlas (dtv-Atlas Namenkunde) of Konrad Kunze denotes the additional name “Beiname” as the official part of the name; this is contrary to the ordinary nickname (“Übername”), which is defined as an unofficial constituent of the name or surname [2, 10].

Needless to say, that the semantics of official names and surnames is either opaque or already lost, whilst nicknames both indicate the person and supply additional details. In this case, the term “Beiname” is more appropriate to use since each nickname of historical personalities became an integral part of the official name, entered into historical chronicles, and distinguished its bearer among other Charleses, Ludwigs, Richards and others.

The nickname is an appropriate illustration of the official constituent of the name of the rulers and commanders. The most productive way of creating the accompanying nicknames is the use of adjectives. Structurally, they are mostly substantive adjectives. The naming motivation is divergent, e.g. appearance, character, age, etc.

The whole array of unofficial names under analysis undergoes subdivision into three clearly distinct groups:

- 1) nicknames with meliorative meaning;
- 2) nicknames with pejorative meaning;
- 3) nicknames with neutral meaning.

The first group includes adjectives that create laudatory names of rulers. The adjective “great” was the most desirable since the times of Alexander of Macedon. However, the legendary commander got the laudatory epithet *Alexander Magnum* (*Alexander the Great*) after his death, during the time of the Roman Empire. Afterward, rulers received this title while they were alive. It is quite apparent that “Great” as an additional name was flattering since it did not describe the height, but personalities’ significance for the human history. The most famous representative of the Carolingian dynasty who founded the Frankish Empire was called Charlemagne or Charles the Great (*Karl der Große*), the Prussian king of the

Hohenzoller dynasty / House of Hohenzollern was called Frederick the Great (*Friedrich der Große*), Louis the Great (*Ludwig der Große*), Otto the Great (*Otto I der Große*).

Each national onomasticon contains at least one well-known name with this adjective like German *Friedrich der Große* (Frederick the Great); Polish *Kazimierz III Wielki* (Casimir III the Great); Russian *Екатерина Великая* (Catherine the Great), *Петр Великий* (Peter the Great); Ukrainian *Володимир Великий* (Святославич) (Volodymyr the Great (Sviatoslavych)), *Роман Мстиславич* (Великий) (Roman the Great (Mstyslavych)).

Among other most frequently used epithets to create nicknames are adjectives indicating positive traits of character. Here belong lexemes with the semantic meaning of courage, perseverance, nobility, virtue, intelligence and attractive appearance: *Albrecht der Weise* (Albert the Wise), *Anton der Gütige* (Anthony the Kind), *August der Starke* (Augustus the Strong), *Heinrich II., der Heilige* (Saint Henry), *Johann der Beständige* (Johann the Steadfast or Johann the Constant), *Johann Friedrich I., der Großmütige* (Johann the Magnanimous), *Karl der Kühne* (Charles the Bold), *Ludwig der Fromme* (Louis the Pious), *Philipp der Schöne* (Philip I the Handsome), *Philipp der Gute* (Philip the Good), *Ярослав Осмомисл* (Yaroslav Eight-Minded); *Ярослав Мудрый* (Yaroslav the Wise).

The second group of names has less positive, even pejorative meaning. These are mostly antonyms of the first group adjectives – angry, timid, terrible, lazy, miserly, etc.: *Johann Friedrich der Entzündete* (John Frederick the Inflamed), *Karl der Böse* (Charles the Bad); *Karl der Einfältige* (Charles the Simple or the Straightforward), *Ludwig der Nichtstuer* (Louis the Do-Nothing), *Otto der Faule* (Otto the Lazy), *Іван Грозний* (Ivan the Terrible, *Iwan der Schreckliche*), *Святополк Окаянный* (Sviatopolk the Accursed). More numerous is a group of adjectives that describe an unattractive appearance (thick, thin, bald, small, big-nosed, noseless), *Friedrich der Einäugige* (Frederick the One-Eyed), *Friedrich der Gebissene* (Frederick I, the Bitten), *Johannes der Blinde* (John the Blinde), *Karl der Dicke* (Charles the Fat), *Karl der Kahle* (Charles the Bald), *Pippin der Bucklige* (Pepin the Hunchback) and indicate defective appearance nickname bearers (curved, humpbacked, lame, blind, dumb): *Albrecht der Lahme* (Albert the Lame), *Friedrich der Lahme* (Frederick the Lame), *Ludwig der Stammer* (Louis the Stammerer), *Мстислав Німий* (Mstislav the Dumb). By and large, the nicknames of these two groups are stylistically marked and have expressive coloring.

A group of nicknames with neutral connotation is formed by adjectives that identify older / younger members of the kin or the age of the nickname bearer: *Pippin der Altere* (Pepin the Elder or Pepin the Old), *Pippin der Mittlere* (Pepin the Middle), *Pippin der Jüngere*, *Pippin der Kleine* (Pepin the Short). Here also belong the adjectives, which specify a profession, territorial, national or ethnic affiliation: *Heinrich von Sandomir* (Henry of Sandomierz), *Johannes von Böhmen* (John of Bohemia), *Ludwig der Überseeische* (Louis From Overseas), *Ludwig von Tarent* (Louis of Taranto), *Philipp von Makedonien* (Philip of Macedon).

Although the latter may include an expressive adjective, everything depends on the political preferences of each nation and ethnic group. Amongst other identifiers, we detect an indication of some neutral or common features of appearance (bearded, bluish, blackish etc.), for instance: *Georg der Bärtige* (George the Bearded), *Johann Weißhaupt* (John the Whitehead), *Всёволод Чёрмний* (Рудий) (Vsevolod Svyatoslavich the Red).

Similarity and identity of individual unofficial names are explained by a similar situation or motivation. The ways of their origin are also diverse. On the one hand, the referent can get the nickname during his or her life as a compliment or, conversely, as a mockery of contemporaries, supporters or enemies. Other names can appear much later, after the death of the ruler; they are created by further generations of chroniclers or historians.

Functions of the names of historical personalities combine the features of two categories of onymes. Being additional official names, they are used to identify a person. Nonetheless, they also serve as expressive names.

Though the tradition of naming people with semantically transparent nicknames dates back to antiquity, it is preserved to date. Nowadays, journalists use such “titles” metaphorically to characterize modern politicians. Thus, Angela Merkel is often called Angela die Grosse (Angela the Great). Though such titles are unofficial, it is quite probable that they will turn into well-known identifiers of famous personalities, as it happened with the nickname of Margaret Thatcher often called the Iron Lady.

References

1. Fleischer, W. Die deutschen Personennamen. Geschichte, Bildung und Bedeutung / W. Fleischer. – Berlin : Akademie-Verlag, 1964. – 238 S.
2. Kunze, K. dtv-Atlas Namenkunde / K. Kunze – München : Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1998. – 240 S.
3. Kohlheim, R., Kohlheim, V. Personennamen / R. Kohlheim, V. Kohlheim // Namenarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik ; hrsg.: A. Brendler, S. Brendler. – Hamburg : baar, 2000. – S.672–704.
4. Seibicke, W. Die Personennamen im Deutschen / W. Seibicke. – 2. Auflage. – Berlin ; New York, 1982. – 234 S.

Н.В. Бубнова

Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
e-mail: 85ninochka67@mail.ru

УДК 81.161.1'373.2+81'27

АНТРОПОНИМ М.И. ГЛИНКА В СОСТАВЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: *антропоним, ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент, имя собственное (оним), фоновые знания, языковая личность.*

В статье представлен ассоциативно-культурный фон антропонима М.И. Глинка в восприятии общенациональной языковой личности. Актуальность работы обусловлена тем, что она выполнена в русле исследований имени как «культурного знака», особенно востребованных в условиях общепланетарного глобализма начала XXI века и необходимости национальной самоидентификации. Основным методом исследования выступил масштабный ассоциативный эксперимент, в результате которого установлено, что имя М.И. Глинки входит в состав фоновых знаний культурного наследия, обеспечивающих связь поколений внутри этнокультурного сообщества.

N.V. Bubnova

Russian Federation Army Air Defense Military Academy
named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky

ANTHROPONYM MIKHAIL GLINKA IN THE COMPOSITION OF THE BACKGROUND KNOWLEDGE OF THE NATIONAL LINGUISTIC PERSONALITY

Key words: *anthroponym, associative and cultural background, associative experiment, proper noun (onym), background knowledge, linguistic personality.*

The article provides an associative and cultural background of anthroponym Mikhail Glinka in the perception of national linguistic personality. The relevance of the work is conditioned by the channel of the name researches as a “cultural sign”, especially demanded in the conditions of the nationwide globalism of the XXI century beginning and the necessity of the national self-identification. The full-scale associative experiment was the main method of the research. As a result of the experiment it was enucleated that the name of Mikhail Glinka is organic to the background knowledge of the cultural heritage, providing the connection between the generations within the ethno-cultural community.

В результате исследования имён собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян [см. 1] нами было установлено, что имя великого русского композитора **Михаила Ивановича Глинки** является для жителей Смоленского края общезначимым (прецедентным) именем и входит в состав «ядра» фоновых знаний смолян о своём крае (М.И. Глинка родился в с. Новоспасское Смоленской губернии в 1804 году).

Проведённый нами с респондентами-смолянами ассоциативный эксперимент показал, что к числу общезначимых относятся следующие смоленские имена (для каждого имени в скобках указан индекс частотности): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), **М.И. Глинка** (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124).

На данном этапе работы мы исследуем, как представлены «ядерные» (общезначимые / прецедентные) смоленские имена на общенациональном уровне. Для этого нами был проведён ассоциативный эксперимент со студентами разнопрофильных вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов – 1617. В эксперименте приняли участие студенты следующих московских вузов (826 испытуемых, здесь и далее для каждого вуза в скобках указано количество участников): Московского государственного университета дизайна и технологий (234); Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (174); Московского государственного областного университета (172); Российского государственного гуманитарного университета (137); Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (62); Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (29); Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (18). Также участниками эксперимента стали студенты петербургских вузов (791 респондент): Санкт-Петербургского государственного технологического института (406); Санкт-Петербургского государственного университета (209); Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (132); Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (44). В начале эксперимента участники заполняли анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, курс обучения, место рождения (Москва / Петербург или другой город / посёлок), образование (среднее / среднее специальное / высшее), сфера будущей профессиональной деятельности (гуманитарная / техническая), родной язык(и). Наиболее релевантным для настоящего исследования является показатель места рождения респондентов, по которому испытуемых можно разделить на несколько групп: родились в другом городе России (не в одной из двух столиц) – 900 испытуемых (55,6%); в Москве – 344 (21,3%); в Санкт-Петербурге – 283 (17,5%); в деревне / посёлке – 90 (5,6%). Следует отметить, что в эксперименте приняли участие испытуемые из самых разных городов России, исходя из чего, можно говорить о том, что в результате эксперимента нами был выявлен состав фоновых знаний о «ядерных» (общезначимых / прецедентных) смоленских именах, присущий общенациональной языковой личности.

Собственно эксперимент состоял в том, что респондентам было предложено записать любые реакции, связанные с перечисленными выше прецедентными смоленскими ономастическими единицами (время реакций на каждый стимул ограничивалось 7 секундами; стимулы предъявлялись устно в порядке убывания их индексов частотности, выявленных в результате эксперимента на региональном уровне). Полученный ассоциативный материал был обработан посредством создания электронной базы данных, где в компактном и удобном для дальнейшего анализа виде представлен состав ассоциативно-культурного фона (далее АКФ) [2, 166] каждого онима-стимула.

В настоящей работе остановимся на характеристике АКФ антропонима *М.И. Глинка*, для которого были зафиксированы следующие количественные показатели: количество незаполненных бланков – 104 (6,4%); общее количество реакций – 331 (2221 употребление); количество совпадающих реакций – 73 (1902 употребления; 85,6%); количество несовпадающих реакций – 258 (319 употреблений). Количество совпадающих реакций и употреблений в электронной базе было подсчитано следующим образом: реакцию *композитор* на стимул *М.И. Глинка* привели 259 студентов из Санкт-Петербурга и 271 московский студент – это 1 совпадающая реакция, 530 употреблений и т.д.

Количество несовпадающих реакций – это полученная разница от количества названных реакций и количества совпадающих реакций (совпадающие реакции электронная база данных подсчитывает автоматически). Например, на стимул *М.И. Глинка* в списках реакций московских студентов было зафиксировано всего 190 реакций, из них 73 совпадающих, следовательно, 117 реакций не совпадают со списками петербургских студентов; а для студентов из Петербурга: 214 – общее количество реакций – 73 совпадающих = 141 несовпадающая реакция; общее число несовпадающих реакций: $117 + 141 = 258$.

Количество несовпадающих употреблений рассчитывалось по формуле $(a + b) - c$, где a – количество употреблений в списках московских студентов, b – количество употреблений в списках петербургских студентов, c – количество употреблений совпадающих реакций. Для стимула-антропонима *М.И. Глинка*: $(1076 + 1145) - 1902 = 319$.

Общим количеством реакций и употреблений в окончательно обработанном составе АКФ онима-стимула мы называем сумму совпадающих и несовпадающих реакций и употреблений. Для антропонима *М.И. Глинка*: 73 совпадающие реакции + 258 несовпадающих реакций = 331 реакция; $1902 + 319 = 2221$ употребление.

Количество употреблений совпадающих реакций (85,6%) свидетельствует о стереотипности восприятия заданного стимула респондентами. Неповторяющиеся реакции представлены преимущественно единично: они являются индивидуальными или представляют собой реакции с неясной мотивационной основой. Далее для классификации будем использовать совпадающие реакции респондентов.

Разработанная нами электронная база данных даёт возможность классифицировать материал по разным основаниям. Наиболее значимым основанием для классификации онимов как единиц в составе фоновых знаний носителей языка является их когнитивная ценность (когнитивный потенциал). По данному критерию мы выделяем три типа реакций: общезначимые (реакции, мотивация возникновения которых закономерна и очевидна не только для автора этой реакции); индивидуальные реакции и реакции с неясной / неоднозначной мотивационной основой.

Общезначимые реакции мы подразделяем на пять групп: 1) информативные, передающие значимые компоненты АКФ имени; 2) оценочные, выражающие положительную / отрицательную оценку онима-стимула; 3) формальные, основанные на внешнем звуковом сходстве со стимулом; 4) ошибочные, отражающие неверное восприятие онима-стимула; 5) «пустые», свидетельствующие о незнании респондентами информа-

тивных компонентов АКФ имени либо не заключающие в себе никакой конкретной информации, относящейся к имени.

Рассмотрим, какие группы реакций можно выделить в составе АКФ антропонима *М.И. Глинка*. Следует отметить, что в спорных случаях принадлежность реакции той / иной смысловой группе определял «ассоциативный контекст». Для каждой группы указано количество формирующих её реакций / количество употреблений; группы расположены по убыванию общего количества повторяющихся реакций; для каждой реакции указан индекс частотности (графическое оформление реакций респондентами преимущественно сохранено). Состав АКФ антропонима *М.И. Глинка* формируют 73 реакции (1902 употребления), в числе которых 69 общезначимых реакций и 4 реакции с неясной / неоднозначной мотивационной основой (*книга 5; театр 4; картина 3; гренки 2*).

Среди общезначимых реакций могут быть выделены следующие группы:

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 43 / 1701:

1. Реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени, 37 / 1680:

1.1. Профессия, род занятий: *композитор 530; музыкант 71; русский композитор 8*.

1.2. Сфера искусства и её атрибуты: *музыка 681; классика 62; ноты 57; опера 33; Могучая кучка 30; искусство 28; фортепиано 17; пианино 15; мелодия, симфония 8; классическая музыка, рояль 7; скрипка 6; консерватория, песни 5; вальс, мелодии, МХК, оркестр, романс 4; композиция, культура, нота 3; оперы, песня, симфонии, танец 2*.

1.2.1. *Музыкальная школа 14; школа 7; уроки музыки 3*.

1.3. Названия произведений: *Иван Сусанин 16; Жизнь за царя 12; Руслан и Людмила 9; Славься! 4*.

2. Реакции, описывающие жизнь М.И. Глинки, 4 / 16:

2.1. *Россия 7; русский 5; Смоленск 2*.

2.2. *Гоголь 2*.

3. Реакции по смежности 2 / 5: Рахманинов 3; Бетховен 2.

«ПУСТЫЕ» РЕАКЦИИ 9 / 61: *человек 18; творчество 16; история, мужчина 7; автор, борода, произведения 3; известность, известный человек 2*.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 6 / 58:

1. *Писатель 30; поэт 5; стихи 4*.

2. *Художник 10*.

3. *Садко 5; балет 4*.

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 10 / 34: *талант 6; гений 5; великий, красивая музыка 4; великий композитор, великий русский композитор, красота 3; великий музыкант, потрясающий композитор, талантливый 2*.

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ 1 / 34: глина 34.

Проанализировав представленный выше состав АКФ антропонима *М.И. Глинка*, мы пришли к выводу о том, что списки реакций респондентов-смолян [1] и студентов столичных вузов в целом соотносятся: наиболее распространённые смысловые группы в них формируют реакции, характеризующие сферу деятельности носителя имени, что свидетельствует о прочности данной ассоциативной связи. Принципиальным отличием списков реакций смолян от списков реакций на национальном уровне является то, что среди общих для столичного студенчества реакций не зафиксирована ни одна ассоциация, отражающая память о великом композиторе, а список реакций жителей Смоленского края отличается разнообразием и частотностью таких реакций: *памятник, филармония, музей-усадьба* и др. Такие результаты ещё раз доказывают, что именно в регионе концентрируется историческая память о великих личностях в истории России, и эти сведения должны быть популяризированы и выведены на общенациональный уровень (для специалистов-филологов, прежде всего, посредством лексикографических изданий).

Абсолютное большинство реакций столичного студенчества на антропоним *М.И. Глинка* (1902 употребления из 2221; 85,6%) – это реакции информативного типа, что можно рассматривать как показатель того, что данное имя принадлежит общенациональному уровню лингвокультурологической ценности. Информативные реакции в составе АКФ проанализированного онима называют имена, объекты, реалии и характеристики, позволяющие эксплицировать большой объем информации (в частности, историко-культурной информации), обогащающей состав АКФ исследуемого онима. В виду необходимости соблюдения требований к жанру научной статьи и её объёму эта многоплановая информация не представлена в тексте настоящей работы. В перспективе она может найти отражение в различных антропоориентированных словарях (краеведческих, лингвокультурологических, ассоциативных).

Литература

1. Бубнова, Н. В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Бубнова ; СмолГУ. – Смоленск, 2011. – 285 с.
2. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : в 2 ч. / Н. А. Максимчук. – Смоленск : СГПУ, 2002. – Ч. 1. – 204 с.

Л.М. Вардомацкий

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vard_L@tut.by

УДК 811.161.1'37(075.8)

ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ В ИНВЕНТАРНОЙ ПЕРЕПИСИ ГОРОДА ВИТЕБСКА ЗА 1618 ГОД

Ключевые слова: *антропонимика, имя, имя собственное, структура именований, прозвище, культурно-историческая особенность.*

В статье анализируются особенности состава, структуры и социальной несенности отдельных именований и групп антропонимов, представленных в инвентарном списке города Витебска за 1618 год.

L.M. Vardomackiy

Vitebsk State University named after P.M. Masharov

THE SPECIFICITY OF THE INHABITANTS' NAMES IN THE INVENTORY OF THE CENSUS OF THE CITY OF VITEBSK IN 1618

Key words: *onomastics, name, proper name, structure of names, nickname, cultural-historical feature.*

The article analyzes the peculiarities of composition, structure and social relatedness of the individual names and groups of anthroponyms presented in the inventory list of city of Vitebsk for 1618.

Белорусская историческая антропонимика получила свое начало и развитие в трудах таких известных исследователей истории формирования белорусской антропонимики, как Н.В. Бирилло, А.М. Мезенко, Т.Г. Трофимович, А.Ф. Рогалев,

И.Л. Копылов, И. Крамко. Вместе с тем, несмотря на значительные достижения, в силу ряда причин белорусская историческая антропонимика как научное направление все еще находится на пути своего становления.

Наша работа посвящена изучению форм и структуры имен собственных г. Витебска начала XVII века. Как известно, это время активного формирования официальных именованных жителей на территории современной Беларуси. Как пишет Т.Г. Трофимович, «в XVII веке еще не существовало юридически закрепленных форм имен собственных. Старобелорусский антропонимикон к этому времени в качестве константы приобрел обусловленный в основном религиозной традицией состав имен. Фамилии же и отчества как средства идентификации лиц находились в стадии становления» [1, 1].

В конце XVI – первой половине XVII веков в Витебске по разным поводам (в связи с получением Магдебургского права, по поручению Иосафата Кунцевича, в связи с возвращением Витебску привилегий свободного города и т.п.) проводились различные переписи, составлялись инвентари различного характера: домов, храмов, надворных построек, земельных участков. И в большинстве случаев в этих переписях и инвентарях приводятся имена их владельцев. В итоге общий объем приведенных в различных документах именованных жителей города достаточно обширен и дает возможность исследователям делать достаточно валидные выводы.

В данном исследовании остановимся на именовании жителей города Витебска, представленных в инвентаре, подготовленном *«его милости отцу Иосафату Кунцевичу, архиепископу Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому, въ року, теперъ идучемъ, тысеча шестьсотъ осмнадцатымъ, месяца Генваря десятого дня»* [2, 386]. Обращение именно к этому документу дает нам интересную возможность определить особенности именовании жителей города Витебска ровно 400 лет назад, а вместе с тем, и проследить некоторые тенденции развития этого процесса.

В первой части инвентаря перечислены владельцы домов и огородов *«до того двора его милости архіепископскаго Витебскаго мещане, въ томъ месте мешкаючіе на плацахъ церковныхъ, под присудомъ его милости архіепископскимъ»* [2, 386]. Именования этой группы жителей города и являются объектом нашего внимания. В инвентаре представлено пять «посадов» города: «посад Богородицкий, посад на Узгорьи, посад на Кстове, посад Заручайский, посад на Песей полянце». Всего около 120 домов с указанием имен их владельцев. Причем в социальном и имущественном статусе все владельцы домов приблизительно одинаковы – каждому принадлежит «1 дым». Естественно, кроме владельцев, в домах вместе с ним проживали и члены их семей, часто многочисленные. Однако у нас сегодня нет возможности говорить о том, имели ли они официальные именования. Поэтому в нашем распоряжении 120 имен собственных, перечисленных в Инвентаре владельцев домов, которые в силу их фиксации в документе будем считать официальными.

Все именования, представленные в документе, в структурно-семантическом плане не отличаются унифицированностью. Однако во внешней бессистемности и разнообразии уже выделяются определенные и поддающиеся типологизации группы.

1. В Инвентаре представлена небольшая группа однословных именованных людей, как бы включающих в себя одновременно и имя, и фамилию: *Нестеръ, Макаръ, Озарко, Иван, Сазон, Пронко, Корнило, Совостей*.

К этой же группе отнесем и именование Олейник (именование по профессии). Внесение такого именованного в официальный документ свидетельствует о том, что его носитель широко известен среди жителей посада именно под таким «именем».

2. Вторая группа – двухсловные именования «имя плюс название профессии»: *Тихно пономарь, Андрей Слесарь, Фроль Кровецъ, Лешко Кравецъ, Денись Кравецъ, Демешко Коваль, Парфень Коваль, Лавринъ Коваль, Хома Золотарь, Мартынъ Пирожникъ, Хорко Пирожникъ, Яско Чоботарь, Грышко Чоботарь, Хома Чоботарь, Кирило Гончарь, Михайло Котельникъ, Михалко Котельникъ, Федоръ Тесля, Яковъ Рыбакъ*.

В одном случае имеем двухсловное именование «имя плюс обозначение национальности»: *Довидъ, жидъ*.

3. Двухсловные именования «имя плюс прозвище», которые, в свою очередь, распадаются на две подгруппы:

1) прозвища этимологически мотивированные внутренней формой: *Сидко Царь, Лавринъ Гайдукъ, Романъ Кротъ, Семень Пятница, Хома Кривопускъ, Апанасъ Подавалица, Кондратъ Кабанъ, Иванъ Лукъ, Отрохимъ Бобръ, Максимъ Воронъ, Мартынъ Волчокъ, Гришко Жолтякъ*;

2) прозвища с неочевидной (скрытой) мотивировкой значений: *Максим Бурый, Ахрестъ Семакъ, Гаврила Туза, Фтедор Сапонъ, Семень Загара, Иванъ Пурышка, Артемъ Лялоха, Филонъ Кирдасъ, Ониско Мостика, Иванъ Поротикъ, Гришко Чертокъ, Отрохимъ Колмакъ, Микита Сервасникъ, Матвей Клюбко, Богданъ Клюбка, Денисъ Клюбко, Иванъ Паненка, Яско Орешко*.

Однако, при специальных дополнительных этимологических изысканиях большинство именовании и из этой группы (*Бурый, Туза, Сапон, Лялоха, Черток*) также могут быть соотнесены с соответствующими мотивирующими основами.

4. Двухсловные именования «имя плюс отчество»: *Томашъ Юрковичъ, Кузма Семенович, Максимъ Кузминичъ, Карцъ Ждановичъ, Мартинъ Валентиновичъ, Микита Левоновичъ, Микита Павловичъ, Алексей Овдакимовичъ, Тышко Ивановичъ, Лукьянъ Корниловичъ, Тышко Ивановичъ*.

5. Имя плюс фамилия-притяжательное прилагательное

на -ин-: *Теодоръ Белянинъ, Иванъ Любоченинъ, Хлоръ Кутчинъ, Васко Пятничинъ, Яско Пятничинъ* (ср. в третьей группе *Семень Пятница*), *Иванъ Ключинъ, Михалко Дружининъ*

и на -ов-: *Лавринъ Сыластовъ, Хома Бобровъ* (ср. в третьей группе *Отрохимъ Бобръ*), *Корнило Отратовъ*.

6. Наконец, в списке домовладельцев города Витебска за 1618 год выделяется группа фамилий на -ский. Ряд примеров позволяет нам говорить о том, что в исследуемом списке эти фамилии также восходят к притяжательным прилагательным. Например, в списке находим: *домъ Белусовский, огородъ Циринский, огородъ Туриновский, домъ Нецинский, домъ Лялошинский пустый, огородъ Бартошовский, огородъ Скрабинский, огородъ Самсоновский, домъ пустой Жолтековский*. Во всех этих случаях мы имеем ответ на вопрос *чей? (дом, огород)*. Тем более очевидно это вытекает из присутствующих в списке пар типа *Артемъ Лялоха – домъ Лялошинский*. В нашем списке-инвентаре представлены всего две фамилии, построенные по такой модели: *Демьянъ Ольшевский, Янъ Бартковский*.

7. Особый интерес вызывают именования-фамилии лиц женского пола, являющихся владелицами домов и огородов. Как и в некоторых современных белорусских говорах, и в других славянских языках (например, в чешском), судя по приведенным примерам, представленным в инвентарном списке, именование замужних женщин производилось по формуле *чья?* с суффиксом притяжательности -ин-, -ов-: *Сосниная удова Угриная удова, Марина удова, Лавриновская удова, Шушпановая удова, Петровая удова, Демешковская удова, Якубовая удова*. Эти именования демонстрируют нам одну интересную лингвистическую особенность, кажется, еще не замеченную в лингвистической литературе. Как известно, в истории русского языка притяжательные прилагательные практически не развили полные формы. В белорусском языке наблюдается противоположная тенденция. Сравним, в русском языке: *отцов – отцова – отцову..*, в белорусском – *бацькаў – бацькавага – бацькаваму...* Представленные в нашем документе формы *Сосниная удова, Петровая удова* и т.п. (за исключением *Марина удова*) как раз демонстрируют этап формирования фамилий – полных форм притяжательных прилагательных.

8. Только одним примером представлено именование *Лукаша сынъ (Лукаша небожика сынъ и жона зостала)*.

«Имя собственное, – как отмечает А.Ф. Рогалев, – не просто слово, а “продукт” определенной эпохи и определенной культуры» [3, 3]. В изучении истории формирования любого языка имена собственные играют существенную роль, поскольку именно в номинативной лексике, как известно, с одной стороны, закрепляется исторический опыт народа. В форме, структурных и даже графических особенностях номинативов отражается социальная структура общества тех или иных эпох, что наглядно демонстрируют приведенные выше примеры.

Литература

1. Трофимович, Т. Г. Актовые книги городских магистратов как источники по истории языков Великого Княжества Литовского [Электронный ресурс] / Т. Г. Трофимович. – Режим доступа: lib.bspu.by/bitstream/doc/6993/1/Вильнюс.pdf.
2. Сапунов, А. П. Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск, 1883. – Т. 1. – 668 с.
3. Рогалев, А. Ф. Этнические и географические названия как источник для изучения этноязыковой истории (на материале Беларуси) : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А.Ф. Рогалев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1996. – 37 с.

О.С. Вербовета

Тернопільський національний педагогічний університет
імені Володимира Гнатюка
e-mail: Oksana_Werbowetska@ukr.net

УДК 81'373.231: 81'373.2

ІНДИВІДУАЛЬНІ ПРИЗВИСЬКА, МОТИВОВАНІ ОСОБЛИВОСТЯМИ РОДИЧІВ АБО ЧЛЕНІВ СІМ'Ї НОСІЯ (НА МАТЕРІАЛІ АНТРОПОНІМІЇ ТЕРНОПІЛЬЩИНИ)

Ключевые слова: неофициальное название, индивидуальное прозвище, мотив номинации, семантика образующей основы, родственное именование.

В статье на материале неофициальной антропонимии Тернопольщины проанализирована группа индивидуальных прозвищ, мотивированных особенностями родственников носителя, определены микрогруппы по мотивам номинации. Осуществлен лексико-семантический и структурный анализ названий, описаны тематические группы лексики, которые стали основой именований.

O.S. Verbovetska

Ternopil Volodymyr Hnatyuk National Pedagogical University

INDIVIDUAL NICKNAMES, MOTIVATED BY FEATURES OF RELATIVES AND FAMILY MEMBERS BEHAVIOR (BASED ON THE ANTHROPONYMIC MATERIAL OF TERNOPIL REGION)

Key words: unofficial name, individual nickname, the motive of nomination, semantics of creators' basis, akin names.

The article analyzes the group of individual nicknames, based on the features of relatives and family members behaviour, based on the material of the informal anthroponymy of Ternopil region, and a microgroup was presented based on the nomination's motives. The lexical-semantic and structural analysis of these names is carried out, thematic groups of vocabulary, which became the basis of naming, are shown.

У будь-якому сучасному українському антропоніміконі тісно переплітаються дві системи іменування – офіційна та неофіційна. Кожна з них має своє функціональне призначення, історію становлення та свій набір компонентів. Про становлення офіційних назв можна говорити з часу документального закріплення і передачі іменувань у спадок. Усе, що залишалося поза межами «офіційного», набуло позначення «неофіційна система іменування». Загалом в ономастичній літературі поширеними є назви «народнорозмовна», «розмовно-побутова», «побутова», «живомовна» або «народна» системи іменування, «назви по-вуличному», «вуличні іменування» і под. Неофіційна та офіційна системи іменувань дуже тісно співіснують, бо в неофіційній сфері можуть використовуватися й офіційні назви, натомість офіційні стають основою для утворення народнорозмовних найменувань.

Сучасну офіційну систему іменувань українців становлять ім'я, прізвище та ім'я по батькові. Неофіційні іменування в процесі комунікативного акту набагато частотніші, ніж офіційні, тому й добір їх більш різноманітний: особові імена, індивідуальні прізвиська, сімейно-родові іменування, родичівські назви, соціоколективні та колективно-територіальні іменування, ніки, псевдоніми, псевдо та позивні. Їх вибір залежить від інтралінгвальних та екстралінгвальних чинників. Офіційні назви вивчені достатньо як синхронічному, так і в діяхронічному аспектах, натомість неофіційна система іменувань представлена лише дослідженнями з окремих регіонів (Закарпаття, Луганщини, Волині, Донеччини, Вінниччини; частково – Бойківщини, Львівщини; фрагментарно – конкретних населених пунктів).

Найпоширенішою групою неофіційних іменувань в українській ономастиці є індивідуальні прізвиська. Словники трактують прізвисько як «вид антропоніма, додаткову, неофіційну назву, дану людині оточенням за визначальними рисами її характеру, фізичними ознаками, звичками, походженням і под.» [2, 154]; «1. Найменування, яке іноді дається людині (крім справжнього прізвища та імені) і вказує на яку-небудь рису її характеру, зовнішності, діяльності, звичок // рідко. Конспіративна кличка або псевдонім. 2. рідко. Те саме, що прізвище» [1, VIII, 108]. М. Худаш, вважає, що «прізвиська – це особові назви, яких люди набувають у побутовому оточенні мимоволі, часто випадково, в різні періоди свого життя за тією чи іншою зовнішньою або внутрішньою властивістю чи якимось незвичним випадком, що з ними трапився, і під яким вони потім відомі лише в близькому оточенні» [4, 81–83].

Досить часто дослідники власні неофіційні назви, що мають різне походження й функції, об'єднують під однією назвою «прізвиська». Проте, індивідуальні прізвиська мають ряд ознак, якими вирізняються серед інших груп неофіційних назв: це додаткова факультативна характеристична назва, неспадкова, утворена на основі виявлених характерних рис денотата [5, 155]. Функціональну специфіку прізвиськ серед інших неофіційних іменувань спостерігає А. Усцінович: «Виділення і об'єднання прізвиськ в особливу групу зумовлене перш за все їх специфікою і функцією (характеристично-диференційною), обмеженою сферою використання (усна практика, відсутність юридичного статусу), своєрідними принципами називання (підкреслюють реально-фізичні чи внутрішньопсихологічні ознаки)» [3, 236].

Детальний аналіз індивідуальних прізвиськ окремих регіонів України, різні спроби їх систематизації та класифікації подають у дисертаційних працях, монографіях та окремих статтях українські дослідники, серед яких найґрунтовнішими є дослідження П. Чучки, Н. Федотової, Н. Шульської, М. Наливайко, О. Антонюк, В. Павлюк, Г. Аркушина та ін.

Ще однією великою групою індивідуальних неофіційних іменувань, які більшість українських дослідників кваліфікують також як прізвиська, є неофіційні назви осіб за батьком, матір'ю і т. под. – родичівські назви. На такі іменування звертали увагу В. Охримович, І. Ковалик, П. Чучка, Л. Кравченко, М. Наливайко, Г. Сенік, М. Тимінський, В. Німчук та ін. Вони, на відміну від індивідуальних прізвиськ, «носять

свого фактично не характеризують, а тільки вказують на його відношення до якогось родича (до батька, матері, чоловіка, дружини і т. под.)» [5, 163]. Такі назви утворюються за специфічними моделями, мають стандартні форманти, чим відрізняються від індивідуальних прізвищ, мотивованих особливостями родичів або членів сім'ї.

Метою статті є аналіз індивідуальних прізвищ, а саме однієї з мотиваційних груп – прізвищ, мотивованих особливостями родичів або членів сім'ї носія. Аналіз здійснено на основі прізвищ, записаних у 128 населених пунктах Тернопільської області. Матеріал зібрано шляхом усного опитування респондентів різних вікових груп.

Прізвиська, мотивовані особливостями родичів або членів сім'ї носія, є малочисленими, становлять усього $\approx 1\%$ від усіх опрацьованих індивідуальних прізвищ. Такі антропоніми мотивовані ознакою не самого денотата, а особи з його оточення – батька, матері, бабусі, дідуся, чоловіка, дружини і т. ін. Самі носії прізвища не мають ознак, які мотивують відповідну назву, тому більшість дослідників взагалі не виділяють такої групи індивідуальних прізвищ. Віднести ж їх до родичівських назв ми не можемо, оскільки родичівські назви іменують денотата лише за назвою родича або члена сім'ї. У нашому ж випадку родичі не є носіями назви, але мають ознаку, яка стала мотивом іменування іншої особи – денотата. Ці прізвища знаходяться на периферії, виходячи з самого трактування поняття «індивідуальне прізвище», як назви, утвореної від ознак та особливостей денотата, якими він відрізняється від решти членів колективу.

Кожен спосіб іменування за родичем «зумовлений цілком конкретними причинами і діє лише за певних умов. У кожному випадку номінації найменувач має декілька можливостей чи способів назвати людину за її родинними зв'язками. Однак серед усіх чинників, від яких залежить вибір родича, що на нього орієнтують новоутворюване прізвище, найвагомішими є авторитетність цього родича в колективі та ступінь індивідуалізації його назви» [5, 608].

За особливістю батька денотата виникло 23 прізвища, серед яких назви за його зовнішнім виглядом: *Мала Будулайка* 'батько був схожий на Будулая (пор. Будулай – герой кінофільму «Циган»)» (Пр.); етнічною належністю: *Мойша* 'батько євреї' (Іл.), *Пані* 'батько поляк' (Вис.), *Чешка* 'батько переїхав в Україну з Чехії' (Сок.). Проте найбільшу групу становлять назви, що виникли за професією або діяльністю батька: *Бемка* 'батько працював на БМці, пор. рос. БМ «ботвоуборочная машина»' (Март.), *Бензола* 'батько працював на бензовозі' (Худ.), *Бондаренко* 'батько виготовляв бочки' (Сн.), *Віта* 'батько був війтом' (Іл.), *Вовнянко* 'батько мив вовну на суконній фабриці' (Мик.), *Волян* 'батько виготовляв олію' (Бугл.), *Голова* 'батько працював головою колгоспу' (Бугл., Петр.), *Директор* 'батько працює директором школи' (Тил.), *Дума* 'батько працював у російській «Думі»' (Бугл.), *Капчиха* 'батько ремонтував взуття, пор. діал. капець' (Воз.), *Козачка* 'батько був козаком' (Тил.), *Льотчик* 'батько був пілотом' (Петр.), *Попиха* 'батько був священиком' (Худ.), *Рахівничка* 'батько працює бухгалтером' (Сок.), *Цимбалка* 'батько грав на цимбалах' (Сок.), *Чоботарик* 'батько шиє взуття' (Мик.), *Шеф* 'батько працює директором цегельного заводу' (Підг.), *Щека* 'батько працює стоматологом, пор. місц. щека «щелепа»' (Конст.).

Особливість матері денотата, її іменування, характер діяльності або випадок із життя послужили мотивами виникнення 6 прізвищ: *Катеруся* 'мати Катерина' (Гл.), *Янечка* 'мати Іванна' (Вис.); *Ворожка* 'мати вміла ворожити' (Бурк.); *Швабра* 'мати працює прибиральницею' (Іл.); *Попаринка* 'ошпарила чоловіка, пор. попарити' (Іл.).

Особові імена обох батьків стали причиною виникнення прізвища *Сяндуня* 'батько має ім'я Сян <Олександр, мати – Дуня <Євдокія' (Мол.), їх етнічна належність – прізвища *Гуцулік* 'батьки родом із Закарпаття' (Гор.).

Значно менше назв мотивовано особливостями старшого покоління родичів – дідуся та бабусі, що зумовлено віддаленістю спорідненості родича і носія назви. За випадком із життя або діяльністю дідуся утворено 5 прізвищ: *Американець* 'дід був на заробітках в

Америці' (Бар.); *Бугаєха* 'дід доглядав у колгоспі худобу' (Худ.), *Дратва* 'дід денотата ремонтував взуття' (Кр.), *Дудочка* 'дід любив грати на дуді' (Наст.), *Смалюк* 'дід різав поросята та смалив їх' (Бугл.). За особливостями вчинків бабусі денотата, імені, способу її життя утворено прізвиська: *Заморожена* 'бабуся заморозила дитину' (Іл.); *Христос* «бабуся має ім'я Христина' (Скор.), *Монашко* 'бабуся була монашкою' (Гор.).

Ще менше індивідуальних прізвиськ мотивовано ознакою чоловіка денотата (місцем проживання, особливостями ходи) або його дружини (національністю, сімейно-родовою назвою, особовим ім'ям): *Заджерелиха* 'її чоловік до одруження проживав біля джерела' (Нест.); *Крокісаня* 'у її чоловіка швидка хода' (Кр.); *Малаєць* 'дружина єврейка за національністю' (Зав.), *Рогаль* 'кохана дівчина денотата походить з родини Рогалів' (Гов.), *Теренька* 'має дружину Терезу' (Гр.).

Етнічна належність вітчима стала мотивом виникнення прізвиська *Збишко* 'вітчим денотата поляк' (Мишк.).

Лексичну базу індивідуальних прізвиськ становлять як апелятиви, так і антропоніми. Власні назви досліджуваної мотиваційної групи виникають здебільшого внаслідок онімізації загальноновживаної, а подекуди – діалектної, запозиченої чи okazіональної лексики. Лексико-семантичний аналіз етимонів виявив, що прізвиська, в основі яких є загальні назви, становлять 76%. Серед них: назви осіб за соціальним становищем, віком, статусом (*Пані, Шеф*) – 5%; назви осіб за етнічною належністю (*Гуцулік, Чешка*) – 9%; назви осіб за професією, званням, заняттям (*Голова, Льотчик*) – 18%; назви ознак (*Заморожена*) – 2%; назви частин тіла (*Щека*) – 2%; назви предметів (*Дудочка, Швабра*) – 11%; назви просторових понять (*Заджерелиха*) – 2%; okazіональні назви (*Бензола*) – 25%; назви з незрозумілою семантикою (*Сяндуня*) – 2%. Найбільшу групу становлять okazіональні назви, що зумовлює актуальність та оригінальність іменування в процесі індивідуалізації особи. Прізвиська, етимонами яких є антропоніми, складають 24%, у тому числі: назви кіногероїв (*Мала Будулайка*) – 2%; прізвища (*Бондаренко*) – 2%; особові імена (*Віта, Мойша, Янечка*) – 20%.

У плані словотвірної структури індивідуальні прізвиська не виявляють якихось значних особливостей. У переважній більшості – це семантичні деривати апелятивів (іменників та прикметників), які належать до загальнонаціональної, рідше – діалектної, запозиченої чи професійної лексики: *Капчиха, Попаринка, Щека; Льотчик, Дратва* та ін. Нерідко прізвиськами є незафіксовані словниками лексеми, які мають прозору семантику твірних основ та характерні для апелятивної лексики словотвірні форманти: *Вовнянко, Воліян, Смалюк*. Такі нормативні для української мови моделі дають можливість визначити словотвірне значення лексеми і віднести утворене від неї прізвисько до відповідної мотиваційної групи. Цікавим словотворчим явищем при творенні чоловічого прізвиська є використання лексем жіночого роду зі зміною закінчення: *Монашко*. Чимало лексем для вираження відношення до членів родини або сім'ї мають форманти, які властиві апелятивам: -ус-я, -ечка: *Катеруся, Янечка*; -к-, -ик, -ік: *Козачка, Чоботарик, Гуцулік*; -их-а, -ан-я: *Заджерелиха, Крокісаня*.

За структурою прізвиська Тернопільщини здебільшого є однослівними *Віта, Дудочка*, проте трапляються і структурні утворення: *Мала Будулайка*.

Отже, індивідуальні прізвиська, мотивовані особливостями родичів або членів сім'ї носія, – це мотивовані назви, які індивідуалізують і не характеризують особу, а лише вказують на відношення до особи-родича, що наділена певним ознаками. Найпоширенішими є мотиви номінації, які доступні для номінатора, не потребують додаткової інформації про особу родича денотата – носія ознаки – це найменування за діяльністю, чим він, родич, мабуть, є найпримітнішим у конкретній антропонімічній спільноті. Прізвиська цієї групи не є поширеними, оскільки мотивація іменування неактуальна для денотата. Найбільшу кількість назв утворено від особливостей батька

номінованого, що, на нашу думку, зумовлене традиційною прив'язаністю українців до сім'ї, родини, вказівкою на верховенство і важливість батька у сім'ї.

Література

1. Словник української мови : в 11 т. / ред. кол.: І. К. Білодід [та ін.]. – К. : Наук. думка, 1970–1980. – Т. I–XI.
2. Словник української ономастичної термінології / уклад.: Д. Г. Бучко, Н. В. Ткачова. – Харків : Ранок-НТ, 2012. – 256 с.
3. Усціновіч, А. Імёны-мянушкі і родавыя найменні / А. Усціновіч // *Przezwise i przydomki w językach słowiańskich. Część II.* / pod red. St. Warchoła. – Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – С. 233–238.
4. Худаш, М. Л. З історії української антропонімії / М. Л. Худаш. – К., 1977. – 236 с.
5. Чучка, П. П. Антропонімія Закарпаття : монографія / П. П. Чучка. – К. : Папірус, 2008. – 671 с.

Скорочення назв населених пунктів

ар. – Бариш Бучацького р-ну	Март. – Мартинівка Бучацького р-ну
Бугл. – Буглів Лановницького р-ну	Мик. – Микулинці Тербовлянського р-ну
Бурк. – Бурканів Тербовлянського р-ну	Мишк. – Мишковичі Тернопільського р-ну
Вис. – Високе Монастирського р-ну	Мол. – Молотків Лановницького р-ну
Воз. – Возилів Бучацького р-ну	Наст. – Настасів Тернопільського р-ну
Гл. – Глещавка Тербовлянського р-ну	Нест. – Нестерівці Зборівського р-ну
Гов. – Великий та Малий Говилів Тербовлянського р-ну	Петр. – Петриків Тернопільського р-ну
Гор. – Городниця Гусятинського р-ну	Підг. – Підгайці Підгаєцького р-ну
Гр. – Грабовець Тернопільського р-ну	Пр. – Прошова Тернопільського р-ну
Зав. – Зводське Чортківського р-ну	Сн. – Сновидів Бучацького р-ну
Іл. – Ілавче Тербовлянського р-ну	Сок. – Соколів Бучацького р-ну
Каль. – Кальне Козівського р-ну	Сокир. – Сокиринці Чортківського р-ну
Конст. – Констанція Борщівського р-ну	Тил. – Тилявка Шумського р-ну
Кр. – Кровінка Тербовлянського р-ну	Худ. – Худиківці Борщівського р-ну

Ю.М. Галковская

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru

УДК 811.161.1'373.231

НОМИНАТИВНЫЙ ВЫБОР В НАЧАЛЕ XXI В.: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, РЕСУРСЫ, ИСТОЧНИКИ

Ключевые слова: *антропоним, антропонимный ресурс, номинативный выбор, номинативная тенденция, оригинальное имя.*

В статье рассмотрено современное состояние проблемы номинативного выбора в приграничном ареале Витебской области. Представлены результаты анкетирования и обзор антропонимных ресурсов и источников. Установлено, что стремление к оригинальности в имяназвании претендует на место новой тенденции как в региональной номинативной практике, так и мировой.

NOMINATIVE CHOICE AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: TENDENCIES AND RESOURCES

Key words: *anthroponym, anthroponymic resource, nominative choice, nominative tendency, unique name.*

The current state of the problem of name giving in border area of Vitebsk region has been covered in the article. The results of the questionnaire combined with the brief review of anthroponymic resources have been presented. The tendency to the nominative uniqueness is considered to be a new aspect both in regional and world name giving practice.

Процесс развития системы именования представляет собой непрерывный поиск подходящей и удобной формы, необходимой при идентификации личности, юридически закрепленной и соответствующей традициям, моде и времени. Поиски правильного и / или «красивого» личного имени, приятно звучащего антропонима, соответствующего правилам сложившейся системы именования, семейным / национальным традициям, внутрисемейным договоренностям и иным критериям занимают важное место в номинативной практике.

Сегодня благодаря массовой доступности интерактивных информационных каналов Интернет-пространство выступает не только как канал популяризации номинативных тенденций и фактор, влияющий на антропонимные предпочтения номинаторов, но и как средство сбора актуальной ономастической информации. Согласно результатам анкетирования, проведенного в периферийных населенных пунктах Витебской области в 2012–2013 гг., в выборе личного имени родителям иногда помогают электронные ресурсы:

1) *компьютерные программы*, которые «выявляют» физиологические и психологические характеристики имяносителей, именную совместимость и мн. др.;

2) *интернет-ресурсы*: сайты, форумы, в том числе региональные, предоставляющие родителям как административные данные (сведения о частотности личных имен и их преферабельности в городах и странах, полную картину о сложившейся номинативной ситуации в конкретном регионе за определенный период), так и собственно лингвистическую информацию (этимология антропонимной единицы и история проникновения в русский именник; апеллятивная семантика, трактуемая номинаторами как «значение имени»; перечень качественных форм и иноязычных эквивалентов), а также социопсихологическую (сведения об известных имяносителях, их социопсихологический портрет) (см. подробнее [1]).

Сопоставление результатов мониторинга статистики запросов антропонимной информации по приграничному региону за 2010–2012 гг. и 2017 г. обнаруживает следующее: верхние позиции рейтинга запроса «как выбрать имя» по ключевым словам занимают критерии «оригинальность» и «необычность» (wordstat.yandex.ru/).

Согласно материалам анкетирования, «уникальное имя» нередко рассматривается как «непопулярное» и характеризуется низкой частотностью использования в региональной практике имяназвания. Данный тип онима обычно отождествляется с такими ономастическими понятиями, как «редкое / редкостное имя» (раритетное имя; имя, даваемое людям (по различным мотивам) крайне редко) [2, 77] или «новое имя» – термин, который во 2-м значении используется для обозначения номинативной единицы, искусственно придуманной, заимствованной у других народов и т.п. [2, 76]. Несмотря на поисковые запросы родителей оригинальных и уникальных имен, антропо-

нимные новообразования типа *Вилор / Вилора, Владлен / Владлена, Марлен / Марлена*, популярные в середине XX в., характеризуются точечной представленностью в именниках приграничных населенных пунктов Витебщины в начале XXI в. Выбор такого именования, однако, лишен идеологической коннотации и обусловлен личными, а не политическими / идеологическими причинами. В поисках антропонимной единицы с ярко выраженной выделительной функцией номинаторы обращаются к именам-неологизмам 20–30-х гг. XX в., не учитывая или, возможно, не зная этимологии антропонимов и истории их появления в именнике. Наряду с обращением к новообразованиям в поисках оригинального имени в начале XXI в. используются также апеллятивы. Такой способ номинации обретает популярность, о чем свидетельствует обзор современных номинативных тенденций. Так, в Российской Федерации, например, выбор апеллятивных образований в качестве антропонима претендует на место новой номинативной тенденции в начале XXI в. (фиксируются случаи наречения следующими именами: *Гладиолус, Изумруд, Компас, Коришун, Лексус, Мустанг, Выборина, Прохлада, Симфония* и др.) [3].

Отметим, что белорусы, проживающие в приграничных районах Витебской области, более консервативны в вопросах антропонимной вариативности и номинативной оригинальности. Не выявлен ни один случай использования нарицательного имени существительного для именования новорожденного со 2-й половины XX – начала XXI вв. Стремление к номинативной оригинальности носит субъективный характер. Анализ эмпирического материала показывает, что корпус «необычных / оригинальных имен» формируют, как правило, антропонимные единицы, характеризующие низкой или нулевой частотностью употребления в региональной номинативной практике.

Примечательно, что оригинальность / необычность антропонима характерна только для женского именного репертуара (*Лилиана, Элла, Эмма, Юлиана* и др.). Не зафиксированы случаи выбора оригинального онима для новорожденных мальчиков, что, вероятно, обусловлено необходимостью образования отчеств от мужских имен, а это видится весьма проблематичными при выборе «оригинальных» антропонимов типа *Гений – Геньевич (?)*, *Мерседес – Мерседесович (?)*.

Таким образом, несмотря на возрастание интереса номинаторов в белорусско-российском приграничье к «необычным» / «оригинальным» именам, в отличие от мирового антропонимного пространства, данная тенденция, как правило, не выходит за рамки поисковых запросов. Список оригинальных имен, по мнению родителей, формируют единицы, характеризующиеся средней и низкой частотностью употребления в регионе (*Лилия, Ульяна*), этночуждые имена (*Ариадна, Карина*), а также формы и варианты антропонимов (*Алёна, Владислава, Юлиана*). Необычность личного имени достигается собственно лингвистическими средствами (выбор варианта антропонима или фонетической / орфографической модификации онима: *Елена – Алёна, Лилия – Лилиана, Юлия – Юлиана, Юлианна* и др.).

Литература

1. Галковская, Ю. М. Традиционные и новые антропонимные ресурсы / Ю. М. Галковская // Известия Смоленского государственного университета. – 2013. – № 3 (23). – С. 87–95.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
3. Самые необычные имена, которые россияне дают своим детям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/12/18/imena-site.html>. – Дата доступа: 06.01.2018.

УДК 81'373.231(44)

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ИМЁН ВО ФРАНЦИИ

Ключевые слова: *славянские, имена, антропонимика, эмигранты, Франция.*

Данное исследование посвящено славянским именам, распространённым во Франции, и их различным модификациям. На территории Франции эмигранты из России, Беларуси, Украины, Польши, Болгарии и других славянских стран имеют в основном славянские имена, которые модифицируются в разной степени и адаптируются к французской действительности. Они могут принимать различные формы, например, в виде полного славянского имени либо иметь уменьшительные варианты. Встречаются также французские имена, похожие на славянские. По традиции французы имеют несколько имен, и отсутствует отчество. Семьи со славянскими корнями в соответствии со своими традициями обычно дают ребёнку отчество, которое во французских документах записывается в графу второе имя, либо дают ребёнку несколько имён. Целью нашего исследования является изучить распространение славянских имён во Франции, а также их особенности.

H. Zhurauliova
University Lille 3 & MoDyCo (UMR 7114, CNRS & Paris Nanterre University)

THE PARTICULARITIES OF THE DISTRIBUTION OF SLAVES NAMES IN FRANCE

Key words: *Slavs, names, anthroponymy, emigrants, France.*

This study is devoted to Slavic names, widespread in France, and their various modifications. On the territory of France, emigrants from Russia, Belarus, Ukraine, Poland, Bulgaria and other Slavic countries have mostly Slavic names, more or less modified and adapted to French customs. They can take various forms, for example, a complete Slavic name, or one of its various diminutives. There are also French names, similar to the Slavic names. By tradition, the French have several names, and there is no patronymic. Families with Slavic roots, in keeping with their traditions, usually give the child a patronymic, which in French documents is written in the second name or give the child several names. The purpose of our study is to study the spread of Slavic names in France, as well as their features.

Данное исследование посвящено именам эмигрантов из России, Беларуси, Украины, Польши, Болгарии и других славянских стран, которые проживают на территории Франции. Славянские имена широко используются на европейской территории, в том числе и во Франции, в основном благодаря эмигрантам, которые называют своих детей национальными именами той страны, откуда они приехали. Следует отметить, что массовое распространение славянских имён в Западной Европе началось в 20-е годы XX века и связано с волной эмиграции из России после революции 1917 года. В большинстве случаев выбор обусловлен тем, что семьи дают славянские имена по традиции либо умышленно хотят подчеркнуть национальную принадлежность ребёнка. Наиболее распространёнными из них являются *Татьяна, Мария, Александра, Анна, Елена, Вик-*

тория для девочек, а также Александр, Иван, Владимир, Николай, Алексей, Максим, Борис, Григорий, Виктор для мальчиков. Изучением антропонимов (собственных имён, фамилий, отчеств, псевдонимов), а также закономерностей их возникновения, развития и функционирования занимается антропонимика [1, 142].

Славянские имена во Франции имеют свою специфику. Они модифицируются в разной степени и адаптируются к французской действительности. Традиционные славянские имена могут принимать различные формы или дериваты, например, в виде полного славянского имени либо иметь уменьшительные варианты. Следует отметить, что сокращённая или уменьшительная форма несёт эмоционально-оценочную нагрузку в основном тогда, когда является отходом от стандартного способа именования, эта эмоционально-оценочная нагрузка не обязательно положительна [2, 45].

В связи с тем, что имена во Франции не изменяются, официальные уменьшительно-ласкательные формы славянских имён встречаются реже, чем полные формы. Во Франции Александра и Саша, Татьяна и Таня разные имена, также как и Мария и Маша, Елена и Лена. В качестве примера можно привести следующий факт: при оформлении официальных документов у женщины в украинском паспорте значилось имя Любовь. Родилась она во время войны, во Франции, где ей было выдано свидетельство о рождении с именем Люба, со слов матери. Для французских чиновников эти имена являются разными и ей пришлось доказывать, что Люба есть сокращённая форма от полного Любовь.

Для мальчиков очень распространёнными являются имена Саша и Александр. Их дают также и французы своим детям наряду с Алексис или Алекс, Максим или Макс. Для сравнения, французские имена могут также модифицироваться, то есть принимать уменьшительные формы. В семье, в кругу друзей может звучать имя в сокращённой форме, но это явление не так распространено, как среди славян, где вариантов одного имени может быть от трёх и больше. Если у славян существуют и грубые, ругательные формы, то у французов такое явление отсутствует. Тем не менее, как и у славян, можно также отметить клички, но они редко связаны с именем и не образуются от него непосредственно.

Большая вариативность славянских имён связана со способностью языка образовывать новые слова, а именно наличием словообразовательных аффиксов с различным лексическим значением:

1) уменьшительно-ласкательное значение: суффиксы *-оньк-*, *-еньк-* (Сашенька, Машенька, Мишенька); суффиксы *-очк-*, *-ечк-* (Анечка, Леночка, Димочка); *-ул-* (Сашуля, Машуля), с оттенком иронии (Ленусик, Борюсик);

2) фамильярное, грубое: суффикс *-к-* (Ленка, Сашка), просторечное (Манька, Маруська); *-он*, *-ан*, *-ян* (Димон, Колян, Вован).

Для славянских имён свойственно большое количество вариантов одного имени, причём употребляться могут не все, а только некоторые формы. Так, например, для имени Дмитрий встречаются большое количество вариантов с разным лексическим значением, например, Дима, Димаха, Димаша, Димуха, Димуша, Димуля, Димуся, Митя, Митяй, Митюля, Митюня, Митюха, Митюша, Митяха, Митяша, Митря, Митраша, Митрюха, Митрюша [3], а также Димочка, Митенька, Митюшка, Димка, Димон. В словаре личных имён Н.А. Петровского для имени Дмитрий находим двадцать одно производное имя и три формы с различными стилистическими пометами, а также его этимологию:

ДМИТРИЙ, -я, м. разг. Митрий, -я; прост. Митрей, -я; стар. Димитрий, -я.

Отч.: Дмитриевич, Дмитриевна; разг. Дмитрич.

Производные: Дима; Димаха; Димаша; Димуха; Димуша; Димуля; Димуся; Митя; Митяй;

Митюля (Митуля); Митюня; Митюха; Митюша; Митяха; Митяша || Митря (Митра); Митраша;

Митрюха; Митрюша.

[Греч. Demetrios (притяж. прил. к Demeter) – относящийся к Деметре. В античной мифологии: Деметра – богиня плодородия и земледелия][4].

Для женского имени Мария имеются следующие модификации: Маша, Машуня, Машута, Машутка, Муня, Машура, Мура, Машара, Марьюшка, Марийка, Мариша, Маря, Мара, Марюня, Маруня, Маруля, Муля, Маруся, Муся, Маса, Масыта, Марюта, Марюха, Маруха, Марюша, Маруша, Муша, Маня, Манюня, Манюра, Манюся, Манюта, Манюха, Манюша, Манятка, Мака, Маняша [5], а также Машенька, Машуля, Машка, Манька, Маруся, Маруська и др.

Большинство уменьшительно-ласкательных форм используется в кругу семьи и среди близких друзей, а официальное имя употребляется в школе, на работе, в документах. Такое большое количество вариантов одного имени, характерное для славянской культуры, незнакомо французам. Во французской культуре имя не изменяется.

Встречаются также французские имена, похожие на славянские, такие как Катрин, Элен, Мари, Натали, Алекс, Николя, Димитри, Пьер, Серж, Борис, Сефан, Виктор. Это явление объясняется общими христианскими традициями. Такие имена в равной степени принадлежат и православной, и католической, и другим христианским конфессиям. Обычно французы имеют несколько имен, а отчество отсутствует. Однако второе и последующие имена по традиции дают в честь бабушек и дедушек с обеих сторон. Обычно давать много имён уменьшает количество совпадений, особенно если имя и фамилия распространённые. Семьи со славянскими корнями в соответствии со своей культурой обычно дают ребёнку отчество, которое во французских документах записывается в графу второе имя. Если брак смешанный, вместо отчества ему могут дать несколько имён по французской традиции.

При выборе имени детям славянские семьи, живущие во Франции, обычно руководствуются следующими принципами:

1. Имя должно быть благозвучное и легко произноситься на французском языке, то есть адаптировано к местным условиям. Учитывается французская фонетика и ударение. Особенностью французского языка является ударение, которое всегда падает на последний слог, поэтому некоторые имена могут искажаться и звучать непривычно, например, Надя, Даша, Саша, Данила. Поэтому самыми распространёнными именами являются полные имена, которые не искажаются в устной речи: Иван, Максим, Борис, Денис, Давид, Тарас, Любовь.

2. В связи с тем, что большинство славянских имён видоизменяется, то они модифицируются и произносятся по-французски, например, Мари, Катрин, Элен, Натали, Виктор, Станислав, Николя, Димитри. То же самое происходит и с фамилиями. Они иногда остаются без изменений, как Иванов, Пинчук, Гурко, когда соответствуют французскому произношению, но чаще их правописание изменяется и приближается к французским нормам, например, Смирнофф.

Таким образом, славянские имена во Франции распространяются благодаря эмигрантам, которые дают их своим детям, в основном с целью сохранения национальной принадлежности и культурных традиций. Тем не менее, лингвистическая и культурная среда накладывает свой отпечаток и приводит к модификациям и франсизации славянских имён в разной степени. В настоящее время славянские имена широко распространены на французской территории и стали общеупотребительными.

Литература

1. Ермолович, Д. И., Имена собственные на стыке языков и культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-repa.ru/files/translation/ermolovich-names-pt1.pdf>. – Дата доступа: 28.12.2017.

2. Мезенко, А. М., Скребнева, Т. В., Антропонимное пространство Витебщины : монография / А. М. Мезенко, Т. В. Скребнева. – Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2013. – 148 с.
3. Петровский, Н. А., Словарь русских личных имён [Электронный ресурс] / Н. А. Петровский // Азбука воспитания. Сайт для родителей. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/deti/slovar-russkih-lichnyh-imen-petrovskij>. – Дата доступа: 28.12.2017.
4. Русские имена [Электронный ресурс] // Словарь русских имён. – Режим доступа: http://kurufin.ru/html/Rus_names/rus_d.html. – Дата доступа: 28.12.2017.
5. Русские имена [Электронный ресурс] // Словарь русских имён. – Режим доступа: http://kurufin.ru/html/Rus_names/rus_m.html. – Дата доступа: 28.12.2017.
6. Червинский, П. Формы личных имён русского речевого употребления / П. Червинский. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. – 204 с.

Сноски

1. Мезенко, А. М., Скребнева, Т. В., Антропонимное пространство Витебщины : монография / А. М. Мезенко, Т. В. Скребнева. – Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2013. – 148 с.
2. Ермолович, Д. И., Имена собственные на стыке языков и культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-repa.ru/files/translation/ermolovich-names-pt1.pdf>. – Дата доступа: 28.12.2017.
3. Русские имена [Электронный ресурс] // Словарь русских имён. – Режим доступа: http://kurufin.ru/html/Rus_names/rus_d.html. – Дата доступа: 28.12.2017.
4. Петровский, Н. А., Словарь русских личных имён [Электронный ресурс] / Н. А. Петровский // Азбука воспитания. Сайт для родителей. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/deti/slovar-russkih-lichnyh-imen-petrovskij>. – Дата доступа: 28.12.2017.
5. Русские имена [Электронный ресурс] // Словарь русских имён. – Режим доступа: http://kurufin.ru/html/Rus_names/rus_m.html. – Дата доступа: 28.12.2017.

І.І. Ільченко, Н.В. Ісачук

Запорізький національний університет
e-mail: iryna_ilchenko@ukr.net, nastyi14@ukr.net

УДК 821.161.2:82-1: 81'373.2

ПЕРЕКЛАДНІ ПОЕЗІЇ В.А. ЧАБАНЕНКА: ОНОМАСТИЧНІ СПОСТЕРЕЖЕННЯ

Ключові слова: *антропонім, онім, ономастикон, поетичний переклад, топонім.*

У статті розглянуто специфіку онімів збірки перекладів В. А. Чабаненка «Суголося». З'ясовано, що ономастичний простір збірки «Суголося» представлений двома групами онімів: антропонімами та топонімами. В перекладних поезіях зберігається достовірність і оніми дають неоціненну інформацію для інтерпретації всього тексту і стилістично увиразнюють та забарвлюють поезії.

I.I. Ilchenko, N.V. Isachuk
Zaporizhzhya national university

TRANSLATION POETRIES V.A. CHABANENKO: ONOMASTIC OBSERVATIONS

Key words: *anthroponym, onym, onomasticon, poetic translation, toponym.*

The article deals with the onyms specificity in the collection of translations by V.A. Chabanenko "The consonance". It was found out that the range of onyms used in the collection "The consonance" is presented in two groups: anthroponyms and toponyms. The original worthiness is present in the translations, the onyms give the valuable information for the interpretation of the whole text, they colour the poems stylistically.

Власні назви, використані в художньому творі залишаються цікавим об'єктом дослідження для ономастів. Оними є важливою складовою мікросвіту художнього твору і мають велике значення для виявлення неповторних компонентів індивідуального стилю письменника. Г. Бичик наголошує, що власні назви становлять невід'ємну лексичну категорію тексту, разом з іншими мовними засобами «реалізують авторську концепцію світобачення, сприяють побудові художнього образу» [1, 339].

Літературна ономастика, як і сама література, відображає повну картину світу, а тому вдається до аналізу всіх розрядів ономастичних одиниць. Цій темі присвячені праці таких дослідників: Л. Андрієвої, Л. Белея, В. Калінкіна, Ю. Карпенка, Г. Ковальова, В. Никонова, Е. Магазаника, В. Михайлова, Є. Отіна, О. Суперанської. Проте інтерес дослідників спрямований найчастіше на літературну ономастику попередніх століть, і майже не дослідженими залишаються оними художніх творів наших сучасників, а саме видатних представників Запорізького краю.

Запоріжжя – це не тільки край козацької звитяги, дивовижна історична та природна перлина нашої країни, це край видатних поетів та науковців. Саме такою людиною і був професор В. Чабаненко – автор багатьох наукових розвідок у галузі мовознавства та літературознавства, літературної критики, публіцистики, поет та перекладач. Перекладати Віктор Антонович почав, коли був студентом Запорізького педагогічного інституту, де вивчав, крім української, ще й німецьку мову. Згодом отримав диплом учителя української мови й літератури та німецької мови. Ще в університеті один із викладачів помітив особливу зацікавленість В. Чабаненка німецькою класичною поезією й запропонував зробити переклад на конкурс перекладачів та декламаторів німецької поезії. Віктор Антонович переклав вірш Гейне й зайняв перше місце.

В. Чабаненка завжди захоплювала поезія інших народів, великих поетів, зокрема, зі слов'янських країн. Проте для того, щоб робити справжній поетичний переклад, необхідно розуміти текст, який ти перекладаєш, а ще краще досконало знати мову, якою він написаний: «Я добре знаю білоруську мову. Свого часу читав курс порівняльної граматики східнослов'янських мов білоруською мовою. А далі йде російська, болгарська, польська, сербська, словенська поезія» [7, 17].

У 2004 році В. Чабаненко видає збірку перекладів під назвою «Суголося» – це переклади з білоруської (М. Богдановича, Я. Купали, Я. Коласа, М. Танка, П. Бровки, Р. Няхая, М. Макаля, О. Рязанова), болгарської (Х. Ботева, Д. Пантелєєва), німецької (Г. Гейне, Г. Гервега), польської (Ю. Словацького, Л. Стаффа), російської (О. Кочербитова), сербської (Д. Максимовича) і словенської (Ф. Прешерна) мов. Головна тема відібраних для перекладу творів – нескореність людського духу в боротьбі зі злом. Витончені поетичні образи, свіжість почуттів, емоційна відкритість ліричних героїв, а над усе – їхня пристрасна віра у вище призначення Людини.

Ономастичний простір збірки представлений власними назвами, які відображають національний колорит, історичну дійсність перекладних поезій. Невипадково Віктор Антонович вибрав саме ці поезії для перекладу, адже вони є експресивно і стилістично насиченими, в яких оними визначають просторовий чинник. Поетичні переклади В. Чабаненка в ономастичному плані досі не вивчалися. Це й зумовлює актуальність теми нашого дослідження.

Метою статті є дослідження особливостей використання поетонімів у перекладах В. Чабаненка. Досягнення зазначеної мети передбачає виконання таких завдань:

виявити всі власні назви; виділити тематичні класи онімів; визначити особливості функціонування онімів у поезіях.

Ономастичний простір збірки «Суголося» є багатим, кожен із класів власних назв представлений багатьма підкласами, а саме – антропонімічні класи: ім'я, прізвище; топонімічні класи: макротопоніми, ойконіми, ойкодомоніми, гідроніми.

Ім'я персонажа – це яскрава і колоритна мовна одиниця. Найбільш частотними є антропоніми, які у перекладах виконують номінативну та експресивно-оцінну функції.

Наявність у перекладах В. Чабаненка антропонімів з номінативною функцією підтверджує достовірність зображуваних персонажів: *А як жали, сніп твій хутко так в'язавсь, / Аж **Лявон** – недбайло дивом дивувавсь* [6, 44]; *Його закохані давно роздарували / Своім **Дульсінеям** і **Джульттам*** [6, 88]; *У подарунок своїй **Соломії**...* [6, 88]; *Ой, не бігав би ти, **Яне**, за куніцями, / А ще більше – за тими молодіцями...* [6, 43]; *Ти брате, що ж? ...Очей не масиш? / Орлом ти **Гаву** називаєш?!...* [6, 49]; *Як ластівка з піддашніх рук **Скорининих** / Твоє витало слово по Русі* [6, 99]; *В **Сирчана** келих випав з рук* [6, 139]; *Зрадів **Сирчан**, гінця послав* [6, 140]. Такі антропоніми характеризуються відсутністю супровідних конотацій і використовуються для того, щоб називати денотатів і диференціювати їх.

У перекладах В. Чабаненка є антропоніми з експресивно-оцінною функцією, які розкривають національний та історичний колорит – це в першу чергу білоруські імена: *То не дзвін гуде – поговорі іде, / Що знайшли вранці **Янку-стрільця*** [6, 43]; *У **Лявона** вишиванка – а по ній голубки* [6, 45]; грецькі: *Коли **Геракл** поверг-звалив у прах **Антея**, / Як вітер валить повний колос на ріллі, / Вдихнула міць у груди сина мати **Гея** – / І враз **Антея** почувсь, як дуб, од неї, / **Окріп**, напружився й піднявся із землі* [6, 12]; *У **Сопрона** вишиванка – а по ній підківки* [6, 45]; *Отрок водив їх і **Сирчан** – / Два брати, хани гордоликі* [6, 139]; українські: *У **Семена** вишиванка – а по ній листочки* [6, 45]; *Тут бачить **Чиж** – із **Гавою** не жарти, / А чубчик чого-небудь свій же йому вартий* [6, 49]; німецький антропонім: *Бо у **Лореляй** віченьки милі* [6, 115].

Поміж антропонімічного масиву вагоме місце займають імена та прізвища всесвітньовідомих людей: поетів (Шекспір, Пушкін, Гомер, Калиновський); композиторів (Бетховен); революціонерів (Врублевський); князів (Мономах): *А де ж захватись **Шекспіру** і **Пушкіну**, / Томам братолюбства і доброти?!* [6, 97]; *Не звідавши музики і тепла, / Сліпнуть **Гомери** і глухнуть **Бетховени*** [6, 98] (поезії Петруся Макаля); *Білила льон на шати **Калиновському** / І Німаном у сні **Врублевського** пливла* [6, 99] (Ригор Барадулін); *Важку мені шапку / Вручив **Мономах**!* [6, 104] (Михась Стригальов); *То князь преславний **Мономах** / Прийшов одмстити за руське горе* [6, 139]; *Умер тим часом **Мономах** – / І Русь лишив у тузі-горі* [6, 140]; *Не встати більше **Мономаху*** [6, 141] (поезії Аполлона Майкова).

Історичне минуле Білорусії, Франції, Болгарії, Німеччини у поезіях відтворено не тільки через антропоніми, але й через топоніми, адже їхні семантико-стилістичні можливості особливо широкі й різноманітні в поетичній творчості. Топоніми, за висловом дослідниці Т. Немировської, є «місткими й ефективними акцентами контексту, що створюють контрасти і світлотінь, підсилюють і приглушують основну тему контексту, створюють головні контури оповіді, зовнішній і внутрішній асоціативні ефекти та діють у чітко заданому автором ключі» [5, 114].

Макротопоніми (назви великих територій) у збірці перекладів «Суголося» використані з метою відтворення часопростору, тобто постійною вказівкою на певні історичні події країни: *Нехай його **Франція** вмиє слізьми / І прийме земля наша рідна* [6, 127]; *Почули вони, що їх браття тепер – / Раби обікрадені, ниці, / Що **Франції** гнів правдо любовний умер* [6, 126]; *Він там усіх владик здолав, / Один панує над **Кавказом**...* [6, 140]; *На них чекає степ, рідня. / Чужий **Кавказ** назад тікає* [6, 142].

Наскрізним і ключовим є топонім *Білорусь*, який виступає і місцем дії, і Батьківщиною, і найвищим, найдорожчим символом. І це не дивно, адже найбільше перекладів у збірці з білоруської мови (М. Богданович, Цьотка, Янка Купала, Якуб Колас, Петрусь Бровка, Максим Танк). Відкривається «Суголося» великою добіркою творів Максима Богдановича («Погоня», «Народ мій! Жебрак з-під воріт», «Моя душа», «Тоскно так, а в серці тихо туга ще й співає...»), що становлять чи не третину усіх перекладів. Віктор Антонович не даремно перекладав твори Максима Богдановича, адже знаємо, що цей поет залишив велику творчу спадщину, він – новатор віршування (тріолет, сонет) та мав тісні творчі зв'язки з Україною, перекладав, пропагував і досліджував творчість українських поетів.

Макротопонім *Білорусь* найчастіше виконує ідеологічну функцію (ідеологічно вмотивована оцінка денотата): *Мо', вони, Білорусь, подалися, / Щоб догнати калік-неорік* [6, 4]; *Білорусь, твій народ ще зустрінеється / З сонцесяйним, розхмареним днем* [6, 6]; *Білорусь моя! Країно-браночко! / Встань і вільний шлях собі шукай* [6, 7]; *Як згадаю я кохану Білорусь, / Як згадаю її горе та біду* [6, 10]; *О, Білорусь, моя ти доле, / Моя печаль і поцілунок* [6, 92]; *Твоє ім'я нащадкам віщим голосом / Із тьми століть озветься: Бі-ло-русь!* [6, 99]; *Любове висока – / Моя Білорусь* [6, 104].

Специфічним виявом етнічної і культурної історії народів є ойконіми – географічні назви міст, сіл та хуторів, вони становлять важливе інформативне джерело в поезіях. Назви міст локалізують місця перебування головних героїв поезій: *У містечку Терестечку то не дзвін гуде, / То не дзвін гуде – поговорі іде, / Що знайшли вранці Янку-стрільця / У гайочку зеленому* [6, 43]; *Нам не раз рідна хата ввижалась, / Увижалися Німан, Лібава* [6, 14].

Серед топонімів виділяють також ойкодомоніми (назви архітектурних споруд), які виконують адресну функцію і служать орієнтиром в міському просторі: *Гостра Брама на гадку спадає / І лицарство комонне на ній* [6, 4]. Як пояснює Віктор Антонович, «поет має на увазі головну браму середньовічного Вільна, на якій було зображено бойову сцену з лицарями-вершниками. Це зображення стало гербом Литовської (а згодом і Білоруської незалежної) держави та звалось Литовською Погонею» [6, 4].

Розлогі картини зі світової історії вимагають додаткових назв для легшої локалізації відповідних подій. Саме тому серед потамонімів, використаних у поезіях, маємо назви річок, які протікають на різних теренах: *Що гуляв у степах / Від зорі до зорі, / Що на Січі гримів, / Як пороги в Дніпрі* [6, 57] (Україна); *Деся над Нілом спізнився / Зустріти тебе, о царице!* [6, 89] (Африка); *Набрать води з пораненого Бугу / Рука солдатська так і не змогла* [6, 103] (Україна, Білорусь, Польща); *Вечірню п'янку прохолоду, / Дрімаючи, Рейн видиха* [6, 115]; *Що добрий мій песик сказився / Й тепер десть у Рейні на дні* [6, 120] (Західна Європа); *Нам не раз рідна хата ввижалась, / Увижалися Німан, Лібава* [6, 14] (Білорусь, Литва).

Топоніми як компоненти художнього тексту у поетичних перекладах В. Чабаненка сюжетно й композиційно важливі, ідейно значущі і вмотивовані одиниці. Завдяки переосмисленню вони перетворюються на яскраві й виразні хвилюючі образи, стають актуалізаторами історичних подій.

Отже, Віктор Антонович не випадково обрав поезії білоруських, болгарських, німецьких та польських поетів, адже його хвилювали події, в яких відображено історичне минуле, яке часто навіювало на спогади про рідний край, затоплення Великого Лугу. У цих націях найбільше поетів, які справді співзвучні своїми темами, ідеями, образами українській поезії, а також життєвим принципам, поглядам та моралі В. Чабаненка. В перекладних поезіях зберігається достовірність і оніми дають неоціненну інформацію для інтерпретації всього тексту і стилістично увиразнюють та забарвлюють поезії.

Література

1. Бичик, Г. В. Способи номінації та функціонування власних імен у серії романів Ерін Хантер «Воїни» / Г. В. Бичик // Серія «Філологічні науки». – 1989. – № 3. – 341 с.
2. Герасимчук, В. М. Поетоніми як засіб художньої характеристики / В. М. Герасимчук // Дивослово. – 1999. – № 11. – С. 14–19.
3. Дудун, Т. В. Історичний аналіз класифікації топонімів / Т. В. Дудун // Часопис картографії. – 2011. – Вип. 1. – С. 226–232.
4. Маруніч, І. І. Топоніми в ідіостилі письменника : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / І. І. Маруніч ; Київ. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 1994. – 18 с.
5. Немировская, Т. В. Некоторые проблемы литературной ономастики / Т. В. Немировская // Актуальные вопросы русской ономастики : сб. науч. тр. – К. : УМКВО, 1988. – С. 112–122.
6. Суголосья: Поетичні переклади Віктора Чабаненка. – Запоріжжя, 2004. – 153 с.
7. Чабаненко, В. А. Бібліографічний покажчик / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : ЗДУ, 2007. – 96 с.
8. Шевченко, Т. Г. Грані великого таланту / Т. Г. Шевченко // Хортиця. – 2003. – № 5. – С. 3–4.

И.А. Королёва

Смоленский государственный университет
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 811.161.1

ПРОЗВИЩНЫЕ ИМЕНА НА РУСИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *историческая антропонимика, прозвищное имя, семантика основ, версия, Смоленский край.*

В статье обращается внимание на возможность различного толкования значения основ старых прозвищных имен, бытовавших на Руси еще в XVII веке. Рассмотрены возможные версии для определения значения некоторых частных именований. Показано, как может быть по-разному интерпретирована основа с учетом территориального фактора. Используются смоленские памятники деловой письменности XVII века.

I.A. Koroleva

Smolensk State University (Russia)

NICKNAMES IN OLD RUS': A SEMANTIC ASPECT

Key words: *historical anthroponymy, nickname, semantics of the base, version, Smolensk province.*

The article pays attention to a possibility of various treatments of the meanings of the old nickname bases, current in Rus' as early as the 17-th century. The paper also considers possible versions of determining the meaning of certain names. It has been demonstrated that the territorial factor may cause different interpretations of the base. The article is based on the Smolensk business papers dating back to the 17-th century.

Еще в 1983 году известный российский ономаст В.Д. Бондалетов выделил пять направлений в исследовании русской антропонимии: общеономастическая (общеоантропонимическая) теория, история русской антропонимии, современная русская антро-

понимания, антропонимия в русской художественной литературе и фольклоре, прикладные вопросы антропонимики [1, 91]. Они актуальны, безусловно, и в настоящее время.

В рамках исторической антропонимии одним из главных векторов исследования является вопрос о системе дохристианских славянских имен, которые бытовали еще в XVII веке и лишь позднее окончательно были вытеснены крестильными православными именами. В периодизации развития русского антропонимикона выделяется период с конца X века, времени принятия Русью христианства, по XVII век включительно именно в связи с бытованием в рамках сначала Киевской Руси, а потом Московской системы нехристианских именовании человека. По источникам хорошо прослеживается смена именников, развитие структурной формулы именовании русича.

В X–XI вв. и в последующие времена восточные славяне употребляли для личных названий два вида имен – церковные, календарные, крестильные, даваемые по святым при обряде крещения, и бытовые, мирские, некрестильные, прозвищные, которые использовались в обиходе. Нередко одно и то же лицо носило два имени: «в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир», «имя ему крестное Яков, а мирьскы Творимир», «се аз князь великий Гавриил, нареченый Всеволодь» и т.п. (по материалам летописей).

Одним из первых в послереволюционный период исследования русской антропонимии приступил к изучению состава старых некрестильных прозвищных имен А.М. Селищев. Все слова бытового языка, даваемые древним русичам в виде имен или прозвищ (ученый не разделял эти два антропонимических понятия при описании именовании), он попытался расклассифицировать по группам в соответствии с значением основы, мотивируя свою группировку тем фактом, что позднее от этих личных имен и прозвищ образовывались фамилии, при анализе значения основ которых такая классификация может быть в какой-то мере основополагающей.

В дальнейшем все исследования антропонимистов по изучению характера семантики прозвищных личных имен и группировки этих имен основываются именно на классификации А.М. Селищева, поэтому мы вкратце ее представим:

1. Группа личных имен и прозвищ, обозначающих обстоятельства появления нового члена семьи: Найден, Ненаш, Ждан, Неждан и пр.
2. Семейные отношения, порядок и время рождения ребенка: Первой, Вторышка, Меншик, Поздняк и др.
3. Внешний вид ребенка: Беззуб, Беляй, Вышата, Губарь, Зубастик и т.д.
4. Свойства характера: Беспута, Брыкун, Веселой, Жадко, Невежа, Озорной и пр.
5. Социальное и экономическое положение (эта и последующие группы имен давались уже взрослым – имена и прозвища могли сменяться): Селянин, Холоп, Бобыль, Скоробогат и др.
6. Профессия. Занятия. Должность (далее даются формулировки А.М. Селищева): Жемчужник, Кожемяка, Трубник и пр.
7. Церковные отношения и элементы: Богомил, Владычка, Игумен и др.
8. Пришельцы. Место проживания: Новожил, Казанец, Муромец и т.д.
9. Насмешливые клички: Болван, Дурень, Семихвост и под.
10. Животные: Баран, Барсук, Бык, Волк, Заяц и пр.
11. Птицы: Беркут, Воробей, Ворона, Журавль и др.
12. Насекомые: Блоха, Жук, Змейка и т.д.
13. Рыбы: Ерш, Лещ, Окунь, Сом и пр.
14. Растения: Арбуз, Береза, Горох, Дуб и др.
15. Пища: Блин, Борщ, Говядина, Гуща и т.д.
16. Имена и прозвища по разным предметам: Алмаз, Атлас, Бархат, Башмак, Гвоздь, Доска, Иголка и пр.
17. Татарские имена: Ахмат, Касим, Кипчак и под.
18. Имя народа: Варяжко, Гречанин, Казарин и др. [10, 97–128].

Несомненно, в чем-то классификация помогает в исследовании прозвищного именника наших предков, но мы хотим обратить внимание на те бытовые имена, которые спорны при определении семантики основы и при отнесении их к той или иной группе. Для анализа нами использовались материалы памятников смоленской деловой письменности разных периодов [6].

Так, например, имя ЧОРНЫЙ (ЧЕРНЫЙ) активно в именнике смолян уже с XIII века: Олекса ЧОРНЫЙ записан в Подтвердительной грамоте 1284 г. [7]. Далее мы фиксируем его в смоленских документах из Литовской метрики: Сенка ЧЕРНОЙ, крестьянинъ – РИБ-20, 160,1,91, 1515 г. [9], в материалах Ю. Готье начала XVII столетия: Устинка ЧОРНОЙ – Готье, с. 110, 1609 г. [4]. К какой группе некрестильных имен и прозвищ отнести его? Обычно это имя, встречавшееся и на других русских территориях, включают в группу имен, указывающих на внешние качества человека (черные волосы и под.). Однако апеллятив *черный* может иметь значение «простой, незнатный» [12, т. III, стлб. 1153].

Достаточно активным в смоленских памятниках письменности было имя НЕЕЛ: Михаила НЕЕЛОВ (Готье, с.2, 1608 г.) [4]; НЕЕЛЬ Филипов снъ дворникъ (РГБ, 178, 10978, 16, после 1694 г. [8]). Семантика апеллятива *неель* также может быть различной: 1) голодный, 2) несъедобный (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 110) [11], 3) неудачливый, нерасторопный (ср. *неела* – «неудачный, нерасторопный человек» (слово костромское, ярославское) (Даль, т. II, с. 518) [5].

Определение значения апеллятива, легшего в основу имени собственного, зачастую спорно в своей мотивированности из-за отдельных временных расхождений.

Так, в Смоленске еще в XV веке жил крестьянин Васка БАСЪ [2, 62]. Прозвищное имя не было редким на Руси: в частности, С.Б. Веселовский в XVI–XVII вв. отмечает несколько родов БАСОВЫХ в Туле, Новгороде, Дмитрове [3, 27].

Однако апеллятив *бас* «звук низкого тона» засвидетельствован в памятниках письменности только в конце XVII века (СлРЯ XI–XVII вв., т. 1, с. 76) [11]. Естественно, вполне возможно, что апеллятив существовал и раньше, если он имеет место в составе антропонима. Но есть вероятность, что образовалось личное имя от другого имени нарицательного: в том же словаре приведено прилагательное *баской* «красивый, нарядный», хотя тоже только в источниках XVII века (1:77). В современных русских народных говорах известно и существительное *бас* «красота, украшение» (Северо-Запад России) (СРНГ, вып. 2, с. 133) [13]. Именно через диалектизм *бас* объясняет значение прозвищного имени Ю.В. Чайкина, зафиксировавшая его как основу фамилии БАСОВ, выявленную в вологодских памятниках письменности XVII века [14, 11].

Некоторые прозвищные имена вполне могли иметь уже образное переносное значение. Например, у Ю. Готье находим запись: ...со Осипком ЛЕГУШКОЮ (с. 110, 1609 г.) [4]. Сам апеллятив *лягушка* в материалах КДРС представлен довольно поздно – лишь в конце XVII века (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 349) [11], хотя антропоним свидетельствует о его возможно более раннем бытовании. Среди вологодских фамилий Ю.И. Чайкина отмечает в 1627 г. ЛЯГУШКИНЫХ (ЛЯГУШИНЫХ) и указывает, что *лягушечники* – прозвище вологжан в XIX веке [14, 33]. Возможно, однако, что апеллятив имел и переносное значение, которое отражается в современном диалектном слове *лягушка* – «о долговязом, худом, длинноногом человеке» (пермское) (СРНГ, вып. 16, с. 256) [13]. Сходство человека с лягушкой и перенос названия по этому сходству вполне вероятен.

Похоже в объяснении предположительное толкование значения антропонима ЖУ-РАВЛЬ, который в виде варианта ЖОРАВЛЬ на позиции первого личного имени встретился нам в донесении о побеге из Смоленска под 1609 г.: ЖОРАВЛЬ Синицын (Готье, с. 29) [4].

Апеллятив в двух вариантах – *жоравль* и *журавль* – отмечен в памятниках письменности XVII века (кстати, первый находит отражение в вологодской фамилии ЖА-РАВЛЕВ и не известен смоленским говорам, где традиционно лишь смешение О и У) [14, 22]. Вполне возможен перенос значения по сходству: *журавль* – «о худом высоком человеке», – который имеет место в современном смоленском диалектном слове *жоравль* (СРНГ, вып. 9, с. 228) [13].

Интересно можно интерпретировать значение прозвищного имени БЫК, достаточно широко распространенного по Руси. БЫК – 1) название домашнего животного, 2) медведь (восточно-сибирское), 3) скала, огромный камень над водой (сибирское) (Даль, т. I, с. 149) [5]. Причем в СлРЯ XI–XVII вв. слово *бык* имеет четыре значения: 1) животное, 2) внешний устой для поддержания стен здания (это же значение есть и у Даля), 3) каменный скалистый мыс, 4) стропило (т. I, с. 363–364) [5]. В настоящее время в д. Кириллы Рославльского района Смоленской области мы засвидетельствовали бытование интересного прозвища БЫК – «о человеке твердом и надежном, но упорном и несговорчивом»; как нам кажется, приведенное толкование современного прозвища основано на общности сем «твердый» и «упорный», имеющих место в расширенном семантическом поле старой лексемы.

Приведенные заметки показывают, как трудно однозначно квалифицировать значения многих старых прозвищных имен: весьма часто на разных территориях они имеют различное обоснование.

Литература

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика. Пособие по спецкурсу / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Бугославский, Г. Смоленская земля в Литовский период (Территория, общественный и политический строй / Г. Бугославский // Смоленская старина. – Вып. 3. Ч. 1. – Смоленск, 1914. – С. 1–104.
3. Веселовский, С. Б. Ономастикон / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974.
4. Готье, Ю. В. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг., собранные и изданные Ю. В. Готье / Ю. В. Готье. – М., 1912.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. I–IV. – М., 1956.
6. Королева, И. А. Деловая Письменность как основной источник изучения антропонимической лексики / И. А. Королева. – Смоленск : СГПУ, 2000. – 158 с.
7. Подтвердительная грамота 1284 г. – Смоленские грамоты XIII–XIV вв. – М. : АН СССР, 1963.
8. РГБ, ф. 178 – Смоленские челобитны, Российская государственная библиотека.
9. РИБ-20 – Литовская метрика. – Т. 1. – Отд. 1. – Ч. 2. – Русская историческая библиотека. – Т. 20. – СПб., 1903.
10. Селищев, А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 97–128 (перепечатка работы 1948 года).
11. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1. – М., 1974.
12. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Т. I–III. – СПб., 1893–1903.
13. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Т. I. – Л., 1965.
14. Чайкина, Ю. И. История вологодских фамилий : учеб. пособие / Ю. И. Чайкина. – Вологда : ВГПУ, 1989. – 68 с.

УДК 811.161.3'373.232.2

ПАТРОНІМЫ Ў СУЧАСНАЙ ІМЕНАСЛОЎНАЙ ПРАКТЫЦЫ: МУЛЬТЫКУЛЬТУРНЫ, ПОЛІКАНФЕСІЙНЫ І БІЛІНГВАЛЬНЫ АСПЕКТЫ

Ключавыя словы: *антрапонім, патронім, іменаслоўная практыка, білінгвізм, поліканфесійнасць, мультикультурызм.*

У артыкуле на матэрыяле сучаснай беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі разглядаюцца асаблівасці функцыянавання патронімаў (найменняў асоб па бацьку) з улікам сітуацыі дзяржаўнага беларуска-рускага білінгвізму, поліканфесійнасці і мультикультуралізму беларускага грамадства.

A.A. Lukashanets

State Scientific Institution "Center for Studies of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus"

PATRONYMS IN THE PRESENT-DAY NAMING PRACTICE: MULTICULTURAL, POLYCONFESSIONAL AND BILINGUAL ASPECTS

Key words: *anthroponym, patronym, proper practice, bilingualism, polyconfessionalism, multiculturalism*

In the article, the peculiar features of the functioning of the patronyms (names of a person by father) are considered on the basis of the modern Belarusian official practice, taking into account the situation of state bilingualism, polyconfessionalism and multiculturalism of the modern Belarusian society.

Патронімы (найменні асоб па бацьку) з'яўляюцца важнай часткай сучаснага беларускага антрапанімікону і афіцыйнай іменаслоўнай практыкі, паколькі імя па бацьку выступае абавязковым кампанентам іменаслоўнай формулы, якая сведчыць асобу. Параўн.:

АНТРОПОНИМИКА (от греч. *ánthrōpos* – человек и *ónyma* – имя) – раздел *ономастики*, изучающий антропонимы – собственные наименования людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именования по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена) [1].

У артыкуле асаблівасці функцыянавання патронімаў у сучаснай афіцыйнай беларускай іменаслоўнай практыцы ілюструюцца прыкладамі, узятымі з запытаў аддзелаў ЗАГС, натарыяльных кантор і зваротаў грамадзян у Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа, звязаных з разыходжаннем запісаў імён па бацьку ў дакументах, што сведчаць асобу на працягу 2017 года. Усяго прааналізаваны 363 выпадкі разыходжанняў у напісанні імён па бацьку, што сведчыць аб актуальнасці праблемы і неабходнасці ўпарадкавання гэтай важнай сферы моўнага жыцця краіны.

Прааналізаваны матэрыял паказвае, што праблемы аднастайнай фіксацыі імён па бацьку ў афіцыйнай пісьмовай практыцы ў XXI ст. абумоўлены не столькі лінгвістычнымі прычынамі, звязанымі з правільным утварэннем імён па бацьку ад ад-

паведных мужчынскіх імён і адпаведнасцю іх запісаў у дакументах арфаграфічным нормам, колькі экстралінгвістычнымі ўмовамі, сярод якіх важнейшымі трэба лічыць:

а) спецыфіку беларускага нацыянальнага антрапанімікону, які аб'ядноўвае разнастайныя па паходжанні і структуры пласты асабовых імён, паралельнае існаванне некалькіх падсістэм нацыянальнага беларускага антрапанімікону (візантыйска-праваслаўнага, рымска-каталіцкага, беларускага народнага і інш.), што вядзе да змешвання паралельных варыянтаў імён па бацьку [2];

б) сітуацыю дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя, якое прадугледжвае паралельнае выкарыстанне ў афіцыйнай іменаслоўнай практыцы абедзвюх дзяржаўных (беларускай і рускай) моў і параджае праблему суадноснасці беларуска- і рускамоўных антрапонімаў, у тым ліку патронімаў;

в) сучасныя інтэграцыйныя працэсы, якія істотна пашыраюць культурную прастору беларускага грамадства, уводзяць у беларускую афіцыйную іменаслоўную практыку іншанацыянальныя антрапонімныя кампаненты і нацыянальныя асаблівасці іх фіксацыі.

Разгледжаны актуальны матэрыял дазваляе выявіць асноўныя тыпы разыходжанняў у запісах імён па бацьку ў дакументах, што сведчыць асобу, а таксама сфармуляваць канкрэтныя падыходы да ўпарадкавання гэтай сферы моўнай практыкі ў сітуацыі блізкароднаснага двухмоўя.

I. Асаблівасці выкарыстання патронімаў у сучаснай беларускай афіцыйнай пісьмовай іменаслоўнай практыцы, абумоўленыя інтэграцыйнымі працэсамі і тэндэнцыяй да мультыкультуралізму ў гэтай сферы выразна праяўляюцца ў наступным:

а) пашырэнні адрозных ад беларускіх іншанацыянальных традыцыйных форм найменняў па бацьку: *Алёша оглы* (армян.), *Мансур оглы*, *Зульфигар оглы*, *Джавид кызы*, *Алекбер кызы*;

б) паралельным выкарыстанні ў афіцыйных дакументах іншанацыянальных найменняў па бацьку, якія ўтвораны па правілах беларускай/рускай мовы, і найменняў, што адпавядаюць нацыянальнай іменаслоўнай традыцыі: *Агасанавіч/Агасанович* – *Агасан оглы*, *Мансуравіч/Мансурович* – *Мансур оглы*, *Алекбераўна/Алекберовна* – *Алекбер кызы*, *Сабіраўна/Сабировна* – *Сабир кызы*;

в) паралельным выкарыстанні варыянтных нацыянальна-культурных форм найменняў па бацьку (часам, магчыма, пад уплывам сітуацыі беларуска-рускага двухмоўя): *Гавил Оглы і Габиль Оглы*, *Геворкович і Георгович*, *Паргеевич і Паргевич*, *Рустемович і Рустамович*, *Мамедали оглы і Магаммедали оглы*, *Иозопасовна/Иозапасовна і Иозопасовна*, *Муратович і Амуратович*;

г) змешванні найменняў па бацьку, утвораных ад нацыянальных форм мужчынскіх імён: *Львовна і Лейбовна*, *Моисеевич і Мовшевич*, *Станиславовна і Станиславосна*, *Ильич і Илькович*, *Иосифовна і Иозосовна*, *Георгиевна і Геворговна*;

д) неадпаведнасці запісу ў дакументах наймення па бацьку рэальнаму імені бацькі: *Гелена Янаўна/Яновна* (імя бацькі *Яніс/Янис*), *Юр'евіч/Юрьевич* (імя бацькі *Юрыс/Юрис*);

е) праблеме выбару найбольш аптымальнага варыянта наймення па бацьку: напрыклад, імя бацькі *Рама Шанкар* – магчымыя варыянты наймення па бацьку для сына: *Лявон Рама-Шанкаравіч/Леон Рама-Шанкарович*, *Лявон Рамавіч/Леон Рамович*, *Лявон Шанкаравіч/Леон Шанкарович* (адпаведна беларускаму/рускаму спосабу ўтварэння); *Лявон Рама Шанкар/Леон Рама Шанкар*, *Лявон Рама/Леон Рама*, *Лявон Шанкар/Леон Шанкар* (у адпаведнасці з нацыянальнай іменаслоўнай традыцыяй бацькі).

II. Поліканфесійны аспект функцыянавання патронімаў у сучаснай афіцыйнай пісьмовай іменаслоўнай практыцы абумоўлены ўзаемадзеннем і ўзаемаперасячэннем каталіцкай і праваслаўнай частак беларускага іменніка, што прыводзіць да:

- змешвання імён па бацьку, утвораных ад паралельных асабовых імён каталіцкага і праваслаўнага паходжання: *Иосифовна – Юзефовна, Иванович – Янович, Ивановна – Яновна, Амброжовна – Амбросиевна, Степанович – Стефанович, Степановна – Штефановна, Степановна – Стефановна, Томашевна – Фомовна* і г.д.

III. Асаблівасці функцыянавання патронімаў у сучаснай беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы, абумоўленыя сітуацыяй дзяржаўнага двухмоўя, знаходзяць сваё ўвасабленне, па-першае, у тым, што ў нарматыўна-прававой сферы пераважае месца займае менавіта руская мова. У выніку, як правіла, на практыцы рэальна ўзнікае неабходнасць пацвярджэння адпаведнасці рускамоўных запісаў прозвішчаў у дакументах. Па-другое, на нарматыўнасць і аднастайнасць рускамоўных запісаў у дакументах рэальна ўплывае беларуская мова і беларуская нацыянальная іменаслоўная традыцыя. Па-трэцяе, на аднастайнасць перадачы патронімаў у дакументах уплываюць асаблівасці арфаграфічных сістэм беларускай і рускай моў, а таксама ступень варыятыўнасці патронімаў, утвораных ад аднаго і таго ж імені. Нарэшце, у апошні час пры афармленні дакументаў (пасведчанняў аб нараджэнні, пашпартоў, дакументаў аб адукацыі і інш.) актуалізуецца праблема транслітарацыі імёнаў і імёнаў па бацьку з беларускай мовы на рускую і наадварот, а таксама іх транслітарацыі сродкамі лацінскага алфавіта.

Даследаваны матэрыя дазваляе выдзеліць некалькі тыпаў такіх разыходжанняў:

- варыянтнасць запісаў патронімаў у дакументах, абумоўленая гістарычна-культурнай традыцыяй (змешванне беларускіх/рускіх нарматыўных імёнаў па бацьку з іх страрымі традыцыйнымі беларускімі адпаведнікамі): *Андреевна – Андреева* (бел. *Андрэева*), *Васильевич – Васи́лев* (бел. *Васіліеў*), *Савельевна – Савина, Ольга Леоновна – Ольга Левонава, Леон Григорьевич – Левон Рыгораў, Филипповна – Пилипова* (бел. *Піліпава*), *Тимофеевна – Цімохава, Минович – Мінін, Степанович – Сьцяпакаў* (ад *Сьцяпан* у адпаведнасці з дарэформенным правапісам) і інш.;

- змешванне раўназначных варыянтаў імёнаў па бацьку (часта пад уплывам беларускай мовы): *Анатольевна – Анато́лиевна, Аркадьевич – Арка́диевич, Афанасьевна – Афанасиевна, Валерьевич – Валериевич, Васильевна – Васи́левна, Лаврентьевна – Лавренти́евна* і г.д.;

- паранімічнае змешванне розных імёнаў па бацьку як вынік неадрознення розных імёнаў: *Анисимовна – Анисовна, Анисифович – Анисифорович, Валерьевич – Валерьянович, Викторовна – Викентьевна, Владимирович – Владиславович* і інш.;

- змешванне імёнаў па бацьку, утвораных ад фанетыка-марфалагічных варыянтаў мужчынскіх імёнаў, якія ўжываюцца як самастойныя пашпартныя імёны: *Арсентьевич – Арсенович, Давыдович – Давидович, Захаровна – Захарьевна, Игнатьевич – Игнатович, Исааковна – Исаковна – Исаковна* і інш.;

- змешванне арфаграфічна памылковых напісанняў імёнаў па бацьку, у тым ліку пад уплывам беларускай мовы:

а) памылковыя напісанні, нематываваныя міжмоўным уплывам: *Стефанович – Стафанович, Брониславовна – Бронеславовна*;

б) памылковыя напісанні, абумоўленыя ўплывам беларускай мовы: *Филипповна – Филиповна, Архиппович – Архипович, Кириллович – Кирилович, Лазаревна – Лазаровна* (сравн. бел. *Лазар – Лазаравіч, Лазараўна*), *Никодимовна – Никадимовна, Ольгердовна – Альгердовна* і інш.;

в) памылковыя напісанні, абумоўленыя імкненнем да правільнага напісання паруску (гіперкарэктнасць): *Иларионович – Илларионович*,

- змешванне рускіх нарматыўных патронімаў і іх беларускіх нацыянальных адпаведнікаў, часам ускладненае арфаграфічнай памылкай: *Афанасьевич – Афонасович, Акимовна – Якимовна, Васильевич – Василевич* (параўн. бел. *Васіль – Васілевіч*), *Филип-*

повна – Пилиповна, Мартыновна – Мартиновна, Лаврентьевна – Лавриновна (сравн. бел. Лаўрын – Лаўрынавіч, Лаўрынаўна), Яковлевна – Якубовна і г.д.;

- змешванне прозвішчаў, утвораных ад праваслаўных імёнаў і іх народных народных эквівалентаў: *Иосиповна – Осиповна, Авксентьевна – Аксентьевна, Лаврентьевич – Лавренович* і інш.;

- змешванне імёнаў па бацьку, утвораных ад сучасных форм мужчынскіх імёнаў і іх старых кананічных адпаведнікаў: *Антоновна – Антониевна – Антоньевна, Гавришловна – Гавриловна, Даниловна – Данишиловна, Дмитриевна – Димитриевна*;

- змешванне імёнаў па бацьку, утвораных ад поўных пашпартных імёнаў і іх вытворных (у тым ліку дэмінітуўных) форм: *Вячеславовна – Чеславовна, Вячеславович – Славикович*;

- змешванне арфаграфічных (памылковых) варыянтаў імёнаў па бацьку: *Асвальдович – Асфальдович, Брониславовна – Бронеславовна, Вячеславович – Вечеславович, Лютияновна – Люциановна*;

- змешванне імёнаў па бацьку, утвораных ад нарматыўных асабовых імёнаў і іх размоўных адпаведнікаў: *Генриховна – Генриковна, Евстафьевич – Евстафович, Дмитриевна – Дмитровна, Зигмунтовна – Зигмундовна*;

- адвольнае змешванне імёнаў па бацьку, утвораных ад розных мужчынскіх імёнаў: *Леонидович – Леонардович, Леонидович – Леонтьевич, Пантелеевна – Пантелеймоновна* і г.д.;

- паралельнае ўжыванне нарматыўных і ненарматыўных форм імёнаў па бацьку, утвораных ад аднаго асабовага імя: *Лукинична – Лукична – Лукавна, Никитична – Никитовна, Никитична – Микитовна, Фоминична – Фомична – Фомовна* і інш.;

- змешванне арфаграфічных варыянтаў імёнаў па бацьку: *Федорович – Фёдорович* і інш.;

- ужыванне варыянтных беларускіх імёнаў па бацьку: *Язэпавна – Язеповна* і г.д.

Такім чынам, разгледжаны матэрыял паказвае, што ўжыванне патронімаў у сучаснай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы патрабуе неадкладнай уніфікацыі. Асноўнымі крытэрыямі ўпарадкавання выкарыстання патронімаў і антрапонімаў у цэлым, як уяўляецца, павінны стаць:

- а) строгае прытрымліванне арфаграфічных норм беларускай і рускай моў;
- б) дакладная суадноснасць нацыянальных адпаведнікаў патронімаў;
- в) абавязковае размежаванне варыянтных форм уласных імёнаў і патронімаў;
- г) нарматыўнае ўтварэнне імёнаў па бацьку ад адпаведных асабовых імёнаў;
- д) захаванне аднастайнасці запісаў патронімаў ва ўсіх дакументах, што належаць адной і той жа асобе;
- е) няўхільнае захаванне прынятых у іменаслоўнай практыцы правіл транслітарцыі.

Літаратура

1. Подольская, Н. В. Антропонимика / Н. В. Подольская // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – С. 36–37.
2. Завальнюк, У. М. Слоўнік асабовых уласных імён / У. М. Завальнюк, В. К. Раманцэвіч ; пад агул. рэд. А. А. Лукашанца. – Мінск : Нар. асвета, 2017. – 286 с.

УДК 811.162.1'373.231:39:304

**WSPÓŁCZESNE NIEOFICJALNE NAZWY OSOBOWE JAKO NOŚNIK PAMIĘCI
O WSCHODNIOŚLAWIAŃSKICH FORMACH IMION
(NA MATERIALE Z BIELSKA PODLASKIEGO)**

Ключевые слова: языкознание, ономастика, антропонимия, неофициальные антропонимы, отфамильные антропонимы.

В статье говорится о современных неофициальных отфамильных антропонимах, тождественных, в графическом и звуковом плане, восточнославянским формам личных имен, напр.: Fiedor < Fiedoruk < им. Fiedor, Nazar < Nazarewicz < им. Nazar, Ostap < Ostapczuk < им. Ostap. Большинство людей (особенно представители молодого поколения) считает названия типа Fiedor, Stepan, Nazar, Haraś, Sidor, Fila, Mojsa, Malesz лишь прозвищами, образованными путем сокращения фамилий и употребляемыми для обеспечения более быстрого общения. Однако, употребление в языковой практике антропонимов такого типа способствует, в той или иной мере, сохранению памяти о местных традициях в области именованья людей.

M. Mordan
University of Białystok

**CONTEMPORARY INFORMAL PERSONAL NAMES AS A CARRIER
OF MEMORY ABOUT EASTERN-SLAVONIC FORMS OF GIVEN NAMES
(ON MATERIAL FROM BIELSK PODLASKI)**

Key words: linguistics, onomastics, anthroponymy, informal personal names, anthroponyms based on surnames.

The article presents contemporary informal anthroponyms based on surnames, which in terms of transcription and phonetics are identical to the Eastern-Slavonic forms of given names, e.g. Fiedor < Fiedoruk < g.n. Fiedor, Nazar < Nazarewicz < g.n. Nazar, Ostap < Ostapczuk < g.n. Ostap. Most people of the younger generation perceive names such as Fiedor, Stepan, Nazar, Haraś, Sidor, Fila, Mojsa, Malesz, etc. as nicknames formed by shortening the surname and serve faster communication. Nevertheless, the use of these names in a social space facilitates, in a more or less deliberate way, the preservation of memory about local name-giving traditions.

W zasobie współczesnych nieoficjalnych nazw osobowych można odnotować pewną grupę antroponimów motywowanych nazwiskiem nosiciela.

W literaturze onomastycznej istnieją rozbieżne stanowiska dotyczące kwestii, czy formacje odnazwiskowe kwalifikować jako przezwiska, czy też traktować je jako przekształcone postaci pozostające w obrębie kategorii macierzystych. Większość badaczy włącza wprowadzić nazwy tego typu do zbioru przezwisk, jednak część z nich wyraźnie zastrzega, że zniekształcona postać nazwiska musi spełnić określone wymogi, aby można było umieścić ją w tej grupie nazw. Mowa tu przede wszystkim o nacechowaniu emocjonalnym takich struktur [2, 175; 10, 159]. Spośród innych kryteriów wymienia się m.in. możliwość charakteryzowania nosiciela [10, 159] oraz derywację semantyczną lub adideację leksykalną jako sposób kreacji przezwisk odnazwiskowych [4, 354–358; 8, 65–69].

Z kategorii przezwisk wyłącza nieoficjalne postaci nazwisk Cz. Kosyl [5, 206–207], jak również T. Skulina [9, 217–218], który uważa zaszeregowanie przekształconych form nazwisk do zbioru przezwisk za nieuzasadnione i „niezgodne z praktyką językoznawczą”. Niemniej, badacze ci upatrują znamion przezwisk w formacjach powstałych na drodze adideacji leksykalnej, gdzie przewartościowanie semantyczne nastąpiłoby w oparciu o uwzględnienie czynników pozajęzykowych.

Trudności związane z określeniem miejsca form odnazwiskowych w antroponimii wynikają w znacznej mierze ze zróżnicowanego charakteru przekształconych form nazwisk na tle spolaryzowanej opozycji nazwy oficjalne – nazwy nieoficjalne, o czym wspomina R. Mrózek [7, 13–20]. Celem niniejszego artykułu nie jest zatem próba umiejscowienia omawianych formacji w systemie proprialnym języka. Przedmiotem opracowania jest natomiast zwrócenie uwagi na pewną specyficzną grupę nieoficjalnych antroponimów odnazwiskowych, występujących wśród mieszkańców miasta, reprezentujących różne pokolenia, z przewagą jednak osób młodej generacji. Mowa tu o nazwach, które swoją postacią graficzną i brzmieniową są tożsame z wschodniosłowiańskimi formami imion.

Zebrany materiał pochodzi z terenu Bielska Podlaskiego – jednego z najstarszych miast Podlasia. Początki Bielska sięgają XI wieku i są związane z osobą księcia Jarosława Mądrego. Lokalną antroponimię cechuje zróżnicowanie pod względem językowym. Taki stan rzeczy wynika przede wszystkim z faktu, że miasto zasiedlają w zbliżonych proporcjach mieszkańcy narodowości polskiej i ruskiej (białoruskiej, ukraińskiej). Na przestrzeni wieków Bielsk kilkakrotnie zmieniał przynależność państwową. Zawsze jednak pełnił istotną rolę w rozwoju społecznym i gospodarczym regionu. Od XIV wieku, na przykład, był jednym z ważniejszych ośrodków zachodnich rubieży Wielkiego Księstwa Litewskiego. Do dnia dzisiejszego występują tu antroponimy różnego pochodzenia z wyraźną dominacją nazw polskich i wschodniosłowiańskich. Niejednorodność językowo-kulturowa we współczesnym systemie nazewniczym Bielska przejawia się przede wszystkim w zasobie oficjalnych nazwisk, a także – choć w mniejszym stopniu – w repertuarze aktualnie używanych imion. Antroponimy nieoficjalne, używane w środowisku miejskim najczęściej przez młode osoby, nie odzwierciedlają już tak wyraźnie wielokulturowego charakteru miasta. Można zauważyć, że polsko-wschodniosłowiańska asymilacja językowa i kulturowa częściej ma charakter jednostronny i wiąże się z coraz większą dominacją komponentu polskiego.

Taki stan rzeczy jest wynikiem wielu czynników, uwarunkowanych m.in. aktualną sytuacją geopolityczną, procesami globalizacyjnymi, ekspansją modelu kultury polskiej i zachodnioeuropejskiej. Inne przyczyny mają źródło w słabnącym zainteresowaniu językiem i tradycją przodków. Dynamicznym procesem staje się zanik gwar wschodniosłowiańskich, będących przecież jednym z wyznaczników tożsamości narodowej znacznej części mieszkańców Bielska.

Niezwykle trudno zatem odnaleźć we współczesnym systemie nieoficjalnych nazw osobowych antroponimy o proveniencji wschodniosłowiańskiej. Zarówno wśród tzw. przezwisk właściwych (motywowanych cechami zewnętrznymi, charakterem, sposobem bycia, zdarzeniami itp.), jak i wśród antroponimów nieoficjalnych motywowanych imieniem i nazwiskiem, formacje wschodniosłowiańskie poświadczone są sporadycznie.

Wyjątek stanowi zbiór nieoficjalnych nazw własnych utworzonych na bazie nazwisk, zawierających w podstawach słowotwórczych wschodniosłowiańskie postaci imion. Poniżej przedstawiono egzemplifikacje tych antroponimów, dokonując ich klasyfikacji pod względem strukturalnym:

I. Nazwy nieoficjalne formalnie równe imionom pełnym:

1) Oficjalnym:

Trzy nazwy osobowe zostały utworzone od nazwisk motywowanych imionami w wariantach cerkiewnym: n.os. **Filimon** < n. *Filimoniuk* (< im. cerk. **Filimon** BirBA 167), n.os.

Karp < n. *Karpuk* (< im. cerk. **Karp** SHNOB I 148), n.os. **Trofim** < n. *Trofimiuk* (< im. cerk. **Trofim** BirBA 162).

2) Potocznym:

Wiecej antroponimów powstało na bazie nazwisk, które w swojej podstawie słowotwórczej zawierają imiona w wersji potocznej: n.os. **Fiedor** < n. *Fiedoruk* (< im. wschł. **Fiedor** < cerk. *Fieodor* SHNOB I 90), n.os. **Iwan** < n. *Iwaniuk* (< im. wschł. **Iwan** < cerk. *Ioann* SHNOB I 122), n.os. **Niczypor** < n. *Niczyporuk* (< im. wschł. **Niczypor** < cerk. *Nikifor* SHNOB I 259), n.os. **Osip** < n. *Osipiuk* (< im. wschł. **Osip** < cerk. *Iosif* SHNOB I 277), n.os. **Stepan** < n. *Stepaniuk* (< im. wschł. **Stepan** < cerk. *Stiefan* BirBA 157), n.os. **Symon** < n. *Symoniuk* (< im. wschł. **Symon** < cerk. *Simon* BirBA 152).

Do tego zbioru należy ponadto włączyć nazwy nieoficjalne równe imionom pozbawionym formantu *-ij* [3, 27]: n.os. **Denis** < n. *Dzienisiuk* (< im. wschł. **Denis** < cerk. *Dionisij* SHNOB I 73), n.os. **Grygor** < n. *Grygoruk* (< im. wschł. **Grygor** < cerk. *Grigorij* SHNOB I 103), n.os. **Ignat** < n. *Ignatowicz* (< im. wschł. **Ignat** < cerk. *Ignatij* SHNOB I 110), n.os. **Nazar** < n. *Nazarewicz* (< im. wschł. **Nazar** < cerk. *Nazarij* SHNOB I 258), n.os. **Ostap** < n. *Ostapczuk* (< im. wschł. **Ostap** < cerk. *Jewstafij* BirBA 66).

Do form podstawowych potocznych zakwalifikowano też antroponim z wygłosowym *-ej*, zastępującym sufiks *-ij* typowy dla form kancelaryjnych [3, 27]: n.os. **Siergiej** < n. *Siergiejuk* (< im. **Siergiej** < *Sergiusz*, cerk. *Siergij* TichI 130); oraz imię różniące się od wariantu oficjalnego minimalną różnicą fonetyczną: n.os. **Sawa** < n. *Sawoniuk* (< im. wschł. **Sawa** < cerk. *Sawwa* SHNOB II 87).

Poświadczeń kilku nazw nie odnaleziono w źródłach poświęconych formom imion na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim. Niemniej, można uznać je za hipotetyczne z dużym stopniem prawdopodobieństwa:

n.os. **Parfień** < n. *Parfieniuk* (< im. wschł. ***Parfień**; por. im. wschł. *Parfien* < cerk. *Parfienij* BirBA 133, SHNOB II 16), n.os. **Siemień** < n. *Siemieniuk* (< im. wschł. ***Siemień**; por. im. wschł. *Siemien* < cerk. *Simieon* SHNOB II 92), n.os. **Wowton** < n. *Wowtoniuk* (< im. wschł. ***Wowton**; por. im. wschł. *Wonton* < cerk. *Antonij* TichI 70).

Należy zauważyć, że formom tym towarzyszą warianty zbliżone graficznie i brzmieniowo. Można je zrekonstruować poprzez analogię z innymi antroponimami, poświadczonymi na omawianym terenie. Bogactwo formacji odimiennych na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim pozwala dopuszczać istnienie „zindywidualizowanych form imion odbiegających brzmieniem i formą od potocznie stosowanych w danej społeczności”, o czym wspomina M. Malec [6, 99].

II. Nazwy nieoficjalne formalnie równe imionom derywowanym:

Zdecydowanie częściej w badanym materiale wystąpiły nazwy nieoficjalne utworzone od nazwisk motywowanych imionami derywowanymi. Formy imienne mogły powstać na drodze derywacji alternacyjnej, paradygmatycznej, sufiksalnej lub w wyniku połączenia dwóch różnych zabiegów derywacyjnych:

1) Nazwy nieoficjalne formalnie równe derywatom alternacyjnym:

n.os. **Giera** < n. *Gierasimiuk* (< im. wschł. **Giera** < cerk. *Gierasim* TiSł 122), n.os. **Haraś** < n. *Harasiuk* (< im. wschł. **Haraś** < cerk. *Gierasim* SHNOB I 109), n.os. **Korniej** < n. *Korniejczuk* (< im. wschł. **Korniej** < cerk. *Kornilij* SHNOB I 169), n.os. **Kot** < n. *Kotowicz* (< im. wschł. **Kot** < cerk. *Konstantin* TichI 107), n.os. **Onop** < n. *Onopiuk* (< im. wschł. **Onop** < cerk. *Onufrij* TichI 120), n.os. **Sidor** < n. *Sidorski* (< n.m. *Sidory*, *Sidorówka* < im. wschł. **Sidor** < cerk. *Isidor* SHNOB II 89); ponadto (hipotetyczne): n.os. **Jaryma** < n. *Jarymowicz* (< im. wschł. ***Jaryma**; por. im. wschł. *Jarema*, *Jaroma* < cerk. *Ijeremija* BirBA 80), n.os. **Panaś** < n. *Panasiuk* (< im. wschł. ***Panaś**; por. im. wschł. *Panas*, *Panasik* < cerk. *Afanasij* BirBA 33).

2) Nazwy nieoficjalne formalnie równe derywatom paradygmatycznym:

-ø: n.os. **Sachar** < n. *Sacharczuk* (< im. wschł. **Sachar** < cerk. *Zacharija* TichI 143), n.os. **Sachar** < n. *Sacharewicz* (< im. wschł. **Sachar** < cerk. *Zacharija* TichI 143); ponadto: n.os. **Nikić** < n. *Nikiciuk* (< im. wschł. ***Nikić**; por. im. wschł. *Nikicik* < cerk. *Nikita* BirBA 127);

-’a: n.os. **Parfienia** < n. *Parfieniuk* (< im. wschł. **Parfienia** < cerk. *Parfienij* TiSł 280);

-o: n.os. **Daniło** < n. *Daniłowski* (< n.m. *Daniłowo*, *Daniłowce* < im. wschł. **Daniło** < cerk. *Daniil* SHNOB I 71).

3) Nazwy nieoficjalne formalnie równe derywatom alternacyjno-paradygmatycznym:

-a/-’a: n.os. **Fila** < n. *Filioniuk* (< im. wschł. **Fila** < cerk. *Filimon* BirBA 168), n.os. **Kalina** < n. *Kalinowski* (< n.m. *Kalinowo*, *Kalinówka* < im. wschł. **Kalina** < cerk. *Kallinik* BirBA 93), n.os. **Klima** < n. *Klimczuk* (< im. wschł. **Klima** < cerk. *Klimient* TiSł 208), n.os. **Klima** < n. *Klimowicz* (< im. wschł. **Klima** < cerk. *Klimient* TiSł 208), n.os. **Lonja** < n. *Leoniuk* (< im. wschł. **Lonja** < cerk. *Leonid*, *Leont*, *Leontij* TiSł 220-222), n.os. **Mojśa** < n. *Mojsewicz* (< im. wschł. **Mojśa** < cerk. *Moisiej* TichI 118), n.os. **Pronia** < n. *Proniewicka* (< n.m. *Proniewicz* < im. wschł. **Pronia** < cerk. *Prokop*, *Prochor* TiSł 292, 294; por. też im. wschł. *Proń*, *Prońko* < cerk. *Apronian* TichI 71 oraz im. wschł. *Pron* < cerk. *Sofronij*, *Prokop*, *Prochor* SHNOB II 50), n.os. **Siema** < n. *Siemieniuk* (< im. wschł. **Siema** < cerk. *Simieon* TichI 133), n.os. **Wicia** < n. *Witkiewicz* (< im. wschł. **Wicia** < cerk. *Wiktor* BirBA 43), n.os. **Zina** < n. *Zinkiewicz* (< im. wschł. **Zina** < cerk. *Zinowij*, *Zinon* BirBA 76; por. też im. żeńskie *Zina* < *Zinaida* TiSł 504 oraz im. cerk. *Zina* BirBA 76); ponadto: n.os. **Jerma** < n. *Jermołowska* (< n.m. *Jermoły* < im. wschł. ***Jerma**; por. im. wschł. *Jermola* < cerk. *Jermolaj* BirBA 74), n.os. **Owera** < n. *Owerczuk* (< im. wschł. ***Owera**; por. im. wschł. *Owero* < cerk. *Awierkij* TichI 64).

Antroponimy nieoficjalne z wygłosowym -a/-’a mogły zostać utworzone w celu identyfikacji osób płci męskiej lub żeńskiej. Odimienne hipokorystyka męskie na -a/-’a obecne są zarówno na badanym obszarze, jak również w antroponimii białoruskiej i rosyjskiej, por. np. warianty *Awiera*, *Diunia*, *Fila*, *Giera*, *Grinia*, *Jerma*, *Kima*, *Klima*, *Lonja*, *Ławrenia*, *Parfienia*, *Sawa*, *Sioma*, *Witia*, *Zina* itd. [13].

-o: n.os. **Sawo** < n. *Sawoniuk* (< im. wschł. **Sawo** < cerk. *Sawwa* BirBA 142). Jako formy hipotetyczne powstałe przez analogię do innych imion można zakwalifikować następujące derywaty: n.os. **Klimo** < n. *Klimowicz* (< im. wschł. ***Klimo**; por. im. wschł. *Klim* < cerk. *Klimient* BirBA 98), n.os. **Sajo** < n. *Sajewicz* (< im. wschł. ***Sajo**; por. im. wschł. *Saj* < cerk. *Isaija* SHNOB II 82), n.os. **Sido** < n. *Sidoruk* (< im. wschł. ***Sido**; por. im. wschł. *Sidor*, *Sidko* < cerk. *Isidor* TichI 97). Formacje te należy uznać za zdecydowanie mniej prawdopodobne (względem innych derywatów), a pojawienie się wygłosowego -o – tłumaczyć współczesnymi zabiegami słowotwórczymi stosowanymi w kreacji nieoficjalnych nazw osobowych i przezwisk.

4) Nazwy nieoficjalne formalnie równe derywatom sufiksalnym (od form imion pełnych i skróconych):

-ik: n.os. **Sanik** < n. *Sanicki* (< n.m. *Sanniki* < im. wschł. **Sanik** < cerk. *Aleksandr* SHNOB II 84), n.os. **Sawik** < n. *Sawicki* (< n.m. *Sawice* < im. wschł. **Sawik** < cerk. *Sawwa* SHNOB II 87), n.os. **Sawik** < n. *Sawoniuk* (< im. wschł. **Sawik** < cerk. *Sawwa* SHNOB II 87); ponadto: n.os. **Fiedzik** < n. *Fiedoruk* (< im. wschł. ***Fiedzik**; por. im. wschł. *Fiedzia*, *Fiedik* < cerk. *Fieodor* UscSł 206, TiSł 341);

-ko: n.os. **Falko** < n. *Falkowski* (< n.m. *Falki* < im. wschł. **Falko** < cerk. *Fałalej* SHNOB I 89);

-(e)sz: n.os. **Malesz** < n. *Maleszewski* (< n.m. *Malesze* < im. wschł. **Malesz** < cerk. *Małachija* TichI 113).

W grupie derywatów sufiksalnych pojawiły się również antroponimy z przyrostkiem -ka/-sz+ka, potencjalne w mniejszym lub większym stopniu, por.: n.os. **Harka** < n. *Harasim* (< im. wschł. ***Harka**; por. im. wschł. *Harasim*, *Haraś* < cerk. *Gierasim* BirBA 52, SHNOB I 108), n.os. **Panaska** < n. *Panasiuk* (< im. wschł. ***Panaska**; por. im. wschł.

Panas, Panasik, Panasko < cerk. *Afanasij* BirBA 33, Usc 19); n.os. **Laszka** < n. *Laszewicz* (< im. wschl. ***Laszka**; por. im. wschl. *Lasz, Laszko* < cerk. *Ilija, Jewilasij* TichI 83, 86) oraz dwa derywaty z sufiksem *-ek*, należące raczej do mało produktywnych na gruncie ruskim, por.: n.os. **Chilek** < n. *Chilkiewicz* (< im. wschl. ***Chilek**; por. im. wschl. *Chila, Chilka, Chilko* < cerk. *Filimon* BirBA 168), n.os. **Saczek** < n. *Sakowicz* (< im. wschl. ***Saczek**; por. im. wschl. *Saczko* < cerk. *Isaak, Isaakij* TichI 97, SHNOB II 81). Nośnikiem pierwiastka wschodniosłowiańskiego jest w tych dwóch przypadkach podstawa motywacyjna. Można więc poniższe warianty uznać za formacje hybrydalne polsko-wschodniosłowiańskie.

5) Nazwy nieoficjalne formalnie równe imionom występujących w wersji polskiej, ale typowych raczej dla wschodniosłowiańskiego kręgu językowo-kulturowego:

n.os. **Bazyl** < n. *Bazyłuk* (< im. **Bazyl** < *Bazyli*, cerk. *Wasilij* TichI 75), n.os. **Prokop** < n. *Prokopczuk* (< im. **Prokop**, cerk. *Prokopij* BirBA 138).

Cytowany materiał pokazuje, że znakomita większość nieoficjalnych nazw osobowych pochodzi od nazwisk na *-uk/-czuk* oraz – w mniejszym stopniu – nazwisk z sufiksem *-owicz/-ewicz*, genetycznie patronimicznych i typowych dla pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego. Tylko w nielicznych przypadkach mamy do czynienia z nazwiskami zakończonymi na *-ski*, gdzie dodatkowym ogniwem łączącym imię z jednobrzmiącym antroponimem nieoficjalnym jest nazwa miejscowości.

Nie ulega wątpliwości, że współczesna rzeczywistość wymusza na użytkownikach języka ekonomię środków werbalnych, a celem nadrzędnym staje się przekazanie maksimum treści w minimalnym odcinku czasu lub przy pomocy możliwie najmniejszej ilości znaków. Główną przyczyną skracania nazwisk jest zatem usprawnienie procesu komunikacji. Takimi pobudkami kierowali się zapewne kreatorzy analizowanych w niniejszym artykule nieoficjalnych nazw osobowych. Niemniej, w sposób mniej lub bardziej świadomy, używając w przestrzeni społecznej tego typu nazw zachowują w pamięci formy imion, które były (i czasami jeszcze są do dnia dzisiejszego) używane w lokalnym środowisku, także przez ich przodków. Tylko nieliczne cytowane nieoficjalne nazwy osobowe równe są imionom w postaci kancelaryjnej (cerkiewnej). Zdecydowana większość tych antroponimów jest tożsama imionom w wersji potocznej i derywowanej, funkcjonującej w przekazie ustnym. Obecne tendencje demograficzno-społeczne nie sprzyjają podtrzymaniu omawianych form w czystej postaci, tj. jako wariantów imion chrzestnych. Odchodzą pokolenia, gdzie tradycyjne imiona w wersji wschodniosłowiańskiej były w powszechnym użyciu, wyludniają się miejscowości zamieszkałe przez ludność autochtoniczną zachowującą ruską tradycję i kulturę.

Większość nazw nieoficjalnych, szczególnie tych o charakterze przezwiskowym, cechuje niestabilność i efemeryczność. Przypuszczalnie również przedstawione w tym tekście antroponimy pozostaną w użyciu tylko przez pewien okres. Mimo to można je rozpatrywać jako nośniki pamięci o tradycyjnych imionach wschodniosłowiańskich, imionach, którymi licznie posługiwano się jeszcze do niedawna i które coraz rzadziej można usłyszeć w przestrzeni społecznej na interesującym nas obszarze. Dla większości osób młodego pokolenia nazwy typu *Fiedor, Stepan, Nazar, Haraś, Sidor, Fila, Mojsa, Malesz* itd., używane najczęściej przez nich i przez ich rówieśników są jedynie przezwiskami utworzonymi poprzez skrócenie nazwiska i mają na celu zapewnienie szybszej komunikacji. Jeśli jednak przyjrzeć się tym antroponimom z nieco innej perspektywy, można dostrzec w nich niezamierzony, często nieświadomy instrument, umożliwiający przynajmniej w minimalnym stopniu i przez pewien czas podtrzymanie pamięci o lokalnych tradycjach imienniczych.

Literatura

1. Abramowicz, Z., Citko, L., Dacewicz, L. Słownik historycznych nazw osobowych Białostocczyzny (XV–XVII w.), Białystok 1997–1998 (skrót: SHNOB).

2. Biolik, M. Przewiska i przydomki ludności wiejskiej (na przykładzie wsi Andrzejki w woj. łomżyńskim), „Onomastica” 1983, XXVIII, s. 165–179.

3. Citko, L. Nazewnictwo osobowe północnego Podlasia w XVI w., Białystok 2001.
4. Czaplicka-Jedlikowska, M. Przewiska szkolne jako przejaw zróżnicowania języka i kultury uczniów wybranych szkółach Bydgoszczy, [w:] Miasto. Przestrzeń zróżnicowana językowo, kulturowo i społecznie, M. Świącicka (red.), t. I, Bydgoszcz 2006, s. 349–367.
5. Kosyl, Cz. Typy motywacyjne przewisk ludowych, [w:] Onomastyka w dydaktyce szkolnej i społecznej, E. Homa (red.), Szczecin 1988, s. 205–213.
6. Malec, M. Imię w polskiej antroponimii i kulturze, Kraków 2001.
7. Mrózek, R. Słownik motywacyjny antroponimów przewiskowych socjolektu młodzieżowego, Kraków 2007.
8. Sajewicz, M. Przewiska mieszkańców kilku wsi z białorusko-ukraińskiego pogranicza językowego na Białostocczyźnie, [w:] Przewiska i przydomki w językach słowiańskich, S. Warchoł (red.), cz. II, Lublin 1999, s. 59–86.
9. Skulina, T. Funkcje przewiska w systemie antroponimicznym, [w:] Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, K. Dejna i in. (red.), Warszawa 1974, s. 213–234.
10. Surma, G. Przewiska i przydomki w świetle materiałów opoczyńskich, „Onomastica” 1993, XXXVIII, s. 151–167.
11. Tichoniuk, B. Imiona i ich formy na pograniczu polsko-białoruskim od XVI wieku do roku 1839, Zielona Góra 2000 (skrót: TichI).
12. Бірыла, М. В. Беларуска антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М. В. Бірыла. – Мінск, 1966. – 328 с.
13. Бояринова, Л. З. Словарь русских личных имен / Л. З. Бояринова [и др.]. – Москва : Школа-Пресс, 1995. – 736 с.
14. Усціновіч, А. К. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV–XVIII стст.) / А. К. Усціновіч. – Мінск : Навука і Тэхніка, 1975. – 174 с.
15. Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

pozostale skróty:

- n. – nazwisko
- n. os. – nazwa osobowa
- im. – imię
- wschł. – wschodniosłowiański
- cerk. – cerkiewny
- por. – porównaj
- n. m. – nazwa miejscowa

Н.О. Свистун

Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка
e-mail: nina-s77@ukr.net

УДК 81'373.231

РІДКІСНІ ОСОБОВІ ІМЕНА м. ТЕРНОПОЛЯ (УКРАЇНА) У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ ХХ СТОЛІТТЯ

Ключевые слова: *антропоним, именник, женское имя, личное имя, мужское имя, редкостные имена.*

В статье анализируются редкостные мужские и женские имена г. Тернополя (Украина) во II пол. XX века: изменения в составе имён, сохранение классических и появление новых имён, количество и частота употребления на протяжении десятилетий.

RARE PERSONAL NAMES OF TERNOPIL (UKRAINE) IN THE SECOND PART OF THE XX CENTURY

Key words: *anthroponym, noun, personal name, female name, male name, rare names.*

The article analyzes the rare male and female names of Ternopil (Ukraine) in the second part of the twentieth century: changes of name composition, the preservation of classical and the appearance of new names, the number and frequency of use through decades.

Власне ім'я розглядається переважно як мовне явище в аспекті його лінгвістичного та історичного розвитку. Ім'я – це знак, на основі якого індивідуалізується та ідентифікується особа.

Власні особові імена досліджувалися ще давньоєгипетськими, давньогрецькими і давньоримськими вченими. Як особливий клас слів вони були виділені стоїками, зокрема Хрісіпом, проте й пізніше – в епоху Відродження, в Новий час, протягом усього XIX століття продовжувалася дискусія, у якій було обговорено чимало як конкретних, однозначних тверджень, що приймалися різними вченими, так і винятково протилежних суджень та концепцій.

Інтерес до людини в усьому розмаїтті її проявів не міг не позначитися на концепції імені, що перетворювалося на межову категорію, оскільки ставало точкою перетину зовнішнього і внутрішнього світів, специфічно відбивало сутність людської натури. Власні імена як своєрідна частина лексичного складу мови є цінним джерелом для різноманітних аспектів лінгвістичних розвідок. Джерелом дослідження послужили списки та журнали видачі свідоцтв про народження Тернопільського міського загсу (тепер – міський відділ реєстрації актів цивільного стану Тернопільського міського управління юстиції). У статті залучаємо методику хронологічних зрізів та кількісно-якісний метод, запроваджені ще В.Д. Бондалетовим [1]. Методика хронологічних зрізів полягає в тому, що імена розділені на групи, так звані хронологічні зрізи за десятками років. Суцільне дослідження особових імен певної території, здійснене протягом тривалого часу, уможливорює виявлення діахронічних змін іменника певної території та основні тенденції, що діють при цьому. Ми у своїй праці зацентруємо увагу на рідкісних іменах.

Рідкісними називаємо імена, зафіксовані лише в одному десятилітті.

Чоловічі імена. Протягом 1950–2000 рр. трапилося 39 рідкісних чоловічих імен, носіями яких виявилися 48 новонароджених хлопчиків (питома вага 0,65% від загального українського чоловічого іменника міста). Майже всі ці імена належать до імен разового вжитку, маючи лише одного носія. Винятком є II (1960-ті рр.) та VI зрізи (2000 р.), коли окремі особові імена – Карл – зафіксовано 2 рази, Захар – 5 разів.

Так, у I зрізі (1950-ті рр.) трапилося 4 рідкісних імені: Андрон, Діонізій, Мечислав, Юлій. Зазначимо, що ці імена використано для найменування хлопчиків-українців. Виняток становить слов'янське за походженням ім'я Мечислав, яке використано для найменування сина у мішаній сім'ї (батько – поляк, мати – українка).

В ономастиці загальновідомим є факт, що милозвучності імені надають сонорні звуки (**в, л, м, н, р, й**). Чим більше сонорних звуків в основі імені, тим воно приємніше звучить (пор. Іван, Володимир) [2]. Очевидно, що проривні звуки (**т, д**) роблять звучання імені різким, пор.: Модест, Тадей, Трифон.

У II зрізі (1960-ті рр.) трапилося 8 рідкісних імен: Адам (1 носій), Іриней (1), Карл (2), Корній (1), Модест (1), Омелян (1), Тадей (1), Трифон (1).

Серед рідкісних імен цього десятиліття можна виділити так звані традиційні імена, здавна характерні для українців: Корній, Омелян, Трифон.

У III зрізі (1970-ті рр.) був такий набір рідкісних імен для найменування українців: Владлен (1 носій), Кристіан (1), Мойсей (1), Ричард (1), Тимотей (1), Тимур (1).

Набір рідкісних імен цього десятиліття цікавий тим, що у сім'ях українців ново-народжених названо неукраїнськими іменами. Більшість імен можна визначити як модні чи такі, які звучать на іноземний лад. Так, простежуємо штучне новоутворення Владлен. Подібні імена почали з'являтися після революції 1917 року, коли церква була відокремлена від держави і батьки надавали дітям імена, що виходили за межі канонічних. Вони відбивали реалії тогочасної дійсності, проте не всі вони пройшли випробування часом. Очевидно, вибираючи ім'я для своєї дитини, батьки не задумувалися над його етимологією, а бралось до уваги звучання імені. До складу антропоніма Владлен входять 4 сонорних (в, л, л, н), що надає імені милозвучності.

Прагнення до оригінальності назвати дитину на «іноземний лад» зумовило появу в українських сім'ях імен Кристіан (на зразок французького Крістіан) та Ричард. Такі імена вносять цікаве розмаїття в іменник міста. В іменнику наявні д.-євр. Мойсей та монгольське Тимур.

Цікавим у досліджуваному матеріалі є ім'я Тимотей, яке не фіксується жодним словником особових імен. Можемо трактувати його як варіант від рос. Тимофей, укр. Тимофій. У літературі відомою постаттю є Тимотей Бордуляк (український письменник, автор збірок «Ближні» (1899), «Оповідання з галицького життя» (1903) та ін.).

У IV зрізі (1980-ті рр.) трапилося тільки два рідкісних імені: Теодозій (1) та Фелікс (1). Цікавим для іменника є ім'я Теодозій. У такому вигляді його словники не фіксують (на відміну від жіночого Теодозія, яке знаходимо в словнику-довіднику власних імен людей). Натомість наявні Феодосій, Федосій, Федос, Федось, Тодос, Тодось, Тодосій [5, 106]. Крім того, ім'я Теодозій можна розглядати як чоловічу форму до жіночого Теодозія.

Рідкісні імена V зрізу (1990 р.) представлені такими антропонімами: Давид (1 носій), Зореслав (1), Іларіон (1), Ілля (1), Леонтій (1), Онисим (1), Платон (1), Федір (1).

В останні десятиріччя минулого століття стали популярними імена, які даються за родинною традицією на честь батька, дідуся, близького родича: Давид, Іларіон, Ілля, Онисим, Платон, Федір, тобто простежується повернення до «старих, забутих» імен.

Цікавим є особове ім'я Онисим. Воно вважається традиційно українським, часто трапляється в художній літературі для найменування персонажів XIX – початку XX століття.

Розмаїття в антропонімікон міста вносять імена Зореслав, Леонтій.

Список рідкісних імен останнього, VI зрізу (2000 рр.), представлений такими іменами: Аркадій (1), Богодар (1), Дем'ян (1), Ждан (1), Захар (5), Маркіян (1), Матвій (1), Микита (2) / Никита (1), Нестор (1), Симон (1).

Межі іменника розширилися за рахунок старих імен – канонічних і слов'янських, які утворюють у ньому новий антропонімічний шар. Іменник розширився внаслідок повернення до життя «старих» імен Дем'ян, Захар, Матвій, Микита / Никита. Цікаве розмаїття в антропонімікон міста вносять імена Аркадій, Маркіян, Нестор, Симон.

Щодо імені Маркіян, то в літературі відоме ім'я Маркіяна Шашкевича – письменника, громадського діяча, одного із засновників літературно-культурницького гуртка «Руська трійця».

Антропонімікон м. Тернополя поповнився цікавими і неординарними іменами: Богодар (подарований Богом) і Ждан (жданий, давно очікуваний, бажаний), зафіксованими в «Словнику українських імен» І. І. Трійняка [6, 50; 137].

До рідкісних імен у XX столітті можна долучити подвійні. Якщо, наприклад, у XIX та 1940-х рр. XX століття наявність подвійних імен в антропоніміконі міста була дуже поширеною, то в межах від 1950 до 2000 року кількість подвійних імен суттєво зменшилася. Причиною цього може бути те, що друге ім'я (тільки за бажанням батьків) дається церквою при хрещенні дитини і не завжди фіксується в актах про народження міського відділу реєстрації актів цивільного стану Тернопільського міського управління юстиції. Ніякого тиску чи нав'язування імені немає. Крім того, на сьогодні більше однієї реєстрації імен не радять самі працівники рагсу, бо в майбутньому у людини можуть виникнути незручності при оформленні паспорта та інших офіційних документів.

Так, у I (1950-ті рр.), III (1970-ті рр.), IV (1980-ті рр.) та V (1990-ті рр.) зрізах чоловічі подвійні імена в записах актів та журналах видачі свідоцтв взагалі відсутні, у II (1960-ті рр.) трапилося лише два подвійних імені: Орест-Ярослав (для найменування українця), Збігнєв-Едвард (для найменування новонародженого польської національності). У VI зрізі (2000 р.) зафіксовано лише одне чоловіче подвійне ім'я для найменування українця – Юрій-Михайло.

Жіночі імена. Протягом 1950–2000 рр. трапилося 40 рідкісних жіночих імен, носіями яких виявилось 60 новонароджених дівчаток (питома вага від загальної кількості новонароджених дівчат 0,88%).

Переважно це імена разового вжитку, які мають одного носія, проте є і винятки. У I зрізі (1950 р.), наприклад, ім'я *Теодозія* зафіксовано 4 рази, у III зрізі (1960 р.) – *Варвара* – 2, *Гелена* – 4, *Євдокія* – 5, *Казимира* – 2, *Станіслава* – 3, *Текла/Текля* – 2, у IV (1970 р.) – *Клавдія* – 3, у VI – *Поліна* – 3.

Так, у I зрізі (1950 р.) зафіксовано 3 рідкісних імені: *Густа*, *Данута*, *Теодозія*.

Ім'я *Густа* – розм. варіант від *Августа* (жін. до *Август*) або *Густава* (жін. до *Густав*) [5, с. 115, 131].

Данута – запозичення з польської – використано для найменування дівчинки-українки. Це ім'я не фіксують українські словники імен [4; 6].

У II зрізі (1960 р.) трапилося 12 рідкісних імен (з варіантами 14): *Варвара* (2 носії), *Гелена* (4), *Геновефа* (1), *Даніїла* (1), *Євдокія* (5), *Ірма* (1), *Казимира* (2), *Клара* (1), *Пелагея* (1), *Раїса* (1), *Станіслава* 1/*Станіслава* 2 (3), *Текла* 1, *Текля* 1 (2).

Набір імен дуже різноманітний.

Цікавим є ім'я *Геновефа*. Це рідкісне неканонічне ім'я-архаїзм уперше у наших дослідженнях трапилося у XIX столітті. Спостерігаємо жіночі утворення: *Даніїла* (до імені *Данило*), *Казимира* (до *Казимир*).

Ім'я *Євдокія* має найбільшу кількість носіїв серед усіх рідкісних імен XX століття.

Антропоніми *Ірма* та *Пелагея* охоплюють незначну кількість носіїв.

Розширили межі іменника антропоніми *Клара* та *Раїса*.

Урізноманітнили антропонімікон міста композит *Станіслава* (до чол. *Станіслав*), традиційне українське *Текля/Текла*.

У III зрізі (1970 р.) зафіксовано 4 рідкісних імені: *Злата* (1), *Клавдія* (3), *Мальвіна* (1), *Роксана* (1), носіями яких виявилися 6 новонароджених дівчаток, що становить 0,60% від усіх новонароджених жіночої статі цього періоду. Цей період ознаменувався відновленням давньослов'янських імен. В.А. Никонов відносить подібні антропоніми до таких, які у свій час були відхилені і заборонені церквою (*Злата*, *Роксана*) [3, 68].

У цей період відбувається проникнення в український іменник антропоніма із західноєвропейських мов – *Мальвіна*.

Антропонім *Клавдія* – жіноче до чоловічого *Клавдій*, утворене за допомогою флексії -я.

У IV зрізі (1980 р.) знаходимо 3 рідкісних імені: *Вілена*, *Орися*, *Феофана*, кожне з яких має по одному носію (питома вага 0,20%). *Вілена* – штучне утворення, в якому люди прагнули відобразити події та ідеологію минулого, жіноче утворення до чол. *Вілен*, утворене за допомогою флексії **-а**. Ім'я *Орися* фіксується як офіційне документальне ім'я і як варіант грецького *Орина*.

Межі жіночого іменника розширилися за рахунок повернення до вжитку старого календарного імені *Феофана* (жін. до чоловічого *Феофан*).

У V зрізі (1990 р.) зафіксовано 8 рідкісних імен: *Андрія* (1), *Весна* (1), *Віталіна* (10), *Зоя* (1), *Ляня* (1), *Марита* (1), *Ружана* (1), *Фаїна* (1). Ними названо 8 новонароджених, що становить 0,40% від усіх новонароджених дівчаток цього періоду.

Серед них наявні жіночі відповідники *Андрія*, *Віталіна* до чол. *Андрій*, *Віталій*, утворені за допомогою формантів **-я**; **-іна** (проф. П. П. Чучка зазначає, що форманти **-я**; **-іна** набагато рідше виступають засобами творчої фемінізації, ніж, наприклад, **-а**) [7].

Дуже цікаве і неординарне розмаїття в антропонімікон міста вносить ім'я *Весна* (*Борисова Весна Олександрівна*) – народилася в березні. П. П. Чучка у статті «Слов'янські автохтонні імена, гідні реабілітації» зазначає, що в наших предків було немало імен, які називали новонародженого за часом або за місцем появи його на світ (*Буря*, *Веселка*, *Гроза*, *Гроловиця*, *Зима* та под.) [7, 98]. Можливо, саме цим керувалися батьки при виборі імені для новонародженої, а можливо, даючи таке ім'я, вони бажали дочці у житті радості, ніжності, краси, добра, з якими асоціюється весна як пора року. Антропонім *Весна* з наголосом на першому складі функціонує у словенів, болгар.

У наших офіційних списках трапилося ім'я *Ляня* (Шафранська). Словниково-довідник Л.Г. Скрипник, Н.П. Дзятківської «Власні імена людей» фіксує це ім'я як демінутив від *Ліана* чи *Ліліана* [5, 152–153] або можна його долучити до болгарського *Ліляна/Юляна*.

Цікавим є антропонім *Марита* (прізвище *Банько*), який не зафіксований словниками власних імен. Можливо, батьки надали дочці таке ім'я під впливом засобів масової інформації, перегляду кіно, закордонних серіалів, а можливо, це варіант традиційного імені *Марина*. Крім цього, ім'я *Марита* можна вважати усіченим варіантом за типом синкопи імені *Маргарита*. Запозичене з болгарської *Ружана* (*Ружана Степанівна Віхнич*) зафіксоване у словниках як *Ружена* [5, 178].

Межі українського іменника розширилися за рахунок антропонімів *Зоя* та *Фаїна*, на нашу думку, більше притаманних російській антропонімії.

У VI зрізі (2000 р.) зафіксовано 9 рідкісних імен: *Богуслава* (1), *Божена* (1), *Ванесса* (1), *Елеонора* (2), *Еліна* (1), *Елла* (1), *Кароліна* (1), *Ольвія* (1), *Поліна* (3). Ці антропоніми було використано для найменування 12 новонароджених жіночої статі, що становить 0,90% від усіх новонароджених дівчаток цього періоду.

Межі жіночого іменника розширилися за рахунок давнього слов'янського композита *Богуслава* – жін. до *Богуслав*, імен *Божена*, *Поліна* – скорочений варіант імені *Аполлінарія*, що став документальним, *Ванесса* – можливо, дано за бажанням батьків назвати дитину «на іноземний лад» чи на честь відомої у світі людини (наприклад, відомої скрипачки *Ванесси Мей* чи актриси *Ванесси Параді*). Серед жіночих запозичених імен функціонують *Еліна*, *Елеонора*, *Елла*, *Кароліна*.

Цікаве розмаїття в антропонімікон міста вніс неологізм *Ольвія*. У такому вигляді його не фіксують словники українських власних імен людей, проте у «Словнику українських імен» І.І. Трійняка знаходимо ім'я *Олівія* – італ. < лат. “oliva” „маслина”, «олива» (плід і дерево) [6, 267], а в «Словаре русских личных имён» Н.А. Петровського знаходимо чоловіче *Ольвіан*, яке трактується як стародавнє рідкісне, від гр. “olbios” – «щасливий, блаженний» [4, 170]. Крім того, *Ольвія* – один із найбільших античних центрів у

Північному Причорномор'ї, античне грецьке місто-держава. У літературі відомий роман В.Л. Чемериса «Ольвія», названий за іменем головної героїні та її рідного міста.

До рідкісних, на відміну від XIX століття та 1940-х рр. XX століття, можна віднести подвійні, які не завжди фіксуються в офіційних актових записах.

Так, у I (1950 р.), II (1960 р.), III (1970 р.), VI (2000 р.) зрізах подвійні імена в актових записах та журналах видачі свідоцтв про народження відсутні. У IV зрізі (1980 р.) зафіксовано 2 подвійних імені – *Віра-Оксана*, *Любов-Надія*, які мають по одному носію. У V зрізі (1990 р.) трапилося лише одне подвійне ім'я *Єва-Марія*. Варто зазначити, що антропонім *Єва* у одиничному варіанті в наших матеріалах не зафіксований, лише один раз у складі подвійного.

Підсумовуючи, зазначимо, що в процесі історичного розвитку змінюється суспільно-економічний, політичний стан, що накладає певний відбиток і на антропоніміку, зокрема на власні імена. Одні імена можуть з'являтися, інші – зникати, в одних може збільшуватися коло вживання, в інших – звужуватися, може змінюватися і соціальний аспект вживання власних імен. Загалом функціонування власних назв підпорядковане не лише мовним законам, а й залежить від різних позалінгвістичних чинників – соціально-історичних, культурних та юридичних закономірностей.

Література

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Колесник, Н. С. Особові імена в українських народних обрядових піснях : дис. ... канд. філол. наук : 10. 02. 01 / Н. С. Колесник. – Чернівці, 1998. – 218 с.
3. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
4. Петровский, Н. А. Словарь русских личных имён / Н. А. Петровский. – М. : Рус. яз., 1980. – 384 с.
5. Скрипник, Л. Г., Дзятківська, Н. П. Власні імена людей : словник-довідник / Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. – К., 1996. – 335 с.
6. Трійняк, І. І. Словник українських імен / І. І. Трійняк. – К. : Довіра, 2005. – 509 с.
7. Чучка, П. П. Слов'янські автохтонні імена, гідні реабілітації / П. П. Чучка // Українська мова. Науково-теоретичний журнал. – 2003. – № 4. – С. 97–106.

Т.В. Скребнёва

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: skrebneva81@gmail.com

УДК 811.161.1'373.232.1(476.5)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Ключевые слова: *антропонимия, личное имя, фамилия, урбанонимия, прецедентные имена, Витебский регион.*

В докладе выявляются особенности функционирования личных имен Татьяна, Александр в социокультурном пространстве Витебщины. Прослеживается частотность употребления указанных имен в синхронии и диахронии, описывается система их неофициальных модификатов, устанавливается взаимосвязь с другими единицами ономастического пространства региона.

PERSONAL NAMES AS REPRESENTATIVES OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGION

Key words: *anthroponomy, personal name, surname, urbanonyms, precedent names, Vitebsk region.*

The report reveals the peculiarities of the functioning of personal names Tatyana, Alexander in the socio-cultural space of the Vitebsk region. The frequency of the use of these names in synchrony and diachrony is traced, a system of their unofficial modifications is described, a connection with other units of the onomastic space of the region is established.

Изучение имени собственного как социального знака имеет давнюю традицию. Социокультурной детерминированности онимной лексики была посвящена работа В.А. Никонова «Имя и общество» (1974). Большой пласт современных исследований связан с проблемами накопления и отражения в онимах прагматической информации (работы С.И. Гарагули, Ю.А. Рылова, Е.Ю. Рубцовой, Е.М. Черниковой, Т.В. Нестеровой, В.В. Васильевой и мн. др.). Лингвопрагматическая интерпретация имен собственных затрагивает все множество коннотаций, связанных с онимами (оценочных, исторических, культурных, социальных, ассоциативных), а также особенности их актуализации в конкретно-речевых условиях.

В данном докладе мы ставим целью установить особенности функционирования антропонимов как репрезентантов социокультурного пространства Витебского региона, сконцентрировав внимание на личных именах *Татьяна* и *Александр*. Материалом для исследования послужили акты о рождении по г. Витебску и Витебскому району во 2-й половине XX – начале XXI в. (21 760 единиц), «Список абонентов витебской телефонной сети» (1996 г.), справочник «Храмы и приходы Витебской православной епархии» (2002 г.).

Имя *Татьяна* этимологически восходит к греческому либо латинскому языку и, по данным А.К. Устинович, известно на территории Беларуси с XVI в. в вариантах *Тацяна, Татьяна, Таца, Тоця, Тося, Тацуха* [7, 193]. О.М. Ляшкевич, исследовавшая письменные памятники Витебщины XVI–XVIII вв., отмечала, что названное имя в регионе являлось малоупотребительным [4, 41]. В то же время А.Ю. Пуцыкович, подвергнувшая анализу антропонимикон «Памятных книжек Витебской губернии на 1861–1914 гг.», приводит имя *Татьяна* в списке частых женских именований [6, 167–168]. Возрастание популярности антропонима характерно для 2-й половины XX в. В сельской местности (Витебский район) на протяжении 40–90-х гг. XX в. имя *Татьяна* располагалось в пределах первой десятки самых частотных именований, в областном центре пик повышенной популярности антропонима пришелся на 50–80-е гг. XX в. Ранговый номер имени в пределах первой десятки представлен в приведенной ниже таблице, прочерк в соответствующих графах свидетельствует о том, что имя не входило в число десяти лидирующих антропонимов.

Таблица 1 – Ранг имени *Татьяна* в рамках первой десятки популярных именований

Срез	1941–44	1954	1964	1974	1984	1994
Витебск	–	3	3	3	2	–
Витебский район	7	3	3	4	3	10

Как видно из таблицы, некоторое ослабление внимания имядателей к названному антропониму начинается в период перестройки и соответствует общим тенденциям развития личной антропонимии региона на данном этапе (стремление к расширению репертуара, снижение концентрации, интерес номинаторов к редким каноническим и иноязычным антропонимным единицам). Вместе с тем имя *Татьяна* на Витебщине на протяжении 2-й половины XX в. характеризуется устойчивостью употребления, а, как известно, традиционность и преемственность именослова во многом поддерживается за счет фонда устойчивых именований. В 1-м десятилетии XXI в. (срез 2004 г. по Витебскому району и 2010 г. по г. Витебску) имя *Татьяна* в первую десятку самых популярных личных антропонимов не входит.

Региональный спектр неофициальных форм указанного именования включает в себя, по данным И.А. Лисовой, следующие единицы: *Танёк, Танечка, Танька, Таньча, Танюндель, Танюха, Танюш, Танюша, Танюшечка, Танюшка, Таня, Тасенька, Таська, Тася, Татьяна, Татьянчик, Туня, Танюсик, Таньча, Танюха* [3].

Имя *Татьяна* представлено в разных подсистемах регионального ономастикона: оно лежит в основе фамилии *Татьянин*, экклезионима *храм во имя Святой Мученицы Татианы* (Витебск), эргонима *свадебный салон «Татьяна»* (Витебск). В сознании языкового коллектива данное имя неразрывно связано с Татьяниным днем (25 января), которому в земледельческом календаре сопутствуют некоторые приметы: *Снегапад на Тацяну – даждлівае лета; На Тацяну марозна і неба яснае – да ўраджаю*.

Прецедентными в Витебском регионе являются имена *Аржанниковой Татьяны Петровны*, чемпиона мира в командном первенстве по спортивной гимнастике (1978 г.), *Белошапко Татьяны Михайловны*, баскетболистки, олимпийской чемпионки (1980 г.), модели *Тани Дягилевой*, свидетельством чего выступают посвященные им рубрики раздела «Известные люди Витебска» электронной «Витебской энциклопедии» (evitebsk.com).

Имя *Александр* является производным от греческого *Alexandros* (*alexō* – защищать и *anēr, andros* – мужчина). Достоверно известно, что в Витебске оно использовалось в XVII в., о чем свидетельствует исследование А.М. Мезенко «Инвентаря целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами и землями Ярошем Маскевичем Дворянином Его Королевской Милости при даровании права Магдебургского списанного в году 1641 7 дня» [4, 30–39]. В «Словаре личных собственных имен» А.К. Устинович приведена информация о том, что имя *Александр* зафиксировано на белорусской территории уже в XIV в., однако более подробные сведения по регионам не представлены. В 1641 г. указанное имя в первую десятку самых популярных именований витеблян не входило, располагаясь по употребительности на **16-м** месте [4, 38]. Анализ ономастического пространства «Памятной книжки Витебской губернии на 1861 годъ», хранящейся в краеведческом отделе Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина, позволил заметить повышение популярности антропонима, занимавшего в XIX в. уже **3-ю** позицию.

В XX в. имя *Александр* остается высокочастотным как в городе, так и в сельской местности, отразим это в таблице 2.

Таблица 2 – Ранг имени Александр в рамках первой десятки популярных именований

Срез	1941–44	1954	1964	1974	1984	1994
Витебск	3	1	3	2	1	1
Витебский район	7	1	2	3	1	1

В начале XXI в. в селе внимание номинаторов к имени *Александр* не ослабевает (2004 г. – 2-й ранг), тогда как в городе оно впервые за шестьдесят лет выходит за пределы первой пятерки самых употребительных антропонимов (2010 г. – 6-й ранг).

Вероятно, в связи с повышенной частотностью в 1944 г. в актовых записях о рождении по Витебскому району парные антропонимные единицы *Александр* и *Александра* в единичных случаях орфографически переданы как сокращения *Ал-др* и *Ал-дра*, в том числе и в составе отчества *Ал-дрович*.

Документальная форма имени *Александр* в Витебском регионе возглавляет парадигму производных форм, отмеченных дополнительными созначениями (разговорности, просторечности, жаргоничности, иноязычности, оценочности, эмоциональности либо иными): *Алекс, Алесь, Алехандро, Ксандр, Ляксандр, Лександр, Сандро, Санёк, Санечка, Санчес, Саныч, Сань, Санька, Саня, Саш, Саша, Сашенька, Сашечка, Сашик, Сашика, Сашок, Сашуля, Сашуня, Шура, Шурик, Шурик-Жмурик*, причем наиболее частотны в речи жителей Белорусского Поозерья модификаты *Саша, Саня, Санёк, Сашика* [2, 100].

Имя *Александр* и его формы стали производящей основой для патронимических фамилий витеблян *Александрёнок, Александров, Александрович, Александровский, Алексанин, Алесенков, Алехнович, Лесин, Лесько, Лесюков, Санин, Санько, Санцевич, Сахно, Сахнов, Сашенков*. Как известно, они выполняют функцию хранения и трансляции национальных традиций номинации. В основе фамилий *Алесенков, Лесин, Лесько, Лесюков* лежат разговорные белорусские дериваты *Алесь, Лесь, Лесюк*.

Национально-культурное своеобразие ономастических единиц складывается в процессе их функционирования в определенной лингвоэтнокультурной общности. Составители краткого лингвокультурологического словаря-справочника «Культурное пространство Витебщины» (2011 г.) В.А. Маслова и С.В. Николаенко привели сведения об исторических и современных персоналиях, родившихся в Витебском регионе, среди них 3 личности носят имя *Александр*: Герой Советского Союза *А.К. Горовец*, Президент Республики Беларусь *А.Г. Лукашенко* и помощник Президента Беларуси *А.Н. Косинец*. На Витебщине энциклопедическая информация, заключенная в антропониме *Александр*, думается, связана также с прецедентными именами народного артиста СССР и БССР *Александра Константиновича Ильинского*, филолога и педагога *Александра Адольфовича Пальмбаха*, этнографа, археолога и краеведа *Александра Максимовича Сементовского*, легкоатлета, чемпиона мира в ходьбе на 50 км. (1991 г.), *Александра Анатольевича Поташёва*, тележурналиста, обладателя премии «ТЭФИ» *Александра Владимировича Хабарова*. Свидетельством того, что названные личные именованья входят в фоновые знания жителей региона, является упоминание о них в рубриках раздела «Известные люди Витебска» указанной выше wiki-энциклопедии *evitebsk.com*.

Составной частью культурной памяти народа являются фольклорные тексты с антропонимным компонентом. Согласно данным И.А. Лисовой, имя *Александр* в совокупности своих неофициальных вариантов входит в число наиболее популярных антропонимов в витебских частушках: «*Ах, Наташка, я снялася / В красной кофте под ремень. / Не в такой, в какой мечтала, / В какой Сашенька велел*» [1, 56].

Выступая элементом прецедентного именованья, антропоним *Александр* в Витебском регионе имеет непосредственное отношение к урбанонимной и виконимной подсистемам: так, в 1925 г. в г. Полоцке была *Александровская* улица, название которой произошло от имени царя Александра II [5, 28]; в г. Витебске и селе Крапивно Оршанского района действуют храмы во имя святого благоверного князя *Александра Невского*, а в деревне Мартиново Бешенковичского района во имя этого святого существует приход; ГУО «Гимназия 3 г. Витебска» носит имя великого русского поэта *Александра Сергеевича Пушкина*.

Как мы видим, личное имя выступает как свернутый лингвокультурный текст. Экстралингвистическая составляющая семантики личных имен *Татьяна, Александр* концентрирует разноплановую историческую, социальную, культурную информацию.

Литература

1. Лисова, И. А. Неофициальные антропонимы в фольклоре Витебщины / И. А. Лисова // Фальклор, гісторыя і літаратура беларусаў у кантэксце культурнай спадчыны славян : матэрыялы рэсп. студэнц. навук.-практ. канф., Брэст, 19 кастр. 2011 г. / рэдкал.: З. П. Мельнікава [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2012. – С. 54–56.
2. Лисова, И. А. Особенности функциональных парадигм парных имен жителей Белорусского Поозерья / И. А. Лисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 2: Филология. – С. 99–103.
3. Лисова, И. А. Функционирование имени Татьяна в неофициальном именнике жителей Белорусского Поозерья и Смоленщины / И. А. Лисова // Материалы докладов 48 Международной науч.-тех. конф. преподавателей и студентов, посвященной 50-летию университета. : в 2 т. – Витебск: ВГТУ, 2015. – Т. 1. – С. 62–64.
4. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць : манаграфія / Г. М. Мезенка [і інш.]. – Віцебск : Віцеб. дзярж. ун-т, 2006. – 238 с.
5. Мезенко, А. М. Имя внутригородского объекта в истории / А. М. Мезенко. – Минск : Выш. шк., 2003. – 300 с.
6. Пуцыкович, А. Ю. Динамика женского антропонимикона Витебской губернии II пол. XIX–нач. XX в. (на материале Памятных книжек Витебской губернии) / А. Ю. Пуцыкович // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч.-практ. конф., Смоленск, 17–18 марта 2015 г. / отв. ред. И. А. Королёва. – Смоленск : СмолГУ, 2015. – С. 166–170.
7. Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

Т.Г. Трофимович

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
e-mail: t.trof@mail.ru

УДК 81'0«1649»

СПИСОК ПОДПИСЕЙ ПОД ТЕКСТОМ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПНИМИКЕ

Ключевые слова: *историческая ономастика, антропонимы, модель антропонима, имя собственное.*

Аннотация. В публикации анализируется список подписей (рукоприкладств) к Соборному уложению 1649 года – крупнейшему кодексу феодального права Русского централизованного государства. Оформленные особым образом, эти подписи содержат много сведений по русской исторической ономастике и могут рассматриваться как лингвистический источник.

T.G. Trofimovich

Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank

THE LIST OF INSCRIPTIONS UNDER THE TEXT OF SOBORNOYE ULOZHENIYE 1649 AS A SOURCE OF INFORMATION ON RUSSIAN HISTORICAL ANTHROPONYMICS

Keywords: *historical onomastics, antroponima, model of an antroponim, proper name.*

The publication analyzes the list of inscriptions (rukoprikladstvo) to the Council Code of 1649 (mainly known as Sobornoye Ulozheniye), the largest code of feudal law of the Russian centralized state. These signatures, issued in a special way, contain a large amount of data on the Russian historical onomastics and can be considered as a linguistic source.

Историки русского права считают, что Соборное уложение 1649 года появилось на гребне обострения сословных и классовых противоречий России середины XVII века и стало результатом эволюции тогдашнего социального и политического строя. Именно с принятием Уложения начинается переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму [1, 6].

Над написанием текста Уложения работала, как известно, созданная по приказу царя Алексея Михайловича комиссия, которую возглавлял князь Н.И. Одоевский. Принять Уложение должен был Земский собор – высшее сословно-представительское учреждение России, собрание представителей всех слоёв населения (кроме крепостных крестьян), предназначенное для обсуждения политических, экономических и административных вопросов [2, 10]. После долгих обсуждений и исправлений Уложение было принято и 29 января 1649 года вступило в силу.

Текст Уложения, первоначально представлявшего собой рукописный свиток, подписали 315 участников Земского собора. Подписи, которые тогда назывались *рукоприкладствами* (от устойчивого выражения *руку приложить* – *поставить подпись*) [3, в. 22, 243], располагались на обороте свитка и впервые привлекли внимание исследователей в 1767 году, когда по заданию Екатерины II они были скопированы.

Знаменательно, что с тех пор упомянутый список подписей неоднократно привлекал внимание ученых-историков, историков русского права, но не рассматривался, насколько нам известно, как лингвистический источник. При этом именно как лингвистический источник он вполне заслуживает исследовательского внимания.

Подписей в современном понимании этого слова список не включает, поскольку таковыми являются написанные от руки фразы. Обратим внимание на порядок оформления этих фраз. Почти все они строятся по устойчивой схеме: *кто (должность и / или указание на социальный статус) + антропоним + «р.п.» (сокращенно: руку приложил)*. Например: *Боярин Иван Васильевич Морозов р. п. Торопчанин Иван Веригин р. п. Кадомец посацкой человек Сенька Иванов р. п.*

Фразы-подписи могут быть и не такими лаконичными. Судя по всему, часть членов Земского собора была неграмотной, поставить свои подписи они были не в состоянии, поэтому поручали сделать это другим. Такие факты фиксировались. Например: *Романовец посадской человек Васька Провов сын Щепетинник и вместо зараченина посадского человека Бориска Мелентьева сына Масленика да белозерца посадского человека Вани Мелентьева сына Бабина по их велению, что они грамоте не умеют, р. п.* Как видно из примера, запись становилась более пространной, однако общей схеме соответствовала. Такие подписи содержат различную дополнительную информацию о том, в каких отношениях находились подписавший и тот, по чьей просьбе подписано. Можно установить, что просили подписать родственников (*Вместа тарушенина Ондreja Оленина сын ево Елисей р. п.*), земляков (*Яраславец Наум Хомутов вместо ярославца ж Петра Непоставова р. п.*), знакомых (*Вместо дмитровца Федора Чаплина Федор Шокуров р. п.*).

Обратимся к рассмотрению того, какие антропонимы зафиксированы в подписях.

Первыми подписали Соборное уложение представители высшего духовенства. В подписях они традиционно называют одно имя, которым, как известно, священники из белого духовенства нарекаются в момент совершения над ними Таинства Крещения, и после принятия священства оно не меняется [4]. Поэтому после указания духовного звания следует каноническое полное имя: *митрополит Варлам, архиепископ Маркел, епископ Рофаил, архимандрит Серапион* и т.д.

Показательно, что имена высших чинов представлены полной моделью, совпадающей с современной: *имя + отчество + фамилия*. *Боярин князь Алексей Никитич Трубецкой; боярин Глеб Иванович Морозов; окольный Борис Иванович Пушкин* и т.п. В многочисленной научной и научно-популярной литературе по антропонимике указывается, что именно во времена Русского централизованного государства закрепляется такая трехчленная модель именования человека, что в таком виде первыми начинают именоваться представители высших сословий [5].

Изредка встречаются подписи, выполненные с употреблением так называемого полуотчества, т.е. не отчества в современном понимании слова, а конструкции с упоминанием отца. Так, читаем: *Чюхломец посажкой человек Кирилко Гаврилов сын Смолинский р. п. Иванов сын Телятева Никифорко р. п.* Встречаются подписи, в которых слово *сын* не употребляется: *Вместо волоченина Фетьки Иванова Михеева Дмитровской сотни тяглец Фомька Иванов р. п.* Очевидно, что отчества как таковые пока по форме не устоялись, но прецеденты их использования налицо. Обязательными же частями антропонима они становятся, как известно, во времена Петра I.

Список рукоприкладств содержит подписи, в которых употребляется двучленный антропоним, представляющий собой имя и фамилию: *Новгородец Федор Харламов, резанец Иван Фомин, брянченин Алексей Безобразов, ростовец Гаврило Гордеев, гость Богдан Щепоткин, вязмитин Яков Буноков* и т.д. Следует указать на то, что приблизительно третья часть всех подписей включают неофициальные, неканонические формы имен собственных: *Клинеиц Игнашко кромин р. п.; галичанин посажкой человек Ооска Кувашов р. п.; Иваишко Кононов р. п.; казанец посажкой человек Мишка Ермолин р. п.* и т.п. Подобная практика использования имен собственных зафиксирована. В XVI – XVII веках при обращении человека низшего сословия к персоне из высшего или при обращении нижестоящего чиновника к вышестоящему сформировалась традиция именовать себя посредством особой уничижительной формы – полуименами: *Абрашко, Нестерко, Ивашка, Петрушка, Васька* вместо *Абрам, Нестер, Иван, Пётр, Василий* [6]. При оформлении подписей к Уложению 1649 года подобная ситуация не имела в виду, можно, скорее всего, говорить об осознании пописавшего собственного социального статуса или об определенной игре, если угодно, коммуникативной тактике писавшего: стать в уничижительную позу прилично, выгодно, положено и т.п.

Таким образом, список рукоприкладств отражает антропонимические предпочтения эпохи: полное трехчленное имя называет только представителей высшей знати, используются антропонимы с полуотчеством, широко практиковалось в сфере делопроизводства использование уничижительных форм имени. Так, казалось бы, вспомогательная часть памятника письменности может оказаться ценным в научном смысле слова источником.

Литература

1. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Ленинград : Наука, 1987. – 448 с.
2. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. – В.6. / Ред. К. С. Софроненко. – М. : ГИЮЛ, 1957. – 553 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / Гл. ред. Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. – М. : Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.
4. Каким образом присваиваются духовные имена Батюшкам? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eparchia.kg/answers/410>. – Дата доступа: 08.10. 2017.
5. Русское имя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 10.10. 2017.
6. Русское личное имя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 10.10. 2017.

УДК 811.581'373.232(043.3)+811.161.1'373.232(043.3)

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ФАМИЛИЙ)

Ключевые слова: *фамилии, характер, привычка, профессия.*

Происхождение фамилии может поведать нам о том, кем были наши предки, чем они занимались или с каким характером. Большинство произошло от личных имен людей, от их характеров, привычек, профессий, которыми они занимались и от места проживания. В статье мы намерены рассмотреть основные виды русских и китайских фамилий, затронуть вопросы их происхождения, истории образования по характеристикам, а также дадим примеры фамилий и гнезда популярных фамилий.

WANG YUHONG
China University of Petroleum

CHARACTERISTICS OF PEOPLE THROUGH THE PRISM OF ANTHROPONYMS (BASED ON CHINESE AND RUSSIAN SURNAMES)

Key words: *Family name, Characteristics, Habit, Occupation.*

The origin of family names may indicate the careers of our ancestors, it may tell us what our ancestors did or the characteristics they had. Most family names originate from pseudonyms, which all derived from their characteristics, habits or occupations. We plan to examine the basic Russian and Chinese family names in our essay, mainly about the history of its origins and characteristics. We will also list a number of Chinese and Russian family names, as well as the word families that popularized the forms.

关键词：姓氏，特征，习惯，职业。

姓氏的起源可能会告诉我们我们的祖辈做过什么职业；他们曾经做过什么或者有着什么样的特征。大多数姓氏起源于人的名字，而这些名字或者号都是源自于他们的特征，习惯和职业等等。我们计划在文章中考察基本的俄汉姓氏，主要涉及其起源，特征形成的历史，我们还将大量例举汉语和俄语姓氏的种类以及那些普及形式的词族。

В русском языке имеется значительная группа фамилий, мотивированных прозвищами, обозначающими характеристики человека: внешность, черты характера, особенности поведения, семейные отношения. В словаре фамилий В.А. Никонова представлены такие фамилии, как: *Ахряпов* ← охряп ‘неряха, оборванец’, *Багаев* ← Багай ← багай ‘шалун, озорник’, *Бавин* ← Бава ← бава ‘медлительный, мешкотный’, *Бадыгин* ← бадыга ‘плут, обманщик’, *Базулин* ← базула ‘шалун, озорник’, *Балыбин* ← балыба ‘разиня, ротозей, рохля; болтун’ (в Архангельске), ‘толстяк’ (в Вологде), *Беспалов* ← Беспалый ‘не имеющий одного или несколько пальцев’, *Благой* ← благой ‘хороший, добрый / плохой, капризный, уродливый’, *Булыгин* ← Булыга ← булыга перен. зн.

‘грубый, неотесанный’ ← булыга ‘валун, крупный камень (олонецк.)’, *Бухонин* ← Бухоня ← бухоня ‘толстяк’, *Бушмин* ← бушма ‘неповоротливый, толстый’, *Вараксин* ← Варакса ‘неряха; пустомеля’, *Выростов* ← вырост (в XVIII–XIX вв. на Дону называли казака 17–19 лет), *Долгов* ← Долгой ‘длинный, высокий’, *Дураков* ← Дурак (нецерковное мужское личное имя, которое давали, чтобы обмануть злых духов), *Каштанов* ← Коштан с заменой безударного о → а в силу “аканья” русского литературного языка, в русских говорах диалектное коштан ‘горлан на сходках’, *Оплетаев* ← Оплетай ← оплетать ‘обманывать’, *Охохонин* ← Охохоня ← охать, *Левышев* ← Левыш, т.е. ‘левша’, *Лядов* ← от прозвища Ляд ← ляд ‘плохое, вредное, черт, тунеядец’, *Новиков* ← от именования отца Новик из новик – ‘новый житель, пришедший со стороны’, *Ревякин* ← Ревяка ← реветь ‘громко и протяжно кричать’, *Ряхин* ← Ряха ← ряха ‘аккуратный, соблюдающий порядок’, *Самокрутов* ← самокруты ← сам + окрутиться ‘пожениться’, *Страхов* ← страхать ‘пугать’, *Таланов* (фамилия распространена во многих местностях России) ← еще живое в ряде говоров слово талан ‘удача, счастье’, *Чвирев / Чвырев* ← фамилия связана со старинным русским диалектным словом чвирь ‘хлебное вино, модельная водка’, *Чеберев* ← Чеберь ← в вятских говорах чеберь ‘щеголь, франт’, *Чеснов* ← Чесной ‘честный’, *Шагаев* ← в забайкальских говорах шагай ‘злой, угрюмый, нелюдимый’, *Шаров* ← в говорах Приуралья и Сибири распространено слово шары ‘глаза’, *Широкий* (по переписи 1897 г., фамилия наиболее часта в Холмогорском и Шенкурском уездах Архангельской губернии. Фамилии в форме полных прилагательных без суффиксов -ов, -ин удержались только на Севере, охватывая там 1–2% жителей) ← широкий ‘жить на широкую ногу’, *Шустров* ← шустрый ‘быстрый, резвый’, *Шухмин* ← в основе диалектное слово шухма ‘ссора, драка’, *Щербаков* ← щербак ‘ущербный’, *Юкин* ← юкать ‘стучать, ударять’, *Ядовин* ← ядовый ‘ядовитый, язвительный, злой’, *Языков* ← притяжательное прилагательное от именования язык. Так называли человека, чрезмерно болтливую, доносчика, а чаще всего – пленного, могущего.

В примерах антропоосновы фамилий из словаря И.М. Гажиной отражают следующее. Фамилии *Абухов*, *Абухвич*; *Обух*, *Обухов*, *Обухович*, *Обуховский* восходят к прозвищу *Обух* (в акающих говорах *Абух*) от нарицательного *обух* ‘тупая, противоположная лезвию сторона острого орудия’; в говорах это слово имеет и переносное значение – ‘тупой, глупый или упрямый человек, неслух’ [см. подробнее: «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной]. Фамилии *Буреев*, *Буренин*, *Бурёнок*, *Буренков*, *Буриков*, *Буричёнков*, *Бурукин*, *Бурыкин*, *Бурыличев*, *Бурынин* могут восходить к прозвищам, производным от бурый ‘цвет кофейный, коричневый, ореховый, искрасна-черноватый’, данным по цвету волос (так, буренкой называют бурую корову, буркой – коня бурой масти). *Грибакин*, *Грибанов*, *Грибачёв*, *Грибин*, *Грибунин* образовались из отчеств от прозвищ *Грибака*, *Грибан*, *Грибач*, *Гриба*, *Грибуня*, связанных с диалектными *грибиться*, *грибаниться* в любом из двух значений: 1) ‘морщиться, хмуриться, дуться, сердиться’; 2) ‘гримасничать, корчить рожи’. В говорах *гриба* – ‘губа’; ‘плакса’, отсюда *грибака*, *грибуня*, *грибач*, *грибан* – либо ‘человек с толстыми губами’, либо ‘угрюмый, недовольный человек’. Подобные прозвища были широко распространены в XV–XVII вв. на разных территориях.

В «Словаре китайских фамилий» Ченя Минюаня, Вана Зунху мы обнаружили такие китайские примеры, как 秃发 [tufa] буквально ‘голый волосом’, т.е. ‘лысый’, 乌 [wu] ‘черный’, 颓 [tui] ‘в упадочном настроении’, 白 [bai] ‘белый’, 包 [bao] ‘шишка на теле’, 卑 [bei] ‘пессимистичный’, 宝 [bao] ‘сокровище’, 彪 [biao] ‘рослый детина’, 伯昏 [bohun] ‘головокружение’, 赤 [chi] ‘ярый’, 迟 [chi] ‘поздний’, 叱 [chi] ‘бранить’, 宠 [chong] ‘балованный’, 大心 [daxin] ‘большое сердце’, 独 [du] ‘одинокый’, 多 [duo] ‘мно-

го; лишний' (о рожденном в большой семье), 丰 [feng] 'обильный; большой', 福 [fu] 'счастливый', 功 [gong] 'подвиг', 简 [jian] 'простота; скромность', 矫 [jiao] 'бравый; здоровый', 捷 [jie] 'гибкий; быстрый', 沮 [ju] 'подавленный', 强 [qiang] 'сильный', 仇 [chou] 'ненависть', 童 [tong] 'детский', 尾 [wei] 'хвост' (о рожденном в семье последним), 孝 [xiao] 'почитание (уважение) родителей', 姓 [xing] 'фамилия' (в старину давалась ребенку-сироте, чья фамилия неизвестно), 勇 [yong] 'смелый', 婴 [ying] 'дитя', 粘 [nian] 'клейкий; липкий', 衷 [zhong] 'чистосердечно, искренне, от самого сердца', 姐 [jie] 'сестра', 子 [zi] 'сын', 祖 [zu] 'дед, предки', 足 [zu] 'ноги', 雾 [ai] 'туман', от фамилии 暖 [ai] 'неясный', омонимы, 斑 [ban] 'пестрый', от иероглифа 斑 [ban] 'узор' (по легенде, носитель имени был воспитан с детства тигром, и на теле от этого появились узоры), 南伯 [nanbo] 'южный первый', 抱 [bao] 'обнимать или держать в руках' – от омонимичного иероглифа 暴 [bao] 'бунтовать', 慈 [ci] 'любящий и добродушный', 痛 [tong] 'скорбь; больно', 恤 [xu] 'сочувствовать и помогать людям', 衰殆 [aitai] 'урод'.

Говоря о специфических чертах китайских фамилий, связанных с характеристиками человека, необходимо отметить наличие небольшой группы фамильных единиц, включающих элемент 女 [nu] 'женщина'. Ср.: 姬 [ji] 'придворная дама'; 妊 [ren] 'беременность', 姒 [si] буквально 'женщина + семя растения слеза Иова', что можно перевести как 'женщина, забеременевшая от съеденной семечки' (вторая часть иероглифа представляет собой усечение слова 薏苡, т.е. названия растения); 姚 [yao] 1) 'кокетливость', 2) 'женщина + семена персика'; 姑 [gu] 1) 'тетя' и 2) устар. 'девушка', 'женщина с красивой фигурой'; 女然 [ran] 'нежная, спокойная женщина'; 女其 [qi] 'безобразная женщина'; 始 [yi] 'начало' (в буквальном переводе 'женщина + начало'); 妨 [fang] буквально 'препятствия от женщин' (данное именование отражает нежелание женщин отпускать мужчин на войну); 妃 [fei] 'императрица'; 妃 [yun] буквально 'женщина + облако' (от женского личного имени) и др. Это важная черта, подтверждающая, что китайские фамилии зарождались исключительно давно, еще в период матриархальной родовой коммуны. В этом отношении китайский фамильный антропонимикон сильно отличается от европейского, в том числе русского.

Специфической для китайской антропонимии является группа фамилий, мотивированных таким древним видом личного именования, как шихао, – посмертные прозвищные номинации императоров и чиновников высокого ранга по их заслугам перед народом или по их героическим поступкам – т.е. эти наименования характеризуют также человека. Например: 文 [wen] 'письменность' (посмертное прозвище человека, который много сделал для развития образования), 景 [jing] 'оживленная атмосфера в обществе' (носитель посмертного прозвища много сделал для развития экономики и социальной сферы). Шихао известны со времен династии Западный Джоу (XI–III вв. до н.э.); затем традиция посмертного именования прервалась (222–206 гг. до н.э., время правления императора Цин Шихуан) и была восстановлена в завершающий период династии Чин (1840–1912 гг.). Китайские фамилии, мотивированные шихао, фиксируют также качества носителя, которыми он запомнился современникам, в том числе отрицательные: 穆 [mu] 'хорошие моральные качества', 宣 [xuan] 'человеколюбие', 简 [jian] 'простой и экономный', 庄 [zhuang] 'щедрый', 灵 [ling] 'не слушающий советов', 厉 [li] 'зверский', 闵 [min] 'жалость', 衰 [ai] 'скорбь' и др.

В.Ю. Бароўка

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: dvkessibar@mail.ru

УДК 811.161.3'373.231:821.161.3.09-1

ПРЭЦЭДЭНТНЫЯ ІМЁНЫ ДЗЕЯЧАЎ КУЛЬТУРЫ ЯК СРОДАК ВЫЯЎЛЕННЯ ЭСТЭТЫЧНА-АКСІЯЛАГІЧНЫХ ІНТЭНЦЫЙ АЎТАРА Ў ПАЭЗІІ У. КАРАТКЕВІЧА

Ключавыя словы: *прэцэдэнтнае імя, паэзія, аўтарская інтэнцыя, каштоўнасная шкала, стыль.*

У артыкуле праз спалучэнне прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, феноменалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў вызначаецца роля прэцэдэнтных імёнаў, выкарыстаных ў паэтычных творах, у выяўленні эстэтычна-аксіялагічных інтэнцый У. Караткевіча. Сцвярджаецца, што прэцэдэнтныя імёны ў паэзіі У. Караткевіча рэпрэзентуюць шырокую эрудыцыю пісьменніка, артыкулююць значнасць сусветнага і нацыянальнага культурнага вопыту для развіцця айчыннага прыгожага пісьменства. Падкрэсліваецца, што каштоўнасная шкала аўтара ўключала творчы падыход да матэрыялу, праўдзівасць і пераканаўчасць адлюстравання, значнасць праблематыкі і маральнай пазіцыі аўтара.

V.Yu. Barouka

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE PRECEDENT NAMES OF CULTURAL FIGURES AS A MEANS OF REVEALING THE AESTHETIC-AXIOLOGICAL INTENTIONS OF THE AUTHOR IN THE POETRY U. KARATKEVICH

Key words: *precedent names, poetry, authors intentions, value scale, style.*

In the article explores the role precedent names in Karatkevich's poetry in revealing the aesthetic-axiological intentions of the author by combining concrete-historical, phenomenological and descriptive methods. It is alleged the precedent names in Karatkevich's poetry represent the writer's broad erudition, emphasize the importance of world and domestic cultural experience for the development of literature. It is asserted that the author's value scale included a creative approach to the material, truthfulness and persuasiveness of in image, significance of the problematic and moral position the authors.

Уладзімір Караткевіч сваёй пісьменніцкай дзейнасцю садзейнічаў пашырэнню тэматычных абсягаў, паглыбленню інтэлектуальнага ўзроўню беларускай літаратуры. Паэтычныя творы Караткевіча былі прадстаўлены ў прыжыццёвых зборніках “Матчына душа” (1958), “Вячэрнія ветразі” (1960), “Мая Іліяда” (1969) і ў пасмяротным зборніку “Быў. Ёсць. Буду” (1990). Паэзія У. Караткевіча значна менш вывучана ў параўнанні з прозай і драматургіяй, прэцэдэнтныя імёны дзеячаў культуры менавіта як сродак

выяўлення аксіялагічна-эстэтычных устаноў пісьменніка пакуль не былі прадметам спецыяльнай даследчыцкай увагі. Між тым дадзены ракурс дазваляе ўдакладніць агульнавядомыя ўяўленні пра асобу і творчасць пісьменніка, пра літаратурны працэс пэўнага часу. Мэта дадзенай работы заключаецца ў выяўленні з дапамогай прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, фэнаменалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў шляхам аналізу прэцэдэнтных імёнаў у паэзіі Караткевіча эстэтычна-аксіялагічных уяўленняў аўтара.

Уладзімір Караткевіч прыйшоў у беларускую літаратуру падчас значных грамадскіх зрухаў другой паловы XX стагоддзя. Малады пісьменнік меў шырокі мастацкі круггляд, што ўскосна пацвярджаецца зваротам да імёнаў вядомых дзеячаў культуры ў яго творах. У раннях вершах, што пры жыцці не друкаваліся, згадваліся сусветна вядомыя асобы. Так, у вершы-прысвячэнні “Мастакам” малады аўтар пісаў пра мастацтва як выяўленне ўнутранага свету творцаў (“Страсць Бетховена ў гуках п’яе” [1, 349]) і як неацэнны скарб, што трэба берагчы: “Смерць вартуе тое, што любім, // Вырвем любое з рук яе” [1, 349]. Невялікая паэма “З зорнага сям’я і пены крывавай” мела прысвячэнне “Арцёру Рэмбо і ўсім іншым, якія яшчэ не ведалі” [1, 356]. Сімптаматычны адрасат твора – славыты французскі так званы пракляты паэт, якога беларускі пачатковец заклікае любіць жыццё. Верш “Мова” Уладзімір Караткевіч прысвяціў Янку Брылю, прэзідэнта, што нават у першых надрукаваных творах прадэманстраваў віртуознае валоданне мовай. Лірычны герой паэта абвешчаў сябе верным сынам роднай мовы: “Без цябе, не з табой – не патрэбен мне рай // На душы. Ёў небясі. На зямлі” [1, 365].

Зборнік “Матчына душа” – спроба эстэтычнага самасцвярджэння ў літаратуры. У ім пісьменнік апелюе найперш да класікаў айчынай літаратуры (Янкі Купалы, Якуба Коласа, Паўлюка Багрыма) і да класікаў музыкі (Бетховен, Шуберт). Аўтапсіхалагічны лірычны герой верша “На пачатку дарог” – асоба, што суадносіць жыццёвыя з’явы з літаратурнымі вобразамі, у прыватнасці, Янкі Купалы. Верш “Паўлюк Баграм” – спроба пазіцыянавання пісьменніцкага крэда праз паказ асноўных момантаў біяграфіі Паўлюка Багрыма, дзе артыкуляваўся драматызм жыццёвага шляху, а сам Паўлюк Баграм прадставаў пакутнікам, ахвярай неспрыяльных абставін: “Мог бы славай грымець // Сярод годных паэтаў Еўропы, – // Гвалтам спуталі ногі, // Трымалі ўвесь час за руку. // Што пакіне ён? // Вершык у памяці хлопаў, // Кандэлябру ў касцёле // Ды кроў на гаручым пяску” [1, 28]. Твор суправаджаўся аўтарскім тлумачэннем асобы Багрыма на падставе тагачасных гістоыка-літаратурных фактаў: “Славыты беларускі пясняр XIX стагоддзя, які ўдзельнічаў у крошынскім паўстанні 1828 г., правёў дваццаць пяць год у салдатчыне і дажываў свой век у адзіноце” [1, 28]. У духу гістарычнага часу фінал твора аптымістычны, бо Паўлюк Баграм памірае з верай у шчаслівае заўтра: “Паміраю і веру: // Калісьці над светлымі водамі, // Над свабоднай зямлёю // І над Белаю Руссю маёй // Шчасце сонца заззяе, // І слова нашчадка свабоднага // Мае раны загоіць // Гаючай жывою вадой” [1, 31].

Мастацтва, у трактоўцы У. Караткевіча, не мае нацыянальных і часавых межаў. Закаханы малады чалавек з верша “Зімяная элегія” ў чароўных гуках “Зімяная шляху” Франца Шуберта знаходзіць адбітак сваіх адчуванняў і настрояў: “Шыпіць пласцінка. Ёў сэрцы многа дум. // Кручу: “Над домам флюгер ёсць у любай”, // І Шуберт падзяляе ціхі сум. // О “Зімяная шляху”! Забыты будынкі! // Забыты водар ад каханых губ! [1, 49]. У першым зборніку прэцэдэнтныя імёны дзеячаў культуры ўводзяцца ў сам тэкст твораў, выступаюць складнікамі метаніміі (“Дарослым будзе ён чытаць Купалу” [1, 13]), антанамазіі і іроніі (“Ёў проста хаче, пускаючы горкія слёзы, // У калысцы будучы Колас ляжыць. // Там, дзе хрыпла рыкаюць днём спякотным каровы, // Там, дзе ёў прысаку хлопчыкі бульбу пякуць, – // Дваццаць першага веку галапузы Бетховен // Бацькаў кубак шпурляе, каб звон пачуць. // А ёў вёсцы глухой, на траўцы зялёнай, // На задворках сядзібы, ля самай ракі, // Абсцябаны Шаляпін басам шалёным // Лямантуе з-пад матчынай жорсткай рукі” [1, 41–42]).

Зборнік “Вячэрнія ветразі” – працяг размовы пісьменніка з чытачом і самім сабой пра час, творчасць, яе ўзаемадзеянне з грамадствам. Пісьменнік нагадаў у вершах пра Янку Купалу, вядомага на Брэстчыне журналіста і паэта Міхася Рудкоўскага, пра славурых нідэрландскіх мастакоў Босха і Брэйгеля. Знешне верш “Дзень першы” пабудаваны на алагізме, паколькі на пачатку твора У. Караткевіч заўважае пра Купалу “Смяртэльна стомлены, худы мужчына // Перакладае пралетарскі гімн” [1, 54], а пасля піша: “Перакладае малады Купала // Для новых дзён // “Інтэрнацыянал” [1, 55]. Насамрэч ён акцэнтую, што час, паэзія дзеяння малодзяць чалавека. “Слова беларускай бярозы” прысвячалася Міхасю Рудкоўскаму, яно напісана ў форме маналога беларускай бярозы, арганічнай часткі беларускага пейзажу, сведкі гістарычных падзей, нядаўняй вайны: “Людзі краю майго, мы здрадніліся з вамі, // Куля ў кожнага з вас наша сэрца праб’е, // Бо з адзіным вы сэрцам, адвечным, як камень, // І пяшчотным, як добрыя косы мае” [1, 152]. Берасцейскі паэт-лірык уразіў У. Караткевіча вобразным светам сваіх твораў, адначасова звыклым і светлым, як бяроза ў беларускім пейзажы.

Рамантык па светаадчуванні, Уладзімір Караткевіч у асобе творцы дэклараваў функцыю футуролага, прарока, асобы, што прадбачыць будучыню. Верш паэта “Прарок Геронім Босх” суправаджаўся тлумачэннем “Геронім Босх – славыты нідэрландскі мастак канца XV – пач. XVIII ст. У такой яго карціне, як “Страшны суд”, народная сатыра спалучаецца са змрочнай, кашмарнай фантазіяй. Дзіўнае супадзенне: на яго карцінах намалюваныя машыны, якія падобныя на танкі і сучасныя гарматы” [1, 89]. Сапраўдны мастак, паводле паэта, папярэджвае чалавецтва, заклікае кожнага чалавека быць чалавекам. На думку паэта, зараз вырасла новае племя людзей са сталымі душамі, аднак карціны Героніма Босха як грознае мастакоўскае папярэджанне чалавецтву неабходна захоўваць у імя існавання чалавецтва. Ідэя пра мастака-прарока, дапоўненая ідэяй мастака-выкрывальніка заганных рыс суайчыннікаў, – дамінантная ў “Трызненні мужыцкага Брэйгеля”. Там таксама прысутнічала аўтарскае тлумачэнне: “Пітэр Брэйгель Старэйшы, празваны “Мужыцкім” (памёр у 1569 г.), – славыты нідэрландскі мастак XVI ст., аўтар карцін “Падзенне Ікара”, “Сляпыя”, “Сялянскі танец”, “Краіна гультаёў і інш.” [1, 89]. Маналог мастака напоўнены інвектывамі ў дачыненні да землякоў: “За сытасцю яны не заўважаюць, // Як шашаль есць іх дом, што іх абкрадуць, // І назву самую “край Нідэрландаў” // Забудуць спячыя. Пракляты край! // Ніхто не хоча ведаць пра свабоду, // Пра пошукі, гарэнне і мастацтва. // Не, – ён схлусіў, – мастацтва дазваляюць. // Яно павінна лашчыць сытых, // Высакароднымі рабіць іх твары...” [1, 93]. Брэйгель падбэдзёрвае сябе, спадзеючыся хаця б на разуменне нашчадкаў: “Што ж ты пракінуўся, мужыцкі Брэйгель? // Шпурляй у твар ім грозныя палотны, // Дразні, як бугая чырвонай хусткай, // Паказвай ім, сляпым, канец Ікара, – // Яны ж усё адно не зразумеюць. // Хіба нашчадкі, можа? [1, 94].

У зборніку “Вячэрнія ветразі” працэдэнтныя імёны дзеячаў культуры служылі ўдакладненню эстэтычных устаноў пісьменніка, выступалі сродкам пазіцыянавання праўдзівасці і пераканальнасці мастацкіх вобразаў як эстэтычна-аксіялагічных прыярытэтаў аўтара.

Паэтычны зборнік “Мая Іліяда” ўжо самім выбарам Караткевічам назвы маніфеставаў аўтарскую ўстаноўку на пераасэнсаванне мастацкага вопыту папярэднікаў і сучаснікаў. “Апошняя песня Дантэ” з прысвячэннем беларускаму мастаку Арлену Кашкурэвічу – творчы дыялог з Дантэ ў трактоўцы пекла. Для Уладзіміра Караткевіча пекла – вайна. “Насрэдзін Ахмет-Аха эфендзі – вандроўны цюркскі філосаф XVII ст. Выкрывальнік раскошы і распусты. Стаў фальклорным героем турэцкіх і татарскіх казак пад імем Ахмет-Ахая” [1, 209], рупар пісьменніцкіх выказванняў пра творчую асобу як дасціпнага выкрывальніка недахопаў чалавечай натуры і гуманіста ў “Нараканні Насрэдзіна Ахмет-Аха эфендзі”. Паводле Караткевіча у вершы “Скарына пакідае радзіму”, лёсавая наканаванасць выдатнай асобы – адзінота, незразуметасць і высакароднасць. Пры развітанні з радзімай першадрукар заяўляе, што

ворагі не прымусяць яго ўзненавідзець родны край: “Яны не даждуць, што Скарына // Зямлю сваю пракляне [1, 163]. Лёс творчага чалавека, яго гістарычнае існаванне ў часе нярэдка бываюць парадаксальнымі. Так, у вершы “Фантазія” паэт разважае над паваротамі жаночага стаўлення да знакамітасцей, якіх ён умоўна адносіць да чальцоў “Клуба адрынутых”: “Часта прыходзіць Людвіг Бетховен, // Здраджаны дбаннем кабет зямных. // Лермантаў тут. І таго не кахалі, // Хто ж тады варты гэтага больш?” [1, 166]; “Йдуць у пакой праз халодны туман: // Дантэ, Петрарка, Катул, Багдановіч” [1, 166]. Пасля смерці “Сотні прыгожых дзяўчат і дам // Статуям іхнім рукі цалуюць, // Быццам лягчэй ад таго касцям” [1, 167]. Каханне, на думку паэта, зачароўвае творцу, але не павінна яго асляпляць. Лірычны герой верша “Песня колаў”, абазнаны ў мастацтве Дэга, Курбе, Пікаса, папракае каханую, якая “На спакой змяняла крылаў страду, // Катула – на месякаслоў” [1, 171]. Галантны лірычны герой Караткевіча перакананы, што найперш мастацтва павінна ўвасобіць жаночую прыгажосць, у вершы “Таруская віла” ён з гумарам прапануе: “Мікельанджэла, // Вакары, Глебавы, // Бембелі, // Краўчанкі, // Бандарэнкі, // Кановы // І Яхмёсы свету, // Плюньце на геніяльна-вакхічную храпу маю // І ваяйце жанчын” [1, 174–175]. Вершы “Чурлёніс”, “Багдановіч”, “Нявесце Каліноўскага” – густоўна-майстэрскае пазіцыянаванне мастацтва як сродку фарміравання каштоўнасных арыенціраў чалавека, грамадзянскасці, інтэлекту асобы. У прысвечаных Янку Брылю, Васілю Быкаву, Міхасю Стральцову, Дануце Бічэль вершах паэт даводзіў адказнасць пісьменніка за грамадскую важкасць праблематыкі твораў, значнасць маральных імператываў аўтараў.

У зборніку “Быў. Ёсць. Буду” пісьменнік прыгадваў Максіма Багдановіча, Максіма Танка, Янку Купалу, Пімена Панчанку, Міхаіла Лермантава, Ігната Буйніцкага, Каспара Бекеша, Гойю, Джорджа Байрана, Уладзіслава Сыракомлю, Францішка Багушэвіча, Рыгора Барадуліна, Васіля Быкава і нават іранічна пра сябе ў вершы “Бог важдзецца з беларускімі прозвішчамі”. Прэцэдэнтнае імя давала падставы для асэнсавання нацыятворнай ролі мастацтва (“Шляхі Ігната Буйніцкага”), значэння самастойнасці мыслення для развіцця грамадскай думкі. Так, у вершы “Бекеш, або балада ерасі” (балада 1555 года) аўтар свядома падкрэслівае ў маналогу героя словы: “Рэцыю меў, праз стагоддзі, заўжды – ерэтык” [1, 280], той, хто аспрэчвае ісціны, што большасці здаюцца абсалютнымі і недатыкальнымі. Сапраўдны творца, як заяўляе мастак у вершы “Глухі геній (Гойя)”, – максіmalіст і аптыміст: “Глухім жыву і паміраю, // Глухім крычу пад градам куль, // Глухім, бо слухаць не жадаю // Хлусню, што панствуе паўсюль. // Пакуль пад гукі новай песні, // Харалу, што залье палі, // Святая праўда не ўваскрэсне, // Ёсць ж ўваскрэсне на зямлі. // Тады – пачую” [1, 288].

Прэцэдэнтныя імёны дзеячаў культуры – істотны складнік змястоўна-мастацкай структуры паэтычных твораў У. Караткевіча. Пісьменнік згадваў і пра сусветна вядомых знакамітасцей у сферы жывапісу, скульптуры, архітэктуры, музыкі, жывапісу, літаратуры, і пра выдатных дзеячаў культуры Беларусі. З айчынных дзеячаў найчасцей паэт звяртаўся да Багдановіча, Скарыны, Купалы, Быкава. Прэцэдэнтныя прозвішчы дзеячаў культуры прысутнічалі ў назве твораў, прысвячэннях, аўтарскіх тлумачэннях, непасрэдна ў тэксце. Варта адзначыць, што прысутнасць прэцэдэнтных імён у назвах твораў і непасрэдна ў тэксце паступова павялічвалася, а ў тлумачэннях змяншалася, прэцэдэнтныя імёны ў першым зборніку маглі набываць метанімічнае значэнне, потым гэта тэндэнцыя спынілася. Прэцэдэнтныя імёны ў паэзіі Караткевіча – сродак выяўлення эстэтычна-аксіялагічных інтэнцый пісьменніка, яго каштоўнаснай шкалы, якая ўключала творчы падыход мастака да матэрыялу, праўдзівасць і пераканаўчасць адлюстравання, значнасць праблематыкі і маральнай пазіцыі аўтара, грунтоўнае знаёмства з дасягненнямі культуры.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987–1991. – Т. 1. – 1987. – 431 с.

УДК 808.26-541.2

**АНТРАПАНІМІКОН ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЫ
УЛАДЗІМІРА ДАМАШЭВІЧА І ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК**

Ключевые слова: *литературная ономастика, оним, антропоним, поэтоним, фамилия, «говорящая» фамилия.*

В статье рассматриваются употреблённые в исторической прозе брестских авторов антропонимы, которые являются носителями ценной информации о материальной и духовной культуре белорусов. Определяется диапазон смыслового и формального варьирования личных имён. Характеризуются говорящие фамилии персонажей, определяются приёмы актуализации внутренней формы этого типа антропонимов. Описываются тематические группы прозвищ, анализируются способы образования оценочно-характеристических именований персонажей. Особое внимание уделяется осмыслению роли контекста в раскрытии смысловых и эмоционально-экспрессивных возможностей поэтонимов.

S.F. But-Gusaim
Brest State University named after A.S. Pushkin

**ANTHROPONYMICON OF THE HISTORICAL PROSE
BY VLADIMIR DOMASHEVICH AND ZINAIDA DUDYUK**

Key words: *literary onomastics, onym, anthroponym, poetonym (poetic name), surname, “talking” surname.*

The article considers the usage of the anthroponyms, which carry valuable information about material and spiritual culture of the Belarusians, in the historical prose by Brest writers. The range of semantic and formal variety of proper names is defined. The author describes talking surnames of the characters, defines the ways of actualizing the inner form of this type anthroponyms. The article gives the thematic groups of nicknames, analyzes the ways of forming evaluative-characterizing names of characters. Special attention is given to interpreting semantic and emotional-expressive opportunities of anthroponyms.

Насычаная драматычнымі падзеямі айчынная гісторыя XX стагоддзя стала прадметам мастацкага асэнсавання ў гістарычнай прозе берасцейскіх пісьменнікаў Зінаіды Дудзюк (аповесці “Кошт апошняга слова”, “Мастацтва забіваць” і “Аднарог”) і Уладзіміра Дамашэвіча (аповесць “Кожны чацвёрты”). У цэнтры мастацкага свету, створанага ў прозе сучасных аўтараў, – поўныя драматызму і напружання падзеі Другой сусветнай войны, а таксама цяжкія дзесяцігоддзі пасляваеннага абнаўлення краіны. Ствараючы карціны мінулага нашай зямлі, пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць драматычны зарад, нацыянальна-культурную інфармацыю і вобразна-выяўленчыя ўласцівасці ўласных імёнаў.

У XX стагоддзі ў беларускім антрапаніміконе адбываюцца значныя змены. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі царква не магла ўплываць на іменаванне грамадзян новай дзяржавы, адбывалася дэкананізацыя іменаслову. Змяніліся нормы этыкету, дзейным

інструментам якога з’яўляюцца ўласныя імёны. Згаданыя змены адлюстраваны ў антрапанімічнай прасторы гістарычнай прозы берасцейскіх аўтараў.

З прааналізаваных твораў намі былі выдзелены новыя імёны, што нарадзіліся ў савецкі перыяд гісторыі, напрыклад, штучныя імёны персанажаў аповесці “Кожны чацвёрты”, утвораныя на базе найменняў правадыроў (імя **Нінэль** утворана ад прозвішча **Ленін**), а таксама імёны-абрэвіятуры (імя **Кім** утворана ад наймення ‘Камуністычны інтэрнацыянал моладзі’, **Ліна** – ад назвы арганізацыі ‘Ліга нацый’).

У савецкі час фарміраваліся новыя этыкетныя нормы, у адпаведнасці з якімі сродкам выражэння павагі да чалавека з’яўляецца ўжыванне поўнай формы імені ў спалучэнні з іменем па бацьку: “Дзякую, **Лукаш Кандратавіч**, мне пасля размовы з вамі ажно ў вачах пасвятлела” [3, 33]; “Нам з **Якавам Саламонавічам** часам падмены бракуе, бо і тавар трэба прыняць, і выручку здаць” [3, 85]. У якасці неафіцыйнага звароту да немаладога паважанага чалавека нярэдка ўжывалася імя па бацьку: “Былі мужчыны аднагодкамі, абодвум каціла пад семдзясят, але колішні механізатар **Карней Трахімавіч** Лясяк так і застаўся **Карнеем**. А былога настаўніка называлі **Платонавічам**, і, мусіць, мала хто помніў яго імя. А як інакш можна называць настаўніка? Простаму вясковаму чалавеку найбольш ягонае імя падыходзіць” [2, 234]. У народным асяроддзі сродкам выказвання павагі маладзейшага да старэйшага, да шанаванага чалавека засталіся словы **дзядзька**, **цётка** ў спалучэнні з асабовым іменем: “Добрага здароўечка, **дзядзька Мірон**, што пра мяне абяце” [3, 115].

Рэгіянальны каларыт ствараюць ужытыя ў маўленні персанажаў твораў Зінаіды Дудзюк формы імёнаў, у якіх адлюстраваны асаблівасці мясцовай гаворкі: “У шматдзетнай сям’і нарадзілася **Ёўга**, але была асуджана лёсам на адзіноту” [3, 19]. У маўленні персанажаў прозы берасцейскіх аўтараў шырока ўжываюцца формы суб’ектыўнай ацэнкі антрапонімаў, што адлюстоўваюць традыцыі нацыянальнага іменаслову. У творах пісьменнікаў-берасцейцаў выкарыстаны эмацыйныя варыяцыі імён маленькіх герояў, якія выражаюць ласку і пяшчоту да дзяцей і падлеткаў: “**Марынка**, **Дзяніска**, бярыце патрошку, не будзеце разліваць, – падказвала маці дзецям, парадкуючы ля печы гаршкі” [3, 72]; “Толькі шкада было пакідаць сіратаю **Юльку**” [3, 54]. Эмацыйныя формы могуць перадаваць глыбіню пачуцця да каханага чалавека: “Другое пісьмо напісаў **Світалачцы**, светлай дзяўчыныцы, дзеля якой хацелася таксама жыць цяпер” [3, 116]; “Юля да страты прытомнасці шаптала: “**Пятрусь! Пеструсёк! Пятрок! Петрачок**, родненькі! **Пятро, Пётрачка! Дарагі! Пётра! Пятрухна! Пятрухначка! Пятрушка! Пятрушачка! Петрычак!**” [1, 297]. Заўважым, што і сталыя героі, прайшоўшы жыццёвыя выпрабаванні, цёпла, спачувальна адносяцца да людзей, што праяўляюцца ў ласкавых формах звароту: “Што? Што з табою, **Алесека**?” [3, 6]; “Гэта, **Іваначка**, хутка пройдзе” [3, 83].

Вобразна-выяўленчым сродкам у кантэксце гістарычнай прозы берасцейскіх аўтараў з’яўляюцца прэцэдэнтныя онімы. Імёны вядомых гістарычных асоб, літаратурных і міфалагічных персанажаў могуць выкарыстоўвацца метафарычна. Напрыклад, прэцэдэнтны онім **Ірад** з’яўляецца іменем цара Іўдзеі, бязлітаснага забойцы дзяцей. У аснове характарыстыкі бесчалавечнага паліцэйскага, які знішчае не толькі партызан, але і бездапаможных жанчын і дзяцей, імя біблейскага цара-злачынцы: “Не чапай дзіця, **ірад!**” – закрывала гаспадыня і кінулася да паліцыя [1, 10]. Для ацэнкі бязлітаснага чалавека, які, гонячыся за дабрабытам, пачынае супрацоўнічаць з рэпрэсіўнымі органамі КДБ, без шкадавання ахвяруючы лёсам малодшага брата, ужываецца імя біблейскага здрадніка **Іуды**: “Калі Багдана прывялі на допыт трэці раз, ён убачыў за сталом на месцы следчага брата Сцяпана. “Э, браток, ды цябе не пазнаць, што гэта з табою зрабілася?” – “Маўчы, **Юда**” [3, 101].

Многія прозвішчы герояў прозы З. Дудзюк і У. Дамашэвіча з’яўляюцца *ўскоснагаваркімі паэтонімамі*. Раскрыццё “затушаванай”, “зацемненай” унутранай формы найменняў адбываецца пры дапамозе такіх сродкаў, як псіхалагічная характарыстыка персанажа, апісанне знешняга выгляду, учынкаў героя ў сюжэтным дзеянні. Паэтонімы могуць характарызаваць маральныя якасці, рысы характару персанажаў (*Ваўчэцкі, Трамваеў, Вішанька, Самковіч, Бязмен, Смаляр*). У канцэнтраваным выглядзе гаваркія антрапонімы могуць накрэсліваць праграму лёсу літаратурнага героя (*Ярэміч, Паланейчык*).

Насычана семантычнымі нюансамі прозвішча *Ваўчэцкі*, якое належыць героюаповесці У. Дамашэвіча “Кожны чацвёрты”. У аснове прозвішча ляжыць назва звера, што ў народнай свядомасці надзелены такімі рысамі, як мужнасць, смеласць. Герой твора мае такія якасці: *“Ваўчэцкі падабаўся Паланейчыку сваёю адвагаю, але часам ён бравіраваў і лішне лез на ражон”* [1, 19]. З *воўкам* у народзе звязваюцца такія рысы, як злосць, агрэсіўнасць, бязлітаснасць. Апелятыўная семантыка прозвішча ажывае ў аўтарскім апісанні персанажа: *“Чужое акупанцкае адзенне на Ваўчэцкім нібы злілося з яго сваім, звераватым, воўчым: трохі прыўзнятая верхняя губа і белыя зубы, з якіх вырываліся з роўнага паўкола два разцы, як іклы, рабілі на яго твары падабенства звярынага аскалу”* [1, 140]. Малады партызан бязлітасна забівае сям’ю чалавека, якога абвінавачвалі ў даносе на сям’ю Ваўчэцкіх, знішчанай акупантамі. У славянскай міфалогіі *воўк* – сімвал мудрасці, празорлівасці. Такія якасці ў выніку напружанага і балючага роздуму пасля здзейсненага злачынства фарміруюцца і ў героя твора. З цягам часу Ваўчэцкі пачынае разумець, што дабро і зло – катэгорыі адносныя, і тое, што ён лічыць справядлівасцю, з пункту гледжання Божых законаў, – зло, злачынства. У выніку напружаных маральна-духоўных пошукаў хлопец прыходзіць да мудрай высновы: *“зло нараджае зло, і злом яго ніколі не выкараніш”* [1, 120].

Прозвішча сям’і *Казак* характарызуе такія якасці людзей, як адвага, мужнасць, уменне знайсці выйсце з самых складаных і небяспечных абставінаў. Метафарычна слова *казак* выкарыстоўваецца як найменне безразважна смелага, дзёрзкага чалавека, рызыканта. Апелятыўная семантыка прозвішча адпавядае характару кожнага члена сям’і: *“Ці ўзяць Казакоў: усе да адной душы ў партызанах!”* [1, 159]. Унутраная форма паэтоніма раскрываецца шляхам апісання жыцця, характару, учынкаў персанажаў. Бацька быў матросам у Петраградзе, падчас ягонай службы было нямала выпадкаў, *“калі ўсю справу вырашала яго адвага, вырашалі секунды. У баі ёсць нейкая няўлоўная хвіліна, калі шалі вагі гатовы пераважыць у любы бок, варта кінуць на адну з іх хоць крупінку”* [1, 116]. Адважнай дзяўчынай з’яўляецца і Юля *Казак*, якая здолела вырвацца з занятай акупантамі вёскі, дабрацца да партызанаў і стаць байцом атрада разведчыкаў: *“А цяпер у атрадзе будзе служыць Юля Казак. Думаю, што яна апраўдае сваё прозвішча... Ужо, мне здаецца, апраўдала...”* [1, 103]. Разведчыкам-рызыкантам быў і Лёнька *Казак*, які загінуў праз сваю па-юнацку безразважную смеласць.

Асобныя прозвішчы герояў твораў З. Дудзюк варта аднесці да гаваркіх паэтонімаў. Напрыклад, *вішня* ў народнай культуры здаўна была сімвалам жаночай прыгажосці, вясны, чысціні. Сэнсавая нагрузка прозвішча *Вішанька* (яно належыць гераіні аповесці З. Дудзюк “Кошт апошняга слова”) адпавядае сімвалічнаму значэнню апелятыўнай асновы антрапоніма. Апісанне прывабнай знешнасці і характару адоранай Богам творчай асобы напаўняе гаваркое прозвішча станоўчай экспрэсіяй: *“Алеся худзенькая, як дзяўчына. Круглы твар, спакойныя шэрыя вочы, усмешлівы шыракаваты рот, таўшчэзная цёмная каса на плячы – ва ўсёй яе паставе было нешта дзявочае, некранутае чэрствым жыццём”* [3, 7]; *“Адзіным Богам для яе стала праца, цяжкая, вярэдлівая турбота. Творчасць прыносіла радасць за ўдала напісаныя радкі, за свежы вобраз, яна стамляла, забірала сілы, але і напаўняла новымі задумамі”* [3, 23]. Сутнасць

паэтоніма адпавядае характару гераіні: сумленнай, няздольнай на кампраміс жанчыны, якая не хоча быць каханкай нелюбімага чалавека, уплывовага чыноўніка Трамваева, не можа пісаць ліслівыя рэцэнзіі “патрэбным” людзям, хоць і рызыкуе страціць месца ў рэдакцыі і нават трапіць ў псіхіятрычную лячэбніцу.

Выразную нацыянальна-культурную адметнасць маюць мянушкі – найменні, якія называюць і характарызуюць, ацэньваюць знешнасць, маральныя якасці, паводзіны чалавека, акрэсліваюць сваяцкія адносіны паміж людзьмі. У разрадзе індывідуальных мянушак можна выдзеліць наступныя тэматычныя групы. Найперш гэта найменні, якія характарызуюць знешнія прыметы чалавека. Так, фізічнае калецтва персанажа фіксуе мянушка **Сухарукі**: *“У Сухарукага было нешта з леваю рукою, здаецца, ці не паранены ў грамадзянскую вайну”* [1, 98]. Характарыстычнае найменне можа акрэсліваць унутраную сутнасць чалавека праз аналогію з прадстаўнікамі жывёльнага свету. Так, празванне **Воўк**, якое належыць персанажу аповесці У. Дамашэвіча “Кожны чацвёрты”, акрэслівае і ацэньвае “звярыныя” рысы характару героя: *“Мянушка яго была Воўк, і ніхто яго за вочы іначай не называў, мо якраз за гэтую яго звераватасць, за маўклівасць, за нелюдзімасць, якая відаць была ў поглядзе яго цёмных вачэй, у выразе зарослага чорным шчаціннем, рабога з воспы твару”* [1, 6]. Жыццёвы вопыт, пачуццё адказнасці за лёс партызан, чуласць, мудрасць партызанскага кіраўніка падкрэслівае мянушка **Дзед**, якая належыць герою аповесці У. Дамашэвіча. Характарыстычнае празванне мае адабральны характар: *“Ужо некалькі разоў Юля чула, што Дзед, як звалі яго за вочы, – вельмі людскі чалавек. Камісар ніколі не націскаў на свае правы, а наадварот – на абавязкі, а найпершым сваім абавязкам лічыў клопат пра людзей, пра іх жыццё, пра аўтарытэт партызана як народнага мсціўца. І не дай Бог, каб гэты аўтарытэт быў калі-небудзь кім-небудзь падарваны! І тады камісар з накладзістага і памяркоўнага рабіўся раптам суровы і жорсткі”* [1, 50]. Акалічнасці з’яўлення чалавека ў вёсцы перадае празванне **Прыблудны**: *“Год таму з’явіўся ў вёсцы Іван, мужчына няпэўнага ўзросту, якога тутэйшы люд называў Прыблудным. Прыйшоў ён невядома адкуль, заняў адну пустую хату і пераконваў усіх, што яму гаспадар дазволіў тут жыць. Іван нідзе не працаваў, шныраў па ваколіцах, падбіраў усё, што дрэнна ляжала, тым і жыў. Часта яго бачылі моцна п’яным”* [2, 220]. Як бачым, з цягам часу мянушка набыла новую матывацыю, стаўшы характарыстыкай чалавека, які так і не здолеў ператварыцца ў руплівага гаспадара, працаўніка. Празванне **Прыблудны** мае адценне асуджэння, знявагі.

Асабовае імя – паказчык суб’ектывацыі (надзялення чалавека статусам асобы, прызнання яго грамадскай і асобаснай значнасці). Для ідэнтыфікацыі індывіда, пазбаўленага асобаснага статусу, выкарыстоўваюцца іншыя сродкі, у прыватнасці, нумары. Гэтая заканамернасць адлюстроўваецца ў аповесці З. Дудзюк “Мастацтва забіваць”. Герой твора, Багдан, трапіўшы ў турму, страціўшы волю, губляе і права на імя, становячыся носьбітам парадкавага нумара. Нумар прадстаўляе чалавека ў якасці рэчы. Носьбіт нумара не мае права на сваё “я” і на асабістае волевыяўленне: *“Выдалі цёплае лагернае адзенне: ватныя штаны, бялізну, ватоўку з нумарам на спіне. Цяпер забывай сваё імя, зэк № 287”* [3, 114]. Сродкам ідэнтыфікацыі зняволеных у лагеры з’яўляюцца **мянушкі**, напр.: *“Багдан прыгледзеўся да астатніх вязняў і адзначыў, што па адзенні можна пазнаць, хто дзе працаваў на волі. Вунь у таго таўставатага штаны з лампасамі, яго ўсе так і называюць “Генерал”. А таго сівенькага з барадой “Прафесарам” клічуць”* [3, 113].

Такім чынам, антрапонімы ў кантэксце гістарычнай прозы Зінаіды Дудзюк і Уладзіміра Дамашэвіча выконваюць важную ролю: ствараюць партрэты герояў, характарызуюць іх узаемаадносіны, дапамагаюць перадаць атмасферу эпохі, выразіць грамадзянскую пазіцыю пісьменнікаў.

Літаратура

1. Дамашэвіч, У. Кожны чацвёрты : аповесць / У. Дамашэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 145 с.
2. Дудзюк, З. І. Аднарог : раман, аповесць, апавяданні / З. І. Дудзюк. – Мінск : Беларуская сучасная фантастыка, 2010. – 287 с.
3. Дудзюк, З. Палоннікі жыцця / З. Дудзюк. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 270 с.

В.У. Гарнак

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: hornak@mail.ru

УДК 811.161.3'282:82-343-94"18"

ВІЦЕБСКІЯ ГУТАРНІКІ ПАЧАТКУ ХІХ СТАГОДДЗЯ

Ключавыя словы: *Максіміліян Маркс, Віцебск, мемуары, гутарнікі, фальклор, літаратура, анамастыка.*

Ва ўспамінах Максіміліяна Маркса (1816–1893) маюцца цікавыя матэрыялы пра віцебскіх гутарнікаў пачатку ХІХ стагоддзя – Піліпа Смурым і Уласу. У артыкуле даследуецца творчая манера і рэпертуар гэтых артыстаў з народа.

V.V. Harnak

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

VITEBSK "GUTARNIKI" OF THE BEGINNING OF THE XIXth CENTURY

Key words: *Maximilian Marx, Vitebsk, memoirs, folklore, literature, onomastics.*

Some interesting data about Vitebsk "gutarniki" of the beginning of the XIXth century can be found in the memoirs of Maximilian Marx (1816–1893). A creative manner and repertour of the actors with ordinary background had been studied in the article.

Максіміліян Восіпавіч Маркс (1816–1893) нарадзіўся ў Віцебску. У 1887–88 гг. наш зямляк напісаў свае ўспаміны "Запіскі старога" («Записки старика»), а таксама некалькі артыкулаў мемуарнага характару. Каштоўнымі і цікавымі з'яўляюцца матэрыялы М. Маркса, якія апісаў і часткова надрукаваў прафесар Львоўскага ўніверсітэта Вільгельм Брухнальскі (1859–1938) «Z pamiętnika M. Marksa Witebszczanina» [1].

Аўтар успамінаў расказаў пра Піліпа Смурага і Уласа – вядомых у 30–40-я гады ХІХ стагоддзя гутарнікаў. Запісаў наш зямляк і ўнікальны "Rodowod Białoruski". Максіміліян Восіпавіч сабраў таксама цікавы матэрыял пра адзенне віцебскіх мяшчан (беларусаў, яўрэяў), забавы і танцы простых гараджан. З мемуараў Маркса можна даведацца пра папулярнасць у Віцебску "Энеіды наываварат". Ва ўспамінах прысутнічае і тэкст ананімнага верша "Худа жыць на свеце стала". Значную частку прыкладаў мемуарыст запісаў лацінкай па-беларуску [1, 139–144]. Распавёў М. Маркс і пра вядомых у 20–30-я гады ХІХ стагоддзя віцебскіх гутарнікаў. Адзін з іх, якога звалі Улас (Vlas), быў адначасова і дударам, бо амаль заўсёды хадзіў з кобзай. Пра другога – Піліпа Смурага (Pilip Smuryj) – мемуарыст піша больш падрабязна. Піліп Смуры, лысы як поўня, з постаці марудлівы, вялы, меў дзіўны пазытычны талент. Піліп быў жабрак, апавядальнік і спявак адначасова, які шмат вандраваў. Мемуарыст, напрыклад, заўважае, што Смуры

наведваў Полак, Дынабург, Барысаў, Мінск, Сморгонь, Ашмяны і, зразумела, Віцебск [1, 141]. Звычайна гутарнік аддаваў перавагу чытанням у нябедных дамах, дзе выступоўца атрымліваў своеасаблівы “ганарар” у выглядзе сытнай вячэры, шклянкі гарэлкі і начлегу [1, 140]. Як узгадвае Маркс, Піліп аддаваў перавагу камерным чытанням з адносна невялікай колькасцю слухачоў. Змест гутаркі быў альбо камічны (забаўляльны), альбо ў творы распаўядалася пра жыццё сялян, іх стасункі паміж сабой. Часамі ў творы маглі прысутнічаць памешчык, святар, аканом ці нават чыноўні [1, 140]. Цікава, што Піліп Смуры не толькі распрацоўваў змест сваіх выступаў, але і прытрымліваўся своеасаблівага рытуалу. Гутарнік станаўся на сярэдзіне пакоя, утаропіўшы вочы ў столь, быццам прамоўца такім чынам шукаў натхнення. Праспяваўшы зачын, Піліп звяртаўся да сваіх слухачоў з пытаннем: *Чы байць, чы не?* І толькі тады, калі прысутныя давалі згоду, Піліп пачынаў гутарку. Пад час выступу прамоўца то прытупваў на месцы, то праходжаўся па пакоі, то чаргаваў аповед спевамі [1, 140]. Але Піліп Смуры не быў толькі транслятарам народнага эпасу. Гутарнік – вытворца арыгінальных аўтарскіх тэкстаў, і ў гэтым сэнсе яго сачыненні не фальклорныя, а ў большай ступені літаратурныя з’ява [2, 64].

Змешчаны ў мемуарах і арыгінальны «*Rodowod Białoruski*» у выкананні Піліпа Смурага. Тэкст пададзены па-беларуску лацінкай [1, 141–143]. “Беларускі радавод” адным з першых апублікаваў у газеце “Наша ніва” (1913 год) В. Ластоўскі з паметай: «Перапісаў з рукапіснай кніжкі, параўняўшы з перадрукаванай у Раманава гутаркай “Бай”» [3, 463]. З гэтага твора чытач даведаецца, што над ракой Дрысай у горадзе Краснаполлі панаваў князь Бой (Вой). Гэты князь меў два любімых сабакі Стаўры і Гаўры. Былі яны неверагоднай моцы, бо маглі адужыць і ваўка шэрага, і мядзведзя лахматага, і лася рагатага, і вепра зубатага [1, 141]. Цікава, што пра гэтых сабак распаўядае і Ян Баршчэўскі [4, 88–89]. Даволі бесклапотнае жыццё князя праходзіць у паляваннях са Стаўрам і Гаўрам, а таксама ў прыемных вандроўках да жонак, якіх у Боя было аж сем: Вольга, Рагнеда з Полацка, Красуля са Смаленска, Ода з Кіева, Доня (былая служанка Красулі), Альда “з паморскай Літвы” і яе сястра Літа. У творы названы імёны ўсіх сыноў Боя ад кожнай з гэтых Княгіняў. А вось пра дачок Піліп нічога не паведамляе, хаця вельмі падрабязна пералічвае ўсіх сыноў, унукаў, праўнукаў і нават прапраўнукаў князя Боя [1, 142–144]. Гутарнік сцвярджае, што з гэтых радоў толькі восем пайшлі шукаць шчасця ў замежжы – за Дзвіной і Дняпром. Усе астатнія засталіся на сваёй зямельцы. І пакуль сонца будзе грэць яе, будуць родную пахаць і скарадзіць [1, 144]. Усяго радоў нашых (беларускіх – В.Г.) сто шэсцьдзесят [3, 149]. Больш падрабязная інфармацыя адносна колькаснай характарыстыкі радаводу беларусаў змешчана ў артыкуле Л. Кісялёвай [2, 61].

Развагі Максіміліяна Маркса пра творчасць віцебскіх гутарнікаў пачатку XIX стагоддзя, на наш погляд, не страцілі сваёй цікавасці і ў наш час. Заслугай мемуарыста перад культурай з’яўляецца таксама і тое, што аўтар успамінаў захаваў для нашчадкаў цікавы твор – “Беларускі радавод”.

Літаратура

1. Bruchnalski, Wilhelm. Z pamiętnika M. Marksa Witebszczanina / Wilhelm Bruchnalski // Lud. – 1922. – Tom XXI. – S.136–153.
2. Кісялёва, Л. На “трэціх абшарах” беларускай літаратуры: Піліп Смуры і іншыя / Лія Кісялёва // Acta Albarruthenica / Katedra Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. – 2012. – Т. 12. – С. 57–66.
3. Ластоўскі, В. Выбраныя творы / Уклад., прадмова каментарыі Я. Янушкевіча / В. Ластоўскі. – Мн., 1997. – 512 с.
4. Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Ян Баршчэўскі. – Мн., 1990. – 383 с.

УДК 811.161.3'373.423

**АСАБЛІВАСЦІ НЕКАТОРЫХ ГІДРОНІМАЎ НАРЫСА
УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА “ЗЯМЛЯ ПАД БЕЛЫМІ КРЫЛАМІ”**

Ключевые слова: *оним, топонимика, гидроним, потамоним, лимноним.*

В статье рассматриваются особенности гидронимов в очерке Владимира Короткевича «Земля под белыми крыльями». Сделана классификация и проанализированы некоторые ономастические единицы.

N.I. Gushcha
Mozyr state pedagogical University named after I.P. Shamyakin

**FEATURES SOME OF THE HYDRONYMS OF THE ESSAY
OF VLADIMIR KOROTKEVICH “EARTH UNDER WHITE WINGS”**

Key words: *Owen, place names, hydronyms, potamonym, limnonym.*

The article discusses the features of the hydronyms in the essay of Vladimir Korotkevich “Earth under white wings”. Made classification and analysed some onomastic units.

Гідраніміка – раздзел тапанімікі, які вывучае гідронімы (уласныя назвы мораў, заліваў, рэк, ручаёў, крыніц, азёр, балот і інш.), што гістарычна склаліся на пэўнай тэрыторыі, а таксама іх сукупнасць – гідранімію. У выніку даследаванняў гісторыка-лінгвістычнымі метадамі гідранімія выступае як гістарычная крыніца.

Беларускую тапанімію даследавалі такія вучоныя, як В.П. Лемцюгова [4], А.М. Мезенка [5, 6], А.Ф. Рогалеў [7, 8], А.В. Суперанская [9], М. Улашчык [10], В.В. Шур [11, 12], І.Я. Яшкін [13] і інш.

Некаторыя онімы ў працэсе маўлення або па задуме мастакоў слова набываюць дадатковыя якасці – ужываюцца як пэўныя сімвалы – мастацкія вобразы, якія ўмоўна перадаюць якую-небудзь думку, ідэю, перажыванне, яны з’яўляюцца адным з відаў мастацкага іншасказання і выкарыстоўваюцца ў літаратуры як своеасаблівы прыём мастацкага адлюстравання рэчаіснасці [9, 24].

Уладзімір Караткевіч пісаў, што азёры – вочы зямлі. Воблік Беларусі нельга сабе ўявіць без азёр. Іх у нас каля 11 тыс. Вялікія і малыя, цёмныя, балотныя і светлыя, як самое святло. Азёры прыносяць не толькі матэрыяльную, але і духоўную карысць. Азёры не толькі кормяць навакольны люд, але і натхняюць паэтаў [1, 45].

У нарысе Уладзімір Караткевіч выкарыстаў 30 гідронімаў, сярод іх пераважаюць патамонімы – назвы рэк, іх 22: *Дняпро, Лоша, Прыпяць, Смердзь* і інш; лімнонімы – назвы азёр, іх 8: *Палік, Нешчарда, Чудскае, Свіцязь* і інш. Пісьменнік падрабязна апісвае, як утварыліся *Князь-возера*, возера *Свіцязь*, рака *Масква*, што ў Расіі.

Князь-возера – самае вялікае возера Гомельскай вобласці і трэцяе паводле плошчы сярод азёр Беларусі. Знаходзіцца ў Жыткавіцкім раёне, у басейне ракі Прыпяць. Пісьменнік запісаў легенду пра ўзнікненне гэтага возера: *“Або Князь-возера, якое цяпер невядома чаму называюць Чырвоным. Гэта на Палессі, паўночней Турава. Легенда, звязаная з гэтым месцам, натхніла кампазітара Залатарова на стварэнне цудоўнага ба-*

лета “Князь-возера”... А легенда такая (падаю ў варыянцы, які сам чуў і які збольшага супадае з найбольш старымі яе пераказамі, зробленымі яшчэ ў XIX стагоддзі).

...Возера было велічэзнае, як мора, а пасля пачало сохнуць, змяніацца і ўрэшце зрабілася зусім маленечкім. Людзям жыць стала лепей, а рыбам горш. І вось астравок пасярэдзіне гэтага маленькага лютэрка вады аблюбаваў князь Алелькавіч-Слуцкі з пакалення Альгерда. Пабудаваў тут замак і стаў княжыць і распаражаўся так, нібы над акругаю панаваў не чалавек, а д’ябал. А людзі цяпелі, мучыліся, елі кару... У адну ноч пачалі біць шалёныя маланкі, грымець перуны, аж калацілася цвердзь, а замак і ўсё наваколле пачалі правальвацца ў воды возера. Страшныя валы пабеглі на зямлю, злізвалі хаты, лясы. Вежы замка зніклі ў пене на вачах. А трэба сказаць, што цяпненне людзей скончылася ў тую самую ноч, і яны выйшлі з хат з доўбнямі і віламі, якраз тады, калі д’яблава гняздо пачало тануць. І вось тут, убачыўшы, што цяпненню людзей прыйшоў канец, зямля злітавалася. Сціхнулі воды, і толькі муры і вежы замка канчаткова і назаўсёды зніклі пад вадой. Панаваць у ім, жыць у пакоях, слізгаць у байніцы сталі рыбы.

Так, калі верыць легендзе, і ўтварылася Князь-возера плошчаю ў 43,6 кв. км” [1, 45].

І такое можна сказаць ледзь не аб кожным возеры. Нельга не сказаць пра возера, якое натхняла Міцкевіча.

Свіцязь – возера ў Навагрудскім раёне, каля мяжы з Карэліцкім раёнам, у 22 км на паўночным усходзе ад Навагрудка. Як пісаў Караткевіч, яно “заросшае дужа старымі дубамі, а вада такая, што, калі нават проста выкупацца – валасы рыпаць некалькі дзён”. Як адзначана ў нарысе, возера гэта мае дзве галоўныя загадкі: “Першая – гістарычна-казачная. У горадзе, што стаяў тут, засталіся адны жанчыны. Скарыстаўшыся адсутнасцю мужчын, на горад напалі шматлікія ворагі. Жанчыны секліся смела, але сталі знемагаць. І тады яны пачалі маліцца, і горад праваліўся, і зрабілася возера. Другая загадка – рэальная. Ёсць водарасць тэтрадыніюм яванікум. То вось, расце яна, акрамя трапічных азёр Явы і Суматры, толькі... у Свіцязі, на другім канцы зямлі. Чаму? А хто ведае?” [1, 102].

Пра Свіцязь існуюць розныя легенды, якія выкарыстоўваў у нарысе У. Караткевіч. Адна з іх такая.

“Нібыта на гэтым узвышшы некалі стаяў непакорны горад. Жыхары яго больш за жыццё любілі волю. Неаднойчы чужыныцы-прышэльцы выпрабоўвалі моц нашых продкаў, ды кожным разам вярталіся ні з чым. Аднаго разу на горад напала вельмі ж ваяўнічая зрая ворагаў. Усе мужчыны сталі абаронцамі і загінулі ў той няроўнай схватцы. Іх жанчыны, якія адразу засталіся ўдовамі, звярнуліся да Бога з адзінай малітвай: “Уратуй нас, Божа, ад навалы”. Яны так плакалі, што са слёз утварылася цэлае возера. Кажуць, над горадам павіс густы туман, сярод яго з’явіўся святы архангел Міхаіл у чорным плашчы. Ён блаславіў жыхароў горада на вечнае жыццё. На месцы паселішча ўтварылася возера Свіцязь, і паплылі па ім у памяць людзей чароўныя кветкі” [1, 102].

І цяпер на возеры растуць рэдкія вадзяныя раскі, якія занесены ў Чырвоную кнігу Беларусі.

Асобнае месца ў творчасці Уладзіміра Караткевіча займае **Дняпро**. Рака мела некалькі назваў. Першыя згадкі сустракаюцца ў грэкаў у V стагоддзі да н.э., Геродот называў яе *Барысфенам* (ракой з поўначы); у рымскіх гісторыкаў рака атрымала імя *Данапрыс*. Славянская назва, у перыяд Старажытнарускай дзяржавы – *Славуціч* [3, 162]. Гідронім *Днепр* – *Данапер* утвораны ад слоў “Дан” - (рака) + “апер” - (рэчышча або скід вады). Такую назву рака, мабыць, атрымала з-за дняпроўскіх парогаў [3, 153].

Рака выступае сімвалам Радзімы пісьменніка. Адаючы даніну іншым слаўным рэкам Беларусі, Караткевіч прызнае ўсё ж першынство менавіта за Дняпром, сцвярджаючы, што няма на свеце лепшай ракі “з высокім правым берагам і ненагляднымі далачынямі зарэчных наплавоў...” [1, 44]. Самым дарагім сімвалам жыцця, яго

шчодрасці і нескончанасці, была для Уладзіміра Караткевіча рака. Пісьменнік пісаў: “Я ўраджэнец той часткі Беларусі, якая ляжыць на Дняпры” [2, 47].

Апісанню Дняпра ён у нарысе адводзіць некалькі старонак: “Дняпро з высокім правым берагам і неагляднымі далячынямі зарэчных наплавоў, наплямаваных дубамі і сінімі люстэркамі старыц” [1, 44]. Вельмі яскрава апісвае здарэнне, калі яго дзядзька па Дняпры пераганяў статак: “...Сядзіш над Дняпром. Сонца набліжаецца да гарызонту. На дрэвах, на вадзе, на гліне адхонаў аранжавы водбліск. І раптам у вадзе з’яўляюцца нейкія незразумелыя кропкі. Бліжэй-бліжэй, і вось ясна ўжо, што гэта рагатыя галовы. Плыве цераз раку вялізная чарада. Пярэднія ўжо выйшлі на бераг, чорна-бела ільсняцца на сонцы, і вада спывае з іх, заднія яшчэ плывуць. А за імі, стоячы ў чаўне, плыве пастух. Гэта пераганяюць статак на новую пашу, на наплавы са свежай, кветкамі апырсканай травой” [1, 39].

Пісьменнік падрабязна піша пра летнюю паводку Дняпра: “Але і Дняпро ў повень бывае нішто сабе, разліваецца ў некаторых месцах кіламетраў на дзесяць. Дзед мой сам бачыў, як такі разліў нёс на сабе вялікую драўляную капліцу. Так стаймя і нёс, бо стаяла, відаць, у нізіне, а таму на драўляным памосце, які замяніў плыт. «Проста хоць ты прывозь папа, стаў свечкі і пачынай малебен тут жа, на вадзе»...” [1, 42].

Такім чынам, Уладзімір Караткевіч умела паказвае багацце і прыгажосць вадаёмаў усёй Беларусі. Усяго гэтых адзінак у нарысе Уладзіміра Караткевіча 30, гэта сведчыць пра адносіны паэта да рэчак, воднай сістэмы, пра адносіны да самой Беларусі. Відаць, што да кожнай з рэчак паэт адносіўся з пяшчотай і любоўю, як да жывых істот.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ. – Т. 8, кн. 1 : П’есы. Нарыс. – 591 с.
2. Верабей, А. Уладзімір Караткевіч: жыццё і творчасць / Анатоль Верабей. – 2-е выд., дапрад. і выпраўл. – Мінск : Беларуская навука, 2005. – 271 с.
3. Кабржыцкая, Т. В. Краіна пад белымі крыламі бусла / Т. В. Кабржыцкая // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : навук. збор. / рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Беларускі навукавы збор, 2000. – 272 с.
4. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўсюджваюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2008. – 416 с.
5. Мезенко, А. М. Беларуская ономастыка. Топонімія : учеб. пособие / А. М. Мезенко [і др.]. – Мінск : Элайда, 2012. – 260 с.
6. Мезенко, А. М. Імя ўнутрыгарадскога аб’екта ў гісторыі: аб урбанонімах Беларусі XIV – пач. XX в. / А. М. Мезенко. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 301 с.
7. Рогалев, А. Ф. Петрыков. Прыпяць. Птушка / А. Ф. Рогалев // Геаграфічныя назвы ў калейдаскопе часу. – Гомель : Барк, 2008. – С. 256.
8. Рогалеў, А. Ф. Сцежкі ў даўніну: Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А. Ф. Рогалеў. – Мінск : Полымя, 1992. – 159 с.
9. Супернаска, А. В. Чо такое топоніміка? / А. В. Суперанская. – М. : Навука, 1985. – 185 с.
10. Улашчык, М. Пытанні тапанімікі Беларусі / М. Улашчык // Полымя. – 1968. – № 6. – С. 241–250.
11. Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2013. – 268 с.
12. Шур, В. В. Уласнае імя ў сацыяльна-гуманітарным кантэксце: манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Інстытут радыялогіі, 2015. – 300 с.
13. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларуская навука, 2005. – 808 с.

УДК 81'373.2(476.5)

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: *публицистический текст, интенция, авторская интенция, языковые средства выражения, ономастические средства выражения, региональный текст.*

В статье представлены результаты исследования авторских интенций регионального публицистического текста и ономастических средств их выражения. Интенциональность многими объективными и субъективными параметрами: спецификой жанра, в котором работает создатель текста, состоянием актуальной событийности, с которой автор работает, делая предметом размышлений и объектом выражения авторской позиции. Региональный текст имеет специфические черты, которые свидетельствуют об особенностях восприятия и отражения этой событийности. Ономастические средства выражения проявляются как на уровне заголовка, так и основного текста в виде инструментария основных онимных семантических типов.

А. Derevyago
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

FEATURES OF DISTRIBUTION OF VICONYMS-COLLECTIVE DEDICATIONS

Key words: *publicistic text, intention, author's intention, language means of expression, onomastic means of expression, regional text.*

The article presents the results of the research of the author's intentions in the regional publicistic text and the onomastic means of their expression. Intentionality by many objective and subjective parameters: specificity of the genre in which the creator of the text works, the state of actual events with which the author works, making the subject of reflection and the object of expression of the author's position. The regional text has specific features that indicate the features of perception and reflection of this event. Onomastic means of expression appear both at the level of the title and the main text in the form of a toolkit of the basic onymic semantic types.

Текст есть когнитивный феномен, организующий понятийные константы человеческого сознания и задающий определенность отношений между ними. Языковой уровень текста предполагает группировку множества знаков, демонстрирующих единство означающего и означаемого. На речевом уровне семантика текста представляет многообразное отражение и отображение познавательных конструктов, которые являются результатом ментального освоения человеком окружающей его действительности.

Текст возникает там, где есть потребность в формировании завершенного элемента тезаурусного знания, что в свою очередь определяет языковую личность создателя того или иного текста. Активно мыслящий субъект, устанавливая причинно-следственную связь между объектами, событиями и процессуальными явлениями, не-

изменно создает новые тексты и преобразует известные ему в соответствии с собственным видением и мироощущением.

Внутренняя форма интенции как понятие складывается из нескольких смысловых компонентов: во-первых, это любое желание, план, задача или убеждение, которые ориентируют на некоторую цель, некоторое конечное состояние [1]. Использование этого термина в контекстах нередко сопровождается созначением, базирующимся на семе осознанности. Причем в психологии эту особенность интенции связывают с тем, что «существенной чертой осознаваемых процессов является ... их направленность во-вне, на объекты» [1].

Мегатекст, который создается, транслируется, преобразовывается и ретранслируется языковой личностью, распадается на множество частных функционально-стилистических типов, одним из которых является текст публицистический. Типологическое разнообразие текстов зависит от специфики коммуникативной ситуации, в которую он вписан и которую преобразует в связи с конкретными сущностными характеристиками всех обстоятельств коммуникативного акта. Публицистический текст функционирует в области массовой коммуникации и способствует организации канала передачи информации, тем самым реализуя первую функцию общения. Он и знаковая последовательность, и хранилище и реорганизатор разнонаправленной информации, обеспечивающей устойчивость коммуникативного взаимодействия языковых личностей.

Основным элементом содержательной стороны публицистического текста выступает факт; спецификой выстраивания фактологической системы публицистический текст обязан и автору текста, и жанровому своеобразие публицистики. Убедительность событийной и актуальность фактологической модели публицистического текста обеспечивает ему скорость и качество воздействия на аудиторию. У автора этого типа текста достаточно широк инструментарий для выражения собственной интенции – активного воздействия на читательское восприятие мира и событий в нем, – и это обусловлено тем, что «основная специфическая черта публицистического текста – его синкретизм, то есть использование одновременно в их нерасчлененном единстве как научных, рационально-понятийных, так и художественных, эмоционально-образных средств» [2].

Публицистический текст охватывает широкое пространство социальной жизнедеятельности, существует в общественно-политических, культурных, спортивных вариантах, в силу чего имеет множество жанрово-стилевых разновидностей, объединенных смысловым интенциональным вектором «проблематика актуального момента», который дополняется статусными характеристиками образности, фактологической точности, яркости изложения и остротой воплощения образа автора: основное назначение публицистики «сообщая факты, формировать общественное мнение, активно воздействовать на разум и чувства человека» [3].

Текст публицистического типа оперирует множеством языковых средств представления внутренней формы, и авторские интенции проявляются на разных уровнях структуры текста. Цель нашего исследования – выявление ономастических средств выражения авторской интенции в региональном публицистическом тексте. Регионалистика как направление и методологическая тенденция достаточно актуальна для проблемного поля современной науки: она дает возможность проследить специфику смыслового и событийного континуума отдельного региона, установить связи контекстной когнитии, которые могут существенно отличаться от соответствующих позиций, свойственных центральным территориальным образованиям. Ведущим источником материала исследования нами избран публицистический текст, представленный в газете «Витьбичи» в 2017 г. – начале 2018 г. Это периодическое издание со статусом городской газеты, выходит на двух государственных языках – белорусском и русском – тиражом 70 тысяч экземпляров. Содержание газеты формируется событиями и фактами, связанными не только с городом, но и с областью, так

как Витебск имеет статус областного центра. Многие рубрики стали основой для формата «газеты в газете» – молодежные «Ради тебя», «Зачетка», «Семейный совет», медицинская «Гиппократ», «Экологический вестник». Пользуются популярностью у читателей проекты «Земля – наш дом», «Закон и мы». [4].

Наиболее частотной в исследованном тексте является интенция фактологическая как целенаправленное описание фактов и установление связей между ними. Она прежде всего проявляется на уровне заголовка – в единицах типа *Награда за «Фруктовый бриз», Кандидаты зарегистрированы, Уровень преступности снижается, Еще одна победа Марка, Увлекательное зрелище, Сформирована Витебская областная избирательная комиссия, Прытуляюць да беларускага слова* и др. Факт как событие и явление, произошедшее в действительности, предполагает наличие вероятностной структуры, в которую входят разные семантические компоненты. Ономастический инструментарий представлен топонимами – для локализации события – и антропонимами – для определения субъектной составляющей. Так, заголовок перифрастического типа *Шаги навстречу друг другу* проецирует в текст факт совместного заседания представителей областного союза нанимателей и управления образования облисполкома. Локализация реализована привлечением прагматонимов *Витебский государственный технический колледж, Знамя индустриализации, Белвест*, каждый из которых непосредственно связан с описываемым фактом. Состав персоналий представлен антропонимами *Николай Шерстнев, Дмитрий Хома, Валерий Жизневский, Александр Лосякин, Андрей Шамишур*. Причем автор статьи избирает формулы именования, свойственные международному формату ведения деловых переговоров: антропонимные единицы строятся в соответствии с моделью «личное имя + фамилия», в то время как для национальной практики именования в официальной обстановке используется структурно-семантический тип «личное имя + отчество + фамилия». Статусные позиции председателя облисполкома Н. Шерстнева автором не манифестируются, напротив, демократичность и готовность к конструктивному диалогу подчеркивается варьированием именования от официально-делового варианта к более свободному *Николай Николаевич*, имеющему сему «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых знают хорошо и к которым хорошо относятся».

Публицистический текст субъективен, авторские интенции прослеживаются и в выборе тем для освещения, и в отборе фактов, и в выстраивании связей между ними, поэтому «проблема объективности письма заостряет проблему использования домысла как проявления творческой фантазии» [3]. В исследованном нами материале домысливание как проявление авторской интенции творчества практически отсутствует, однако часто роль интерпретатора событий, дающего им логическое завершение, автор передает образу читателя. Так, факт того, что отмечался юбилей альманаха «Двина: Витебщина литературная», зафиксирован в заголовке *Адзначылі юбілей альманаха*, но локализация события не зафиксирована на лексическом уровне, так что можно говорить об авторской интенции на домысливание со стороны читателя: в рамочном тексте, предшествующем заголовку, автор отмечает, что инициатором цикла мероприятий, посвященных 80-летию Витебской области, стала Областная библиотека, так что локализация имплицитна и требует домысливания.

Интенция эмоционально-оценочная представлена нерегулярно, что представляется нам атипичным, так как специфика публицистического дискурса состоит в его максимальной эмоциональности и оценочности. Оценочность в исследованном тексте чаще мелиоративная и проявляется латентно – *Отличный ориентир в правовом поле, На этих людей можно положиться, Ставка на творчество, Ближняя соломинка лучше дальнего сенца* и др. Так, заголовок *Учитель. Партизан. Герой* латентно реализует эмоционально-оценочную интенцию, соотносясь с образом известной в Беларуси персоны П.М. Машерова. Семантика апеллятивного окружения антропонимных доминант

текста – П.М. Машеров, Петр Миронович – актуализирует семы «земляк», «герой», «учитель», а подборка последовательности апеллятивных единиц в заголовке выстраивают цепочку градации смыслового признака, где максимальную мелиоративную оценочность получает элемент *герой*. В результате авторская интенция направлена на формирование образа героя, идеального человека в представлении адресата текста.

Широко представлена в региональном публицистическом тексте интенция императивная, которая реализована последовательно на уровне заголовков *Претворить идеи в жизнь, Знайсці сябе ў прафесіі, Поделись радостью, Задача номер один – работать эффективно, не остаться равнодушным, Не наказывать – предупреждать, Жалобы надо подтверждать* и др.

Таким образом, авторская интенция есть обязательный элемент создания публицистического текста, в том числе и регионального. Интенциональность задается спецификой жанра, в котором создается текст, и состоянием актуальной событийности, с которой автор работает, делая предметом размышлений и объектом выражения авторской позиции. Региональный публицистический текст Витебщины, представленный пространством газеты «Витьбичи», характеризуется преобладанием фактологической интенции своего автора как целенаправленного описания реальных фактов и установления связей между ними, последовательно представленной и на уровне заголовочных номинаций, и на уровне ономастического инструментария основного текста.

Литература

1. Толковый словарь по психологии [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://psychology_dictionary.academic.ru. – Дата доступа: 10.01.2018.
2. Прохоров, Е. П. Исследуя журналистику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1000102438-issleduya-zhurnalistiku-e-p-prohorov.htm>. – Дата доступа: 18.01.2018.
3. Абдукаримова, А. А. Публицистический стиль, его основные признаки и функции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Philologia/27536.doc.htm – Дата доступа: 18.01.2018.
4. Официальный сайт газеты «Витьбичи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vitbichi.by/about> – Дата доступа: 08.01.2018.
5. Витьбичи: архив номеров [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://vitbichi.by>. – Дата доступа: 03.10.2017 – 15.11.2017.
6. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : сб. ст. / А. Вежбицкая; пер. с англ. – М.: Русская словесность, 1997. – 411 с.

А.С. Дзядова

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: honey.dedova@bk.ru

УДК 811.161.3'373.2:008

УЛАСНАЕ ІМЯ ЯК СРОДАК РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ КАНЦЭПТУ “РАДЗІМА” Ў ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ ГЕНАДЗЯ БУРАЎКІНА

Ключевые слова: антропонимы, концепт “Родина”, лингвострановедческая информация, прецедентные имена, собственные имена.

Статья посвящена исследованию ономастических наименований, репрезентирующих концепт «Родина» в поэтическом дискурсе Г. Буравкина. Предметом исследо-

вания выступает лингвострановедческая информация, представленная в семантике прецедентных имен в истории и культуре Беларуси, ойконимов и гидронимов. Определена роль имени собственного как этнокультурного фактора в создании художественных образов и показе национальной самобытности духовной культуры белорусского народа.

E.S. Dedova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

PERSONAL NAME AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “MOTHERLAND” IN THE POETICAL DISCOURSE BY G. BURAVKIN

Key words: *anthroponym, concept of “Motherland”, linguistic and regional information, personal name, precedential name.*

The article is devoted to certain onomastical names representing the concept of «Motherland» on the material of the poetical discourse by G. Buravkin. The object of the research is linguistic and cultural information represented by the means of precedential names in the history of Belarus, oikonyms and hydronyms. The role of the personal name as the ethnic factor in the development of characters and representation of unique spiritual culture of the Belarusians is defined.

У беларускай літаратуры адным з ключавых канцэптаў, які трансліруецца праз мову мастацкіх тэкстаў, з’яўляецца канцэпт “Радзіма”. У сваім інфармацыйным змесце ён выяўляе найважнейшыя, базавыя каштоўнасці беларусаў як нацыянальна-культурнай супольнасці. Сярод разнастайных моўных сродкаў, пры дапамозе якіх адбываецца аб’ектывацыя гэтага канцэпту ў паэтычным дыскурсе сучаснага беларускага паэта Генадзя Бураўкіна, звяртае на сябе ўвагу анамастычная лексіка, што стварае ў яго творах своеасаблівы нацыянальна-гістарычны ці этнакультурны фон і з’яўляецца своеасаблівым “маркерам” эпохі. Па словах В.П. Рагойшы, ва ўласных імёнах “застыў сам час, некаторыя асаблівасці (гістарычныя, сацыяльныя, геаграфічныя) жыцця народа” [7, 138]. Намінатыўнае поле канцэпту “Радзіма” ў бураўкінскім паэтычным кантэксце ўключае шматлікія анамастычныя адзінкі, сярод якіх найбольш ужывальнай з’яўляецца ўласная назва *Беларусь*. Напрыклад: *маёй песні калыска, майго ічасця калыска, непасаснае сонца маё, **Беларусь!*** [3, 35]; *няхай сабе ціха, няхай сабе глуха – імя **Беларусі** душа паўтарае* [6, 81]; *толькі б дзе за морам ні жыў я, **Беларусь** мая снілася мне* [5, 68] і інш. Як сведчыць прыведзены матэрыял, найбольш распаўсюджанымі кагнітыўнымі прыметамі з’яўляюцца такія паняццевыя кампаненты, як ‘любоў да Радзімы’, а таксама ‘туга па Радзіме, страта сэнсу жыцця на чужыне’.

Паняцце *Радзіма* для Г.Бураўкіна найперш звязана з Полаччынай. У аўтабіяграфіі паэт зазначае: “Я люблю сваю Полаччыну, свой родны кут так, як можна любіць толькі радзіму”. Для наймення сваёй малой радзімы аўтар выкарыстоўвае такія двух-кампанентныя найменні, як *полацкі край* ці *полацкая зямля*. Напрыклад: *вось і клянуся **полацкаму краю**, што аж да скону вернасць захаваю* [5, 16], а таксама ўласныя назвы тыпу *Полаччына, Полацк*, напрыклад: *прыезджайце да нас на **Полаччыну**, пахадзіце яе прасторамі* [3, 9]; *калі ў далёкіх краях на мяне заяўлялі правы, я паўтараў, што са слаўнага **Полацка** родам* [3, 232] і інш. У апошнім паэтычным выказванні асноўную сэнсавую нагрузку пры рэалізацыі паняццевага складніка ‘гонар за сваю Радзіму’ нясе прыметнік-эпітэт *слаўны*. Закранаючы гістарычнае і культурнае мінулае Беларусі, Г.Бураўкін неаднаразова прыгадвае Полацк – самы старажытны горад Беларусі, калы-

ску беларускай дзяржаўнасці, гонар і святыню беларусаў. Гордасць за тое, што ён родам з Полаччыны – са слаўнай зямлі Беларусі, якая захавала сляды глыбокай старажытнасці і дала свету вялікія імёны: Еўфрасіння Полацкая, Францыск Скарына, Сімяон Полацкі, – адчуваецца ў вершы “Полацкая балада”: *гэта рыпнуў Скарыны друкарскі станок, гэта пахне друкарскаю фарбай... З хрустам плечы расправіў стамлёны друкар, мой разумны, няўрымслівы продак* [2, 18].

Канцэпт “Радзіма” рэпрэзентуецца ў Г. Бураўкіна і праз айконім *Мінск*. І гэта невыпадкова, бо Мінск з’яўляецца сталіцай Радзімы паэта – Беларусі, а сталіца дзяржавы, як правіла, асацыіруецца з Бацькаўшчынай: *і ў цябе я ў даўнім даўгу, Мінск любімы – мая сталіца* [2, 151]. Самыя ўзнёслыя і светлыя пачуцці ў душы паэта заўсёды выклікаў старажытны Віцебск, які раскінуўся па абодва берагі Дзвіны. Пра гэта сведчаць наступныя паэтычныя кантэксты: *і сэрца аб Віцебску песню спявае. І ў сэрца мне хваляю плешча Дзвіна* [4, 1, 150]. Відавочна, што паняццевы кампанент ‘любоў да Радзімы’ аб’ектыуецца тут дзякуючы метафарам *сэрца спявае, у сэрца плешча Дзвіна*.

У моўнай тканіне твораў паэта вельмі выразна прасочваецца тэма малой Радзімы. Радзіма для яго – гэта азёрная і баравая Расоншчына, якая на паўночным захадзе мяжуе з Латвіяй і Літвой, а на поўначы – з Пскоўшчынай. Вучыўся будучы майстар слова ў Расонскай школе да восьмага класа. Але любоў да родных мясцін, памяць пра свой родны куток ён пранёс праз усё жыццё: *у мяне даўно адна дарога вызначана памяццю бяссоннай – да кутка азёрнага, ляснога, дзе мае злётныя Расоны* [4, 1, 67]. У мове гэтых радкоў пры выяўленні патрыятычных пачуццяў лірычнага героя асноўную сэнсавую нагрузку нясе тапонім *Расоны*. Невыпадковым з’яўляецца і ўжыванне займенніка *мае*: гэтым самым аўтар паказвае духоўную еднасць, знітанасць з тым месцам, дзе прайшло яго маленства.

Захапляючыся незвычайнай прыгажосцю сваёй Радзімы, мастак слова неаднаразова прыгадвае найбуйнейшыя водныя аб’екты – рэкі і азёры, якія выступаюць у якасці сімвалаў Беларусі. Каляядзерная зона канцэпту “Радзіма” ў мове вершаў Г. Бураўкіна рэпрэзентуецца найперш праз назвы рэк, якія працякаюць на тэрыторыі Беларусі. Так, пэўная лінгвакраіназнаўчая інфармацыя трансліруецца праз гідронімы *Дзвіна*: *глядзіцца ў Дзвіну сінявокая ніва ільну* [3, 91]; *і вецер, прапахлы барамі і хлебам, пашчотна калыша на хвалях Дзвіна* [3, 150]; *Днепр і Нарач: я ўдзячны лёсу, што з усіх краёў ён выбраў для мяне на векі гэты, ... дзе Нарач мае сінія шаўкі і п’юць з Дняпра паўдзённыя вясёлкі* [2, 205]; *Дрыса: тут ля Дрысы сасонкі звонкія, над Дзвіною бары павучыя* [Выбранае, 9]; *Друць: там, дзе светла кахалі, дзе аб ішчасці гадалі, дзе ў вячэрнім чароце плешча ціхая Друць...* [3, 50] і інш. У апошнім прыкладзе назва ракі Друць, якая з’яўляецца прытокам Дняпра і праходзіць праз Віцебскую вобласць, асацыіруецца ў паэта з яго бесклапотным, шчаслівым юнацтвам, пра што сведчаць словы *дзе светла кахалі, дзе аб ішчасці гадалі*.

Вобразна-сімвалічнае адлюстраванне тэмы гістарычнага мінулага Беларусі выклікала ў аўтара неабходнасць шырокага выкарыстання ўласных найменняў рознага семантычнага напавення, аб’яднаных агульным паняццевым кампанентам ‘гісторыя’. Увагу паэта прыцягваюць цэлыя пласты гісторыі Радзімы, найбольш значныя для беларускага народа ваенныя падзеі ў старажытныя часы. За тое, што наша зямля сёння свабодная, незалежная і знакамітая на ўвесь свет, аўтар удзячны сваім продкам: *і ў тым, што немач не скарыла наш край, няма ніякіх дзіў, бо тут калісьці жыў Скарына і Каліноўскі ў бой хадзіў...* [2, 168].

Для паэта Радзіма – гэта яшчэ і яе гістарычнае мінулае. На роднай паэту віцебскай зямлі здаўна скрыжоўваліся найважнейшыя гістарычныя шляхі і адбываліся сумнавыдомыя ў гісторыі ваенныя сутычкі. Паводле звестак з гісторыі, цар Пётр I, “прасякаючы акно ў Еўропу”, неаднойчы наведваў Полацк. Упершыню – калі ў лютым 1701 г.

кіраваўся ў Біржы да Польскага караля Аўгуста II. Праз чатыры гады Пётр I зноў наведаў Полацк, з'явіўшыся сюды ўжо з вялікім войскам на дапамогу Аўгусту II супраць шведаў. Як вядома, падчас Паўночнай вайны са шведамі старажытны Полацк стаў лагерам расійскага войска. Гэты гістарычны факт знайшоў сваё адлюстраванне ў вершы “Полацкая балада”: *зарыпелі ўладарна батфорты. То ад Верхняга замка спяшае сюды ж Пётра Першы, суровы і горды...* [2, 18]. Вайна 1812 года – яшчэ адна спусташальная вайна ў гісторыі Беларусі, якая пакінула нам разрабаваныя, разбураныя, спаленыя гарады, мястэчкі і вёскі: *...гэта шаблі аб ківеры звоняць, гэта цяжкая даеца французам Дзвіна, заіржалі трывожныя коні...* [2, 19].

Беларусь і сёння нельга ўявіць без горкай памяці пра Вялікую Айчынную вайну. Мужнасць і самаахвярнасць нашых дзядоў і прадзедаў навакi захаваліся ў памяці народнай. Адным з такіх напамінаў з'яўляецца горад-герой Брэст, які з'яўляецца сімвалам гераічнага мінулага нашага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Вершы паэта “Брэсту”, “Май у Брэсцкай крэпасці” і інш. дадаюць шмат істотнага да вобраза Бацькаўшчыны як аднаго з асноўных у творчасці Г. Бураўкіна: *да вуснаў ён паднімае зямлі беларускай жменьку. О, якая яна цяжкая ад слёз і свінца! Навекі ў ёй запякліся клятвы, праклёны, энкі, расплаўленая цэгла Брэста, акрываўлены жвір Трасцянца* [2, 152]. Устойлівыя маральна-патрыятычныя ідэалы героя верша выяўляюцца ў наступных вершаваных радках: *не турыстам, не сярод гасцей, як сын, што доўга не бывае дома, я прыязджаю ў Брэст усе часцей* [3, 30].

Прайшлі гады, адышлі ў нябыт падзеі самай жорсткай з усіх войнаў, якія зведаў за сваю гісторыю шматпакутны народ Беларусі. Але нельга забыць тых, хто стаў ахвярамі фашызму. Пра іх нам нагадваюць званы Хатыні: *а ў памяці вечна стыне белы снег, чырвоны снег, чорны снег нашай святыні – Хатыні* [3, 95]. Асноўную сэнсавую нагрузку тут нясуць эпітэты *белы, чырвоны, чорны*. Кожны з іх семантызуе адпаведна жыццё, смерць і памяць беларускага народа.

Яшчэ адна сумнаведомая старонка ў гісторыі беларускага народа – чарнобыльская трагедыя ў 1986 годзе. Чорнае крыло Чарнобыля закралі і душу сапраўднага паэта-грамадзяніна Г. Бураўкіна: *роздум змрочным тыранам будзе распач цвяліць. Незагойнаю ранай мне Чарнобыль баліць* [3, 305].

Акрэсліваючы месца і ролю роднай беларускай мовы ў жыцці сваіх землякоў, аўтар невыпадкова ўводзіць у моўную тканіну сваіх вершаваных твораў такія прэцэдэнтныя для беларускай культуры прозвішчы сапраўдных майстроў слова, як Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, А. Куляшоў, І. Мележ: *Слова наша роднае, хапала на стагоддзі доўгія цябе. Багдановіч, Колас і Купала прыпадалі да цябе ў журбе.... Матчына нявыцвілае слова, даўжнікі мы вечныя твае... Так нам не хапае Куляшова. Мележа так горка не стае* [5, 29]. Як доказ таго, што Янка Купала з'яўляецца ўвасабленнем пачатку новай беларускай літаратуры XX ст., гучаць і наступныя радкі: *каб ні крупінкі сонца не прапала з крывёю заваёваных сцягоў, каб кожны дзень да вас ішоў Купала народнай незарослаю сцягой...* [2, 153]. Пра знітаванасць Купалы і гістарычнага лёсу Беларусі сведчыць у тэксце словазлучэнне *народнай незарослаю сцягой*.

У вершы “Пісьмо Пятру Клімуку з заснежанай Камароўкі” Г. Бураўкін звяртаецца да імені яшчэ аднаго нашага слыннага земляка, першага беларускага касманаўта П. Клімука, які быў родам з-пад Брэстчыны, з вёскі Камароўка. Ужо ў назве твора імя і прозвішча гэтага вядомага не толькі ў Беларусі, але і за яе межамі чалавека з'яўляецца ў пэўным сэнсе носбітам лінгвакраізнаўчай інфармацыі. Радкі “*Слава, гонар, любоў Беларусі, прыязджай на радзіму, Пятро*” [4, 2, 39], што рэфрэнам гучаць у вершы, падкрэсліваюць заслугі перад Радзімай гэтага чалавека, які тройчы пабываў у космасе, імем якога названы вуліцы ў Рагачове, Клецку і іншых гарадах.

У цэлым, пласт анамастычнай лексікі, якая служыць сродкам рэпрэзентацыі канцэпту “Радзіма” ў паэтычным дыскурсе Г. Бураўкіна, “працуе” на выяўленне лінгвакраіназнаўчай спецыфікі вершаванага тэксту і стварэнне моўнай карціны свету беларусаў, захоўвае нацыянальную адметнасць і этнамоўны каларыт, дазваляе пранікнуць у духоўны свет лірычнага героя.

Літаратура

1. Бураўкін, Г. Варта вернасці: вершы і паэмы / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1978. – 112 с.
2. Бураўкін, Г. Вершы пяці кніг / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 270 с.
3. Бураўкін, Г. Выбранае / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 382 с.
4. Бураўкін, Г. Выбраныя творы ў двух тамах / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1986. – Т. 1–2.
5. Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 77 с.
6. Бураўкін, Г. Узмах крыла / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 111 с.
7. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В. П. Рагойша. – Минск : БГУ, 1980. – 184 с.

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: irinazaj91@mail.ru

УДК 821.161.1-2

ОБРАЗЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ ПТИЦ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Ключевые слова: *лингвокультурология, мифическое пространство, прецедентное имя, лирическая структура, тропы.*

Статья посвящена рассмотрению одного из компонентов мифического пространства, входящего в восточнославянскую национально-языковую картину мира, – сегмента, в котором существуют различные по своему назначению и иным особенностям волшебные птицы (Сирин, Алконост и др.). Проведённые наблюдения свидетельствуют, что большинство имён волшебных птиц восточнославянского мифического пространства, в лирических стихотворениях XX века в целом сохраняют накопленный в процессе длительного времени семантико-культурный потенциал, который современные поэты иногда актуализируют с помощью ряда художественно-изобразительных приёмов, а в некоторых случаях – переосмысливают, отталкиваясь от сформировавшейся традиции.

I.P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

IMAGES OF EASTERN SLAVIC MAGIC BIRDS IN THE RUSSIAN LYRICS

Key words: *linguoculturology, mythical space, precedent name, lyric structure, trails.*

The article is devoted to the consideration of one of the components of the mythical space that is part of the East Slavic national and linguistic picture of the world, a segment in

which there are magical birds that differ in their purpose and other characteristics (Sirin, Alkonost, etc.). Observations show that most of the names of the magic birds of the East Slavic mythical space, in the lyric poems of the 20th century, as a whole, retain the semantic-cultural potential accumulated in the course of a long time, which modern poets sometimes update with the help of a number of artistic and visual techniques, and in some cases – reinterpret, starting from the formed tradition.

Сравнительно-историческое изучение широкого круга мифов позволило установить, что в мифологиях различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов повторяется: «...сравнительное изучение мифов разных народов показало, что, во-первых, весьма сходные мифы часто существуют у разных народов, в самых различных частях мира, и, во-вторых, что уже самый круг тем, сюжетов, охватываемых мифами, – вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и др. – затрагивает широчайший, буквально «глобальный», круг коренных вопросов мироздания» [7, 12].

В то же время мифическое пространство каждой из существующих мифологий по ряду параметров всегда демонстрирует **специфику**, а иногда и **уникальность**, предопределяемые в первую очередь национально-культурными особенностями контекста, в рамках которого возникла и формировалась, а на более поздних этапах культурного развития нередко и переосмысливалась мифология того или иного народа.

Мифическое пространство воспринимается нами как одно из проявлений национального культурного пространства в целом – специфической «формы существования культуры в сознании человека, ... культуры, отображённой сознанием, ... бытия сознания её носителей. ... По своей природе национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного сообщества» [3, 10–11].

К основным феноменам, репрезентирующим мифическое пространство каждой из национальных культур, в первую очередь принадлежат многообразные мифические персонажи и артефакты – «предметы из вторичного, как правило сказочного мира, которые являются национально маркированными и значимыми для данной культуры (например *живая и мёртвая вода* или *молодильные яблоки*)» [3, 10–11]. Представляется, что в системе персонажей восточнославянской мифологии особое положение занимает одна из групп представителей **фауны**, или группа **зооморфных** образов, – образы **волшебных птиц**, с которыми связано немало знаковых жизненных ситуаций, обрядов, заклинаний и иных проявлений национально-специфичного мировосприятия, находящихся безусловное отражение и в языке, точнее – в лингвокультуре, любой нации.

В мифическом пространстве восточнославянской культуры (в данном случае речь идёт в первую очередь о культуре русской и украинской) птицы занимают весьма заметное и, по мнению многих исследователей, очень значимое место. Так, в культурно-мифологическом пространстве восточных славян Верховное божество **Род** – начало всех начал – в своём земном воплощении принимает образ серой утки, которая является его символом и носителем его силы. Именно эта утка снесла два яйца – Явь и Навь – воплощение добра и зла, жизни и смерти [4].

Дошедшие до нас из глубины времени образы птиц, наделённые народным сознанием мистическими качествами, настолько разнообразны (это, среди прочего, объясня-

ется огромными территориями, заселяемыми славянскими народами в древности), что при рассмотрении их целесообразно разделить как минимум на **три** группы.

Первую из этих групп образуют особые мифические существа – *полуптицы* – *полулюди*, обладающие даром пророчества и способностями приносить людям беду или счастье, горе или удачу и т.д.; это волшебные птицы **Гамаюн**, **Алконост**, **Сирин**, **Стратим** и **Феникс**.

Во многих ситуациях, отражающих те или иные сегменты мифического пространства восточных славян, эти образы функционируют не только автономно, но и во взаимодействии в различных сочетаниях, символизируя при этом определённые стороны (аспекты) зафиксированных в мифах явлений или процессов, – как, например, имена-антиподы **Сирин** и **Алконост**, традиционно трактуемые как *птица радости (Сирин)* и *птица печали (Алконост)*.

Одним из наиболее эстетически значимых поэтических опытов осмысления образов этих волшебных птиц, безусловно, являются написанные в 1899 году знаменитые стихотворения **А.А. Блока** «Сирин и Алконост» и «Гамаюн, птица вещая»; первое из них видится особенно интересным для интерпретации, поскольку в нём волшебные птицы представлены как антиподы, символизирующие полярные эмоциональные состояния человека: **печаль** и **радость**, о чём свидетельствует и подзаголовок произведения:

Александр Блок

СИРИН И АЛКОНОСТ

Птицы радости и печали

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыханье,
Перистый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны неведомой прилив...
И негa мощного усилья
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распустит крылья
И улетит в снопах лучей!
Другая – вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над её ветвистым троном
Нависло чёрное крыло...
Вдали – багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза... [2, 22]

Приведённое стихотворение, композиционно организованное по принципу **контраста** (первые 12 строк противопоставлены последующим 12-ти), очевидно ориентировано на традиции классической русской поэзии, что проявляется в активном привлечении автором **книжной** – высокой и поэтической – лексики (*благоуханье*, *нега*, *очи*, *багровый*, *зарницы* и др.); в свойственной произведению торжественно-трагической то-

нальности и т.д. Всё это способствует актуализации в лирическом произведении А. Блока лингвокультурного содержания прецедентных имён волшебных птиц **Сирин** и **Алконост**, закреплённой за ними символики: **Сирин** – символ, счастья и радости; **Алконост** – горя и печали. Оба символических значения активно поддерживаются особенностями поэтического контекста – противопоставленные части лирической структуры (строки с 1-й по 12-ю и с 13-й по 24-ю) контрастируют на **всех** текстовых уровнях, однако наиболее отчётливо – на *лексико-семантическом* и *синтаксическом* и прикладном для синтаксиса – *пунктуационном* (ср., к примеру, значимую роль двух тире и трёх многоточий во второй части).

К осмыслению образов волшебных птиц неоднократно обращается в начале XX-го века **Константин Бальмонт** – прежде всего в стихотворениях «Райский птицы» (1906) и «Птица Сирин» (1907); последнее из названных стихотворений приводится далее:

ПТИЦА СИРИН

Птица Сирии на Море живёт,
На утёсе цветном,
На скалистом уступе, над вечной изменностью вод,
Начинающих с шёпота волю свою, и её возносящих как гром.
Птица Сирин на Море живёт,
Над глубокой водой,
Птица Сирин так сладко поёт,
Чуть завидит корабль, зачарует мечтой золотой,
На плывущих наводит забвенье и сон,
Распинает корабль на подводных камнях,
Утопают пловцы в расцветённых волнах,
Услаждается музыкой весь небосклон,
Звуки смеха со всех возрастают сторон.
Беспощадна Любовь с Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поёт,
Над пустыней седой кто-то есть молодой,
Кто струну озарит – и порвёт.
Птица Сирин на Море живёт,
Над глубокой водой

В стихотворении К. Бальмонта в целом сохранён тот символический смысл, который закреплён за именем **Сирин** в восточнославянском мифическом пространстве, однако в данной лирической структуре этот образ представлен как более многогранный: пение Сирин не всегда несёт тому, кто его слышит, только радость и счастье; оно, зачаровав слушающего, может привести его и к гибели (*беспощадна Любовь с Красотой*).

Во второй половине двадцатого столетия к образам волшебных птиц, среди прочих поэтов, обращается **В.С. Высоцкий** – в его стихотворении «Купола» функционирует система имён «вещих птиц»: **Сирин** – **Алконост** – **Гамаюн**:

Владимир Высоцкий

КУПОЛА

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют – да всё из сказок.

Птица Сирин мне радостно скалится –
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черед –
Это птица Гамаюн
Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом, –
Медный колокол, медный колокол –
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом –
Чтобы чаще Господь замечал ... [6]

Философское стихотворение В.С. Высоцкого, явно ориентированное на стилизацию в фольклорном ключе (*птицы веющие поют – да всё из сказок*), логично включает в себя и образы сказочных волшебных птиц, где автор опирается преимущественно на символику, традиционно закрепившуюся за именами мистических птиц: **Сирин** – ‘птица радости’ (хотя в данном случае эта символика несколько разрушается сочетанием с разговорно-сниженным глаголом **скалиться**: *птица Сирин мне радостно скалится*); **Алконост** – ‘птица печали’, хотя и в этом случае трагедийность образа в определённой степени снижена сочетанием с разговорно-просторечным фразеологизмом **травить душу** (*А напротив – тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост*); **Гамаюн** же – в осмыслении В. Высоцкого предстаёт как ‘птица надежды’: *Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!; То мне птица Гамаюн / Надежду подаёт!*

В заключение отметим, что, по нашим наблюдениям (об этом свидетельствуют в том числе и лирические произведения современных авторов, размещённые преимущественно в сети Интернет), образы волшебных птиц по-прежнему представляют интерес для поэтического творчества: накопленный этими прецедентными именами весьма богатый лингвокультурный потенциал может осмысливаться поэтами – нашими современниками – как в традиционном ключе, так и в очевидном переосмыслении традиции; при этом оба означенных подхода представляют безусловный исследовательский интерес.

Литература

1. Бальмонт, К. Птица Сирин [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%A1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD_\(%D0%91%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82\)/%D0%94%D0%9E](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%A1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD_(%D0%91%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82)/%D0%94%D0%9E) –Дата доступа: 22.01.2018.
2. Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / А. А. Блок // Сост., предисл. и коммент. А. М. Туркова; худож. В. В. Медведев. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2008. – 840 с.
3. Красных, В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2004. – 318 с.
4. Культурология [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/111117/36622/>. –Дата доступа: 22.12.2017.
5. Стихи о птице Сирин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://chto-takoe-lyubov.net/stikhi-o-lyubvi/kollektsii-stikhov/12374-stixi-o-pticze-sirin> – Дата доступа: 22.01.2018.
6. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. –Дата доступа: 22.01.2018.
7. Токарев, С. А. Мифология / С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский // Мифы и легенды народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 2. К–Я. – С. 11–20.

УДК 821.161.3.09

АСАБЛІВАСЦІ РЭГІЯНАЛІЗМУ МАСТАЦКІХ ТВОРАЎ ІВАНА НАВУМЕНКІ

Ключавыя словы: *онім, аўтабіяграфізм, рэгіяналізм, народная этымалогія, тапонім.*

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці ўжывання анамастычных адзінак у творах Івана Навуменкі. Такія адзінкі адыгрываюць вызначальную ролю ў адлюстраванні аўтабіяграфізму яго твораў і паказе рэгіянальнага каларыту Палесся.

М. Kantsavaya
Mozyr State University named after I.P. Shamyakin

REGIONAL PECULIARITIES OF THE WORKS BY I. NAUMENKO

Key words: *onym (named unit), autobiographical units, names of regions, folk etymology, toponym.*

This article deals with the usage of named units in the works by I. Naumenko. They play a significant part in the reflection of autobiographical units his works and of regional colour of Polessie, its originality and uniqueness.

У творчасці пісьменніка Івана Навуменкі, які нарадзіўся ў мястэчку *Васілевічы* Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці, прасочваецца трывалая сувязь паміж роднымі мясцінамі і падзеямі, вобразамі, персанажамі. Аўтабіяграфізм – выразная адзнака творчасці пісьменніка, асабліва гэта выявілася ў яго ранніх апавяданнях, засведчаных у зборніках “*Семнаццаці вясной*” (1957), “*Верасы на выжарынах*” (1960), “*Бульба*” (1966), “*Пераломны ўзрост*” (1968), “*Тая самая зямля*” (1971), “*Падарожжа ў юнацтва*” (1972) і інш. Аўтабіяграфізм – “уласцівасць адметнай манеры творчасці, які сродкамі мовы перадаецца канцэнтраваным насычэннем мастацкіх тэкстаў мясцовымі этнаграфічнымі і іншымі дыялектызмамі, тапанімічнымі назвамі, фразеалагізмамі, прыказкамі, спецыфічнымі для пэўнай этнічнай тэрыторыі рэальнымі асабовымі імёнамі, мянушкамі, прозвішчамі” [1, 136]. У творах пісьменніка засведчаны падзеі з уласнага жыцця, па-мастацку перадаецца апісанне вядомых ім падзей, мясцін, літаратурных персанажаў і іх прататыпаў.

Вядомая трылогія пісьменніка (раманы “*Вецер у соснах*” (1967), “*Сасна пры да-розе*” (1962) і “*Сорак трэці*” (1973)) таксама заснавана на аўтабіяграфічным матэрыяле, у аснову якога пакладзена апісанне ўдзелу І. Навуменкі ў падзеях Васілевіцкага падполля. У гады Вялікай Айчыннай вайны ён, як і персанаж трылогіі *Міця Птах*, быў удзельнікам маладзёжнай камсамольскай падпольнай групы ў *Васілевічах* (у *Бацькавічах*), пазней перайшоў да партызан. І. Шаладонаў адзначыў: “Тая акалічнасць, што І. Навуменка даволі позна, амаль у 30 год, увайшоў у літаратуру, можа гаварыць толькі пра тое, што падзеі і звесткі яго ваеннага жыцця, якія доўга, дзень за днём і год за годам назапашваліся і адкладваліся ў глыбінях памяці і сэрца аўтара, падштурхоўвалі яго да найбольш прыдатнай і вельмі сугучнай рэальнай прыродзе саміх фактаў мастацка-жанравай апавядальнай форме выяўлення, заснаванай на моцным

фундаменце аўтабіяграфізму” [2, 140]. І. Навуменка ў гэтым аспекце працягваў традыцыі Я. Коласа і разам з іншымі беларускімі пісьменнікамі – ураджэнцамі Усходняга Палесся, напрыклад, І. Мележам, І. Шамякіным, Б. Сачанкам, У. Верамейчыкам, Я. Янішчыц, А. Федарэнкам, А. Бароўскім, У. Ліпскім і інш. у сваіх творах адлюстравваў асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры Палесся, выкарыстаўшы тыповыя для гэтага рэгіёна тапанімічныя і антрапанімічныя назвы, дыялектызмы, спецыфічныя для яго радзімы апісанні прыроды. Мастацкія асаблівасці твораў І. Навуменкі разглядаліся ў працах М. Абабуркі, У. Каваленкі, Л. Корань, Л. Піскун, В. Шура, І. Ханені і інш.

За многімі з’явамі і падзеямі ў яго творах ўгадваецца ўласна перажытае пісьменнікам, а героі твораў маюць сваіх прататыпаў, месца дзеяння – канкрэтныя мясціны Палесся. Іван Навуменка шырока ўжывае тапонімы і прозвішчы, але змяняе іх. Пры гэтым пісьменнік дакладна апісвае мясцовасць, каб чытачу было лягчэй пазнаць пра якія мясціны ідзе гаворка. Рэальныя або блізкія да рэальных тапонімы І. Навуменка выкарыстоўвае з мэтай выяўлення прасторавых арыенціраў, стварэння дакументальнасці і праўдападобнасці падзей, што адлюстроўваюцца ў трылогіі. Пра гэтую асаблівасць раманаў І. Навуменкі ўжо пісалі даследчыкі. Так, у кнізе “Памяць. Рэчыцкі раён” ёсць звесткі: “Справу, пачатую васілевіцкімі падпольшчыкамі, працягвала мясцовая моладзь. У лютым 1942 года, як сведчаць дакументы, на кватэры *Вольгі Белай* (у сапраўднасці – Шчэрскай) пад выглядам вечарыні сабраліся вучні Васілевіцкай сярэдняй школы. Сярод іх былі *Мікалай Белы*, *Іван Навуменка*, *Іван Доўжык*, брат *Вольгі* – *Анісім Белы* і інш.” [3, 255]. У. Каваленка ўстанавіў, што персанажы І. Навуменкі маюць сваіх прататыпаў. Так, *Іван Лобік* у сапраўднасці *Іван Іосіфавіч Доўжык*, які ў гады вайны служыў на чыгуначнай станцыі і выконваў заданні савецкай разведкі. Прататыпам вобраза капітана *Мазурэнкі* стаў *Ф. С. Манзіенка*. *Анісім Белы*, які ў Васілевічах узначаліў падпольную арганізацыю “За Радзіму”, – гэта вобраз *Сяргея Амельчанкі*. *М. Белы*, які пасля смерці *А. Белага* ўзначаліў падпольшчыкаў, у трылогіі гэта вобраз *Міколы Цябута*. Вобразы здраднікаў таксама маюць прататыпаў: бургамістр *Васілевіч Іонас* – *Крамер*, намеснік бургамістра *Губанаў* – *Лубан*, чыгуначны майстар *Дубчак* – *Адамчук*. Такім чынам, ствараючы літаратурны вобраз, пісьменнік стараўся падабраць прозвішчы, падобныя да прозвішчаў іх прататыпаў: *Мазурэнка* ← *Манзіенка*, *Доўжык* ← *Лобік* і г.д.

У мастацкіх замалёўках *Бацькавічаў* пазнаецца роднае паселішча І. Навуменкі – *Васілевічы*. Пісьменнік любіў сваю малую радзіму і паслядоўна называў *Васілевічы* толькі мястэчкам: “*Бацькавічы* сталі цэнтрам раёна ўжо тры гады назад... У мястэчку акрамя школы яшчэ два двухпавярховыя каменныя будынкі, стары таполевы парк, паблізу – гарадзішча – парослы лесам узгорак, акружаны земляным валам. Была старажытная царква, набудаваная, як расказваюць старыя, без адзінага жалезнага цвіка, але яна згарэла ў часе адступлення немцаў у васемнаццатым годзе. Другую царкву – новую – зачынілі. Цяпер у ёй клуб” [4, 16]. У змененай назве *Бацькавічы* аўтар захаваў фармант множнага ліку *-ічы*, а ў аснову айконіма паклаў апелятыў *бацька*, свядома падкрэсліўшы, што гэта зямля яго продкаў, яго малая радзіма. В. Шур адначас, што фармант *-ычы (-ічы)* “універсальны і вельмі прадуктыўны: ужываўся ў этнаніміі ўсіх славянскіх моў, калі такія множналікавыя айконімы выкарыстоўваліся як назвы родаплемянных калектываў, патомкаў па імені іх продкаў, месцаў калектывных пасяленняў і інш.” [5, 85]. З вялікай пяшчотай і замілаваннем апісвае І. Навуменка родныя мясціны: “*Мястэчка відаць адсюль, як на далоні, – вялікае, раскідзістае, яно цягнецца праз усю раўніну ад лесу да лесу. Чыгунка як бы дзеліць яго папалам* [4, 16]. *Хлопцы любяць мястэчка – нічым яно асабліва не славутае, няма ў ім ні рэчкі, не забрукавана пакуль што ніводнай вуліцы, але ўсё адно здаецца, што лепшай мясціны на свеце няма. Носіць мястэчка прыгожую назву – Бацькавічы, і думаецца, нездарма*”. “У

кнізе “Живописная Россия” Адама Кіркора, якая выйшла амаль сто гадоў назад, Бацькавічы называюцца ў ліку самых старажытных паселішч гэтага краю... Паводле падання, недзе паблізу ад гэтых мясцін быў забіты князь Ігар, той самы, што двойчы за адзін год хацеў пажывіцца данінай у непакорных драўлян” [4, 16]. Так, у апісанні Гарбылёў (у сапраўднасці Калінкавічаў), Журавічаў (Юравічаў), Грамоў (ст. Нахаў), Вербічаў (Лозак), Піляцічаў (Бабічаў), Кавенькаў (Навінак) пісьменнік дае пэўныя падказкі-апісанні гэтых мясцін. І. Я. Навуменка адзначыў, што адчувае сябе жыхаром “не столькі Гомельшчыны, колькі Палесся”. І дадаў: “Сёння я магу сказаць, што недзе ўвабраў ужо ў душу Мінск, хаця пра яго я яшчэ нічога не напісаў. Мне падабаецца мінская мясцовасць. І лясы тут не горшыя, чым у нас, на Палессі. Для мяне Гомельшчына – радзіма, але нейкім чынам радзімай становіцца і Мінск”.

Такім чынам, аўтабіяграфізм у творчасці І. Навуменкі выяўляецца праз мастацкае апісанне рэальных анамастычных аб’ектаў, стварэнне ў тэкстах тыповых для Палесся анамастычных адзінак, што дазваляе мастаку слова адлюстраваць рэалістычныя і праўдападобныя падзеі і малюнкi, уласцівыя і характэрныя для гэтага рэгіёну.

Літаратура

1. Шур, В. В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце: манаграфія / В. В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2010. – 207 с.
2. Шаладонаў, І. Факт і вымысел у мастацкім уяўленні Івана Навуменкі / І. Шаладонаў // Полымя. – 2015. – № 7. – С. 137–143.
3. Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя: у 8 т. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004 – 2012. – Т. 1, кн. 1. : Гомельская вобласць / [С. В. Марцэлеў]. – 632 с.
4. Навуменка, І. Збор твораў: у 6 т. / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1983. – Т. 4 : Вецер у соснах. Смутак белых начэй, раманы. – 528 с.
5. Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары: манаграфія / В. В. Шур., С. Б. Кураш – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2013. – 268 с.

М.С. Кот

Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
e-mail: konix_84_mn@mail.ru

УДК 821.161.3-81'373.2

ЗАГАЛОВАК-АЛЮЗИЯ БІБЛЕЙСКАГА ПАХОДЖАННЯ САМСОН У ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАХ У. КАРАТКЕВІЧА, А. ГАРУНА, К. СВАЯКА

Ключавыя словы: заглавак-алюзія, бібліёнім, антрапонім, анамастычныя алюзія, мастацкі тэкст, біблейскі пратэкст.

У артыкуле разглядаецца анамастычныя алюзія біблейскага паходжання Самсон і асаблівасці яе функцыянавання ў паэтычных тэкстах беларускай літаратуры ў якасці заглаўкаў. Выяўляецца роля заглаўка-алюзіі Самсон у рэалізацыі мастацка-эстэтычнай ідэі рэміфалагізаванага біблейскага сюжэта на прыкладзе твораў У. Караткевіча, А. Гаруна і К. Сваяка.

BIBLICAL ALLUSION-TITLE SAMSON IN THE POETIC WORKS OF U.KARATKEVITCH, A.GARUN, K.SVAYAK

Key words: *allusion-title, biblionym, anthroponym, onomastic allusion, poetic text, biblical prime text.*

A Biblical onomastic allusion Samson is being considered in the article, including its functional aspects in poetic texts of Belarusian literature as the titles. The role of Samson allusion-title in the implementation of the artistic and aesthetic idea of remythologized biblical scene is being determined through the example of the works of U. Karatkevitch, A. Garun and K. Svayak.

Вывучэнне ролі і значэння загаловаў у мастацкіх тэкстах не перастае прыцягваць увагу даследчыкаў літаратурнай анамастыкі. Колькі б ні было сказана і напісана пра заглавак, вычарпаць гэту тэму цалкам, напэўна, немагчыма – настолькі вялікая яго роля ў тэксце [3, 90]. Сапраўды, назва твора адыгрывае ўнікальную ролю ў развіцці мастацкага тэксту, паколькі з’яўляецца яго адпраўным пунктам, актуалізатарам практычна ўсіх тэкставых катэгорый. Заглавак амаль заўжды служыць ключом да разумення галоўнай ідэі ўсяго твора. З лінгвістычнага пункту гледжання бібліёнім тлумачыцца як сродак першаснай намінацыі тэксту, у семіятычным плане яго можна разглядаць як першасны знак тэмы. Мовазнаўчыя аспекты загаловаў знайшлі адлюстраванне ў работах шматлікіх даследчыкаў (І. Арнольд, М. Барысава, М. Бахцін, В. Грыгор’еў, Я. Івашкевіч, У. Вінаградаў, І. Гальперын, В. Калінкін, С. Кржыжаноўскі, Б. Ларын, Ю. Лотман, А. Рогалеў, В. Фанякова, Т. Шамякіна, В. Шур і інш.).

Нярэдка ў склад загалова аўтар уводзіць онімы, у тым ліку і *онімы-алюзіі* – семантычна складаныя інтэртэкстуальныя знакі, што адначасова належыць і дадзенаму (мастацкаму) тэксту, у якім функцыянуе алюзійная адзінка, і тэксту-асацыяту, які з’яўляецца яе першакрыніцай. Прадметам нашага даследавання стала анамастычныя алюзія біблейскага паходжання *Самсон* у складзе загаловаў паэтычных твораў У. Караткевіча, А. Гаруна і К. Сваяка.

Біблейскі антрапонім *Самсон* (са старажытнаўр. *Шымшон* – ‘сонечны’) належыць у Першакнізе аднаму з суддзяў (кіраўнікоў) старажытнага Ізраіля. Прычым яго подзвігі апісваюцца ў *Кнізе Суддзяў* (далей *Суд.*) больш падрабязна, чым жыццё і дзейнасць іншых тагачасных кіраўнікоў ізраільскага народа. Яшчэ ва ўлонні маці ён быў названы *назарэем*, г.зн. быў цалкам прысвечаны Богу. Такім людзям сярод іншага забаранялася стрыгчыся, піць віно і дакранацца да нябожчыкаў, бо такім чынам яны выконвалі сваё абяцанне чысціні перад Богам. *Самсон* з’яўляўся кіраўніком Ізраіля на працягу 20 гадоў і адрозніваўся ад іншых суддзяў тым, што яму яшчэ да нараджэння было наканавана звышэй вызваліць свой народ ад філістымскіх ворагаў. Ён адзіны суддзя, хто меў надзвычайную фізічную сілу, але, нягледзячы на гэта, з-за сваёй неасцярожнасці апынуўся ў руках ворагаў і самаахварна загінуў у іх палоне. На думку даследчыкаў-біблістаў, гістарычны вобраз суддзі Самсона цесна звязаны з фальклорна-міфалагічнымі матывамі, якія могуць узыходзіць да астральнай міфалогіі. Метафарычна сюжэт міфа аб Сонцы выяўляецца ў эпизодзе, калі *Самсон*, пазбавіўшыся сваіх валасоў (параўн. *сонечныя промні*), адразу страціў былую моц, як сонца, паводле міфалагічнай фавулы, без сваіх промняў перастала свяціць [4].

Гісторыя пра *Самсона* неаднаразова натхняла мастакоў, скульптараў, кампазітараў, літаратараў на стварэнне разнажанравых аўтарскіх інтэрпрэтацый гэтага

біблейскага сюжэта, пачынаючы з эпохі Рэнесансу (трагедыя Г. Сакса “Самсон”, 1556). Надзвычай папулярнай гэтая тэма стала ў XVII ст., асабліва сярод пратэстантаў, якія зрабілі вобраз Самсона сімвалам сваёй барацьбы супраць дэспатызму Папы Рымскага (напр., драма Дж. Мільтона “Самсон-змагар”, 1671). У рускай літаратуры мастацкая апрацоўка гэтага біблейскага аповеду адлюстравана ў творчай спадчыне І. Буніна (баллада “Самсон”), М. Языкова, Л. Мея (“Сампсон”), Л. Андрэева (п’еса “Самсон у кайданах”), пісьменніка яўрэйскага паходжання У. Жабацінскага (раман “Самсон Назарэй”).

Біблейскі міфонім *Самсон* у аднайменным вершы ўжыты У. Караткевічам у якасці бібліёніма. Верш прасякнуты горкай іроніяй і трагізмам. Праз вобраз біблейскага героя паэту ўдалося выказаць нешта вельмі запаветнае, выпакутаванае, наблізіць біблейскі сюжэт да рэальнага жыцця [2]. Ягоны *Самсон* – гэта звычайны юнак, не абыякавы да лёсу Радзімы, які ўсё забыў, бо ў яго пясчаны край прыйшоў філісцімлянін. Дэкадзіраваць названую алюзію біблейскага паходжання дапамагае найперш этнонім *філісцімлянін/філістымлянін*, мастацкі сэнс якога пераносіцца з абазначэння старажытнага этнасу, які насяляў паўднёвую частку ўсходняга ўзбярэжжа Міжземнага мора і на працягу доўгага часу прыгнятаў ізраільцянаў (гл. Суд. 14,4), да абагульненага сімвала зкліятага ворага Радзімы. Жыццёвая гісторыя асілка Самсона поўная драматызму. Як ісцінны патрыёт, назарэй ён адчувае адказнасць за лёс свайго народа. Але раптоўнае каханне сыграла ракавую ролю ў яго жыцці: філістымлянка *Даліла* “*пальцамі слабымі, як пялёсткі, / Адняўшы сілу, выдала чужым...*”, выведаўшы сакрэт яго фізічнай моцы, што заключалася ў доўгіх валасах асілка (гл. Суд. 16). Ворагам удалося зламаць Самсона фізічна: *Філістымляне ўзялі яго, і выкалалі яму вочы, прывялі яго ў Газу, і закавалі яго двума меднымі ланцюгамі, і ён малоў у доме вязняў (Суд. 16,21)* [1, 358]. Але гэта яшчэ больш падняло ў ім дух сапраўднага змагара за справядлівасць, умацавала жаданне адпомсціць за прычынены здзек над ім самім, над яго сям’ёй і народам. Таму апошнія словы героя верша гучаць, як набат, акрэсліваючы прынцыпы яго жыццёвага крэда: *І сонца ёсць. І ёсць мая радзіма. / Я сын яе. І я ў крыві ўстаю. / Хістаюся. Ўстаю і ажываю, / Я буду жыць. Я знішчу вашы вежы. / Хістаюцца калоны! Дах трасецца! / Няхай загіну, але разам з вамі, / Таму, што я сляпы, таму, што цёмны, / Прададзены багамі і табой.* Як відаць, для выражэння вострай эмацыянальнай напружанасці стану героя ў апошні момант жыцця паэт выкарыстоўвае парцэляваныя аднатыпныя сінтаксічныя канструкцыі, клічныя сказы, аднародныя даданыя сказы. Для эксплікацыі алюзійнага сэнсу прыведзенай вышэй кульмінацыйнай часткі верша звернемся да адпаведнага тэксту-асацыяту з Кнігі кніг: *І паклікалі Самсона з дома вязняў, і ён забавляў іх, і паставілі яго паміж слупамі. І сказаў Самсон хлопчыку, які вадзіў яго за руку: падвядзі мяне, каб я абмацаў слупы, на якіх умацаваны дом, і абаперся на іх. І паклікаў Самсон Госпада <...> І ссунуў Самсон з месца два сярэднія слупы, на якіх уцверджаны быў дом, упершыся ў іх, у адзін праваю рукою сваёю, а ў другі леваю. І сказаў Самсон: памры, душа мая, з Філістымлянамі! І ўперся з усяе сілы, і абваліўся дом на ўладцаў і на ўвесь народ, які быў у ім. І было памерлых, якіх забіў Самсон пры смерці сваёй, больш, чым калі забіў ён у жыцці сваім (Суд. 16, 25–26, 28–30)* [1, 359]. Як відаць, праз арыгінальную рэміфалагізацыю біблейскага сюжэта У. Караткевіч спраецыраваў жыццёвую гісторыю біблейскага Самсона на мастацкі вобраз адданага сына сваёй Радзімы і яго лёс. У сваім вершы паэт узмацняе патрыятычны пачатак свайго лірычнага героя, узводзячы яго любоў да Радзімы ў ранг галоўнай анталагічнай дамінанты асобы, асноўнай крыніцы яго духоўных сіл. Менавіта любоў да Радзімы і нянавісць да ворага абуджаюць у ім дух, узнаўляюць сілы і робяць здольным ахвяраваць асабістым жыццём дзеля свабоды суродзічаў. У Караткевіча *Самсон* мае цвёрдую веру і ўнутраную ўпэўненасць, што подзвіг яго не дарэмны і застанецца жыць у памяці нашчадкаў.

Вобраз *Самсона* знайшоў сваю арыгінальную інтэрпрэтацыю ў беларускай літаратуры не толькі ў межах творчасці У. Караткевіча, але і ў паэтычных творах А. Гаруна (“*Самсон*”) і К. Сваяка (“*Самсон і Даліля*”).

Фабула паэтычнага твора А. Гаруна будзеца вакол апісання апошняга імгнення жыцця Самсона, які апынуўся ў філістымскім палоне і вымушаны трымаць здзеку варожага натоўпу, быццам *Месія Хрыстос* перад сваім укрыжаваннем: *Парві ты свой ланцуг, як завязку гнілую, / Тады мы ўверымся, што Бог твой не балван. У евангельскім апісанні пакут Божлага Сына, іудзеі, назіраючы яго крыжовую смерць, патрабавалі падобных доказаў: ... Ты, што разбураеш храм і за тры дні будзеш! уратуй Сябе Самога. Калі Ты Сын Божы, сыйдзі з крыжа. (Паводле Мацвея 27,40) [1, 1219].* Паэт А. Гарун у адрозненне ад У. Караткевіча апускае дэталі з жыццёапісання поўнага моцаў і гарачага імпульсу асілка. Яго герой трызніць вобразамі роднага краю, мроіць, як *Найвышні ўсё благаславіць*, і найперш, яго народ. Перажываючы ўнутранае патрасенне, Самсон духоўна адраджаецца: цяпер ён гатовы на ўсё, нават на смерць, дзеля Бога і свайго народа, славе і велічы якога і прысвячае свой подзвіг: *Самсон мяняўся ўсё ў набожным паднясенні, / І твар яго мужскі за небам развідняў. / “Мой Бог, мой Пан, мой Свет!” – шаптаў у патрасенні / І рукі замест крыл душы сваёй падняў ...* Для выражэння ўнутранага стану лірычнага героя паэт уводзіць у тэкст метафары *твар развідняў, крылы душы*. У вершы А. Гаруна прачытваецца прамая аналогія паміж складаным гістарычным этапам у жыцці старажытных ізраільцянаў, якія вымушаны змагацца з філісцімлянамі за сваю свабоду, і цяжкім перыядам у гісторыі Беларусі ў часы Грамадзянскай вайны, калі жыў сам паэт [7, 100].

Паэт К. Сваяк (К. Стэповіч) пашырыў загаловак свайго вершаванага твора “*Самсон і Даліля*”, увёўшы дадатковы антрапонім *Даліля*, што імпліцытна звязала наступны змест верша, абмежаваўшы яго фавулу драматычнымі падзеямі, звязанымі з каварнай філісцімлянкай *Далілай*, што спакусіла *Самсона*. Цікава, што ў багатай біблейскай міфалогіі ўвагу паэта-святара прыцягнуў сюжэт пра “трахоўныя” пачуцці кахання і здрады *Самсона* і блудніцы *Далілі*, чый грэх перамагае любую сілу. Яе падступнасць і каварства аўтар выкрывае праз пярэчыўна афарбаваныя моўныя сродкі: *нявернасць тэй дзяўчыны, дзяўчына стыд згубіла, сілу мужа здрадай адабрала, трэцяга асілка з ног зваліла. У паэтычнай інтэрпрэтацыі гэтай гісторыі К. Сваяком няма павучальных матываў, што выводзіць яе за межы ўласна біблейскага сюжэта і робіць звычайнай агульначалавечай з’явай [6].* Пры гэтым мастацкае пачуццё аўтара не губляецца. Падрабязна пераствараючы радкі Суперкнігі, аўтар значна ўзмацніў толькі кульмінацыйную частку верша: *Самсон збіраў у малітве свае сілы, / Слупы абняўшы. Зор яго быў скрыты: / “Егова, – зашаптаў, – Не помні грэх Далілы!” / Затрос слупы. Храм злёг. Там і Самсон забіты.* Увогуле, уся творчасць К. Сваяка вылучаецца яго здольнасцю ўвасабляць у пластычных і мілагучных вершаваных формах адцягненыя біблейскія вобразы і матывы, адаптаваць іх да штодзённых жыццёвых сітуацый, пераглядаць самі гэтыя сітуацыі пад кутом гледжання біблейскіх ідэалаў [5, 13].

Такім чынам, у мастацкім дыскурсе значэнне антрапоніма біблейскага паходжання *Самсон* змяняецца ў працэсе трансанімізацыі: *Самсон* (уласнае імя ізраільскага судзі) → 1) паэтонім *Самсон* (імя лірычнага героя ў паэтычным тэксце); 2) бібліёнім *Самсон* (назва літаратурнага твора). Пры гэтым онім *Самсон*, які валодае моцным алюзійным патэнцыялам, выбіраецца аўтарамі адпаведнага рэміфалагізаванага паэтычнага тэксту ў якасці загаловка, каб не толькі рэалізаваць намінацыйна-размежавальную функцыю бібліёніма, але і для таго, каб інфармаваць чытача пра змест і тэматыку наступнага мастацкага тэксту і падрыхтаваць да яго ўспрымання. Праз увядзенне дадатковых онімаў гэты змест, як правіла, звужаецца (напр., “*Самсон і Даліля*” К. Сваяка) да асобнага сюжэта ці ўрыўка з тэксту-асацыяту. У шырокім сэнсе заглавак-алюзія *Сам-*

сон выступае як маркер біблейскага першатэксту, які дазваляе дасведчанаму чытачу спрагнаваць галоўную тэму твора, што праз мастацкую інтэрпрэтацыю пераствараецца ў залежнасці ад задумы аўтара. У вузкім сэнсе бібліёнім *Самсон* з аднаго боку з'яўляецца аманімічным, паколькі розныя аўтары (У. Караткевіч, А. Гарун, К. Сваяк і інш.) выкарыстоўваюць яго для наймення сваіх твораў, з другога боку, ён мае пэўны сінанімічны патэнцыял, бо аднолькава названы рэміфалагізаваны паэтычны тэкст уыходзіць да аднаго і таго ж першатэксту, рэалізуючы пры гэтым сваю арыгінальную мастацка-эстэтычную ідэю. Безумоўна, правільнае разуменне і карэктная эксплікацыя алюзійнага канататыўнага сэнсу бібліёніма ў канкрэтным паэтычным творы патрабуе належнага валодання міжтэкставай кампетэнцыяй і ў выпадку з загалоўкам-алюзіяй *Самсон* ведання біблейскага пратэксту.

Літаратура

1. Біблія. Кнігі Сьвятога Пісаньня Старога і Новага Завету кананічныя ў беларускім перакладзе / пер. В. Сёмуха. – Duncanville, USA : World Wide Printing, 2002. – 1535 с.
2. Верабей, А. Абуджаная памяць: Нарыс жыцця і творчасці У. Караткевіча [Электронны рэсурс] / А. Верабей. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 256 с. – Рэжым доступу: <http://karatkevi.ch/kritika/verabei-abudzhanaia-pamjac/verabei2.html>. – Дата доступу: 25.10.2017.
3. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб.пособие. – 2-ое изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Самсон [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://eleven.co.il/article/13681>. – Дата доступа: 26.12.2017.
5. Сваяк, К. Выбранные творы / К. Сваяк ; уклад. І. Багдановіч. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 472 с.
6. Тарасюк, Л. Журба ідэалу. Паэзія Казіміра Сваяка [Электронны рэсурс] / Л. Тарасюк // Наша вера. – 2001. – № 3 (17). – Рэжым доступу: <http://media.catholic.by/nv/n17/art4.htm>. – Дата доступу: 20.12.2017.
7. Штэйнер, І. “Свет шчодры. Свет мяне паўторыць...”: паэзія У. Караткевіча і класічныя традыцыі : манаграфія / І. Штэйнер. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 120 с.

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов
e-mail: elena_krassina@mail.ru

УДК 821.161.1

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ Д. БЫКОВА «ОРФОГРАФИЯ»: ПЕРСОНАЖИ И ПРОТОТИПЫ

Ключевые слова: *аллюзия, оним, персонаж, прототип, текстоним, языковая игра.*

В статье рассматриваются личные имена в романе современного русского писателя Д. Быкова «Орфография» как текстонимы, реализующие стилиобразующую функцию художественного текста, и одновременно как эстетические знаки, формирующие образность на уровне текста романа в целом и системы персонажей. Иерархия персонажей устанавливается с опорой на прототипы исторических личностей и формируется на основе языковой игры, сочетающей фактографические сведения и аллюзии.

**PERSONAL NAMES IN THE NOVEL "ORTHOGRAPHY" BY D. BYKOV:
CHARACTERS AND PROTOTYPES**

Key words: *allusion, onym, literary character, prototype, textual onym (textonym), language game.*

The article treats personal names of the novel "Orthography" by modern Russian writer D. Bykov as textual onyms fulfilling style-forming function of literary text and simultaneously as aesthetical signs conforming expressiveness of the novel text as a whole and its system of characters. The hierarchy of characters is based on the names of prototypical historic personalities and is formed within language game, combining factual data and allusions.

В качестве средств выражения образности художественный текст использует разнообразнейшие языковые ресурсы, в том числе и имена собственные. Ономастикон романа Д. Быкова «Орфография» главным образом содержит топонимы Петербурга-Петрограда-Ленинграда и личные имена собственные, которые выполняют стилиобразующую функцию и позволяют описать историческую основу этого «roman à clef», по мнению М. Назаренко, романа-оперы, по определению автора Д. Быкова.

В life journals и критических статьях отмечается, что автор «Орфографии» отсылает читателя к двум рядам персонажей – реальным историческим лицам периода 1910-х и далее годов и так наз. современных персонажей, но каждый раз не столько с реальными лицами, сколько с их отражениями.

Так, буквально в начале романа, в Прологе упоминаются такие русские филологи, как Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов, стоявшие у истоков орфографической реформы конца XIX века, но нет отсылки к Л.В. Щербе и другим как оппонентам, так и сторонникам реформы. Это и писатель Андрей Белый – использована его настоящая фамилия Бугаев, как и фамилия студента-филолога Лосева, – это А.Ф. Лосев. Здесь же назван А.В. Луначарский, нарком просвещения молодой Советской России, который подписал указ о реформе орфографии 1918 г., при этом далее он фигурирует в романе под именем Чарнолуского: разрушена звукословесная структура имени, но фамилия и персонаж легко угадываются. Подобные фонетические примы наблюдаем в случае Корнейчук (не писатель-драматург, а персонаж романа), прототипом которого послужил К.И. Чуковский (Корнейчуковский), аналогично Несеин – Есенин, отчасти Львовский – Шкловский, Мельников – Хлебников и др. [2]. Эти изменения-реконструкции – яркий пример языковой игры, вызывающей аллюзии на фоне игры звука и слова. Любопытна и реконструкция фамилии беллетриста Ростислава Кремнева: Крем – Грэм, персонаж романа, далее ассоциированный с А. Грином. Наконец, непосредственно в эпиграфах к Действию первому «Желтый Чорт» фигурируют имена Владислава Ходасевича и Александра Грина. Таким образом, фактография и экспрессия личных имен персонажей создают образность в пространстве романа в целом.

Другие имена совсем не вызывают аллюзий на известных исторических личностей, политических деятелей, ученых, писателей и поэтов, художников, например [2; 3], сравните реконструкции:

Альтергейм – Вагинов
Апфельбаум – Зиновьев
Ашхарумова – Нина Берберова
Борисоглебский – Циолковский

Бродский – Урицкий
Бронштейн – Троцкий
Вогау – Пильняк
Галицкий – митрополит Введенский
Грэм – Александр Грин
Долгушов – Ушаков Д.Н.
Казарин – Ходасевич
Корабельников - Маяковский
Кульбин и Митурин – художники-авангардисты Кульбин и Митурин :-)
Лотейкин – Игорь Северянин
Свинецкий – Савинков
Фельдман – Гершензон
Хламида – Горький
Хмелев – Шмелев И.С. и т.д.

Помимо фонетических и слоговых аллюзий, важную роль для характеристики и установления исторического прототипа играет описание внешности и манер персонажа, его деятельности: это в первую очередь относится к Хламиде (М. Горький) и Корабельникову (В. Маяковский), которые проявляют себя как организаторы новой жизни и революционной деятельности интеллигенции.

Главный персонаж романа, прототипом которого стал известный русский прозаик, критик, журналист, автор ряда фантастических рассказов и нескольких романов Виктор Яковлевич Ирецкий (Ириксон), псевдоним Виктора Яковлевича Гликмана (1882–1936), как об этом пишет Д. Быков [1, 732].

Под именем Ять он появляется уже на первых страницах романа: «Подписываться Ятем он стал с двадцати лет – с тех пор, как начал публиковаться в »Пути», «Глашатае» и «Веке» корреспонденции и мелкие рассказы. (...) У него имелись, как положено, имя, отчество, паспорт (...). Фамилия эта была псевдонимом его отца, рано умершего врача и притом еврея-выкреста. Однако сам Ять давно называл себя Ятем, и по этому псевдониму знала его небольшая но преданная аудитория. Псевдоним он взял не из трусости, не потому, что не любил отцовскую фамилию (...). Ему нравилась буква. Ять и себя считал условностью, которая только по бесконечному терпению Божию не упраздняется. Но он знал, что без его нечто неуловимое сдвинется и перестанет существовать» [1, 25–26]. Некоторое подобие отличительных знаков личности Ять приобретает, когда решается уехать в эмиграцию и получает паспорт из рук своей бывшей возлюбленной Татьяны, но автор романа всё же не называет его фамилии, имени и отчества.

Очевидно, что такой оним – личное имя собственное прямо противоположно так называемым говорящим фамилиям и типизированным в литературной критике персонажам: Онегин – умная ненужность; и Печорин – герой своего времени, а по сути, анти- или псевдогерой; гоголевские персонажи, имена которых стали нарицательными: чичиков, ноздрев, собакевич, коррбочка, манилов и плюшкин, и многие-многие другие персонажи русской классической литературы. На этом фоне Ять – это человек-невидимка, самый обычный свидетель истории, который неизбежно теряется в её анналах.

Тем не менее, Д. Быков предваряет появление Ятя эпиграфом, который ставит на первое место. Это «запоминалка» на «ять»:

*Бело-серый бледный бес
Убежал поспешно в лес.
Белкой по лесу он бегал,
Редькой с хреном пообедал
И за бедный сей обед
Дал обет не делать бед.*

Покидая Россию, Ять пишет эти же строчки на память своему единственному собеседнику и товарищу – доктору Фридриху Клингентайеру, хозяину лавки «Раритеты и древности» в крошечном полуподвале Петербурга, но уже используя букву **Ъ** дореформенного русского алфавита [1, 719]:

*БЪло-сЪрый блЪдный бЪс
УбЪжал поспЪшно в лЪс.
БЪлкой по лЪсу он бЪгал,
РЪдькой с хрЪном пообЪдал
И за бЪдный сЪй обЪд
Дал обЪт не дЪлатъ бЪд.*

Персонаж Клингентайера занимает промежуточное положение между реальными историческими личностями и литературными образами романа: он явно вымышленный: «У этого немца (а впрочем, кто знал, что он немец?) была внешность не то персидского звездочета, не то иудейского мудреца: темно-смуглое лицо, тонкий с горбинкой нос, мягкие морщины» [1, 31–32]. А далее Д. Быков намекает на причину приязни между Ятем и Клингермайером, который «ценит лишь причудливые ухищрения без особого практического смысла». Тем не менее, всё же представляется, что этот немец-антиквар достаточно типичная фигура в Петербурге: он мог стать немцем-выкрестом в период определения черты оседлости, чтобы продолжать заниматься любимым делом – собирать древние ненужности.

Итак, в романе Д. Быкова выстраивается как бы иерархия персонажей, имеющих исторические и реальные прототипы: личности исторические с настоящими историческими фамилиями и именами – личности исторические, известные, но с измененными фамилиями и именами – личности типические в аспекте места и времени – личности-персонажи вымышленные.

Все они являются текстонимами, средствами создания языковой игры, аллюзий, создающими образность романа, а потому – своеобразными эстетическими знаками.

Литература

1. Быков, Д. Орфография. Опера в трех действиях / Д. Быков. – М. : ПРОЗАиК, 2011. – 736 с.
2. Назаренко, М. Поэтика двойственности в романе Дмитрия Быкова «Орфография» [Электронный ресурс] // Літературознавчі студії. – Вип. 10. – К. : Київський Університет, 2004. – С. 222–225. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/nazarenko/bykov.php>. – Дата доступа: 27.12.2017.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lpoisk.ru/archive/466748.html. – Дата доступа: 27.12.2017.

Л.В. Кривошлыкова

Российский университет дружбы народов
e-mail: lvk1404@mail.ru

УДК 81'25

АЛЛЮЗИВНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ В. НАБОКОВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «КАМЕРА ОБСКУРА» / «LAUGHTER IN THE DARK»)

Ключевые слова: *литературные антропонимы, аллюзия, аллюзивные антропонимы, лингвокультурный концепт, авторский перевод, билингвизм.*

В статье подвергается анализу авторские аллюзивные антропонимы романа В. Набокова «Камера обскура» / «Laughter in the Dark», а так же специфика передачи их мотивационной, функциональной и аллюзивной составляющих. Исследование показало, что билингвизм автора-переводчика, его лингвистическая и культурная картины мира влияют на игровое отношение к языку и тексту художественного произведения, определяют выбор языковых средств при переводе литературных антропонимов с одного языка на другой.

L.V. Krivoshlykova
People's Friendship University of Russia

**ALLUSIVE MOTIVATION OF PROPER NAMES
IN THE AUTHOR'S TRANSLATION OF VLADIMIR NABOKOV
IN HIS NOVEL «КАМЕРА ОБСКУРА» / «LAUGHTER IN THE DARK»**

Key words: literary anthroponyms, allusion, allusive anthroponyms, linguistic and cultural concept, author's translation, bilingualism.

Author's allusive anthroponyms of Vladimir Nabokov's novel «Камера обскура» / «Laughter in the Dark» are analysed through the prism of his bilingualism. The study has shown that motivational, functional and allusive components of literary anthroponyms are closely connected with the author's attitude to the language and to the text, and thus determine the choice of linguistic means in translating literary anthroponyms from Russian into English.

Творчество русского и американского писателя-билингва Владимира Набокова представляет большой интерес для литературоведов, лингвистов, специалистов в области художественного и авторского перевода. Отдельного внимания заслуживает антропонимическое пространство романов В. Набокова, которое характеризуется «стремлением автора эксплицировать свое игровое отношение к языку и тексту, отразить личный интеллектуальный потенциал в подборе имён культурного фона и аллюзивных антропонимов» [9]. В нашем исследовании мы рассмотрим аллюзивные антропонимы его романа «Камера обскура» / «Laughter in the Dark».

В. Набоков не был удовлетворен переводом романа «Камера обскура», который выполнило издательство без участия и какого-либо контроля со стороны автора. Можно предположить, что желание самому взяться за перевод, а заодно и переработать текст обуславливалось тем, что «Камера обскура» задумывался как «искусная пародия» [6, 20], а переводчики не смогли в полной мере оценить и передать всю глубину авторского замысла.

Нельзя сказать, что внесенные изменения имели концептуальный характер, а русская версия романа радикально отличается от английской. Сюжетные линии В. Набоков поменял незначительно, но внес ряд серьезных корректив собственно в текст. Изменив название, он дал новые имена персонажам: *Бруно Кречмар* / *Albert Albinus*, *Магда Петерс* / *Margot Peters*, *Роберт Горн* / *Axel Rex*, *Аннелиза* / *Elithabeth*, *Дитрих фон Зильгекранц* / *Udo Conrad*, *Макс* / *Paul*. Рассмотрим мотивационную и функциональную специфику некоторых личных имён в русском и английском текстах романа.

Главного героя романа *Бруно Кречмара* Набоков-переводчик называет *Альберт Альбинус*. В данном случае ассоциация имени Альбинус (от лат. *albus* – *белый*) с белым цветом очевидна. Для синестета и билингва В. Набокова символика цвета очень важна, поэтому ослепленный чувствами, доверчивый и наивный герой, которому предстоит погрузиться в темноту, получает такое имя.

Первый любовник юной Магды, Горн / Rex, при знакомстве с ней представляется вымышленной фамилией *Мюллер / Miller*, немецкое значение имени 'мельник', который в силу своей работы всегда в муке, автор подкрепляет портретом персонажа, обращая внимание на его *белое, как рисовая пудра, лицо*.

В книге «Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова» Нора Брукс анализирует аллюзию на поэму А.С. Пушкина «Русалка». В «уроке жизненной философии», который дает Магде Горн, Н. Брукс увидела «пародийно-прозаический вариант проповеди пушкинского Мельника» [1]. Сравните:

«Я советую тебе не приставать к нему с браком. (...) Гораздо проще и милее выйдет, если тебе удастся постепенно забрать в свои руки хотя бы половину его капитала».

«I advise you not to insist on marriage. (...) It's simpler and better plan to get hold of his fortune gradually».

Вот, что говорит Мельник в поэме А.С. Пушкина, когда дает совет «молодым и глупым девкам» в самом начале поэмы:

... Уж если подвернулся
К вам человек завидный, непростой,
Так должно вам его себе упрочить.
.....
А коли нет на свадьбу уж надежды,
То все-таки, по крайней мере, можно
Какой-нибудь барыш себе – иль пользу
Родным да выгадать...

Эти примеры подтверждают, что аллюзия как стилистический прием очень информативна, но чтобы ее узнать и оценить, важно быть частью определенного культурного пространства и хорошо в нем ориентироваться. Ведь «аллюзия, по сути, это намек на известные обстоятельства. И представителям другой культуры текст может быть совершенно непонятен» [8]. Чтобы правильно расшифровать аллюзию необходимо, чтобы и автор, и читатель обладали общими знаниями, иногда весьма специфическими [2, 254].

В. Набоков считал знание культуры и истории народа не менее важным, чем знание языка. Если аллюзия на пушкинского Мельника адресована скорее русскоязычному читателю, то в имени, а вернее в псевдониме посредственной «фильмовой дивы» носители обоих языков легко узнают аллюзию на «Анну Каренину» Льва Толстого. *Дорианна Каренина / Dorianna Karenina* взяла такое сценическое имя по совету своего поклонника-художника. Циничный и бесцеремонный Горн / Rex пытается поставить на место своенравную актрису, которую он считает *бездарной кобылой / second-rate actress*:

«...Как вы придумали свой псевдоним?... – Ох, это длинная история. – Скажите, вы Толстого читали? – Нет, не помню. А почему это вас интересует?».

«...how did you come to hit on your stage name? – Oh, that's a long story... – ...Tell me, have you read Tolstoy? – Doll's Toy? No, I'm afraid not...»

Очевидно, что для Дорианны культурные концепты *Анна Каренина* и *Толстой* в буквальном смысле пустой звук. Используя такой стилистический прием, автор и переводчик В. Набоков создает образ пустой и недалекой актрисы, которая считает себя звездой экрана.

В русском тексте романа о своем трагичном и одновременно комичном положении обманутого любовника Кречмар узнает от писателя *Дитриха фон Зильгекранца*, своего старого приятеля. В английской версии романа его влияние на ход событий не такое значительное, как в русской. Важнее то, что В. Набоков назовет его *Udo Conrad*. В новом имени этого персонажа прослеживается аллюзия на современника Набокова, британского писателя польского происхождения Джозефа Конрада, который «до того

как начать писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил» [3, 6]. В предисловии к русскому изданию мемуаров «Другие берега» В. Набоков упоминает Дж. Конрада рассуждая о билингвизме.

Рассмотрим ещё одного второстепенного персонажа, оба имени которого мотивированны аллюзией сразу на два лингвокультурных кода. На приёме у Кречмара среди богемной публики внимание читателей привлекает некто по фамилии *Коровин «фон» Коровин*. При переводе он получает новое имя *Ivanoff-von Ivanoff*. И хотя род деятельности этого персонажа не упоминается, в обоих текстах романа очевидна национально-культурная специфика данных антропонимов и аллюзия на конкретных исторических личностей. В русском тексте литературный антропоним мотивирован именем Константина Коровина, русского художника, который большую часть своей жизни провел во Франции. В английском – другого русского живописца Александра Иванова, много лет прожившего в Италии [1].

В. Набоков был уверен, что настоящий переводчик «должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии» [5, 390]. Анализ аллюзивных антропонимов в романе «Камера обскура» / »*Laughter in the Dark*» продемонстрировал не только игровое отношение Владимира Набокова к тексту и языку, но и тот факт, что для автора-билингва важен культурный и интеллектуальный потенциал читателя.

Литература

1. Брукс, Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова [Электронный ресурс] / Н. Брукс. – 2011. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/240152>. – Дата доступа: 13.12.2017.
2. Кривошлыкова, Л. В., Чернякова, Ю. С. Портрет-описание в авторском переводе писателя-билингва В. Набокова (мемуары В. Набокова «Другие берега / Conclusive Evidence» и его роман «Камера обскура / Laughter in the Dark») / Л. В. Кривошлыкова, Ю. С. Чернякова // Вестник РУДН, Серия: Теория языка. Семантика. Семиотика. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 249–257.
3. Набоков, В. Другие берега: Мемуары / В. Набоков. – М. : Захаров, 2004. – 448 с.
4. Набоков, В. Камера обскура / В. Набоков. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2014. – 224 с.
5. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков // Искусство перевода. – М. : Независимая Газета, 2001. – С. 389–397.
6. Набоков, В. Свою душу я Вам не раскрою. Из Эпистолярного наследия Владимира Набокова / В. Набоков // Иностранная литература. – 2017. – № 6. – С.14–129.
7. Пушкин, А. С. Русалка / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Правда, 1981. – Т. 4. – 338 с.
8. Энциклопедия К2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2013/12/18/1832>. – Дата доступа: 19.12.2017.
9. Яковенко, Н. С. Антропонимическое пространство англоязычного творчества В. В. Набокова (на материале романов «Истинная жизнь Севастьяна Найта», «Лолита», «Пнин») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Н. С. Яковенко ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – 25 с.
10. Nabokov, Vladimir. *Laughter in the Dark* / Vladimir Nabokov. – London : Pinguin Classics, 2012. – 254 p.

УДК 811.161.1'373.211.5

АНАМАСТЫЧНЫ КАНЦЭПТ “ПАЛЕССЕ” Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІНГВАКУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *Полесье, полешук, языковая личность, топоним, эргоним, лингвокультура.*

Статья посвящена функционированию топонима Полесье в языковом пространстве Белорусского Полесья. Анализируется, что и как говорят жители Белорусского Полесья в тех или иных коммуникативных ситуациях, подчёркивается этнокультурная специфичность языковой личности полешука, рассматривается концептуализация топонима Полесье в белорусской лингвокультуре.

S.B. Kurash, G.V. Yudziankova
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

ONOMASTIC CONCEPT “POLESSYE” IN THE BELARUSIAN LINGUISTIC CULTURE

Key words: *Polessye, poleshuk (Polessye inhabitant), linguistic personality, toponym, ergonym, linguistic culture.*

The article deals with the functioning of the toponym Polessye in the Belarusian Polessye linguistic area. The authors analyze, what is said and how is said by the inhabitants of the Belarusian Polessye in different communicative situations, they underline the ethnocultural features of the linguistic personality of a Polessye inhabitant, the conceptualization of the toponym Polessye in the Belarusian linguistic culture is revealed.

Анамастычныя сістэма як асаблівы культурна-спецыфічны код з’яўляецца важным кампанентам лексічнай сістэмы мовы. Канатацыйны патэнцыял уласнага імені рэалізуецца ў працэсе функцыянавання оніма ў пэўнай лінгвакультурнай прасторы і дазваляе пранікнуць у духоўную культуру народа.

Канцэпт як вынік пазнавальнай дзейнасці суб’екта, з аднаго боку, і як спосаб аб’ектывацыі гэтай ментальнай сутнасці, з другога, ставіцца ў апошнія дзесяцігоддзі да ліку прыярытэтных аб’ектаў лінгвістыкі. Само паняцце “анамастычны канцэпт” уведзена ў 2003 годзе І.Э. Ратнікавай у манаграфічнай працы “Имя собственное: от культурной семантики к языковой”, дзе ў якасці аб’екта аналізу абраны ўласныя імёны, што функцыянуюць як прэцэдэнтныя онімы ў тэкстах сучаснай публіцыстыкі і ўяўляюць сабой разнавіднасць метафары. У структуры анамастычнага канцэпту вылучаецца ядро (устойлівы змест, які скаладе адзінкавае паняцце) і перыферыя (фонавыя веды, тая частка зместу, якая можа вар’іравацца пад уздзеяннем пазамоўных фактараў) [1, 49–50].

Палессе – геаграфічна шырокі этнаспецыфічны рэгіён на тэрыторыі Беларусі, Украіны, Расіі і Польшчы. Цікава, да яго ўжо доўгія дзесяцігоддзі ўстойліва праяўляюць этнографы, мовазнаўцы, фалькларысты, гісторыкі, якія адзначаюць моўную, этна- і лінгвакультурную спецыфічнасць полешукоў – мясцовых жыхароў. У гэтым артыкуле мы паспрабуем разгледзець тапонім *Палессе* з боку яго

канцэптуалізацыі ў беларускім грамадстве, што адлюстравана ў Нацыянальным корпусе беларускай мовы [2].

Сучасныя метады лінгвістычных даследаванняў (у прыватнасці, метады корпуснай лінгвістыкі) дазваляюць на досыць шырокім моўным матэрыяле прасачыць асаблівасці функцыянавання таго ці іншага прэцэдэнтнага оніма (у дадзеным выпадку – тапоніма Палессе) як адзінкі моўнай і канцэптуальнай карціны свету носьбітаў той ці іншай мовы. Значны шэраг кантэкстаў аб’яднаны тэматыкай прыроднай унікальнасці Палескага краю, яго лясіста-багністага аблічча: *Мы ехалі ў Палессе, у глыбіню ягоную, за Мазыр і Лельчыцы, каб “засняць” каля вёскі Данілегі славу тысячагадовы цар-дуб, або дуб Крывашапкі. У нас былі ўжо шасцісотгадовыя дубы, чатырохсотгадовыя сены, таполя Напалеона, дубы Міцкевіча, дубы Ягайлы, проста семісотгадовыя дубы. Нам пазарэз патрэбен быў тысячагадовы дуб. Без яго фільм быў бы не фільм* (У. Караткевіч. Дрэва вечнасці). Характэрна, што і з нагоды этымалогіі самога тапоніма *Палессе* існуюць два меркаванні: у аснове назвы ляжыць корань -лес-, альбо тапонім паходзіць ад балцкага кораня -*pol-/pal-*, які абазначае балоцістую мясцовасць. Так ці інакш, але Палессе ўстойліва атаясамліваецца і з балотамі, і з лясамі: *Не, трэба сказаць праўду: Цельшыну шанцуе на добрых настаўнікаў. Толькі што глуш там, як і наогул гэта Палессе* (Я. Колас. У палескай глушы); *Спакойна і павольна, як у зачарованым сне, утуліўшыся ў балоты, нясе Прыпяць сухадоламу Дняпру сваю багатую даніну. Не спяшаецца яна выносіць дабро палескіх балот. Можна, і надзею страціла яна вынесці хоць калі-небудзь гэта мора цёмна-ружовай вады з неабсяжных балот Палесся, і з гэтай прычыны яна такая павольная і флегматычная* (Я. Колас. Дрыгва).

Таксама высокай частотнасцю адрозніваюцца кантэксты, у якіх гаворка ідзе аб этнаграфічнай унікальнасці Палесся, архаічных абрадах і звычаях палешукоў, іх міфалагічных уяўленнях, вераваннях і рытуалах. Параўн.: *Адначасова гэта была і варажба дзяўчат аб сваёй долі на наступны год. Лічылася, калі кавалачак хлеба паплыве далёка, то дзяўчына пойдзе замуж, калі ж хлеб прыб’ецца да берага, ёй давядзецца яшчэ год хадзіць у дзеўках. У в. Палессе Чачэрскага раёна абрад меў яшчэ больш складанае ўвасабленне. Хлопцы майстравалі плот, мацавалі на шостцы старое прасмаленае кола, падпальвалі яго і таксама пускалі на рацэ* (Звязда).

Аналіз корпусу падобных кантэкстаў дазваляе зрабіць некаторыя высновы адносна некалькіх рэчаў: 1) якія менавіта моўныя феномены звязваюцца з этна- і лінгвакультурнай прасторай Беларускага Палесся пры згадванні дадзенага рэгіёну носьбітамі рускай і беларускай моў (як жыхароў Палесся, так і тых, якія не жывуць у ім); 2) які вобраз моўнай асобы палешука пры гэтым можа скласціся (ці ўжо склаўся)? Усе прыведзеныя ніжэй прыклады падаюцца з захаваннем аўтарскай арфаграфіі і пунктуацыі ў суправаджэнні спасылак на крыніцы.

У выніку абагульнення і сістэматызацыі вывучанага матэрыялу намі выяўлена, што пры “цытацыі” жыхароў Палесся (у тым ліку і ў выпадку аўтацытацыі, калі аўтарства выказвання належыць каму-небудзь з жыхароў гэтага рэгіёну) часцей за ўсё фіксуюцца звароты да наступных моўных феноменаў:

а) спецыфічны парэміялагічны фонд, параўн.: *Ды і перапісваліся мы рэдка – гады ў рады, як кажуць у нас на Палессі...* (Бароўскі Анатоль, “Пякельны рай”); *“У чужой хаце век карацейшы”* – так гавораць палешукі (<https://www.tvr.by/bel/news/glavnyy-efir>); *Да сённяшняга часу паўсядзённая мова насельнікаў Мазырскага Палесся дапаўняецца крылатымі выслоўямі для падмацавання сваіх довадаў, разваг, бо існуе ўпэўненасць, што “без прымаўкі і прыказкі гаворка, што ежа без солі”* [3, 118].

У некаторых выпадках у якасці спецыфічных для мовы палешукоў падаюцца выказванні, якія, на наш погляд, маюць больш шырокую сферу выкарыстання, чым прастора Палескага рэгіёна: *Каб наша шырокая і прыгожая беларуская зямля багацела і*

прыгажэла, не пакінь недагледжанага і аднаго шматка на ёй. Ubач не толькі далекаватае і далёкае, а і тое, што ў цябе, як кажуць на Палессі, **пад бокам, пад носам, пад самым носам** (Ф. Янкоўскі);

б) асобныя лексемы з ярка выяўленай этнакультурнай канатацыяй, у тым ліку безэквівалентныя словы, прычым у шэрагу выпадкаў узнікае апазіцыя “літаратурная мова (часцей – беларуская)” vs. “палеская мова”: *Поскольку в данном случае никакие договора не составлялись (да и не нужны они, а то уже скоро с дамами только по договору встречаться будем), а работает только доверие и «Человеческий фактор», а как говорят на Полесье, к которому относится и Мозырь – «Людскасць», можно понять и претензии Фикуса (авто мертвый, а LEON длительное время молчит)* (<http://www.audi-bel.com/viewtopic.php?f=21&t=25643&hilit=tuning&start=180>); У беларускай мове няма слова “шатал” – “хістал”, і няма слова “няпокалябимый” – “непахісны”, палешукі кажуць – “**некальваныя**” (https://www.politforums.net/belorussia/1453068295_17.html); *Хай мне той Кім Курловічаў і **анізадкі**, як палешукі кажуць, але ж усё адно – я яго запамніла ўжо... (Мікола Гіль, “Кім і Валерыя”); Рэшткі той меліяратыўнай сістэмы (зараз адзіна вядомага польдэра XVIII ст. на Палессі), Крысцінаўскія ставы, і сёння можна знайсці на поўнач ад вёскі Лапаціна, захаваліся і некалькі кіламетраў “бутрымовіцкай дамбы” – “**вала**”, як кажуць палешукі* (<http://brama.brestregion.com/nomer21/artic10.shtml>);

в) вербалізацыя спецыфічных акцыянальных феноменаў, народных прыкмет, абумоўленых жыццём у няпростых умовах палескага рэгіёну: *Вообще-то полешуки воды не боятся, а с нынешней властью, которая нам мост построила, – вдвойне! Был у нас дед, так он говорил: «Если вода в хату – я на лавку, она туда – я на печку. А выше вода никогда не поднимется»* (<https://gallery.times.sb.by/articles/poleshuki-vody-ne-boyatsya-.html>); *Весенняя вода – молодая, немного со вздорным характером, говорят на Полесье* (<http://ont.by/programs/programs/kontyry/topics/0086875>);

г) вербалізацыя пастулатаў спецыфічнай для розных куткоў Палесся народнай педагогікі. Параўн.: *Палешукі кажуць, што бацькоў трэба слухаць, слухацца, што характарызуе пераважна вусны характар выхаваўчага ўзаемадзеяння: “Бацькоў паважалі і слухалі”* [3, 116]; *Дзейнымі сродкамі метаду пераканання з’яўляліся на Палессі гутаркі, навучанні, угаворы, растлумачэнні, парады, унушэнні: “Умеў дзіця радзіць, умей і вучыць”* [3, 135].

У сабраным корпусе беларускіх прыкладаў вылучаюцца тыя, якія звязаны з вербалізацыяй паняццяў, якія ўзыходзяць да народнай духоўнай культуры (абрадавай лексіцы, фразеалогіі, міфалогіі і да т.п.), параўн.: *“Дамавік ад чорта адстаў, а да людзей не прыстаў” – так гавораць на Полесье* (<https://anonimusi.livejournal.com/212479.html>); *У вадзе жыве **Вадзянік**. Эта дзядок з барадою, з доўгімі валасамі, вялікім пазам і з перапонкамі на пальцах. Пад вадю ў яго е палац. **Кажуць** шчэ, ён вельмі ж любіць жыць ля млыноў. Шчэ даўно ў нас быў выпадак. Тануў у нас якісь чалавек, дык **старыя казалі**, што ратаваць яго нельга, бо Вадзянік зазлуе, што адабралі яго здабычу* (зап. у в. Боруск, Калінкавіцкі р-н) [гл. падрабязней 4].

Падобныя і аналагічныя ім кантэксты ў прынцыпе не дзіўныя, паколькі канцэптуалізуюць агульнавядомыя, энцыклапедычныя звесткі пра Палескі рэгіён. Адным са спосабаў канцэптуалізацыі тапоніма Палессе з’яўляецца пераход у іншы разрад онімаў (трансанімізацыя), у прыватнасці, у эргонімы – уласныя назвы дзелавага аб’яднання людзей, у тым ліку саюза, арганізацыі, установы, карпарацыі, прадпрыемства, таварыства, установы, гуртка [5, 166]. Параўн.: ААТ “Палессе” – трыкатажнае прадпрыемства (Пінск), рэстаран “Палессе” (Мазыр), “Жамчужына Палесся” – валебольны клуб (Мазыр), стадыён “Палессе” (Мазыр), фабрыка па вырабу якасных дзіцячых цацак “Палессе” (Кобрын), гандлёвыя крамы і цэнтры “Палессе” і інш.

Параўн.: У прыватнасці, непасрэдна на выставе плануецца заключыць пагадненне паміж гандлёвым домам “Падышпнік” і Гомсельмашам на зборцы камбайнаў “Палессе” (Звязда); Праз дваццаць гадоў цеплаход “Палессе” аднавіў рух на марируце Мазыр–Тураў. З часоў існавання СССР такая магчымасць была страчана – нерэнтабельна. Цяпер з’явілася надзея, што рэйсы па самай прыгожай рацэ Беларусі стануць рэгулярнымі (Звязда).

На Гомельшчыне і Брэстчыне онім Палессе шырока выкарыстоўваецца ў складзе назваў мясцовых рэгіянальных сродкаў масавай інфармацыі: газеты “Жыццё Палесся” (Мазыр), “Полесье сваімі очамі” (Мазыр), “Новае Палессе” (Жыткавічы), “Маяк Палесся” (Брагін), “Савецкае Палессе” (Ганцавічы), “Полесская правда” (Пінск), “Навіны Палесся” (Столін). У такіх выпадках онім Палессе ўжываецца ў другасна-намінацыйнай функцыі.

Аб’ём дадзенага артыкула дазволіў правесці толькі кантурны агляд кантэкстнай семантыкі оніма Палессе на матэрыяле Беларускага нацыянальнага корпусу. Больш поўную карціну можна ў перспектыве атрымаць, прыцягваючы дадзеныя карпусоў іншых моў, як славянскіх, так і неславянскіх. Аднак нават прыведзенага матэрыялу, на наш погляд, дастаткова для таго, каб пераканацца ў тым, што онім Палессе – зусім не радавы тапонім. Гэта онім, які валодае прыкметамі прэцэдэнтнага і займае годнае месца ў шэрагу іншых знакавых для славян анамастычных канцэптаў.

Літаратура

1. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 213 с.
2. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://bnkorporus.info>. – Дата доступу: 27.12.2017.
3. . Болбас, В. С., Сычова, И. С. Народная педагогіка Мазырскага / В. С. Болбас, И. С. Сычова. – Мазыр : Белы Вецер, 2012. – 246 с.
4. Кураш, С. Б. Встреча с мифологическим персонажем как фрагмент картины мира жителей Мозырско-Припятского Полесья / С. Б. Кураш // Традиционная культура Полесья и современный мир : матер. Междунар. науч.-практ. конф., Лясковичи, 24–25 авг. 2012 г. / под общ. ред. В. И. Ковалёва. – Гомель : Полеспечать, 2012. – С. 110–117.
5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

К.Ю. Курс

Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
e-mail: kskurs@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.2

ИМЕНОВАНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: антропоним, литературная ономастика, Смоленская поэтическая школа, М.В. Исаковский, А.Т. Твардовский, Н.И. Рыленков, именование персонажей.

В статье осуществляется исследование именовании женских персонажей в довоенных произведениях смоленских поэтов. Раскрываются основные особенности имен собственных в художественном тексте, анализируется их роль. На основе анализа антропонимов и их контекстуального окружения выделяются типы женских персонажей в поэзии М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова.

K.Yu. Kurs

Military Academy Army Air Defense
Armed Forces of the Russian Federation
of Marshal of the Soviet Union A.M.Vasilevsky

NAMING OF CHARACTERS IN THE WORK OF REPRESENTATIVES OF THE SMOLENSK POETRY SCHOOL

Key words: anthroponym, literary onomastics, Smolensk poetry school, M.V. Isakovsky, A.T. Tvardovsky, N.I. Rylenkov, naming of characters.

The article studies the naming of female characters in the pre-war works of Smolensk poets. The main features of proper names in the artistic text are revealed, their role is analyzed. Based on the analysis of anthroponyms and their contextual environment, the types of female characters in M.V. Isakovsky, A.T. Tvardovsky, N.I. Rylenkov are allocated.

Имена собственные в художественном тексте отличаются от общеязыковых и функционально, и семантически.

В поэтической сфере образность имени собственного получает наиболее яркое выражение, что определяется общей спецификой языка художественной литературы [3, 182]. Имя в поэтическом тексте – значимый образ, элемент художественной системы. Одним из важных средств создания образа являются имена персонажей (антропонимы).

В.И. Супрун [5] выделяет следующие функции имен в художественном произведении; они:

- служат для обозначения персонажа;
- создают ономастический фон;
- выступают в качестве опознавательного знака;
- реализуют национально-культурный компонент.

Имя героя приобретает особую значимость в художественном тексте, представляет его образ, способствует организации отношений между персонажами, помогает выражать идейное содержание произведения, участвует в композиционной организации всего текста. Имя персонажа – это то, с чего начинается образ. Это его своеобразная оболочка, с которой связано многоплановое содержание текста (эстетическое, социальное, идеологическое, символическое и др.).

Автор чаще всего опирается на реальный ономастикон, создавая свою систему именования персонажей. Однако в жизни нет внутренней связи между именем и его носителем.

Имя персонажа, вводимое в лирический текст, имеет большую, по сравнению с другими родами литературы, семантическую и информационную насыщенность. Любое слово в поэтическом произведении приобретает информационную значимость, раскрывается сразу на нескольких уровнях: смысловом, фонетическом, ассоциативном [4, 153].

Проанализируем роль антропонимов в тексте представителей Смоленской поэтической школы. Это художественное объединение, выделенное А.В. Македоновым в 60-

х годах XX века [2]. Основоположниками школы критик считал М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова.

А.В. Македонов писал: «Люди у поэтов школы – работники, люди многостороннего труда, действия, то есть новой конкретности. Описание этих людей обычно начинается с элементарных данных – с профессии, возраста, места жительства. Показываются будничные дела рядовых тружеников, в которых раскрывается их высокий душевный потенциал. Творчество поэтов Смоленской поэтической школы – это «поэзия действительного народного героя, строителя и путника» [2, 23].

Мы проанализировали стихотворения М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова довоенного времени, где как раз и был показан новый герой «из простых людей», остановившись на характеристике женских персонажей.

Женские образы у смоленских поэтов представлены во многих произведениях. Перед нами целая галерея молодых девушек, матерей, работниц, заслуживших почетные награды и многих других, однако они остаются безымянными. Вероятно, это связано с «типичностью» героев, их идеализацией и созданием «коллективного» портрета.

Выделенные нами антропонимы являются популярными для Смоленщины 20–30-х годов – Анна, Екатерина, Наталья (подробнее). Мы разделили их на несколько групп по характеристике персонажа.

1) Образы пожилых женщин, жен и матерей, к которым обращаются по отчеству, как это было принято в деревне.

Покачнулся, в сторону

Прянул белый свет.

– **Анне Миканоровне**

Пламенный привет!

В жизни не была. *А.Т. Твардовский Полет, 1934.*

И к **Петровне**, соседке,

В хату просит народ.

И уже на загнетке

Сквородка поет. *А.Т. Твардовский Поездка в Загорье, 1939.*

Наталья не слышит,

Ивановне, видно, не хочется

Идти на свидание в зеленую рожь. *М.В. Исаковский Четыре желания, 1928–1935.*

2) Женщины – труженицы, отмеченные наградами за работу, достигшие высот в профессии.

Не тебя ль в твой славный день,

На запруженном вокзале,

Столько сел и деревень

С громкой музыкой встречали? <...>

Но за двадцать лет забыл

Что зовут тебя **Настасьей**. *А.Т. Твардовский Встреча, 1936.*

Эту ведь юбку – имейте ввиду –

Выдал мне сам председатель. <...>

– Всегда, – говорит, – у **Маруси** была

Большая любезность к работе. *М.В. Исаковский Юбка, 1934.*

Над великой русской равниной,

Над простором нив, лесов и вод

Летчица, по имени **Полина**,

Совершила славный перелет.

И остался по пути, наверно,

Где-то в стороне один колхоз, <...>

Там – всего лишь восемь лет назад –
Птичница, по имени Полина,
Созывала на дворе цыплят. *А.Т. Твардовский Полина, 1938.*

3) Молодые девушки, олицетворяющие красоту и любовь.

В поэзии М.В. Исаковского большинство женских персонажей относятся к этой категории

А Наталья Фролова

Будет дочка моя. *А.Т. Твардовский Мать и дочь, 1938.*

Закружила Ванюшу **Наташенька**.

Что ни день – у зеленого ельника

Он встречается с дочкою мельника. *М.В. Исаковский У Ванюши не пахана пашенка... 1928.*

Понапрасну травушка измята

В том саду, где зреет виноград.

Понапрасну **Любушке** ребята

Про любовь, про чувства говорят. *М.В. Исаковский Любушка, 1935.*

Ночевать из душевной хаты

В клеть Катюша перешла. *М.В. Исаковский Широки весной закаты, 1925.*

Ты проходишь по полю, **Елена**,

Зацветает яростная рожь.

Ты себе на память непременно

Лучший колос в косу заплетешь. *Н.И. Рыленков Елена Прекрасная 1935.*

4) Персонажи, показывающие трагичную судьбу простой женщины.

Провозгласив своей поэзией принцип нового лиризма и конкретности, смоленские авторы не могли обойти стороной проблемы и беды послереволюционной деревни. Например, А.Т. Твардовский во многих стихотворениях обращается к описанию трагедий в крестьянских семьях, женские образы у него – страдающие и погибающие женщины, нелюбимые жены, забытые матери, вдовы.

Тихо, тихо пошла грузовая машина,

И в цветах колыхнулся твой гроб, **Катерина** <...>

Только плохо свою сберегли мы **Катюшу** –

Спохватились, как поздно уже было беречь... *А.Т. Твардовский Катерина, 1936*

Расскажи ж, **Настасья**, про свою недолю,

Расскажи, Настасья, про свою тоску, –

Сколько раз, Настасья, ты наелась вволю,

Сколько раз смеялась на своем веку. *М.В. Исаковский Настасья, 1935.*

День морозный,

День такой хороший,

Пусть вчера подладила метель,

Но у **Марьи** околела лошадь,

А у Марьи семеро детей. *Н.И. Рыленков Толока 1926.*

Таким образом, при относительно небольшом количестве «женских» антропонимов, их роль в раскрытии современного для автора и читателя мира советской деревни велика. Использование в качестве имени персонажа реального антропонима, частотного и популярного в народной среде, создает иллюзию реальности произведения, выводит действие в нужную поэту эпоху и место. Контекст способствует поддержанию необходимого автору эмоционального окружения.

Главная задача именований персонажей – создание законченного образа героя из народа, уважаемого труженика, любимой девушки, советской женщины, которые живут обычной жизнью, испытывают и радость, и печаль.

Литература

1. Королева, И. А., Данилова, И. В., Соловьев, А. Н. Имена на Смоленщине: история и современность : учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : СГПУ, 2005. – 196 с.
2. Македонов, А. В. Очерки советской поэзии / А. В. Македонов. – Смоленск : Смолен. рабочий, 1960. – 243 с.
3. Михайловская, Н. Г. Об употреблении собственных иноязычных имен в современной русской поэзии / Н. Г. Михайловская // Имя нарицательное и собственное. – М. : Наука, 1978. – С. 180–188.
4. Самсонова, Т. А. Художественная функция литературных имен в лирике А. А. Ахматовой / Т. А. Самсонова // Филология и человек. Научный журнал. – 2009. – № 1. – С. 153–160.
5. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. И. Супрун ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 43 с.

Источники

6. Исаковский, М. В. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Худож. лит., 1981. – Т. 1. – 431 с.
7. Рыленков, Н. И. Собрание сочинений : в 3 т. – М. : Современник, 1985. – Т. 1. – 447 с.
8. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Худож. лит., 1966. – Т. 1. – 615 с.

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mouratova@tut.by

УДК 811.161.1'37

XX ВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ЕВТУШЕНКО

Ключевые слова: *поэтический текст, собственное имя, прямое и переносное значение слова.*

Статья посвящена исследованию собственных имен в творчестве Е. Евтушенко. Доказывается, что собственное имя может отражать и выражать время, в частности, у Е. Евтушенко показано сталинское время, хрущевская оттепель, перестройка.

E.Yu. Muratova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

XX CENTURY THROUGH THE PRISM OF OWN NAMES IN THE CREATIVITY OF E. EVTUSHENKO

Key words: *poetic text, own name, direct and portable meaning of the word.*

The article is devoted to the study of own names in the work of E. Yevtushenko. It is proved that a proper name can reflect and express time, in particular, E. Yevtushenko shows Stalin's time, Khrushchev's thaw, and perestroika.

Художественный текст представляет собой многомерное языковое пространство, в котором воплощается сложная психология авторского «я». «Материальный мир, существующий объективно, пропускается через мир творящего сознания, субъективного по своей внутренней духовности» [1, 29], и в конечном итоге эти миры реализуются в художественном тексте – феномене кристаллизации личности творца и времени его творения.

Важнейшей составляющей концептуальной картины мира является персонификация культуры и языка, которая представляет собой своеобразную репрезентацию когнитивного уровня языковой личности сквозь призму личных имен. И это особенно значимо и важно, если в качестве языковой личности выступает поэт, поскольку речь идет «не просто о носителе языка, – а, прежде всего и важнее всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [2, 259–260]. Как писал К. Юнг «...творец в высочайшей степени объективен, существует, сверхличен, пожалуй, даже бесчеловечен или сверхчеловечен, ибо в своем качестве художника он есть свой труд, а не человек... В качестве индивида он может иметь прихоти, желания, личные цели, но в качестве художника он есть в высшем смысле этого слова “Человек”, коллективный человек, носитель и ваятель бессознательно действующей души человечества» [4, 116–117].

Личное имя в художественном произведении, как отмечал П. Флоренский, является «категорией познания личности» [3, 28]. Силу личностных форм собственные имена имеют не только по отношению к их носителям, но и к автору художественного произведения, поскольку сам выбор личных имен персонажей, способ подачи этих имен в тексте, формы употребления, характер художественного преломления отражают специфическую организацию творящего сознания.

Творчество Евгения Евтушенко всегда отличала активная гражданская позиция. Только простое перечисление некоторых названий его стихов это доказывает: «Сталинское счастье», «Ленинградская симфония», «Танки идут по Праге», «Дети Беслана» и под. Значительна роль собственных имен в поэзии Е. Евтушенко, которые представляют собой сложные семантические знаки, способные кратко и емко репрезентировать идеи, взгляды на мир ситуации, характер и т.д., т.е. они являются не дополнительным фоном, а полноправным элементом непосредственного создания и восприятия смыслов.

XX век – это 2 мировых войны, Октябрьская революция, сталинская власть, атомное оружие, хрущевская оттепель, полет человека в космос и т.д. Все эти и другие события нашли отражение в творчестве Е. Евтушенко. Вот как он описывает сталинское время и передает свое отношение к нему:

*Есть в мире такой городок – Чусовой,
где рядом все чудится мне часовой
на лагерной вышке, пустующей там,
где, может, в бессмертие вмерз Мандельштам.*

Всего 4 строчки, а как передается весь ужас той эпохи, где замечательный поэт Осип Мандельштам вмерз в бессмертие за свободу своей поэзии, за антисталинскую эпиграмму «Мы живем, под собою не чуя страны», за стихи про кремлевского горца. Местонахождение могилы поэта до сих пор точно неизвестно.

После Сталина, в 60-е годы XX века – период наибольшей общественной активности молодых «шестидесятников»: Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы и многих других. Какой предстает страна и люди в этот период? Почитаем строки Е. Евтушенко:

1. *Рок-н-ролл запрещали, / а мы танцевали его под музыку венского вальса...*
2. *Мы по казарменному коммунизму / шли, улыбаясь, как по карнизу...*
3. *Нас не купили, не сломали. / В нас – наш Любимов (не для всех). / И где бы ни были мы в мире – / Таганка там и Политех.*

4. *Скушон, хоть удавись, / был коммунизм плакатный...*
5. *Мы были оттепелью сами, / жизнь отдышав от Колымы.*

В августе 1968 года советские войска подавили восстание в Праге. Уже на другой день Е. Евтушенко написал стихотворение «Танки идут по Праге». Приведем из него отрывки:

Танки идут по Праге / в закатной крови рассвета. / Танки идут по правде, / которая не газета. / Танки идут по соблазнам / жить не во власти штампов. / Танки идут по солдатам, / сидящим внутри этих танков... Чем же мне жить, как прежде, / если, как будто рубанки, / танки идут по надежде, / что это – родные танки? / Прежде, чем я подохну, / как – мне не важно – прозван, / я обращусь к потомку / только с единственной просьбой. / Пусть надо мной – без рыданий – / просто напишут, по правде: / «Русский писатель. Раздавлен / русскими танками в Праге.

Стабильное содержание высказывания, своеобразная «точка отсчета» представлена на первой строкой: *Танки идут по Праге*, в которой глагол *идти* употреблен в своем основном словарном значении. Но уже вторая часть предложения в *закатной крови рассвета* передает оттенки трагизма: рассвет в крови радостным быть не может. Далее наблюдается взаимодействие сочетания *танки идут* с иными лексемами текста: *танки идут по правде, по соблазнам, по надежде*. В результате такой связи глагола физического действия и абстрактных существительных происходит дематериализация глагола *идти*, у которого проявляются совершенно новые смыслы, не связанные с физическим действием. Важными смыслообразующим сегментом в контексте является причастный оборот: *танки идут по солдатам* – возможная реальность действительности, но выражение *...по солдатам, сидящим внутри этих танков* рождает иной, бытийный смысл в ином, трансмерном пространстве мышления. Сочетание *родные танки* «высвечивает» смысл стыда за свою Родину. Весьма значим повтор прилагательного *русский*, который актуализирует дополнительный смысл трагизма ситуации: сам русский и раздавлен русскими танками. Если «вырвать» последние строки *Русский писатель. Раздавлен русскими танками в Праге* из контекста всего стихотворения, то убеждаемся, что глагол *раздавлен* функционирует в своем прямом словарном значении (человек может погибнуть, раздавленный танком). Но основное трансцендентное содержание эксплицируется его переносным значением: силовым подавлением пражского восстания советскими танками раздавлено все: люди, свобода, идеалы, родная страна.

Во время перестройки голос Е. Евтушенко звучал громко и мощно:

1. *Когда на полке банный лист липучий / прилип клеймом Бурбулису ко лбу. / Кто право дал / им, в Беловежской пуще / решать в парилке / всей страны судьбу?*

2. *Вся Русь, / где столько казнено, – / на Лобном месте казино. / Словно заплатки на портки / кругом ларьки, / ларьки, / ларьки. / Что позади? / Цари, / царьки, / самая в мире лучшая / проволока колючая, / палачи, / салтычихи, / стукачи, / стукачихи, / политбюрошные, / в похожести почти нарошние, / вожжи... / Неужто это и впереди?*

2. *Но на танк, / хлебнувши виски, / влез он, / как на броневик, / новый, / антибольшевицкий / made in Urals большевик / Но запутался он в путче, / но, медвежисто упрямым, / дал себя запутать в пуще, / где полно медвежьих ям.*

3. *И когда вновь нас ловят в ячейки / от кровушки красных сетей, / и хотят оправдать миллионы смертей, / то вздымаются / сказочкам всем вопреки / в мерзлоте замурованные большевики / и нам шепчут, / чтоб мы не вернулись в гулаговский ад: / «Коммунисты, назад... / Коммунисты, назад...».*

4. *Весь мир насилья мы разрыли / до основанья, / а затем / насилие перешло в бессилье, / в мычанье наше: «МММ!» / Бессилье вылилось в насилие... / Кто был ничем, / не станет всем.*

Совокупность собственных имен – это особый ономастический мир, органически входящий во внутреннее художественное пространство текста и наряду с другими языковыми средствами участвующий в реализации всех его категорий и свойств.

Как видим, у Е. Евтушенко свое уникальное ономастическое пространство, посредством которого он способен выражать свое мировоззрение, идеи, гражданскую позицию.

Литература

1. Волков, О. Художественный текст и символика авторских проекций / О. Волков // Структура и семантика художественного текста : сборник докладов. – М., 1999. – С. 20–37.
2. Павленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
3. Флоренский, П. А. Пути и средоточия / П. А. Флоренский // У водоразделов мысли. – М. : Мысль, 1999. – С. 34–45.
4. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 297 с.

Источники

1. Евтушенко, Е. Стихотворения. Поэмы / Е. Евтушенко. – М. : АСТ, 2000. – 668 с.

Т.И. Синкевич

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: sintat@inbox.ru

УДК 821.161.1:811.161.1'373.2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК П.П. БАЖОВА

Ключевые слова: *национальный колорит, антропоним, номинация, персонаж, ономастикон, мифология, антропонимическая система.*

В статье рассматриваются имена собственные, обладающие национально-культурными особенностями. Антропонимы значимы не только внутренне, но и внешне, прежде всего своей этнической окраской. П.П. Бажов уделяет значительное внимание подбору именования персонажей, которые, в свою очередь, являются средством типизации героя и выражают субъективную оценку писателя, а их именования – это часть русской антропонимной системы.

T.I. Sinkevich

Vitebsk state University named after P.M. Masherov

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF THE PROPER NAME BASED ON P. BAZHOV'S TALES

Key words: *national character, anthroponym, category, character, onomasticon, mythology, anthropological system.*

The article deals with proper names, with national and cultural characteristics. The anthroponyms are important not only internally, but also externally, primarily for its ethnic overtones. P. Bazhov pays considerable attention to the selection of naming characters, which, in turn, are the means of typification of character and expresses a subjective assessment of the writer, and their naming is part of the Russian anthropological system.

Национальный колорит лучше всего представлен в разговорной речи человека. А автор «Малахитовой шкатулки», которая вмещает в себя 54 сказа, сам является выходцем из народа, из семьи горнорабочих. Можно считать, что его сказы – это письмо из народа. Вдумчивая разработка характеров, яркая психологическая и портретная индивидуализация, поиски наиболее убедительных и впечатляющих композиционных решений, кропотливая работа над языком – так создавались сказы. Автор уделяет значительное внимание подбору именования персонажей, которые, в свою очередь, являются средством типизации героя и выражают субъективную оценку писателя. Культура народа, как правило, находит своё проявление в языке.

Цель нашей статьи – показать национально-культурные особенности собственных имен (антропонимов) в сказках П.П. Бажова. Имена собственные значимы не только внутренне, но и внешне, прежде всего своей этнической окраской.

Методом сплошной выборки нами из 52 сказок П.П. Бажова отобран материал, включающий в себя 164 антропонима.

Писатель подошёл к подбору личных имён собственных весьма реалистично, так как все антропонимные единицы являют собой часть русской антропонимической системы. Такой подход к выбору личного имени позволяет нам выделить следующие группы имён:

- документальная форма личного имени (47%)

Документальная форма личного имени – это полный официальный вариант формы имени собственного. В литературных произведениях имеются как говорящие имена, так и нейтральные, последние могут нести информацию относительно обладателя имени. На уровне языка документальная форма личного имени имеет стилистически нейтральную окрашенность, но в контексте непосредственно она может приобретать оценочный компонент. Для того чтобы убедиться в том, что и П. Бажов в своих текстах использует данный приём, приведём несколько примеров. В сказе «Малахитовая шкатулка» в основном используется деминутивная форма личного имени *Татьяна* – *Танюшка*. Данная форма вложена в уста близких девушке людей и самого автора, что отражает позитивное отношение к персонажу. И лишь однажды мы встречаем в контексте документальную форму упомянутого имени собственного: «*Что это у тебя Татьяна шишко высоко себя повела? Подружек у ней нет, на парней глядеть не хочет. Царевича-королевича ждёт аль в Христовы невесты ладится?*» [3] В данном случае прослеживается некая предвзятость со стороны деревенских жителей, причиной мог послужить отличающийся внешний вид героини и её странное поведение относительно местных девушек. В «Травяной западенке» П. Бажова центральным персонажем является Яков Иваныч, называемый по имени отчеству лишь по случаю занимаемой должности щегаря. Но при таком именовании мы можем отметить и ироничное отношение к герою, который не пользовался уважением у окружающих из-за своей бестолковости и «на смеху был»: «*Какие знакомые руднишные встретятся, завсегда Яшке кукишку покажут, а сами наговаривают: – Наше почтенье Яков Иванычу! Всю, поди, дачу вы-знал, – эдак-то далеко глядишь!*» [3]. Использование документальной формы личного имени может быть не только подчёркнуто отрицательным, но и может служить показателем уважения к персонажу, его годам. Например, дедко Ефим из сказки «Огневушка-Поскакушка», дед Игнат из «Синюшкина колодца», баушка Ульяна из «Ермаковых лебедей», Степан из «Малахитовой шкатулки», Никита и Акинфий из «Шёлковой горки».

- народная форма личного имени (3%)

Народная форма личного имени – это производная форма от документального имени, которая образовалась в сфере живой народной разговорной речи. Группа народных наименований насчитывает в себе всего лишь 5 личных имён, как-то: *Алёнка* (Елена), *Марья* (Мария), *Авдотья* (Евдокия), *Настасья* (Анастасия). Такие формы личного

имени в результате ассимиляции в русском языке приобретают между собой значительные отличия. То есть иностранное имя собственное, попадая в ту или иную среду, получая характерные черты, присущие народной речи, со временем становится документальной формой имени и функционирует самостоятельно.

- разговорная форма личного имени (32%)

Разговорная форма личного имени – это производная форма от документального имени, которая образовалась в разговорной речи. Так же как и народная, разговорная форма личного имени может преобразоваться в документальную (*Феня – Феодосия, Ермак – Ермолай*). Разговорной речи присуще не только употребление сокращённых имён собственных, которые были упрощены для удобства и быстроты произношения, но и использование суффиксов для отображения того или иного чувства, испытываемого к персонажу. Нами были выделены 3 подгруппы разговорной формы личного имени:

- ✓ сокращённые имена собственные: *Ганя, Маша, Луша, Катя, Афоня, Федя, Вася, Троша*.

Имена собственные, которые были упрощены для быстроты и удобства произношения.

- ✓ деминутивы (имена с уменьшительно-ласкательным оттенком значения в данном контексте [3]:

- 1) на -ха (*Матюха, Дуняха, Артюха, Митроха, Оноха, Андрюха, Тимоха, Евлаха*);

- 2) на -унык, -юнык (*Федюнык, Мишунька*);

- 3) на -ша (*Перфиша, Марфуша, Ирхуша*);

- 4) на -юшк (*Марьюшка, Аганюшка, Донюшка*);

- 5) на -ютк (*Васютка*).

К первой категории имён собственных мы отнесём онимы со значением дружелюбности, остальные же 4 категории предположительно имеют значение умиления.

- ✓ пейоративы (имена с пренебрежительно-уничижительным оттенком значения в данном контексте [3]: на -ка (*Ванька, Костька, Кузька, Данилка, Максимка, Ефимка, Яшка, Оксютка, Аниска, Филька, Тайка*).

- просторечная форма личного имени (2%)

Просторечная форма личного имени – это производная форма от документального имени, которая возникла в просторечии, говорах. Так же, как и народная форма личного имени, просторечная форма включает в себя небольшое количество онимов: *Левонтий* (Леонтий), *Перфил* (Порфирий) и *Микешка* (Никифор). Так, в сказке «Про Великого Полоза» есть персонаж по имени *Левонтий*. Данное имя собственное является просторечной формой онима Леонтий (происходит от древнегреческого «leon» – лев). Качествами льва можно считать гордость, трусость, эгоизм и так далее, в данном случае перед нами герой, который не наделён вышеуказанными качествами. Левонтий – человек, работавший на заводе, но после того как немного ослабел, так отправили его на вольные работы. От начальства претензий не имел, работал на совесть; даже когда персонаж «занесилел» – от работы не отказывается, думает о своих детях. Если характеризовать персонажа как человека сверхтерпеливого, трудолюбивого, честного, то такое определение полностью соответствует контексту. Такая характеристика имени героя определяет его как выходца из народа, «льва», который именно на территории Бажова обретает качества, преобладающие в среде рабочих людей.

- диалектная форма личного имени (16%)

Диалектная форма личного имени – это производная форма от документального имени, которая возникла на основе диалектных лексем и формантов. Диалектом же является самая маленькая территориальная разновидность языка, на которой говорят жители одной деревни или нескольких близлежащих деревень. Таким образом, диалект сужает употребление образованного имени собственного. Среди использованных диа-

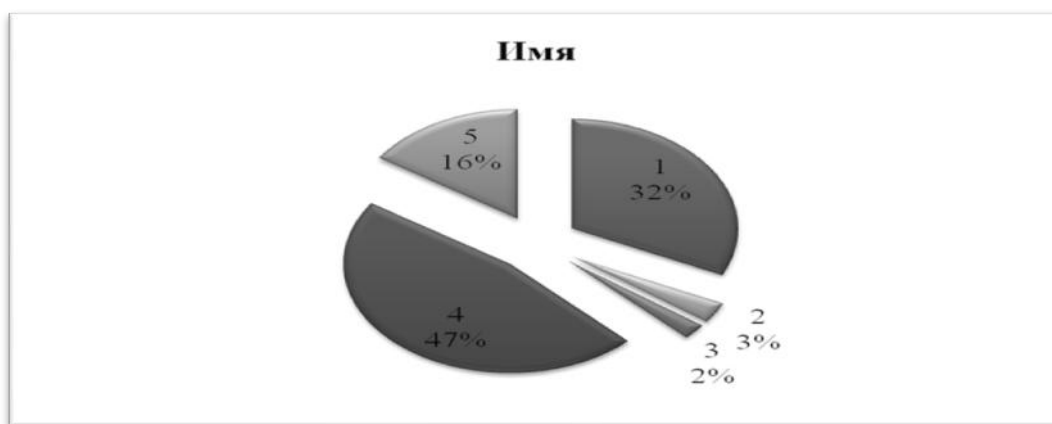
лектных форм, которые являют собой показатель быта Уральского округа, были вычлeнены 2 уровня:

✓ фонетический: *Ванятко, Данило, Алексейко, Санко, Дениско, Вавило, Михалко, Юрко*;

✓ формообразовательный: *Степаня, Тюньша, Нафиса, Ланко, Ераско, Лейко, Гриньша, Кириа, Егорша, Тасютка, Васенка, Михей*.

Формы диалектного имени, как и другие производные формы документального имени, имеют способность передавать разнообразные оттенки: дружелюбность, умиление, пренебрежение и т.д. Но, несмотря на сходство, выделенным формам свойственна и некоторая диалектная окраска.

Таким образом, личные имена в сказках П.П. Бажова представлены документальной формой личного имени (47%), разговорной формой личного имени (32%), диалектной формой личного имени (16%), народной формой личного имени (3%) и просторечной формой личного имени (2%). Создавая произведение, автор уделяет значительное внимание подбору именования персонажей, которые, в свою очередь, являются средством типизации героя и выражают субъективную оценку писателя.

Наполнение особым содержанием выбранного или намеренно созданного для номинации имени собственного нередко обусловлено не только контекстом сказки, но и имеет более широкий культурно-исторический контекст, а имена собственные выполняют как дифференцирующую функцию, так и художественную. Ономастикон сказок представляет собой особый микротекст, который призван отражать ментальность народа, его культурно-исторические и мифологические корни.

Литература

1. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) / В. И. Даль. – М. : Цитадель, 1998. – 4472 с.
3. Бажов, П. П. Малахитовая шкатулка / П. П. Бажов. – М. : Прогресс, 1986. – 464 с.

УДК 821.161.3.09:811.161.3'373

АНТРОПОНИМЫ В ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ЛИСТЬЯ КАШТАНОВ»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *литературная ономастика, онимы, антропонимы, художественный текст, семантика.*

В статье рассматриваются употребленные Владимиром Короткевичем в автобиографической повести «Листья каштанов» собственные личные имена, которые являются неотъемлемым элементом идейно-тематического содержания художественного текста, важным средством номинации, характеристики и оценки персонажей и их отношений.

T.P. Slesareva
Vitebsk state University named after P.M. Masherov

THE ANTHROPONYMS IN THE NOVEL OF VLADIMIR KOROTKEVICH “CHESTNUT LEAF”: SEMANTIC ASPECT

Key words: *literary onomastics, onyms, anthroponyms, literary text, semantics.*

The article discusses the use of personal names in the autobiographical novel «Chestnut leaf» by Vladimir Korotkevich. The material is an integral element of the ideological-thematic content of a literary text, as well as an important means of characterization and evaluation of the characters and their relationships.

Для решения самых разнообразных художественно-изобразительных и стилистических задач в художественных текстах авторами используются различные поэтонимы, особенности функционирования которых изучает литературная ономастика. Отсюда и все возрастающий интерес к проблемам ономастики, проявлением которого характеризуется современная лингвистика [6, 9].

В настоящее время изучение ономастического пространства ведется на материале разных национальных литератур [1; 2; 7; 8; 9].

Материалом для нашего исследования послужили антропонимы, употребленные белорусским писателем, поэтом, драматургом, публицистом, классиком белорусской литературы, нашим земляком Владимиром Семёновичем Короткевичем в автобиографической повести «Листья каштанов» (1973) [3]. Повесть представляет собой волнующие и печальные воспоминания о нескольких месяцах, проведённых автором в освобождённом от фашистов Киеве.

Система поэтонимов в создаваемом писателем микромире обязательно соответствует содержанию произведения, авторской концепции, замыслу, жанру, художественному методу, времени написания, в пределах которого отмечаются особенности в именовании лиц и номинации объектов и предметов [1, 75].

Путем сплошной выборки из анализируемого текста нами было выписано 716 поэтонимов, среди которых встретились *антропонимы* (497 употреблений, или 69%), *фитонимы* / имена любых растений (83 употребления, или 11,5%), *урбанонимы* (46 упот-

реблений, или 6,4 %), *топонимы* (44 употребления, или 6%), *гидронимы* (18 употреблений, или 2,5 %), *хремотонимы* (6 употреблений, или 0,8%), *экклезионимы* / имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название собора, церкви, костела (4 употребления, или 0,5 %), *астронимы* (4 употребления, или 0,5 %) и по 1 употреблению (0,1%) таких разрядов онимов, как *хрононим* / название исторического события (*Вялікая Айчынная вайна*), *фалероним* / названия медалей и орденов (*медаль «За адвагу»*), *наутоним* / наименование корабля (*параход «Пугачоў»*), *дримоним* / собственное имя любого лесного участка, леса, бора, роши (*Галасіеўскі лес*), *дромоним* / собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного (*Брэст-Літоўская шаша*) и другие.

Как свидетельствуют цифры, в анализируемом произведении самыми употребляемыми из поэтонимов явились антропонимы.

Люди, хорошо знавшие Короткевича, единодушно свидетельствовали об автобиографическом характере повести «Листья каштанов». В предисловии к двухтомнику Короткевича Василь Быков отмечал, что образы юношей и девушек, которые точно и легко выписаны в этом тексте, основываются на определенных прототипах.

Имя *Василий* греческого происхождения, что обозначает «царственный». Носитель этого имени характеризуется как человек долга, который ради друзей способен на многое. С детства жизнерадостен, общителен, открыт, добродушен. Василий выдержан, осмотрителен, любопытен, уравновешен, практичен и никогда не отступает перед препятствиями. Именно таким предстает перед нами главный герой произведения – *Василько Стасевич* (*Васілько Стасевіч*). Данный антропоним зафиксирован нами только 1 раз, но 12 словоупотреблений пришлось на долю варианта *Василько* и 4 – на долю варианта *Вася*.

Одна из сюжетных линий повести «Листья каштанов» – любовь между Василькой и *Нонкой Юницкой*. При этом исследователи творчества Короткевича утверждают, что у Нонки был реальный прототип.

Имя *Нонна* в переводе с латыни – «девятая». Но есть и второе, египетское происхождение этого имени, – «посвященная Богу».

У Нонны независимый, твердый и смелый характер, который помогает ей бороться с трудностями и достигать желаемого. Она может постоять за себя, отстоять собственные интересы и принципы, никогда не прогнется и не уступит, если с чем-то не согласна. Она требует к себе справедливого отношения, может бунтовать и проявлять непослушание.

В повести героиня впервые предстает перед нами как «дзяўчо год пятнаццаці. Схілілася, пачэсваючы вельмі доўгія, падрапаныя ногі шакаладнага колеру, пасля пацерла каленкам аб каленка, ускінула галаву – чорна-бурыя валасы цяжкай хваляй шыбанулі назад – і ўсміхнулася мне, і я ўбачыў цёмна-сінія вочы з ненатуральна велічэзнымі, па-вар’яцку вясёлымі чорнымі зрэнкамі [3, 343].

Преобладающей для номинации героини служит одночленная модель антропонима *Нонка* (62 словоупотребления). Моделью «имя + фамилия» представлено 1 словоупотребление: «А яна села насупраць мяне, абхапіла падрапанымі рукамі падрапаныя каленкі і стала бессаромна разглядаць, схіляючы галаву то на адзін, то на другі бок. Засталася, відаць, збольшага задаволеная. – Я *Нонка Юніцкая*» [3, 344].

С большой теплотой автор вспоминает тех, с кем свела его судьба в Киеве: «Я не так бы пакутаваў, каб не былі яны такімі чыстымі, такімі вернымі сябрамі, такімі надзвычайнымі і добрымі, такімі выдатнымі хлопцамі» [3, 418].

Самым частотным среди антропонимов повести является *Ролік* (103 словоупотребления). «Моцны, досыць высокі, з правільна круглай галавой. Усмешка ў яго была – дзіва якая белазубая і прыгожая, вочы – пераспелыя чорныя вішні. Калі яны мокрыя, у іх іскрачкамі адбіваюцца то акно, то лямпа, то проста прамень» [3, 340]. Таким

Васілько сустрачае першы раз *Раланда Дзмітрэнка* (2 слоўупотреблення гэтай модели номінацыі).

В пераводзе с дрэвнегерманскага мовы *Роланд* азначае «славная страна». Гавянымі якаствамі Роланда явяляюцца надзейнасць і абостранае пачуццё справядлівасці. Калі Роланд паабяцаў што-лібо, ён абавязальна гэта выканае. Ён заўсёды можа застацца за сябе і за другіх. Роланд прымае самае актывнае ўдзяленне ў дваровых іграх і ў калектыве імкнецца да лідэрства. І, хоця Нонка і падсмейваецца над другом («Тэж мне, Раланд – атаманда») [3, 344], імяна Ролік ведае, дзе дастаць зброя, Роліку прыналежыць план павяга, і ён жа бярэ на сябе смеласць і адгавятнасць сказаць, што Лізу с сабой браць нельзя. І імяна Ролік першым павез у пещеру, дзе знайшоў не толькі прыпрытанае зброя, но і сваю гібель: «І тут ірванаўла яшчэ і яшчэ, амаль пад карэннямі каштана. І той нахіліўся, і я ўбачыў, як з-пад каранёў і звонкі, з-за стаўбура дрэва, павплываў на хлопцаў тоўсты – тром чалавекам не абхапіць рукамі – струмень пяску, і апракiнуў, і накрываў Роліка» [3, 413].

45 слоўупотребленняў прыходзіцца на долю антропонама *Багдан*. «Цельпукаваты і каржакаваты, з тых, каго нават у дзяцінстве завуць «мужыкамі», «дзядзькамі» і «старымі» [3, 341]. Гэта славянскае мужскае імя азначае «Богам дадзены», «Божы даар», «Богам даараваны». Несматра на тое, што фамілія у парня доваўна звучная (*Багдан Цар*), характар Багдана спакойны і уравнаважаны. Герой рассудітэлен, дружелюбен.

«Танклявы і цыбаты, дужа ладны тонкім інтэлігентным абліччам, з сiнімі доўгімі вачамі і тонкім, са згорбiнкай, носам», *Яўген Кульба* («наш ідэалаг», как атрекамендоваў *Жэньку* Ролік). Імя *Жэнька* ў тэkste павесці сустрачалося 34 разо.

Позднее да кампаніі прымкнулі *Карл Канецкі*, *Навум Фінеес* і *Ліза*.

Імя *Карл* нямецкае, католіцкае, грэцкае. Па самай распааранёнай версіі, гэта імя прайшло ад «karl», азначаючага «мужчына». Ізначальна імела значенне «свабодны чалавек». Карл – сільная лiчность, многае перажыў за сваю кароткую жыццё.

Ліза (самаа младаа ў кампаніі) адрiчаецца дабротай, нежнасцю («Невялікага расточку – відаць, ад сiстэматычнага трохгадавага недаядання, – страшэнна худзенькая. Няма на што глядзець, верабей, ды і толькі. Але кожнаму, хто глядзеў на яе мяккія, крыху павольныя рухі, на зусiм неўласцiвую падлеткам грацыю хады, на залацістыя валасы і глыбокія, дабрэнныя сiнія вочы – кожнаму рабілася няк лягчэй на сэрцы, што вась ёсць жа на свеце гэткія рахманасць і дабрасардэчнасць» [3, 391]) і ў тое жа врэмя смеласцю і цэлеустраменнасцю.

Антропонамы ў павесці імяюць разнааобразную структурную арганізацыю: адiн і той жа чалавек ў разных сітуацыях назван па-разнаму. Прадстаавленыя варіянты антропонамава прадааюць разлiчныя нyoансы адрнашэнняў мiжду героямі. Напрыклад, *Ролік* – *Раланд* – *Раландзік* – *Раланд Дзмітрэнка* – *Дзмітрэнка* – *Дмiтренко*; *Жэнька* – *Яўген* – *Яўген Кульба* – *Кульба*; *Карл* (51 слоўупотребленне) – *Карл Канецкі* – *Канецкі* – *Карло* – *Караль* – *Карлхен* – *Карлуша*; *Лізка* (24 слоўупотреблення) – *Ліза* (12 слоўупотребленняў) – *Лізхен*; *Навум* (28 слоўупотребленняў) – *Фінеес* (6 слоўупотребленняў) – *Навум Фінеес* – *Нума*.

Как сраство сацыальнай тыпізацыі іспользуюцца ў тэктах фаміліі, імяна, псевдонімы палітычэскіх дэятэляў, пісатэляў, паскольку «яны дазваляюць надаць падзеям і фактам, што адлюстроўваюцца ў творы, рысы праўдападобнасці, мастацкай пераканальнасці» [9, 25].

Пэзэау Владамiр Кароткевіч, наряду с імянамі блізкіх ёму людэў, імкнецца іспользаваць естэственныя імяна, сущэствуючыя рэальна ў ізабражаамам врэмнаа адрэзке ў том ілі інаа сацыуме.

Так сраствамі сздааа атмасфэры прашлага ў тэкте явяляюцца как імяна рэальных людэў (*Мікола I*, *Уладзімiр*, *Махно*, *Гітлер*, *Ракфелер*, *Чарлі Чаплiн*, *Хмяльніцкі*,

Багдан Хмяльніцкі), так и имена героев художественных произведений (*Ева, Рамэа, Ленскія, Гарганцюа*).

Таким образом, употребление антропонимов в автобиографической повести Владимира Короткевича стилистически мотивировано. Они связаны с замыслами писателя, с его мировоззрением, с идейно-тематическим содержанием произведения, являются важным средством номинации, характеристики и оценки персонажей и их отношений.

Литература

1. Горбаневский, М. В. Ономастика в художественной литературе / М. В. Горбаневский. – Москва: Ун-т дружбы народов, 1988. – 88 с.
2. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк: Донец. гос. ун-т, 1999. – 408 с.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн.: Маст. літ., 1988. – Т.3.: Раман. Апавесці. – 543 с.
4. Рогалев, А. Ф. Имя и образ: Художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А. Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.
5. Суперанская, А. В. Структура имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 220 с.
6. Ташицкий, В. Место ономастики среди других гуманитарных наук / В. Ташицкий // Вопросы языкознания. – М., 1961. – № 2. – С. 3–11.
7. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
8. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце: манаграфія / В. В. Шур. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2006. – 216 с.
9. Шур, В. В. Онiмы ў творах Якуба Коласа: паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В. В. Шур // Родн. слова. – 2006. – № 6. – С. 23–26.

Грант Смит

Университет Восточного Вашингтона
e-mail: gsmith@ewu.edu

УДК 81.371:82-221

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В ИМЕНАХ КОМЕДИИ В. ШЕКСПИРА «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»

Ключевые слова: *знаки-иконы, знаки-индексы, знаки-символы, прямой референт, не прямой референт.*

«Сон в летнюю ночь» В. Шекспира рассказывает об истинной любви и удачном браке как основе естественного и социального порядка. Три переплетенных сюжета у Шекспира отражают три типа источников, каждый из которых имеет ассоциативные возможности, относящиеся к основным темам. Основной сюжет комедии – об афинских дворянах, чьи имена несут смыслы из греческой мифологии. Сначала он фокусируется на Тесее и Ипполите, чей приближающийся брак символизирует урегулирование внутреннего порядка, в то же время драматическая напряженность возникает при выборе пары у четырех других молодых влюбленных. Второй сюжет – о ремесленниках, которые разучивают пьесу к свадьбе знати и чьи имена дают представление о традициях именования, связанных с торговлей и английской жизнью. Третий сюжет – о волшебном мире и о сложностях брака короля и королевы, чьи имена символизируют

преобладающую иерархию и порядок в природе – это в значительной степени переосмысление традиционного фольклора. В данной статье описаны различные ассоциативные возможности (иконические, индексальные и символические) имен Тесей и Ипполита и представлены подробные классификации всех имен. Описание происходит на основе семиотического подхода, отраженного в главе «Теоретические основы литературной ономастики» Оксфордского справочника по именам и наименованиям.

Grant Smith
Eastern Washington University

SYMBOLIC MEANINGS IN THE NAMES OF MIDSUMMER NIGHTS DREAM

Key words: *iconic, indexical, and symbolic signs, immediate referent, secondary referent.*

Shakespeares *MND* is about true love and felicitous marriage as essentials of both natural and social order. With three interwoven plots, Shakespeares names and references reflect three types of sources, each with associative possibilities relevant to the basic themes. The main plot is about Athenian nobles whose names draw symbolic meaning from Greek mythology. It focuses first on Theseus and Hippolyta, whose approaching marriage symbolizes the settlement of domestic order, while dramatic tension emerges in the pairing of four young lovers. A second plot is about the “mechanicals” preparing entertainment for the noble wedding, whose names are figurative coinages associated with common trades and English life. The third plot is about the fairy world and the troubled marriage of its king and queen, whose names suggest an overriding hierarchy and order in nature – a significant reinterpretation of traditional folklore. This paper will describe various associative possibilities (iconic, indexical, and symbolic) of Theseus and Hippolyta, and will present a detailed classification of all names and generic references. It will illustrate a semiotic approach advocated in “Theoretical Foundations of Literary Onomastics” in *The Oxford Handbook of Names and Naming*.

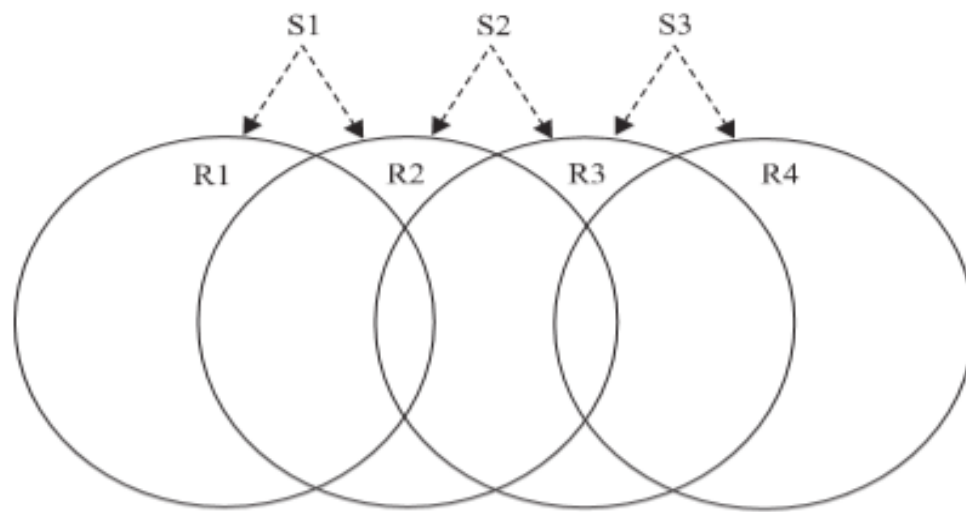
1 A brief sketch of symbolic meaning

The purpose of this paper is to analyze principal names in Shakespeares *Midsummer Nights Dream* (hereafter *MND*, with all references to *The Riverside Shakespeare*, 2nd ed. [10]) to illustrate the potentiality of *symbolic* meaning in names. Names are commonly discussed as fixed, *indexical* designations of individual referents. However, our use of language is fundamentally *symbolic*, and the *symbolic* meanings of names are especially clear in imaginative literature.

In terms of semiotic theory (à la C. S. Peirce [8]), *symbolic* meaning arises when a *sign* evokes two or more *indexical* referents in the mind of an interpreter. For example, we may hypothesize that the name *Quince* in this play refers to two things: 1) one of the characters on stage, and 2) a carpenters device for holding things in place. When the name is used to refer to the character, it also evokes a reference to the function of that device. Thus, the meaning is *symbolic* insofar as the name as a *sign* evokes qualities or attributes that are presumably shared by the characters role and the occupational device.

Of course, the *symbolic* sharing of qualities differs slightly, and is only partial, in the mind of each individual interpreter, and it is the attributes of the **secondary referent** (the carpenters device) that are partially carried over and associated with the character, the **immediate referent** (much as M. Black has described meaning of the *vehicle* in a metaphor being carried over to the *tenor* [1, 38–47]). Thus, whenever we discuss the presumed

“meaning” of a name, it is in terms of the *secondary referent*. However, both referents, the actor and the device, are made more meaningful than one thing referred to by the *sign* interpreted as a single *indexical* reference, i.e., as a simple label. The association of attributes and sharing of qualities may be illustrated in a simplistic diagram of *symbolic* discourse:

Hypothetically, the *signs*, S1, S2, and S3, are linked syntactically, and each refers to two or more referents. The circles represent a variable range of attributes (semantic domains) of the referents R1, R2, R3, and R4. The referents are thereby understood in terms of one another, and the meaning of the *signs* is *relational*, and thereby *symbolic*, rather than a chain of single, *indexical* references (stemming from initial “causes,” or dubbing, as S. Kripke has argued [6]).

2 Thematic linkage

When names evoke *secondary referents*, attributes of those referents and their contexts are partially transferred to the *immediate referents*, and the *immediate referents* may be developed thematically. We need not pursue an authors personal intentions, but the study of names ties us closely to the text at hand and to the pre-existing contexts (i.e., sources) to which the names may refer. That is to say, we begin with a name, and by studying how this word is used as a specific reference in different, pre-existing contexts (e.g., in the sources or culture of Shakespeares time), we may infer its relationship to the *immediate* context, understand its *symbolic* value, and gain thereby a richer understanding of themes in the work at hand.

Of course, it may be that a name has a different kind of reference and context that neither the author nor the audience could have known. For example, in *Much Ado About Nothing*, the character Dogberry insists, “O that I had been writ down an ass!” (4.2.86–87). Modern audiences laugh in part because the word *ass* now has an anatomical reference, and a director in the twenty-first century certainly has the artistic freedom to take advantage of this interpretation. However, an onomastic scholar is obligated to acknowledge that it is not an interpretation clearly available to Shakespeare or his audience. To appreciate Shakespeares achievement as an artist we need to focus on the texts of his plays and on the pre-existing references that could, and probably, would be understood at that time.

3 Plots and themes

Themes are developed as stories are told, and *MND* has three distinct plot lines that develop the general themes of marriage and true love. True love is based on personal choice, and a good marriage is the foundation of domestic and natural order. Characters in the main plot are nobles, and their names are all derived from classical literature, contextualizing the nobles as the educated class. The characters of the second plot are commoners, the “mechanicals,” and their names are all figurative references to specific English trades, placing

the imaginative context of this play clearly in England, rather than ancient Athens. The third plot is about the fairy world and the troubled marriage of its king and queen, and most of these names refer to elements of nature or to characters in folklore and offer a surprisingly beneficent vision of the natural order. Each of these plot lines illustrate the general themes in different ways.

4 The main plot

MND appears to have been written initially to celebrate a specific wedding of mature English nobles, and the main plot focuses on the approaching marriage of Theseus, often referred to as the “Duke,” and Hippolyta. These names have unmistakable analogs in Plutarch’s *Lives*, one of Shakespeares most frequent sources [9]. “Theseus” is the first of Plutarch’s stories, and Plutarch describes him as the founder of civic life in Athens, the cultural crucible of Western Civilization. The name thereby confers civic importance on this central character. His marriage to Hippolyta is described in a brief passage that Plutarch himself says comes from a unique and unnamed source. Plutarch notes that other stories tell of Theseus other marriages but that this story illustrates the settlement of domestic, as well as civic, customs for Athenian society. Plutarch explains that Hippolyta was the leader of the Amazons who initiated a peaceful end to the war with the Athenian men, a war that had been fought to an exhausting draw. The North translation of Plutarch, which Shakespeare used, emphasizes Hippolytas initiative with a sidebar note to the reader, “Peace concluded by means of Hippolyta” (71). Thus, the name *Hippolyta* is obscure and unique but epitomizes the settlement of the archetypal conflict of genders in classical literature. Shakespeares use of the name thereby focuses on marriage as the basis of social order.

While Theseus and Hippolyta are the central pair in this play, their marriage is a settled matter. For them there is no drama, just a celebration. The drama of the main plot lies in the tribulations of four young nobles, bestirred by the fickleness of the two young men, Demetrius and Lysander.

The fickleness is most clear in the character named *Demetrius*, and in Plutarch’s story of “Demetrius,” he is described as a Macedonian general who flourished in the footsteps of his father, Antigonus, after the death of Alexander the Great (323 BCE). At the beginning of *MND*, Demetrius appears to have abandoned Helena to pursue a more lucrative marriage with Hermia. He is thereby the plays most wayward character. Likewise Plutarch describes the greatest vice of the historical Demetrius as being “very free” in matters of love, “bearing, in this respect, the worst character of all the princes of his time” (1080). Also, Plutarch describes this Demetrius as following his fathers advice to marry for money, “Natural or not, / A man must wed where profit will be got” (ibid). Plutarch emphasizes Demetrius many reversals in both love and war. While Shakespeares Demetrius is not a warrior, his romantic interests are, at first, opportunistic – i.e., until he is charmed by Oberon and returns to his first, and therefore true love, Helena.

The name *Lysander* also refers to one of Plutarch’s story titles. It is the name of the Spartan general who defeated Athens in the Peloponnesian War (404 BCE). Plutarch describes *Lysander* as growing up outside royal bloodlines but with obvious virtues that overcame his background. Shakespeares Lysander “is comparable in that, despite his virtues, Egeus does not consider him a suitable husband for his daughter” [4, 292].

The names of the young women, *Helena* and *Hermia*, are also borrowed from classical literature. The name *Helen* or *Helena* is, of course, very common. It frequently appears in *MND* as *Helen*, without the final *-a*, depending on metrical convenience, and alludes to the exemplar of feminine beauty, Helen of Troy. Shakespeares use of her name displays his love of irony. Demetrius has abandoned her to pursue a wealthier marriage with Hermia, even though Helena is taller, blonde, and more beautiful. Unlike her namesake, Helena is constant in her love for Demetrius and sadly concludes, “Love looks not with the eyes but with the

mind” (1.1.234), confirming the subjective nature of true love and Hermias earlier words, “O hell, to choose love by anothers eyes!” (1.1.140).

Unlike the name *Helen*, references to the name *Hermia* are rare in classical literature, but Ovid, arguably Shakespeares favorite source, uses the variant *Hermione* to extol personal choice as a condition of true love. The speaker in *Ars Amatoria*, playfully asks, “Would you be able to prefer Hermione to Helena?” [5, n. 133]. The phrasing pairs the names of the young women in *MND*, links them together in the theme of personal choice, and parallels the central action of these young lovers. When Lysander is mistakenly charmed by the flower of passion, he offers an answer, “Not Hermia, but Helena I love” (2.2.113), phrasing that links the names to Ovids phrasing. Such references to *Hermia* and *Helena* thereby evoke the chaos of love that reverberates throughout classical literature, but the tribulations of these young couples are temporary and actually serve as dramatic foils to highlight the stability and order of Theseus and Hippolyta.

5 The mechanicals

The names of the “rude mechanicals” (3.2.9) show the presumed importance of hierarchy in the Elizabethan social order. They are, as Puck describes them, artisans who “work for bread upon Athenian stalls” (3.2.10), the lowest of the three classes of Athenian citizens as listed by Plutarch [2, 135]. Philostrate later describes them as “Hard-handed men that work in Athens here, / Which never labord in their minds till now (5.1.72–73). Also, the personal names of the *mechanicals* (*Bottom*, *Flute*, *Quince*, *Snout*, *Snug*, and *Starveling*) associate them figuratively, usually synecdochically, with particular English trades. G.B. Evans identifies the trades in a footnote as listed at the beginning of 1.2. All of the names are simple emblems of productive labor, and collectively they elicit an appreciation for the heart of the English economy.

Despite the snarky comments of Puck and Philostrate, the “mechanicals” are all portrayed sympathetically because their goal is to please the nobles with their play “*Pyramus and Thisby*” at the wedding celebration. It is a story of true love that ends tragically – the lovers die. It comes from Ovids *Metamorphoses*, was included in Chaucers *The Legend of Good Women*, appeared in sonnet form in 1584, and was the title of at least one other Renaissance play [3, 374–375]. However, the production by the “mechanicals” turns the tragedy into comedy because of their unsophisticated exaggerations – they fear a realistic lion, they personify the wall, and Bottoms rhetoric is pure bombast. Their actions and their names demonstrate the social gulf between them and the educated audience (real and fictional), and yet their ingenuous efforts arouse genuine endearment, “Beshrew my heart, but I pity the man” (5.1.290).

6 Symbols of the natural order

With all their well-intentioned bumbling, the mechanicals help establish England as the cultural context of *MND*, not the theatrical setting of Athens, and this context is solidified by the *secondary references* of *Oberon* and *Titania*, the king and queen of fairies roaming the English countryside. As rulers they *symbolize* the order in nature, but while the marriage of Theseus and Hippolyta brought brought peace to Athens, the contention between Oberon and Titania disturbs nature, which begets temporary hardship for all (e.g., 2.1.88–117). They squabble over “a little changeling boy” (2.1.120), but affections are then magically corrected, and order is restored.

Of course, the hierarchy of the fairy world mimics the idealized order of Elizabethan England. Subordinates refer to Oberon and Titania as “King” and “Queen,” and the pre-existing meanings of these names also reflect their royal status. The name *Oberon* comes from a fairy king in Lord Berners translation (c. 1533) of the 13th century French epic poem *Huon of Bordeaux*. The story of Huon describes *Oberon* as a diminutive fairy king who controls the appearance (but not the reality) of nature. He allies himself with Christianity but subordinates himself to the true author of creation [3, 393]. The turbulence of nature (the

wind, rain, and raging rivers) that he conjures to terrify passersby turns out to be simple fantasy. Thus, the name refers to a specific fairy king who offers much to the imagination but no real harm. Shakespeare thereby ameliorates at least some of the fears lurking in the hearts of his English audience, most of whom believed that accidents, minor or even fatal, were the pranks of malicious fairies. We see instead a fairy world as part of a comic fantasy, a “weak and idle theme,” as Puck explains, “No more yielding but a dream” (5.1.427–428). It is a poetic vision in stark contrast to the polytheistic (and common) view of fairies being the causes of daily troubles.

The name *Titania* is the only name in the realm of fairies or mechanicals that has roots in classical sources. However, Shakespeare creates a new meaning by changing a generic meaning of this word into a name subsuming disparate entities and bridging the imaginative expanse of classical mythology and English folklore. Ovid follows Hesiod in using the word generically to refer variously to Pyrrha, Tethys, Latona (Greek Leto), and Circe, or presumably to any goddess descended from the previous generation of gods (the Titans). Goldings translation, on which Shakespeare relied, describes these classical goddesses as if they were familiar creatures of the fairy world in the English countryside, i.e., as “the Fairies which / Reported are the pleasant woods and water springs to haunt” [7, 131], suggesting a synthesis of classical myth and English folklore. However, Shakespeare takes this synthesis a significant step further. By using *Titania* as a proper name, Shakespeare creates not only a queen, but also a linguistic sense of hierarchal order embracing a vast and diverse collection of spiritual forces.

The names of the subordinate spirits give special emphasis to the beneficence of the natural order and its rulers. Especially the name *Robin Goodfellow* illustrates Shakespeares reinterpretation of the demon-haunted world of traditional folklore. A publication in 1628 entitled *Robin Goodfelleow, His Mad Pranks and Merry Jests* “shows a figure with devils horns and a phallus” [5, 36]. Thus, the name commonly identified blame for serious mishaps. At the same time, the terms *Pucks* and *Hobgoblins* referred to generic types of very pesky fairies. Shakespeare uses *Robin Goodfellow* as a proper name but also uses the terms *Puck* and *Hobgoblin* to refer exclusively to the same specific character. The words *Puck* and *Robin* alternate as synonymous references in the stage directions and prefixes. Shakespeare often uses generic labels or titles as his only reference to specific characters, but by using *Puck* and *Hobgoblin* to apply to a single character, *Robin Goodfellow*, he narrows the focus of possible harm from within the fairy world to a single source. The other fairies all refer to positive attributes.

This distinction is especially clear at the beginning of Act 2. Stage directions specify two fairies entering at opposite ends of the stage, suggesting two contrasting types of fairies. There is an unnamed, and apparently *representative*, fairy “at one door and Robin Goodfellow at another.” The *representative* fairy recites a poem associating himself and presumably most of the spirit world with the beauties of nature, its normal harmony, and benevolent intentions. He is in a hurry to “seek some dewdrops here, / And hang a pearl in every cowslipss ear” (2.1.14–15). He then contrasts himself with *Robin Goodfelleow*, describing that particular fairy as the “lob of spirits” (16) and as “that shrewd and knavish sprite” (33) responsible for mischief and mishaps. Shakespeare diminishes the potential threats of the spirit world even further by showing the most serious harm, juicing Lysanders eyes, to be a simple mistake. Most of *Robins* mischief amounts to his limited competence in the business of love, not to malice. He refers to himself as “an honest Puck” (5.1.431) and is certainly obedient to Oberon, who strives to match the true lovers and bless their unions.

Finally, Titantias attendant spirits obviously refer to elements of nature that commonly aid and sustain humankind. The meaning of *Peasblossom*, for example, augurs an abundant food supply and names the first character to scratch Bottoms hairy head. All four names, *Cobweb*, *Peaseblossom*, *Mustardseed*, and *Moth*, function as metaphorical endearments, and Bottom repeatedly addresses them with honorifics, *Master*, *Mounsier*, and *Cavalery*, possibly

because the roles were originally played by the noble children who attended the wedding for which the play was originally written.

At the least, the *secondary references* of these attendant spirits are harmless elements, and the actions of these characters, like the “mechanicals,” show their eagerness to please. They *symbolize* a varied but hierarchical world that envelops the other plot lines and contrasts sharply with the scary folklore published in Shakespeares own time. With these and all its names, *MND* represents a distinctive reinterpretation of the spiritual world and the sinews of love that bind the lives of nobles and commoners alike.

References

1. Black, M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy / M. Black. – Ithaca, NY : Cornell UP, 1962.
2. Brooks, H. F., editor A Midsummer Nights Dream / H. Brooks. – New York : Routledge, 1994.
3. Bullough, G., editor Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare : in 8 vol. / G. Bullough. – New York : Columbia UP, 1957. – Vol. 1.
4. Davis, J. M., Frankforter, A. D. The Shakespeare Name Dictionary / J. M. Davis, A. D. Frankforter. – New York : Routledge, 2004.
5. Holland, P., editor A Midsummer Nights Dream / P. Holland. – Oxford : Oxford UP, 2008.
6. Kripke, S. Naming and Necessity / S. Kripke. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1980.
7. Ovid. Shakespeares Ovid, Being Arthur Goldings Translation of the Metamorphoses [Electronic resource] / ed. W. H. D. Rouse. – London : De La More Press, 1904. – 1996. – Mode of access: <http://www.archive.org/stream/shakespearesovid00oviduoft#page/46/mode/2up>. – Date of access: 12.02.2012.
8. Peirce, C. S. Logic as semiotic: The Theory of Signs / C. S. Peirce // The Philosophical Writings of Peirce (1897, 1903) / ed. J. Buchler. – New York : Dover Books, 1955. – P. 98–119.
9. Plutarchs Lives Englished by Sir Thomas North : in 10 vol. [Electronic resource] / ed. W. H. D. Rouse. – London : J. M. Dent & Sons, 1910. – 2012. – Vol. 1. – Mode of access: http://files.libertyfund.org/files/1803/0988-01_Bk.pdf. – Date of access: 12.02.2012.
10. Shakespeare, W. The Riverside Shakespeare / W. Shakespeare; ed. G. B. Evans. – Second edition. – Boston : Houghton Mifflin, 1997.

Н.Д. Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
e-mail: tashastrel@mail.ru

УДК 81:821.161.1

СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Ключевые слова: *антропонимы, петербургский текст, символ, Достоевский, воскресение, скрипач.*

Статья посвящена именам собственным главных героев романа Е. Водолазкина «Авиатор». Особое внимание уделено антропонимам, являющимся символами, что характерно для «петербургского текста», каковым является рассматриваемое в статье произведение.

SEMANTICS OF ANTHROPONYMS IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL "PILOT"

Key words: anthroponyms, the St. Petersburg text, symbol, Dostoyevsky, resurrection, violinist

The article is connected with E. Vodolazkin's novel "Pilot" and devoted to the main characters' proper names which we see in the novel. The emphasis is put on anthroponyms that are claimed to be the symbols, which are typical for "the St. Petersburg text". The piece of work reviewed in the article is considered to have the characteristics described above.

Действие философско-психологического романа Е. Водолазкина «Авиатор» (2016) происходит в 1999 году. Главный герой – Иннокентий Петрович Платонов – проснулся в петербургской больнице после замораживания в результате научного эксперимента, произведённого в лаборатории Соловецкого лагеря особого назначения группой академика Муромцева. Он не помнит, кто он и откуда, но постепенно вспоминая отдельные фразы и всплывающие в памяти мельчайшие детали, сопоставляя фрагменты прошлого, он восстанавливает свою жизнь, записывая по совету доктора Гейгера воспоминания.

Особый пласт в многогранном интеллектуальном романе Евгения Водолазкина принадлежит семантике собственных имён главных героев – *Иннокентия, Анастасии, Нasti, Гейгера, Зарецкого*. Отчасти эти «говорящие имена» являются важной составляющей «петербургского текста», в котором значимым становится буквально всё. Конечно, и место действия – Петербург, где городской пейзаж значит больше, чем фон, и сами образы героев – жителей города, и фиксация эмоционального отношения к городу и многое другое. В.Н. Топоров, говоря о специфических особенностях петербургского текста, написанного и продолжающегося создаваться многими авторами, подчёркивал следующее. «Петербургский текст <...> не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход *a realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать («проверять») связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста» [12, 20].

Роман «Авиатор» представляет собой классический «петербургский текст», главный герой которого – человек Серебряного века. По мнению З.Г. Минц, Серебряный век и особенно «символизм превратил пёстрое наследие XIX века в петербургский текст» [5, 79]. Многочисленные реминисценции текста Е.Г. Водолазкина свидетельствуют об этом, начиная с названия, отсылающего к одноимённому стихотворению А.А. Блока. Между тем, нельзя не заметить, что среди смысловых субстратов «Авиатора» ведущее место занимает Ф.М. Достоевский и его петербургские повести и романы.

«Автор, по собственному признанию, назвал своего «авиатора» Иннокентием, потому что имя означает «невинный», а ему «на роду написано» быть невинной жертвой происходивших в его жизни событий» [8]. Таким образом, семантика имени главного героя тесно связана с одной из главных тем романа – темой вины или её отсутствия, а значит, с категорией справедливости или проблемами «преступления и наказания». Ф.М. Достоевский присутствует в тексте и эксплицитно: в разговоре с другом детства, кузеном Севой, Иннокентий спрашивает, читал ли он «Бесов»?

Возлюбленную авиатора Платонова зовут Анастасия. «Удивительное имя – полногласное и нежное одновременно, три «а», два «с»» [3, 54]. Это имя – женская форма

мужского имени Анастас и буквально значит «воскрешение» (греч.), «возвращение к жизни». Анастасия – общепринятое календарное имя [11, 25]. Народной формой от имени Анастасия, его вариантом является имя Настасья, распространённое в XIX веке, например, не раз встречающееся в произведениях Ф.М. Достоевского, где оно всегда выполняет свою семантическую функцию («Преступление и наказание», «Идиот», «Белые ночи»). В Комментарии к роману «Преступление и наказание» С.В. Белов пишет: «Хозяйская прислуга Настасья не случайно носит это имя: Анастасия означает «воскрешение» (греч.) И это очень важно. Настасья <...> – символ матери-земли. И хотя Раскольников надругался над породившей его матерью-землёю, она в лице Настасьи по-прежнему заботится о нём, верит в его воскресение. В этой заботе и в этой вере – залог возрождения Раскольникова» [2, 78]. Возможно, слишком прямолинейно, но Анастасия в «Авиаторе» абсолютно соответствует своему имени, она продолжает любить и ждать Платонова вопреки всему, остаётся верной его памяти, действительно «воскрешает» своего любимого [3, 167–168]. «Передо мной лежит единственный близкий мне человек, и если состояние его таково, то это нужно принимать как данность. Счастье, что он есть, что продержался до моего *возвращения к жизни*» (курсив мой – Н.С.) [3, 173], – приводит автор размышления героя, дословно переводя имя героини. Внучка Анастасии, Настя, 1980 года рождения, явившись в жизни Иннокентия, вскоре становится его женой. Она похожа на бабушку Анастасию, те же волосы, та же походка, та же улыбка.

Герой всё чаще возвращается к мысли о своём внезапном воскрешении, сопоставляя себя – бывшего ЛАЗАРЯ с Лазарем библейским. Аббревиатура ЛАЗАРЬ означает «Лаборатория по замораживанию и регенерации» [3, 207]. «О воскрешении думаю всё чаще. О нём говорит и Настино имя. Иногда мне кажется, что Настя воскресила Анастасию» [3, 287]. В какой-то момент в сознании героя образы Анастасии и Насти сливаются [3, 218].

Многое в повествовании Е. Водолазкина двоится, повторяется, закольцовывается. Первое осознанное воспоминание связано с бабушкой, читающей книгу, этим же фрагментом заканчивается роман; возлюбленная Анастасия является бабушкой возлюбленной Насти; по роковому стечению обстоятельств фамилия следователя, допрашивающего Платонова, – Бабушкин. На Соловках одним из самых жестоких надзирателей был Воронин, который «присвоил самую дорогую мне, – пишет Иннокентий, – фамилию. Придают ли *там* значение фамилиям?» [3, 186].

Трогательные высокие отношения Иннокентия и Анастасии вызывают ассоциации с «Белыми ночами» Ф.М. Достоевского, воскрешают в памяти его Мечтателя и Настеньку. А ведь Авиатор – это Мечтатель, «человек, способный оторваться от земли» [3, переплёт]. А мысль о том, что «может быть выше справедливости <...> милость [3, 265], «не милость – любовь» [3, 316] – перефразировка мысли Достоевского, звучащая и в «Преступлении и наказании», и в повести «Белые ночи»: «Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! <...> Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..» [4, 59].

Так как «Авиатор» рассматривается в данной статье как фрагмент «петербургского текста», нельзя не сказать о двух естественных параллелях, возникающих при упоминании имени Иннокентий. Во-первых, это Иннокентий Анненский, петербургский поэт-символист, во-вторых, артист Иннокентий Смоктуновский, гениально сыгравший князя Мышкина в блистательной постановке Георгия Товстоногова в БДТ (премьера 31 декабря 1957 г.). Этот спектакль стал легендарным и знаковым событием культурной жизни Ленинграда 60-х годов XX века. Ассоциация закономерная, так как представляется уместным сопоставить роман «Авиатор» с романом Ф.М. Достоевского «Идиот». Тема человека чистого сердцем, попавшего в чуждый мир, в котором люди становятся

чище и добрее в результате общения с ним. Обращение к Анненскому вызвано стихотворением «Смычок и струны»:

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно, ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но ластьясь трепетали.
«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? Довольно?..»
И скрипка отвечала *да*,
Но сердцу скрипки было больно.
Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось... [1, 217]

Фамилия врача, под наблюдением которого находится главный герой, – Гейгер, что в переводе с немецкого значит «скрипач». Настя, упоминая об этом, рассуждает о художественных способностях Гейгера»[3, 298]. Почему такая фамилия у врача? Может быть, это тоже связано с «петербургским текстом», с повестью Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова». Главным героем этой книги является художник Ефимов, скрипач, человек трагической судьбы. Так неожиданно возникает этот подтекст и образ – символ скрипки, музыкального инструмента с обширным кругом как божественных, так и демонических коннотаций. «В семиотическом аспекте скрипку отличает обширная сакральная символика. <...>. Жизнеописание Ефимова, можно толковать как “Повесть о волшебной скрипке и её несчастном заложнике”» [9, 330].

Выбирая имя будущей дочери, Иннокентий думает: «Она продолжила бы этот ряд – Анастасия, Настя ... Непонятно лишь, как её следовало бы назвать. Неудобно, когда вся семья носит одно имя» [3, 228]. Возможны разные варианты имени Анастасия, например:

Что в глазах ненастненько,
Дождики косые,
Ася, Стася, Настенька, –
Дочь Анастасия! [10, 269]

Закономерно и точно, в результате сложения двух первых букв любимых имен, рождается новое – АННА, представляя собой сочетание АНастасии и НАсти. И это старое, традиционное и одновременно новое, наполненное особым смыслом, имя более символично, чем любой из вариантов, предложенный в стихотворении И. Снеговой. Кстати, Неточка из повести Достоевского – краткое домашнее имя от Анны.

Отчество Петрович столь естественно и закономерно в «петербургском тексте». Кстати, оно частотно в петербургских повестях и романах Ф.М. Достоевского: титулярный советник Яков Петрович Голядкин («Двойник»), сочинитель Иван Петрович («Униженные и оскорблённые»), Александр Петрович Горянчиков («Записки из Мёртвого дома»), следователь Порфирий Петрович, надворный советник Петр Петрович Лужин и помощник квартального надзирателя Илья Петрович («Преступление и наказание»). Известно, что имя апостола Петра, духовного покровителя Санкт-Петербурга, города святого Петра, означает «камень».

Фамилия Платонов, с одной стороны, восходит к Платону, древнегреческому философу и его диалогу «Государство», в котором философ излагает идею идеального государства, в основе которого лежит идея справедливости. С другой стороны, имя Платон в переводе с греческого означает «широкоплечий», но мы привычно связываем имя со значением «мудрый» по ассоциации с Платоном. Наконец, небезынтересно провести параллель с известным писателем Андреем Платоновым, ровесником авиатора Платонова. Тема смерти занимает важное место в творчестве писателя, он размышляет о про-

блеме воскрешения мёртвых. Для многих его героев идея воскрешения связана с верой в светлое будущее – коммунизм. «Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? < ...> Марксизм всё сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждёт – воскреснуть хочет» [6, 170–171].

Фамилия Платонов во второй части романа становится фактически именем, Настя начинает называть его Платоша. Так, пара Иннокентий – Анастасия с обращением на «вы» становится во второй части романа парой Платоша – Настя с обращением на «ты».

Любопытно, что все три имени главного героя – Иннокентий, Пётр, Платон относятся к именам ограниченного распространения, то есть достаточно редким [11, 90].

Вторая часть романа представляет собой дневниковые записи не только Платонова, но и Гейгера, и Насти, напоминая полифонический роман в стиле Ф.М. Достоевского. В романе упоминается также, что Иннокентий читает М. Бахтина, писавшего о полифоническом романе Ф.М. Достоевского.

И наконец, размышляя о «петербургском тексте» Е. Водолазкина нельзя не обратиться к А.С. Пушкину. Во-первых, к этому взывает фамилия Зарецкий, адресуемая к роману в стихах «Евгений Онегин». Вспомним строки:

К тому ж – он мыслит – в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист... [7, 177]

Зарецкий, казалось бы, второстепенный персонаж, сыграл, тем не менее, роковую роль в центральной сцене романа – дуэли между Онегиным и Ленским. Пушкин даёт достаточно развёрнутую характеристику Зарецкому, она занимает пять строф 6 главы (IV – VIII) романа.

«В дуэлях классик и педант, / Любил методу он из чувства, / И человека растянуть / Он позволял не как-нибудь, / Но в строгих правилах искусства, / По всем преданьям старины...» [7, 186], – пишет поэт. Зарецкий мог бы предотвратить дуэль, мог «помириться их заставить...» [174], однако не делает этого и становится виновником смерти Ленского. Зарецкий – отрицательный персонаж, он расчетлив и хитёр: «Умел он весело поспорить, / Остро и тупо отвечать, / Порой расчетливо смолчать, / Порой расчетливо повздорить...» [7, 174]. Он него зависит в силу сложившихся обстоятельств судьба главных героев, хотя он появляется в их жизни абсолютно случайно. Может быть, тема судьбы, одна из ведущих в творчестве А.С. Пушкина, явившаяся в образе Зарецкого, сподвигнула Е. Водолазкина назвать отрицательного героя своего романа именно так. Кстати, у него нет ни имени, ни отчества, только фамилия.

И, пожалуй, последнее соображение по поводу имени Иннокентий. «Это моё *вы* и *Анастасия* кажутся мне сейчас чем-то избыточным, даже забавным. Но тогда они были для меня чуть ли не порукой её, Анастасии, неприкосновенности. До некоторой степени – символом моей аскезы, чем-то вроде рясы, в которой иноку, наверное, проще сопротивляться искушениям. Или, наоборот, сложнее» [3, 99]. Таким образом, принимая во внимание созвучие имени героя и слова ИНОК, имя Иннокентий обретает дополнительные коннотации.

Литература

1. Анненский, И. Ф. Русские поэты «серебряного века»: сб. стихотворений: в 2 т. /И. Ф. Анненский; сост., авт. вступ. статьи и комментариев Кузнецова О. А. – Л.: Ленингр. ун-т, 1991. – Т. 1. – 464 с.
2. Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя / под ред. С. Лихачёва – М.: Просвещение, 2016. – 240 с.
3. Водолазкин, Е. Г. Авиатор / Е. Г. Водолазкин. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410 с.

4. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Худож. лит., 1956. – Т. 2. – 664 с.
5. Минц, З. Г. Петербургский текст и русский символизм / З. Г. Минц // Семиотика города и городской культуры : Учён. записки Тартус. гос. ун-та. – Вып. 664. – Тарту, 1984. – С. 79.
6. Платонов, А. П. Ювенильное море : повести, роман / А. П. Платонов. – М. : Современник, 1988. – 560 с.
7. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1974. – 324 с.
8. Пять причин прочесть новый роман Евгения Водолазкина «Авиатор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <style.rbc.ru/view/books/571e46939>. – Дата доступа: 09.01.2018.
9. Ренанский, А. Л. Грех художника и химеры искусства (Жизнеописание скрипача Егора Ефимова в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова») / А. Л. Ренанский // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Том 3. – № 5. – С. 321–341.
10. Снегова, И. Внезапный свет / И. Снегова. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 411 с.
11. Суслова, А. В., Суперанская, А. В. О русских именах / А. В. Суслова, А. В. Суперанская. – Л. : Лениздат, 1985. – 222 с.
12. Топоров, В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры : Учён. записки Тартус. гос. ун-та. – Вып. 664. – Тарту, 1984. С. 5–29.

В.И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

e-mail: suprun@vspsu.ru

А.В. Данилов

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: aldaniks@yahoo.com

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

КОЛРОНИМЫ В НАЗВАНИЯХ МОСТОВ: СИНИЙ МОСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: *гефироним, колороним, апеллятивно-онимический комплекс, цвета радуги, художественный текст, Синий мост.*

Мосты привлекают внимание людей своей функцией соединения берегов рек и водоёмов, возможностью передвижения по ним и осуществления социальных, экономических и культурных контактов. Гефиронимы становятся важными ориентирами в топонимическом пространстве городов. Синий мост является достопримечательностью Санкт-Петербурга, он стал объектом описания в художественных и мемуарных текстах, определяя топонимическое повествование, организуя также хронос через описание событий, происходящих около него. Во многих произведениях российских литераторов упоминаются одни и те же действующие лица, они проживают в одних и тех же домах в окрестностях Синего моста, гефироним для них становится точкой отсчёта для фактов истории города, страны и личной биографии.

COLOR TERMS IN THE NAMES OF THE BRIDGES: THE BLUE BRIDGE IN FICTION

Key words: the name of the bridge, color term, complex of proper name and common noun, rainbow color, literary text, Blue bridge.

Bridges attract people's attention for its function of connection of banks of rivers and reservoirs, the possibility of movement on them, and implementation of social, economic and cultural contacts. The names of the bridges become important landmarks in toponymic space of cities. Blue bridge is a landmark of St. Petersburg, it became the object of description in fiction and memoir texts, defining topos of storytelling, organizing also chronos through the description of the events occurring around its. In many works of Russian writers mention the same actors, they live in the same houses in the vicinity of the Blue bridge, the name of the bridge for them becomes a reference point for the facts of the history of the city, country and personal biography.

Человек воспринимает мир во всём его многоцветии. Цвет пронизывает все сферы жизни человечества и каждого из его индивидов. «Трудно назвать такую область культуры, где цвет не играл бы более или менее существенной роли» [13, 172]. При этом восприятие цвета у разных народов специфично: «существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах (например, “зелёное” в США – безопасность, а во Франции – преступление; белый цвет у китайцев – символ траура, печали, а у европейцев эти функции выполняет чёрный цвет). Следовательно, цветовой язык человека ментален по своей природе. За цветом люди видят смыслы» [10, 105]. Однако процессы глобализации затрагивают и эти устойчивые этнопредставления. Ныне молодёжь Китая смело надевает белые одежды, считая их нарядными. Чёрный цвет в Европе и Америке является сейчас модным («маленькое чёрное платье» Коко Шанель), женщины охотно носят чёрные платья, не связывая цвет одежды с трауром. Однако по-прежнему в России и других странах европейской культуры на похороны надевают одежду чёрного цвета. Во Вьетнаме на похоронах близкие родственники (родители, муж / жена и дети умершего) чаще всего надевают белое платье, сшитое из особенно тонкой ткани, а под ним – одежда чёрного цвета. На голове у близких и более далёких родственников скончавшегося вьетнамца белый платок.

Р.М. Фрумкина отмечает в русской наивной картине мира семь цветов радуги, а также розовый, коричневый и так называемые ахроматический цвета – чёрный, белый, серый [17, 64–85]. Теория живописи выделяет три основных цвета (красный, жёлтый, синий) и три производных (зелёный, оранжевый, фиолетовый). Отдельно стоят ахроматические цвета: чёрный, белый и все серые [2; 5; 8]. Психофизиологические исследования привели к выявлению четырёх основных цветов: красный, жёлтый, зелёный и синий [23].

В этих искусствоведческих и психофизиологических наблюдениях отсутствует голубой цвет, входящий в традиционную палитру радуги. Её многоцветный спектр непрерывен, но в нём принято выделять 6 или 7 цветов. В первом случае называют всё те же основные и производные цвета. Считается, что первым число 7 для описания радуги использовал в 1704 году Исаак Ньютон. Эту цифру он выбрал под влиянием древнегреческих философов и с учётом сакральности числа 7: учёный считал, что существует связь между цветами, музыкальными нотами, объектами Солнечной системы и днями

недели. Поскольку в английском языковом сознании нет различий между синим и голубым цветом, они номинируются одной лексемой blue, Ньютон для голубого цвета оставил это цветообозначение, а синий цвет (violet-blue) обозначил заимствованной лексемой indigo ‘синий порошок, получаемый из некоторых растений и используемый как краситель’, который незадолго до этого (с 1620-х годов) стал использоваться англичанами и как обозначение цвета, более тёмного, чем blue. Слово это было заимствовано из испанского *indico*, португальского *endego* или голландского (из португальского) *indigo*, восходящих к латинскому *indicum*, пришедшему в латынь из греческого *ινδικόν* ‘синий краситель из Индии’ от *ινδικός* ‘индиец’, *Ινδία* ‘Индия’ [25].

Так возникла у англоязычных народов мнемоническая формула – псевдоантропоним Roy G. Biv (red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet) [20]. В русской лингвокультуре ту же функцию выполняет известное с младших классов школы предложение «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Французы также использовали название *indigo* для синего цвета, выстроив свою мнемоническую формулу в обратном порядке: VIBVJOR (violet, indigo, bleu, vert, jaune, orange, rouge) [24, 20]. Немцы, для которых слово *Indigo* было непривычным, экзотизмом, включили в цвета радуги слова со значениями ‘светло-синий’ и ‘тёмно-синий’: *Hellblau*, *Dunkelblau*. В последнее время и в немецкую лингвокультуру вошла английская формула со словом *Indigo*, возникла аббревиатура ROGGBIV (rot, orange, gelb, grün, blau, indigo, violett), для расшифровки была придумана мнемоническая формула с использованием ещё одного (подразумеваемого) заимствования из английского: *Römer Ohne Große Größe (chatten) Bis Vier* (Римляне без больших размеров чатятся до четырёх). Чехи обычно выделяют 6 цветов радуги (*červená, oranžová, žlutá, zelená, modrá, fialová*), для запоминания последовательности которых придумали несколько мнемонических подсказок: *Češi obvykle žijí z mála financí* (Чехи обычно обходятся малыми финансами); *Číňan obličej žlutého zamával modrým fáborem* (Китаец с жёлтым лицом замахал синей лентой); *Čermák oznámil, že zítra máme fyziku* (Чермак сообщил, что завтра у нас физика). В последнее время и в их этносознание внедряется идея о семи цветах радуги. Видимо, под влиянием немцев они добавили в свой состав цветов колоронимы *světle modrá, tmavě modrá*. Потом под влиянием английской лингвокультуры они всё-таки вставили цвет *indigo*, пояснив его: *tmavě modrá* ‘тёмно-синий’, после чего придумали новое предложения для мнемотехники: *Červená opice žrala zelený meloun indickému fakírovi* (Красная обезьяна жрала зелёный арбуз индийского факира). **Подобные мнемотехнические предложения имеются и у других народов.**

В современных лингвистических работах термин *колороним* получил достаточно широкое распространение, хотя пока ещё не попал в словари лингвистических терминов (см.: [4; 11]). Под ним понимается языковая единица, номинирующая цвет. Она может быть выражена словом (*чёрный, белый, зелёный; красно-коричневый, жёлто-горячий; бледно-розовый, тёмно-жёлтый; черно, бело; чернота, белизна*), словосочетанием (*цвета морской волны, черным черно*), корневой морфемой (*белокаменный, зеленоглазый*), сложными текстовыми конструкциями: *И мой сосед справа, миловидный турецкий офицер в малиновой феске, в синем мундире с иголки и с блестящим медным полумесяцем на груди, скромно улыбается, а сосед слева, чёрный старик в белом халате и белой чалме, в больших жёлто-зелёных очках, без носа, с голой верхней губой в лиловых швах, важно поднимает свою мёртвую голову, булькая кальяном* (И. Бунин. Тень птицы). Слово создано по образцу лингвистических терминов *синоним, антоним, омоним*, однако в первой части содержит не греческий терминологический элемент *χρῶμα*, а латинское *color* ‘цвет’, что связано, видимо, с широкой представленностью латинского слова в европейских языках: англ. *color*, фр. *couleur, coloris*, исп. *color*, ит. *colore*, польск. *kolor*, идиш קאליר [*kolir*], укр. *колір*, блр. *колёр*. В русском профессиональном языке также ис-

пользуется слово *колер* ‘цвет, окраска; оттенок и густота краски’ [БТС, 439]. Характерно, что термин *колороним* используется в работах о цветообозначении в европейских языках [3; 7] или в сопоставительных исследованиях [6]. В англоязычной лингвистике употребляется термин *color terms* [18; 19; 21; 22].

Колоронимы не могли не отразиться в топонимическом пространстве разных народов. Они встречаются во всех разрядах топонимов, но в каждом из них обладают разной представленностью и ассоциируются с различными смыслами, специфичными для разных этнокультур. Цветообозначения способны образовывать не только топонимы, но и эргонимы [16]. В топонимии активно используются только ахроматические единицы и некоторые колоронимы из основных цветов (красный, жёлтый, зелёный, голубой / синий), отдельные колоронимы используются спорадически, практически отсутствуют в топонимиконе (оранжевый, фиолетовый).

Мосты занимают важное место в жизни человечества. Они были одним из древнейших инженерных изобретений людей. По мере устройства постоянных поселений на реках возникала потребность в перемещении жителей и их имущества на противоположный берег. Необходимы были мосты на дорогах, соединявших города. Мосты строились на рвах, окружавших крепости, чтобы по ним можно было попасть в поселение.

Для названий мостов нами был предложен термин *гефиронимы* < греч. γέφυρα ‘мост’ + *оним* [9, 23]. Эти наименования соприкасаются с другими топонимическими единицами, составляя с ними единое топонимическое пространство, а в пределах города они взаимодействуют с урбанонимами, с которыми обладают общими деривационными, семантическими и лингвокультурными характеристиками. Гефиронимы имеют облигаторную формулу: *название* + *мост* (в пост- или препозиции), как другие единицы периферийных ономастических разрядов, они существуют только в виде апеллятивно-онимических комплексов [14].

Названия мостов входят в городское онимическое пространство. Они выполняют те же функции, что и обнаруженные замечательной белорусской исследовательницей А.М. Мезенко у урбанонимов: хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры, воспроизведения запечатлённого и сохранённого в названии связи гефиронима с другими значимыми объектами сообщения о событиях и людях, связанных с наименованием моста, обобщения информации и представления устойчивых общественных знаний о мире, оценочную и отсылочную [12].

Основными принципами создания гефиронимов с античных времён и по наши дни являются топонимический (географический), антропонимический и описательный [15; 476]. Они хорошо обнаруживаются в «городе мостов» – Санкт-Петербурге. На топонимическом принципе покоятся названия петербургских мостов: Обуховский мост, Большеохтинский мост, Малоохтинский мост, Большой Ижорский мост, Витебский мост, Балканский мост, Варшавский мост, Могилёвский мост, Коломенский мост, Египетский мост и др. Особую подгруппу составляют гефиронимы, образованные от урбанонимов; мост выходит на ту или иную улицу и по ней получает наименование: Литейный мост, Сенной мост, Растанный мост, Гренадерский мост, Кантемировский мост, Мучной мост и мн. др. В Санкт-Петербурге существует также модель образования названий мостов по реке, через которую он перекинут, по острову, к которому он ведёт: Чернореченский мост, Таракановский мост через Таракановку, Смоленский мост через Смоленку, Славянский мост на Славянке и др. Антропонимическая модель нашла воплощение в петербургских гефиронимах: Александровский мост, Борисов мост, Висконтиев мост, Бертонов мост, мост, Матисов мост, мост Александра Невского, мост Воровского, мост Ахмата Кадырова и др. [1].

Описательные названия мостов Санкт-Петербурга можно распределить на несколько групп: 1) по цвету (Синий мост, Зелёный мост на Мойке, Чёрный мост на реке Смоленке, Красный мост и др.); 2) по материалу (Каменные мосты на канале Грибоедова, Новый Чугунный мост через Адмиралтейский канал, Ново-Кирпичный мост и др.); 3) по внешнему виду (несколько Горбатых мостов в разных районах города и пригородах, Трёхчастный мост, Тройной мост); 4) по расположенному рядом зданию, сооружению, примечательному месту (Дворцовый мост, Биржевой мост, Почтамтский мост, Ипподромный мост, Театральный мост, Монастырский мост, Старообрядческий мост, Госпитальный мост и др.). Ориентация по сторонам света отражена в гефирониме *Северный мост*. Подобные названия отмечены во многих городах мира: Северный мост в Воронеже, Череповце, Магнитогорске (переход), North bridge в Эдинбурге, Перте (Австралия), Западный мост в Москве, Ростове-на-Дону, Твери, Восточный мост в Москве, Твери, Южный мост в Самаре и т.п.

Названия мостов по цвету выделяются на фоне других своей необычностью, вызывают размышления о причинах такого наименования, о его поэтической функции, поэтому такие гефиронимы находят широкое использование в художественных и публицистических текстах. В Национальном корпусе русского языка и в других источниках было обнаружено большое количество контекстов с названиями мостов, в основном петербургских.

В разных городах мира мосты носят название *Синий*. Как правило, это связано с краской, которой они были покрашены. Синие мосты имеются в Великом Новгороде, Кудымкаре, Кронштадте, Саблино, Калуге, Амстердаме, Вашингтоне, Орегоне и др. Однако самый известный из них – петербургский, поскольку это самый широкий мост в городе и в мире. Его ширина 97,3 м при весьма небольшой длине, поэтому этот мост иногда называют *мост-площадь* или *мост-невидимка*. Название Синий мост известно с 20 апреля 1738 года, оно происходит от первоначального деревянного моста, перила которого были выкрашены в синий цвет [1]. Он сразу привлёк внимание горожан, по нему ориентировались жители в своих передвижениях по городу. Первое упоминание о Синем мосте было сделано «Императорской Академией наук при библиотеке» помощником Андреем Ивановичем Богдановым (1696–1766), который в 1751 году подготовил рукопись «Описание Санктпетербурга». Эта рукопись хранилась в Санкт-Петербургском архиве РАН, пока не была опубликована в конце XX века. В ней приводятся интересные подробности о событиях, происходивших в районе Синего моста: «Комедианской Анбар, построен у Синяго Мосту, в которых отправляют комедии куколные, 1749-го году; Полковой Адмиралтейской Двор, которой стоял у Синяго Мосту, на берегу Мойки Речки, которой, за ветхостию и для построения обывательских домов, с того места перенесен к новопостроенным Адмиралтейским Светлицам; Площадка на Адмиралтейской же Стороне, у Синяго Мосту, которая с 1735-го году нарочно впрёд для случая оставлена, на которой толко одне извощики и колашники становятся; Вознесенская Улица, построенная деревянным преизрядным регулярным строением, которая почитается от Синяго Мосту, и продолжается до Семеновских Светлиц» [АИБ].

Дважды встречается название этого петербургского моста в «Записках современника» Степана Петровича Жихарева (1787–1860). Оба раза они отмечены в «Дневнике чиновника», написанном в 1806–1809 годах. В первом эпизоде автор рассказывает: «Вчера вечером я был у князя Шаховского. Он живет у Синего моста, в доме Гунаропуло, на углу Большой Морской». Во втором эпизоде Пётр Петрович Свиньин (1784–1841), будущий тайный советник и сенатор, просит автора и его спутника научить его говорить по-немецки, чтобы написать «объяснение в любви к булочнице, что вон там, у Синего моста, в лавке сидит» [СПЖ].

Многие адресаты А.С. Пушкина проживали около Синего моста. 5 раз употребляет поэт этот гефироним, все они отмечены в адресах писем: «У Синяго мосту въ домѣ Американской компаніи» проживал Александр Александрович Бестужев (письмо от 30 ноября 1825 года), два письма были отправлены Александру Филипповичу Смирдину «въ С. Петербургъ у синяго моста» (письма от 11 и 22 июля 1831 года), обстоятельно подписан адрес «Его Высокоблагородію М.Г. Михайлу Даниловичу Деларю въ С.-Петербургъ у синяго моста въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ» (письмо от 28 сентября 1831 года), «За Синим мостом на Мойке в собств^{енном} доме» жил Николай Иванович Греч (письмо от 13 октября 1836 года) [АСП].

Уточнѣн адрес Смирдина в письме Александра Осиповича Корниловича его брату Михайлу: «из книгопродавцев советую обратиться к Алекс^{андру} Филип^{повичу} Смирдину, у Синего моста, в дом Гавриловой» [АОК]. Вспомним, что А.С. Пушкин высоко оценил этого будущего декабриста в одном из писем 1824 года: «Корнилович славной малой и много обещает» [АСП]. В повести «Незнакомка», «статье для моего хозяина» (1833), которая написана от имени книги, рассказывается: «При перевозке нас от Синего моста на новую квартиру меня как-то поставили между двумя, вовсе незнакомыми книгами» [ОИС].

Герой романа Н.И. Греча «Чѣрная женщина» (1834) Тряпицын постепенно повышает свой социальный статус: «Табачная лавочка у Синего Мосту лишилась в нём постоянного покупателя: он нюхал табак рульный, а потом и настоящий французский, уже не из скромной тавлинки или ветхой бумажной табакерки с изображением турецкого султана, а из серебряной, по высоким праздникам из золотой» [НИГ]. Известный российский военачальник, первый командующий внутренней стражи России Евграф Федотович Комаровский в своих мемуарах вспоминает: «Когда принц Конде был в Петербурге, его величество пожаловал ему дом у Синего моста, бывший графа Чернышева, и на коем написано было: Отель Конде» [ЕФК].

Гефироним встречается в повести В.А. Соллогуба «История двух калош» (1839). В нём главный герой проходит по Синему мосту: «С Малой Морской, где жил Мюллер, он поворотил к Синему мосту и пошёл в Коломну». Коломной в Санкт-Петербурге называли тогдашнюю нищую окраину от Большой Невы до Фонтанки, которая только начинала отстраиваться после большого пожара 1737 года.

В рассказе «Шарманщик», впервые опубликованном в 1841 году, В.Ф. Одоевский в качестве ориентиров повествования использует названия двух цветных мостов Санкт-Петербурга: «Уж он перешёл через Синий мост, прошёл Красный и быстро бежал по гранитному тротуару Мойки, как вдруг Ваня за что-то запнулся, смотрит, – перед ним лежит маленький ребёнок, закутанный в лохмотья» [ВФО].

Этот же гефироним встречается в критико-библиографической статье В.Н. Майкова «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым» (1846), в воспоминаниях Ф.В. Булгарина (1846–1849), в записках директора Императорской публичной библиотеки графа М.А. Корфа (1838–1852), в «Записках о моей жизни» (1849–1856) Н.И. Греча, в сочинении И.П. Липранди 1857 года, в части четвёртой «Былого и дум» А.И. Герцена, в рассказах об А.С. Грибоедове (1842–1866) Д.А. Смирнова, в книге М.А. Бестужева «Братья Бестужевы» (1869), в дневнике Д.А. Милютина (1876), в книге А.В. Никитенко «Моя повесть о самом себе» (1860–1877), в воспоминаниях Т.П. Пассек «Из дальних лет» (1878–1889), в романе Н.Э. Гейнце «Герой конца века» (1898), в биографической повести «Школа жизни великого юмориста» (1899) В.П. Авенариуса и др.

В «Записках маркёра» Л.Н. Толстого (1853–1855) Синий мост (точнее, совершенные предполагаемых действий ради денег) стали символом жадности одного из героев: «Ну, как водится, проиграл я первую партию: полез, кряхчу. Тут Оливер, Пан с местов

пососкочили, киями стучат. – Славно! Ещё, – говорят, – ещё! А уж чего “ещё”! Особенно *Пан*-то за полтинник рад бы не то под бильярд, под Синий мост пролезть. А то туда же кричит: – Славно, – говорит, – пыль не всю еще вытер» [ЛНТ, 35]. Н.А. Добролюбов, рассуждая о «мании к нищенству», в своей статье «Внутренне обозрение» (1861) рассказывает об одном из нищих, упоминая о Синем мосте: «У Синего моста в Петербурге долго сидел также старик, собиравший подаяние. Присмотрев *генерала*, благоволившего к нему, нищий однажды утруждает его своей покорнейшей просьбой пожаловать к нему выкушать стакан чаю. Просьба эта показалась до того оригинальною генералу, что он соглашается и отправляется в назначенный час по указанному адресу, в огромный каменный дом, который, как он узнает, принадлежит мнимому нищему. В хорошо убранной большой квартире, в бельэтаже, гостя встречает сам попрошайка, элегантно одетый, жена его и дочь; жена со слезами рассказывает, что она не может отучить мужа от странной привычки ходить каждое утро просить милостыню» [НАД].

Героиня повести Н.Д. Ахшарумова «Концы в воду» использует гефироним для указания на новое место своего жительства: «Мы переехали из Мещанской на Мойку, к Синему мосту, и в новой квартире приёмные комнаты, начиная с прихожей, убраны были уже весьма прилично, а мой будуар даже роскошно» [НДА].

Первый биограф Михаила Юрьевича Лермонтова Павел Александрович Висковатый (1842–1905) в книге «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова» (1891) приводит гефироним в сочетании с ойкодомонимами (по имени владельцев), определяющими место пребывания юного поэта в Санкт-Петербурге: «Снабжённый свидетельством о пребывании в университете, Лермонтов с бабушкой летом 1832 года отправились в Петербург, где поместились в квартире на берег Мойки, у Синего моста, в доме, который позднее принадлежал журналисту Гречу; Школа помещалась в то время у Синего моста, в здании, принадлежавшем когда-то графам Чернышевым, а потом перестроенном во дворец великой княгини Марии Николаевны» [ПАВ].

В романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» (1894) его герой, alter ego автора, попадает на заседание Этномологического общества: «Этномологическое общество заседало у Синего моста, в помещении министерства» [ДНМС].

Не забыли писатели о Синем мосте и в XX веке, он встречается в историческом очерке к 200-летию Санкт-Петербурга В.Г. Авсеенко (1903), в «Истории моей жизни» А.Ф. Редигера (1918). Дважды название моста употребляется в романе Д.С. Мережковского «Александр Первый» (1913): «Один из директоров Тайного Общества, отставной подпоручик Кондратий Федорович Рылеев, жил на Мойке у Синего моста, в доме Российско-Американской компании, где служил правителем дел. По воскресеньям бывали у него “русские завтраки”» <...> Рылеев и Бестужев, сидя у камелька в столовой, той самой, где происходили русские завтраки, разговаривали о делах Тайного Общества. Дрова в камельке трещали по-зимнему, и зимний ветер выл в трубе. Из окон видно было, как на повороте Мойки, у Синего моста, срывает он шапки с прохожих, вздувает парусами юбки баб и закидывает воротники шинелей на головы чиновникам» [ДСМ].

В советскую эпоху писатели в основном описывают события прежних времён, происходившие в Санкт-Петербурге около этого моста. В романе В.Я. Шишкова «Емельян Пугачёв» (1939–1945) трижды люди разных социальных слоёв собираются у этого моста: «С весны Петербург становился оживленным, многолюдным. Через все заставы вливались в город партии крестьян, прибывших со своими старостами на строительные работы. Ежели староста бывалый человек, он вёл артель сразу к квартире подрядчика. Большинство же пришельцев, с пилами, топорами, сундуками, кошельками, валило на площадь возле Синего моста чрез Мойку, недалеко от дворца графов Чернышевых. Здесь издавна было нечто вроде биржи труда – место найма рабочих, прислуги, а иногда и продажи рабов. Огромное скопище народу уже часов с четырёх утра

занимало всю площадь, оба берега Мойки, мост. Одни, сбросив с плеч инструменты, стояли, опершись на заступ или заложив мозолистые руки за спину, другие сидели на парапетах, на камнях, а третьи, утомившись, спали прямо на земле, положив под голову берестяной кошель. <...> День был праздничный, солнечный. Возле Синего моста любопытства ради чинят променады петербургские шеголи: канцеляристы из коллегий, стряпчие, молодые офицеры, приказчики-гостинодворцы, заезжие помещики с женами и прочий праздный люд. У Синего моста стоят шеренгой желающие наняться в услужение: толстобрюхие, румяные повара при фартуках и в белых колпаках, конюхи в безрукавках и начищенных сапогах, бородатые дворники с метлами. Вот отдельная группа чисто одетых, подтянутых, бритых, припудренных молодцов. Это – лакеи. Они нагло и презрительно поглядывают на проходящих скромных барынек, но перед светскими господами, подъезжающими на рысаках, вытягиваются в струнку, отвешивают манерные поклоны, придавая своим лицам рабски покорное выражение» [ВЯШ].

В историческом романе О.Д. Форш «Михайловский замок» (1925, 1946) также упоминается Синий мост и его окружение: «Сегодня Артамонов и Митя опять должны были обойти, как говорил Воронихин, “невольничьи рынки” в поисках подручного, хорошего слесаря, которого они всё еще не нашли. Прежде всего оба двинулись к Синему мосту на Мойке, где перед великолепным дворцом Чернышева кишел народ. На скате у самой реки было пестро от людей, закусывавших и отдыхавших в ожидании подходящего наёмника» [ОДФ]. Многократно события у Синего моста описываются в книге Л.К. Чуковской «Декабристы – исследователи Сибири» (1950–1951): «Рылеев, братья Бестужевы, Завалишин, Корнилович, Штейнгель, Батеньков, братья Кюхельбекеры охотно бывали на обедах у Ивана Васильевича Прокофьева – директора Компании, а когда там же поселился Рылеев – дом на Мойке, близ Синего моста, сделался для будущих декабристов родным. Члены тайного общества – настоящие и будущие – постоянно собирались на скромных «русских завтраках» у Рыльева и на пышных обедах у Прокофьева; Александр Бестужев и Штейнгель подолгу жили в этом доме. <...> К концу 1825 года сборища в доме у Синего моста сделались уже настоящими политическими сходками: там обсуждали будущую конституцию, толковали об освобождении крестьян, о способах расправы с царской фамилией и о том, что не худо было бы привлечь на сторону революции члена Государственного совета, известного резкостью и прямоотой своих мнений Мордвинова и либерального законодателя Сперанского... <...> В этой раскалённой обстановке надвигающихся революционных событий обсуждалась в доме у Синего моста и сибирская поэма Рыльева. Александр Бестужев со свойственной ему быстротой и легкостью сочинил предисловие к поэме друга. <...> Учёный приветливо пожал руку знаменитому изгнаннику. Они разговорились – и разговор их длился до утра. Так, в Якутске после той встречи революционера с учёным, которую воспел Рылеев, состоялась новая встреча: друг Рыльева, декабрист Александр Бестужев, столько раз слышавший поэму в светлом кабинете, в доме у Синего моста, встретился с исследователем Сибири – Эрманом» [ЛКЧ].

Гефроним отмечен также в книгах А.Н. Бенуа «Жизнь художника» (1955), Ю. Давыдова «Мальчики» (1991), в журнальных публикациях В. Галенко «Наводнение. Архивное дело, с которого никто не стряхивал пыль» (1989), Н. Тихонова «На всю жизнь...» (1959).

В XXI веке писатели обратились к современности и описали события, происходившие у Синего моста с ними. Валерий Георгиевич Попов в пятом номере журнала «Звезда» в 2003 году опубликовал «петербургскую фантазию» «Свободное плавание», в которой описал своё плавание на катере по питерским рекам и речкам: «Впереди самый широкий, Синий мост – под роскошной Исаакиевской площадью. Поднебесный золотой купол Исаакия, Николай I верхом, за ним торжественный фасад ВИРа – Всесоюзно-

го института растениеводства < Синий мост тоже красят – свисает маляр в люльке. < Синий мост надолго нас с небом разлучил... наконец вынырнули. Светлело постепенно, у самого выхода заиграла на своде золотая сеть от воды. Выплыли с боковой стороны ВИРа» [ВГП].

Мосты привлекают внимание людей своей функцией соединения берегов рек и водоёмов, возможностью передвижения по ним и осуществления социальных, экономических и культурных контактов. Синий мост является достопримечательностью Санкт-Петербурга, он стал объектом описания в художественных и мемуарных текстах, определяя тоpos повествования, организуя также хронос через описание событий, происходящих около него. Через многие произведения российских литераторов проходят одни и те же действующие лица, они проживают в одних и тех же домах в окрестностях Синего моста, гефироним для них становится точкой отсчёта фактов истории города и страны и личной биографии героев.

Литература

1. Бунин, М. С. Мосты Ленинграда: Очерки истории и архитектуры мостов Петербурга – Петрограда – Ленинграда / М. С. Бунин. – Л. : Стройиздат, 1986. – 280 с.
2. Волков, Н. Н. Цвет в живописи / Н. Н. Волков. – М. : Искусство, 1965. – 214 с.
3. Волкова, М. В. Исследование семантических и словообразовательных особенностей колоронимов-конверсивов / М. В. Волкова // Древняя и новая Романия. – СПб., 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 61–70.
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
5. Зайцев, А. С. Наука о цвете и живопись / А. С. Зайцев. – М. : Искусство, 1986.
6. Калашникова, А. В. Колоронимы в русской фразеологической картине мира (в сопоставлении с турецким языком) / А. В. Калашникова // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8. – С. 112–113.
7. Кирьянов, С. Л. Семантико-стилистический потенциал фразеологических единиц с компонентом-колоронимом в квебекском и метропольном вариантах французского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. Л. Кирьянов. – М., 2005. – 264 с.
8. Костин, В., Юматов, В. Язык изобразительного искусства / В. Костин, В. Юматов. – М. : Знание, 1978. – 114 с.
9. Мадиева, Г. Б., Супрун, В. И. Теоретические основы ономастики : учеб. пособие / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Алматы : Казак университета, 2016. – 266 с.
10. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
11. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов/Д. : Феникс, 2010. – 562 с.
12. Мезенко, А. М. Коммуникативные функции урбанонимов / А. М. Мезенко // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 124–127.
13. Миронова, Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии / отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. – М. : Наука, 1993. – С. 172–188.
14. Супрун, В. И. Аппеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке / В. И. Супрун // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология.

логия : материалы II Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2012. – Ч. 1. – С. 146–147.

15. Супрун, В. И. Название мостов в истории культуры и в русском онимическом пространстве / В. И. Супрун // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : матер. XI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р. Ю. Намитоковой. – Майкоп : Магарин О.Г., 2017. – С. 471–483.

16. Утарова, Н. Т. Колороним «белый» / «ак» в составе эргонимов города Уральска: когнитивный аспект (на примере названий ресторанов и кафе) / Н. Т. Утарова // Жаңа ғасырдағы білім мен ғылым: магистранттардың ғылыми мақалар жинағы. – Орал : М. Өтесілов атындағы Батыс Қазақстан мемлекеттік университеті, 2016. – С. 133–138.

17. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.

18. Berlin, B., Kay, P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley : University of California Press, 1969. – Reprinted 1991. – 178 p.

19. Corbett, G., Morgan, G. Color Terms in Russian: Reflections of Typological Constraints in a Single Language / G. Corbett, G. Morgan // Journal of Linguistics. – 1988. – Vol. 24. – № 1. – P. 31–64.

20. Cowley, J. Roy G Biv / J. Cowley. – Auckland : Clean Slate Press Limited, 2009. – 16 с. (The Joy Cowley Collection).

21. Davies, I., Corbett, G. The Basic Color Terms of Russian / I. Davies, G. Corbett // Linguistics. – 1994. – Vol. 32. – № 1. – P. 65–89.

22. Ghafel, B., Rasekh, A. E. Color Terms in Persian and English Metaphoric Expressions: Al-Hasnawi's Cognitive Schemes in Focus / B. Ghafel, A. E. Rasekh // Cross-Cultural Communication. – 2011. – Vol. 7. – № 3. – P.198–210.

23. Goldstein, E. B. Sensation and Perception / E. B. Goldstein. – 8th edition. – Boston : Cengage Learning, 2009. – 496 p.

24. Gosselin, G. Sociologie interprétative et autres essais / G. Gosselin. – Paris : Harmattan, 2002. – 380 p.

25. Harper, D. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com/word/indigo/>.

Источники

АИБ = Богданов, А. И. Описание Санктпетербурга: Полное издание уникального российского историко-географического труда середины XVIII века / отв. ред.: К. И. Логачев, В. С. Соболев. – СПб., 1997. – 414 с.

АОК = Корнилович, А. О. Сочинения и письма / А. О. Корнилович ; отв.ред.: Б. Б. Кафенгауз, А. Г. Грумм-Гржимайло ; ред. изд-ва А. И. Соболева.. – М. ; Л. : АН СССР, 1957. – 550 с.

АСП = Пушкин, А. С. Письма : в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Захаров, 2006.

БТС = Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

ВАС = Соллогуб, В. А. Повести и рассказы / В. А. Соллогуб ; вступ. ст. и коммент. А. С. Немзера. – М. : Правда, 1988. – 448 с.

ВГП = Попов, В. Г. Свободное плавание / В. Г. Попов // Звезда. – СПб., – 2003. – №5. – С. 11–31.

ВФО = Одоевский, В. Ф. Пёстрые сказки; Сказки дедушки Ириней / В. Ф. Одоевский. – М. : Худож. лит., 1993.

ВЯШ = Шишков, В. Я. Емельян Пугачев / В. Я. Шишков. – М. : Эксмо-Пресс, 2005.

ДНМС = Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собр. соч. : в 8 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Худож. лит., 1955. – Т. 7.

ДСМ = Мережковский, Д. С. Александр Первый // Он же. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 3.

ЕФК = Камаровская, Е. Л. Воспоминания. Комаровский, Е. Ф. Записки. – М. : Захаров, 2003.

ЛКЧ = Чуковская, Л. К. Декабристы – исследователи Сибири / Л. К. Чуковская. – М., 1951.

ЛНТ = Толстой, Л. Н. Записки маркёра : Рассказ / Толстой, Л. Н. // Собрание сочинений : в 22 т. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 2 : Повести и рассказы. 1852–1856. – С. 33–50.

НАД = Добролюбов, Н. А. Внутреннее обозрение / Н. А. Добролюбов // Собрание сочинений : в 3 т. – М. : Худож. лит., 1987. – Т. 3 : Статьи и рецензии 1860–1861. Из «Свистка». Из лирики.

НДА = Ахшарумов, Н. Д. Концы в воду / Н. Д. Ахшарумов. – М. : Современник, 1996.

НИГ = Греч, Н. И. Черная женщина. Роман / Н. И. Греч ; примеч. В. Ю. Троицкого // Три старинных романа : в 2 кн. – Кн. 2. – М. : Современник, 1990.

ОДФ = Форш, О. Д. Одеты камнем. Михайловский замок / О. Д. Форш. – Л. : Худож. лит. ; Ленингр. отд., 1988.

ОИС = Сенковский, О. И. Сочинения Барона Брамбеуса / О. И. Сенковский. – М. : Сов. Россия, 1989.

ПАВ = Висковатый, П. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова / П. А. Висковатый. – М. : Гелиос АРВ, 2004.

СПЖ = Жихарев, С. П. Записки современника / под ред., со ст. и коммент. Б. М. Эйхенбаума. – М. ; Л. : АН СССР, 1955.

Е.В. Цветкова

Костромской государственный университет
e-mail: elv15@list.ru

УДК 81'373.21

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

Ключевые слова: *топонимы в драматическом произведении, комедия А.Н. Островского «Не в свои сани не садись», собственно топонимы, микротопонимы, топонимическая система.*

В статье исследуется топонимическая система комедии А.Н. Островского «Не в свои сани не садись». Топонимы рассматриваются с точки зрения их типологии, особой семантики, функционирования. Выявляются основные функции топонимов. Топонимическая система комедии характеризуется как своеобразное сочетание нескольких топонимических систем. Утверждается, что топонимы разных видов, представляющие ближнее и в различной степени отдалённое географическое пространство, занимают важное место в пространственной параметризации комедии.

**TOPONYMICAL SYSTEM IN A.N. OSTROVSKY'S PLAY
"STAY IN YOUR OWN SLED"**

Key-words: *toponyms in a dramatical piece, Alexander Ostrovsky's comedy "Stay in your own sled", toponyms proper, microtoponyms, toponymic system.*

Toponymical system Alexander Ostrovsky's "Stay in your own sled" toponymy is investigated in the article. Toponyms are considered from the point of view of their typology, special semantics, functioning. The main functions of toponyms come to light. The toponymic system of the comedy is characterised as a peculiar combination of several toponymic systems. As a result, it is claimed that toponyms of different types, which represent near and in various degree remote geographical space, take the important place in spatial parametrisation of the comedy.

Топонимическая система комедии «Не в свои сани не садись» (работа над ней завершена осенью 1852 г., впервые опубликована в журнале «Москвитянин» в 1853 г.), которую А.Н. Островский называл своей лучшей пьесой («Получая всего триста рублей в год от Погодина за сотрудничество в «Москвитянине», я отдал даром театру лучшую свою пьесу – «Не в свои сани не садись» [2, 408–409]), состоит как из собственно топонимов, в том числе и макротопонимов, так и микротопонимов. Это и реальные, и вымышленные, и так называемые реально-вымышленные наименования.

Так, по материалам сохранившегося черновика комедии (текст ее перерабатывался несколько раз) и авторизованной копии известно, что первоначальное ее название было основано на иной пословице – «От добра добра не ищут», а в авторской ремарке сообщалось, что «действие происходит в городе Малинове». Иное наименование города появилось в этом же черновом автографе и затем было сохранено в окончательной редакции: «Действие происходит в уездном городе Черёмухине» [2, 233]. И это неслучайно, поскольку А.Н. Островский, известный своим высоким мастерством работы над словом, всегда очень тщательно подбирал нужные слова, и топонимы, также как и антропонимы, у него являются «говорящими». Наименование города, в котором происходят события, в данном случае тоже выполняет не только локальную функцию. Дается оно лишь один раз – в авторской ремарке после перечня действующих лиц, в дальнейшем же употребляется только географический термин город, что лишний раз указывает на обобщенность, типичность описываемых в пьесе событий. Как показывают наблюдения за речью героев, этот термин выполняет подчас и функцию топонима. На данную особенность его функционирования в пьесах драматурга, характерную, в частности, для многих говоров, в том числе и костромских, мы неоднократно обращали внимание (см., например, [3]).

Наибольшая частотность характерна для топонима Москва (10 употреблений, и только в речи героев комедии). Данное наименование, как свидетельствуют материалы Частотного словаря энциклопедии «А.Н. Островский», относится к наиболее частотным словам (входит в список тысячи самых частых слов), имеющимся в творениях драматурга [1, 655]. По-разному звучит данный топоним в речи героев пьесы, наполняясь различными смыслами (о «разноликости» топонима Москва см., например, [4]), основанными главным образом на важности, значимости, величии столицы, ее противопоставлении провинции – деревне. В основном (5 раз, т.е. половина общего количества употреблений в пьесе) это название звучит в речи отставного кавалериста Виктора Аркадьича Вихорева (по характеристике А.Н. Островского это «промотавшийся молодой человек, развратный и холодный, хочет поправить свое состояние выгодной женитьбой

и считает все средства дозволенными» [2, 410]). В этот город, где он «много должен», он стремится, чтобы жить на широкую ногу: «Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство» [2] (здесь и далее цитаты из пьесы приводятся из этого издания, с. 233–284). Именно здесь он поначалу, и неудачно, ищет богатую невесту, чтобы поправить свое состояние: «Я было в Москве тоже присватался за одну – куш порядочный; влюбилась сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдают ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкнешь – дура ужаснейшая!» О Москве, как самом важном месте, не сравнимом с провинцией, Вихорев говорит с Русаковым, пытаясь расположить его к себе льстивыми словами: «Я с вами согласен; но, впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы: вы составляете некоторым образом исключение. Но что ж я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых». Преувеличивая свое положение, он сообщает Русакову о «любви» к Авдотье Максимовне и желании свозить ее в Москву – показать общество, удовольствия: «Влюблен, Максим Федотыч, влюблен... в Авдотью Максимовну влюблен. Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия... у меня есть имение недалеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит... А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч... Ну, и чин у меня...». На это знающий жизнь Русаков отвечает, что ему «и здесь хорошо», что желает добра дочери («Вы люди благородные, ищите себе барышень... воспитанных, а уж наших-то дур оставьте нам, мы своих-то найдем женихов каких-нибудь дешевеньких»). Авдотье Максимовне о Москве Вихорев, полностью раскрывая свои действительные намерения, говорит в Ямской слободе, когда она сообщает ему о том, что ее отец денег им не даст: «Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться! Влюбиться-то бы я и в Москве нашел в двадцать раз лучше, а то всякая дура думает, что в нее влюблены без памяти».

Как об особом городе, противопоставленном всему остальному миру – деревне, о Москве говорит также сестра Русакова Арина Федотовна, «пожилая девушка, ветреная и предпочитающая наружные манеры и так называемое хорошее образование (что она называет хорошим образованием) внутренним качествам, но скорее от легкомыслия, чем от разврата» [2, 410]. Она гордится тем, что жила там когда-то, противопоставляет себя в этом Бородину, который, по ее мнению, ввиду его «необразованности» недостоин Дунюшки: «Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видела людей-то не тебе чета». И далее, упрекая Бородину за его «мужицкие песни» и вспоминая с ностальгией свои молодые годы: «Да уж конечно не стану ваших мужицких песен петь». На его вопрос о том, что это, с гордостью сообщает: «Что? Известно что – романс. У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик Вася, это он меня выучил, только как он пел, это прелести слушать. Москвой она возвеличивает Вихорева, стремясь защитить его перед своим братцем:

Арина Федотовна. Да чем же он, братец, дурак? Он образованный человек.

Русаков. Да тем, что не умеет говорить с людьми постарше себя.

Арина Федотовна. Как, братец, кажется, ему не уметь: он человек столичный, жил в Москве все промежду благородными.

Русаков. Ну и пусть туда едет.

Арина Федотовна. Ах, братец! Он такой политичный кавалер, что и в Москве-то на редкость, а уж здесь-то нам и никогда не найти.

Русаков. Поди ты с своим образованием! Много ты знаешь! Прожила пять лет в Таганке, да и думаешь, куда как образованна! Что ты там видела? Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видела.

Совсем иное восприятие Москвы, как видим, у Русакова, представляющего «тип старого русского семьянина», «человека доброго, но строгой нравственности и очень религиозного», который «семейное счастье почитает высшим благом; любит дочь и знает ее добрую душу» [2, 410]. На вопрос Вихорева, бывал ли он в столицах, он, человек дела, человек опытный, мудрый, знающий всему свое место, отвечает коротко: «Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам ездил».

В систему так называемых московских названий входят также реально существующие топонимы Тобольская улица, Таганка (немногочисленная периферия при основном, центральном наименовании Москва), как наиболее значимые для отдельных героев пьесы. Дважды употребляется в пьесе топоним Коровая, и только в речи Вихорева, когда он после неудачной попытки жениться на дочери Русакова очень быстро принимает решение попытаться счастья там:

Вихорев (*один*). Опять несчастье! Ах, черт возьми! Куда я теперь денусь?.. Домогался! Хоть в маркёры ступай! Поеду еще куда-нибудь... Говорят, в Коровые есть богатые купцы, и недалёко – всего верст пятьдесят... Степка!

Степан. Чего изволите-с?

Вихорев. Вели этих лошадей откладывать, а мне найми других, в Коровые. Да поезжай в гостиницу, укладывайся, я сейчас там буду.

Другие собственно топонимы звучат в тексте однократно. Это Кавказ, о котором говорит все тот же Вихорев (наигранно для Авдотьи Максимовны): «Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют». Наименование Россия Вихорев упоминает в разговоре с Русаковым, когда пытается подольститься к нему: «Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где это? Покажите мне их! Кто посмеет за нее посвататься из здешних? В вас мало самолюбия – и это напрасно. Максим Федотыч: в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно... Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством... Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор».

Авдотью Максимовну Вихорев увозит в Ямскую слободу:

Авдотья Максимовна. Куда вы меня завезли?

Вихорев. Мы теперь в Ямской слободе.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы завезли меня сюда?

Вихорев. Затем, что я люблю тебя».

О Сибири и Тобольской улице, по которой туда направляются, говорит слуга Вихорева Степан: «Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь! Теперь злой делается, аки лев. Всякую беду все на мне любит срывать. Да это легче в Сибирь Тобольской идти. Дождется уж он, что я от него убогом уйти». Русаков оговаривает сестру, напоминая о том, что она жила в Таганке, людей немного видела и о Москве мало что знает, а потому и судить о ней не может.

Микротопонимов в пьесе немного. Произносят эти наименования, в основном в полной мере не раскрываемые в статусе микротопонимов ввиду ограниченности их функционирования рамками произведения, все тот же Вихорев, а также содержатель трактира и гостиницы Маломальский и его жена Арина Федотовна:

Арина Федотовна. Мы пойдем нынче в церковь.

Вихорев. Так я вас подожду подле вала, на мосту.

Вихорев Авдотье Максимовне, когда отвечает ей на вопрос, зачем он ее завез в Ямскую слободу: «Затем, что я люблю тебя. Сейчас заложат лошадей, мы поедem к Баранчевскому в деревню, это всего семь верст от города, там и обвенчаемся, а завтра в город». Маломальский, «пустой человек» [1, 410], о том, что Авдотью Максимовну видели в коляске с Вихоревым: «За валом... на мосту...». И далее Арина Федотовна на вопрос брата, куда Вихорев увез его дочь: «За валом, братец, от мосту». Термин город употреблен в значении 'ближайший город', как единственный здесь город, в противопоставлении с деревней. Деревня чиновника Баранчевского называется просто деревней. Выступающие в роли микротопонимов наименования вал и мост представлены в виде предложно-падежных конструкций, являющихся характерными для любой микротопонимической системы.

Как видим, основная часть топонимов (Москва – 5 употреблений, Короваев – 2, Кавказ – 1, Россия – 1, Ямская слобода – 1, подле вала – 1, на мосту – 1, город – 2) звучит в речи Вихорева, который активно передвигается в пространстве в поисках богатой невесты и решения своих проблем, по необходимости и словесно расширяя это пространство, так как вынужден всячески лавировать в общении с нужными ему людьми. Арина Федотовна произносит наименование Москва (4 употребления), стремясь возвысить все, что связано со столицей, в том числе и саму себя; и микротопонимы (за валом – 1, от мосту – 1), отражающие ее реальный, «нестоличный», образ жизни. Русаков, живущий приземленно, своим миром, житейскими делами и заботами, произносит два наименования (Москва – 1, Таганка – 1) и только потому, что отвечает на вопрос Вихорева и ставит на место его и свою сестру. Степан, понимая всю сложность положения, в котором он оказался из-за хозяина, свою озабоченность выражает через соответствующие создавшейся ситуации топонимы (Сибирь – 1, Тобольская – 1). Для «пустого» Маломальского и окружающий мир ограничен наименованиями незначительного количества известных жителям города объектов (за валом – 1, на мосту – 1). Нет ни одного топонима только в речи Авдотьи Максимовны, «девушки неопытной, воспитанной в строгих правилах...» [1, 410], которая занята своими чувствами, любовными переживаниями и этим как бы отстранена от окружающего ее реального мира. Так, по сути дела незаметно, топонимы в определенной степени отражают характеристики героев, усиливая их отдельные, важные для действия пьесы моменты.

Созданная драматургом разноуровневая топонимическая система комедии не является простым набором географических названий. Каждое наименование и вся система топонимов в целом играют, как зримо, так и незаметно, свою роль в действии пьесы.

Литература

1. Островский, А. Н. Энциклопедия / Островский А. Н. ; гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома : Костромаиздат ; Шуя : ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
2. Островский, А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. / А. Н. Островский ; под общ. ред. Г. И. Владыкина, А. И. Ревякина, В. А. Филиппова. – М. : Худож. лит., 1959. – Т. 1. – 424 с.
3. Цветкова, Е. В. Микротопонимы в пьесах А. Н. Островского / Е. В. Цветкова // Щелыковские чтения 2011. А. Н. Островский и его эпоха : сб. науч. ст. / науч. ред., сост. И. А. Едошина. – Кострома : Авантитул, 2012. – С. 160–168.
4. Цветкова, Е. В. Тема Москвы в творчестве А. Н. Островского (Топонимический этюд) / Е. В. Цветкова // А. Н. Островский. Материалы и исследования : сб. науч. труд. / отв. ред., сост. И. А. Овчинина. – Шуя : Изд-во «Весть» ГОУВПО «ШГПУ», 2006. – С. 271–278.

УДК 811.134.2

ЭСТЕТИКА ОНОМАСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПЕСНЕ «ХРИСТОС РОДИЛСЯ В ПАЛАКАГУИНЕ»

Ключевые слова: *испанский язык, варьирование, Никарагуа, Мезоамерика, топонимы, имена личные.*

В статье систематизированы ономастические образы авторской песни Карлоса Мехия Годой «Христос родился в Палакагуине» (Никарагуа) и определена их эстетическая сущность. Показано, что за счет локальных топонимических номинаций, ономастических образов и аллюзий передан достоверный никарагуанский пространственный фон текста и одновременно создана его уникальная эстетика, соответствующая основным канонам жанра «новая латиноамериканская песня».

O.S. Chesnokova
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

«CHRIST WAS BORN IN PALACAGUINA»'s ONOMASTIC AESTHETICS

Key words: *Spanish, variation, Nicaragua, Mesoamerica, place names, proper names.*

This study combined cultural and onomastic analysis to determine an aesthetic essence of toponymical allusions in the text of the song by the Nicaraguan author and artist Carlos Mejia Godoy "Christ was born in Palacaguina". The research showed that due to local toponymic nominations, onomastic images and allusions, a reliable Nicaraguan text background had been created and at the same time its unique aesthetics, corresponding to the basic canons of the genre known as "a new Latin American song".

Полипарадигмальное рассмотрение топонимов, производных от них лексических единиц, их комбинаторики и роли в тексте [2] является важной задачей современной теоретической общей и частной ономастики, межкультурной коммуникации, теории языка и теории перевода.

Текст «Христос родился в Палакагуине» / *El Cristo de Palacagüina* (1973) никарагуанца Карлоса Мехия Годой относится к жанру «новой латиноамериканской песни», ставшей своего рода символом борьбы народов Латинской Америки за социальную и культурную независимость и получившей наибольшее развитие в таких странах, как Куба, Чили, Никарагуа [3, 499].

Группа, прославившаяся исполнением этой песни, имела в своем названии тот же топоним-науатлизм (заимствование из языка ацтеков – науатль), что фигурирует в названии песни, *Palacagüina* / Палакагуина: «Лос де Палакагуина».

Ономастическое пространство, ономастические образы и аллюзии текста песни весьма своеобразны, национально маркированы, и за счет этого и образуют тот фундамент национальной и этно-специфической образности, в которой заключается эстетика песни и её гражданское послание.

Сандинистская революция в Никарагуа конца 70-х – начала 80-х годов стала главным событием революционного подъема в Центральной Америке [6, 114–115]. Никара-

гуанский национальный вариант испанского языка относится к центральноамериканским национальным вариантам. Его одно из распространенных современных разговорных обозначений – *nicañol*, что оказывается гибридом от лексем *Nicaragua* ‘Никарагуа’ и *español* ‘испанский’.

Никарагуа образует границу Мезоамерики – территории, простирающейся от центра Мексики до Никарагуа. Имея универсальную испанскую основу, испанский язык Никарагуа впитал заимствования из индейских языков, прежде всего, языка науатль, а также развил собственную систему ассоциаций и символов. В отечественной романистике специфика никарагуанского национального варианта испанского языка рассмотрена С.А. Никифоровой [4] и Е.В. Щербаковой [7]. Топонимы страны, по данным Е.В. Щербаковой, насчитывают около трех тысяч единиц индейского происхождения [7, 23].

Текст песни интертекстуально связан с Библейским сюжетом о рождении Иисуса. В Евангелии от Матфея читаем: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго. Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго» [1, 1041].

Согласно Библии, Иисус родился в Вифлееме, Иудейском царстве Римской Империи.

Никарагуанец Карлос Мехия Годой переносит ситуацию рождения Иисуса в родную Никарагуа, создавая нанизыванием реальных топонимических имен достоверный пространственный код песни (перевод наш – О.Ч.).

Por el cerro de la **Iguana**,
montaña adentro de las Segovias,
se vio un resplandor extraño
como una aurora de medianoche,
los maizales se prendieron,
los quiebraplatas se estremecieron,
llovió luz por **Mollogalpa**,
por **Telpaneque**, por **Chichigalpa**.

Гора **Игуана**,
Что находится в **Сеговиас**,
осветилась странным светом,
как рассвет сменяет полночь.
Всполохнулись маисовые поля,
светлячки затрепыхались,
пролился свет на **Мольогальпу**,
на **Тельпанеке**, на **Чичигальпу**.

Уже первый куплет песни оказывается насыщенным реальными топонимическими образами. Топонимы *Игуана*, *Лас Сеговиас*, *Мольогальпа*, *Тельпанеке* и *Чичигальпа* – реальные топонимы в Никарагуа. Название *Palacagüina* на науатль означает «деревушка у подножия горы», а сам город стал известен в испаноязычном мире во многом именно благодаря песне Карлоса Мехии Годой.

Поясним упоминаемые в первом куплете топонимы.

Las Segovias / *Лас Сеговиас* – группа из пяти департаментов на севере страны.

Iguana / *Игуана* – ороним вблизи Палакагуины.

Mollogalpa / *Мольогальпа* – один из ведущих никарагуанских поставщиков бананов.

Telpaneque / *Тельпанеке* – небольшой город на севере страны.

Ойконим *Chichigalpa* / *Чичигальпа* также является науатлизмом и имеет метафорические перифразы *La princesa de Occidente* ‘Принцесса Запада’ и *Tierra de azúcar y ron* ‘земля сахара и рома’.

Трижды повторяющийся, после каждого куплета, припев песни делает рождение Христа от супружеской пары простых смертных, занимающихся обыденным трудом, которые «по-свойски» названы *una tal María* ‘некая Мария’ и *Chepe Pavón*, где *Chepe* –

снижено-просторечный вариант имени *Xoce José*, одного из популярнейших испанских мужских имен, имени мужа Марии (Иосиф), а *Pavón* – распространенная испанская фамилия, имеющая коннотации «выходца из народа».

Cristo ya nació en **Palacagüina**,
de **Chepe Pavón** y una tal **María**.
Ella va a planchar muy humildemente
la ropa que goza la mujer
hermosa del terrateniente.

Вот Христос родился здесь, в **Пала-**
кагуине,
у **Павона Чепе** и **некоей Марии**.
Вновь смиренно будет гладить она
вещи
раскрасавицы-жены местного поме-
щика.

Второй куплет имеет аллюзией Дары Волхвов. Однако его содержание также выдержано в этноспецифической никарагуанской стилистике и имеет национально и регионально окрашенные лексемы, символы и ассоциации.

Las gentes para mirarlo,
se rejunaron en **un molote**,
el indio Joaquín le trajo,
quesito en trenza de Nagarote.
En vez de oro, incienso y mirra,
le regalaron, según yo supe,
cajetitas de Diriomo y hasta
buñuelos de Guadalupe.

Собравшиеся посмотреть на него об-
разовали целую **толпу**.
Индеец Хоакин принес ему **сырную**
косичку из Нагароте.
Вместо золота, ладана и мирры,
насколько я знаю, ему подарили
щербет из **Дириомо** и даже **пончики** из
Гуадалупе.

Molote – это полисемичный центральноамериканизм, одно из значений которого – «группа людей» [8, 1453].

Queso en trenza ‘сырная косичка’ – молочный продукт, которым славится никарагуанский муниципалитет Нагароте, также имеющий индейское название.

Так же топонимические аллюзии даров новорожденному содержат обозначения *cajetitas de Diriomo* ‘щербет из Дириомо’ и *buñuelos de Guadalupe* ‘пончики из Гуадалупе’, упоминающие места в Никарагуа, славящиеся производством соответствующих блюд. Подобные примеры подтверждают, что пространственный код, зафиксированный в топонимах, не существует в рамках языковой картины мира изолированно. В частности, контакты пространственного кода с гастрономическим кодом проявляются в названиях блюд с топонимическим компонентом [5; 7].

Упоминаемое в третьем куплете занятие Чепе Павона совпадает с упоминанием в Евангелии от Матфея занятия Иосифа – плотничество, которому он научил сына: «Не плотников ли Он сын?» [1, 1056]. Однако, несмотря на мечты матери, чтобы сын, как и отец (употреблен американизм *tata* «тятя» [8, 2021]), стал плотником, у ребенка другие идеалы.

José, pobre jornalero,
se **mecatea** todito el día,
lo tiene con reumatismo,
el **tequio** de la carpintería.
María sueña que el hijo,
igual que el tata sea carpintero
pero el **cipotillo** piensa, mañana
quiero ser guerrillero.

Бедный подёнщик Хосе
горбатится от зари до зари,
измучил его ревматизм от тяжелой
плотника доли.
Мария мечтает, чтоб сынка, как **тятя**,
стал плотником знатным,
но **парень**-то знает, что завтра в леса
он пойдет к партизанам.

В данном куплете интересен никарагуанизм *tequio* [8, 2040], означающий тяжелую неблагодарную работу, центральноамериканизм *mecatear* [8, 1411] 'истово работать'.

Мальчик, называемый в тексте науатлизмом *cipotillo* [8, 598], мечтает стать партизаном, что соответствует стилистике и идеологии «новой латиноамериканской песни» быть призывом к борьбе и независимости.

Эстетика песни строится во многом на этноспецифических ономастических символах и аллюзиях, которые и создают ее гуманистическую сущность, культурный и религиозный синкретизм, уникальные эстетику и хронотоп.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское Общество, 2000. – 1338 с.
2. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – М. : УРСС, 2009. – 224 с.
3. Культура Латинской Америки. – М. : РОССПЕН, 2000.
4. Никифорова, С. А. Ареальная специфика лексики (никарагуанизмы) / С. А. Никифорова. – М. : Прометей, 1989. – 65 с.
5. Смирнова, Е. В. Гастрономические культурные доминанты в гастрономическом тезаурусе испанцев / Е. В. Смирнова // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2015. – № 1. – С. 87–92.
6. Строганов, А. И. Латинская Америка. Страницы истории XX века / А. И. Строганов. – М. : УРСС, 2013. – 168 с.
7. Щербакова, Е. В. Лингвокультурологические особенности никарагуанского национального варианта испанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. В. Щербакова ; РУДН. – М., 2008. – 25 с.
8. Diccionario de americanismos. – Lima : Santillana, 2010. – 2333 p.
9. Sánchez Puig, María. Jamón de Jaburgo, pimentón de La Vera: componentes toponímicos, como marcadores de calidad, en la fraseología española. – La identidad nacional a través del diálogo entre culturas. – Rostov del Don – Cádiz, 2015. – Tomo 1. – Pp. 143–148.

О.В. Шеверина

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: olsheverinova@yandex.ru

УДК 81'373.23

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ В БЕЛАРУСИ И ЗА РУБЕЖОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: литературная ономастика, когнитивный, полевой, лингвокультурологический, социопрагматический подходы, моделирование языковой картины мира.

В статье представлены основные научно-исследовательские направления развития литературной ономастики на современном этапе в Беларуси и за рубежом. Устанавливается, что исследования в области литературной ономастики имеют четкую векторную направленность в сторону расширения проблемного поля. Активно разрабатываются следующие новые подходы: когнитивный, полевой, лингвокультурологический, моделирование языковой картины мира. Определяется, что изучение литературных онимов с позиций социопрагматического аспекта характеризуется значительной лакунарностью.

**SCIENTIFIC-RESEARCH DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT
OF LITERARY ONOMASTICS IN BELARUS AND ABROAD
AT THE PRESENT STAGE**

Key words: literary onomastics, cognitive, field, linguocultural, socio-pragmatic approaches, modeling of the linguistic picture of the world.

The article presents the main research directions of the development of literary onomastics at the present stage in Belarus and abroad. It is established that the research in the field of literary onomastics has a clear vector towards the expanding of the research field. The following new approaches are being actively developed: cognitive, field, linguacultural ones, and modeling of the linguistic picture of the world. It is determined that the study of literary onyms from the standpoint of socio-pragmatic is characterized by lacunarity.

На современном этапе развития литературная ономастика накопила значительный материал по общим проблемам литературных онимов (их специфики, функций в художественном тексте, реализации в тропах) и характеризуется новыми исследовательскими векторами, выходящими за рамки традиционной функционально-статистической и атрибутивно-дифференцирующей парадигм. Исследования в области литературной ономастики в Беларуси и за рубежом имеют в настоящее время четкую векторную направленность в сторону расширения проблемного поля. Активно разрабатываются следующие новые подходы: *когнитивный, полевой, лингвокультурологический, моделирование языковой картины мира.*

В основе *когнитивного*, активно разрабатываемого учеными ближнего и дальнего зарубежья (см. работы А.А. Залевской, Э. Ханзак, Ю.К. Юркенас и др.), лежит представление о том, что имя – это путь доступа к знаниям об объекте референции, которые накапливает и хранит человек. При этом функционирование имен собственных в художественном тексте вносит изменения в семантику данных единиц, обогащая их и порождая множество коннотативных значений, в силу того, что художественный текст является идеальной моделью, в которой отражение окружающей действительности комбинируется с авторским замыслом.

Полевой подход к организации ономастического пространства (работы В.И. Супруна) направлен на установление как доминирующих и второстепенных элементов (ядра и периферии), так и семантических, прагматических, синтагматических, парадигматических и др. связей между элементами поля.

Когнитивный и полевой неразрывно связаны с *лингвокультурологическим* подходом в изучении онимов, который характеризуется значительным исследовательским потенциалом и перспективностью. Данный подход опирается на «семантическое измерение» (Е.Л. Березович) имени собственного по горизонтали и вертикали. Первый вектор предполагает установление возможностей онимической единицы в реализации и трансляции духовной культуры. В рамках этого векторного направления исследуются главным образом прецедентные имена как точки символического кода культуры [1, 44]. Второй вектор – семантическая вертикаль коррелирует с многоуровневой моделью онима, которая служит основой для построения концепта. Включение лингвокультурологического компонента в семантическую составляющую онима позволяет установить его культурную коннотацию, имеющую языковую верификацию, т.е. «типичность» для метаязыкового сознания персонифицированных образов – носителей языка.

Высокая степень разработанности лингвокультурологической проблематики фиксируется в центрах ономастических исследований, расположенных в ряде городов Российской Федерации. В частности, в Волгограде, Вологде, Воронеже, Екатеринбурге, Орле, Перми, Смоленске, Твери активно изучается вопрос об имени собственном как «социо- и лингвокультурном феномене и идентификаторе человека в социуме» [3, 149], решается ряд теоретических и практических ономастических задач. В Смоленской ономастической школе, созданной в 2008 г. на базе Смоленского государственного университета, в рамках совместного белорусско-российского проекта «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» изучается языковая личность жителя приграничья не только сквозь призму реального антропонимного корпуса, но и посредством анализа антропонимного фонда художественного пространства. Представители Смоленской ономастической школы исследуют имя собственное в художественных текстах писателей русско-белорусского пограничья (И.И. Василевского, О.Н. Ермакова, М.В. Исаковского, А.В. Мишина, А.Т. Твардовского и др.) (см. работы С.Н. Волковой, О.В. Ивановой, К.Ю. Курс, Н.В. Никитиной и др.), а также онимы в индивидуальном художественном стиле отдельных российских авторов (см. подробнее исследования Н.В. Ланге, А.А. Сивцовой и др.).

Витебская ономастическая школа, начавшая свое существование более 15 лет назад под неизменным руководством доктора филологических наук, профессора А.М. Мезенко, наряду с проблемами регионализации ономастического пространства разрабатывает также вопросы лингвокультурологического характера (исследования А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильевой, А.Н. Деревяго, М.Л. Дорофеевко, Е.Ю. Муратовой, Г.К. Семеньковой, Т.П. Слесаревой и др.).

В начале XXI в. в рамках лингвокультурологического подхода актуальным представляется также развитие «теории ономастической семантики», предполагающей выявление особенностей ономастической единицы в трансляции духовной культуры, возможностей и перспектив построения полиуровневой семантической модели онима. Таким образом, перспективным направлением ономастических поисков выступает культурно-ориентированное осмысление именника, как реального, так и художественного [1, 44].

Лингвокультурному и этнокультурному осмыслению антропонимных единиц посвящены современные исследования, проводимые Немецким ономастическим обществом (Deutsche Gesellschaft für Namenforschung (GfN) (с головным учреждением в г. Лейпциге), которое является крупнейшей ассоциацией в немецкоязычных странах в данной области научного знания. Особый интерес в немецком литературном ономастическом сообществе зафиксирован также в направлении контрастивных исследований, позволяющих посредством литературных ономастических единиц выявить коммуникативную, социокультурную и национальную специфику разных народов (см. работы И. Кромп, Э. Пикиуль, Х. Тиса и др.).

О парадигмальной реструктуризации литературной ономастики в мировом научном знании в пользу этноцентрического и лингвокультурологического направлений свидетельствуют также ономастические изыскания Канадского общества по изучению имен (The Canadian Society for the Study of Names).

Наименьшую лексикографическую представленность имеют работы, комплексно рассматривающие антропонимикону художественных произведений как функциональные системы вторичной реальности, что инициировало появление нового направления развития литературной ономастики – *моделирование языковой картины мира*. Имя собственное как структурный компонент авторского мировидения в художественном тексте – предмет исследования ономастов Волгограда (В.И. Супрун) и Воронежа (Л.И. Зубкова, Г.Ф. Ковалёв и др.). Представители указанного направления современной литературной ономастики исследуют авторский идиостиль и идиолект, рассматри-

вают художественный текст, в том числе и онимы как текстообразующие элементы, репрезентирующие отражение индивидуально-авторской картины мира в ее «мыслеречевой интерпретации» [2, 38], предпринимаются попытки установить корреляцию между языковой личностью автора и средствами репрезентации языкового пространства текстового корпуса. За последние два десятилетия за рубежом образовались и успешно работают научные ономастические школы и лаборатории, в которых активно разрабатывается вопрос о моделировании художественной реальности посредством антропонимов на примере отдельных авторов или совокупности произведений, отобранных на основе единства пространственных и временных параметров художественного произведения.

Последние исследования свидетельствуют о наметившейся тенденции к анализу и описанию способов и специфики репрезентации художественной реальности, которая является результатом авторского осмысления окружающей действительности. В частности, изучается социальная проблематика и мироустройство сквозь призму художественного пространства, изображенного Дж. Р.Р. Толкиным (работы Е.А. Лебедевой, Б. Скутера, Дж. Эйдера), исследуется вопрос о расовой дискриминации темнокожего населения Америки на примере произведений М. Митчелла, Т. Моррисона (см. работы А.Н. Себрюк, Л. Тота и др.). Об актуальности и непреходящем интересе ученых к проблеме изучения картины мира (исторической, лингвокультурной, языковой) и социального устройства посредством литературных номинативных единиц свидетельствует тематика докладов 3-го Международного ономастического конгресса, который прошел в сентябре 2015 г. [4]. Среди заявленных докладов вопрос о лингвопрагматических, социосемиотических и национально-культурных особенностях онимов в художественных текстах освещается в работах Г. Гиентоли (Италия), А. Хайдю (Венгрия), Г. Хазиевой-Демирбаш (Российская Федерация), Т. Манджены (Зимбабве), М. Ригер (Германия), Г.У. Смиа (США) и др.

В Беларуси, к сожалению, такие статистические данные не были представлены, поскольку на протяжении длительного периода ономастика рассматривалась как часть традиционно-описательной лингвистики. Однако современные исследования белорусских ученых в области литературной ономастики охватывают ряд актуальных проблем: анализируются антропонимные единицы в произведениях А. Беляева, В. Короткевича, П. Бровки (Т.П. Слесарева), составляются ономастические словари произведений Я. Коласа, М. Богдановича, устанавливаются и конкретизируются основные функции онимов в художественных текстах и специфика их функционирования (А.В. Юденкова). Комплексному исследованию ономастической лексики в художественных произведениях посвящены работы И.Э. Ратниковой, А.Ф. Рогалева, В.В. Шура и др.

Анализируя основные направления развития литературной ономастики, отметим также растущий интерес белорусских и зарубежных лингвистов к вопросу изучения социальной специфики онимов, их социопрагматического потенциала. Такой подход, несмотря на незначительную библиографическую представленность на современном этапе, видится весьма перспективным. Привлечение онимического материала и анализ его социопрагматических приращений и коннотаций, которые обретают онимы в процессе функционирования в художественном тексте, позволит установить не только объем и специфику социального пространства, в котором участвуют действующие лица произведений, но и особенности художественной национально-культурной картины мира, являющейся проекцией мира реального, представителем которого выступает автор.

Таким образом, актуальным направлением в белорусской и зарубежной ономастической научной парадигме является изучение антропонимного корпуса художественного произведения с позиций когнитивного, полевого, лингвокультурологического подходов и моделирования языковой картины мира. Вместе с тем недостаточно разра-

ботанным представляется вопрос комплексного анализа номинативного корпуса художественного произведения и его корреляции с реальной действительностью, преломленной сквозь идейно-эстетическую и нравственную призму авторского мировидения. Исследование номинаций лиц и взаимосвязи различных типов и способов номинации в функциональном и социопрагматическом аспектах позволит выявить национально-культурную специфику именования лиц, занимающих особое место в языковой художественной картине мира этноса, и установить закономерности их отражения различными типами и вариантами именования.

Литература

1. Березович, Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е. Л. Березович // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 2001. – № 60. – С. 34–46.
2. Васильева, С. П. Литературная ономастика : учеб. пособие / С. П. Васильева, Е. В. Ворошилова. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2009. – 138 с.
3. Королёва, И. А. Смоленская ономастика (к 1150-летию со дня основания г. Смоленска). Статьи разных лет / И. А. Королёва. – Смоленск : Маджента, 2012. – 220 с.
4. Third International Conference on Onomastics «Name and Naming» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://onomasticafelecan.ro/iconn3/>. – Date of access: 11.02.2016.

Г.В. Бачинська

Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка

e-mail: g.bachynska@gmail.com

І.М. Рябініна

Донбаський державний педагогічний університет

УДК 81'373.46

ОСОБЛИВОСТІ НАЙМЕНУВАННЯ КОНДИТЕРСЬКИХ ВИРОБІВ

Ключевые слова: *антропонимия, номинация, нейминг, аллитерация, лексическая единица.*

В статье проанализированы наименования кондитерских изделий. Важное значение при наименовании сладостей имеют фонетические и лексико-семантические особенности. В современном нейминге значительное внимание уделяется благозвучию номинации, которое достигается с помощью аллитерации, повторов, рифмованных компонентов и удачно подобранных лексических единиц.

G.B. Bachynska

Ternopil Volodymyr Hnatyuk National Pedagogical University

I.M. Ryabinina

Donbas State Pedagogical University

NAMING PECULARITIES OF CONFECTIONERY

Keywords: *anthroponim, nomination, naming, alliteration, lexical unit.*

The article analyzes the name of confectionery products. Phonetic and lexico-semantic features has an important role in the designation of sweets. In contemporary naming, considerable attention is paid to the delicacy of the nominations, which is achieved through alliteration, repetitions, rhyming components and well-chosen lexical units.

Проблема номінації завжди була однією з центральних тем теоретичної лінгвістики. Багато питань, пов'язані із сучасною проблематикою створення і функціонування комерційно релевантних імен, розглядалися в період розробки теорії номінації (Н. Д. Арутюнова, Л. А. Булаховський, А. В. Введенська, В. В. Виноградов, Д. Н. Ушаков, Ф. П. Філін, Н. М. Шанський, А. Д. Шмельов, Д. Н. Шмельов, Л. В. Щерба та ін.).

Лінгвістичне вивчення власне комерційних найменувань почалося порівняно недавно. У другій половині ХХ століття в радянському мовознавстві з'являється ряд досліджень комерційних номінацій як одиниці ономастичної лексики (А. В. Суперанська, Е. Ф. Тарасов, М. К. Шарашова, С. О. Шестакова та ін.).

Предметом дослідження послужили фонетичні та лексико-семантичні особливості назв кондитерських виробів. Саме ці особливості, на нашу думку, мають безпосередній вплив на споживача.

Грамотно побудований звуковий ряд забезпечує милозвучність і сприятливу ритмічну модель найменування, а отже, легку вимову і хорошу запам'ятовуваність комерційної номінації. Так, наприклад, використання м'яких приголосних і голосних переднього ряду відзначається, перш за все, в найменуваннях кондитерських виробів, споживачами яких є діти: цукерки: «*Веселі гуси*», «*Весела сімейка*», «*Домінік*», «*Мелодія*», «*Мерсі*», «*Киць-киць*»; печиво: «*Мелодія*», «*Мультишки*», «*Мі-мі*».

При розробці комерційних найменувань-неологізмів для досягнення позитивного фонетичного вигляду неймери досить активно залучають дані фоносемантичного аналізу, який дозволяє оцінити вплив звуків, складових назви, на психічний стан людини. Так, наприклад, назви цукерок «*Версаль*», печива «*Місячне сяйво*», морозива «*Лімо*», «*Пані ягода*» повинні позитивно сприйматися споживачами, оскільки сонанти і голосні, на думку О. Ф. Журавльова, стимулюють появу позитивних асоціацій [3].

Окремий випадок представляють комерційні найменування, які містять звукові повтори і поєднання парних звукових компонентів, наприклад, цукерки: «*Киць-Киць*», «*Ко-Ко*», «*Цьом-Цьом*», «*Sim-Sim*», «*Му-Му*», «*Бом-Бом*», «*Fru-Fru*»; печиво: «*Мі-мі*», «*Жур жур*», «*Ча-ча-ча*». При їх утворенні неймери спираються на алітеративне звучання редукованих членів, які завдяки своїй експресивності є засобом ефективного залучення уваги споживачів.

Аналіз фонетичних особливостей комерційних номінацій набуває особливої актуальності в наш час. Акустичний вплив окремих звуків активно використовується при утворенні найменувань з чітко вираженою апеляцією до певного споживача.

Надзвичайно важливе значення при створенні комерційної номінації має вибір лексики, зумовлений необхідністю передати максимальну кількість базової маркетингової інформації мінімальною кількістю слів.

Дослідження лексичного складу комерційних найменувань кондитерських виробів продемонструвало, що на сучасному етапі наявність номінацій-омонімів в одній товарній категорії зведено до мінімуму, наприклад, цукерки / печиво: «*Ромашка*», «*Білочка*», «*Мелодія*»; цукерки / морозиво «*Маша і Ведмідь*». Сьогодні виробники товарів, як правило, намагаються уникати омонімії назв навіть на рівні товарів різних категорій, оскільки це може спричинити дезорієнтацію свідомості споживача, при якій руйнується важливий зв'язок між товаром і його найменуванням.

Більшість комерційних найменувань є образні, переносні номінації, які базуються на переосмисленні прямого значення. Аналіз сучасних комерційних найменувань дозволив виділити два основних типи переносних значень – метонімічне і метафоричне перенесення.

Метонімічне перенесення здійснюється в сучасному неймінгу на основі ряду моделей: «смак / аромат товару» (печиво: «*Ванільне*», «*Пражене молоко*», морозиво «*Банан*»; цукерки «*Горіхові ласощі*»); «місце виробництва товару» (печиво «*Українське*», цукерки: «*Сорочинський візерунок*», «*Гостинець з Рівненщини*», «*Рідна Україна*», «*Вітання з Гуцульщини*», «*Вітання з Прикарпаття*», «*Східна ніч*», «*Дубенський замок*»); «особливості komponування товару» (цукерки: «*Асорті*», «*Асорті горіхове*», «*Асорті фруктове*», «*Палітра. Вишукані десерти*», «*Мультимікс*»); «склад товару» (цукерки: «*Чорнослив з горіхом*», «*Курага з горіхом*», «*Персик з горіхом*», «*Фінік з горіхом*», «*Абрикос з горіхом*», «*Яблуко з журавлиною*»; шоколад «*З кокосом*»).

Метафоричне перенесення реалізується в сучасних комерційних найменуваннях за допомогою моделі «смак товару» (цукерки: «*Смак дитинства*», «*Горіхова насолода*», «*Смак вишні*»).

Щоб привернути увагу споживача чимось незвичайним, виразним, неймери вдаються до розробки оказіональних номінацій. Ці назви можуть характеризуватися різним ступенем прозорості внутрішньої форми. В одних випадках, вона може бути до-

сильно ясною і без проблем прочитуватися споживачем (печиво: «Зірочка», «Круглячок», «Каштанчик», «Зебрятко», «Решіточка», «Солодуня», «Сонечко», «Малютко»; цукерки: «Насіннячко», «Зернятко»). В окрему групу можна виділити номінації на позначення кондитерських виробів, що вказують на позначення літературних / казкових персонажів, наприклад, цукерки: «Чародій», «Наталка-Полтавка», «Червона Шапочка», «Мідний вершник», «Пікова дама», «Прометей», «Морські скарби». У такому вигляді номінації є досить ефективними, оскільки, крім денотативної співвіднесеності із названим товаром, вони привертають увагу адресата своєю оригінальністю.

Використання комерційних найменувань із затемненою внутрішньою формою (цукерки: «Ежем», «Маракас», «Роні», «Шатель») є малоефективним з комунікативної і комерційної точок зору, оскільки такі номінації мають розмите лексичне значення.

У сучасних номінаціях фіксується також використання архаїчної лексики, за допомогою якої здійснюється стилізація комерційного найменування під старовину (цукерки: «Чорний граф», «Золоті ворота», «Слава князів Острозьких», «Пані Валецька»).

Аналіз лексичного складу сучасних комерційних найменувань демонструє частотне вживання запозиченої лексики, наприклад, цукерки «Беліссімо», бісквітний рулет «Шварцвальд». Спостерігається також явище стилізації номінацій під іноземні за рахунок використання латинської графіки (цукерки: «DeLuxe», «Lollipops», «Milky Splash», «Fizzy Boom», «Coffee Like»). Звернення до запозиченої лексики зумовлене прагматичними інтенціями номінатора, оскільки як зазначає Н. В. Паршук, «використання іншомовної лексики відсилає реципієнта до іншої картини світу, породжує певну паузу у сприйнятті тексту, зручну для проходження у свідомість потрібних рекламодавцю ідей» [5, 62].

У сучасних номінаціях, як правило, домінує стилістично нейтральна, загальноживана, немаркована лексика (наприклад, цукерки: «Криничка», «Ромашка»; печиво: «Барвінок», «Метелик». Це пояснюється основним завданням комерційного найменування – спонукати до покупки максимальну кількість потенційних споживачів. Н. А. Гусейнова називає метою таких найменувань «уніфікацію з міжнародними системами, економію мовних засобів і рекламні цілі» [2, 142].

Використання стилістично забарвлених слів у комерційних найменуваннях безпосередньо залежить від об'єкта іменування і адресата, для якого призначений товар. Зафіксовано невелику кількість номінацій, створених на основі лексики книжного стилю (цукерки: «Стріла Подільська», «Південна ніч», «Легенди міста», «Львівські дефіляди», «Рівненські етюди», «Місячне сяйво», «Бархат ночі»), що пов'язане з навмисним зондуванням свідомості споживача, яке спричинене необхідністю охоплення максимально широкою аудиторією.

Для найменувань зафіксовано також використання прецедентних висловлювань (цукерки: «Ах! Одеса», «Весняна гостя», «Казкова ніч», «Шалена бджілка», «Сонячний жук», «Хто сказав му?» / «Who said tuuu?»). Такі найменування є елементами культурної спадщини і передбачають наявність у адресата визначених фонових знань.

Доцільність використання лексики з конкретним значенням (цукерки: «Курага в шоколаді», «Чорнослив в шоколаді», «Горішок», «Ліщина») обумовлена більш швидкою емоційною реакцією споживача, оскільки вона відразу викликає в пам'яті візуальний образ предмета.

Лексико-семантичні утворення найменувань реалізується за допомогою підбору мовного матеріалу, який не тільки точно передає денотативну співвіднесеність з реальним товаром, а й володіє різноманітними конотативними відтінками. Використання в якості найменувань емоційно-експресивної лексики допомагає створити більш яскраві і образні номінації, що привертають увагу споживача. Комерційні найменування можуть експліцитно або асоціативно вказувати на важливі товарні властивості іменованих товарів, які можуть бути найбільш цінними з точки зору споживачів. Вибір лексики з

позитивною конотацією при створенні комерційних номінацій сприяє реалізації їх емоційно-експресивної функції. Подібні лексеми, як правило, не передають інформації про іменованний об'єкт, а інформують про переваги іменованого товару за допомогою апеляції до почуттів і емоцій споживачів.

На високу якість об'єкта вказують найменування, що виражають поняття: «кращий в своєму роді» (цукерки: «*Exclusive*», «*Bomond*»), «розкішний, чудовий» (цукерки: «*Шарм*», «*Королівський шарм*»; халва «*Халвалюкс*»), «існуючий довгий час» (наприклад, цукерки «*Бабусині казки*», печиво «*Смак дитинства*»). Частотне вживання експресивної, емоційно забарвленої лексики з позитивною оцінкою в найменуваннях (цукерки: «*Звичайне чудо*», «*Райські хмаринки*», «*Смакота*», «*Горіхова насолода*»), покликане створити певний образ товару і впливати на емоції споживачів, так як «Найбільш ефективною виявляється реклама, яка передає нам позитивні, приємні відчуття, радість, комфортність, спокій, оптимізм» [4, 62]. Часто використовуються номінації з семантикою новизни (цукерки «*Фортуна нова*»).

Певне семантичне навантаження може передавати прикметник, що входить до складу номінації: для вказівки на високу якість товару часто використовується прикметник «золотий» (торт «*Золоті ворота*», цукерки: «*Золота нива*», «*Золота ніч*», «*Вечір золотий*», «*Золота лілія*», «*Золотий ключик*», «*Золотий віночок*»).

Таким чином, у сучасному неймінгу значна увага приділяється милозвучності номінацій, яка досягається за допомогою алітерації, повторів, римованих компонентів. Незважаючи на тенденцію до оригінальності, можна зафіксувати певну кількість омонімічних назв. Для комерційних найменувань активно використовуються різні за походженням і стилістичним забарвленням лексичні одиниці, які мають на меті впливати на емоції споживача. Спостерігається використання архаїчної лексики в якості найменувань з метою пам'яті про минуле. Простежується використання запозиченої лексики в сучасному неймінгу. У сучасних найменуваннях переважає стилістично нейтральна, загальноновживана лексика. Зафіксовано використання лексики з позитивною конотацією.

Література

1. Вегенер, Ю. С. Нейминг в системе формирования и продвижения бренда / Ю. С. Вегенер // Омский научный вестник. – 2012. – № 1 – С. 260–262.
2. Гусейнова, Н. А. Роль заимствований в коммерческой номинации (на материале именованных предприятий общественного питания и сферы услуг) / Н. А. Гусейнова // Филология – культурология: диалог наук : Материалы 2-й научной интернет-конференции с международным участием. – Одинцово : АНОО ОГИ, 2012. – С. 136–142.
3. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке : Коллект. моногр. – М. : Наука, 1982. – С. 45–109.
4. Лейчик, В. М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами / В. М. Лейчик // В кн. : Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж, 1974. – С. 56–69.
5. Паршук, Н. В. Вербалізація спонукальної інтенції у російському рекламному тексті: дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Н. В. Паршук. – Київ, 2008. – 270 с.
6. Яковлева, О. Е. Коммерческая номинация в рамках дифференцированного семиотического подхода / О. Е. Яковлева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : история, филология. – 2006. – Т.5. – №2. – С. 96–103.

УДК 81'373.23

IMIONA ANTYCZNYCH BOGIŃ W NAZEWNICTWIE ZEGARKÓW

Słowa klucze: *chrematonim, imię, nazwa własna, transonimizacja, reklama.*

W pierwszej części naszego tekstu jest zamieszczona definicja chrematonimii oraz opisujemy zjawisko transonimizacji. Następnie analizujemy nazwy zegarków, które są identyczne z imionami bogiń starożytnej Grecji i Rzymu, biorąc pod uwagę fakt iż nazwy tego typu nie informują o jednostkowych cechach chronometrów, a jedynie odniesienie nazwy do denotatu pozwala na liczne skojarzenia, np. w dyskursie reklamowym. Nasze rozważania kończymy podsumowując cechy badanych nazw oraz omawiamy niektóre funkcje jakie pełnią one w komunikacji społecznej.

B. Bolesta-Wrona
University of Białystok, Poland

THE NAMES OF ANCIENT GODDESSES IN THE NOMENCLATURE OF WATCHES

Key words: *chrematonim, name, proper name, transonymization, advertisement.*

In the first part of our text there is a definition of chrematonimy and the description of the phenomenon of transonymization. Then we analyze the names of the watches, which are identical to the names of the goddesses of ancient Greece and Rome, taking into account the fact that names of this type do not inform about individual features of chronometers, and only a reference to the denotate allows for numerous associations, for example in the advertising discourse. We conclude our considerations by summarizing the features of the names under examination and discussing some of the functions that they perform in social communication.

W XXI w. jednym z dynamicznie rozwijających się działów onomastyki jest chrematonimia. Cytując Cz. Kosyła przyjmujemy, że chrematonimy to: „nazwy własne niektórych materialnych wytworów ręki ludzkiej, przemysłowych lub rękodzielniczych, jednostkowych lub seryjnych, takich, które nie są na trwale związane z określonym krajobrazem” [4, 447]. Pomimo wielu spornych kwestii co do zakresu badań chrematonimii jeszcze w latach osiemdziesiątych XX w. E. Jakus-Borkowa omawiając nazwy seryjnych wyrobów przemysłowych uwzględniła nazwy zegarków: „Omega, Doxa” [3, 138], zaliczając je do chrematonimów, które tworzą nazwy niezliczonych i masowo wytwarzanych wyrobów przemysłowych.

Analizując ciągle powiększający się i otwarty zbiór chrematonimów, tworzony przez nazwy zegarków, chcemy zwrócić uwagę na funkcje, jakie pełnią one w języku.

E. Breza pisze: „Chrematonimy, jak i inne nazwy własne, pełnią przede wszystkim funkcję identyfikacyjną. Wyraża się ona w tym, że nazwa wskazuje na obiekt (denotat, referent). (...) Wiele chrematonimów nie tylko oznacza, a więc pełni funkcję sygnifikacyjną, ale także znaczy, czyli pełni funkcję semantyczną” [3, 354–355]. Autor wskazuje też na funkcję reklamową chrematonimów, która według naszych rozważań i w odniesieniu do

badanego materiału (nazwy zegarków), pełni coraz większą rolę w komunikacji społecznej. Wynika to prawdopodobnie z szybko rosnącej ilości tekstów reklamowych.

Z naszych badań wynika, że podobnie jak inne chrematonimy, nazwy zegarków mogą być tworzone przy pomocy transonimizacji. Ten sposób nominacji został scharakteryzowany przez Cz. Kosylą i polega na: „przesunięciu nazwy własnej z jednej klasy do innej”[4, 449]. Prowadząc rozważania związane z nazewnictwem zegarków możemy stwierdzić, że wiele z nich powstało na bazie imion antycznych bogiń. W większości przypadków są to imiona jednowyrazowe przeniesione do klasy chrematonimów, które są nazwami zegarków. Są to nazwy całych serii chronometrów, w rozmaity sposób nawiązujących do swoich denotatów, wypełniających funkcję reklamową, którą uważa się za jedną z najważniejszych we współczesnej komunikacji.

Minerwa [5, 695] to jedna z pierwszych nazw zegarków, identyczna z imieniem italskiej albo etruskiej bogini rzemiosł, sztuki i literatury. Cytując oficjalną stronę marki Montblanc, która jest obecnie właścicielem manufaktury *Minerwa*, produkującej zegarki o tej samej nazwie, możemy sprecyzować datę rozpoczęcia produkcji chronometrów o nazwie *Minerwa*: „30 lipca 1887, oficjalnie zarejestrowali nazwę handlową *Minerwa* (nawiązując do bogini sztuki i rzemiosła)”[8, int]. W kolejnych latach na światowych wystawach, np. „Expositions Universelles” w Antwerpii manufaktura była wielokrotnie nagradzana za produkowane czasomierze. W tym miejscu chcemy nadmienić, że bardzo często zdarza się, iż nazwa manufaktury produkującej zegarki i nazwa tychże wyrobów jest identyczna. Niekiedy tego rodzaju onimy przekształcane są w nazwę marki. O nich pisała E. Jakus-Borkowa, jako o nazwach „niezliczonych i masowo wytwarzanych wyrobów przemysłowych, które zazwyczaj wywodzą się z nazw marek firmowych lub seryjnych”[2, 138].

Przykładem może być nazwa marki *Nike*. Pierwotnie nazwę tą nadano linii obuwia przeznaczonego dla sportowców, która to przyczyniła się do sukcesu ekonomicznego spółki noszącej nazwę *Blue Ribbon Sports* [9, int]. W 1978 r. *Blue Ribbon Sports* zmieniło nazwę na *Nike* i wszystkie produkty tej firmy, w tym zegarki, noszą nazwę marki *Nike*. Jest to nazwa przeniesiona, imię *Nike* według mitologii greckiej nosiła bogini „wszelkiego zwycięstwa: w bitwie, zawodach atletycznych, konkursach muzycznych. Takim epitetem obdarzano również *Atenę*”[6, 160]. Wyżej przedstawiona historia nazwy zegarków *Nike* pokazuje, dlaczego dla danego produktu wybrano właśnie taką nazwę i co było motywacją nazewniczą. Zegarki *Nike* to wysokiej klasy sportowe czasomierze. Bogini *Nike* jest opiekunką, między innymi zwycięstw sportowych. Większość nazw zegarków powstaje w sposób intencjonalny, zamierzony, świadomy i celowy. Cz. Kosyl ten sposób powstawania chrematonimów określa „nominacją konwencjonalną”[4, 448] czyli nieprzypadkową.

Również nazwy linii i serii czasomierzy nie są dobierane bez przeprowadzania wcześniejszych analiz z zakresu marketingu. Chodzi tu głównie o funkcję reklamową, jaką pełnią chrematonimy w komunikacji społecznej. Współczesna reklama jest często ukierunkowana na określone grupy zawodowe. Fakt ten powoduje, że nazwy są tworzone w taki sposób, aby nawiązywały, konotowały z profesją, do której ma być skierowana reklama.

Typowym przykładem funkcjonowania tego zjawiska mogą być zegarki o nazwie *Temida*. Czasomierze te były nieprzypadkowo reklamowane w środowiskach prawniczych przez markę *Jordan Kerr*, która jest producentem tychże wyrobów. Nazwa serii chronometrów *Temida* została przeniesiona z mitologii greckiej, według której imię *Temida* nosiła bogini sprawiedliwości i praw. W tekstach źródłowych jest przedstawiana: „z rogiem obfitości, mieczem, wagą i niekiedy opaską na oczach symbolizującą „ślepe prawo”, nie patrzy na osoby, ale słucha argumentów” [5, 1179]. Jest opiekunką prawników, symbolem prawa i praworządności.

Do klasy chrematonimów zostały przeniesione również imiona antycznych bogiń symbolizujących piękno: *Afrodyty* i *Gracji*. Czasomierze, którym nadano nazwy identyczne z

imionami powszechnie kojarzonymi z wdziękiem, urodą i radością należą bezspornie do wyrobów ekskluzywnych. Są zaprojektowane i wykonane zgodnie z najwyższymi standardami sztuki zegarmistrzowskiej. Czasomierz o nazwie *Afrodyta* jest przeznaczony dla kobiet, o czym świadczy niewielki rozmiar i kształt bransoletki. Przez producenta jest reklamowany jako damski zegarek biżuteryjny. Wszystkie cechy tego produktu, jak i jego nazwa, na pewno nie są przypadkowe i kojarzą się odbiorcom, których kolebką kultury była starożytna Grecja i Rzym, z boginią uosabiającą piękno i wdzięk. *Afrodyta* jest bohaterką wielu mitów, np. Sąd Parysa, według którego została wybrana najpiękniejszą na świecie. Miała ona również wiele przydomków, które świadczyły o jej boskiej urodzie, np.: „Afrogeneja – według Hezjoda ‘urodzona z piany morskiej’; Pandemos – bogini piękna oraz miłości ogarniającej wszystkich bogów i ludzi; Urania – z języka greckiego ourania ‘niebiańska’” [5, 18]. Również z pięknem i krasą kojarzy się imię *Gracja*, które według mitologii rzymskiej nosiła jedna z trzech bogiń piękności [7, 190]. Czasomierz o nazwie *Gracja* jest również reklamowany jako bardzo elegancki wyrób damskiej biżuterii.

Analizując powyższe przykłady możemy stwierdzić, że również w tym przypadku nazwa zegarka, przynajmniej w dyskursie reklamowym, nawiązuje do cech denotatu, który nazywała pierwotnie. *Gracja* – imię bogini piękna; *Gracja* – nazwa pięknego zegarka.

Imię kolejnej bogini włoskiej, które jest identyczne z nazwą zegarka pochodzi z języka łacińskiego i zostało utworzone od apelatywu *fors*, forma dopełniacza *fortis* ‘łos; traf; sposobność’. *Fortuna* to imię bogini „płodności, urodzaju, przeznaczenia, szczęścia i nieszczęścia” [2, 233]. W naszych czasach i w naszej kulturze imię tej bogini jest kojarzone z bogactwem i dobrobytem. Zapewne dlatego zegarek o nazwie *Fortuna* jest polecany paniom, które osiągnęły awans zawodowy i społeczny, odnajdują się w polityce lub są gwiazdami estrady. Podobnie jak damski czasomierz o nazwie *Viktoria*, którego producent – marka Zeppelin oferuje go kobietom sukcesu, bizneswoman. Imię *Viktoria* nosiła rzymska bogini zwycięstwa. Pochodzi ono z języka łacińskiego od apelatywu *victoria* ‘zwycięstwo’.

Na podstawie wyżej zamieszczonych przykładów możemy stwierdzić, że pod względem słowotwórczym analizowane przez nas chrematonimy będące nazwami zegarków są odimienne i przeniesione. E. Breza pisał: „Są to więc nazwy homogenne, nawiązujące do określonej tematyki, źródła semantycznego. Mówi się w tym wypadku o irradacji onomastycznej” [1, 352]. Powstaje pewien wzorzec nazewniczy. Imiona starożytnych bogiń są przenoszone do klasy chrematonimów.

Tego typu nazwy pełnią określone funkcje w komunikacji społecznej. Najważniejszą z nich, biorąc pod uwagę ekonomię, marketing oraz współczesne uwarunkowania pozajęzykowe, jest funkcja reklamowa.

Nazwy zegarków, które są tożsamymi z imionami antycznych bogiń budzą pozytywne skojarzenia, często są onomastycznymi internacjonalizmami oraz mogą konotować z nazwami innych dóbr luksusowych.

Z naszych badań wynika, że nazwy zegarków jednakowe z imionami bogiń starożytnej Grecji i Rzymu stanowią swego rodzaju ułatwienie w przebiegu komunikacji. O tego typu nazwie własnej Cz. Kosyl pisał, że „... zwraca uwagę odbiorcy, jest wygodniejsza w użyciu, brzmi lepiej i łatwiej jest zapamiętywana niż na przykład symbol cyfrowy” [4, 249]. Biorąc pod uwagę powyższe rozważania możemy stwierdzić, iż analizowane przez nas chrematonimy nie informują o jednostkowych cechach chronometrów, a jedynie odniesienie nazwy do denotatu pozwala na liczne skojarzenia, np. w dyskursie reklamowym.

Literatura

1. Breza, E. Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chrematonimy) / E. Breza // Polskie nazwy własne. Encyklopedia, red. E. Rzetelska-Feleszko. – Kraków, 2005. – S. 343–361.

2. Encyklopedia PWN / red. J. Kofman. – Warszawa 1994.
3. Jakus-Borkowa, E. Nazewnictwo polskie / E. Jakus-Borkowa. – Opole, 1987.
4. Kosyl, Cz. Chrematonimy / Cz. Kosyl // Współczesny język polski; red. J. Bartmiński. – Lublin, 2017.
5. Kopaliński, W. Słownik mitów i tradycji kultury / W. Kopaliński. – Kraków, 1991.
6. Okuniewicz, A. Leksykon humanisty / A. Okuniewicz, Z. Lisiecka. – Białystok, 2004.
7. Słownik poprawnej polszczyzny / red. W. Doroszewski. – Warszawa, 1980.
8. Historia A.Lange&Söhne [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ch24.pl/zegarki/montblanc/historia>. – Data of access: 20.12.2017.
9. Sporting [Electronic resource]. – Mode of access: <https://e-sporting.pl/historia>. – Data of access: 14.10.2017.

Т.П. Вільчинська

Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка
e-mail: tetyana_v@ukr.net

УДК 811.161.2'373.7

ТЕОНИМ БОГ ЯК КОМПОНЕНТ УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ

Ключевые слова: *оним, теоним, имя собственное, Бог, фразеологическая единица, лингвокультурологический аспект.*

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу фразеологических единиц украинского языка с онимным компонентом. В ходе исследования были рассмотрены, систематизированы и описаны устойчивые выражения с теонимом Бог. Опираясь на труды отечественных и зарубежных лингвистов, которые касались указанной проблематики, делаем вывод, что фразеологизмы с компонентом-онимом Бог являются важными манифестантами украинской языково-фразеологической картины мира.

T.P. Vilchynska

Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University

THEONIM GOD AS A COMPONENT OF THE UKRAINIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Key words: *onym, theonym, proper name, God, phraseological unit, linguocultural aspect.*

The article is devoted to the linguocultural analysis of the Ukrainian phraseological units with an onymic component. The study considers, systematizes, and describes a number of stable expressions with the theonym God. Taking into account the works of the Ukrainian and foreign linguists who dealt with this issue, we conclude that the phraseological units with the onym God are important indicators of the Ukrainian linguophraseological worldpicture.

У сучасній лінгвістиці актуальним залишається питання про роль онімів у складі фразеологічних одиниць (ФО). ФО, компонентом яких є власна назва, на думку О. Мжельської, легко розпізнаються та утворюють окрему мікроструктуру мови [5, 8]. Саме власні назви виступають тими мовними засобами, що забезпечують найбільш

точну об'єктивізацію понятійного й емотивного змісту та здатні викликати низку асоціацій, уявлень тощо [5, 9].

Однією з причин функціонування онімів у складі фразеологізмів є узагальнене значення імені. Під ономастичним компонентом здебільшого розуміють переосмислені власні назви (оніми), до яких належать похідні від антропонімів, топонімів, теонімів, зоонімів та ін., що характеризується специфічним національно-культурним та символічним значенням [8, 21].

Етнокультурний аспект функціонування онімів у складі ФО досліджували Н. Венжинович, В. Жайворонок, М. Жуйкова, В. Мокієнко, Н. Пасік, В. Федонюк, В. Ужченко та ін., стверджуючи, що на основі взаємодії фразеологізму з онімом формується особлива одиниця, що поєднує і виражає ознаки оніма й фразеологізму. Як зазначає А. Мойсієнко, «фразеологічна одиниця з онімним словом відзначається конкретизаційною семантикою, що нітрохи не нівелює її художньо-образної, експресивної значущості... Алюзії певного фразеологізму нерідко може нести й окреме онімне слово, потрапляючи у відповідну контекстуальну ситуацію, актуалізуючи відповідний досвід реципієнта» [6, 215–216].

Однак оніми як складники фразеологізмів у лінгвокультурологічному аспекті в україністиці ще потребують свого дослідження. Сказане передусім стосується ФО з теонімами ((від гр. *theos* «Бог, божество» + онім) – власна назва Бога, божества в будь-якій релігії, міфології, пантеоні; сюди ж слід, очевидно, включати й найменування *Богородиця*, *Свята Трійця* та под. [9, 170]).

Зазначимо, що українська національна культура багата на ФО релігійного змісту, оскільки в них знайшла відображення споконвічна ментальна риса українців – віра в Бога, які, проте, в силу об'єктивних причин, у радянському мовознавстві залишалися маловивченими. Запропоноване дослідження обмежуємо саме характеристикою фразеологізмів з компонентом-теонімом *Бог*, який, попри часткову деактуалізацію у складі стійких зворотів, не втрачає свого значення, а виступає семантичним центром ФО з референтом Бог.

Отож, наукові зацікавлення спрямовуємо на виявлення національно-культурної специфіки фразеологізмів з теонімом *Бог* (*Господь*) як репрезентантів мовно-фразеологічної картини світу українців. Спостереження проводилися на лексикографічному матеріалі.

У сучасній науковій парадигмі усталився термін «християнська теонімія» (Ю. Карпенко, Н. Колесник, А. Мусорін), однією з особливостей якої є багатойменність персонажа. Незважаючи на те, що в лексикографічних працях зафіксовано чимало назв Бога, як-от *Творець*, *Творитель*, *Спаситель*, *Пан*, *Цар*, *Всевишній*, *Вседержитель*, *Владика*, *Отець*, *Предвічний*, *Христос* та багато інших, основними номінаціями Бога як найвищої сутності в досліджуваних ФО є однокоренні теоніми *Бог* і *Господь*.

Точних і достовірних даних, коли ці слова увійшли в нашу мову, немає. Автори «Етимологічного словника української мови» лексему *Бог* тлумачать як «господь», указуючи на спорідненість псл. *vogъ* з дінд. *bhagah* «наділяючий, податель, пан, владика» [1, 219]. Щодо назви *Господь*, то вчені зазначають, що це «дуже давнє складне слово з не цілком з'ясованою етимологією» і споріднене, найвірогідніше, з лат. «гостинний друг, господар, гість, чужинець» та індоєвропейським – «пан, володар» [1, 575].

Цікаві зауваги стосовно теоніма *Бог* зробив Ю. Карпенко. На думку науковця, «слово *бог*, центральне і для слов'янського язичництва на всіх етапах його розвитку, і для слов'янського християнства, стало центральним і для української ментальності» [3, 170]. Успадковане від індоєвропейської прамови, воно жило у слов'ян на всіх етапах язичництва, пройшло і засвідчило своїми похідними всі ці етапи, щоб потім урочисто

увійти вже у православну релігію, де з *бога* стало *Богом*, перетворившись із загальної назви у власну [3, 163].

«Християнськість» теоніма *Господь* відстоює білоруський дослідник А. Мусорін, зауважуючи, що, на відміну від слова *Бог*, назва *Господь* ніколи не використовувалася для позначення богів дохристиянських політеїстичних релігій. Старослов'янське *Господь*, як розмірковує вчений, у функціональному відношенні нічим не відрізняється від гр. *Κήριος*, лат. *Domīnus*, англ. *Lord*, пол. *Pan*, позначаючи водночас і земного Владику, і Владику Небесного. «Чистим» теонімом, позбавленим світського значення, це слово стає вже в більш пізній період розвитку церковнослов'янської мови [7, 112].

Аналізуючи фразеологізми з теонімом *Бог* (рідше *Господь*), а саме їхнє лінгвокультурологічне наповнення, зауважимо, що, на противагу поширеним в ономастиці поглядам про так звану «безпонятійність» власних назв, яким притаманна лише апелятивна функція, теоніми можуть перебирати на себе значеннєві потенції, доносячи своєю внутрішньою формою, метафориною, асоціаціями певний культурологічний смисл, зафіксований мовною особистістю в її взаємозв'язках із соціумом, культурою, релігією. Тому оніми справедливо вважають «носіями національної унікальності мови» (Д. Бучко). Саме сакральний сегмент української онімії належить до найдавніших, що сягає початків творення фольклору, становлення фразеології як такої сфери, де, з одного боку, в мовних фактах яскраво відбиваються етнопсихологічні особливості соціуму, а з іншого – чітко простежується вплив мови на формування його менталітету. ФО з теонімним компонентом належать до тих, що найповніше передають народні традиції і вірування, а відтак за ними навіть закріпилася спеціальна назва – сакральні етнофраземи (М. Жуйкова, В. Телія, М. Толстой).

У народній культурі сакральна фразеологія виконує різноманітні функції, серед яких найчастіше виділяють оберегову, лиходійну (виявляється в таких мікротекстах, як прокльони і клятва) та фатичну (реалізується в етикетних словесних формулах – вітаннях, вибаченнях, побажаннях, поздоровленнях тощо) [2, 166–167]. Відповідно до зазначених функцій і систематизуємо досліджувані ФО.

До поширених в українській народній культурі, що засвідчує і лексикографічний матеріал, належать оберегові, або апотропейні, ФО з відповідною семантикою, напр.: *хай (нехай) Бог (Господь) милує (боронить)* [10, 36–43], *хай (нехай) Бог (Господь) не доводить, не доведи Господи, не дай Бог, хай Бог одверне, хай Бог заступить, крий Боже, ховай Боже* та под.

Щодо фразеологізмів з лиходійною функцією, то вони, на думку М. Жуйкової, відрізняються своєю спрямованістю. Так, прокльони виникають у мовленні людини як реакція на певний стимул, отриманий з боку оточення, та скеровані на іншу особу, тоді як у клятві (інакше божбі) зберігається уявлення про можливість шкоди для самого мовця, оскільки об'єктом цього виду вербальних дій виступає той, хто говорить [2, 167]. Прикладом прокльонів є передусім такі: *хай (нехай) тебе (його, її, їх і т. ін.) Бог (Господь) поб'є (покарає), Бог би тебе скарав*. Клятву засвідчують фразеологізми на зразок: *хай (нехай) мене Бог (Господь) уб'є (покарає), хай (нехай) мене Бог (Господь) забуде*. Поширеними в українській етнолінгвокультурі є і ФО *йй-Богу (ей-Богу), йй же Богу*, що уживаються як застарілі форми «клятви, запевнення, переконання в чому-небудь» [10, 42].

Проте найчисельнішою видається група ФО із фатичною функцією, тобто такою, що передбачає встановлення та підтримання соціальних контактів. Серед вказаних фразеологізмів розрізняємо ті, що виражають привітання: *хай (нехай) Бог (Господь) помагає, Боже помози, Бог в поміч*; восхваляння: *хвала Богу, молитися Богові*; побажання: *хай (нехай) вас (тебе) Бог (Господь) благословить (не забуде), Бог (Господь) з тобою (з вами, з ним і т. ін.), Бог на поміч, хай Бог помагає, дай Бог здоров'я*

(*пам'ять*), *дасть* (*поможе, пошле*) *Бог* (*Господь*) [*милосердний*]; прохання: *заради Бога* (*Бога ради*). Сакральна сфера у цих ФО об'єктивується передусім духовними якостями Бога, як-от шана, милість, доброта.

Нерідко Божі якості в сакральних етнофразах можуть передаватися через людські, напр.: *Бог зна* (*знає, відає*), *бачить Бог* (*Бог мені свідок*), *Бог простить, Бог тобі* (*їй і т. ін.*) *суддя, Бог приніс* (*привів, послав і т. ін.*). У ФО Бог часто наділяється атрибутами людини. Звідси фразеологізми: *Богу у вуха, тримати Бога за бороду*.

Продуктивну групу в межах ФО з компонентом-теонімом *Бог* становлять стійкі збороти, що «уживаються для вираження захоплення, подиву, відчаю, розпачу і т. ін.» [10, 43] і є зазвичай полісемантичними, на зразок: *Боже [ж] мій, Боже благий, Боже [мій] милостивий, Боже [мій] єдиний, Боже [мій] милий, Боже правий, святий Боже*. Зауважимо, що нерідко носії мови видозмінюють подібні конструкції. Так, зокрема, з'явилися ФО *Боже кріпкий, моцний Боже, Боже святий, кріпкий, безсмертний*.

О. Кононова пропонує оніми у складі фразеологізмів систематизувати також за їхніми структурними особливостями, враховуючи специфіку поєднання оніма з іншими компонентами [4, 43]. Досліджуваний матеріал дає змогу виділити насамперед такі типи словосполучень, як дієслівні (*Бог помагає, Бог милував, дякувати Богові*) та іменні (*Боже милий, слава Богу, Бог з тобою*). Загалом же під час аналізу було виявлено різноструктурні ФО, що складаються з одного повнозначного слова (*з Богом, від Бога*), двох (*Бог прийняв*), кількох (*з чим Бог послав*), виражені порівняннями (*як у Бога за дверима* (*пазухою*)) чи пареміями (*ні Богу свічка, ні чорту кочерга*).

Важливим вектором дослідження є виявлення аксіологічної природи аналізованих одиниць. Установлено, що всі фразеологізми з теонімом *Бог* є оцінно маркованими. Здебільшого вони конотують захоплення, радість, піднесення (*хвалити Бога*); рідше – відчай, розпач, досаду (*на Бога* – «виражає незадоволення ким-небудь, досаду» [10, 41] або *в три Бога*, що кодифікується в словнику як лайл. [10, 41]). Встановлення оцінного забарвлення засвідчує, що нерідко саме власні назви (у нашому випадку онім *Бог*) є носіями національно-культурної конотації.

Проведене дослідження стійких виразів української мови з компонентом-теонімом *Бог* дало широкий матеріал для узагальнення лінгвокультурологічної інформації, об'єктивованої у цих одиницях, та засвідчило відображення в них такої важливої ментальної риси українців, як віра в Бога. Онім *Бог*, виступаючи у сполученні з іншими компонентами ФО, демонструє еволюцію релігійних поглядів українського етносу. Перспективи подальшого студіювання подібної проблематики вбачаємо в залученні до аналізу інших власних назв, у розширенні дискурсної бази, у вивченні інтертекстуальних зв'язків в аспекті функціональних характеристик онімів у складі ФО як в одній, так і кількох мовах.

Література

1. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / редкол. О.С. Мельничук (гол. ред.) та ін. – К. : Наук думка, 1982. – Т. 1. – 632 с.
2. Жуйкова, М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов : монографія / М. В. Жуйкова. – Луцьк : РРВ «Вежа», 2007. – 416 с.
3. Карпенко, Ю. Українська ментальність : палеолінгвістичне декодування / П / Бог / Ю. Карпенко. – Волинь – Житомирщина : Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. – Житомир, 2003. – № 10. – С. 162–170.
4. Кононова, О. Л. Антропоніми як елементи фразеологічних зворотів / О. Л. Кононова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Сер. «Філологія. Соціальні комунікації». – Т. 22 (61). – № 4 (1). – 2009. – С. 42–46.

5. Мжельская, О. К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований (на материале ономастических компонентов библейской фразеологии) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / О. К. Мжельская; Алтайский госуниверситет. – Барнаул, 2008. – 18 с.
6. Мойсієнко, А. Мова як світ світів. Поетика текстових структур / А. Мойсієнко. – Умань, 2008. – 208 с.
7. Мусорин, А. Ю. Теонимическая лексика древнейших памятников славянской письменности / А. Ю. Мусорин // Сибирь на перекрестке мировых религий. – Новосибирск, 2009. – С. 111–114.
8. Пасік, Н. М. Роль ономастичних компонентів у формуванні фразеологічного та пареміологічного значення / Н. М. Пасік // Мовознавство. – 1999. – №2–3. – С. 21–30.
9. Словник української ономастичної термінології / уклад. Д. Г. Бучко, Н. В. Ткачова. – Харків : Ранок – НТ, 2012. – 256 с.
10. Фразеологічний словник української мови : в 2 т. – К. : Наукова думка, 1993. – Т. 1. – 526 с.

Л.А. Годуйко, О.Б. Переход
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: god_lusi@mail.ru; rexo61@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2:811.161.3'373.2

СПОСОБЫ НЕЙМИНГА ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ БРЕСТЧИНЫ

Ключевые слова: прагматонимия, коммерческое наименование, нейминг, типы языковых единиц, способы номинации.

В статье осуществлено исследование названий хлебобулочных и мучных кондитерских изделий, выпускаемых предприятиями Брестской области. Отмечена представленность (и их востребованность номинаторами) среди анализируемых прагматонимов разнотипных языковых единиц: имен-лексем, словосочетаний и предложений. Установлены способы номинации выбранной группы продукции, определены специфика, продуктивность/непродуктивность каждого из них.

L.A. Goduiko, O.B. Perekhod
Brest State University named after A.S. Pushkin

WAYS OF NAMING BAKERY PRODUCTS IN BREST REGION

Keywords: pragmatonymy, naming, commercial naming, types of language units, ways of nomination.

Names of bakery products and confectionery made in Brest region are researched in this article. Names-lexemes, word combinations and phrases are noted among the analyzed pragmatonyms of various language units as the ones that are representative and relevant for nominators. The ways of nomination of the selected products group, their specificity and (non)productivity are determined in the article.

В современной языковой картине мире заметное место занимает прагматонимная подсистема. Каждое входящее в нее коммерческое название индивидуализирует целую

серию однотипных объектов, выступает важным вербальным средством создания их рекламного образа. Этот разряд имён собственных постоянно обновляется, расширяется: адресат нейминга сталкивается с новыми искусственными номинациями и как потребитель, и как целевая аудитория теле-, радио-, иной рекламы, различных мероприятий по продвижению товаров.

Наше исследование посвящено одному сектору коммерческих номинаций – именам хлебобулочных и мучных кондитерских (далее – ХБМК) изделий. Источником послужили материалы сайтов, др. «продающие» тексты предприятий Брестчины: ОАО «Берестейский пекарь» и его филиалов – Брестского, Барановичского, Давид-Городокского, Кобринского, Лунинецкого, Пинского хлебозаводов; СООО «Перфект». Всего зафиксировано более 500 прагматонимов (их проприальных, «закавыченных» компонентов).

Хлеб у белорусов, др. славянских народов занимает (хотя, по данным Белстата, потребление мучных изделий в Беларуси снижается) особое место. Он символизирует труд, достаток, богатство, саму жизнь, единение (разделенный и съеденный с кем-л. вместе), гостеприимство; этому продукту заметная роль принадлежит и в ритуальных, религиозных обрядах. Значимость хлеба объективирована, напр., в многочисленных ФЕ: бел. *хлеб ды соль* / рус. *хлеб-соль*; бел. *мець кусок хлеба*; *хлеб будзе, дык і ўсё будзе*; *як не стала хлеба*, *дык і нож не трэба*; рус. *хлебное место*; *хлеб насущный*; *преломить хлеб*; *без соли не вкусно, а без хлеба не сытно*; *от хлеба хлеба не ищут*; *хоть по-старому, хоть по-новому, а без хлеба не прожить*; *хлеб – всему голова* и др.

Покупатели хлебобулочных изделий представляют разные социальные группы, в т.ч. среднее и старшее поколения, ориентированные на «классические» названия; потребители же кондитерской продукции менее консервативны. Данный и иные факторы: территориальное определение рынка (при экспорте товара надо считаться с языковыми, культурными традициями др. стран); описание (качество продукта характеризуется с точки зрения реципиента: нужно четко определить, что для него актуально, какую черту товара акцентировать); жизненный цикл товара (как долго предполагается использовать название) [1, 45–46] и др. – приходится учитывать имядателям. Они (факторы) и намерения номинаторов (сведения о товаре, его имядателе, о пристрастиях последнего, эмоциональный контакт с адресатом [3; 4]) определяют отбор языковых средств для онимов, способы их образования.

По отношению к языковой системе анализируемые онимы представляют собой единицы: 1) первичные, созданные специально для нейминга ХБМК-изделий либо заимствованные из других языков: булочка *«Забавлянка»*, хлеб *«Андеграунд-фитнес»* и др.; лепёшка *«Пикантино»* (итал. ‘пряный’), печенье *«SWEET BEANS»* (англ. ‘сладкие бобы’) и др.; 2) вторичные (при сохранении фонетического облика мотивирующей базы развивают новые значения), которые являются результатом использования в качестве прагматонима апеллятива, имени собственного другого ономастического разряда: торт *«Трюфель»*, пирожное *«Амур»* и др.; в данную группу отнесли и коммерческие названия, образованные по моделям словосочетаний и предложений современного русского (белорусского) языка: хлеб *«Просторы Нарочи»*, торт *«Осенний вальс»*, *«К черному чаю»*, сладость мучная *«Для любимых»*, *«День и ночь»* и др.; 3) повторные, отсылающие к прецедентным феноменам – особой группе вербальных/вербализуемых феноменов, известных любому среднему представителю определенного лингвокультурного сообщества и входящих в когнитивную базу данного сообщества [3, 222]: хлеб *«Белая Русь»*, *«Багач»* (белорусы отмечают праздник после сбора урожая), печенье *«Паўлінка»* (героиня пьесы Янки Купалы), торт *«Клеопатра»* (египетская царица, вошедшая в историю благодаря драматической истории любви к римскому полководцу Марку Антонию), пирожное *«Фортуна»* (древнеримская богиня удачи), *«Курочка Ряба»*; сладости мучные *«Дело вкуса»* (в ониме переплетаются несколько мотиваций: по-

мимо узуального значения ФЕ 'то, что обусловлено вкусом, зависит от развитого чувства прекрасного' актуализируется прямое значение лексемы *вкус* 'качество, свойство пищи, ощущаемое при еде') и др. Обращение в рекламном дискурсе (в целом в современной постмодернистской коммуникации, характеризующейся в т.ч. интертекстуальностью) к подобным повторным номинациям вполне закономерно: прецедентные единицы – это «один из способов хранения и передачи информации, особым образом структурированное знание, обладающее культурно специфическими коннотациями и значительным прагматическим потенциалом»; повторные онимы выступают «важной составляющей лингвоментальной компетенции наших соотечественников», существенной частью «отечественной духовной культуры», способом «отражения национальных традиций, стереотипов и ценностей в их историческом развитии и связях с современным состоянием нашего общества» [5, 9].

Способы номинации ХБМК-изделий также находятся в русле основных тенденций создания прагматонимов, рекламных имен в целом. Так, основная масса зафиксированных номинаций образована **лексико-семантическим** способом. Он представлен онимизацией, трансонимизацией и заимствованием.

Путём перехода апеллятивов (существительных, прилагательных и даже междометия) и устойчивых сочетаний в онимы образованы следующие названия: хала «**Смаката**», хлеб «**Знаёмы**», «**Горный**», плетёнка «**Румяная**», пирог «**Калі ласка**», торт «**Птичье молоко**» ('нечто неслыханное, невозможное, предел желаний') и др.

Онимизация может быть нескольких видов. Простая: *сладости мучные* «**Круассаны**», *пирожное* «**Эклер**», булка «**Чиабатта**» (от итал. 'шлёпанец'; иногда считают, что белый хлеб получил название из-за своей формы, но есть и др. объяснение: ФЕ *cucinare uno ciabatta* подобно рус. *сделать ноги*) и др. – «используется для создания описательных имен информативного характера». Они «редко бывают оригинальными и не могут быть зарегистрированы как товарные знаки» [6, 205–206].

Большинство зафиксированных названий образовано онимизацией метафорической (по сходству) или метонимической (по смежности) и указывает на: 1) размер, форму изделия: багет «**Мини**», торт «**Грибочки**», печенье «**Валентинки**», сухари «**Пуговки**», пирожное «**Картошечка**» и др.; 2) его состав: бисквит «**Абрикосовый**», пряники «**Имбирные**», «**Полночь**» (с добавлением какао), булочка «**Изюминка**» и др.; 2) место изготовления изделия / разработки его рецептуры: набор печенья «**Берестейский**», торт «**Домашний**», баранки «**Белецкие**», кекс «**Борисовский**» и др.; 3) потенциального, в т.ч. особенного, искушённого потребителя: хлеб «**Богатырский**», батон «**Сударь**», торт «**Императрица**», слоеное тесто «**Хозяюшка**», сушки «**Студенческие**», печенье «**Сластёна**», сладости «**Забияка**», «**Затейник**» и др.; 4) высокое качество изделия, его привлекательность для потребителя: рулет «**Лакомство**», коврижка «**Аппетитная**», пирог «**Популярный**», печенье «**Мара**», торт «**Овация**», «**Сказка**», сдоба «**Восторг**», снеки «**Удача**» и др.; 5) назначение, условия употребления продукта: хлеб «**Тостовый**», кулич «**На угощение**» и др.

Востребована символическая онимизация, когда имя приписывается продукту как условный знак и мотивируется единицами с общеизвестными символическими значениями, символами искусства, литературы, мировой/белорусской культуры: хлеб «**Модерн**», «**Визави**», пряники «**Водевиль**», батон «**Сонейка**», торт «**Папараць кветка**», рулет «**Фестивальный**», печенье «**Лилея**», «**Прима**», «**Серенада**» и др.

Трансонимизацию (перенос имени в другой ономастический класс) демонстрируют прагматонимы, восходящие к именам собственным людей (в т.ч. псевдоантропонимам, поэтонимам), топонимам, ойкодонимам, эргонимам и др.: торт «**Наполеон**» (происхождение блюда, его названия связывают с празднованием в России столетия победы над армией Наполеона: повара приготовили пирожное нежное, необычное),

хлеб *«Хлебников»* (в ониме «оживляется» мотивирующее: оно своей корневой морфемой указывает на вид именуемого продукта), сушки *«Белоснежка»*, торт *«Берестье»*, пряники *«Колизей»*, бисквит *«Берестейский пекарь»* и др.

Примерами заимствования служат названия (слова/словосочетания в кириллице или латинице): пряники *«Ностальжи»*, торт *«Николь»*, пирожное *«Мерси»*, основа для пиццы *«Алаверды»* (пришло в рус. из груз. языка), сладости мучные *«Маффин Амираль»* (*маффин* – франц. *moufflet* ‘мягкий хлеб’ или нем. *Muffe* ‘хлеб’ – ‘американский вариант кекса с разнообразными начинками, в т.ч. фруктами’, *амираль* – франц. ‘адмиральский’ – название используемой при выпечке смеси); пирожное *«Dolce Vita»* (итал. ФЕ ‘сладкая жизнь’ выступает как имя и др. объектов: фильма Ф. Феллини, альбома группы «Океан Ельзи», магазинов, ресторанов и др.), набор пряников *«Duo delight – white and dark»* (англ. ‘двойное наслаждения – белое и темное’) и нек. др.

Активно используется и **лексико-синтаксический** способ. Образованные им имена имеют форму словосочетаний или предложений. Первые репрезентируют различные структурные типы (хлеб *«Три зерна»*, *«Корневский бездрожжевой»*, пряники *«Корпорация пряников»*, сладости *«Карамболь в молочной глазури»* и др.), из них наиболее продуктивные – сочетания существительного с адъективом (с прямым и обратным порядком слов) и субстантива/прилагательного с существительным в Тв. пад. с предлогом *с* (возможно распространение согласованным прилагательным): торт *«Малиновый десерт»*, *«Вишнёвый топ»*, *«Любящее сердце»*, пряники *«Фруктовая мозаика»*, пирожное *«Корзиночка белковая»*, сладости *«Палоска смачная»*, печенье *«Полесские вкусняшки»*, пончики *«Берлинеры Брестские»*, сушки *«Кольца ванильные»* и др.; сладости *«Сухарики с изюмом и арахисом»*, *«Пирог флорентиский с яблоками»*, печенье *«Городское с маком»*, сухари *«Слуцкие глазированные с кокосом»* и др.

Среди онимом-предложений отмечены неполные, реже – одно-/двусоставные предикативные единицы (ориентированы на разговорную, диалогическую речь), в т.ч. фразеологизированные структуры: бисквит *«На радость детям»*, сладости *«Давняя мечта!»*, торт *«Для Вас»*, печенье *«К посту»*, набор пирожных *«На удачу»*, сушки *«У самовара»*, каравай *«Виншую»*, булочки *«Веселее вместе»*, *«Пальчики оближешь»* (‘о чем-л. очень вкусном’), пирожное *«Сладость в радость»* и нек. др.

Ограниченно используются **словообразовательные** способы: 1) суффиксация: кекс *«Сладушка»*, булочка *«Здравушка»*; 2) сложение: хлеб *«Андеграунд-фитнес»*, *«Чиабатта-микс»* и нек. др.; 3) усечение: булочка *«Эко»* (узואльно функционирует в композитах *экология*, *экопродукты* и под.); 4) грамматический каламбур (создание имени с двойным значением: оно одновременно воспринимается и как существительное, и как побудительное предложение [6, 211]): хлеб *«Отломай-ка»*, сладости мучные *«Уплетайка»*; 4) семантический каламбур (в мотивирующем заменен компонент, и внутренняя форма переосмыслена: имя отражает объект номинации [6, 211]): рулет *«Фруктоша»* (ср.: *Дракоша* – герой мультфильма, *Антоша*, *Тимоша* – гипокористики).

В целом зафиксированные коммерческие названия достаточно традиционны для рекламного дискурса. Они отражают вовлечение в нейминг ХБМК-продукции разноуровневых языковых единиц, узואльных и – реже – неузуальных (образованные ими имена составляют периферию исследуемого прагматонимного поля) способов. В качестве мотивирующих выступают лексемы прямо или переносно, ассоциативно связанные с выпечными изделиями из муки. При этом доминируют номинации лаконичные, понятно называющие продукт, отсылающие к его внешним и/или внутренним характеристикам, формирующие положительный образ предлагаемого изделия.

Литература

1. Бернадская, Ю. С. Текст в рекламе : учеб. пособие / Ю. С. Бернадская. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 228 с.
2. Ворожцова, О. А. Прецедентные имена в российской и американской печати / О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 222–229.
3. Горяев, С. О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагматонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. О. Горяев. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.
4. Крюкова, И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие : учеб. пособие по спецкурсу / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.
5. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : монография / Е. А. Нахимова ; ГУО ВПО «Урал. гос. пед. ин-т». – Екатеринбург, 2011. – 276 с.
6. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестник СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.

Ю.В. Дулова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: jul_dulova@mail.ru

УДК 811.161.1'373.21(476.5)

НАЗВАНИЯ-ПОСВЯЩЕНИЯ В АРТИОНИМИИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Ключевые слова: *артионимия, названия-посвящения, историческая личность, тематическая группа, произведения искусства.*

В статье впервые осуществляется исследование названий живописных и графических произведений авторов Белорусского Поозерья, восходящих к именам известных людей; выявляются группы названий-посвящений, свойственных артионимии анализируемого региона. На основе семантических параметров устанавливаются особенности названий-посвящений в артионимии.

Yu.U. Dulava

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NAMES-INITIATIONS IN THE ARTIONYMY OF THE BELARUSIAN LAKE DISTRICT

Key words: *artionymy, names-initiations, historical personality, thematic group, works of art.*

The names of paintings of the artists of Belarusian Lake District motivated by the names of famous people are analyzed in the article. Groups of names-initiations are carried out which are revealed for the analyzed region. On the basis of semantic parameters the features of the names-initiations in artionymy are established.

Репрезентация человека в названиях произведений искусства осуществляется путем использования как апеллятивной, так и онимической лексики. Отантропонимные названия свойственны в первую очередь портретной живописи и графике. При этом наблюдается

прямая связь между изображаемым лицом и названием картины, а выбор в изображении определенных людей символизирует их роль в культуре исследуемого региона.

По мнению Л. А. Климовой, большинство собственных имен периферийной зоны характеризуется выраженным лингвокультурологическим значением, поскольку они заключают в себе «большой ассоциативный потенциал, доступный большинству носителей языка и составляющий фоновые знания определенного этноса» [1, 47].

Цель данного исследования – выявить основные группы названий картин, мотивированных именами исторических личностей. Материалом послужили артионимы, восходящие к именам исторических личностей, собранные из списков коллекций живописи и графики основного фонда Витебского областного краеведческого музея, данных информационного ресурса «Художники Витебщины», интернет-ресурсов, каталогов картин художников витебского региона. Из персональной картотеки было отобрано 535 релевантных единиц.

Анализ фактического материала названий-посвящений позволил разделить все многообразие отантропонимных артионимов на категории, мотивированные именами:

- 1) святых и иерархов;
- 2) политических деятелей;
- 3) военных деятелей, участников боевых событий;
- 4) деятелей культуры и науки;
- 5) представителей мирных профессий.

Имена святых и иерархов. Евфросиния Полоцкая почитается покровительницей и небесной заступницей земли белорусской. Образ святой широко представлен в художественной литературе, а также на полотнах художников Белорусского Поозерья: Ю. А. Баранов «Евфросиния Полоцкая», В. Е. Тихоненко «Евфросинья Полоцкая», В. И. Кухарев «Евфросиния Полоцкая». Б. Г. Лалыко посвятил свое произведение святым Петру и Февронии Муромским, брак которых являет собой образец христианского супружества: Б. Г. Лалыко «Петр и Феврония».

Выявлено всего два упоминания имен церковных деятелей в названиях живописных и графических работ авторов Белорусского Поозерья: Митрополит Иосиф, который сыграл значительную роль в объединении униатской церкви с православной – И. Ф. Хруцкий «Митрополит Иосиф Семашко слушает в своем кабинете доклад секретаря»; Олег Буткевич – католический епископ Витебский с 2013 г.: Б. Г. Лалыко «Епископ Витебска Олег Буткевич».

Имена политических деятелей. К политическим деятелям мы отнесли князей и членов их семей: В. И. Кухарев «Княгиня Ольга» (легендарная основательница г. Витебска), М. В. Левкович «Рогнеде посвящается» (Рогнеда – дочь полоцкого князя Рогволода), Б. Г. Лалыко «Ольгерд» (витебский князь, в период княжения которого Витебск был укреплен Верхним и Нижним замками), «Витовт» (великий князь, период правления которого считается расцветом ВКЛ). Неудивительно, что имена именно данных личностей зафиксированы в названиях картин.

Неоспорима роль в истории белорусского народа Льва Ивановича Сапеги – политического деятеля Великого Княжества Литовского, издавшего Статут 1588 г.: Б. Г. Лалыко «Портрет Льва Сапегы», а также одного из руководителей шляхетского восстания на землях бывшей Речи Посполитой, отошедших к Российской империи – Кастуся Калиновского: В. И. Кухарев «Портрет Калиновского».

Зафиксирована информация и о европейских монархах, а также о российском царе: А. А. Соловьев «Генрих VI», А. Ф. Ковалев «Медаль. Петр I».

В артионимии Белорусского Поозерья представлен и советский период истории нашего государства. Так, в названиях произведений искусства зафиксировано имя

В. И. Ленина, его жены, а также основателей марксизма: В. И. Кухарев «*Портрет В. И. Ленина*», Г. П. Киселев «*Ульянов-Ленин*», «*Крупская Н.К.*», «*К. Маркс*» и «*Ф. Энгельс*».

Значимым для белорусов является и имя советского белорусского партийного и государственного деятеля П. М. Машерова, зафиксированное в артионимии П. Б. Гривусевичем: см. картины «*Зимний пейзаж. Место дачи П. М. Машерова*», «*Землянка Машерова*».

Имена военных деятелей, участников боевых действий. В данной группе особое место занимают названия картин, мотивированные именами Героев Советского Союза, участников Великой Отечественной войны, партизан и подпольщиков: Н. И. Ткачев «*Заложники. Памяти семьи М. Шмырева*», Е. А. Зайцев «*Константин Заслонов*», Г. П. Киселев «*Герой Советского Союза Вера Хоружая*», В. И. Витко «*Ефросинья Зенькова*», В. И. Кухарев «*Партизан Сильницкий*», В. К. Дежиц «*Портрет Героя Советского Союза командира бригады «Дубова» Ф. Дубовского*».

Имена деятелей культуры и науки. Данная группа наименований является наиболее обширной и включает в себя:

- имена художников, скульпторов и архитекторов: В. И. Кухарев «*Марк Шагал*», И. Ю. Боровский «*Юрий Моисеевич Пэн*», В. И. Ральцевич «*Памяти Хруцкого*», О. В. Крошкин «*Портрет художника О. Сковородко*» (зафиксированы также названия, мотивированные именами зарубежных художников: Л. С. Антимонов «*Портрет П. Пикассо*», Г. С. Васильева «*Здравствуйте, господин Малевич*», С. М. Гершов «*Микеланджело*»);

- имена поэтов и писателей: Г. П. Киселев «*М. Богданович*», С. П. Привадо «*Портрет Я. Коласа*», П. М. Явич «*Д. Г. Симанович*», А. Ф. Ковалев «*Белорусский писатель и поэт Сергей Разбоев*», В. И. Витко «*Посвящается В. Быкову*» (зафиксированы также имена зарубежных писателей: И. Ю. Боровский «*Пушкин А. С.*», О. А. Сковородко «*Сергей Есенин*», С. Б. Юдовин «*Портрет Вяземского П. А.*», Б. Н. Кузьмичев «*Читая Шекспира*»);

- имена музыкантов: В. А. Андросов «*Соллертинский Иван Иванович в 20-е годы*», Ф. Ф. Гумен «*Музыкант-педагог Лена Александровна Марченко*» (имена зарубежных музыкантов: И. М. Пэн «*Людвиг ван Бетховен*», А. Ф. Ковалев «*М. Глинка*», С. М. Гершов «*Моцарт*»);

- имена актеров и актрис: В. И. Кухарев «*Портрет актрисы Галины Дягилевой*», В. И. Ральцевич «*Портрет заслуженной артистки БССР Окружной С. А.*», М. В. Лекович «*Портрет актрисы Раисы Грибович*»;

- имена искусствоведов: Ф. Ф. Гумен «*Портрет искусствоведа А. Ковалева*», «*Ученый муж*» (искусствовед Дробов).

Частотным является обращение к имени известного белорусского книгопечатника и просветителя Франциска Скорины: В. И. Кухарев «*Франциск Скорина*», В. Е. Тихоненко «*Ф. Скорина*», А. С. Изойтко «*Франциск Скорина*».

Имена представителей мирных профессий. В данной группе артионимов значительное количество составляют названия, мотивированные именами людей, профессии которых связаны с сельским хозяйством: И. Ю. Боровский «*Портрет главного агронома колхоза имени Красной Армии Витебского района А. С. Хлусенкова*», «*Портрет доярки колхоза имени Красной Армии Витебского района Г. Н. Яночкиной*», «*Портрет кузнеца имени Красной Армии Витебского района П. С. Княжище*».

Выявлен ряд артионимов-посвящений людям рабочих специальностей: Н. С. Гвоздилов «*Портрет И. П. Казакова – ударника ком. труда, токаря механ. цеха Витебского домостроительного комбината*», П. М. Явич «*Портрет Г. В. Исаченко – работницы фабрики КИМ*»; работникам социальной сферы: В. И. Кухарев «*Портрет Хирурга А. Я. Митрошенко*», И. Ю. Боровский «*Портрет врача-психиатра*».

В. К. Анищенко», В. А. Смерединский «*Портрет заслуженной учительницы БССР Блау А. Г.*»; спортсменам: А. Ф. Ковалев «*Пятикратный чемпион Европы по штанге В. Ф. Ковалев (брат художника)*». К числу единиц данной группы относятся и названия картин в честь сотрудников милиции: В. А. Андросов «*Работник угрозыска майор Вороницкий В. Н.*», И. Ю. Боровский «*Участковый (Постовой Семен)*».

Необходимо отметить, что названия-посвящения характерны для портретной живописи и графики, что отразилось в использовании лексемы *портрет*: П. Б. Гривусевич «*Портрет Героя Советского Союза П. М. Машерова*», А.И. Толкач «*Портрет Героя Советского Союза Блохина Ф. Т., участника освобождения Витебская в июне 1944 г.*», П. М. Явич «*Портрет народного артиста БССР Н. П. Звездочетова*».

Таким образом, анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил выявить пять основных групп названий картин, мотивированных именами исторических личностей: святых и иерархов, политических и военных деятелей, работников культуры и науки, представителей иных мирных профессий.

Названия-посвящения восходят как к именам жителей исследуемого региона, так и других регионов Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья, характеризующимся разным уровнем известности. При этом преобладает фиксация имен представителей региона и людей, тесно с ним связанных.

Литература

1. Климова, Л. А. Немецкие и русские артионимы в сопоставительном рассмотрении (на материале названий произведений изобразительного искусства) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Климова. – Волгоград, 2017. – 210 с.

А.С. Марудова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: marudova.anna@mail.ru

УДК 81.161.1'373.23:59(476.5)

НОМИНАТИВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ПРОЦЕССЕ НАЗЫВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ)

Ключевые слова: *ономастика, зооним, номинация, номинативный приоритет, принцип номинации, тематическая группа, Белорусское Поозерье.*

В статье анализируются наименования домашних животных на материале Белорусского Поозерья. Устанавливаются номинативные приоритеты в процессе называния зоонимов исследуемого региона. Определяется специфика первичного и вторичного переносов названий, их источники и пути реализации.

A.S. Marudova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE NOMINATIVE PRIORITIES IN THE PROCESS OF NAMING OF PETS (ON THE MATERIAL OF BELARUSIAN POOZERYE)

Key words: *onomastics, zoonym, nomination, a nominative priority, a principle of nomination, a thematic group, Belarusian Poozerye.*

The article analyzes the nomination of pets on the material of Belarusian Poozerye. Define the nominative priorities in the process of naming of the zoonyms of the researched region. Determine the specifics of the primary and secondary transfers of names, its sources and ways of realization.

Одной из актуальных как для теоретического, так и практического языкознания остаётся проблема языковой номинации, привлекающая внимание огромного количества лингвистов во всём мире. Разработка этой проблемы в её различных аспектах ведётся на протяжении многих десятков лет, но многое в ней остаётся неясным, отдельные результаты её исследования часто между собой не согласованы, определены недостаточно точно и т.д.

Полагается, что трактовка всех вопросов, связанных с проблемой номинации, могла бы быть более ясной, если бы учитывались важнейшие факторы (опыт, человеческая психология, роль отдельного индивида и общества в целом, влияние внешних условий и др.), способствующие появлению в языке того или иного слова.

В настоящее время существует огромное количество дефиниций понятия «*номинация*». Учёные, с одной стороны, различают номинации, сложившиеся при обозначении объектов естественным путём, а с другой – номинации, специально введённые для обозначения и различения некоторых разновидностей объектов [1].

Как отмечает В. Н. Телия, каждый речевой акт представляет собой одновременно и акт номинации, ведь в процессе общения люди обмениваются не словами и их значениями, а мыслями, используя слова, как и язык в целом, всего лишь как средство коммуникации [3, 133].

Аналогичную мысль подтверждает Б. А. Серебренников, полагая, что системы знаков языка неразрывно связаны с актами сознания, понимания и семантической интерпретации знаков в процессе номинативно-коммуникационной деятельности человека [2, 8].

Акты номинации происходят во многих речевых ситуациях; слова, как правило, возникающие при этом, могут просуществовать и дольше, чем длится речевой акт, при этом немногие слова становятся общепризнанными.

В процессе называния какого-либо объекта выбирается название из числа уже существующих имён нарицательных, а для наименования данного объекта именем собственным это имя может быть выбрано достаточно произвольно, или его выбор зависит от предпочтения или желания номинаторов. Имя собственное даётся индивидуальному объекту, который воспринимается как единственный в своём роде, поэтому в ономастической номинации большую роль играет сам характер именуемого объекта и, в частности, такой его показатель, как долговечность. Ср.: горы и реки оказываются самыми долговечными объектами по сравнению даже с городами и деревнями; люди и животные по сравнению с последними оказываются недостаточно долговечными, что обуславливает в свою очередь сменяемость антропонимов, зоонимов с каждым новым поколением.

Если антропонимы различных типов, образцов, характера имеют все члены человеческого коллектива без исключения, то прочие объекты окружающего мира получают собственные имена тогда, когда они представляют особый интерес для человека.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что человек, как творец и объект антропоцентрической парадигмы, разнообразно проявляет себя в номинации разных существ и предметов, не просто отражает особенности своего внутреннего мира, но и преобразует окружающий его мир.

Цель исследования – выявление номинативных приоритетов в процессе называния домашних животных (на материале Белорусского Поозерья).

Материал и методы. Материалом исследования стали зоонимы исследуемого региона. Общее количество 2154 единицы.

Методика работы представлена совокупностью таких приёмов и методов, как анкетирование, интервьюирование, структурно-семантический, формантный, описательный метод с элементами обобщения и теоретизации, элементы количественной интерпретации полученных данных.

Результаты и их обсуждение. Как правило, в отличие от людей, имеет смысл называть собственным именем далеко не каждое животное. В первую очередь такие имена дают домашним и хозяйственным животным, но могут быть и у животных, которые имеют какую-нибудь значимость для общества («работающие» в цирке, охране, подопытные, дикие), в том числе даже и животных, существование которых пока не доказано (вспоминается знаменитая Несси, гипотетическое животное, живущее в шотландском озере Лох-Несс).

Большую часть проанализированного материала составляют отантропонимные зоонимные единицы. Безусловно, запрет на использование человеческих имён в качестве кличек домашнего животного сложился исторически и уходит своими корнями в глубокое прошлое. До сих пор христианская церковь запрещает давать животному человеческое именование, так как в писании говорится, что грешно называть животных именами священников, которые считаются покровителями человека.

Имя представляет собой слово, которое раскрывает сущность какого-либо явления. Сущность имени раскрывается в первой книге Библии в следующем эпизоде. *«Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привёл их к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым»* (Быт. 2, 19-20). Наречение имени в Библии означает подчинение человеку живого существа, которое становится возможным через знание о нём, открываемое в имени.

Очевидно, что чем большим онтологическим содержанием обладает объект, тем более сложным именем он может быть назван.

Многие респонденты (возраст которых варьировался от **16** до **73** лет, среди опрошенных **1152** женщины и **976** мужчин), принявшие участие в анкетировании, отмечали, что домашние животные, названные именами людей, как правило, меньше живут, часто болеют, проявляют агрессию или апатию.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что широкая распространённость кличек животных, образованных от имён людей, свидетельствует об отходе в наше время от традиций прошлого века. Более того, и в XIX в. антропонимы употреблялись в функции зоонимов, например, **кот Васька** встречается в басне «Кот и повар» И. А. Крылова и романе «Обломов» И. А. Гончарова. Думается, что уже в то время эта кличка оценивалась как типично кошачья.

Мотивационные принципы названий домашних животных, функционирующих на территории Белорусского Поозерья, обуславливают тесную связь зоонимов с другими разрядами ономастической лексики.

В частности, прямой (первичный) перенос транслируется отантропонимными названиями, присвоенными в честь кого-либо: **хозяев** или **друзей** (**собаки** – *Олежка, Алёнка*; **кошки** – *Ирочка, Дарья*; **бык** *Борис*; **корова** *Любка*; **конь** *Мишка*; **шиншилла** *Алеся*; **декоративная крыса** *Фаина*); **поэтов** и **писателей** (**собака** *Лэм*; **кот** *Есенин*); **известных российских и западных артистов** (**собаки** – *Лепс, Лайма*; **декоративный кролик** *Адель*); **исторических деятелей, учёных** (**собаки** – *Адольф, Альгерд, Цезарь*; **кот** *Бенджамин*) и др.; оттопонимными зоонимами (**собаки** – *Енисей, Атланта, Ява, Ялта, Берлин, Крит*; **кошки** и **коты** – *Франция, Валенсия, Дели*; **коровы** – *Калуга, Дунайка*; **быки** – *Амур, Шанхай, Дон, Сантьяго, Марсель, Алтай, Чикаго*; **лошади** – *Мадрид, Орёл, Олимп*) и т.д.; оттеонимные названия (**лошади** – *Зевс, Стрибог*; **кошка** *Афи-*

на; **быки** – *Осирис, Гермес; корова Юнона* т.д.); отзоонимными номинациями (**декоративный кролик Кроля, собака Козлик**) и т.д.

Стоит отметить, что сема «животное» фиксируется в прецедентных названиях персонажей и героев фильмов, мультфильмов, сказок, сериалов, как русских, так и зарубежных. Ср.: *Бонифаций, Котёнок Гав, Котофей Иванович, Цербер, Багира, Тарзан* и др.

Иноязычное происхождение (из английского, немецкого, итальянского и арабского языков) характеризует 27% зоонимов (**собака Ясмин, собака Аскар, кошка Амелия, кот Йохан, хомяк Чарли, декоративный кролик Итало** и др.), собранных нами в результате анкетирования и интервьюирования жителей исследуемого региона. Наличие таких кличек можно объяснить глобализацией информационного пространства.

Вторичный перенос названий мотивирован их отличительными особенностями: цвет шерсти животного или цвет отдельных частей тела (**собака Черноух, кошка Серая шейка, волнистый попугай Желтоклюв, конь Рыжий**); форма тела или отдельных его частей (**корова Пузыня; декоративные кролики – Рулька, Бутуз; хомяк Носик; дегу Круглик; собака Бусинка**); рост животного (**корова Малюта, конь Вавилон, декоративный кролик Кнопочка**); способ поведения и повадки (**коты и кошки – Жулик, Буян, Мурлена; волнистые попугаи – Забава, Копуша, Крикун; корова Брыкуха**); время рождения животного (**коты и кошки – Зимка, Майя, Мартик; коровы – Зимушка, Октябрька, Субботка, Апрелька, Весна, Ночка, Декабринка, Серёдка, Июлька; лошади – Майя, Май, Августа, Южный; декоративные кролики – Марта, Август**); особенности нрава и «умственные способности» животного (**собаки – Тревога, Гром, Ураган, Волк; птицы – Наполеон, Сократ, Цезарь, Смерч; быки – Разум, Буран, Лютый, Казбек; лошади – Молния, Разум, Вулкан, Грозный**) и др.

Интересен тот факт, что при выборе клички для своего домашнего животного жители Белорусского Поозерья руководствуются двумя принципами ассоциативности: *по сходству* (**волнистый попугай Киви** и **фрукт киви** – ярко зелёный окрас; **декоративный кролик Беляш** и **жареный пирожок из теста с мясом беляш** – толстый и круглый) и *по контрасту* (**собака Доллар** (маленькая) и **денежная единица США доллар** (значимая, крупная) и т.д.

Заключение. Отантропонимные (63% от общего количества) и оттопонимные (18% от общего числа) зоонимы являются основными номинативными приоритетами в процессе называния домашних животных жителями Белорусского Поозерья, что объясняется тесной связью этих ономастических разрядов: зоонимия – антропонимия – топонимия.

Выявлено, что зоонимической универсалией исследуемого региона является номинация домашних животных по их внешним признакам. Наибольшее процентное содержание таких названий зарегистрировано в северо-восточном, восточном и центральном регионах Витебской области (г. Витебск, Городок, Лиозно, Дубровно и т.д.).

Работа выполнялась при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

Литература

1. Королёва, И. Н. Использование онимов в процессах апеллиативации (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады, Африки) / И. Н. Королёва. – Саратов, 2003. – 216 с.
2. Серебренников, Б. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / Б. А. Серебренников // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 7–19.
3. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 129–222.

УДК 811.111'373

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ МОРСКОГО ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *хрематоним, порейоним, названия кораблей, наутоним, собственные имена, национально-культурная специфика, онимизация, трансонимизация.*

В статье осуществляется исследование названий морского водного транспорта в семантическом и национально-культурном аспектах. Исследование выявило сходные и отличительные черты английских, русских и сардинских наутонимов. Создана дос- таточно условно классификация названий кораблей. Выделены номинативная, и куль- турно-символическая функции наутонимов.

S.V. Nasakina
Odessa State Agrarian University

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF THE SEA WATER TRANSPORT IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY

Key words: *chrematonym, poreyonym, ships`names, nautonym, proper names, national and cultural specifics ,onymization, transonymization.*

The article deals with the ships`names in the semantic and national and cultural aspects. It is found similarities and differences in the English, Russian and Sardinian ships`names. It is rather nominally created ships` names classification, according to which the following groups are presented. It is eliminated nominative, cultural and symbolic functions of nautonyms.

Названия морского водного транспорта в любой лингвокультуре представляют особый интерес для ономастических исследований, поскольку они являются хранителями исторической и национально-культурной информации. При сопоставлении названий кораблей различных лингвокультур можно обнаружить как сходства, так и различия в языковой картине мира. Однако наблюдается дефицит работ, посвящённых названиям морского водного транспорта в XIX веке. Изучением названий разных типов водного транспорта занимались Н. В. Загребельная, И. И. Ильина, О. И. Милостивая.

Собственное имя корабля в ономастике называется наутоним [1, 249], он является видом порейонима – собственного имени конкретного транспортного средства [1, 151] и подвидом хрематонима – собственного имени творения человека [1, 189]. Материалом для нашего исследования послужили 460 примеров английских, русских и сардинских наутонимов, взятых из газеты «Одесский Вестник» за 1827–1833 годы. Газета с заголовком «Одесский Вестник – Journal d’Odessa» впервые вышла в среду, 5 января 1827 года. Информация первое время была представлена на четырех страничках, на каждой из которой было по две колонки: слева текст на французском языке, а справа – на русском. Инициатором создания «Одесского Вестника» был генерал-губернатор М. С. Воронцов.

В Одессе в период с 1819 по 1858 год действовал режим Порто-Франко, благодаря которому Одесса стала одной из основных торговых зон для Средиземноморской и

Черноморской торговли. Ежедневно прибывали корабли из Австрии, Турции, Греции, Голландии, Неаполитании, Франции, Швеции, Великобритании, Сардинии. Заметим, что Сардинское королевство – это государство, существовавшее в Европе с 1720 по 1861 год; После образования Королевства Италия (1861) бывшее Сардинское королевство составило в нём области Сардиния, Пьемонт, Лигурия. В «Одесском Вестнике» сообщалось, что сардинские суда привозили перец, масло, кремортарар, лимоны, апельсины; английские – камень для мощения улиц, уголь, сахар, кофе; греческие – вино и ладан; голландские – сыры; французские – вино и сахар; австрийские – кофе, табак, масло деревянное; шведские – солёную рыбу и штокфить. Вывозили пшеницу, рожь, перловую крупу, горох, сало, шерсть, воловью кожу, воск, железо в слитках.

По словам основателя Одесской ономастической школы Ю. А. Карпенко, «Собственные имена – это сфера повышенной номинации» [5, 7]. Принципиально важным моментом является то, что наутонимы, передающие своё информационное послание из прошлых эпох, заметно отличаются от наутонимов современного периода, документируя в некоторой степени ход мыслей человека той эпохи и национально-культурную самобытность. Цель статьи – выявить национально-специфические особенности в названиях кораблей, прибывавших в Одесский порт в первой половине XIX века. Рассмотрим же эти собственные имена, принимая во внимание вывод немецкого лингвиста Л.Й.Вайсгербера, согласно которому « в родном языке каждого народа заложено некое миропонимание, и теперь следует добавить, *его* миропонимание в том виде, который оно приобрело сообразно судьбам этого языкового сообщества, его географическому положению и истории, его духовным и внешним условиям» [2, 130].

Наутонимы образуются с помощью процесса онимизации – «перехода апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функций в имя собственное» [7, 91]. и трансонимизации – «перехода онима одного разряда в другой» [7, 138]. Примерами отаппеллятивных наутонимов могут служить следующие названия: сардинский бриг «Пеликан», английская бригантина «Би», «Арабь», российская бригантина «Добрые братья», «Комета». Заметим, что эта группа незначительна. Большую часть наутонимов составляют онимы, полученные в результате трансонимизации.

Названия наутонимов, образованных в результате трансонимизации были условно разделены на 5 групп: 1) наутонимы, образованные от антропонимов; 2) наутонимы, образованные от топонимов; 3) наутонимы, образованные от теонимов; 4) наутонимы, образованные от имён святых, ангелов и архангелов; 5) наутонимы, образованные от мифических и библейских персонажей.

Наблюдения показывают, что высокой номинационной продуктивностью в анализируемом материале обладают антропонимы, поэтому **первая группа** наиболее многочисленная, ведь антропонимы создают определённый образ и служат в некотором роде «паспортом» морского судна, связывая его с человеком, в честь которого он был назван.

Например, английский бриг «Генерал Брок», российский бриг «Генерал Папков», сардинский бриг «Клеопатра». Английский бриг назван в честь лейтенант-губернатора Верхней Канады, участника Наполеоновских войн и Англо-американской войны. Генерал Брок героически погиб в битве на Куинстонских высотах (Queenston Heights), командуя четырехтысячным отрядом, состоящим главным образом из канадских добровольцев против пятидесяти тысяч отряда американцев. Российский бриг назван в честь одного из братьев Папковых. Поскольку имя генерала в наутониме не указано, трудно определить в честь кого бриг был назван. Пётр Афанасьевич Папков – генерал-майор русской армии, участвовал в войне с Наполеоном, получил высшую военную награду Пруссии – орден «Pour le Mérite», а его брат, генерал-майор Поликарп Афанасьевич Папков участвовал в Кавказской войне. Благодаря использованию в названиях бригантин фамилий героических офицеров осуществляется перенос их боевых биографий на

судьбу корабля. Называя корабль в честь египетской царицы Клеопатры, по-видимому, эксплуатируются такие, известные из истории, характеристики царицы, как её красота, ум и мудрость.

Во **второй группе**, а именно в оттопонимических названиях, по мнению И. И. Ильиной, проявляются региональные особенности [4, 23] названий кораблей, что отчётливо видно из нижеприведенных примеров: английские бригантины «Манчестер» и «Ватерлоо», российские бригантины «Таганрог» и «Днепр», сардинский бриг «Италия».

Наутонимы из второй группы встречались, на удивление, редко в нашем исследовании, что существенно отличается от современной эпохи. Можно с уверенностью сказать, что топонимы часто используются в современных названиях кораблей, в отличие от следующей анализируемой группы.

Широкое использование наутонимов, принадлежащих к **третьей группе** в первой половине XIX века, можно объяснить доминированием христианства в качестве государственной религии во всех европейских странах. Например, английский бриг «Микелэ Арканджело» («Архангел Михаил» – прим. Насакина С. В), российский «Св. Евтихий», сардинский «Сан-Джованни Батиста» («Святой Иоанн Креститель» – прим. Насакина С. В).

Заметим, что глава Хмельницкой ономастической школы М. Н. Торчинский считает, что к религионимам – собственным именам, засвидетельствованным в религиозных учениях, необходимо отнести теонимы, ангелонимы и агионимы [8, 101]. Но в нашем исследовании целесообразно рассмотреть ангелонимы и агионимы в одной группе, а героев мифов и библейские имена – в другой.

Теонимы как строевой материал для **четвёртой группы** наутонимов извлекаются из языческого прошлого европейцев, например, английский бриг Венус (Венера – прим. Насакина С. В), российский «Посейдоний», сардинская бригантина «Минерва».

В римской мифологии *Венера* – это богиня красоты и процветания, *Минерва* – богиня мудрости, а *Посейдон* – древнегреческий бог морей. Эти теонимы в качестве названий кораблей служили своего рода символами, связывающими языческое прошлое с существующим настоящим носителей данных лингвокультур.

Одним из источников производящим наутонимы во второй половине XIX века являются имена мифологических и библейских персонажей, которые включены в **пятую группу**. Например, английский бриг «Ахиллес», российский бриг «Иезекиль». *Ахиллес* – один из героев греческих мифов, отправившийся на завоевание Трои, а *Иезекиль* один из четырёх ветхозаветных «великих пророков». Вероятно, избрание имени Ахиллеса связано с тем, что этого героя отличает храбрость и отвага, необходимые черты характера для любого мореплавателя. Относительно имени *Иезекиль*, выскажем предположение, опираясь на тезис В.Н.Михайлова о том, что «известное значение для художественной эффективности собственного имени имеет также *экспрессивность его фонетического строя*, звуковая «изобразительность», создаваемая, напр., повторами слогов, отдельных звуков» [6, 42-43]. Возможно, именно «колоритность звукового строя» данного собственного имени повлияла на выбор его в качестве названия брига.

В заключение отметим, что наутоним в любую историческую эпоху выполняет, по крайней мере две функции: *номинативную и культурно-символическую*. Функция номинации естественна для любого собственного имени. Рассмотренные наутонимы свидетельствуют об их национально-культурной самобытности, характерной для определённого языкового сообщества. Так, если для английских и российских отантропонимных наутонимов характерно использование собственных имён царственных особ, известных генералов, то в названиях сардинских бригантин чаще встречаются фамилии аристократов. В то же время, вполне отчётливо прослеживаются общие тенденции в процессе номинации английского, российского и сардинского морского водного транспорта в первую половину XIX.

Литература

1. Бучко, Д. Г. Словник української ономастичної термінології / Д. Г. Бучко, Н. В. Ткачова. – Х. : Ранок-НТ, 2012. – 256 с.
2. Вайсбергер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсбергер. – Изд.3-е. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 232 с.
3. Загребельная, Н. В. Номинативный аспект лексико-семантического поля «Водное транспортное средство» (на материале англоязычных номинаций круизных лайнеров) / Н. В. Загребельная // Одеський лінгвістичний вісник. – 2016. – № 7. – С.47–50.
4. Ильина, И. И. Лексико-семантическая и структурная характеристика каронимов (на материале названий волжских пароходов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 / И. И. Ильина. – Самара, 1998. – 26 с.
5. Карпенко, Ю. А. Специфика ономастики / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика. Сборник научных трудов. – Одесса : ОГУ, 1984. – С.3–16.
5. Милостивая, О. И. Навионимы как особый класс ономастики на уроках русского языка / О. И. Милостивая // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология». – Том 18 (57). – 2005. – № 2. – С. 228-231.
6. Михайлов, В. Н. Экспрессивные свойства и функции имён в русской литературе / В. Н. Михайлов // Антология поэтонимологической мысли. – Том 1. – Донецк : Юго-Восток, 2008. – С. 32–49.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-изд. – М. : Наука, 1988. – 170 с.
8. Торчинський, М. М. Структура, типологія і функціонування онімної лексики української мови : дис. ... докт. філол. наук: 10.02.01 / М. М.Торчинський. – К., 2010. – 502 с.

А.Н. Соловьёв

Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
e-mail: sancongoalexnat@mail.ru

УДК 811.116.1'373.211.5

НАЗВАНИЯ ОТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Ключевые слова: урбанонимы, эргонимы, названия отелей, нейминг., суггестивные онимы

В статье впервые рассматриваются современные названия отелей в городах Смоленской и Витебской областей. Официальные названия анализируются с учетом семантических групп. В статье предлагается классификация названий отелей.

A.N. Solovyev

Smolensk State Agricultural Academy

HOTEL NAMES IN SMOLENSK AND VITEBSK REGIONS

Key words: urbanonyms, ergonyms, hotel names, naming, suggestive onyms.

This article contains the first discuss of hotel names in Smolensk and Vitebsk regions. We analyze official onyms taking into account their groups. Classification of hotel names is proposed in the article.

Внутригородское урбанонимическое пространство включает в себя не только официальные названия линейных адресных объектов, но и пласт имен, связанных с официальными эргонимами (либо эргоурбонимами). Названия отелей – это немногочисленный, но весьма важный компонент внутригородского онимического пространства. Очень часто знакомство с пространством города начинается именно с этой категории названий. Местные жители могут использовать названия отелей в качестве внутригородского ориентира («Живу рядом с гостиницей «Россия»). Болгарский исследователь Пело Михайлов пишет, что гостиницей является прежде всего «здание (либо комплекс), расположенное в определенном месте, по определенному адресу в конкретном населенном пункте» [1].

Наша статья посвящена анализу названий отелей в городах Витебской и Смоленской областей. В качестве источников мы использовали сайты booking.com [2], tripadvisor.ru [3] и komandirovka.ru [4]. Изучение источников показало, что на конец 2017 года в Витебской области функционировало 58 гостиниц (из них 15 в областном центре), в Смоленской области – 96 гостиниц (из них 55 расположены в Смоленске). При этом помимо собственно отелей, мы рассматривали гостиницы, hostels, гестхаусы. Не включались в данную категорию многочисленные апартаменты, представляющие собой обычные квартиры, которые сдаются посуточно через сайты бронирования. Например, сайт booking.com предлагает 198 вариантов размещения в Витебске и 187 в Смоленске, однако подавляющая их часть не является отелями и не представляет интереса в ономастическом отношении. Названия стандартизованы по схеме «апартамент» или «квартира», «улица», «номер дома» (апартаменты на Космонавтов, 11 – Витебск). При этом возможны ситуации, когда фактическое место заселения будет отличаться от заявленного (например, улица Чехова вместо Космонавтов в Витебске), так что адресная функция подобных названий может быть весьма условна. Отметим, что доля подобных апартаментов в Витебске больше, чем в Смоленске.

Среди названий отелей в исследуемых областях мы можем выделить несколько семантических групп.

В первую очередь мы рассмотрим названия отелей, связанные с топонимами. Их насчитывается 23 (16 в Витебской области, 7 в Смоленской). Наиболее частой (14 онимов, 10 витебских и 4 смоленских) является ситуация, когда название отеля и города совпадают: гостиницы «Орша» (Орша), «Витебск» (Витебск), «Рославль» (Рославль). В крупных и средних городах это, как правило, старая советская гостиница, а название имело дополнительный смысл – «главная» гостиница города. В малых не туристических городах отель лишь один. Такая ситуация в Докшицах, Поставах, Лепеле, Сенно. В Велиже и Чашниках гостиница называется «Гостиница», причем в Велиже она одна. Отель в Новолукомле носит название «Лукомль». В Гагарине есть отель «Гжатск» (по старому топониму). В Демидове, например, оним «Поречье», являющийся старым названием города, в гостиничном бизнесе не используется. Кроме собственно названий города в разных вариациях для названий отелей выбираются и другие топонимы. Чаще всего это гидронимы: «Лучёса» (Витебск), «Двина» (Витебск, Полоцк), «Днепр» (Дорогобуж), «Браславские озера» (Браслав), «Дривяты» (Браслав, по озеру). В Смоленске мы отметили оним «Прага». Названия в честь городов-побратимов были нередки в СССР в 1970–1980-е годы, однако чешская столица не является побратимом Смоленска. Прага – известное туристическое направление. Вероятно, владельцы отеля хотели воссоздать пражскую атмосферу в Смоленске. И в Смоленской, и в Витебской области есть два отеля, названные в честь стран: «Россия» (Смоленск) и «Беларусь» (Новополоцк).

Следующая группа связана с названиями внутригородских объектов. Внутри этой группы выделяются онимы, восходящие к урбанониму и указывающие в первую очередь на место расположения отеля (18 онимов, 6 в Витебской области, 12 в Смолен-

ской): «На Зыгина» (Полоцк), «На Кутузова», «На Большой Краснофлотской», «Шкадовка». (Смоленск), «На Просвещения» (Демидов). Сюда же можно отнести и названия гостиниц, связанных с экклезионимами: «София» (Полоцк), «Соборный двор» (Смоленск). Отметим, что в Смоленске Соборный двор является официальным адресным урбанонимом. Вторая подгруппа восходит к эргонимам и указывает на эргос, то есть на конкретную организацию (15 онимов, 8 витебских, 7 смоленских): «Витязь» (Витебск), «Нафтан» (Новополоцк), УП ЖКХ Коммунальник (Дубровно), СКА (Смоленск), САЭС (Десногорск), «Фабрика» (Рославль). Подобные гостиницы являются, как правило, ведомственными, основной контингент проживающих – командированные; для первой подгруппы однозначно выявить контингент проживающих не представляется возможным.

Еще одна группа названий отелей – суггестивные онимы. Они не связаны с реально существующими топонимами или урбанонимами. Их цель – создать приятное впечатление у потенциального гостя, чтобы побудить его выбрать из вариантов проживания именно данный отель. К этому типу онимов относится примерно 45 % названий отелей в Витебской области и 73 % – в Смоленской области. Как правило, это частные отели, расположенные в крупных городах или туристических центрах. Определяющий фактор появления подобных названий – туристическая привлекательность города и окрестностей, поэтому в крупной Орше мы зафиксировали лишь один такой оним («Гранд-отель»), а в небольшом Браславе к этому типу относятся 5 из 8 названий.

Путешествующие делятся на два типа. Одни хотят в поездке ощущения дома, удобств и даже роскоши. Вторые стремятся к приключениям, новым впечатлениям, экзотике. На территории Витебской и Смоленской областей есть названия отелей и для первой, и для второй категории туристов.

Сначала обратимся к названиям, отсылающим к дому. Здесь часты онимы, связанные с семами «уют» и «тишина». Гостиницы «Уют» существуют в Глубоком и Чашниках, в Витебске расположен хостел «Пять уютных номеров», в Глубоком – «Очаг», в Смоленске – «Усадьба», в Десногорске – «Уютный дом». Тема «тишины» представлена в названиях «Тихое место» (Смоленск), «Дубрава» (Верхнедвинск), «Хуторок» (Вязьма). Вероятно, сюда же можно отнести название смоленского отеля «Медведь». Он расположен в тихом и труднодоступном районе центра Смоленска. Возможно, владельцы отеля хотели создать ассоциацию с медвежьим углом. В названиях двух отелей есть указание на владельца: «Усадьба Якимовича» (Глубокое), «У Михалыча» (Дорогобуж). Мы надеемся, что с домашним уютом связаны названия отелей, восходящие к женским именам: «Кристина», «Медлен» (Смоленск), «Аннушка» (Вязьма). Любителям роскоши и высокого класса обслуживания адресованы названия «5 звезд» (Браслав), «Премьер», «Респект», «Престиж», «Комфорт», «Седьмое небо» (Смоленск), «Корона» (Десногорск). Всего к данному типу относятся 23 онима (8 витебских и 15 смоленских).

Названия отелей, связанные с впечатлениями и приключениями можно классифицировать в зависимости от типа впечатлений. 12 названий (4 витебских и 8 смоленских) отсылают к истории: хостел «1915» (Витебск), «Губерния», «Барин», «Держава», «Семь холмов» (Смоленск), «Терема», «Викинг» (Вязьма). Часть названий полисемична, отели «Барин», «Буржуй» могут ассоциироваться не только с историей, но и с качеством обслуживания («живу, как барин»), «Гостинец» (Демидов) – с уютом и радушием хозяев. 19 названий связаны с экзотическими впечатлениями от поездки. Сюда мы относим все варваризмы, особенно в иноязычном написании: «Sands of Time», «City», «Черри чил», «Бонжур» (Смоленск), «Smart Boutique Hotel» (Витебск), «Brother's» (Сафоново). Подобные названия, видимо, преследуют две цели: привлечение иностранных туристов и создание у соотечественников впечатления присутствия за границей. Любопытно, что и в Смоленской, и в Витебской областях расположены отели с «античными» названиями (4 витебских и 3 смоленских): «Эридан» (Витебск), «Кентавр» (Новополоцк), «Пальми-

ра» (Смоленск), «Амфора» (Вязьма). На изучаемой территории античное наследие отсутствует, но оно ассоциируется и с историей, и с путешествиями, поэтому появляются подобные онимы.

В Витебской области только 4 названия имеют этническую составляющую. Помимо уже упоминавшейся гостиницы «Беларусь» это «Ветразь» (Витебск), «Фальварак» и «Польский дом» (Браслав). Отметим, что в целом названия отелей в Витебской области являются русскоязычными.

7 онимов так или иначе связаны с искусством. В Витебске расположен отель «Золотой Теленок», стилизованный под атмосферу 1920-х годов. Названия смоленских отелей «Дворянское гнездо» и «Покровские ворота» соответственно отсылают к произведению Тургенева и к известному советскому фильму. Последний отель расположен в смоленском районе Покровка, но Покровские ворота в Смоленске отсутствовали. Название произведения «Вечный зов» вдохновило владельцев отеля в Рославле. В Демидове расположена «Усадьба Юрия Никулина»: известный артист родился в Демидове, но его родственники не имеют прямого отношения к усадьбе. Название смоленского отеля «Чаплин» может быть воспринято жителями города как топографическое. В Смоленске существует улица Чаплина, названная так в честь местного советского деятеля. Однако отель находится на другой улице и связан с именем Чарли Чаплина. У гостей Смоленска первая ассоциация обычно отсутствует.

Позволим себе привести несколько странных названий гостиниц. Отель «Баня Хауз» (Смоленск) отсылает не только к идее посещения бани, но и ассоциируется с баухаусом – немецким направлением в искусстве. Смоленский хостел «Философ» расположен рядом с городским кладбищем, что, по видимому, должно настраивать постояльцев на философский лад. Единственная гостиница Рудни носит название «Парадокс», однако не очень ясно, с чем именно парадокс связан.

В заключение отметим, что для Витебской области более характерны названия, связанные с топонимами и эргонимами, в Смоленской области названия отелей чаще имеют исторические и экзотические ассоциации, чаще бывают связаны с искусством, а также с идеей домашнего уюта. Разнообразие онимов в Смоленской области объясняется в том числе значительным количеством частных отелей, появившихся в последние годы.

Литература

1. Михайлов, П. Названия гостиниц – между ономастикой и туризмом / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-onomastics.blogspot.ru/2017/04/blog-post_27.html. – Дата доступа: 27.12.2017.

Источники

2 www.booking.com

3 www.tripadvisor.ru

4 www.komandirovka.ru

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Abramowicz Z.	139	Котович В. В.	103
Бароўка В. Ю.	205	Красина Е. А.	236
Бачинська Г. В.	294	Кривошлыкова Л. В.	239
Бекасова Е. Н.	149	Кураш С. Б.	243
Беценко Т. П.	59	Курс К. Ю.	246
Бияк Н. Я.	152	Лавицкий А. А.	107
Bolesta-Wrona B.	298	Леванцэвіч Л. В.	110
Бубнова Н. В.	156	Лукашанец А. А.	181
Бут-Гусаім С. Ф.	209	Лукина О. А.	113
Вагулька М. А.	4	Максимчук Н. А.	24
Wang Yuhong	202	Марудова А. С.	312
Вардомацкий Л. М.	160	Маслова В. А.	27
Васильева Т. Ю.	62	Мезенко А. М.	31
Васілеўская А. С.	4	Mordań M.	185
Вербовецька О. С.	163	Муратова Е. Ю.	250
Вергун Л. И.	152	Мызников С. А.	115
Вільчинська Т. П.	301	Насакина С. В.	316
Галковская Ю. М.	167	Неганова Г. Д.	64
Ганцовская Н. С.	64	Николаенко С. В.	34
Гарнак В. У.	213	Переход О. Б.	74, 305
Генкин В. М.	70	Петрашко Т. Н.	107
Годуйко Л. А.	74, 305	Печенькова А. А.	121
Горегляд Е. Н.	7	Разумов Р. В.	123
Горицкая О. С.	78	Ратникова И. Э.	38
Grant Smith	260	Романовская А. А.	43
Гушча Н. І.	215	Рябініна І. М.	294
Данилов А. В.	271	Свистун Н. О.	190
Деревяго А. Н.	218	Семянкова Г. К.	127
Дзядова А. С.	221	Синкевич Т. И.	253
Дорофеенко М. Л.	82	Сироткина Т. А.	47
Дулова Ю. В.	309	Скребнёва Т. В.	195
Duszyński-Karabasz H.	10	Слесарева Т. П.	257
Евсеева О. С.	86	Соловьёв А. Н.	319
Журавлёва А. С.	170	Стрельникова Н. Д.	266
Зайцава К. А.	90	Супрун В. И.	273
Зайцева И. П.	225	Тачыла Н. Р.	130
Ільченко І. І.	173	Трофимович Т. Г.	199
Ісачук Н. В.	173	Цветкова Е. В.	281
Кавалёва А. В.	92	Цинкобурова М. Г.	133
Канцавая М. У.	230	Черненко Т. Ю.	51
Капылоў І. Л.	96	Чеснокова О. С.	286
Картавенко В. С.	99	Шеверинова О. В.	289
Климова Л. А.	14	Шур В. В.	54
Копач О. И.	21	Юдзянкова Г. В.	243
Королёва И. А.	177	Якубук Н. Р.	110
Кот М. С.	232		

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Abramowicz Zofia**, докт. филол. н. (хаб.), проф., Uniwersytet w Białymstoku, Polska.
2. **Бароўка Ванда Юльянаўна**, докт. філал. н., праф., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.
3. **Бачинська Галина Василівна**, канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.
4. **Бекасова Елена Николаевна**, докт. филол. н., проф., Оренбургский государственный педагогический университет, Россия.
5. **Беценко Тетяна Петрівна**, докт. філол. н., проф. (Сумський державний педагогічний університет ім. А.С. Макаренка, Україна).
6. **Bolesta-Wrona Bożena**, doktorant, Uniwersytet w Białymstoku, Polska.
7. **Бияк Наталія Яремівна**, канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.
8. **Бубнова Нина Викторовна**, канд. филол. н., доц., Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, Россия.
9. **Бут-Гусаім Святлана Фeadосьеўна**, канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна, Беларусь.
10. **Вардомацкий Леонид Михайлович**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
11. **Васильева Татьяна Юрьевна**, канд. филол. н., доц. Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, Беларусь.
12. **Вагулька Марыя Аляксандраўна**, магістрант, Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Беларусь.
13. **Wang Yuhong**, преп., China University of Petroleum, China.
14. **Васілеўская Алена Станіславаўна**, Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэта імя Максіма Танка, Беларусь.
15. **Вербовецька Оксана Степанівна**, канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.
16. **Вергун Лариса Іванівна**, канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.
17. **Вільчинська Тетяна Пилипівна**, докт. філол. н., проф., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.
18. **Галковская Юлия Михайловна**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
19. **Ганцовская Нина Семеновна**, докт. филол. н., проф., Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.
20. **Гарнак Валерый Уладзіміравіч**, канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Беларусь.
21. **Генкин Владимир Максимович**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
22. **Годуйко Людмила Алексеевна**, канд. филол. н., доц., Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Беларусь.
23. **Горегляд Елена Николаевна**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

24. **Горицкая Ольга Сергеевна**, канд. филол. наук, доц., Минский государственный лингвистический университет.
25. **Гушча Наталля Ігараўна**, аспірант, Мазырскі дзяржаўны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
26. **Данилов Александр Васильевич**, канд. филол. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
27. **Деревяго Анна Николаевна**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
28. **Дзядова Алена Сяргеёўна**, канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.
29. **Дорофеевко Марина Леонидовна**, канд. филол. н. доц. Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
30. **Дулова Юлия Владимировна**, аспирант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
31. **Duszyński-Karabasz Henryk**, doktor, adiunkt, Uniwersytet Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz, Polska.
32. **Евсеева Ольга Сергеевна**, канд. филол. н., зам. директора по УВР, МБОУ Заборьевская СШ Демидовского района Смоленской области, Россия.
33. **Журавлёва Анна Сергеевна (Zhurauliova Hanna)**, канд. филол. н., преп., Université de Lille, France.
34. **Зайцава Кацярына Аляксандраўна**, магістр філал. н., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.
35. **Зайцева Ирина Павловна**, докт. филол. наук, проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
36. **Ільченко Ірина Іванівна**, канд. філал. н., доц., Запорізький національний університет, Україна.
37. **Ісачук Настасія Вікторівна**, магістрант, Запорізький національний університет, Україна.
38. **Кавалёва Алена Валер'еўна**, канд. філал. н., дац., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
39. **Канцавая Марыя Уладзіміраўна**, аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
40. **Капылоў Ігар Лявонавіч**, канд. філал. н., дац., Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Беларусь.
41. **Картавенко Вера Сергеевна**, докт. филол. н., доц., Смоленский государственный университет, Россия.
42. **Климкова Людмила Алексеевна**, докт. филол. н., проф., Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Россия.
43. **Копач Олег Игоревич**, канд. филол. н., доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.
44. **Королёва Инна Александровна**, докт. филол. н., проф., Смоленский государственный университет, Россия.
45. **Кот Мікалай Сцяпанавіч**, аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
46. **Котович Вира Васильевна**, канд. филол. н., доц., Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Украина.
47. **Красина Елена Александровна**, докт. филол. н., проф., Российский университет дружбы народов, Россия.
48. **Кривошлыкова Людмила Владимировна**, канд. филол. н., доц., Российский университет дружбы народов, Россия.

49. **Кураш Сяргей Баніфацьевія**, канд. філал. н., дац., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
50. **Курс Ксения Юрьевна**, канд. филол. н., Военная академия войсковой противоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, Россия.
51. **Лавицкий Антон Алексеевич**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
52. **Леванцэвіч Лена Васільеўна**, канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна, Беларусь.
53. **Лукашанец Аляксандр Аляксандравіч**, акадэмік НАН Беларусі, докт., філал. н., праф., ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры” Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Беларусь.
54. **Лукина Ольга Анатольевна**, канд. филол. н., доц., Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Беларусь.
55. **Максимчук Нина Алексеевна**, докт. филол. н., проф., Смоленский государственный университет, Россия.
56. **Марудова Анна Сергеевна**, преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
57. **Маслова Валентина Авраамовна**, докт. филол. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
58. **Мезенко Анна Михайловна**, докт. филол. н., проф., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
59. **Mordań Michał**, magistr, Uniwersytet w Białymstoku, Polska.
60. **Муратова Елена Юрьевна**, докт. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
61. **Мызников Сергей Алексеевич**, член-кор. РАН, докт. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Россия.
62. **Насакина Светлана Викторовна**, канд. филол. н., доц., Одесский государственный аграрный университет, Украина.
63. **Неганова Галина Дмитриевна**, канд. культуролог., Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.
64. **Николаенко Сергей Владимирович**, докт. пед. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
65. **Переход Ольга Борисовна**, канд. филол. н., доц., Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.
66. **Петрашко Татьяна Николаевна**, старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
67. **Печенькова Анастасия Александровна**, магистрант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.
68. **Разумов Роман Викторович**, канд. филол. н., доц., Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия.
69. **Ратникова Ирина Энгелевна**, докт. филол. н., проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.
70. **Романовская Алла Алексеевна**, докт. фил. н., доц., Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.
71. **Рябініна Ірина Миколаївна**, канд. філол. н., доц., Донбаський державний педагогічний університет, Україна.
72. **Свистун Ніна Олександрівна**, канд. філол. н., доц., Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, Україна.

73. **Семянькова Галіна Канстанцінаўна**, канд. філал. н., дац., Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.
74. **Синкевич Татъяна Івановна**, старшій прэподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
75. **Сироткина Татъяна Александровна**, докт. филол. н., доц., Сургутский государственный педагогический университет, Россия.
76. **Скребнёва Татъяна Владимировна**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
77. **Слесарева Татъяна Петровна**, канд. филол. н., доц., Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
78. **Grant Smith**, докт. филол. н., проф., Университет Восточного Вашингтона, США / Eastern Washington University, USA)
79. **Соловьёв Алексей Николаевич**, канд. филол. н., доц., Смоленский государственный университет, Россия.
80. **Стрельникова Наталия Данииловна**, канд. филол. н., доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, Россия.
81. **Супрун Василий Иванович**, докт. филол. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия.
82. **Тачыла Наталля Рыгораўна**, аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
83. **Трофимович Тамара Григорьевна**, докт. филол. н., проф., Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.
84. **Цветкова Елена Вячеславовна**, канд. филол. н., доц., Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Россия.
85. **Цинкобурова Мария Георгиевна**, канд. геол.-минерал. н., доц. Санкт-Петербургский горный университет, Россия.
86. **Черненко Тетяна Юрїївна**, аспірант, Житомирський державний університет імені Івана Франка, Україна.
87. **Чеснокова Ольга Станиславовна**, докт. филол. н., проф., Российский университет дружбы народов, Россия.
88. **Шеверинова Ольга Валерьевна**, старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.
89. **Шур Васіль Васільевіч**, докт., філал. н., праф., Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
90. **Юдзянкова Ганна Віктараўна**, канд. філал. навук, Мазырскі дзяржаўны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.
91. **Якубук Наталля Раманаўна**, канд. філал. н., дац., Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.

Научное издание

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных статей

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 01.03.2018. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 19,07. Уч.-изд. л. 23,19. Тираж 112 экз. Заказ 36.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.